

НА ПУТИ В МОСКВУ

А. В. Кузьмин

НА ПУТИ В МОСКВУ

Очерки генеалогии военно-служилой

знати Северо-Восточной Руси

в XIII — середине XV в.

ТОМ I

А. В. Кузьмин

ТОМ
I

STUDIA HISTORICA

S T U D I A   H I S T O R I C A

А. В. Кузьмин

НА ПУТИ В МОСКВУ

Очерки генеалогии
военно-служилой знати
Северо-Восточной Руси
в XIII — середине XV в.

ТОМ I

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2014

УДК 94(47)

ББК 63.3

К 89

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

*Ответственный редактор:
Доктор исторических наук Н. А. Соболева*

*Рецензенты:
Доктор исторических наук К. А. Аверьянов
Кандидат исторических наук Б. Н. Морозов*

Кузьмин А. В.

К 89 На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. I. — М.: Рукописные памятники древней Руси, 2014. — 336 с. — (Studia historica).

ISBN 978-5-9551-0541-3

Книга ведущего научного сотрудника НИО книги и чтения ФГБУ «Российская государственная библиотека» А. В. Кузьмина, автора ряда исследований по истории Восточной Европы X—XVII вв., посвящена исследованию такой недостаточно изученной в современной историографии проблеме как генеалогия военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — первой половине XV в. Привлекая широкий круг письменных и материальных источников XIV—XVIII вв., автор проводит анализ эволюции за это время родословной памяти титулованных и нетитулованных военно-служилых фамилий, происходивших как из числа столичной, так и региональной политической элиты Северо-Восточной Руси, сопредельных с ней княжеств и земель. Благодаря этому ему удается реконструировать генеалогии нескольких десятков военно-служилых родов, выяснить причины трансформации их родовой памяти в конце XV—XVII вв., которая по-своему объясняла время, обстоятельства и выезд знатных лиц на службу в Москву.

Выясняются причины и механизмы перехода представителей политической элиты и военной знати средневековой Руси на службу в Московское и Тверское великие княжения, изменение их социального статуса в XIII — первой половине XV в. Впервые устанавливаются, либо значительно уточняются происхождение, персональный состав, семейные связи между представителями военно-служилых родов и русского духовенства, традиции поминания ими своих предков.

Первый том книги посвящен исследованию происхождения князей и причинам утраты ими титула при переходе на службу в Москву в XIV — начале XV в., генеалогии военно-служилой знати Московского, Ростовского и Тверского княжений в XIII — первой половине XV в.

Для специалистов-историков, источниковедов и генеалогов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей нашего отечества.

На обложке использована миниатюра «Святой Феодор Стратилат»

Источник: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси.

Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв.

М.: Искусство, 1980. № 10 (Рукопись ЯИАМЗ. № 15718. Л. 1 об.)

ISBN 978-5-9551-0541-3

ББК 63.3

© Кузьмин А. В., 2014

© Рукописные памятники древней Руси, 2014

*Посвящается моим родителям
Валентину Степановичу
и Марине Андреевне*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава 1. Служилые фамилии, утратившие княжеский титул	59
§ 1. Рюриковичи, утратившие княжеский титул.....	—
§ 1.1. Всеволожи, Туриковы и Заболоцкие — потомки правителей Смоленска	64
§ 1.2.1. Волынские и Вороны — потомки волынских князей?	86
§ 1.2.2. Князья Кориатовичи	89
§ 1.2.3. Князь Дмитрий Алибуртович	106
§ 1.2.4. Князь Дмитрий Михайлович Боброк Волынский и род князей Острожских-Волынских в Великом княжестве Литовском	107
§ 1.2.5. Князь Д. М. Боброк Волынский в Москве	122
§ 1.2.6. Князь Д. М. Боброк Волынский и проблема поиска основателя Коломенского Бобренева монастыря	124
§ 1.2.7. Владения семьи князя Д. М. Боброка Волынского	130
§ 1.2.8. Волынские и Вороны в конце XIV — первой половине XV в.	131
§ 1.3. Липятины	137
§ 1.4. Порховские и Кузьмины	151
§ 1.5.1. Князь Иван Федорович Шонур Козельский и его дети ...	172
§ 1.5.2. Шонуровы	189
§ 1.5.3. Сатины	191
Глава 2. Боярство Ростовского княжества	198
§ 2. Боярство Ростовского княжества в конце XII–XIII в.	—
§ 2.1. Род ордынского царевича Петра	204
§ 2.2. Род Петра Васильевича	209
§ 2.3. Род Юрия Протопопина	212
§ 2.4. Род Кирилла и Сергия Радонежских	214
§ 2.5. Тормосовы	220
§ 2.6. Дюденовы	221
§ 2.7. Род тысяцкого Протасия (Вельямина)	223

§ 2.8.	Род тысяцкого Аверкия Дмитриевича	225
§ 2.9.	Зворыкины	228
§ 2.10.	Долгово-Сабуровы	229
§ 2.11.	Ярославовы	230
§ 2.12.	Род Кирилла Белозерского	233
§ 2.13.	Лихаревы	235
§ 2.14.	Лаптевы	238
§ 2.15.	Монастыревы	240

Глава 3. Боярство Тверского великого княжества 251

§ 3.	Тверское боярство	—
§ 3.1.	Бороздины	252
§ 3.2.	Род Олферия Жидиславича	263
§ 3.3.	Коробовы, Киндыревы, Измайловы, Спячие и Бабкины	264
§ 3.4.	Ивор Чапонос	272
§ 3.5.	Род Дмитрия Ейковича	276
§ 3.6.	Кербет	277
§ 3.7.	Явидовичи	279
§ 3.8.	Воробьевы	282
§ 3.9.	Ратшичи	284
§ 3.10.	Никифор Лыч	290
§ 3.11.	Левашовы	—
§ 3.12.	Нашокины, Ветреные, Нагие и Собакины	305
§ 3.13.	Семен Яма	312
§ 3.14.	Скудины	313
§ 3.15.	Бибиковы и Якимовы	314
§ 3.16.	Кореевы	318
§ 3.17.	Федор Гурлень	322
§ 3.18.	Ельчины	—

Список сокращений 330

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в российском обществе усилился интерес к отечественной генеалогии в целом, и начальному периоду складывания военно-служилого сословия, сыгравшего в период политической раздробленности страны важную роль в процессе складывания Московского великого княжества. Историки все чаще обращают внимание на их ключевые аспекты. К числу важнейших среди них по праву относится военно-служилая знать — прежде всего, история ее формирования, развития, персональный состав и его изменчивость в различные периоды существования государства. Изучение этих вопросов приобретает особое значение применительно к периоду складывания Московского великого княжества — государства, которому в XIV — первой четверти XVI в. будет суждено объединить разрозненные русские земли — в первую очередь, Северо-Восточной Руси — в рамках единого политического целого. В российской и зарубежной историографии уже справедливо отмечалось, что его создание было заслугой не только московских князей. Важную роль в этом процессе также сыграли светские и духовные лица из числа их ближнего окружения. Деятельность и происхождение этих людей и их семей, в отличие от потомков Даниила Александровича, младшего сына великого князя Александра Ярославича Невского, изучались меньше. Формированию, генеалогии и деятельности региональной военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — первой половины XV в. посвящено настоящее исследование.

История изучения в России ее титулованной и нетитулованной знати фактически началась с трудов В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера, но важным импульсом для нее стало издание Н. И. Новиковым в конце XVIII в. двух списков Успенского синодика, Бархатной книги, важнейших актовых источников, свадебных разрядов и некоторых летописей. В XIX в. его начинания в издании источников продолжили члены кружка графа Н. П. Румянцева, Московского Общества истории и древностей российских, Археографической комиссии АН и других научных организаций¹. Обращение к генеалогии военно-служилой знати Руси и русского дворянства и ее

---

¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги... М., 1787. Ч. 1—2 (далее — БК); ДРВ. 2-е изд. М., 1788—1791. Ч. 1—20; СГТД. М., 1813—1828. Ч. 1—4; М., 1894. Ч. 5; Псковская летопись, изданная на иждивении ОИДР, при Московском Университете, М. [П.] Погодиным. М., 1837; Родословная книга [по трем спискам] // ВОИДР. М., 1851. Кн. 10. Отд. 2. С. 1—286; *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1964—1965. Т. 4—5; *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. М., 1996; и др.

источникам характерно для трудов Ювеналия (Воейкова), М. Г. Спиридова, Н. М. Карамзина, князя П. В. Долгорукова, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, М. А. Коркунова, Н. Д. Квашнина-Самарина, Н. П. Загоскина, М. Т. Яблочкова, В. О. Ключевского и других². На примере сопоставления разных редакций и списков родословий московских великих и удельных князей И. П. Сахаров еще в 1851 г. показал, что для восстановления лучших чтений необходимо их тщательное текстологическое сравнение³.

Научные методы критической оценки достоверности и интерпретации сведений источников по генеалогии средневековой знати Руси и допетровской России были разработаны во время деятельности Русского Генеалогического Общества в Санкт-Петербурге, Историко-Родословного Общества в Москве, ученых архивных комиссий на местах. Большую роль в этом сыграли А. П. Барсуков, Н. А. фон Баумгартен, П. Г. Васенко, Г. А. Власьев, Н. Н. Кашкин, Д. Ф. Кобеко, князь А. Б. Лобанов-Ростовский, Н. В. Мятлев, В. В. Руммель, Л. М. Савёлов, И. П. Сахаров, Н. Н. Селифонтов, А. В. Экземплярский, А. И. Юшков и, конечно же, Н. П. Лихачев⁴.

² *Ювеналий (Воейков)*, изум. Поколенная роспись, или Родословная благородных дворян Воейковых. М., 1789; *Он же*. Историческое родословие благородных дворян Воейковых. М., 1792; *Он же*. Родословие благородных дворян Казаковых. М., 1792; *Он же*. Родословие благородных дворян Кропотовых и Дуровых. М., 1792; *Он же*. Родословие благородных дворян Чичериных. М., 1792; *Он же*. Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Лопухиных. М., 1796; *Он же*. Краткое историческое родословие благородных дворян Приклонских. М., 1796; *Он же*. Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Сабуровых, в удовольствие оной знаменитой фамилии. М., 1797; *Он же*. Краткое родословное показание ныне здравствующих дворянских фамилий Лопухиных, Вольнских, Воейковых, Булгаковых, Коробановых, Кропотовых, Казаковых, Макаровых, Приклонских и Сабуровых. М., 1798; *Спиридов М. Г.* Российский родословный словарь. М., 1793—1794; *Погодин М. П.* О наследственности древних санов в период времени от 1054 до 1240 г. // АИЮС. 1850. Кн. 1. Отд. 1. С. 73—96; *Долгоруков П. [В.]* Российская родословная книга. СПб., 1854—1857. Ч. 1—4; *Коркунов М. А.* Памятники XV в.: Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболошким // Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1857. С. 187—211; *Квашнин-Самарин Н. Д.* По поводу Любецкого синодика // ЧОИДР, 1873 г. 1874. Кн. 4. Отд. 5. С. 213—226; *Он же*. Исследование об истории княжеств Фоминского и Ржевского. Тверь, 1887; *Загоскин Н. П.* Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875; *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876; *Соловьев С. М.* Соч. М., 1988. Кн. 2. Т. 3—4; *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5; и др.

³ *Сахаров И. П.* Московские удельные князья по родословным книгам // Записки Отделения русской и славянской археологии Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. Отд. 1. С. 158—169.

⁴ *Барсуков А. [П.]* Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887; *Он же*. Род Шереметевых. СПб., 1891. Кн. 1; *Кобеко Д. Ф.* О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии. СПб., 1887; *Он же*. К родословию Шереметевых // ЖМНП. 1901. № 10. С. 373—395, № 11. С. 179—184; 1904. № 6. С. 335—341; *Он же*. Вторая поправка родословия Шереметевых. СПб., 1904; *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886—1887. Т. 1—2; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889—1891. Т. 1—2; *Селифонтов Н. Н.* Родословная Селифонтовых и Румянцевых. СПб., 1890; *Он же*.

Н. П. Лихачеву принадлежит важная заслуга в проведении текстологического анализа, позволившего выделить из Бархатной книги 1688 г. текст Государева родословца 1555 г.⁵ Ему также удалось определить первоначальный состав глав Государева родословца и прямое влияние на его создание окольничего А. Ф. Адашева-Ольгова. Н. П. Лихачев установил определяющее значение текстов Государева родословца и Бархатной книги при переписке, редактировании и дополнении списков частных редакций родословных книг и отдельных росписей в XVI—XVIII вв.⁶ Многие из наблюдений Н. П. Лихачева над родословцами позднее были дополнены и уточнены С. Б. Веселовским, М. Е. Бычковой, Б. Н. Морозовым, князем Д. М. Шаховским и А. В. Антоновым⁷.

Важное значение для понимания, какие виды письменных источников следует привлекать для изучения генеалогии знати Северо-Восточной Руси, имеют публикации А. А. Титова, который, наряду с И. П. Сахаровым, К. Н. Тихонравовым, архимандритом Леонидом (Кавелиным) и Н. П. Лихачевым, указывал на актуальность и необходимость ввода в научный оборот таких мало привлекаемых видов источников, как синодики русских собо-

---

Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. СПб., 1901. Ч. 1; 1898. Ч. 2; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1—2; *Юшков А. [И.]* [Предисловие] // Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1. С. 1—XV; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906—1907. Т. 1. Ч. 1—3; *Он же.* Род Волынских. СПб., 1911; *Савёлов Л. М.* Родословные записи. М., 1906—1909. Вып. 1—3; *Он же.* Лекции по русской генеалогии. М., 1994; *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная Книга 7059—1550 г. Орел, 1911; *Кашкин Н. Н.* Родословные разведки. СПб., 1912—1913. Т. 1—2; *Он же.* О роде Кашкиных. СПб., 1913; *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича. СПб., 1913; *Baumgarten N. [A.]* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle. Roma, 1927; *Idem.* Généalogie des branches régnantes de Rurikides du XII-e au XVI-e siècle. Roma, 1934; и др. Подробнее библиографию работ по генеалогии, вышедших в XVIII — начале XX в., например, см.: *Савёлов Л. М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Острогжск, 1898; Российское дворянство: История. генеалогия. геральдика. М., 1997; и др.

⁵ До Н. П. Лихачева, основываясь на сведениях источников, о связи Государева родословца с Бархатной книгой уже писал А. П. Барсуков. Однако при этом исследователь не проводил критическую проверку их достоверности (*Барсуков А. [П.]* Обзор источников и литературы русского родословия. С. 4—5).

⁶ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; *Он же.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897; *Он же.* Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900; и др.

⁷ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 7—26; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; *Она же.* Легенды московских бояр. М., 1997; *Она же.* Русско-литовская знать XV—XVII вв. М., 2012. С. 73—131, 148—173, 268—317, 329—344; *Морозов Б. Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 70—98; *Он же.* Родословная книга XVII в. в семейном собрании Бутурлиных // ЛИРО. 1994. Вып. 2 (46). С. 74—78; *Schachovskoy D.* Heuristique et généalogie de la noblesse russe // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. № 1/2. P. 267—276; *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996; *Он же.* Предисловие // ПИРСС. 2011. С. 3—5; и др.

ров и монастырей, их вкладные и кормовые книги⁸. Опираясь на богатый опыт своих предшественников и коллег, С. Б. Веселовский смог определить и охарактеризовать круг основных источников по генеалогии знати Северо-Восточной Руси, создать на их основе 28 очерков, посвященных старомосковским родам (преимущественно нетитулованным)⁹.

Помимо С. Б. Веселовского и Л. М. Савёлова большую роль в систематизации и изучении документов прошлого по истории служилых и духовных корпораций, действовавших в различных регионах Северо-Восточной Руси XIII—XV вв., сыграли исследования и публикации источников, предпринятые Ю. Г. Алексеевым, Г. Алефом, А. В. Антоновым, О. П. Бакусом, К. В. Барановым, В. И. Бугановым, М. Е. Бычковой, И. А. Голубцовым, А. А. Зиминным, Л. И. Ивиной, С. М. Каштановым, С. Н. Кистеревым, Б. М. Клоссом, Э. Ключом, В. Б. Кобриным, Н. Ш. Коллманн, С. В. Коневым, А. И. Копаневым, В. А. Кучкиным, Я. С. Лурье, А. В. Маштафаровым, Б. Н. Морозовым, В. Д. Назаровым, А. И. Плигузовым, Г. Рюссом, Б. Н. Флорей, А. Л. Хорошкевич, Л. В. Черепниным, С. З. Черновым и другими исследователями¹⁰.

⁸ Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русской и славянской археологии Археологического общества. Т. 1. Отд. 3. С. 46—139; Тихонравов К. Н. Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1864. Вып. 3. Стб. 338—369; Он же. Синодик и родительский Летописец Строгановых // ЧОИДР. 1881. Кн. 1. Отд. 5. С. 1—23; Леонид (Кавелин), иером. Церк.-ист. описание упраздненных мон-рей, находящихся в пределах Калужской епархии // Там же. 1863. Кн. 1. Отд. 1. С. 1—170; Леонид (Кавелин), архим. Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга // Там же. 1878. Кн. 3. Отд. 3. С. 1—38; Он же. Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря. СПб., 1883. С. 3—32; Он же. Кормовая (Вкладная) книга Троице-Сергиевой лавры XVI в. // Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1890. [Приложение VI], С. 45—64; Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII ст. Ярославль, 1881; Он же. Вкладные и кормовые книги монастырские // Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 6: С. 619; Он же. Синодик Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. М., 1895; Он же. Вкладная книга Нижегородского Печерского мон-ря // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. 1. С. I—VIII, 1—93; Он же. Синодики XVII в. Переславского Горицкого мон-ря. М., 1902; Он же. Синодики XVII и XVIII вв. Ростовского Успенского собора. Ростов Великий, 1903; Он же. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского мон-ря XVI в. // Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 1—115; Добрынин Н. Памятники древней письменности Спасского мон-ря в г. Муроме: (Линцевой синодик и вкладная книга). Владимир, 1892; Лихачев Н. П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. СПб., 1900. Подробнее библиографию вышедших работ, например, см.: Савёлов Л. М. Библиографический указатель... С. 12, 14, 19, 25, 28, 30, 33, 40, 42—43, 49; Левицкая Н. В. Синодики-помянники в русской историографии XIX—XX вв. // ИКРЗ, 1992 г. 1993. С. 112—118; Кузьмин А. В., Стрельников С. В. Вкладные книги // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 616—617; и др.

⁹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 1—2; Он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев; и др.

¹⁰ Черепнин Л. В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. // ИЗ. 1940. Т. 9. С. 31—80; Он же. Русские феодальные архивы XIV—XVI вв. М.; Л., 1948—1951. Ч. 1—2; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951; АСЭИ. 1952—1964. Т. 1—3 [Комментарии С. Б. Веселовского и И. А. Голубцова]; Backus O. P. Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514.

Тем не менее стоит отметить, что в историографии изучение истории и генеалогии древнерусской военно-служилой знати до недавнего времени носило характер исследования преимущественно того слоя семей, которые издревле находились на службе у правителей Владимирского и Московского великих княжеств. При этом происхождение и судьба военно-служилой знати и других социальных групп населения остальных княжеств-государств Северо-Восточной Руси и «выезжих» родов как правило рассматривалась выборочно¹. Правящая

Lawrence, 1957; Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.; Л., 1966; Он же. У кормила Российского государства. СПб., 1998; Alef G. Reflections on the Boyar Duma in the Reign of Ivan III // SEER. Vol. 45. 1967. № 104. P. 76—123; Idem. Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the Late Fifteenth and Early Sixteenth centuries // FOG. 1980. Bd 27. S. 77—109; Капшанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970; Он же. Из истории русского средневекового источника: (акты X—XVI вв.). М., 1996; Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // ИЗ. 1974. Т. 94. С. 365—384; Он же. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974; Он же. Договорные грамоты московских князей XIV в. М., 2003; Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства: (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 281—290; Он же. Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России // Сословия и государственная власть в России. М., 1994. Ч. 2. С. 158—164; Лурье Я. С. Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварчевском летописце // ПКО. 1977 г. 1977. С. 7—11; Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Л., 1979; Она же. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985; Она же. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV — первой трети XVII в.: (на примере Угличской земли) // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 354—367; Kollmann N. S. The boyar clan and court politics: the founding of the Muscovite political system // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1982. Vol. 23. № 1. P. 5—31; Idem. Kinship and Politics. Stanford, 1987; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986; Она же. Легенды московских бояр; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; Конев С. В. Синодиколия. Ч. 1 // Историческая генеалогия. 1992. Вып. 1. С. 7—15; Он же. Синодиколия. Ч. 2 // Там же. 1995. Вып. 6. С. 95—106; Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуновых с уникальными известиями XIV—XV вв. // Там же. 1993. Вып. 2. С. 42—43; 1994. Вып. 4. С. 14—19; Клюг Э. Княжество Тверское: (1247—1485 гг.). Тверь, 1994; Хорошкевич А. Л. Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях владимирских» в Медоварчевском сборнике // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 56—89; Russ H. Herren und Diener. Köln; Weimar; Wien, 1994; Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995; Он же. Опричнина: Генеалогия. Антропонимика. М., 2008; Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. М., 1998; Он же. Землевание волости Бели Радонежского удела // ОФР. 2000. Вып. 4. С. 20—70; Он же. Структуры землевание Великого Московского княжества в XIV—XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований. М., 2005; Клосс Б. М. Избр. труды. М., 1998—2001. Т. 1—2; Назаров В. Д. Акты XV в. из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 3—21; Он же. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III: Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 180—189; и др.

¹ Обзор историографической ситуации в XX в. подробнее см.: Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической науке // ВИД. 1976. Вып. 7. С. 43—56; Она же. Некоторые

элита и служилые корпорации московских уделов¹², Твери¹³, Ростова¹⁴,

задачи генеалогического исследования // Там же. 1983. Вып. 14. С. 3—22; Кобрин В. Б. Перспективы развития генеалогических исследований // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 23—34; и др.

¹² Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. // ВИД. 1973. Вып. 5. С. 182—195; Он же. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 161—188; Он же. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975. С. 46—62; Он же. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. Боярин Радонежского удела В. Б. Копнин и его род в XV в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2002. Вып. 3. С. 26—73; Он же. Закладные кабалы 1485 г. князей Кривоборских и Стародубских // Ad fontem. М., 2005. С. 270—275; Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве: (вторая половина XV — начало XVII в.) // ИСССР. 1977. № 5. С. 145—160; Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Л., 1979; Kollmann N. S. The boyar clan and court politics: the founding of the Muscovite political system // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1982. Vol. 23. № 1. P. 5—31; Шилов В. В. Новый документ о монастырском землевладении в годы опричнины // АЕ за 1982 г. 1983. С. 90—95; Киселев И. А., Крапивин С. В. Землевладение «московских чинов» в Боровском уезде в XVII в. // Реализм исторического мышления. М., 1991. С. 116—117; Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. М., 1992; Чернов С. З. Род Кутузовых и его землевладение на Волоке Ламском в XV—XVI вв. // ИГ. 1994. Вып. 4. С. 49—59; Он же. Волок Ламский в XIV — начале XVI в. // АРИ. 1994. Вып. 4. С. 51—102; Он же. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. М., 1998; Дворников А. С. К вопросу об эволюции землевладения в центральной части Бежецкого Верху в XV в. // ННЗ. 1996. Вып. 10. С. 207—215; Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова // РД. 2000. Вып. 6. С. 17—24; Грязнов А. Л. Князья Шелешпанские в XV—XVII вв. // Белозерье. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 93—117; Он же. Двор Верейско-Белозерских князей в 1389—1486 гг. // Кириллов. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 24—51; Гневашев Д. Е. Белозерский род Гневашевых-Стогининых в XV—XVII вв. // Там же. С. 52—67; Митрошенкова Л. В. Малоярославский уезд в конце XV—XVIII вв. М., 2004. С. 5—86; Бенцианов М. М. На удельной службе // Россия и мир. Екатеринбург, 2008. С. 505—521; Он же. Служилые люди князя Юрия Дмитровского // ДРВМ. 2010. № 2 (40). С. 41—55, № 3 (41). С. 55—68; и др.

¹³ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 221—228; Зимин А. А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 160—173; Он же. Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. // ИСССР. 1973. № 3. С. 124—134; Он же. Формирование боярской аристократии в России... С. 260—270; Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 281—290; Кистерев С. Н. Документы частного архива служилых людей первой половины XVII в. // АРИ. 1992. Вып. 1. С. 112—121; Маистафаров А. В. Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 г. // РД. 1997. Вып. 1. С. 25—37; Он же. Кашинский Сретенский монастырь в документах XV — начала XVII в. // Там же. 1998. Вып. 3. С. 45—61; Антонов А. В. Клинические акты XV—XVI вв. // Там же. 1998. Вып. 4. С. 53—110; Попов С. Н. Тверская знать на московской государственной службе в конце XV — первой половине XVI в. СПб., 2006; Зинько М. А. Вотчина князя В. А. Миклулинского (1530-е — начало 1540-х гг.) // Вестник МГУ. Сер. 8. 2011. № 3. С. 3—11; Она же. Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV — середине XVI вв. М., 2012; и др.

¹⁴ Зимин А. А. Суздальские и ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в. // ВИД. 1976. Т. 7. С. 56, 64—69; Он же. Удельные князья и их дворы во вто-

Суздаля¹⁵, Переяславля-Залесского¹⁶, Юрьева-Польского¹⁷, Ярославля

рой половине XV и первой половине XVI в. С. 173—174; Баранов К. В. Ростовские предки опричника // ИКРЗ, 1993 г. 1994. С. 80—85; Он же. Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам // СРМ. 1998. Т. 9. С. 31—44; Кадик В. А. Ростовский род Мещериновых в XVI—XVII вв. // АРИ. 1995. Вып. 6. С. 196—205; Пересветов-Мурад А. И. Из Ростова в Ингерманландию // НИС. 1999. Вып. 7 (17). С. 366—378; Стрельников С. В. Ростовский Борисоглебский монастырь и его вкладчики в XV — первой трети XVII в. // Русская религиозность. СПб., 2000. С. 102—114; Он же. О землевладении ростовских князей на территории Ростовского уезда в XV — первой трети XVII в. // ИКРЗ, 1999 г. 2000. С. 18—26; Мельник А. Г. Икона круга Дионисия в собрании Ростовского музея // Ферапонтовский сборник. М., 2002. Сб. 6. С. 167—174; Он же. Московский великокняжеский дьяк Данило Мамырев // ДРВМ. 2006. № 2. С. 61—69; Шибаев М. А. Дьяк Василий Мамырев — московский книжник второй половины XV в. // Книга в России. М., 2006. Сб. 1. С. 9—14; то же // Российское дворянство (XII — начало XX вв.). СПб., 2008. С. 14—18; Корзинин А. Л. Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV — начале XVI в.: причины утраты знатью новгородских земель // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. СПб., 2006. Т. 1. С. 398—403, 409; Мартынюк А. В. Лихие люди Московской Руси // Российские и славянские исследования. Минск, 2008. Вып. 3. С. 152—156; и др.

¹⁵ Фомин Н. К. Писцовые книги Суздальского уезда 20-х гг. XVII в., как источник по истории землевладения. М., 1969; Он же. Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 89—94; Зимин А. А. Суздальские и ростовские князья во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 56—64; Кучкин В. А., Флоря Б. Н. О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 191—217; Седова М. В., Курганова Н. М. Три случайные находки печатей XV в. в Суздале // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 257—264; Назаров В. Д. Акты XV в. из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // РД. 1998. Вып. 4. С. 3—21; Он же. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV в. // АРИ. Вып. 7. С. 34—82; Пудалов Б. М. Нижегородское Поволжье в первой трети XV в. // Городецкие чтения. Городец, 2000. Вып. 3. С. 97—102; Корзинин А. Л. Суздальская знать и ее роль в управлении Русским государством во второй половине XV — начале XVI в. СПб., 2003; Чеченков П. В. Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в. Н. Новгород, 2004; Он же. Нижегородский край в составе Российского государства в XV — третьей четверти XVI в.: проблемы интеграции. М., 2005; Мартынюк А. В. Лихие люди Московской Руси. С. 149—152, 155—156; и др.

¹⁶ Алексеев Ю. Г. Развитие феодального землевладения в Переяславском уезде в XV — начале XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963. С. 108—113; Он же. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.; Чернов С. З. Воскресенская земля Троицкого монастыря // АЕ за 1981 г. 1982. С. 95—109; Левицкая Н. В., Сукина Л. Б. К вопросу об изучении надгробных плит XVI—XVII вв. некрополей Переяславского уезда // Реализм исторического мышления. С. 150—151; Они же. Вкладные книги Переяславских Никитского и Троице-Данилова монастырей // ИКРЗ, 1995 г. 1996. С. 125—134; Левицкая Н. В. Монастырские вкладные книги Переяславля-Залесского // Реализм исторического мышления. С. 152—154; Левицкая Н. В. Синодики Переяславских монастырей как исторический источник // Генеалогические исследования. С. 78—87; Она же. Вкладная книга Переяславль-Залесского Федорова монастыря // ИКРЗ, 1993 г. С. 122—129; Кистерев С. Н. Полная грамота Ивана Михайловича Дубенского // РД. 1997. Вып. 1. С. 5—24; Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV—XVI вв. // Там же. 2003. Вып. 9. С. 3—37; и др.

¹⁷ Стромиллов Н. С. Род Стромилловых XIV—XIX вв. Владимир, 1887; Машифаров А. В. Вкладная кормовая книга Михайло-Архангельского монастыря г. Юрьева-Польского XVI — первой четверти XVII в. // RM. 2001. Т. 10. Fasc. 1. S. 224—233; и др.

и Мологи¹⁸, Углича Поле¹⁹, Белоозера²⁰, Стародуба²¹, Великой Перми и Вологды²², других княжеств-государств чаще всего привлекали внимание лишь тогда, когда эта военно-служилая титулованная и нетитулованная знать уже оказывалась в военно-политической и экономической зависимости или под непосредственной властью государя всяя Руси²³.

¹⁸ Шульгин В. С. Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI в. // Научные доклады высшей школы. Сер.: Исторические науки. 1958. № 4. С. 3—15; Кучкин В. А. К вопросу о статусе ярославских князей после присоединения Ярославля к Москве // Феодализм в России. М., 1987. С. 219—229; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 83—98; Ярославский архив дворян Викентьевых XVII в. Ярославль, 1989; Козляков В. Н. Служилый «город» Ярославского уезда в конце XVI — первой половине XVII в. // АРИ. 1995. Вып. 6. С. 81—102; Киселев В. А. Великий князь московский и ярославские монастыри // ЯС. 1995. Вып. 2. С. 9—14; Он же. К истории рода князей Сицких // Там же. 2000. Вып. 5. С. 78—80; Макарий (Веретенников), архим. Старец Паисий Ярославов // ДРВМ. 2004. № 2 (16). С. 24—34; Баранов К. В. Заметка о происхождении Паисия Ярославова // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 268—272; Корзинин А. Л. Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV — начале XVI в. С. 403—406, 409; Новикова О. Л. Летописные заметки в кирилло-белозерской рукописи 60-х гг. XVI в. и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // ОФР. 2008. Вып. 12. С. 38—90; Сергеев А. В. Князья Ярославские во второй трети XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2013. Ч. 2. С. 525—528; и др.

¹⁹ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 163—169; Ивина Л. И. Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV — первой трети XVII в. // Средневековая и новая Россия. С. 354—367; Назаров В. Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III: Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 180—189; и др.

²⁰ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.; Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 174—177; Грязнов А. Л. Двор Вереиско-Белозерских князей в 1389—1486 гг. // Кириллов. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 24—51; Он же. Землевладение князей Кемских в XV—XVI вв. // Исследования по истории средневековой Руси. С. 273—298; Он же. Белозерские Рюриковичи в XV — начале XVI в. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. 1. С. 410—433; Гневашев Д. Е. Белозерский род Гневашевых-Стогининых в XV—XVII вв. // Там же. С. 52—67; и др.

²¹ Назаров В. Д. Князья Ромодановские во второй половине XV — середине XVI в. // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. СПб., 2002. С. 52—56; Он же. Закладные кабалы 1485 г. князей Кривоборских и Стародубских. С. 270—275; Корзинин А. Л. Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV — начале XVI в. С. 406—409; и др.

²² Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 172—173; Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // ЗОР ГБЛ. 1983. Вып. 43. С. 85—105; Вершинин Е. В. И еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 285—305; Гневашев Д. Е. Вологодский служилый «город» в XV — начале XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России. М., 2010. С. 672—683; и др.

²³ Кузьмин А. Г. Древнейшая рязанская грамота XIV ст. // Сов. архивы. 1967. № 1. С. 112; Зимин А. А. Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств... С. 134—142; Он же. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 28—56; Флоря Б. Н.

Сложившаяся в историографии ситуация во многом продиктована фрагментарностью известных источников по генеалогии правящей элиты и военно-служилой знати средневековой Руси (за исключением собственно старомосковских родов). Кроме того, до сих пор не решен «один из коренных вопросов генеалогического источниковедения» — это «вопрос о характере и степени деформации прошлого в генеалогических легендах XVI—XVIII вв., в изобилии заполняющих дворянские родословные»²⁴. В тесной связи с этим также стоит вопрос о намеренной и ненамеренной фальсификации родословных документов. Критическое исследование этих вопросов явно недостаточно, хотя на это неоднократно указывалось в историографии²⁵.

Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 182—189; *Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Он же.* К истории феодального землевладения и иммунитета в Муромском крае в XV в. // Уваровские чтения—II. М., 1994. С. 103—113; *Он же.* Из истории русского средневекового источника. М., 1996; *Кобрин В. Б.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы—Мезецкие—Пронские) // ВИД. Вып. 14. С. 50—59; *Он же.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985; *Он же.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: избр. труды. М., 2008; *Кротов М. Г., Сметанина С. И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. // Сов. архивы. 1987. № 1. С. 66—69; *Люткина Е. Ю.* Десятилетия детей боярских рязанского архиепископа 1604 г. // Реализм исторического мышления. С. 157—158; *Сошников В. Е.* Служилые роды Воротынского уезда во второй половине XVI — первой половине XVII вв. // Там же. С. 238—239; *Сметанина С. И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // АРИ. Вып. 6. С. 49—80; *Она же.* Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве // РД. 2000. Вып. 6. С. 14—16; *Бенцианов М. М.* Княжеские корпорации в составе Государева двора в XV—XVI вв. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1996. [Вып. 1.] С. 43—47; *Он же.* Дети боярские «Наугородские помещики» // Там же. Вып. 3. С. 241—277; *Антонов А. В.* Из истории нагодчины в Рязанской земле // РД. 1998. Вып. 4. С. 152—158; *Назаров В. Д.* О титулованной знати России в конце XV в. // ДГВЕ, 1998 г. 2000. С. 189—206; *Он же.* Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002. С. 567—584; *Он же.* О структуре государева двора в середине XVI в. // Zubovskie чтения. М., 2008. Вып. 4. С. 12—25; *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. М., 2000; *Гамаюнов А. И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева // АРИ. Вып. 7. С. 325—333; *Пономарева И. Г.* История одного выезда на московскую службу // ДРВМ. 2005. № 4 (22). С. 41—50; Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. М., 2005. Т. 2—3; *Гераськин Ю. В., Нагорнов В. П.* Памятная плита Ивана Мирославовича (мурзы Хоросмира) в Рязанском Солотчинском монастыре // РА. 2008. № 2. С. 84—89; *Козляков В. Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI—XVII вв. // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 368—378; *Савосичев А. Ю., Кузьмина О. Ю.* Рязанский архиепископский двор середины XVI в. // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. 2009. № 1. С. 123—129; и др.

²⁴ *Кобрин В. Б.* Перспективы развития генеалогических исследований. С. 32.

²⁵ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 431—433; *Он же.* По поводу Трудов Ярославской губернской архивной комиссии. СПб., 1893; *Он же.* По поводу сборника А. И. Юшкова «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898; *Он же.* По поводу статьи А. А. Введенского // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 2. С. 292—300; *Юшков А. [И.]* [Предисловие] // Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1. С. X—XV; *Введен-*

В связи с этим существенное значение для выяснения связей между военно-служилой знатью и конкретной территорией ее проживания за пределами городов приобретают результаты микрорегиональных исследований по локализации, датировке и интерпретации структур сельского расселения XIII—XV вв.²⁶ Они должны сочетать историко-географическое, археологическое и микротопонимическое изучение территории Северо-Восточной Руси и сопредельных с ней регионов (работы А. В. Алексеева, М. И. Гоняного, А. С. Дворникова, С. Д. Захарова, В. А. Кучкина, В. А. Лапшина, А. Б. Мазурова, Н. А. Макарова, Н. А. Тропина, С. З. Чернова, А. В. Шекова, А. А. Юшко, В. Л. Янина, Б. Е. Янишевского и других исследователей²⁷). Из числа этих регионов следует выде-

ский А. А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 85—109; *Он же*. Мой ответ Н. П. Лихачеву // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 2. С. 300—309; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Труды МГИАИ. 1963. Т. 17. С. 399—428; *Назаров В. Д.* Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси // Вопросы архивоведения. 1965. № 4. С. 106—107; *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. Ростов-на-Дону, 1976. С. 241—269; *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. 1981. Вып. 12. С. 92—94, 101—105; и др.

²⁶ Наиболее четко эти исследовательские задачи сформулированы в работах московского археолога С. З. Чернова. Подробнее об этом см.: *Чернов С. З.* Вотчина Ворониных // Вестник МГУ. Сер. 8. 1982. № 6. С. 80—95; *Он же*. Исторический ландшафт Древнего Радонежа // ПКНО, 1988 г. 1989. С. 413—438; *Он же*. Раннемосковское общество в свете микрорегиональных исследований структур землевладения // Вестник РГНФ. 2004. № 1. С. 19—34; *Он же*. Структуры землевладения Великого Московского княжества в XIV—XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований. М., 2005; *Он же*. Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси // СР. 2007. Вып. 7. С. 237—274; *Он же*. Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336—1456 гг.) // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 129—130; и др.

²⁷ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981; *он же*. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991; *он же*. «Я послал тебе бересту...». М., 1998; *Он же*. Новгородские посадники. М., 2003; *Он же*. Средневековый Новгород. М., 2004; *Он же*. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008; *Чернов С. З.* Воскресенская земля Троицкого монастыря. С. 95—109; *Он же*. Вотчина Ворониных. С. 80—95; *Он же*. Исторический ландшафт Древнего Радонежа. С. 413—438; *Он же*. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. М., 1998; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984; *Дворников А. С.* К вопросу об эволюции землевладения в центральной части Бежецкого Верха в XV в. // ННЗ. Вып. 10. С. 207—215; *Макаров Н. А.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001; *Макаров Н. А., Шполянский С. В.* Суздальское Ополье // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 2. С. 94—105; *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. М., 2001; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. М., 2008; *Юшко А. А.* Феодальное землевладение Московской земли XIV в. М., 2003; *Янишевский Б. Е.* Можайская земля в древности и средневековье. Можайск, 2003; *Он же*. Можайск и его округа в XI—XV вв. М., 2010; *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004; *Тропин Н. А.* Сельские поселения XII—XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004; *Он же*. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII—XV вв. Елец, 2006; *Алексеев А. В.* Новые исследования в округе Звенигорода // Археология Подмосковья. М., 2007. Вып. 3. С. 333—344; *Гоняный М. И., Александровский А. Л., Гласко М. П.* Северная

лить Великое княжество Литовское²⁸, Новгородскую и Псковскую земли²⁹

лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007; *Темушев В. Н.* Гомельская волость в конце XV — первой половине XVI в. М., 2009; *Он же.* Фоминско-Березуйское княжество между Москвой, Вильней и Тверью // Русское средневековье. М., 2012. С. 328—350; *Каретников А. Л.* Земельные владения Ростовского архиерейского дома в Ростовском уезде (XVII—XVIII вв.) // ИКРЗ, 2009. 2010. С. 196—209; *Лапишин В. А.* Тверь в XIII—XV вв. СПб., 2009; *Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012; *Городилин С. В.* К вопросу о так называемых «мерских станах» // ИКРЗ, 2011 г. 2012. С. 5—14; и др.

²⁸ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895; *Kuczyński S. M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936; *Bachus O. P.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow; *Флоря Б. Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 182—189; *Suchocki J.* Geneza litewskiej legendy etnogenetycznej. Aspekty polityczne i narodowe // ZH. 1987. T. 52. Zesz. 1. S. 27—67; *Krupa K.* Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 r. // KH. Roc 100. 1993. № 1. S. 29—46; *Korczak L.* Litewska rada wielkoksiążęca w XV w. Kraków, 1998; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999; *Паушин С. С.* Перемышльская шляхта второй половины XIV — начала XVI в. Тюмень, 2001; *Кузьмин А. В.* Российская историография изучения генеалогии белорусской и литовской знати (1990—2003 гг.) // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991—2003 гг. Минск, 2006. С. 17—24; *Он же.* Титулованная знать Великого княжества Литовского в «Великой войне» 1409—1411 гг. против Тевтонского Ордена // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV—XV стст. Мінск, 2011. С. 26—75; *Войтович Л. [В.]* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006; *Шеков А. В.* Верховские княжества; *Михайловський В. [М.]* Еластична спільнота. Київ, 2012; *Бычкова М. Е.* Русско-литовская знать XV—XVII вв.; и др.

²⁹ *Савич А. Я.* Вклады и вкладчики в северо-русских монастырях XV—XVII вв. Пермь, 1929; *Валк С. Н.* Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // ИА. 1956. № 1. С. 232—234; *Янин В. Л.* О начале псковской монетной чеканки // Труды ГИМ. 1955. Вып. 25. С. 21—23; *Он же.* Две неизданные новгородские грамоты XV в. // АЕ за 1959 г. 1960. С. 333—339; *Он же.* Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 1—2; *Он же.* Очерки полного источника происхождения. М., 1977. С. 204—212; *он же.* Новгородская феодальная вотчина; *Он же.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. Вып. 1 (11). С. 79—95; *Он же.* Новгородские акты XII—XV вв.; *Он же.* Генеалогия боярских родов Великого Новгорода. Ч. 1 // ИГ. 1994. Вып. 4. С. 30—47; *Он же.* «Я послал тебе бересту...»; *Он же.* Новгородские посадники; *Он же.* Средневековый Новгород; *Он же.* Магистральный путь современной науки // ВИЛИ. 2005. Т. 1. С. 9—15; *Он же.* Очерки истории средневекового Новгорода; *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3; *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 г. 1958. С. 437—450; *Он же.* Новый документ о Великом Новгороде // Сов. архивы. 1967. № 1. С. 109—111; *Он же.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1967 г. 1969. С. 275—290; *Хорошкевич А. Л.* Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1963 г. 1964. С. 264—276; *Она же.* Конные печати Мстислава Мстиславича Удалого — источник по истории международных отношений Руси начала XIII в. // Славяне и их соседи. М., 1989. С. 24—27; *Она же.* «Конные печати» Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 140—145; *Она же.* Еще раз о символах русской государственности: византийские и западноевропейские традиции в русской средневековой сфрагистике // Римско-константинопольское наследие на Руси. М., 1995. С. 202—212; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966; *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967; *Каи-*

танов С. М. Древнерусские печати // ИСССР. 1974. № 3. С. 176—183; Куза А. В., Медынцева А. А. Заметки о берестяных грамотах // НЭ. 1974. Вып. 11. С. 215—230; Буров В. А. «Муж добрь Есифъ Давыдовичъ» // СА. 1975. № 4. С. 267—273; *Он же*. Печати при новгородском наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в. // Там же. 1977. № 1. С. 104—113; *Он же*. Заметки о новгородских берестяных грамотах // Там же. 1979. № 1. С. 218—227; *Он же*. Соседи бояр Мишиничей-Онцифоровичей по Холмопье и Кузьмодемьянской улицам (XIV—XV вв.) // Там же. 1979. № 3. С. 203—213; *Он же*. Новгородские акты XIV—XV вв. и социальный состав владельцев усадеб // Там же. 1980. № 1. С. 313—317; *Он же*. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 119—125; *Он же*. К социальной топографии Неревского конца древнего Новгорода // СА. 1989. № 4. С. 77—85; Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 45—84; Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв. // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1. С. 5—21; Клейнбергер И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. // ВИД. Вып. 7. С. 118—126; *Он же*. Известия о новгородском вече первой четверти XV в. в ганзейских источниках // ИСССР. 1978. № 6. С. 170—175; Пушкарёва Н. Л. Рядная грамота Федора Окинфовича с Матфеем Ивановичем XV в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 37—50; Плугин В. А. Боярин Василий Данилович Машков и Феодан Грек // Древний Новгород. М., 1983. С. 248—270; Медынцева А. А. Письмо Григория — тиуна боярского // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 53—75; Назаров В. Д. О феодальном землевладении в Новгородской республике // ИСССР. 1984. № 2. С. 112—121; Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986; Молчанов А. А. К вопросу о принадлежности усадеб Неревского раскопа в Новгороде // СА. 1989. № 4. С. 71—76; *Он же*. Усадебовладельцы новгородского Людина конца // ВЕДС. М., 1998. С. 72—75; *Он же*. Боярин Миша — предок новгородского посадничьего рода // ЛИРО. 2004. Вып. 8/9 (52/53). С. 100—108; Сакса А. И., Янин В. Л. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // ННЗ. Вып. 10. С. 187—194; Северинов В. Д. Новгород в период посадничества Михаила Степановича // ПННЗ, [1997 г.]. 1998. С. 46—51; *Он же*. К истории «Загородья» в конце XII — начале XIII в. // Там же, [1998 г.]. 1999. Ч. 1. С. 31—36; *Он же*. Боярский род Обакуновичей в Загородском конце // Там же, [1999 г.]. 2000. Ч. 1. С. 73—77; Кузьмин А. В. Московский посол и наместник в Новгороде в середине XIV в. // Там же, [1997 г.]. С. 51—57; *Он же*. Московские наместники Новгорода Великого в конце XIV — начале XV в. // Там же, [1998 г.]. Ч. 2. С. 159—164; *Он же*. Князь Белоозера в Новгороде Великом // Там же, 2001—2002 гг. 2002. Ч. 1. С. 84—91; *Он же*. Еще раз о датировке двух древнерусских амулетов-змеевиков с изображением архангела Михаила // ОФР. 2004. Вып. 8. С. 3—9; Мусин А. Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // ННЗ. 2002. Вып. 16. С. 82—92; Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003; Юдин А. Б. Новгородский род Григория Семеновича // НИС. 2003. Вып. 9 (19). С. 153—167; Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI—XVII вв. СПб., 2003; *Он же*. Судьбы новгородских своеземцев в XVI—XVII вв. // НИС. Вып. 9 (19). С. 316—338; *Он же*. Генеалогическая и историко-географическая заметка о своеземцах // Исследования по истории средневековой Руси. С. 319—333; Лебедева (Пачкунова) Е. Э. Новгородские грамоты на бересте — исторический источник по изучению повседневных отношений горожан в Древней Руси // Мининские чтения. Н. Новгород, 2003. С. 167—176; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004; Бассальго Л. А. Несколько сюжетов из книги В. Л. Янина «Новгородские акты XII—XV вв.» // НИС. 2005. Вып. 10 (20). С. 32—44; *Он же*. Новгородские тысяцкие. Ч. 1 // Там же. 2008. Вып. 11 (21). С. 33—67; *Он же*. Новгородские тысяцкие. Ч. 2 // Там же. 2011. Вып. 12 (22). С. 37—62; Несин М. А. К вопросу о характере городского боярского землевладения в республиканский период новгородской истории // Российское дворянство (XII — начало XX вв.). С. 6—13; Дубровин Г. Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотническое крыло «Московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // НИС. Вып. 10 (20). С. 75—95; *Он же*. О боярстве

и Верховские княжества³⁰, известные тесной связью своей знати с правителями Северо-Восточной Руси и уникальной в сравнении с другими регионами страны сохранностью своих источников, пополнение которых постоянно продолжается.

Согласно наблюдениям Ю. Г. Алексеева, М. Е. Бычковой, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, Л. И. Ивиной, А. И. Копанева, А. К. Леонтьева, Н. П. Лихачева, А. П. Павлова, С. З. Чернова, а также некоторых других исследователей, большинство видных представителей нетитулованной военно-служилой знати независимо от региона средневековой Руси (и в том числе московских уделов), выходцы из ВКЛ и Орды в конце XIV — начале XVI в. не смогли пробиться в Боярскую думу и первые статьи великокняжеского двора. В круг фамилий, который составлял наиболее привилегированный слой столичной знати, они почти не вошли. В Москве потомкам бояр, бывших еще недавно первыми лицами в независимых княжествах и крупных уделах (в том числе московских), пришлось удовлетвориться куда менее значимой ролью. По преимуществу такие дети боярские, представлявшие в своих регионах социальные верхи военно-служилой знати, вскоре стали заполнять низшие статьи членов Государева двора, а их однородцы входить в число выборных по уездам дворян.

На протяжении XV—XVII вв. ближайшие потомки бояр, происходивших из ранее независимых княжеств Руси и отчасти ВКЛ, нередко становились главной социальной и кадровой базой городской и уездной администрации. Из представителей таких боярских родов формировались и нередко пополнялись чины в служебных дворах удельных князей. Менее удачливые потомки представителей региональной знати также оказывались на службе при епископских и княжеско-боярских дворах. Они также участвовали в организации и формировании кадров постепенного развивающегося бюрократического аппарата Русского государства³¹.

Плотницкого конца средневекового Новгорода // ДРВМ. 2010. № 3 (41). С. 48—54; Хрусталева Д. Г., Бондарь Л. Д. Проект торгового соглашения Новгорода с Любеком и Готландом 1268/1269 гг. // Там же. Вып. 12 (22). С. 453—480; и др.

³⁰ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1—3; Kuczyński S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy; Backus O. P. Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow; Флоря Б. Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. С. 182—189; Suchocki J. Geneza litewskiej legendy etnogenetycznej. S. 27—67; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995; Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów; Войтович Л. [В.] Княжа доба на Русі; Шекочов А. В. Верховские княжества; и др.

³¹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в.; Он же. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // ИРГО. 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 114—119; Он же. О происхождении Яновых // Там же. С. 150—154; Он же. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Русский библиофил. СПб., 1913. № 5. С. 8—9, 12; Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII в. // ИЗ. 1937. Т. 1. С. 220—239; Копанев А. И. О «куплях» Ивана Кали-

Все эти назначения были менее престижны, чем служба в чинах Государева двора. Однако такие «потерьки» служебного статуса нередко компен-

ты // ИЗ. 1946. Т. 20. С. 24—37; *Он же*. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. С. 169—182; *Зимин А. А.* О сложении приказной системы на Руси // Докл. и сообщ. Института истории АН СССР. М., 1954. Вып. 3. С. 164—176; *Он же*. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. 1958. Т. 63. С. 180—205; *Он же*. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Там же. 1971. Т. 87. С. 219—286; *Он же*. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. 161—188; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 29—31; *Alef G.* Reflections on the Boyar Duma in the Reign of Ivan III // SEER. Vol. 45. 1967. № 104. P. 76—123; *Idem.* Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the Late Fifteenth and Early Sixteenth Centuries // FOG. 1980. Bd 27. S. 77—109; *Назаров В. Д.* Из истории государственного аппарата России в конце XVI — начале XVII в. // Сов. архивы. 1969. № 2. С. 96, 97; *Он же*. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. // ИСССР. 1976. № 3. С. 76—96; *Он же*. О структуре государева двора в середине XVI в. С. 12—25; *Демидова Н. Ф.* Приказные люди XVII в. // ИЗ. 1972. Т. 90. С. 332—354; *Она же*. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986; *Она же*. Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000. С. 64—72; *Дергачев В. В.* Родословие Дионисия Иконника // ПКНО, 1988 г. С. 218—220, 224; *Алексеев Ю. Г.* Кто такой Василий Долматов? // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 237—243; *он же*. У кормила Российского государства; *Люткина Е. Ю.* Десятилетия детей боярских рязанского архиепископа 1604 г. С. 157—158; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 233—239; *Он же*. Думные дьяки в годы правления патриарха Филарета // Русское средневековье. С. 551—568; *Граля И. [Ч.]* Иван Михайлов Висковский. М., 1994. С. 12—53; *Он же*. Дьяки и писари // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003. С. 148—164; *Эскин Ю. М.* Местничество, родословцы и «родословные пасквили» // Там же. С. 165—178; *Он же*. «И Василей сказал, то де Артемей замыслил воровски...» // ИА. 1993. № 2. С. 189—209; *Он же*. Человек Смуты // Знание—сила. 1994. № 2. С. 30, 41, 43—44; *Ивина Л. И.* Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV — первой трети XVII в. С. 354—367; *Кистерева С. Н.* Полная грамота Ивана Михайловича Дубенского. С. 5—24; *Павлов А. П., Эскин Ю. М.* Местническое дело дьяков И. В. Неелова и Г. И. Клобукова // Российское самодержавие и бюрократия. С. 73—87; *Кузьмин А. В.* Крещенные татары на службе в Москве // ДРВМ. 2002. № 3 (9). С. 5—23; *он же*. Боярство Ростовской земли конца XII — начала XV в. // ИКРЗ, 2001 г. 2002. С. 61—77; *Сироткин С. В.* Сотная грамота 1593/94 г. на посад Юрьева Повольского // ОФР. 2003. Вып. 9. С. 44—58; *Рыков Ю. Д.* Меженина — неизвестный дьяк великой княгини второй половины XV в. и судьба книги «Пандекты» Никона Черногорца с записями этого дьяка // Исследования по истории средневековой Руси. С. 434—458; *он же*. Вклады государева дьяка П. М. Митрофанова в русские монастыри в эпоху царя Ивана Грозного // Русское средневековье. С. 471—526; *Никитин А. О.* Список владычных детей боярских 100 (1591/92) г. // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань, 2005. С. 81—90; *Морозов Д. А.* Уйгурские автографы московских дьяков // Там же. С. 173—199; *Савосичев А. Ю., Кузьмина О. Ю.* Рязанский архиепископский двор середины XVI в. С. 123—129; *Савосичев А. Ю.* Рязанские владычные дети боярские во второй половине XVI ст. // Четвертые Яхонтовские чтения. С. 577—580; *Он же*. Родословные росписи в генеалогии дьяческих фамилий XV—XVI вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. М., 2009. С. 313—316; *Он же*. Дьяки и подьячие второй половины XV в. // ВИ. 2009. № 9. С. 110—120; *Он же*. Дьяки и подьячие первой трети XVI ст. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2009. С. 45—47;

сировались не только большей степенью неформального влияния на местах, но и более высоким материальным содержанием.

Привилегированное социальное положение светских дьяков (писарей) на Руси, нередко основанное на происхождении их предков из боярских семей, не было уникальным явлением для XV в. Так, например, в это же время в Молдавском и Валашском княжествах «все писцы» происходили «из числа светских лиц», которые, как правило, являлись сыновьями «крупных вотчинников»³².

В настоящее время история региональной титулованной и нетитулованной военно-служилой знати княжеств-государств Северо-Восточной Руси и ее ближайших соседей, а также биография, генеалогия и родственные отношения наиболее видных представителей княжеских и боярских фамилий вновь обретают пристальное внимание и становятся объектом исследований многих специалистов. Такая ситуация в отечественной и зарубежной историографии во многом связана с находками и введением в широкий научный оборот новых письменных и вещественных источников по истории и генеалогии правящей элиты, привилегированных и рядовых представителей военно-служилых родов средневековой Руси, структурам их землевладения в XIII — начале XVI в.³³

Он же. Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI в. Орел, 2013; *Мазуров А. Б.* Государев дьяк Андрей Шерефединов и его род // РИ. 2011. № 2. С. 77—92; *Пономарёва И. Г.* Великокняжеская канцелярия при Василии Темном // АЕ за 2006 г. 2011. С. 118—142; *Она же.* Великокняжеский дьяк Стефан Никифорович Бородатый // ВИ. 2012. № 3. С. 120—128; *Лисейцев Д. В.* О социальном происхождении дьяков эпохи Смуты // PALEOBUREAUCRATICA. М., 2012. С. 208—224; *Стрельников С. В.* Грамоты XV — начала XVI в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековье. С. 113, 120; и др. (ср.: *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888. С. 159; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 179—181; *Богатырев С. Н.* Клан дьяков Щелкаловых // ИГ. 1995. Вып. 5. С. 60—70; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 316—318; *Рыбалко Н. В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 8—20, 346—413; и др.).

³² *Кашианов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 г. 1982. С. 30—31. Подробнее об этом см.: *Он же.* О молдавской канцелярии в конце XIV — первой трети XV в. // Сословия, институты и государственная власть в России. С. 75—81.

³³ *Янин В. Л., Янина С. А.* Начальный период рязанской монетной чеканки // Труды ГИМ. Вып. 25. С. 109—123; *Мец Н. Д.* Московская деньга новгородского типа // Там же. С. 124—127; *Она же.* Монеты удельного княжества Кашинского // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 55—63; *Она же.* Ярославские князья по нумизматическим данным // СА. 1960. № 3. С. 121—140; *Спаский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1970. С. 78—107; *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. С. 365—384; *Он же.* Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 245—252; *Он же.* Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 104—116; *Он же.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 26—112; *Он же.* Бохтоужское княжество — реальность средневековой Руси // ВИ. 1983. № 8. С. 164—169; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 104—348; *Он же.* К биографии Александра Невского // ДГ СССР, 1985 г. 1986. С. 71—80; *Он же.* «Свой дядя» завещания Симеона Гордо-

Несмотря на постепенно возрастающий комплекс источников, в современной историографии нет обобщающих работ, в которых с одной сто-

го // ИСССР. 1988. № 4. С. 149—158; *Он же*. Сергей Радонежский // ВИ. 1992. № 10. С. 75—92; *Он же*. Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 4—11; *Он же*. Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С. 23—26; *Он же*. Первый московский князь Даниил Александрович // ОИ. 1995. № 1. С. 93—107; *Он же*. Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5—6. С. 62—83; *Он же*. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // ОИ. 1996. № 5. С. 18—33; *Он же*. Забытый документ XIV в. из находки 1843 г. в Московском Кремле // ИА. 1997. № 3. С. 14—20; *Он же*. Документы кремлевской находки 1843 г. — часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // Материалы юбилейной науч.-обществ. конф. «Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность». М., 1998. С. 21—30; *Он же*. Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 106—116; *Он же*. Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религия мира. История и современность, 2002. М., 2002. С. 133—142; *Он же*. Договорные грамоты московских князей XIV в.; *Он же*. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV — начале XV вв. // Кулешов А. С. Аксаковы. М., 2009. С. 269—306; *Он же*. Права и власть великих и удельных князей в Тверском княжестве второй половины XIII—XV в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тверь, 2009. С. 216—226; *Он же*. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011; Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. С. 5—44, 85—288; Шорин П. А. Систематизация монет великого князя рязанского Ивана Федоровича (ок. 1417—1456 гг.) // Труды ГИМ. 1977. Вып. 49. С. 239—243; Лурье Я. С. Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // ПКНО, 1977 г. 1977. С. 7—11; Хорошкевич А. Л. К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV — начале XV в. // ВИ. 1980. № 6. С. 170—174; *Она же*. Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 56—89; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981; Мартыанов В. Н., Федоров-Давыдов Г. А. Арзамасский клад русских монет конца XIV — начала XV в. // НЭ. 1989. Вып. 15. С. 132—143; Чернов С. З. Вотчина Ворониных. С. 80—95; *Он же*. Из истории Киснемы в последней четверти XIV в. // Кириллов. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 9—26; *Он же*. Холмские князья и их вассалы на Волоке Ламском в XIV—XV вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2. С. 332—340; *он же*. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. М., 1998; *Он же*. Землевладение волости Бели Радонежского удела. С. 20—70; *Он же*. Раннемосковское общество в свете микрорегиональных исследований структур землевладения. С. 19—34; *Он же*. Структуры землевладения Великого Московского княжества в XIV—XV вв. по данным микрорегиональных комплексных исследований; *Он же*. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предистории Московской земли в первой половине XII в. // ДРВМ. 2003. № 2 (12). С. 5—33; № 3 (13). С. 5—21; *Он же*. Три семьи радонежских бояр // Русское средневековье. С. 653—711; Пономарёва И. Г. Акты Троицкого Макарьева Калязина монастыря XV—XVI вв. как источник по истории его вотчины // Вестник МГУ. Сер. 8. 1986. № 3. С. 82—88; *Она же*. Крупная феодальная вотчина Тверского князя XV — начала XVII вв. М., 1987; *Она же*. О хронологии ранних калязинских актов // АЕ за 1993 г. 1995. С. 243—245; *Он же*. Преподобный Макарий Калязинский // ИВ. 2001. № 1 (12). С. 64—79; Юшко А. А. Опыт комплексного исследования источников при изучении исторической географии Московской земли XI—XIII вв. // ВИД. 1987. Вып. 18. С. 55—64; *Она же*. Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. // РА. 2001. № 1. С. 45—55; *Она же*. Феодальное землевладение Московской земли XIV в. М., 2003; Дергачев В. В. Родословие Дионисия Иконника. С. 210—225; Кавельмахер В. В. Фрагмент памятной плиты первой половины XVII в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // ПКНО, 1988 г. С. 480—484; Панова Т. Д. Три надписи-

роны были бы широко введены в научный оборот и тщательно проанализированы источники по генеалогии такого исторического феномена

граффиты из некрополя церкви Вознесения Московского Кремля // Там же, 1989 г. 1990. С. 7—9; *Она же*. К вопросу о социальной топографии Московского Кремля XIV—XVI вв. // От Древней Руси к России нового времени. С. 204—214; *она же*. Кремлевские усыпальницы. М., 2003; *Она же*. Род князя Патрикия (Патрикеевы) и Московский Кремль // Московский Кремль XV ст. М., 2011. Т. 1. С. 43—45; *Турилов А. А.* Малоизвестные письменные источники о ярославских князьях конца XIV — первой половины XV в. // Краеведческие записки. Ярославль, 1990. С. 131—142; *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 6—71; *Анхимюк Ю. В.* Церковь Петра и Павла в Ярославле — легенды и исторические реалии // ЯС. 1992. С. 5—13; *Он же*. Частные Разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII в. М., 2005; *Анхимюк Ю. В., Павлов А. П.* Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр» // АРИ. Вып. 7. С. 212—244; *Козляков В. Н.* Толгский монастырь XVII в. и его вкладчики // ЯС. С. 14—22; *Назаров В. Д.* Генеалогия Кошкиных-Захарыных-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // ИГ. 1993. Вып. 1. С. 22—31; *Он же*. Князья Пожарские и Ряполовские по новым документам из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Там же. 1994. Вып. 4. С. 74—79; *Он же*. Князья Ногтевы-Суздальские в XV в. // Там же. С. 80—85; *Он же*. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II. Вклад Федора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева лава в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. [Вып. 2]. С. 29—58; *Он же*. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Троицкий старец Геннадий Бутурлин. С. 180—189; *Он же*. Российская знать и поле ее политической жизни (XIV — первая половина XVI в.) // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 124—140; *Он же*. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. [I.] Боярин Радонежского удела В.Б. Копнин и его род в XV в. С. 26—73; *Он же*. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV в. // АРИ. Вып. 7. С. 35—82; *Он же*. Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. // Сословия, институты и государственная власть в России. С. 382—427; *Крушельницкая Е. В.* Записка о Макарии Калязинском // ТОДРЛ. 1993. Т. 46. С. 308—314; *Морозов Б. Н.* Родословная роспись князей Ростовских XV в. // Реализм исторического мышления. С. 177—178; *Он же*. Родословная роспись Чихачевых, Горстких, Линева, Ершовых, Сомовых, Окуновых с уникальными известиями XIV—XV вв. [Ч. 1—2] // ИГ. 1993. Вып. 2. С. 42—43; 1994. Вып. 4. С. 14—19; *Он же*. Дворянские роды Скрыбинных в XV—XIX вв. // Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940. М., 1994. Т. 1. С. 499—511; *Он же*. Родословные материалы в архиве боярина И. А. Мусина-Пушкина // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Ярославль, 2001. С. 340—344; *Булычев А. А.* Потомки «мужа честна» Ратши. Генеалогия дворян Каменских, Курицыных и Волковых-Курицыных. М., 1994; *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995; *Соколова Н. В.* Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 1995. С. 52—68; *Лавров А. С.* Две родословные росписи князей Хованских // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 70—76; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996; *Она же*. Землевладение Спасо-Ярославского монастыря в XIV—XVI вв. // ЯС. 1996. Вып. 3. С. 23—32; *Она же*. Кубено-Заозерский край в XIV—XVI вв. // Харовск. Вологда, 2004. С. 46—105; *Она же*. Кубено-Заозерский край на политической карте Руси в XIV—XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. 1. С. 434—454; *Русский дипломатический / Отв. ред. А. В. Антонов. М., 1997—2004. Вып. 1—10; Боронов Н. С. Иван Калита. М., 1997; Он же. Политика московских князей. М., 1999; Столярова Л. В. Записи исторического содержания XI—XIV вв. на древнерусских пергаменных кодексах // ДГВЕ, 1995 г. 1997. С. 3—79; Она же. Древнерусские надписи XI—XIV вв. на*

как военно-служилая знать Северо-Восточной Руси XIII — первой половины XV вв., а с другой — предложены новые методики, позволяю-

пергаменных кодексах. М., 1998; *Она же*. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 103—272; *Тюльнин А. Г.* Политическая история Великого княжества Тверского в первой четверти XV в. // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997. С. 162—176; *Он же*. Вокняжение Бориса Александровича Тверского в 1425 г. // Неисчерпаемость источника. М., 2005. С. 260—275; *Клосс Б. М.* Избр. труды. М., 1998—2001. Т. 1—2; *Рыков Ю. Д.* Малоизвестный рукописный синодик Московского кремлевского Архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями // Россия в IX—XX вв. М., 1999. С. 392—398; *Он же*. Запись Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора о тулянах, погибших в бою на Переволоке в середине XVI в. // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. 2. С. 252—293; *Он же*. Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г. по данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора // Памяти [М. П.] Лукичева. М., 2006. С. 587—685; *Болдырева О. А.* Земельные владения Толгского монастыря по грамотам XV—XVI вв. // «От мудрости и святости былого...». Ярославль, 1999. С. 14—16; *Никитин И. В.* Некоторые уточнения к родословной ярославских удельных князей // Там же. С. 9—12; *Он же*. «Житие» Федора Чёрного и начало династии ярославских удельных князей // ЯС. 2000. Вып. 5. С. 81—86; *Миллер Д.* Троице-Сергиева лавра как объединяющий центр Русской земли // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. [Вып. 2]. С. 7—23; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000; *Он же*. «Всего еси исполнена земля русская...». М., 2001. С. 39—133; *Он же*. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // СР. 2004. Вып. 4. С. 140—170; *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001; *Он же*. Сергей Радонежский. М., 2006; *Кузьмин А. В.* Московский посол и наместник в Новгороде в середине XIV в. С. 51—57; *Он же*. Московские наместники Новгорода Великого в конце XIV — начале XV в. С. 159—164; *Он же*. Генеалогия ростовских князей XIII — середины XIV в. // ИКРЗ, 1999 г. С. 111—116; *Он же*. Торопецкая знать в XIII в. // RM. München, 2001. Т. 10. Fasc. 1. S. 63—71; *Он же*. Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII — первой половине XIV в. // ИКРЗ, 2000 г. 2001. С. 10—23; *Он же*. Князья Белоозера в Новгороде Великом. С. 84—91; *Он же*. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI в. // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 5—30; *Он же*. Еще раз о датировке двух древнерусских амулетов-змеевиков с изображением архангела Михаила. С. 3—9; *Он же*. Фамлии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волинские, Липятины) // ГДЛ. 2004. Сб. 11. С. 701—783; *Он же*. Землевладение боярского рода Сатиных в XIV—XV вв. // Историческая география России. М., 2004. С. 68—74; *Он же*. Генеалогия и поминание представителей рода Сергия Радонежского в XIV—XIX вв. // Честному и грозному Ивану Васильевичу. М., 2004. С. 35—46; *Он же*. К истории состава землевладельцев Можайского княжества в конце XIII — первой половине XV в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2004. С. 185—215; *Он же*. Князья Можайска и судьба их владений в XIII—XIV вв. // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 107—122; *Он же*. Из истории можайских землевладельцев в XIV — начале XV в. // Исследования по истории средневековой Руси. С. 230—253; *Он же*. Происхождение и эволюция родовой памяти старомосковской боярской фамилии Серкизовых и Старковых по данным родословных книг XVI—XVII вв. // Памяти [М. П.] Лукичева. С. 752—764; *Он же*. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII—XV вв. Ч. 1 // ПИ. 2006. Вып. 1 (12). С. 108—166; *Он же*. О происхождении рода Аминевых // Государство и общество в дореволюционной России XV — начала XX в. СПб., 2007. С. 116—121; *Он же*. Князья Пронские, бояре Монастыревы и дворяне Кусаковы — участники битвы на реке Воже в 1378 г.

щие реализовать на практике поставленную выше задачу. О возможной перспективности ее решения уже писалось в историографии. Так, напри-

и их потомки в XV—XVI вв. // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Тула, 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 78—96; *Он же*. Генеалогия рязанских и муromских князей XIII — первой половины XIV в. // ЗОР [РГБ]. М., 2008. Вып. 53. С. 35—60; *Он же*. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 2: Порховские, Кузьмины, Сатины-Шонуровы) // ГДЛ. 2008. Сб. 13. С. 447—494; *Он же*. Древнейший список синодика Ярославского Толгского монастыря // Книжная культура Ярославского края. Ярославль, 2011. С. 44—57; *Он же*. Генеалогия потомков черниговских князей по данным Румянцевского II списка первого издания Патриаршей редакции родословных книг (РГБ. Ф. 256. № 349) // ОФР. 2012. Вып. 15. С. 173—192; *Кузьмин А. В.* Генеалогия муromских князей в XIII — середине XIV вв. // Уваровские чтения — VIII. Владимир, 2012. С. 164—168; *Он же*. Генеалогия тверского боярского рода Левашовых (XIII — середина XV в.) // СР. 2012. Вып. 10. С. 229—247; *Он же*. Источники о генеалогии князей Пожарских в XIV—XVI вв. и представления о ней князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Мининские чтения. Н. Новгород, 2012. С. 178—201; *Пудалов Б. М.* Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII — начало XVIII в.). Н. Новгород, 2001; *Он же*. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII — первая треть XIV в.). Н. Новгород, 2004; *Горишкова В. В.* К начальной истории Толгского монастыря // ОФР. 2001. Вып. 5. С. 3—12; *Городилин С. В.* Ростовское боярство в первой трети XIV в. // ИКРЗ, 2001 г. С. 94—98; *Он же*. Стретенская и Борисоглебская стороны Ростова // Там же, 2011 г. С. 15—23; *Эскин Ю. М.* Местническое дело К. А. Трусов — князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. С. 300—307; *Стрельников С. В.* Об особенностях политической истории Ростовской земли в XIV—XV вв. // ИКРЗ, 2002 г. 2003. С. 6—20; *Он же*. Потомки ростовского боярина // ДРВМ. 2004. № 1 (15). С. 42—51; *Он же*. Потомки Петра Ордынского и Караслевской слобода // Исследования по истории средневековой Руси. С. 223—229; *Он же*. Землевание в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. М.: СПб., 2009; *Он же*. Грамоты XV — начала XVI в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. С. 111—147; *Лебедев В. П., Клоков В. Б.* «Печать князя Константинова» с Царевского городища // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 128—134; *Мельник А. Г.* К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском» // ТОДРЛ. 2003. Т. 53. С. 626—627; *Он же*. История почитания ростовских святых в XII—XVII вв. Ярославль, 2004; *он же*. Московский великокняжеский дьяк Данило Мамырев. С. 61—69; *Чеченков П. В.* Князя Суздальского дома и борьба за власть в Нижегородском великом княжестве // Мининские чтения. Н. Новгород, 2003. С. 89—100; *Он же*. Суздальские Рюриковичи и правители Золотой Орды в первой четверти XV в. // Там же. Н. Новгород, 2007. С. 339—354; *Он же*. Суздальские Рюриковичи и территориально-политическое устройство Нижегородского княжества // ДГВЕ, 2005 г. 2008. С. 319—339; *Он же*. Формирование нижегородской служилой элиты в XV — начале XVII в. // Русское средневековье. С. 407—421; *Штыков Н. В.* Социально-политическое развитие Тверской земли в XIV — первой четверти XV в. СПб., 2004; *Он же*. К истории складывания аппарата управления тверских князей в XIII — начале XIV в. // Исследования по истории средневековой Руси. С. 70—75; *Он же*. Союзники Михаила Ярославича Тверского // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2009. Вып. 2. С. 105—116; *Он же*. Тверь при князе Константине Михайловиче // Михаил Ярославич Тверской — великий князь вся Руси. Тверь, 2008. С. 117—126; *Он же*. Князь Холмские в политической системе Тверской земли в XIV—XV вв. // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 137—138; *Давыдов М. И.* Стародуб Ряполовский в XIII — 70-х гг. XVI в. Владимир, 2004; *Колываская Е. Л.* Образ князя в русских летописях // Неисчерпаемость источника. М., 2005. С. 166—191; *Она же*. Родоначальники Ховриных-Головиных // Род дворян Головиных в контексте российской истории. М., 2008. С. 5—24; *Она же*. Княжеская власть и твер-

мер, М. Е. Бычкова справедливо отмечала, что «собранные и систематизированные генеалогические данные могут быть прочной основой для исследований, посвященных самым разнообразным вопросам истории формирования классов, землевладения, образования и становления государственного аппарата, общественно-политических идей»³⁴.

Схожая ситуация, в связи с изданием Литовской Метрики (далее — ЛМ) сотрудниками Института Истории Белоруссии, Литвы и Польши, Вильнюсского и Минского университетов, наметилась при изучении титулованной и нетитулованной знати Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). В середине XIII—XV в. в его состав постепенно вошло большинство земель Западной, Южной и Юго-Восточной Руси. В это время политическая элита, военно-служилая знать и другие социальные группы

ская литература XIV—XV вв. // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. С. 22—32; Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Н. Новгород, 2006; Новикова О. Л. Материалы для изучения русского летописания конца XV — первой половины XVI в. // ОФР. 2007. Вып. 11. С. 132—258; Адаменко О. Н. Бохтожское княжество // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 142—150; Dąbrowski D. Genealogia Mściśławowiczów. Kraków, 2008; Гадалова Г. С. Повесть о княжне Софье Ярославне Тверской как исторический источник по истории и культуре Тверского края // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 412—427; Она же. Летописные источники о женщинах Тверского княжества // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. С. 98—110; Она же. Сказание об обретении мощей преподобного Макария Калязинского // Русская агиография. СПб., 2011. Т. 2. С. 43—75; Она же. Благоверная великая княгиня Ксения Тверская. Тверь, 2011; Башнин Н. В. Землевладение Дионисиево-Глушицкого монастыря в первой половине XV в. // ИКРЗ, 2009 г. С. 173—181; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции. М., 2010. С. 152—167; Успенский Ф. Б. Родовые имена и небесные покровители в семье московских великих князей // Московский Кремль XV ст. Т. 1. С. 37—41; Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Там же. С. 453—455; ПИРСС; Синелобов А. П. Спорные вопросы генеалогии боярского рода Морозовых-Тушиных в XIV—XV вв. // РИ. 2011. № 2. С. 69—76; Аракчеев В. А. Новый источник по истории великокняжеской политики в севернорусских землях в третьей четверти XV в. // РИ. 2011. № 4. С. 178—184; Гневашев Д. Е. Об одном «примысле» великого князя Дмитрия Донского на белозерско-вологодском рубеже // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 33—34; Антонов А. В. Историко-археологические исследования. М., 2013; и др. Впрочем, в современной историографии встречаются исследования, авторы которых до сих пор сознательно отказываются от поиска и использования каких-либо рукописных и архивных источников в процессе изучения истории политической элиты Северо-Восточной Руси, причем там, где это требует сама логика выбранной ими темы. — Например, см.: Борисов Н. С. Сергей Радонежский. М., 2001; Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI в. СПб., 2003; Быхлова М. И. К вопросу о происхождении Петра, царевича Ордынского // От Древней Руси к новой России. М., 2005. С. 164—168; Кривошеев Ю. В. Иван Васильевич Вельяминов: Москва — Тверь — Орда // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. С. 127—134; и др. Однако удельный вес таких работ весьма невелик.

³⁴ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе // ВИД. 1976. Вып. 7. С. 48.

населения ВКЛ продолжали поддерживать династические, церковные, служебные, культурные и экономические связи с Северо-Восточной Русью и соседними с ней регионами³⁵.

Популярности данной исследовательской тематике в немалой степени также способствовало проведение ряда научно-практических конференций. Они были специально посвящены проблемам изучения источников и новым методам в историко-генеалогических и просопографических исследованиях³⁶.

³⁵ *Paszkiewicz H.* Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. Т. 1; *Backus O. P.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow; *Бурдей Г. Д.* Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV—XVI вв. // *Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография*. М., 1966. С. 206—212; *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; *Он же.* Древняя Русь. М., 1975. С. 11—21; *Пацукто В. Т., Флора Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.; *Она же.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996; *Она же.* Русско-литовская знать XV—XVII вв.; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой; *Русина О. [Б.]* Сіверська земля у складі Великої князівства Литовського; *Korczak L.* Litewska rada wielkoksiążęca w XV w.; *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów; *Назаров В. Д.* О титулованной знати России в конце XV в. С. 189—206; *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a. Vilnius, 2003. P. 222—223, 286; *Idem.* Socialiniai ir istoriografiniai lietuvių kilmės iš romėnų teorijos aspektai // *Senoji lietuvis literatūra*. 2004. Kn. 17. P. 270—284; *Idem.* Фармаванне інстытуцыйнага двара вялікага князя ў Літве (XIV — пачатак XV ст.) // *ARCHE*. Менск, 2009. № 9 (84). С. 39—71; *Войтович Л. [Б.]* Княжа доба на Русі; *Флора Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007; *Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. // *ДРВМ*. 2007. № 2 (28). С. 33—42, № 4 (30). С. 50—68; *Темущев В. [Н.]* К вопросу о московско-литовской границе XV в. (владения князей Крошинских) // *RUTHENICA*. Київ, 2007. Т. 6. С. 299—307; *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. Київ, 2008; *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 10—87, 112—278; *Тесленко І. [А.]* Походження князів Головнів-Острожецьких у світлі нововиявлених джерел // *Студії і матеріали з історії Волині*, 2012 р. Кременець, 2012. С. 129—152; *Груша А. [І.]* Устніе істочнікі генеалогіческой інформации в Великом князестві Литовском в конці XV — первой треті XVI в. // *Генеалогія*. Київ, 2013. Вип. 1. С. 41—48; *Скепьян А. [А.]* Родовая і історическая пам'ять в роду князей Олельковичей-Слуцких // Там же. С. 239—254; і др. Подробнее об этом, например, см. обзоры национальных историографий стран, земли которых входили в состав ВКЛ: Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991—2003 гг. Мінск, 2006; *Закжевский А. Б.* Состояние и перспективы современных польских исследований по истории Великого княжества Литовского // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2008. № 1 (3). С. 101—114; и др.

³⁶ *Генеалогія. Істочнікі. Праблемы. Методы існавання: тезісы докл. і со-общ.* М., 1989; Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв.: тезисы докл. и со-общ. Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимины. М., 1990. Ч. 1—2; Реализм исторического мышления: проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения памяти А. Л. Станиславского. М., 1991; Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина: тезисы докл. М., 1994. Ч. 1—2; Генеалогические исследования: сб. науч. трудов. М., 1994; Россия в IX—XX вв. Проблемы истории, историографии и источниковедения: сб. статей и тезисов докл. Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимины. М., 1999; ВЕДС. Генеалогия как форма исто-

Итогом многолетних исследований стал выход в 2004 г. обобщающего труда по истории эволюции и формирования правящей и военно-служилой знати в средневековой России. В очерках, написанных Е. В. Анисимовым, В. Г. Вовиной, Л. И. Ивиной, А. П. Павловым, М. Б. Свердловым и П. В. Седовым, прослеживаются различные вопросы взаимоотношения власти и политической элиты на протяжении нескольких веков, эволюция их социального статуса, функций и прав. А. П. Павлов, анализируя наблюдения исследователей по этой теме, тем не менее отметил, что, несмотря на ряд серьезных достижений, в ней по-прежнему «неравномерно изучены... различные группы элиты»³⁷. Сложившаяся в историографии ситуация, на наш взгляд, в очерках М. Б. Свердлова и особенно Л. И. Ивиной так и не была преодолена, хотя они должны были прямо затрагивать вопросы формирования состава правящей элиты и военно-служилой знати на Руси в XIII—XV вв. Исследование Л. И. Ивиной фактически является всего лишь добротным обобщением предыдущих наблюдений (преимущественно С. Б. Веселовского, А. А. Зиминой, В. Б. Кобрин, Ю. Г. Алексеева и др.). Главным образом, они были посвящены изучению изменения персонального состава и численности исключительно московской великокняжеской думы. Вопросы происхождения, генеалогических связей и эволюция роли на местах региональной элиты, ее связи со столичной титулованной и нетитулованной военно-служилой знатью в очерке Л. И. Ивиной за исключением редких примеров практически не были рассмотрены. Таким образом, судьба основной части видных представителей служилых фамилий региональной элиты Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв. вновь оказалась вне поля зрения и объектом пристального изучения не стала³⁸, хотя, как отмечено выше, данной теме по ряду ее городов, земель и служилых территориальных корпораций уже посвящено значительное число исследований³⁹.

Не менее пестрым по происхождению, чем двory великих и удельных князей в XIV—XV вв., в Северо-Восточной Руси была служебная организация митрополичьих бояр и дворян. Изучению состава и генеалогии членов митрополичьего двора за XIV—XVI вв. большое внимание уделил С. Б. Веселовский. По сравнению с локальными наблюдениями

рической памяти. М., 2001; ВЕДС. Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 1—2; Государев двор в истории России XV—XVII ст.: материалы междунар. науч.-практич. конф. Владимир, 2006; Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX в. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: Вторая междунар. науч. конф. М., 2009; Сословия, институты и государственная власть в России: (Средние века и раннее Новое время). М., 2010; и др.

³⁷ Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: очерки истории. СПб., 2006. С. 3.

³⁸ Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. Ч. 2. Гл. 1—3. С. 99—128.

³⁹ Подробнее см.: Примеч. 10—35 настоящего введения.

своих предшественников⁴⁰ он внес значительный вклад в изучение данной темы. Правда, отрывочность сохранившихся источников не дала С. Б. Веселовскому возможности «установить связь этого двора с первоначальным его составом при первых митрополитах», хотя он полагал, что «основная масса двора сложилась уже в XIV в.»⁴¹. Данная исследовательская задача не решена и по сей день⁴².

Отдельные, хотя и весьма важные наблюдения Л. В. Черепнина, Е. Ф. Люткиной и др. исследователей касаются истории социального состава служилых дворов русских архиереев в более позднее время (XV — начала XVI или XVII вв.). При этом генеалогия митрополичьих (а позднее и патриарших) и владычных бояр, детей боярских, дьяков и других групп служилых людей в их исследованиях чаще всего имеет иллюстративное, а не вспомогательное значение⁴³. Не решают эту исследовательскую задачу и авторы обобщающих очерков по истории правящей элиты в русском государстве. Так, например, изменение законодательства в отношении службы боярских и дворянских семей митрополичьему двору, нашедшее свое отражение в постановлении «О святительском суде» Стоглавого Собора 1551 г., было дано В. Г. Вовиной вне какой-либо связи с предшествующей эпохой⁴⁴.

Очевидно, что данная ситуация в историографии во многом сложилась как из-за утраты многих документов митрополичьего архива XIV — начала XV в., так и недостаточного выявления и введения в научный оборот сохранившихся письменных источников генеалогического характера.

Формирование, генеалогия и персональный состав боярства и вольных слуг в уделах Московского великого княжения за период с 1340 г. до первой половины XV в. еще также не стали объектами серьезного комплексного изучения. С. Б. Веселовский лишь в общих чертах коснулся

⁴⁰ Горчаков М. [И.] О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святейшего Синода (988—1738). СПб., 1871; Кантеев Н. Ф. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874; Ксанф М. [Е.] Органы епархиального управления в Древней Руси // Православное обозрение. 1874. № 7. С. 33—63, № 8. С. 164—178, и др.

⁴¹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 2. С. 423.

⁴² Russ H. Herren und Diener. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 88.

⁴³ Черепнин Л. В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XV вв. С. 40—47; Люткина Е. Ю. Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова (1613—1633) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. М., 1988. С. 97—114; Она же. Государство, церковь и формирование статуса патриарших дворян и детей боярских в XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Ч. 1. С. 293—305; Володихин Д. [М.] Патриаршие казначеи в XVII в. // Русское Средневековье, 1997 г. М., 1997. С. 83—93; то же // Русь и южные славяне. СПб., 1998. С. 363—370; Савосичев А. Ю., Кузьмина О. Ю. Рязанский архиепископский двор середины XVI в. С. 123—129; и др.

⁴⁴ Вовина В. Г. Церковные иерархи XVI в. // Правящая элита Русского государства. IX — начало XVIII в. С. 286—288.

данных проблем, хотя в отдельных его очерках можно найти ценные факты и наблюдения по истории службы тех или иных фамилий у правителей московских уделов. По мнению исследователя,

«во второй половине XIV в. мы можем наблюдать также обособление по уделам князей московского дома местных бояр и землевладельцев более мелкого масштаба. К сожалению, по этому вопросу мы имеем пока мало сведений. По Боровско-Серпуховскому уделу известны Новосильцевы, Сатины (от кн. Шонура Козельского) и Станишевы, по Верейско-Белозерскому уделу — Монастыревы и Нашокины. Вследствие небольшой исторической значительности этих местных удельных бояр мы имеем о них мало данных, но служебное обособление средних и мелких землевладельцев московских уделов не подлежит сомнению. И не только в XV, но и в XVI в. мы видим, что основная масса средних и мелких землевладельцев служила обыкновенно тому князю, в уделе которого находились их вотчины»⁴⁵.

По мнению С. Б. Веселовского, такая тесная связь между удельным князем и его военно-служилым двором в XV в. в немалой степени способствовала возникновению их отчужденности в отношениях с боярством Москвы. Удельный князь, оказавшийся в силу обстоятельств на великокняжеском престоле, «грозил интересам сплоченной и могущественной среды московского великокняжеского боярства. За удельным князем, естественно, пришли бы к власти его бояре и оттеснили бы на вторые и третьи места старых великокняжеских бояр и слуг»⁴⁶. Таким образом, С. Б. Веселовский не сомневался в том, что в это время при определенных условиях удельное боярство потенциально еще могло заменить великокняжеское. Между тем обратный процесс им рассматривался исключительно как негативный. С. Б. Веселовский полагал, что «переход рода или той или иной отрасли рода на службу от великого князя московского к его младшим „братьям“, удельным князьям, был в огромном большинстве случаев непоправимой деградацией». В качестве примера исследователь отмечал судьбу таких видных служилых фамилий, как «Монастыревы, Хвостовы, Полевы, не говоря об отдельных отраслях других родов». Они, «перейдя на службу к удельным князьям, не могли по мере уничтожения уделов восстановить своего боярского положения. Этому соответствует и говорит о том же другое явление: исконные боярские роды, служившие удельным князьям, как, например, Новосильцевы, Сатины и другие, не могли при переходе на службу к великим князьям получить место в боярской среде»⁴⁷.

⁴⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 467—468.

⁴⁶ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. 1947. Т. 22. С. 103—104.

⁴⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 501—502.

Не менее категоричными в оценке создания и последующей судьбы членов двора удельных князей XIV — середины XVI в. были выводы А. А. Зимина. С одной стороны, учитывая случайность и фрагментарность сохранившихся источников, он признавал, что «состав боярства в удельных думах восстанавливается с трудом и не полностью», но, тем не менее, с другой стороны — для А. А. Зимина «общая картина ясна». Вслед за С. Б. Веселовским исследователь считал, что «удельные думы были в своем роде миниатюрной копией московской. Так же как удельные князья находились в близком родстве с великими князьями, удельные бояре были родичами московских». «Это обстоятельство, — по мнению исследователя, — а также корпоративная замкнутость удельного боярства, его обособленность от рядового провинциального дворянства ослабляли социальную опору удельных правителей и способствовали сравнительно безболезненному падению удельной системы». К данным результатам А. А. Зимин пришел в ходе тщательного анализа источников, в том числе и документов по генеалогии, имевших сведения о составе боярства и слуг ряда московских уделов преимущественно за вторую половину XV — первую половину XVI в.⁴⁸

Не занимаясь предметно историей боярства удельных князей, тем не менее, Н. Ш. Коллман сделала о нем довольно определенный вывод. По мнению американской исследовательницы, фамилии, «служившие только в уделах, образовались, как правило, в XV веке». В качестве примера Н. Ш. Коллман приводит род князей Галицких, ближайшие потомки которых служили в уделе у галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича. По ее мнению, Галицкие не относились к числу фамилий московской служилой элиты.⁴⁹

Несколько важных наблюдений в изучении удельного боярства также принадлежат Ю. Г. Алексееву. Исследователь обратил внимание на значительное изменение на рубеже XIV—XV вв. их обязанностей во время исполнения службы и статуса. Это тесным образом было связано с вводом в практику положения о «городовой осаде», а также «приказе» великому князю московскому бояр Боровско-Серпуховского княжества после смерти их сюзерена⁵⁰. Присоединяясь к мнению С. Б. Веселовского о деградации боярских фамилий, служивших удельным князьям, Ю. Г. Алексеев отмечает, что «в данных конкретных условиях они не имели реальных шансов влиться в состав великокняжеского боярства, оста-

⁴⁸ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 292—294; *Он же*. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 182—195; *Он же*. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 161—188; *Он же*. Крупная феодальная вотчина...; и др.

⁴⁹ Коллман Н. Ш. Боярские роды и отношения при дворе // Американская русистика. Самара, 2001. С. 194. Примеч. 25.

⁵⁰ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 34—35.

вив свои имена в Государевом родословце и других родословных росписях, дошедших до нас (курсив мой. — А. К.)». По его мнению, «Серпуховской удел много десятков лет, вплоть до своей ликвидации в 1456 г., жил особую жизнью и не перемешивался с другими московскими княжествами сыновей и внуков Дмитрия Донского. Бояре и слуги князей мельчающих уделов мельчали и опускались вместе с ними, если только не переходили на великокняжескую службу». Однако, в отличие от С. Б. Веселовского и А. А. Зимина, анализ сведений конкретных источников, а также образцы наиболее ярких и типичных служб боярских родов, которые могли бы подтвердить данный вывод, Ю. Г. Алексеев практически не привел⁵¹. Поэтому не совсем ясно, каким образом «непоправимая деградация» на службе у удельных князей во второй половине XIV—XV вв. в ряде случаев могла сочетаться с последующей записью родословных росписей некоторых фамилий в Государев родословец 1555 г.⁵²

В полной мере эту задачу не решают и последующие исследования по истории Боровско-Серпуховского княжества Л. В. Митрошенковой, А. Б. Мазурова и А. Ю. Никандрова. Прежде всего это связано с тем, что им в большей степени присущ историко-географический и археологический аспекты его изучения, а генеалогия местных бояр и служилых людей изучалась не комплексно и без обращения к неопубликованным родословным источникам⁵³.

В современной историографии до сих пор нет обобщающих работ, где были бы широко введены в научный оборот и тщательно проанализированы родословные источники XIV—XVII вв. по истории и генеалогии региональной знати Северо-Восточной Руси XIII — первой половины XV в. Поэтому в существующих исследованиях еще не исчерпывающе рассмотрены вопросы, каким образом сложилась судьба потомков бояр, осмелившихся в 70-е гг. XII в. выступить против воли таких могущественных ростово-суздальских великих князей, как братья Андрей Юрьевич Боголюбый († 1174) и Всеволод III Великое Гнездо († 1212)⁵⁴. В настоящее время подробно рассмотрены лишь персональный состав заговорщиков

⁵¹ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 36.

⁵² О времени составления Государева родословца подробнее, например, см.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в.; Он же. «Государев родословец» и род Адашевых; Он же. Государев родословец и Бархатная книга; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 9—12; Он же. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 207—210; Бычкова М. Е. Родословные книги середины XVI в. // Труды МГИАИ. 1961. Т. 16. С. 475—480; Она же. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 32—64; Она же. Государев родословец // Русская генеалогия. М., 1999. С. 38—39; Schakchovskoy D. Heuristique et généalogie de la noblesse russe. P. 267—276; и др.

⁵³ Митрошенкова Л. В. Малоярославецкий уезд. С. 5—86; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства; и др.

⁵⁴ Мы придерживаемся ранней традиции наименования древнерусских князей, нашедшей отражение в НПЛ.

1174 г. и его судьба в период соперничества князя Всеволода Юрьевича и его племянников Мстислава и Ярополка Ростиславичей за Владимирское великое княжение⁵⁵.

По-прежнему актуальной остается проблема происхождения, родства и преемственности военно-служилой знати княжеств-государств Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. с боярством предыдущей эпохи. По мнению В. Н. Бочкова, В. Б. Кобрин, А. Л. Юрганова и ряда других исследователей, в середине XIII в. произошло физическое уничтожение основной части нетитулованной знати во время ее вооруженной борьбы против войск Чингизидов⁵⁶. Этот вывод был сделан исследователями на основе анализа содержания родословных легенд и генеалогии некоторых видных боярских и дворянских фамилий.

Тезис об уничтожении в середине XIII в. прежней боярской (дружинной) знати был необходим В. Б. Кобрину и А. Л. Юрганову для решения задач, которые не были напрямую связаны с проблемами генеалогии служилых людей. Опираясь на него, исследователи пытались доказать поступательное развитие процесса «закрепления министериальных отношений, зародившихся на Северо-Востоке еще при Андрее Боголюбском». По мнению В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганова, князья Северо-Восточной Руси из-за гибели боярства были вынуждены во второй половине XIII в. черпать новые кадры из числа своих дворян, реальный социальный и правовой статус которых при этом фактически не менялся. В итоге поддерживавшие В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганова исследователи низвели социальную группу лиц, относившуюся к древнерусскому боярству во второй половине XIII—XVII вв., до первоначального статуса западноевропейских министериалов XII—XIII вв. Они стали об этом писать как о вполне доказанном факте⁵⁷. Причем это отождествление было сделано ими без учета эволюции министериалов в Европе и их вхождения в состав рыцарства в XII—XIV вв.⁵⁸ Большая разница в социальном статусе

⁵⁵ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 80—98; и др.

⁵⁶ Бочков В. Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // АЕ за 1969 г. 1971. С. 78; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 39; Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // ИСССР. 1991. № 4. С. 57—58; Назаров В. Д. Рыцарство: Реальность и воображаемое // Одиссей. 2004. С. 119; и др.

⁵⁷ Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2000. С. 176; Филишкин А. И. Институт крестоцелования в средневековой Руси // Клио. 2000. № 2 (11). С. 46; Тимошенко З. А. Проблемы истории феодальной России // История Отечества. Проблемы. Взгляды. Люди. Псков, 2004. С. 12—13; Котляр Н. Ф. «Государев двор» на Руси XII—XIII вв. // ВИД. 2010. Вып. 31. С. 31; Машанова Л. В. Золотая Орда // Восток. 2011. № 1. С. 61—63; ср.: Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в. // ВИ. 1962. № 4. С. 54—55; Назаров В. Д. Государев двор // БРЭ. 2007. Т. 7. С. 513; и др.

⁵⁸ Так, например, в Германии (по сравнению с военно-служилой знатью Древней Руси) «лишь очень постепенно, в течение XIII и XIV вв., немецкие *ministeriales* обрече-

и правовом положении данных групп европейской знати (так, например, у бояр и вольных слуг на Руси фактически до последней трети XV в. сохранялось право на свободный отъезд) В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганова совершенно не смутило. За рамками их работы также остались наблюдения тех исследователей, которые справедливо отмечали неравномерность развития прав военно-служилой знати в разных регионах Европы даже в границах одной страны. В данном случае в качестве примера можно упомянуть судьбу прав военно-служилой знати Великой и Малой Польши. Как и Русь, обе части этой страны в середине — второй половине XIII в. неоднократно подвергались жестоким разорениям во время походов войск монголов на Центральную и Юго-Восточную Европу, а также позднему натиску Орды в первой половине XIV в. на пограничные земли Великой Польши. Тем не менее, несмотря на многочисленные людские и материальные потери, проблема генеалогической, а следовательно, социальной и правовой преемственности в среде военно-служилой знати Великой и Малой Польши не стоит⁵⁹. Так, например, незначительность привилегий мазовецкой шляхты в XIII — начале XV в., в сравнении со знатью Малой Польши, была вызвана не уничтожением ее лидеров в XIII в., а особенностями географического расположения Мазовецкого княжества и местными социально-экономическими отношениями, которые сложились еще до монгольского нашествия⁶⁰. Именно эти причины замедляли расширение прав местной шляхты⁶¹.

В связи с необходимостью подтверждения своего вывода внимание В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганова привлекла история военно-служилой знати, которая преимущественно происходила из числа так называемых старомосковских родов. Наряду с титулованными Рюриковичами и Ге-

---

ли статус свободного рыцарства» (*Кёнигсбергер Г. Г. Средневековая Европа, 400—1500 гг. М., 2001. С. 228*). Впрочем, отдельным представителям министералов, входившим в совет императора Генриха III (1039—1056), удалось влиться в ряды рыцарства гораздо раньше (*Карсавин Л. П. Культура средних веков. Киев, 1995. С. 95*). Во Франции XII—XIII вв. сеньориальные сержанты также быстро достигли материального благополучия, поддерживая служебный статус брачными союзами с представителями своего круга. Вскоре они совершенно официально либо смогли оформить наследственное рыцарство и прервать, таким образом, всякую служебную зависимость от прежних сеньоров, либо практически остаться на прежней социальной ступени, достигнув уровня богатого виллана (*Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 165, 251—252*).

⁵⁹ *Kała D. O badaniach genealogicznych nad polskim rycerstwem średniowiecznym: (zarys problematyki) // Rocznik Lubelskiego Towarzystwa Genealogicznego. Lublin, 2011. T. 3. S. 11—29.*

⁶⁰ Подробнее об этом, например, см.: *Teterycz-Puzio A. Postawa przedstawicieli elity mazowieckiej i małopolskiej wobec polityki Konrada Mazowieckiego // Słupskie Studia Historyczne. Słupsk, 2003. № 10. S. 15—29; Idem. Zjazdy książąt oraz możnych małopolskich i mazowieckich w I połowie XIII w. // Studia historyczne. Roc 48. Kraków, 2005. Zesz. 3—4 (191—192). S. 267—292; и др.*

⁶¹ Подробнее об этом, например, см.: *Russocki St., Senkowski J. Uwagi o społeczno-prawnym zróżnicowaniu rycerstwa i szlachty mazowieckiej // KH. 1960. № 1. S. 11—24.*

диминовичами, состав боярских фамилий, находившихся на службе Калитовичей, был известен исследователям по упоминаниям в близких по содержанию четырех-пяти редакциях русских родословных книг (Летописной (далее — *Лет. ред.*), Румянцевской (далее — *Рум. ред.*) 40-х гг. XVI в., Патриаршей (далее — *Патр. ред.*) второй половины XVI в. и Бархатной книги 1688 г.⁶², в составе которой отразился текст Государева родословца 1555 г.). Проанализировав доступные по изданиям эти источники XVI—XVII вв., В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов (в отличие от более осторожной точки зрения В. Н. Бочкова⁶³) в попытке решить данную проблему пришли к весьма категоричному выводу. По их мнению, для региона Северо-Восточной Руси «нет ни одной фамилии, предки которых были бы известны до Батыева нашествия»⁶⁴. При этом вне поля зрения исследователей остался значительный массив прочих источников, таких, например, как летописи, синодики, вкладные и кормовые книги, данные региональной топонимики и др., имеющие качественную информацию для сравнительного анализа.

Сведения указанных выше источников не были сопоставлены В. Б. Кобриным и А. Л. Юргановым с информацией родословных росписей подавляющего большинства древних (прежде всего, немосковских) нетитулованных служилых фамилий. Кроме того, исследователями без внимания были оставлены случаи вымирания ряда видных боярских фамилий до начала XVI в., в связи с чем их родословные росписи, за единственным исключением⁶⁵, не попадали ни в Государев родословец 1555 г.,

⁶² Как уточнил А. В. Антонов, этот важный источник был составлен в Разрядном приказе между 9 VI и 16 VII 1688 г., хотя росписи некоторых фамилий принимались и позднее (Антонов А. В. Из истории Палаты родословных дел: 1682—1688 гг. // ИГ. 1994. Вып. 3. С. 80—106; *Он же*. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 13—70). О времени составления Бархатной книги и ее текстологии также см.: Бычкова М. Е. Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги. С. 90—109; *Она же*. Бархатная книга // Русская генеалогия. С. 40—43; *Она же*. Бархатная книга // БРЭ. М., 2005. Т. 3. С. 79; и др.

⁶³ Бочков В. Н. «Легенды» о выезде дворянских родов. С. 78.

⁶⁴ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси. С. 58. Данная точка зрения в историографии наиболее последовательно поддержана Д. М. Котышевым и И. Н. Данилевским. Подробнее см.: Котышев Д. М. Институт великого княжения и эволюция междукняжеских отношений (XII—XIV вв.) // ВЧУ. Сер. 1. 1994. № 1 (7). С. 63, 68—69; *Он же*. Ордынское иго как фактор политического развития Русского государства в XIV—XVI вв. // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV—XX вв. Челябинск, 1995. С. 8—14; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков. С. 175—177; и др.

⁶⁵ Речь идет о роде Дмитрия Васильевича. Он служил великому князю Василию I Дмитриевичу. Дмитрий Васильевич происходил «отъ Гаврила отъ Алексѣевича». У боярина «сына... не было», но осталось три дочери. Они вышли замуж за видных бояр эпохи правления великого князя Василия II Васильевича Темного: «Марья Васильева, мать Образцова, да Григорьева мать Поплевина, да Игнатьева мать Костянтиновича». Очевидно, сестры получили в приданое вотчины Дмитрия Васильевича, а по духовной — возможно, и часть

ни в его частные редакции второй половины XVI — начала XVII в. Такая заведомая ограниченность использованной источниковой базы, а также ссылки В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганова на утраты многих документов прошлого заставляют с большим сомнением относиться к репрезентативности их вывода. Несомненно, он требует тщательной проверки.

Представляется, что в современной историографии еще не до конца исчерпаны возможности сравнительного метода комплексного изучения разных видов источников. Очевидно, что его применение может помочь уточнить достоверность и репрезентативность генеалогических документов, выявить общие и индивидуальные особенности форм письменной фиксации коллективной и индивидуальной памяти людей эпохи Средневековья о предках, событийные штампы, литературные и делопроизводственные клише среди источников информации и в известных текстах росписей старинных военно-служилых фамилий. В совокупности все это может помочь понять причины изменчивости их «родовых памятей» во времени и пространстве на протяжении нескольких веков русской истории. На основе этого можно будет реконструировать происхождение и родственные связи великокняжеской и региональной военно-служилой знати XIII — первой половины XV в. и выявить первоначальные источники, на основе которых происходило формирование наиболее ранних родословных легенд политической элиты России в XVI в.⁶⁶ Поэто-

его владений и имущества. В итоге появилась практическая необходимость в фиксации информации о степени их старшинства и родства по женской линии. Эти сведения нашли свое отражение в ранней подборке генеалогических материалов. Наиболее ранняя подборка данных источников сохранилась в составе Синодального списка Типографской летописи (далее — *Тип. ред.*). Его текст использовался при создании частных списков родословных книг (ср.: ПСРЛ. Т. 24. С. 231—232. Л. 332; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 271; и др.).

⁶⁶ *Охманский Е. Г.* Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь. М., 1974. С. 358—364; *Бычкова М. Е.* Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. // Там же. С. 365—377; *Она же.* Родословные книги... С. 124—144; *Она же.* Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России. С. 133—140; *Она же.* Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 293—303; *Она же.* Генеалогические источники в исследовании истории боярского землевладения XIV—XVI вв. // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. С. 37—44; *Она же.* Русско-литовские политические контакты XV — начала XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 135—146; *Она же.* Генеалогия в общественном сознании допетровской Руси // ИРГО. 1995. Вып. 2. С. 66—68; *Она же.* Русское и иностранное происхождение родоначальников боярских родов // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 53—58; *Она же.* Легенды московских бояр. М., 1997; *Она же.* Восточные и западные мотивы в памятниках русской генеалогии XVII в. // Россия—Восток—Запад. М., 1998. С. 155—163; *Она же.* «Что значит именно родные». М., 2000; *Она же.* Династические браки русских великих князей в XIV—XV вв. // Исследования по истории средневековой Руси. С. 262—267; *Бычкова М. Е., Смирнов М. И.* Генеалогия в России. М., 2004; *Флоря Б. Н.* Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в. // ВЕДС. М., 1978. С. 320—328; *Suchocki J.* Geneza litewskiej legendy etnoge-

му не приходится сомневаться в том, что изучение и интерпретация их родословных росписей, а также «очищение от легендарных элементов, вымысла при реконструкции истории нетитулованной региональной знати является до сих пор актуальной исследовательской задачей»⁶⁷.

Анализ специальных работ позволяет установить, что сложившаяся в историографии ситуация вызвана следующими обстоятельствами:

- 1) недостатком источников, которые в полной мере не были введены в широкий научный оборот;
- 2) концентрацией внимания исследователей прежде всего на представителях московской (столичной) по своему происхождению знати;
- 3) изучение региональной знати только после ее окончательного перехода на службу в Москву; и
- 4) несовершенством применяемых методов.

Эти особенности определили стоящие перед нами цель и задачи работы, а также ее предмет, объект, хронологические и территориальные рамки исследования.

Выработка методики поиска и решение конкретных историко-генеалогических задач на материале истории военно-служилой знати Северо-Восточной Руси и сопредельных с ней регионов, входившей и пополнявшей на протяжении XIII — первой половины XV в. со-

netycznej. Aspekty polityczne i narodowe // ЗН. 1987. Т. 52. Zesz. 1. S. 27—67; Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткихных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV—XV вв. [Ч. 1—2]; Он же. Дворянские роды Скрабинных в XV—XIX вв. // Культурное наследие российской эмиграции, 1917—1940. М., 1994. Т. 1. С. 499—511; Кузьмин А. В. Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII — первой половине XIV в. С. 10—23; Он же. Жития XIII—XIV вв. как источник по генеалогии у аристократии Северо-Восточной Руси // Мир житий. С. 97—105; Он же. Роль генеалогических исследований в изучении древней Руси // ДРВМ. 2002. № 2 (8). С. 56—59; Он же. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI в. С. 5—30; Он же. Крещенные татары на службе в Москве. С. 5—23; Он же. Из истории боярства Твери конца XIII—XV вв. // Первые открытые исторические чтения «Молодая наука». М., 2003. С. 18—27; Он же. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. Ч. 1. С. 701—783; Ч. 2. С. 447—494; Он же. Землевание боярского рода Сатинных в XIV—XV вв. С. 68—74; Он же. Из истории боярства Твери конца XIII—XV вв. // Вторые открытые исторические чтения «Молодая наука». С. 22—32; Он же. Князя Можайска и судьба их владений в XIII—XIV вв. С. 107—122; Он же. Из истории можайских землевладельцев в XIV — начале XV в. С. 230—253; Он же. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII—XV вв. Ч. 1. С. 108—166; Он же. Генеалогия потомков черниговских князей по данным Румянцевского II списка... С. 173—192; Филошкин А. И. Легендарные родословия великих князей литовских и великих князей московских: принципы построения // Русский родословец. 2001. № 1. С. 6—14; Эскин Ю. М. Местничество, родословцы и «родословные пасквили» // От Древней Руси к России нового времени. С. 165—178; Пудалов Б. М. К вопросу о происхождении суздальских князей // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 46—53; и др.

⁶⁷ Назаров В. Д. О генеалогических мифах в современной историографии // АРИ. Вып. 1. С. 149.

став всех служилых категорий людей сначала Владимирского, а затем Ростовского, Московского, Тверского и других княжеств могут быть проведены путем постановки и последовательного решения следующих задач:

1) привлечение дополнительного (слабо привлекаемого или почти не привлекаемого предшественниками) круга источников, имеющих сведения по генеалогии титулованной и нетитулованной знати Северо-Восточной Руси;

2) сочетание сведений различных видов письменных и вещественных источников в историко-генеалогическом исследовании;

3) проверка степени полноты и достоверности конкретных известий источников, посвященных как отдельным лицам, так и всем представителям рода;

4) выработка исследовательской методики, позволяющей определить степень полноты информации, посвященной региональной знати;

5) применение этой методики при идентификации и отождествлении отдельных лиц, семей и родов знати, упоминаемых в разных видах источников;

6) изучение истории службы и создание реконструкций родословий представителей региональной знати и их связей с другими семьями, включая период до ее перехода на службу в Московское и Тверское великие княжества и их уделы;

7) выявление причин и видов добровольных и вынужденных переходов как отдельных представителей и семей, так и целых родов немоковской знати на службу к московским и тверским князьям, киевским митрополитам;

8) изучение ключевых аспектов политики Калитовичей по привлечению на службу в Москву представителей региональной знати как одного из способов конкуренции с Великим княжеством Литовским в процессе собирания не только земель, но и наиболее знатных, политически авторитетных и социально активных групп населения Руси.

Предметом исследования станут история и генеалогия титулованной и нетитулованной региональной знати Северо-Восточной Руси XIII — первой половины XV в. и сопредельных с ней земель; объектом — широкий круг как опубликованных, так и неопубликованных письменных и вещественных источников по истории и генеалогии военно-служилой знати этого региона Руси.

Хронологические и территориальные рамки исследования определялись его целями и задачами. В нем предполагается рассмотреть историю отдельных представителей, семей и целых родов служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — первой половины XV в. Выбор хронологических рамок обоснован временем появления здесь отдельных

княжеств и феодальной войной второй четверти XV в. Они также связаны с объективной сохранностью источников, степенью их изученности и ввода в научный оборот, и последующими важными изменениями, произошедшими в организации службы в Северо-Восточной Руси, — формировании в Москве, ее уделах и сопредельных княжествах служилых дворов — новых социально-политических организаций и территориальных военно-служилых корпораций.

Очевидно, что еще не до конца исчерпаны возможности сравнительного метода комплексного изучения разных видов источников с учетом их региональной специфики. Его применение должно помочь уточнить достоверность и репрезентативность документов по генеалогии знати, выявить общие и индивидуальные особенности форм письменной фиксации коллективной и индивидуальной памяти людей эпохи Средневековья о предках и представления о них в более позднее время, событийные штампы, литературные и делопроизводственные клише в письменных источниках (прежде всего, в летописях, синодиках, актах, житиях, повестях о житии, чудесах святых, росписях старинных военно-служилых родов, вкладных и кормовых книгах). В совокупности все это должно помочь понять причины изменчивости «родовых памятей» служилой знати во времени и пространстве на протяжении нескольких веков истории. Благодаря этому, на наш взгляд, можно реконструировать происхождение и родственные связи между великокняжеской и региональной военно-служилой знатью XIII — первой четверти XV в., выявить первоначальные источники, на основе которых происходило формирование наиболее ранних родословных легенд нетитулованной знати, начиная с рубежа XV—XVI в.

Источниковая база исследования определяется поставленными проблемами. В работе будут использованы различные виды исторических источников, позволяющих раскрыть специфику информации, находящейся в каждом из них, сходства и различия при ее фиксации или интерпретации.

Среди главных источников, которые необходимы для изучения истории формирования, персонального состава и генеалогии титулованной и нетитулованной знати Северо-Восточной Руси, являются русские и белорусско-литовские летописи. Наиболее важное значение среди них имеют памятники общерусского (митрополичьего) и областного летописания (прежде всего, Лаврентьевская, Троицкая и Тверская летописи, Рогожский летописец, «Слово похвальное» тверского инок Фомы, Типографская, Ермолинская, Новгородские I—V, Софийские I—II, Псковские I—III, Слуцкая, Никифоровская и др. летописи), а также Московские своды конца XV — начала XVI в., Русский Хронограф, Никоновская и Воскресенская летописи, оригинальные краткие лето-

писцы XIII—XVI вв.⁶⁸. В основу генеалогических связей летописей положены наблюдения Я. С. Лурье⁶⁹.

Вторым по информативности видов источников являются акты — уставные, духовные (душевные) и договорные грамоты великих и удельных князей, жалованные, данные, купчие и разъезжие грамоты светских и церковных феодалов Северо-Восточной Руси, ВКЛ и Польши, материалы писцовых описаний⁷⁰.

Помимо этих видов источников, необходимо также привлекать сравнительного анализа сведения по генеалогии знати из Типографской (далее — *Тип. ред.*) 30-х гг. XVI в., Летописной (далее — *Лет. ред.*), Румянцевской (далее — *Рум. ред.*) редакций родословных книг 40-х гг. XVI в., Государева родословца 1555 г., сохранившегося в составе Бархатной книги 1688 г. и его частных списков — в редакции в 43 главы (далее — *Ред. в 43 главы*), 43 главы с приписными (далее — *Ред. в 43 главы с прип.*), Компилятивной (далее — *Комп. ред.*), Разрядной (далее — *Разр. ред.*) и Патриаршей (далее — *Патр. ред.*) редакциях, редакции в 81 главу (далее — *Ред. в 81 главу*) и других родословцев. Кроме того, следует учитывать данные отдельных росписей титулованных и нетитулованных фамилий и дел о двойных фамилиях, отразившихся в составе летописных и разрядно-родословных сборников, местнических дел, а также и архивный материал, который в 1682—1700 гг. подавался в Палату родословных дел, а в XVIII — начале XIX в. — Ге-

⁶⁸ ПСРЛ. СПб.; М., 1841—2009. Т. 1—43; *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950; *Иоасафовская летопись*. М., 1957; *Тихомиров М. Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 г. 1962. С. 234—243; *Он же.* Русское летописание. М., 1979; *Коняевская Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // НИС. Вып. 10 (20). С. 322—383; *Новикова О. Л.* Материалы для изучения русского летописания конца XV — первой половины XVI в. I. Летописные подборки рукописи Погод. 1596 // ОФР. 2007. Вып. 11. С. 132—258; и др.

⁶⁹ *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV в. СПб., 1994; *Он же.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997; см. также: *Кучкин В. А.* О времени написания створенной в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem / У источника. М., 2005. С. 237—242; *Коняевская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007; и др.

⁷⁰ *Danilowicz I.* Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów, posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Wilno, 1860. Т. 1; ПКМГ. СПб., 1872—1877. Ч. 1—2; Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1882. Т. 6: Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae (1376—1430); *Розов В. [А.]* Українські грамоти. Київ, 1928. Т. 1; Akta unji Polski z Litwą, 1385—1791. Kraków, 1932; ДДГ. 1950; АСЭИ. М., 1951—1956. Ч. 1—2; АРГ, 1505—1526 гг. М., 1975; АФЗХ: акты Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983; Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI в. М., 1992; Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992. Вып. 1; 1997. Вып. 4; РД. 1997—2004. Вып. 1—10; АСЗ. 1997—2002. Т. 1—4; АРГ: АММС. 1998; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506—1608 гг. М., 1998; ПКНЗ. 1999—2009. Т. 1—6; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. М.; СПб., 2007; РФА, XIV — первой трети XVI в. М., 2008; Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005; и др.

рольдмейстерскую контору, Канцелярию Разрядно-Сенатского архива и Канцелярию Московских герольдмейстерских дел⁷¹.

Необходимо учитывать, что подавляющее число родословных росписей видных фамилий детей боярских из многих уездов страны так и не были включены в официальный текст Государева родословца 1555 г. Эта существенная масса служилой знати была вынуждена довольствоваться выборочным включением росписей своих однородцев в частные списки родословных книг второй половины XVI—XVII вв.

В одних случаях эти родословные росписи составляли отдельную часть источника и имели особый заголовок: «Приписные роды, которых в Государеве родословце нет»⁷², или специальные пометы в оглавлении⁷³. В других они группировались в специальные подборки росписей по территориальному признаку и имели следующие заголовки: «Здесь писаны роды дети боярские тверичи»⁷⁴ и «Здесь писаны роды дети боярских резаньцов»⁷⁵.

Такое внимание представителей бюрократии и потенциальных местников к двум влиятельным (нестоличным) территориальным корпорациям дворян в России XVI в. объяснимо. Еще недавно правители Твери и Переяславля Рязанского были полноправными независимыми суверенами в своих землях. Поэтому находившаяся на их службе титулованная и нетитулованная знать в социальных стратах Руси естественным образом стояла на одну-две ступени выше, чем, к примеру, бояре, дети боярские и вольные слуги Ростова, Суздаля, Углича, Мологи, Любутска, Белева или Вязьмы. В этом случае города Северо-Восточной Руси середины XIII — первой половины XVI в. выступали как наследники домонгольских традиций⁷⁶. На Руси эволюция статуса древних политических

⁷¹ БК. Ч. 1—2; Родословная книга [по трем спискам]. С. 1—286; РИИР. 1977. Вып. 2; Антонов А. В. Из истории Палаты родословных дел: 1682—1688 гг. // ИГ. 1994. Вып. 3. С. 80—106; ПИРСС; Кузьмин А. В. Генеалогия потомков черниговских князей по данным Румянцевского II списка первого извода Патриаршей редакции родословных книг (РГБ. Ф. 256. № 349) // ОФР. 2012. Вып. 15. С. 173—192; и др.

⁷² РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 105.

⁷³ Например, см.: ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 4. Интересно отметить, что пометы о «приписных» родах нет ни в тексте этой родословной книги конца XVI в. после окончания родословной росписи Адашевых, ни в ее втором оглавлении, написанном в конце данного кодекса (ср.: Там же. Л. 271—271 об., 288 об.).

⁷⁴ РГАДА. № 67/90. Л. 100 об. — 105 об.

⁷⁵ РГАДА. № 67/90. Л. 106—108. Подробнее об этом см. в ст.: Кузьмин А. В. Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI—XVII вв. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3. С. 48—59.

⁷⁶ В культурно-историческом аспекте процесс градообразования в домонгольской Руси делился на три периода. Последний оканчивался как раз 1240 г. Однако «ни один из периодов не замкнут в себе: в настоящее продолжало жить прошлое, но уже обозначались явления, предвещавшие будущее» (Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X—XIII вв.) // ВИ. 1994. № 10. С. 55).

центров Руси привела к тому, что Киев и Новгород долгое время считались намного выше других столиц племенных союзов страны⁷⁷.

Несомненно, что на формирование новой иерархической структуры среди древнерусских городов, правителей этих городов и их военно-служилой знати повлияли и трагические события, которые произошли на Руси в XIII—XV вв.⁷⁸ Прежде всего, речь идет о военном, экономическом и духовном кризисе, охватившем земли Руси в конце XII — начале XIII в., чем сначала воспользовались ее хищные и обиженные ранее соседи из стран Центральной и Восточной Европы, Прибалтики и Скандинавии. Однако самым страшным ударом для древнерусского средневекового общества и его самосознания в 1237—1242 гг. стало мощное и разрушительное по своей сути нашествие на русские княжества и их союзников объединенных войск улусов Монгольской империи Чингизидов.

Последовавшее за ним в 40—50-е гг. XIII в. установление ордынского ига на Руси затронуло все социальные слои ее населения. В течение второй половины XIII — середине XIV в. значение и роль таких политических, экономических и культурных центров Руси, как Владимир, Суздаль, Ростов и Переяславль Залесский, постепенно ослабевают, а на смену им приходят Москва, Тверь и Нижний Новгород. Военно-служилые организации политической элиты этих новых центров Северо-Восточной Руси во второй половине XIII — начале XV в. активно объединяют вокруг себя значительное число родов знати своего региона, сопредельных и дальних от него земель ранее единой страны.

Процесс серьезных политических и демографических изменений в Северо-Восточной Руси, помимо летописей и актов, получил свое отражение в житиях и повестях о житии русских святых, мучеников и подвижников благочестия, а также рассказах, посвященных чудесам, одними из главных героев которых были вотчинники и вкладчики, проживавшие как вблизи от церквей и монастырей, так и в удаленных от них городских центров. Наряду с духовными и обрядовыми запросами служилая знать нуждалась в духовных корпорациях для поминания душ своих умерших предков⁷⁹.

Поэтому, помимо памятников агиографии, большое значение при выяснении генеалогии правящей элиты и военно-служилой знати при-

---

⁷⁷ Подробнее об этом см.: Горский А. А. Земли и волости // Горский А. А., Кучкин В. А. и др. Древняя Русь. М., 2008. С. 9—32. Реальный статус княжеств-государств наиболее точно отражался в династической политике их правителей. Плачевное военно-экономическое положение страны подчас не давало возможности его правителям рассчитывать на благоприятный брак, причем даже в том случае, если, например, дело касалось императорской фамилии Палеологов. Подробнее об этом см.: Ракитина М. Г. Была ли Софья Палеолог наследницей византийского престола? // Московский Кремль XV ст. Т. 1. С. 27—35.

⁷⁸ Горский А. А. Восточная Европа в XIII—XV вв.: от «земель» к «великим княжениям» // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 2. С. 63—69.

⁷⁹ Подробнее библиографию работ об этом см.: СККДР. Л., 1987—1988. Вып. 1—2. Ч. 1—2; СПб., 1992—2004. Вып. 3. Ч. 1—4.

обретает анализ информации синодиков, обиходников, вкладных и кормовых книг духовных корпораций Северо-Восточной Руси и ВКЛ⁸⁰, а также описаний древнерусских некрополей⁸¹. Исследования А. И. Алексеева, А. В. Антонова, А. А. Булычева, С. Б. Веселовского, В. В. Дергачева, С. М. Каштанова, С. В. Конева, А. С. Кузьмука, А. В. Маштафарова, С. В. Николаевой, С. В. Сазонова, С. В. Стрельникова, Т. И. Шабловой, Л. Штайндорфа и некоторых других исследователей показывают, что для такого периода русской истории, как XIII—XV в., по степени информативности прежде всего стоит отметить синодик Успенского собора Московского Кремля XIV—XVI вв., древнейшие пергаменные списки синодиков Троице-Сергиева монастыря 1575 г. и 80—90-х гг. XVI в., его вкладные книги XVII в., синодики Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в., Киево-Печерского монастыря конца XV — начала XVI в. и второй половины XVII в., синодики главных соборов епархий (например,

⁸⁰ Например, см.: ДРВ. Ч. 6. С. 420—506; Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) // ЧИОНЛ. 1892. Кн. 6. Отд. 3. С. I—XIV, 1—88; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любешкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 24—29; Сазонов С. В. Синодики надвратных церквей ростовского архиерейского дома // СРМ. 1992. Т. 3. С. 131—162; Каштанов С. М. Царский синодик 50-х гг. XVI в. // Историческая генеалогия. 1993. Вып. 2. С. 44—67; Конев С. В. Синодология. Ч. 2. С. 98—106; Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1997. № 4. С. 80—85; 1998. № 1. С. 84—89; Синодик князей Шелешпанских // Белозерье. Вып. 2. С. 118—127; Маштафаров А. В. Вкладная кормовая книга Михаила-Архангельского монастыря г. Юрьева-Польского... С. 224—233; Он же. Синодик Благовещенского собора Московского Кремля // ВЦИ. 2009. № 1—2 (13—14). С. 11—25; Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горичьего монастыря XV—XVI вв. С. 3—37; Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479—1510-е гг.). СПб., 2004; Кузьмин А. В. Князья Можайска и судьба их владений в XIII—XIV вв. [Приложение]. С. 121—122; Он же. Генеалогия рязанских и муромских князей XIII — первой половины XIV в. [Приложение № 3—4]. С. 58—60; Турилов А. А. К биографии и генеалогии Михаила Клопского // СР. 2006. Вып. 6. [Приложение]. С. 207—209; Алексеев А. И. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // ВЦИ. 2006. № 3. С. 5—184; Он же. Древнейшая Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // История в рукописях и рукописи в истории. СПб., 2006. С. 363—378; Он же. Древнейший синодик Макариева Унженского Троицкого монастыря // ВЦИ. 2007. № 4 (8). С. 5—41; Он же. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Там же. 2010. № 3—4 (19—20). С. 17—117; Кузьмук О. [С.] Поменник Введенской церкви в Ближних печерах Киево-Печерской лавры // Лаврский альманах. Київ, 2007. Вип. 18 (Спецвип. 7). С. 5—115; Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М., 2008; Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1552 г. Н. Новгород, 2009; Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой // Шаблова Т. И. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVII вв. СПб., 2012. С. 97—162, 241—245, 253—265, 286—288, 295—302, 308—340; и др.

⁸¹ Сиренов А. В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII в. // История в рукописях и рукописи в истории. С. 399—414; Он же. Описания древнерусских некрополей в рукописях XVI—XVII вв. // РА. 2011. № 1. С. 106—110; Он же. Описание древнерусского некрополя в XVI—XVII вв. // Русское средневековье. М., 2012. С. 844—851; и др.

Вологды (80-е гг. XVI в.), Ростова (1642 г.)), московских, владимиро-суздальских и севернорусских монастырей и др.⁸²

Кроме того, необходимо учитывать изобразительные, сфрагистические, нумизматические и историко-топонимические материалы, свя-

⁸² *Маштафаров А. В.* Документы ЦГАДА по истории Куликовской битвы // Сов. Архивы. 1980. № 5. С. 35—39; *Дергачев В. В.* Родословие Дионисия Иконника. С. 210—225; *Он же.* Вселенский синодик в древней и средневековой России // ДРВМ. 2001. № 1 (3). С. 18—29; *Конев С. В.* Синодиология. Ч. 1. С. 7—15; Ч. 2. С. 95—98; *Кашианов С. М.* Царский синодик 50-х гг. XVI в. // ИГ. 1993. Вып. 2. С. 44—67; *Сазонов С. В.* Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // СРМ. 1994. Т. 6. С. 16—24; *Кучкин В. А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // ДГВЕ, 1995 г. С. 220—233; «Сих же память пребывает на веки». СПб., 1997; *Алексеев А. И.* Церковные и монастырские синодики-помянники в собраниях ОР РНБ // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России. М., 1999. С. 102—108; *Он же.* Роспись главам древнейшего Синодика Московского Богоявленского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 7—33; *Он же.* К изучению вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря // ДРВМ. 2002. № 2 (8). С. 68—85; *Он же.* О начале государственного поминания правящих династий Рюриковичей (XIV—XV вв.) // ДГВЕ, 2005 г. С. 426—435; *Он же.* Синодики московских Чудова и Богоявленского монастырей // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 5; *Стрельников С. В.* Ростовский Борисоглебский монастырь и его вкладчики в XV — первой трети XVII в. С. 102—114; *Он же.* Особенности редактирования вкладных и кормовых книг Ростовского Борисоглебского монастыря // Опыты по источниковедению. СПб., 2000. Вып. 3. С. 305—322; *Он же.* К вопросу о предназначении вкладных книг и вкладных книг // ОФР. 2006. Вып. 10. С. 58—74; *Пудалов Б. М.* Синодик нижегородских князей // Памятники христианской культуры Нижегородского края. Н. Новгород, 2001. С. 8—22; *Кузьмин А. В.* Стрельников С. В. Вкладные книги. С. 613—617 [Библиогр. — с. 616—617]; *Кузьмин А. В.* Генеалогия и поминание представителей рода Сергия Радонежского в XIV—XIX вв.: (по данным древнерусских синодиков) // Честному и грозному Ивану Васильевичу. М., 2004. С. 35—46; *Он же.* Древнейший список синодика Ярославского Толгского монастыря // Книжная культура Ярославского края. Ярославль, 2011. С. 44—57; *Он же.* Генеалогия муромских князей в XIII — середине XIV вв. С. 164—168; *Турилов А. А.* К биографии и генеалогии Михаила Клопского. С. 178—207; *Булычев А. А.* Поминание павших на Куликовом поле во Вселенском Синодике Русской митрополии конца XV в. // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Т. 2. Вып. 2. С. 39—47; *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 37—56; и др. Подробнее о проблеме изучения поминальной практики в средневековой Руси, например, см.: *Дергачева И. [В.]* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII вв. (на материале синодиков). München, 1990; *Сазонов С. В.* К ранней истории синодичных предисловий // СРМ. 1991. Т. 1. 8—28; *Он же.* О видах синодика-помянника // ИКРЗ, 1992 г. 1993. С. 110—111; *Idem.* The «Prayer of the Dead for the Living» in Russian Chronicles of the Twelfth to Fifteenth Centuries // Russian Studies in History. 2002. Vol. 41. № 3. P. 61—71; *Steindorff L.* Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994; *Штайндорф Л.* Сравнение источников об организации поминовения усопших в Иосифо-Волоколамском и в Троице-Сергиевом монастырях в XVI в. // АЕ за 1996 г. М., 1998. С. 65—78; *Он же.* Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. [Вып. 2]. С. 103—116; *Алексеев А. И.* Поминальная практика в Московской Руси и в Великом княжестве Литовском // Белорусский сборник. СПб., 1998. Вып. 1. С. 88—93; *Он же.* Под знаком конца времен. СПб., 2002; *Он же.* Об источниках для изучения поминальной практики в средневековой России // Русское средневековье. С. 148—163; *Шаблова Т. И.* Поминование усопших в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVII вв. СПб., 2004; и др.

занные с людьми, проживавшими в Северо-Восточной Руси и соседних с ней территориях⁸³.

Памятники права Северо-Восточной Руси в конце XIV—XV вв. также наглядно фиксируют произошедшие в XIII—XIV вв. изменения. Они отражают синтез старых и новых традиций в иерархии ее городов, а следовательно, и территориальных корпораций местной военно-служилой знати. Особенно четко на это указывают уставные грамоты Двинской (1397 г.) и Белозерской (1488 г.) земле⁸⁴, а также 30 (35) статья Судебника 1497 г.⁸⁵

* * *

Изменения в социальной терминологии, употреблявшейся при определении различных групп военно-служилой знати средневековой Руси в последней трети XII—XIII в., наиболее чутко улавливаются уже в оригинальных текстах новгородских берестяных грамот. Эта тенденция также прослеживается в летописях, актах и особенно юридических памятниках XIII—XV вв.

Еще во второй половине XII — начале XIII в. (т. е. до Батыева нашествия) источники фиксируют начало угасания на Руси ряда структурных традиций в формировании *дружины*⁸⁶. На смену ей в Северо-Восточной Руси постепенно приходит организация нового типа — княжеский *двор*⁸⁷. Почти одновременно он возникает в разных регионах страны. С момента начала своего функционирования при русских князьях *двор*, будучи частью *дружины*, постепенно начинает интегрировать на себя основные функции государственного аппарата власти и административно-судебных органов на местах⁸⁸. Вопреки мнению С. А. Нефёдова, этот *двор* не мог происходить от „*ordu*“ чингисидов⁸⁹, ибо на Руси он возник задолго до установления ордынского ига.

⁸³ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1—2; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3; Белецкий С. В. «Печати псковские». Вып. 1—2; и др.

⁸⁴ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. С. 102—128.

⁸⁵ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 274—279; Бенцианов М. М. Судебник 1497 г. и складывание территории Русского государства // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 6—20; Семенченко Г. В. Судебник 1497 г. и некоторые аспекты правительственной политики в конце XV в. // АРИ. Вып. 7. С. 270—271.

⁸⁶ Подробнее об этом, например, см.: Стефанович П. С. Бояре. Отроки. Дружины. М., 2012.

⁸⁷ Свердлов М. Б. Дворяне в Древней Руси // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 54—59.

⁸⁸ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. С. 233—239; Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XIII—XIV вв.) // ВЕДС. 1978. С. 104—123; Он же. Государев двор. С. 513. Схожим образом развитие института «слуг» и «слуг дворных» происходило и в Галицко-Волынской Руси (Греков Б. [Д.] Судьба населения галицких княжеских вотчин под властью Польши // ИЖ. 1944. № 12. С. 37—43; Паиуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 138; Котляр Н. Ф. «Государев двор» на Руси XII—XIII вв. С. 28, 29, 36—37; и др.).

⁸⁹ Например, см.: Нефёдов С. А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // ВИ. 2006. № 2. С. 119; и др. (ср.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 371—372).

Члены княжеского двора — *дворяне*. Они формируются как из лично преданных людей князя (*милостников*), так и из числа лиц, членов дружины (*детских*, *отроков*, *пасынков*, *паробков* и др.). В служебном отношении последние изначально были выше *дворян*. Правда, в Северо-Восточной Руси и Новгородской земле еще в последней трети XII — начале XIII в. имущественное положение *дворян* стало быстро приближаться к независимым собственникам-вотчинникам — *боярам* и княжим *мужам*. Подобно последним, *дворяне* в это время несут военную службу, исполняют административные и судебные функции⁹⁰. Неудивительно, что на рубеже XII—XIII вв. они аккумулируют в себе основные роли почти всех указанных выше должностей, прежде всего — *мечников*, *детских* и *отроков*. Их носители перестают упоминаться в источниках, относящихся к Северо-Восточной Руси. Правда, *детские* (*missi dominici*) как судебные исполнители сохраняются в ВКЛ, но их статус здесь был уже невысок⁹¹.

Постепенная замена в источниках, начиная со второй трети XIII в., термина *дворянин* на *слугу* отражает новый этап в развитии служилых *дворов* русских князей⁹². К сожалению, сторонники министеральных отношений между князем и его *дворянами* оставляют этот важный этап в их истории без какого-либо существенного разъяснения⁹³.

На протяжении XII—XV вв. высокое социальное происхождение и привилегии позволяют *боярам* уверенно занимать господствующее место в политическом окружении князей и твердо защищать свою собственность⁹⁴. В связи с ростом их численности и, очевидно, определенной разницей в происхождении уже с середины XI в. *бояре* делились на две неравноценных группы — великих и меньших. Меньшие *бояре* служили как князьям, так и великим боярам.

⁹⁰ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. С. 233—239; Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XIII—XIV вв.). С. 104—123; Он же. О феодальном землевладении в Новгородской республике. С. 119; Флоря Б. Н. Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. 1971. С. 122; Свердлов М. Б. Дворяне в Древней Руси. С. 56—59; Он же. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 202—222, 227—229; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 150—173; Безус Н. Б. Судебные исполнители в Новгороде в XI—XV вв. // ННЗ. 1998. Вып. 12. С. 170—176; Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е. Христианские древности Старой Руссы // Там же. 2002. Вып. 16. С. 178—179, 183—187; и др.

⁹¹ Ochmański J. Ruskie wzory organizacyjne w państwie litewskim XIV—XV w. // Słownictwo w dziejach Europy. Poznań, 1974. S. 172.

⁹² Флоря Б. Н. Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. С. 111; Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XIII—XIV вв.). С. 112—114.

⁹³ Ср., например: Данилевский И. Н. Рюриковичи в удельный период // ДГВЕ. 2005. С. 292—293.

⁹⁴ Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // ИЗ. 1965. Т. 76. С. 261—274.

Число великих и меньших *бояр* в различных политических центрах средневековой Руси несколько отличалось друг от друга. Так, например, между 1217—1237 гг. в Рязанском княжении у трех рязанских и пронских князей Ингваря Игоревича, Олега и Юрия на службе упоминались «*боярь 300, а мужии 600*»⁹⁵. При этом стоит учитывать, что еще 20 VII 1217 г. в Исадах князя Глеб и Константин Владимировичи, при поддержке своих дворян (слуг) и половцев, уже расправились с шестью князьями Рязанской земли, убив вместе с ними «прочих боярь и дворянь множество»⁹⁶. Таким образом, до событий 1217 г. число рязанских *бояр* могло быть больше, чем 300 человек.

Большое число великих и меньших *бояр* было в Галицком княжении. Этот фактор увеличивал здесь влияние военно-служилой знати, в том числе и на внешнюю и внутреннюю политику. Потенциальная сила *бояр*, основанная на доходных *кормлениях* (со времени не позднее правления князя Владимирка Володаревича), заставляла местных князей считаться с их мнением⁹⁷. Это сильно тяготило Рюриковичей и подчас заставляло их идти на радикальные меры. В 1211 г. с *боярами* удалось расправиться, захватив принадлежавшие им имения, имущество и людей, князьям Владимиру, Роману, Святославу и Ростиславу Игоревичам. При этом «избьени быша и оубьень же быс(ть) Юрьи Витановичь, Илья Щепановичь, инии великии богаре, оубьено же быс(ть) ихъ числомъ 500, а инии разбѣгошася»⁹⁸. Обязанные военной службой, *бояре* выставляли на войну со своих владений определенное число ратников. Сведения источников, например, о Перемышльской земле в конце XIV—XV вв. позволяют выяснить, что в среднем местная нетитулованная знать выставляла на войну от 2 до 6 воинов, а иногда и до 10 человек⁹⁹.

⁹⁵ АСЭИ. Т. 3. № 322. С. 351 [Подлинник].

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 58. Л. 89 об. — 90.

⁹⁷ Подробнее об этом, например, см.: Стефанович П. С. Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // СР. Вып. 7. С. 120—220. Не обращаясь напрямую к изучению данных летописей и формуляра кормленых грамот, Т.Н. Джаксон ошибочно утверждает, что «древнерусское кормление» известно «в русских источниках лишь с XV в.». Правда, под влиянием работ С.В. Юшкова, В.Т. Пашуто и М.Б. Свердловла исследовательница не сомневается в том, что этот институт существовал на Руси и в более раннее время. Работы Б.Н. Флори по данному вопросу Т.Н. Джаксон, к сожалению, не были учтены (Джаксон Т. Н. Austr i Gördum. М., 2001. С. 112).

⁹⁸ Среди оставшихся в живых летописец выделяет бояр Владислава Кормиличича, Судислава Великого и Филиппа. Именно они сыграли важную роль в свержении Игоревичей (ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 723—724. Л. 247). Подробнее о галицко-волынском боярстве в XIII в., например, см.: Jusupović A. Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205—1269): studium prozopograficzne. Kraków, 2013 (Автор анализирует данные о службе 95 бояр и воевод).

⁹⁹ Подробнее об этом, например, см.: Пашин С. С. Перемышльская шляхта второй половины XIV — начала XVI в.

В середине XIII в. численность всей полоцкой дружины была близка числу казенных в 1211 г. галицких *бояр*. В тот период времени, когда Полоцкое княжение переживало затяжной кризис, его правитель князь Товтивил в 1262 г. смог выставить в общерусский поход на земли Ливонии небольшую рать. Она состояла из «полочань и Литвы 500»¹⁰⁰. Для сравнения отметим, что это число было, по крайней мере, в 18 раз меньше того, которое в 1106 г. выставили в поход против земгалов все братья Всеславичи. Тогда, потерпев поражение, шесть князей потеряли «дружины... 9 тысящ»¹⁰¹. Таким образом, политическая раздробленность Полоцкой земли отрицательным образом повлияла на возможность роста ее военного потенциала и социальный статус на Руси ее боярства.

Меньше, чем в Галиче, число *бояр* (несомненно, великих), точнее — глав боярских семей, проживало в Новгородской земле. Согласно данным источников XIV—XV вв., в Великом Новгороде их было примерно 300¹⁰².

В 1236 г. для похода на владения литовского великого князя Миндовга соседний с Новгородом Псков послал на помощь войскам Ливонского Ордена и Рижского архиепископства «мужь 200»¹⁰³. В 1240 г. «весь градъ» Псков участвовал в неудачной битве против ливонских рыцарей под Изборском¹⁰⁴, где вместе с воеводой Гавриилом Гориславичем погибло «600 мужь»¹⁰⁵. В 1266 г. для похода на литовские владения полоцкого князя Герденя бывший налышанский князь Довмонт привлек рать из 270 воинов, делившихся на три отряда по 90 человек¹⁰⁶. Личная дружина князя, с которой в этом году он выехал в Псков, составляла всего «70 друговъ»¹⁰⁷. В связи с этим интересно отметить следующее. Когда в 1510 г. из Пскова по приказу великого князя Василия III Ивановича были выселены в Северо-Восточную Русь знатные псковские семьи, то их общее число, как и в случае с Великим Новгородом, также достигало 300¹⁰⁸.

По-видимому, в XIV—XV вв. полная численность лиц мужского пола, относившихся к боярским семьям Великого Новгорода и Пскова, по

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 83. Л. 139, С. 312. Л. 178.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. М., 1997. Стб. 281. Л. 95.

¹⁰² Подробнее об этом, например, см.: Лукин П. В. «300 золотых поясов» и вече // СВ. М., 2010. Вып. 71 (3—4). С. 266—291; он же. Существовал ли в средневековом Новгороде «Совет Господь»? // ДРВМ. 2012. № 1 (47). С. 15—27; и др.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 3. С. 74. Л. 120 об., С. 285. Л. 158 об.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 310. Л. 269 об.; Т. 18. М., 2007. С. 63. Л. 99 об. — 100; Т. 25. С. 134. Л. 166 об. («град весь»); см. также: Там же. Т. 3. С. 77. Л. 127—127 об., С. 294. Л. 165 («выидоша плесковици вси и до души»); Т. 4. Ч. 1. С. 225. Л. 144 («вси»); и др.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 13. Л. 22 об.; Вып. 2. М., 2000. С. 21. Л. 169; и др.

¹⁰⁶ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV в. М., 2009. № 33. С. 401; Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 189. Л. 354, С. 193. Л. 163, С. 196. Л. 4 об. — 5, С. 200—201. Л. 402 об. С. 202. Л. 284 об.; ПСРЛ. Т. 25. С. 146. Л. 184—184 об.; и др.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 33. Л. 263.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 95. Л. 661.

крайней мере, была в 2,5—4 раза больше и колебалась на отметке около 1000 человек. В это время на ее снижение наиболее сильно влияли эпидемии, голод и войны.

В 1185 г. Владимир Глебович, правитель Переяславского княжения на юге Руси, принимал участие в походе против половцев, «ѣздаше напереду в сторожих». При этом вместе «с Переяславци, и Берендѣевъ было с нимъ 2000 и 100» воинов¹⁰⁹. В 1239 г. эта военная корпорация была уничтожена монголами.

Известно, что в конце XII — начале XIII в. самыми большими военными силами на Руси обладали владими́ро-суздальские князья. К сожалению, их полная численность в источниках не приводится. Однако можно отметить, что в 1186 г. великий князь Всеволод III Юрьевич Великое Гнездо «посла» на помощь к пронским князьям Всеволоду и Святославу Глебовичам лишь из «Володимерьское дружины 300» воинов, которые им «рада быста»¹¹⁰.

Уже в домонгольское время численность военно-служилой знати Северо-Восточной Руси активно пополнялась за счет родственных связей ее правителей с княжескими домами иных политических центров страны и соседних с ней земель. Так, например, известно, что несколько лет ключником великого князя Андрея Боголюбого, женатого во втором браке на ясыне, был Амбал Ясин¹¹¹. В 1173 г. на службе у правивших в Поросье князей Михалко и Всеволода Юрьевичей, младших братьев великого князя Андрея Боголюбого, находился опытный воевода Владислав Лях¹¹². Великому князю Всеволоду Великое Гнездо служил Яков. Летом 1189 г. правитель Владимиро-Суздальской Руси, отпустив в Белгород своего зятя князя Ростислава Рюриковича и восьмилетнюю дочь княгиню Верхуслану-Анастасию, отправил провожать молодую чету «сестрича своего Якова с женою и ины бояры с женами»¹¹³. *Боярином* великого князя Ярослава Всеволодовича был Федор Ярунович, сын известного воеводы Яруна, служившего князю Мстиславу Мстиславичу Удатному, тестю правителя Владимира и Переяславля Залесского¹¹⁴. 15 VII 1240 г. в битве против шведов на р. Неве отличился Яков Полочанин. Он был *ловчим* новгородского князя Александра Ярославича, зятя полоцкого князя Брючислава¹¹⁵.

В начале марта 1238 г. после нескольких сражений с захватчиками великий князь Юрий II Всеволодович по-прежнему обладал крупными

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 395. Л. 133 об.; см. также: *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 270.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. М., 1997. Стб. 401. Л. 136.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586—591. Л. 207—208 об.

¹¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 570. Л. 202 об. До 1167 г. Владислав Лях служил киевскому князю Ростиславу Мстиславичу (Там же. Стб. 526. Л. 188).

¹¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658—659. Л. 229.

¹¹⁴ Подробнее о них, например, см.: *Кузьмин А. В.* Торопецкая знать в XIII в. С. 63—71.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 480. Л. 169 об.; Т. 3. С. 293. Л. 164; и др.

воинскими силами. Достаточно отметить, что на р. Сить он приказал воеводство в полках Жирославу Михайловичу, а затем отправил в просеки для охраны своего войска против монголов отряд во главе с воеводой Дорожем. В подчинении он имел 3000 воинов («моѡжь»)¹¹⁶.

Между тем число *бояр*, входивших в XIII — начале XV в. в ближайшее окружение князя, было намного скромнее. Так, например, в 1280-е гг. у рыльского и воргольского князя Олега было «боярь старѣишихъ 13»¹¹⁷. В 1389 г. у второй духовной великого князя Дмитрия Ивановича Донского сидело 10 *бояр*¹¹⁸. Однако общее число его старейших *бояр*, по крайней мере, было в два раза больше.

Так, например, в 1389 г. двое московских *бояр* были наместниками в Великом Новгороде. Пребывая в нем, в середине мая 1389 г. Иван и Василий не смогли проститься со своим сюзереном в Москве¹¹⁹. Очевидно, что они не были единственными, кто, находясь на *кормлении* или какой-либо другой службе, а также в силу огромных расстояний не смог проститься или проводить в последний путь великого князя Дмитрия Донского. Так, например, в числе послухов у его духовной не были упомянуты племянники митрополита Алексея, братья Д. Ф. и С. Ф. Бякотновы, весьма близкие к великокняжеской семье люди.

Бояре, будучи наиболее привилегированной частью нетитулованной знати на Руси (вместо традиционного в домонгольскую эпоху участия в *полюдье*¹²⁰), свободно распоряжалась своими вотчинами. Подобно первым лицам епархий и монастырей, *бояре* получали материальное содержание у русских князей за счет реализации своих личных прав на управление княжескими городами и волостями¹²¹. Они раздавались князьями своим *боярам* для *кормления «в путь»*¹²². Управление и суд в волостях сохранялись в руках *бояр* «до тех пор, пока они занимали свои должности». На Руси, начиная с первой половины XIV в., пожалование «в путь» в некоторых случаях стало даваться наиболее родовитым *боярам* пожизненно.

Такая эволюция *кормления* на Руси сближала этот институт управления и суда с западноевропейским рентным фьефом. Первоначально он

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 461. Л. 160; Вып. 3. Стб. 516. Л. 240, Стб. 519. Л. 243; Т. 3. С. 76. Л. 124, С. 288. Л. 160; Т. 6. Вып. 1. Стб. 290. Л. 252 об., Стб. 294. Л. 255 об. — 256; и др.

¹¹⁷ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 341; ПСРЛ. Т. 18. С. 79. Л. 139; и др.

¹¹⁸ ДДГ. № 12. С. 36—37 [Подлинник].

¹¹⁹ Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. № 1—2. С. 272

¹²⁰ На территории Русского государства, если не принимать во внимание «Русские земли» ВКЛ, исключение составляет, очевидно, лишь Новгородская земля, где «полюдье дарованное» дожило вплоть до его завоевания великим князем Иваном III Васильевичем (Бахрушин С. [В.] [Рец. на:] Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. «Известия Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра», вып. 138. Л. Соцэкзгиз. 1935 // Историк-марксист. 1936. № 6 (58). С. 193—194).

¹²¹ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 198—199; и др.

¹²² Флоря Б. Н. Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. С. 111.

также имел «своей материальной основой не землю как таковую, но доходы с земли и ее владельцев». Владевшие таким фьефом прево и бальи позднее стали рассматривать его как наследственное владение, учитывая права на него представителей своего рода.

«Сохраняя из поколения в поколение контроль над „королевскими свободными“ определенного округа, такой феодальный род постепенно расширял здесь свою власть за узаконенные пределы, добивался от аллодистов коммендаций в свою пользу, увеличивал выкупные платежи за военную службу и постой, пытался присвоить часть земель. В результате власть представителей этого рода над „королевскими свободными“ обретала постепенно частновладельческий характер»¹²³.

Некоторые исследователи видят сходство между древнерусским кормлением и норвежской *вейцлы*¹²⁴.

В то же время *вольные слуги* — менее знатная по сравнению с *боярами*, но более многочисленная группа лиц — получает княжеские волости лишь в *кормление*¹²⁵. Еще менее знатные, но военнообязанные *оружники* нередко содержались на Руси за счет доходов с промыслов. Так, например, доходы с соляных промыслов в Коломые в Галицкой земле шли на «роздавание оружникам»¹²⁶.

Увеличение числа *бояр* в результате демографических процессов, расширение территорий княжеств-государств Северо-Восточной Руси в XIV в., по сравнению с количеством имевшихся в княжеском дворцовом хозяйстве *путьей*, приводят важным изменениям. В XV в. институт *кормлений* (хорошо известных по ряду сохранившихся актов) полностью вытесняет прежние *пути*. При этом на рубеже XV—XVI вв. время действия *кормлений* было ограничено определенным сроком. Тщательное исследование летописных известий и текстов древнерусских актов позволило Б. Н. Флоре прийти к выводу, что «составление наиболее раннего (из известных) гипотетически восстанавливаемого формуляра кормленых грамот следует... датировать второй половиной XIII—XIV в.»¹²⁷.

Начало XV в. стало временем формирования в Северо-Восточной Руси нового эффективного государственного военно-служилого институ-

¹²³ Бессмертный Ю. Л. Сеньориальная и государственная собственность в Западной Европе и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов на Дону, 1980. С. 29.

¹²⁴ Джайксон Т. H. Austr i Gårdum. С. 112.

¹²⁵ Флора Б. Н. Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. С. 112.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 790. Л. 266 об. Подробнее об этом, например, также см.: Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. // ВИД. 1979. Вып. 11. С. 233; Грабовецкий Б. В. Солеварни промисли Прикарпаття в период Київської Русі // Київська Русь: культура, традиції. Київ, 1982. С. 37; Дильман Д. В. К вопросу о княжеской власти в Галицко-Волынской Руси XIII в. // ВЧУ. Сер. 1. 1998. № 1. С. 90; и др.

¹²⁷ Флора Б. Н. Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. С. 110—119.

та. В источниках начинают упоминаться *двор великого князя* и *дворы* его удельных братьев. В состав таких *дворов*, как показывают ранние акты Василия II Васильевича, входили князья, бояре, дети боярские и дворяне¹²⁸. При этом правовой статус *детей боярских* первоначально соответствовал положению *вольных слуг*¹²⁹.

Наряду с ними существовали служилые *дворы* видных *служилых князей* и *бояр*, состоявшие преимущественно из *послужильцев* и *холопов* разного социального происхождения. В Московском великом княжестве часть *служилых дворов* была ликвидирована в 1480-е гг. по приказу великого князя Ивана III Васильевича¹³⁰. Однако при княжеских, боярских и дворянских *дворах*, а также на службе у духовных корпораций *послужильцы* встречаются и позднее. Судя по вкладам в монастыри в XVI—XVII вв., некоторые из них за время службы накапливали весьма значительные суммы денег и недвижимого имущества. Даже в первой половине XVI в. в источниках есть примеры упоминания таких слуг в чине бояр своих сюзеренов¹³¹. Правда, это не касается лиц, служивших духовным корпорациям.

К концу XV в. в Москве *двор великого князя* плавно эволюционировал в *Государев двор*. В его состав были включены и *послужильцы* *распущенных княжеских* и *боярских дворов*. Пополнение *Государева двора* осуществлялось и позднее, в том числе за счет *дворских* и «*слуг под дворским*», постепенно исчезающих из источников в начале XVI в. Служба за пределами своего города и уезда, получение поместий за пределами традиционного расселения круга своих родственников к концу XVII в. постепенно нивелировали региональные особенности территориальных корпораций *детей боярских*. Минувя определенные этапы реформирования, *Государев двор* просуществовал вплоть до военно-административных реформ царя Петра I Великого в первой четверти XVIII в.

Неравенство в социальном положении и прав на податный иммунитет между представителями политической и военно-служилой знати раз-

¹²⁸ АСЭИ. 1952. Т. 1. № 136. С. 105 [Подлинник].

¹²⁹ ДДГ. 1950. № 34. С. 88 [Подлинник]. О термине *дети боярские* в источниках XV в. подробнее, например, см.: Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в Задонщине // ТОДРЛ. 1997. Т. 50. С. 347—358; Назаров В. Д. Между Москвой и Вильно // Государство и общество в России XV — начала XX в. С. 82—93; и др.

¹³⁰ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 226—227, 289—290; Базилович К. В. Новгородские помещики из *послужильцев* в конце XV в. // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 62—80; Смирнов П. [П.] Образование Русского централизованного государства в XIV—XVI вв. // ВИ. 1946. № 2/3. С. 83—84; Бочков В. Н. *Послужильцы* // ИГ. 1995. Вып. 6. С. 43—54; Бенцианов М. М. Дети боярские «Наугородские помещики». С. 241—277; и др.

¹³¹ Подробнее об этом, например, см.: Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 203—243; Греков Б. Д. Избр. труды. М., 1960. Т. 4. С. 276—331; Пономарёва И. Г. Слуги Троицкого Макарьева Калязина монастыря // АРИ. 2002. Вып. 7. С. 83—101; Кром М. [М.] Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia // Russian History. 2008. Vol. 35. № 3—4. P. 309—320; Кром М. М. Частная служба в России XVI в. // Русское средневековье. С. 422—432; и др.

ных регионов средневековой Руси отражали не только их родовое происхождение, разную иерархию лиц и их наследственный статус. Они также косвенно свидетельствуют о различных путях (добровольном, наследственном или из-за военной агрессии) и времени вхождения титулованной и нетитулованной знати и их военно-служилых дворов (сформировавшихся на территории родовых и выслуженных владений политической элиты) сначала в состав военных сил правителей Владимирского и Московского великих княжеств, московских уделов, *двора великого князя, Государева двора*, а затем и Русского государства¹³².

Наряду с субъективными обстоятельствами в период реформ правительства А. Ф. Адашева-Ольгова сложившаяся в России в период реформ царя Ивана IV Грозного сословно-иерархическая структура внутри правящего класса стала одной из наиболее важных причин, которая может объяснить, почему в Государевом родословце 1555 г. нет подавляющего числа росписей видных родов региональной нетитулованной военно-служилой знати. Между тем ее верхушка практически в полном составе есть в боярском списке 1495 г., Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради, пополнявшейся в 50—60-е гг. XVI в.¹³³ В связи с этим важно отметить, что в данное время близкая иерархия выстраивается в странах Западной и Центральной Европы, которые в отличие от древнерусских княжеств не

¹³² *Флоря Б. Н.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в. // ИСССР. 1972. № 1. С. 48—64; *Он же.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты // ДРВМ. 2011. № 4 (46). С. 5—12.

¹³³ Подробнее об этом, например, см.: *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная Книга 7059—1550 г. Орел, 1911; *Мятлев Н. [В.]* Тысячники и Московское Дворянство XVI ст. // ЛИРО, 1912 г. Орел, 1912. Вып. 1 (29). С. 1—87; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 11—37, 54—91, 96—155, 200—237, 323—478; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 316—479; *Он же.* Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений // ВИД. Вып. 12. С. 28—47; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России...; *Флоря Б. Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // АЕ за 1973 г. 1974. С. 43—57; *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 140—54; *Он же.* Российская знать и поле ее политической жизни. С. 124—140; *Он же.* Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002. С. 567—584; *Он же.* «Господь, князь великий», служилые князья и государев двор в России XV в. // ДГВЕ, 2005 г. С. 340—370; *Он же.* О структуре государева двора в середине XVI в. С. 12—25; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.); *Он же.* К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 21—35; *Бенцианов М. М.* Княжеские родовые корпорации в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // ИГ. 1995. Вып. 8. С. 4—22; Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. С. 157—227; *Корзинин А. Л.* Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV — начале XVI в. С. 388—409; *Он же.* К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 1—2 // Вестник СПбГУ. Сер. 1. С. 12—29; Вып. 2. С. 98—118; *Он же.* Проблемные аспекты в изучении источников по составу Государева двора середины XVI в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 1. С. 3—15; и др.

испытали ужасов ордынского ига. Здесь «вассальные отношения совпадают с ленными, иерархия лиц совпадает с иерархией земель»¹³⁴.

В XVI в. видная служба при дворе и в опричнине расширяли круг потомков нетитулованной региональной знати Северо-Восточной Руси XIII—XV вв., широко представленных в Государеве дворе. Прежде всего речь идет о потомках московских великокняжеских и удельных бояр Сатиных, Лыковых, Овцыных, Замятниных и Злобиных, Беклемишевых, Меликовых (Милюковых) и Старого, Монастыревых и Цыплятевых, отдельные представители которых даже в первой половине — середине XVI в. еще заседали в боярской думе. Кроме того, в это время на внесение в Государев родословец 1555 г. с полным правом могли претендовать потомки крупных боярских родов из других регионов (великих княжений) Руси. В наибольшей степени это относится выходцам из Твери — Нащокиным, Собакиным, Нагим, Киндыревым, Коробовым, Измайловым, Левашовым, Туровым, Сакмышевым и Яхонтовым, Шетневым, Зюзиным и Садыковым, а также из Переяславля Рязанского — Крюковы, Вердеревские, Измайловы, Денисьевым, Булгаковым, Ивашкиным, Сидоровым, Сунбуловым, Кичибеевым, Селивановым, Коробыным и некоторым другим их однородцам.

Родословные росписи указанных выше фамилий были достойны того, чтобы пополнить официальные генеалогические документы. Во второй половине XVI — начале XVII в. в составе частных редакций родословных книг, как правило, восходящих к Государеву родословцу 1555 г., они еще составляли меньшинство. Основная часть росписей здесь все равно отведена княжеским родам, потомкам старомосковских и отчасти тверских и рязанских боярских родов. В 1555 г. региональная знать лишь в силу очень субъективных причин оказалась вне Государева родословца¹³⁵. Лишь к середине XVII в. число росписей родов, не вошедших в этот источник, станет составлять до 50 % всех глав частных редакций родословных книг (как, например, в редакции родословных книг в 81 главу (далее — *Ред. в 81 главу*)¹³⁶).

В ряде случаев собственные росписи по приказу их владельцев вписывались в состав родословных книг, но таких случаев пока известно немного. Возможно, поэтому они редко привлекают внимание у генеалогов¹³⁷. Тем не менее, как показывает исследовательская практика, в большинстве случаев основным источником, отражающим происхождение

¹³⁴ Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 106.

¹³⁵ Лихачев Н. П. «Государев родословец» и Бархатная книга. С. 14; Мятлев Н. [В.] Тысячники и Московское Дворянство XVI ст. С. 12; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 9—11; и др.

¹³⁶ Один из ее лучших списков, заказанных в 1665 г. стольником князем А. И. Лобановым-Ростовским, основан на тексте, записи которого восходят к 1614 г. (*Барсуков А. [П.] Обзор источников и литературы русского родословия*. С. 12).

¹³⁷ Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуновых. Ч. 1. С. 42; Кузьмин А. В., Филошкин А. И. «Родословец русских князей» из рукописного собрания библиотеки музея Чарторыйских в Кракове // ВЕДС. 2001.

и персональный состав преимущественно нетитулованной региональной военно-служилой знати Северо-Восточной Руси XIII—XV вв., по-прежнему остаются только их индивидуальные родословные росписи и помянники. Они составляют основной корпус сведений по генеалогии правящей элиты и военно-служилой знати страны.

Наряду с летописями, частными редакциями разрядных и родословных книг, житиями святых и подвижников благочестия, актами, синодиками, обиходниками, вкладными и кормовыми книгами столичных и провинциальных церквей и монастырей, записями на рукописях и предметах церковной утвари и обихода и другими документами прошлого, сохранившиеся до настоящего времени родословные росписи позволяют судить о древности происхождения и генеалогии политической элиты и военно-служилой знати Северо-Восточной Руси¹³⁸.

В первой половине 80-х гг. XVII в. росписи многих военно-служилых родов были поданы в Разрядный приказ их представителями. В ряде случаев старшие представители титулованных и нетитулованных фамилий выступали и как авторитетные эксперты, способные дать оценку фактам, изложенным в спорных родословных, которые могли вызвать или вызывали их протест. Прежде всего это касалось вопросов включения в общую поколенную роспись близких и дальних родственников тех лиц, кто претендовал на разную степень родства с ними по мужской линии, как правило, начиная с рубежа XIV—XV вв. К сожалению, большинство поданных в Разрядный приказ родословных росписей, созданных в связи с подготовкой правительства к составлению Бархатной книги 1688 г., по разным причинам были утрачены в XVIII—XX вв. По подсчетам исследователей, «ныне подлинники — 136 родословных — составляют менее трети существовавшего некогда массива источников»¹³⁹. Поэтому при изучении вопросов происхождения, персонального состава и родственных и политических связей титулованной и нетитулованной военно-служилой знати Северо-Восточной Руси XIII—XV вв., а также периода допетровской России необходимо чаще обращаться к делопроизводству московских приказов XVI—XVII вв.¹⁴⁰, Герольдии и ряда других учреждений. В столбцах, копиях и черновиках их дел за XVIII — начало XX в. отложилось значительное число документов. Часть из них хранилась в частных архивах

С. 104—112; Кузьмин А. В. Родословная роспись дворян Засецких из родословной книги середины XVIII в. Музейного собрания РГБ // РЧ—2004. 2004. С. 135—137; и др.

¹³⁸ Барсуков А. [П.] Обзор источников и литературы русского родословия.

¹³⁹ Лукичев М. П., Назаров В. Д. Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования. С. 88; Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в.; и др.

¹⁴⁰ Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. // ВИ. 1976. № 10. С. 110—116; Лукичев М. П., Станиславский А. Л. Об использовании делопроизводственных источников XVI—XVII вв. в генеалогических исследованиях // ОА. 1994. № 5. С. 14—20; и др.

русских дворян. Опасность недооценки этого важного массива источников для реконструкции состава и генеалогии региональной элиты неоднократно подчеркивалось в историографии¹⁴¹. Уже в начале XX в. исследователи отмечали, что «заклячая в себе до 250.000 дел, из которых большинство около 180.000 по производству в потомственное дворянство, и более 3.000 разного рода книг, журналов, определений, родословных и проч., Герольдмейстерский архив может считаться богатейшим дворянским архивом»¹⁴². При этом в работе с источниками также следует активно привлекать материалы по генеалогии дворян, находящиеся в фондах региональных архивов нашей страны. На необходимость их использования в исследовательских процедурах уже давно обращается внимание в историографии¹⁴³.

Использование многообразия разных по своей специфике и целей создания письменных и вещественных источников позволяет, на наш взгляд, наиболее полно реконструировать происхождение, состав и родственные связи политической элиты и военно-служилых фамилий в княжествах-государствах Северо-Восточной Руси. Именно здесь в конце XII — начале XV в. правило большинство потомков киевского великого князя Владимира (Василия) Всеволодовича Мономаха († 1125). Только комплексный анализ всей совокупности источников по генеалогии может помочь установить степень генетического родства представителей их военно-служилых дворов с боярством и всеми служилыми категориями людей русских княжеств и земель XV в., т. е. до их подчинения и окончательного вхождения в состав Московского великого княжества и Русского государства. Этим задачам и будет посвящено настоящее исследование.

¹⁴¹ Об этом подробнее, например, см.: Дёмин А. С. Столбцы XVII—XVIII вв. из архива М. Е. Салтыкова-Щедрина и собрания И. А. Шляпкина // ТОДРЛ. Т. 20. 1964. С. 415—417; Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин. С. 128—129; Морозов Б. Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 70—98; Кротов М. Г., Сметанина С. И. Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. С. 66—67; Каменский А. Б. К вопросу о родословных росписях конца XVII в. // ВИД. 1990. Т. 21. С. 211—225; Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в.; Соболева Н. А. Вспомогательные исторические дисциплины в контексте современных проблем источниковедения // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 55—56; и др.

¹⁴² Рудаков В. Е. Архив Департамента Герольдии Правительствующего Сената. Владимир, 1908. С. II.

¹⁴³ Толстой А. В. Древние акты в Родословных // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. [В.] Калачовым, 1859. СПб., 1859. Кн. 3. Отд. 5. С. 7—9; Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. С. 210—213; Станиславский А. Л. Родословная роспись дворян Палицыных // АЕ за 1989 г. 1990. С. 276; Лукичев М. П., Назаров В. Д. Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. С. 89; Азовцев А. В. Источники по истории России XIV—XVI вв. в составе дел фонда Рязанского дворянского собрания ГАРО // Первые Яхонтовские чтения. Рязань, 2001. С. 180—182; Он же. Жалованная грамота первой половины XV в. Семену Поваилише // Рязанская старина, 2006—2008. Рязань, 2013. № 4—6. С. 312—313; и др.

ГЛАВА I

Служилые фамилии, утратившие княжеский титул

§ 1. РЮРИКОВИЧИ, УТРАТИВШИЕ КНЯЖЕСКИЙ ТИТУЛ. Одной из актуальных тем в современной историографии является изучение процесса формирования круга княжеских, боярских и дворянских родов, находившихся на службе у правителей Москвы, Твери, Суздаля и других великих княжений, поиск и установление степени прямого родства между различными группами политической элиты Северо-Восточной Руси. По происхождению среди этих групп военно-служилой знати четко выделяется группа семей из Западной и Южной Руси, предки которых Рюриковичи, утратившие свой титул в середине XIV — первой трети XV в. Почти все эти фамилии, по терминологии служилых людей Русского государства, были «выезжими». За исключением Галицких, по мужской линии они не были прямыми потомками великого князя Всеволода III Великое Гнездо. В число владетельных княжеских семей Северо-Восточной Руси титулованные предки таких фамилий не входили.

Родословные легенды, в основном, лишь в общих чертах касаются происхождения этой группы выезжих родов. Степень их достоверности не изучена, хотя в отечественной историографии эта исследовательская задача была сформулирована давно. Еще Н. П. Лихачев считал, что «вопрос об утрате княжеского титула в русской генеалогии является одним из наиболее важных и жгучих»¹. Кроме того, в историографии до сих пор не разъяснен вопрос, почему князья, выехавшие в XIV в. на службу в Москву, в конце XIV — первой половине XV в. постепенно утрачивали свой титул и даже выбыли из верхнего слоя самой привилегированной верхушки средневекового общества.

В начале XX в. основной круг таких семей определил известный генеалог Н. А. фон-Баумгартен. Отмечая, что родословие многих княжеских фамилий идет «непрерывною цепью до самого Рюрика», он все же заметил: *«Исключение в этом роде представляют только князья Юго-и Северо-западной России»* (курсив мой. — А. К.). Между тем родословия князей Друцких и Четвертинских можно проследить в глубокую старину гораздо далее, чем таковые же многих отраслей Черниговских (скорее

---

¹ Лихачев Н. П. О происхождении Яновых // ИРГО. 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 151.

Северских) Рюриковичей»². Н. П. Лихачев, Л. В. Савелов и Г. А. Власьев тогда же констатировали неясность и путаность родословных документов многих фамилий, которые считали своими предками смоленских князей³. Г. А. Власьев стал первым из русских генеалогов, кто собрал и опубликовал наиболее важные биографические и родословные материалы за XIV—XVII вв. представителей таких фамилий, как Волынские и Вороные⁴. Очевидно, что в этом случае Г. А. Власьев опирался на традицию исследования отдельных семей, объединенных единством происхождения. Еще в конце XIX в. такой метод в изучении титулованной знати применил Н. Д. Квашнин-Самарин⁵. Однако, в отличие от своего предшественника, Г. А. Власьев испытывал сильное влияние более ранней методики. Поэтому его работа написана не в форме монографического исследования, как это сделал Н. Д. Квашнин-Самарин, а в виде очередного справочника, снабженного лишь краткими выдержками из источников.

Несколько ранее Г. А. Власьев издал капитальную работу, посвященную изучению персонального состава титулованных и нетитулованных потомков черниговских Ольговичей за XI—XIX вв.⁶ В нее вошло в том числе исследование, в котором были обобщены сведения источников о потерявших в XIV в. княжеский титул служилых фамилиях Шонуровых и Сатиных. В приложении к нему Г. А. Власьев переиздал древнейшую часть одной из редакций родословной росписи Сатиных⁷, выявленную ранее Н. П. Лихачевым. Бархатная книга 1688 г. была основным источником в генеалогических реконструкциях Г. А. Власьева по определению родопроисхождения титулованной знати. Сведения частных редакций родословных книг исследователь привлекал изредка всего лишь для учета разночтений в текстах источников и уточнению персонального состава семей. Возможно, поэтому, несмотря на известные к тому времени процедуры в сфере внутренней критики источника, ранее блестяще продемонстрированные Н. П. Лихачевым⁸, Г. А. Власьев не смог критически разобрать позднюю легенду дворян Бунаковых. С помощью фальсификации акта, якобы выданного 9 X 1461 г. великим князем Василием II Темным их предку — князю Ларе Бунаку Михайлову сыну, в 1686—1687 гг. Бунаковы сумели добиться включения росписи своей фамилии в родо-

² фон Баумгартен Н. [А.] К происхождению князей Вяземских // Сборник статей, посвященных Л. М. Савёлову. М., 1915. С. 64.

³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. М., 1909. С. 123; Власьев Г. А. Род Волынских. СПб., 1911. С. 2.

⁴ Власьев Г. А. Род Волынских.

⁵ Квашнин-Самарин Н. Д. Исследование об истории княжеств Фоминского и Ржевского. Тверь, 1887.

⁶ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906—1907. Ч. 1—3.

⁷ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 440—442.

⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 439—440.

словное древо потомков князей Хотетовских⁹. Впрочем, этот отдельный факт не умаляет заслуг Г. А. Власьева. В отличие от многих своих предшественников его книга имела несомненное достоинство — прекрасный для начала XX в. научно-справочный аппарат.

Изучая процесс формирования феодального землевладения в Белозерском княжении в конце XIV—XVI вв., А. И. Копанев для объяснения вопроса о куплях Ивана I Калиты в качестве связующего звена использовал такой важный источник, как родословная роспись Монастыревых. Она входит в состав приписных глав более ранней *Рум. ред.* родословных книг 40-х гг. XVI в.¹⁰ Реконструируя генеалогические связи Монастыревых с правящими и военно-служилыми родами Северо-Восточной Руси XIV в., А. И. Копанев сумел привлечь для анализа их родословной не только сведения летописей и актов, но и данные синодиков.

По мнению исследователя, «родословная князей Монастыревых открывает возможность путем рассмотрения истории рода князей Монастыревых проникнуть в историю Белоозера. Наиболее важный факт, могущий быть установленным на основании родословной, состоит в том, что князья Монастыревы по женской линии происходят от внучки Ивана I Калиты. Другой важнейший факт, сообщаемый родословной, относится к истории земельных владений князей Монастыревых: «вотчинные земли Монастыревых ведут начало свое от земли, купленной для родоначальника Монастыревых, князя Александра Монастырева, у белозерской княгини Федосьи. Итак, родословная князей Монастыревых вводит в историю землевладения Белоозера XIV в., а также бросает свет на политическую историю этого княжества». Однако объяснить причины, из-за которых такая родовитая и влиятельная в Белозерской земле семья во второй половине XIV в. перестала пользоваться княжескими правами, А. И. Копанев не смог¹¹.

Большое внимание изучению достоверности информации в росписях семей, возводивших свои родословные к титулованным предкам, уделял С. Б. Веселовский. По его мнению, главной причиной того, что «многочисленные северские и смоленские князья» покидали свои родовые земли, было военное и политическое превосходство над ними правителей ВКЛ. Эти князья «лишались своих уделов, переходили с места на место или находили себе пристанище в Москве и Твери»¹². По наблюдениям С. Б. Веселовского, этот процесс начался во второй

⁹ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 301—303.

¹⁰ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 35.

¹¹ Подробнее об этом см. в кн.: Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 24—38.

¹² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 332.

половине XIV в. Именно тогда, как полагал исследователь, на службе в Москве у великих князей оказываются родоначальники известных позднее военно-служилых родов Порховских и Фоминских, Всеволожей и Заболоцких, Волынских и Вороных, Сатиных-Шонуровых, Полевых и Еропкиных и др.¹³ При этом, правда, С. Б. Веселовский не выяснял, насколько верны родословные легенды и ранние записи о старшинстве родства между разными ветвями одного рода. Для решения локальных генеалогических задач, как полагал С. Б. Веселовский, «нет надобности углубляться в эти вопросы», достаточно только «отделить, по возможности, достоверное от недостоверного, т. к. основной, интересный для нас факт не подлежит сомнению: миграция значительного количества смоленских княжат на восток в XIV—XV вв. и переход их на службу к московским князьям». Судьба представителей фамилий, утративших княжеский титул, складывалась по-разному: «Некоторые не уживаются и уезжают обратно, но многие остаются и занимают прочно места в среде московских служилых людей, частью даже в боярской»¹⁴.

А. А. Зимин также обратил внимание на то, что «в составе московской знати было несколько служилых фамилий, ведших свое происхождение от смоленских и фоминских князей». Исследоваль заметил, что «все они уже давно при переходе на московскую службу (в XIV в.) лишились княжеского титула». Впрочем, это «не помешало некоторым из них занять видное место при великокняжеском дворе. Среди них в первую очередь надо назвать Всеволож Заболоцких, служивших московским князьям уже в конце XIV в.»¹⁵.

А. А. Зимин подробно рассмотрел биографии и генеалогические связи представителей нетитулованных родов, а также службу в конце XIV — первой трети XVI в. при дворе великих и удельных князей Москвы и Твери — Всеволожей, Заболоцких, Ржевских, Толбузиных, Полевых, Еропкиных, потомков Александра Нетши (правда, в последнем случае, он не указывал на их происхождение от смоленских князей)¹⁶. Учитывая результаты наблюдений Н. П. Лихачева и С. Б. Веселовского и обобщая собственные, А. А. Зимин пришел к следующим выводам:

«Феодальная война второй четверти XV в. привела к серьезным изменениям как в составе старомосковских боярских родов, так и в соотношении их различных ветвей при великокняжеском дворе. Сторонники галицких

¹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 285—286, 331—373, и др.

¹⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 359—360.

¹⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 223.

¹⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 223—234, 254—257, 264—266.

князей — кн. Юрия Дмитриевича, Дмитрия Шемяки, кн. Ивана Андреевича Можайского, кн. Василия Ярославича Серпуховского-Боровского сходят с исторической сцены. Немильность великокняжеской власти распространяется и на их потомков. Речь идет о князьях Порховских (на одной княжне из этого рода был женат кн. Юрий Дмитриевич), о роде Дмитрия Ивановича Галицкого, кн. Ивана Шонура Козельского (Сатины), Серкизовых (Старковых). Антимосковская позиция И. Д. Всеволожского и братьев Петра, Ивана и Никиты Добрыньских также сказалась на судьбе потомков Всеволожского (у Добрыньских их как будто не было вовсе). Потомки князей Фоминских, шедшие от Бориса Федоровича Вепрева, ...или не известны совсем, или ушли на службу в уделы.

Потомки многих выездных родов (Беклемишевы, Волинские, Лыковы, Монастыревы, Мячковы, Овцыны, Поливановы и др.) по различным причинам так и не смогли пробиться в Думу»¹⁷.

Итак, практически все исследователи в той или иной степени касались истории военно-служилых родов, предки которых во второй половине XIV — первой трети XV в. потеряли княжеский титул и пополнили многочисленный слой бояр. Тем не менее никто из них не рассматривал группу семей, представители которых утратили княжеский титул, отдельно, не пытаясь выяснить, почему родоначальники изучаемых ими фамилий после выезда на службу в Москву или Тверь были вынуждены согласиться на изменение своего социального статуса. Между тем имеющийся в настоящее время корпус источников по генеалогии и истории правящих на Руси родов (среди них, прежде всего, большое значение имеют росписи отдельных фамилий и родословных книг разных редакций XVI—XVII вв., рассмотренные в специальных работах М. Е. Бычковой¹⁸, а также синодики и акты) в сравнении с источниками по истории ВКЛ за аналогичный период позволяют в ряде случаев не только выяснить происхождение и уточнить историю данных фамилий, но и ответить на поставленные ранее вопросы.

Древнейшие росписи фамилий, утративших княжеский титул, чаще всего начинаются не от общего предка, а от того человека, который первым после приезда начал службу в Москве. Большинство таких лиц как по своему происхождению, так и по землевладению не были тесно связаны с Северо-Восточной Русью. Поэтому установить степень их родства с близкими и дальними родственниками подчас оказывается весьма затруднительно. Прежде всего, это связано с тем, что история правящей элиты и военно-служилой знати в конце XIII — начале XV в. весьма слабо отражена в сохранившихся источниках. Генеалогических источников (за исключением синодиков и житий) и вовсе не было.

¹⁷ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 252.

¹⁸ Бычкова М. Е. Родословные книги...; Она же. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

Для некоторых потомков легендарного Рюрика определение прямой степени родства с лицами, происходившими от общего предка, в качестве коих обычно выступали князья Владимир Всеволодович Мономах или Олег Святославич Черниговский, уже оказалось не под силу в момент создания Государева родословца. Потомки князей, выехав без вотчин на службу в Москву, постепенно теряли не только право на титул, но и связь со своей династией. Бывшие в свое время на слуху у великих князей и летописцев, которые не раз охотно отмечали долгую и чаще всего безупречную службу новых бояр, наместников и воевод, в росписях XVI—XVII вв. они превращались в заурядных предков отдельных фамилий. Их происхождение и реальные заслуги в период установления над Русью гегемонии Калитовичей в этих росписях в лучшем случае были оттеснены на второй план красивой, но порой мало достоверной легендой о выезде «пращура» из «Литвы», «Немец», «Орды» и т. д.¹⁹ Такая тенденция скорее отражала представления служилых людей Русского государства XVI—XVII вв. о более ранней эпохе, нежели исторические реалии второй половины XIII — начала XV в. Выбывая постепенно из боярской среды, далеко не все представители из прежде княжеских семей сумели попасть в 1555 г. в Государев родословец (ср., например, судьбу Сатиных-Шонуровых, Порховских, Фоминских, Даниловых-Мамоновых и др.). При этом росписи некоторых нетитулованных потомков русских князей не удается найти даже в частных списках родословных книг XVI—XVII вв., а также в достаточно поздних списках, поданных в Разрядный приказ после отмены местничества, начиная с 1682 г. (например, Косицких и Кузьминских).

§ 1.1. ВСЕВОЛОЖИ, ТУРИКОВЫ И ЗАБОЛОЦКИЕ — ПОТОМКИ ПРАВИТЕЛЕЙ СМОЛЕНСКА. Одна из первых характеристик родословных росписей XVII в. потомков великого князя Ростислава (Михаила) Мстиславича, внука киевского князя Владимира Мономаха, принадлежит известному русскому генеалогу Л. М. Савёлову. Исследователь заметил, что «родословие Смоленских князей очень запутано, в нем много неясностей, почему происхождение от них родов, не имеющих княжеского титула, весьма сомнительно и требует особых доказательств *в каждом отдельном случае* (курсив мой. — А. К.), хотя бы эти роды и были официально признаны происходящими от Рюрика»²⁰.

Наиболее древняя легенда о выезде на службу в Москву из Смоленска и княжеском статусе предка сохранилась в росписи Всеволожей и Заболоцких. Поэтому выяснение происхождения военно-служилых родов знати, утративших свой титул, логично начать именно с это-

¹⁹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 162—166.

²⁰ Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. С. 123.

го рода. Основным объектом исследования станет выяснение степени родства Всеволожей со смоленскими и брянскими князьями, а также их служба у Калитовичей в XIV — начале XV в.

Древность письменной фиксации легенды о княжеском происхождении Всеволожей позволяет проводить анализ сведений о них, начиная не только с Государева родословца 1555 г. и Бархатной книги 1688 г., но и других источников. Благодаря им, эволюцию родословной Всеволожей можно рассмотреть с момента ее зарождения, то есть с рубежа XV—XVI вв., а деятельность представителей этой фамилии — с середины XIV — до конца первой трети XV в. В это время Всеволожи занимали одно из первых мест в думе Калитовичей.

Самая ранняя роспись Всеволожей с версией о смоленских корнях их предка сохранилась в составе подборки родословных материалов Синодального списка 30-х гг. XVI в. *Туп. ред.*²¹ Это раннее известие источника снимает все сомнения относительно достоверности княжеского происхождения Всеволожей²². По наблюдениям С. Б. Веселовского, «наибольшей полнотой отличается родословие Всеволожей. Оно настолько полно в сравнении с другими боярскими родами, что обращает на себя внимание»²³. Согласно *Туп. ред.*: «А у князя Александра у Всеволожа²⁴ оу Смоленского было два сына: большой Иванъ Александрович, другой Дмитрей Александрович». Анализ текста этой родословной показывает, что сохранился не ее протограф, а его 1 или 2 извод, причем в дефектном состоянии. Так, например, перечисляя потомков известного боярина первой трети XV в., И. Д. Всеволожа, переписчик пропустил не только имя его первого сына Семена, но и часть фразы. В результате получился не совсем ясный фрагмент текста: «А у Дмитрея у Александровича два сына: большой Иванъ Дмитриевич, а другой Иван Ивано-

²¹ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 230—231. Л. 327 об. — 329 об. Последние исследования о Типографской летописи, ее редакциях и ее списках первой половины XVI—XVIII вв., например, см.: *Сербина К. Н.* Типографская летопись 1528 г. // ВИД. 1991. Вып. 22. С. 174—187; 1993. Вып. 24. С. 225—240; *Лурье Я. С.* Летопись Типографская // СККДР. 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 63—64; *Он же.* Летописи // Литература Древней Руси. М., 1996. С. 104; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 24. С. V—XI.

²² Достоверность родословной легенды Всеволожей не вызывает сомнений в историографии (например, см.: *Мятлев Н. В.* Челобитная Михаила Татищева // ЛИРО, 1907 г. Вып. 1. С. 9; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 331; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 223, 225 (Схема 19); *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 251; *Назаров В. Д.* Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002. С. 576; *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. 2. С. 125; и др.).

²³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 12—13.

²⁴ В рукописи ошибочно «Всеволода».

вичь». И только из последующей фразы, «а у Семена у Ивановича Иванъ Семеновъ сынъ Бздоха» можно догадаться, в каком именно месте текста образовалась скрытая лакуна²⁵.

Изменение состава *Туп. ред.* родословных материалов, комплекс которых оформился не ранее 1506—1507 гг.²⁶, а также добавление новых сведений в текст этого источника летописной редакции длился вплоть до конца 30-х гг. XVI в. Однако никаких исправлений или подновлений в текст родословия Всеволожей и Заболоцких внесено не было²⁷. Такая ситуация возникла позже.

При сравнении текстов *Лет. ред.* и *Рум. ред.* родословных книг 40-х гг. XVI в. наблюдается следующая ситуация. В первой из них в главе «Род князей смоленских» о происхождении Всеволожей и Заболоцких не говорится ни слова. Между тем в *Рум. ред.*, напротив, отмечается, будто бы у смоленского князя Глеба Святославича († 12 VIII 1399), убитого ордынцами на р. Ворскле²⁸, был «сын Олександр-Всеволод». От него пошли Всеволожи и Заболотские, «да от того же Глеба Жижемские князи пошли»²⁹. Последняя фраза попала в текст *Рум. ред.*, скорее всего, весьма поздно. Возможно, не ранее 60-х гг. XVI в.

Сначала версия о происхождении Всеволожей и Заболотских от смоленского великого князя Глеба Святославича не получила широкого распространения в списках родословных книг конца XVI — начала XVII в.³⁰ Так, например, эта версия не отразилась в основном тексте Архивского VIII списка *Комп. ред.* Между тем, стоит отметить, что этот источник напрямую восходит к протографу редакции. Судя по всему, он сформировался из ряда родословных материалов (в том числе *Туп. ред.*) еще во второй половине XVI в.³¹

²⁵ ПСРЛ. Т. 24. С. 230. Л. 329. Не проводя текстологического исследования разных редакций росписи Всеволожей, Л. И. Ивина бездоказательно включает в число бояр великого князя Дмитрия Донского мифического Александра Глебовича Всеволожа и его сына Дмитрия (ср.: *Ивина Л. И.* Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XV в. // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. СПб., 2006. С. 120).

²⁶ Быкова М. Е. Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI—XVII вв. // Рим, Константинополь, Москва. М., 1997. С. 268.

²⁷ См., например, родословные материалы в Новгородском владычном своде 1540-х гг. архиепископа Феодосия. Они сохранились в составе НВЛ по списку П. П. Дубровского конца XVI — начала XVII в., а также Архивской (Ростовской) летописи, дошедшей в списке конца XVII или начала XVIII в. (ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 259—260. Л. 476—477; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 848—849). Ему предшествовал Новгородский свод 1539 г. Подробнее об этом см.: *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 44—45; *Лурье Я. С.* Летопись Архивская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 37; и др.

²⁸ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 458—459; Т. 25. М.; Л., 2004. С. 229. Л. 321.

²⁹ РИИР. 1977. Вып. 2. С. 77. Л. 1 об.

³⁰ Как правило, она отражается в текстах родословных книг, начиная со второй четверти XVII в. (например, см.: ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 87—87 об.).

³¹ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 36—38 об.

Более серьезные различия заметны при сличении глав «Род Всеволож» (*Лет. ред.*) и «Род Всеволож Заболотских» (*Рум. ред.*). Первая из них отличается явной неполнотой поколенной росписи. Здесь заметны следы редакции и дефекта текста, как и в случае с *Туп. ред.*, отсутствуют данные о тех потомках Ивана Всеволожа, которые к моменту создания источника, по-видимому, уже вымерли. Ему приписаны дети его родного брата Федора Турика — Федор и Никита. В родословной росписи эти братья записаны бездетными. Таким образом, в результате дефекта при переписке собственно о Туриковых из-за пропуска в тексте не говорится вообще. Среди детей князя Александра Всеволодовича Смоленского Дмитрий был записан старше своего брата Ивана³². Последняя редакторская правка в тексте была явно сделана в интересах местнических споров, в которых Заболоцким далеко не всегда сопутствовал успех³³.

В отличие от *Лет. ред.*, в *Рум.*, напротив, текст родословной Всеволожей был дан без описок и сокращений (допущенных, кстати, даже в *Туп. ред.*). В *Рум. ред.*, как и в *Лет.*, местами поменялись братья И. А. и Д. А. Всеволожи. В этом случае старшинство второго из них подтверждается данными синодика Переяславского Успенского Горицкого монастыря³⁴. Таким образом, чтение *Лет.* и *Рум. ред.* более верно, чем в чуть более ранней *Туп. ред.* Однако самый важный момент, на который стоит обратить внимание, — это трансформация начала родословия Всеволожей, а как следствие — рождение сюжета о выезде на службу в Москву, правда, без легендарных подробностей: «Пришол из Смоленска князь Олександр Всеволод Глебович (курсив мой. — А. К.)». У их предка оказывается, кроме того, еще и средний сын — князь Владимир, которого нет в более ранних редакциях (в том числе и в списках второй половины XVI в. *Разр. ред.*³⁵). Для убедительности относительно раннего появления в Москве здесь отмечено, что «Дмитрей, да Володимер были воеводы у великого князя Дмитрея в передовом полку на Дону»³⁶. Такие поновления в тексте

³² РИИР. Вып. 2. С. 51. Л. 611.

³³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 101—108, 111, 115, 116; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 23—24, 25—26, 336—337; Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. 1970. С. 111—112; и др.

³⁴ Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV—XVI вв. // РД. 2003. Вып. 9. С. 28. Л. 13.

³⁵ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 153. В некоторых списках разных редакций родословных книг в XVII в. князь Владимир Всеволож оказывается включенным в росписи Всеволожей и Заболоцких (см., например: ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 88 об.; ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 220; Q XVII. № 3. Л. 223; и др.).

³⁶ РИИР. Вып. 2. С. 139. Л. 107. Эта вставка есть и в поздних списках XVII в. *Разр. ред.* (ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 88 об.).

родословия Всеволожей и Заболоцких позднее отразилось и в Бархатной книге 1688 г.³⁷

Летописи, написанные до середины 20-х гг. XVI в., данных о службе братьев Всеволожей при дворе великого князя Дмитрия Ивановича в 1380 г. не имеют. По мнению Р. Г. Скрынникова, их участие в битве на Дону было сочинено книжниками Троицы. По мнению исследователя, это могло произойти после 1426 г., когда И. Д. Всеволож «стал естественным опекуном удельной семьи и ее владений в Радонеже». Князь Андрей Владимирович не оставил наследника, и «удельный монастырь получил в лице боярина нового патрона»³⁸. Между тем большинство исследователей, напротив, относятся к сведениям «Сказания» об участии Всеволожей в битве на Дону с полным доверием³⁹.

Как правило, исследователи не придают значения тому факту, что в ранних редакциях родословной росписи Всеволожей-Заболоцких Владимир Всеволож не упоминается⁴⁰. Кроме того, его нет и среди записанных представителей рода Всеволожей в синодике Переяславского Успенского Горицкого монастыря. Этот источник, в отличие от родословной, однако знает младших братьев князя Александра Всеволодовича — Семена и Федора⁴¹. Включение Владимира Всеволожа в текст Государева родословца 1555 г., очевидно, напрямую связано с использованием в середине — второй половине XVI в. в качестве дополнительного источника текста «Сказания о Мамаевом побоище».

³⁷ Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... (далее — БК). 1787. Ч. 2. Глава 21. С. 43. До составления Бархатной книги в 1688 г. эта версия о происхождении Заболоцких весьма часто встречается в частных редакциях родословных книг (ср.: РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 103, № 173/278. Л. 273; ОР РГБ. Ф. 178. № 734. Л. 125 об.; и др.).

³⁸ Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 60; см. также: Kloss B. M. Monasticism During the Formation of a Centralized State // Russian Studies in History. 2013. Vol. 52. № 1. P. 28. Между тем, по мнению Я. С. Лурье, события 1380 г. закрепились в древнерусской литературе и летописании в интерпретации радонежских книжников (например, в «Сказании о Мамаевом побоище») лишь в середине XV — начале XVI в. (Лурье Я. С. Русь XV в. // ВИ. 1993. № 11/12. С. 5). Однако в этом памятнике прослеживается редактирование текста разными лицами; ср., например: Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 56, 90, 101, 135, 180 («Всеволожи») и С. 68—69, 180 (князя Всеволодовичи).

³⁹ Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 117; Он же. Куликовская битва. М., 1980. С. 49; Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. С. 356, 370; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 331, 491; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 223; Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 49; Петров А. Е. Историческая информация о Куликовской битве в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» // Исследования книжных памятников: История. Филология. Источниковедение. М., 2000. С. 114; Ивина Л. И. Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XV в. С. 120, 126; и др.

⁴⁰ Например, см.: ПСРЛ. Т. 24. С. 229. Л. 327; Т. 43. С. 259. Л. 476; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 178; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 848; РИИР. Вып. 2. С. 51. Л. 611; и др.

⁴¹ Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря... С. 28. Л. 13—13 об.

Радонежский князь Андрей Владимирович был женат на Елене, старшей дочери И. Д. Всеволожа⁴². В 1421 г. свою вторую дочь влиятельный московский боярин выдал замуж за князя Юрия Ивановича — представителя тверской династии⁴³. Между 1429 и 1431 гг. «по Ординьском приходе Иванъ Дмитриевич княжу Андрееву дщерь, а свою внуку, обручалъ за князя Василья», сына галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича. Князь Василий Юрьевич был внуком великого князя Дмитрия Донского⁴⁴. В конце 1431 г., будучи уже московским наместником, И. Д. Всеволож заручился согласием Василия II и, очевидно, его матери породниться с великокняжеской семьей. Правитель Москвы обещал родовитому боярину жениться на его дочери (третьей?). Однако после возвращения из Орды в 1432 г. великий князь Василий II и его мать Софья Витовтовна в этом И. Д. Всеволожу отказали, причем, как не без основания предполагает С. Б. Веселовский, в весьма грубой форме⁴⁵. Причину такого коварства великокняжеской семьи, по-видимому, раскрывает Медоварцевский летописец 20—30-х гг. XVI в. Источник утверждает, что вскоре после возвращения в Москву И. Д. Всеволож был оклеветан завистниками и ослеплен за то, что «егда бе с великим князем Васильем, в Орде, тогда де и с князем Юрьем сватался дщерню своею за его сына, да и Димитров царь дал князю Юрью по Иванову слову»⁴⁶.

Из текста *Рум. ред.* версия о происхождении Всеволожей и Заболоцких от смоленского князя Глеба Святославича вскоре попала в Государев родословец. По крайней мере, именно она отмечена в Бархатной книге 1688 г.⁴⁷

Создание *Патр. ред.* относится ко времени конца правления царя Ивана IV Васильевича Грозного⁴⁸. Здесь в главе «Родъ Князей Смоленскихъ, а отъ нихъ пошли Вяземские, Жижемские, Фоминские, Кропоткины» о Всеволожах и Заболоцких не говорится⁴⁹. Правда, в одном

⁴² АСЭИ. 1952. Т. 1. № 54. С. 55 [Подлинник]; РИИР. Вып. 2. С. 11. Л. 585; РГАДА. Ф. 181. № 184/292. Глава 2. Л. 28; Родословная книга // ВОИДР. 1851. Кн. 10. Отд. 2. С. 26, 133; ПСРЛ. Т. 25. С. 250. Л. 348 об. — 349. В синодике придворного Успенского собора Московского Кремля сохранилась следующая запись: «Благовернымъ Княгинямъ... и Княгине Елене Андрееве, и Княгине Улиане, нареченной въ мнишескомъ чину Елене, Васильеве Володимиричихъ, вечная память» (ДРВ. 1788. Ч. 6. С. 445).

⁴³ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 142; Т. 24. С. 181. Л. 254, под 6930 г.; Т. 25. С. 245. Л. 342 об.; и др.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 250. Л. 348 об. — 349.

⁴⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 339—340; Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 49—50.

⁴⁶ Цит. по ст.: Лурье Я. С. Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // ПКО. 1977. 1977. С. 10; см. также: Он же. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 15, 23—24.

⁴⁷ БК. Ч. 1. Глава 10. С. 95.

⁴⁸ Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 65—85.

⁴⁹ Родословная книга. С. 246—247.

из более поздних списков этой редакции (уже начала XVII в.) заметна новая попытка более удачно вписать данную фамилию в общее родословие смоленских князей. Вставка четко фиксируется при сравнении текстов разных редакций:

Летописная редакция	I извод Патриаршей редакции
<i>А у князя Глеба Смоленского сын князь Олександр. У князя Олександра дети: князь Иван Большой, да князь Дмитрий, да князь Иван Меньшой⁵⁰.</i>	<i>У князя Олександра у Всеволода у Глебовича у Смоленского были три сына: князь Иван Большой, да Дмитрий, да Иван Меньшой. И от Ивана от Большого пошли Смоленские князи. А от Дмитрея да оты Ивана от Меньшого пошел род Всеволож-Заболоцких⁵¹.</i>

Во всем прочем роспись Всеволожей и Заболоцких за XV—XVI вв. близка к *Рум. ред.* родословных книг и Бархатной книге 1688 г.

Невозможность происхождения Всеволожей от смоленского князя Александра Глебовича († 1313)⁵² доказал еще С. Б. Веселовский. Исследователь верно подметил:

«Некоторые источники родоначальником считают не Александра Всеволода, а кн. Александра Всеволожа или Всеволодича Смоленского. Этот вопрос разрешается записями родичей Заболотских в синодиках. Так, в синодике Переяславского Горицкого монастыря в „роде“ Заболотских вел. кн. Всеволод и кн. Александр записаны как два различных лица. Таким образом, показание Бархатной книги в этом отношении следует признать неверным»⁵³.

С. Б. Веселовский допустил, что вероятным предком этого рода московских бояр мог быть псковский князь Александр Всеволодович. Впрочем, исследователь иногда его вновь почему-то называет Глебовичем, чего источники не знают⁵⁴.

⁵⁰ РИИР. Вып. 2. С. 26. Л. 594 об.

⁵¹ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 178; см. также: РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 103; Родословная книга. С. 53; ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 339; и др.

⁵² ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 178. Старший сын этого князя погиб в 1300 г. в бою под Дорогобужем с ратью князя Андрея Вяземского (Там же. Т. 1. Вып. 2. М., 1997. Стб. 485. Л. 171 об.); средний — Василий Брянский — скончался в 1314 г. (Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36. Л. 265; Там же. Т. 10. С. 178; Т. 15. Стб. 408; Т. 10. С. 178); младший — Иван Смоленский — умер в 1359 г. (Там же. Т. 10. С. 231; Т. 15. Вып. 1. Стб. 67. Л. 286).

⁵³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 331.

⁵⁴ Ср.: Псковская летопись, изданная... М. [П.] Погодиным. М., 1837. С. 22; ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 354. Л. 210; Там же. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 18. Л. 28; Вып. 2. М., 2000. С. 24. Л. 172. С. 92—93. Л. 19—19 об.

Недавно происхождение Всеволожей и Заболоцких было уточнено, высказывалось предположение, что князь Александр Всеволодович, отец Ивана и Дмитрия Всеволожей, скорее всего, был внуком смоленского князя Глеба Ростиславича, старшего брата правителя Ярославля — Федора Чёрного⁵⁵. Эта точка зрения поддержана в историографии⁵⁶. Рассмотрим ее подробнее.

В летописях князь Александр Всеволодович упоминается в связи с событиями 1340/41 г., когда из-за своего несогласия в связи с заключением союза между Псковом и ВКЛ он покинул город и уехал в Новгород. Можно было бы предположить, что именно князь Александр Всеволодович еще раз оказался на княжении в Пскове в 1367 г.⁵⁷ Однако этому противоречат данные сфрагистики⁵⁸. Сроки правления здесь двух князей по имени Александр можно определить. Александр Всеволодович был в Пскове не ранее 1337—1340/41 гг., а его тезка — между 1357—1369 гг.⁵⁹ По мнению С. Б. Веселовского, семья Всеволожей появилась в Москве не ранее 60-х гг. XIV в.⁶⁰ До этого момента их предок, будучи служилым князем, по-видимому, находился на кормлениях в Псковской и Новгородской земле. У князя Александра Всеволодовича известно два сына — Иван и Дмитрий. С. Б. Веселовский допускал⁶¹, что впервые

⁵⁵ Кузьмин А. В. Начало рода Всеволожских // История московского боярства XIV—XVII вв. М., 1997. С. 3—7; Он же. К истории формирования московского боярства XIV — начала XV в.: «Родъ Всеволож Заболоцкихъ» // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. М., 1999. № 1. С. 84—85.

⁵⁶ Шокарев С. Ю. К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец. М., 2001. № 1. С. 19—20.

⁵⁷ Ср.: ПЛ, изданная... М. [П.] Погодиным. С. 33; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 28. Л. 176 об., под 6876 г.; С. 103—104. Л. 36, под 6876 г. (ср.: Там же. Т. 3. С. 369—370. Л. 221, под 6875 г.). О происхождении известия под 6849 г. псковских летописей о князе Александре Всеволодовиче см.: Серебрянский Н. [И.] Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества. М., 1908. С. 34.

⁵⁸ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 72—73.

⁵⁹ Лабутина И. К. и др. Новые сфрагистические находки в Пскове // СА. 1985. № 1. С. 225—226. Впрочем, вслед за В. Л. Яниным, исследователи не исключают, что во втором случае на княжении в Пскове мог упоминаться старший сын бывшего полоцкого князя Наримонта (Глеба) Гедиминовича — князь Александр (Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 3. С. 72—73). Против такой точки зрения выступает С. В. Белецкий (Белецкий С. В. Печати «князя Олександра» // Там же. С. 234—235). Версию о смоленском происхождении князя Александра Всеволодовича исследователи не рассматривали, ограничившись поиском среди Рюриковичей, княживших в Северо-Восточной Руси (Там же. С. 226, 231—240).

⁶⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 490—491.

⁶¹ С. В. Веселовский, как и большинство историков его времени, датировал dokonчание русских и литовских князей 1371 г. (Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 332, 489).

младший из Всеволожей мог упоминаться в перемирной грамоте с ВКЛ (12—31 VII 1372 г.⁶²).

Однако не исключено, что столь ответственную посольскую миссию могли поручить более опытному боярину, каким, несомненно, был Д. А. Зернов. Его род был в числе старинных вотчинников Северо-Восточной Руси. Древнейшие их земли находились под Костромой⁶³. В середине XVI в. в росписях Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых появилась оригинальная легенда. Согласно источнику, они — потомки мурзы Чета, выехавшего на службу к великому князю Ивану I Калите. Этот татарин якобы принял крещение под именем Захарий: «А у Захарья сын Олександр. А у Олександра сын Дмитрий Зерно»⁶⁴. Именно эта версия родословной легенды в 1680-е гг. была подана Сабуровыми в Палату родословных дел⁶⁵. Между тем в частный список родословной Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых начала XVII в. были включены новые биографические данные о предке: его выезд на Русь произошел «из Золотые Орды» в 1330 г. При этом Чета крестит уже не только митрополит Петр († 1326), но и его преемник — Феогност († 1353)⁶⁶! Конечно, принимать всерьез этот литературный пассаж нет смысла. Его историческая несостоятельность доказана С. Б. Веселовским⁶⁷.

В 1304 г. «бысть вече на Костроме» против бояр умершего великого князя Андрея Городецкого, третьего сына Александра Ярославича Храброго. Перечисляя имена погибших, летописец отдельно замечает: «Тогда жь Зерна убиша и Александра». В более позднем тексте в этом предложении разделительного союза «и» нет⁶⁸. С. Б. Веселовский полагал, что данное чтение, указанное в Симеоновской и Ермолинской летописях более верное, чем в Воскресенской и Львовской. Благодаря этому исследователь сделал вывод, что в этом случае идет речь

⁶² ДДГ. 1950. № 6. С. 22 [1371 г. — по Л. В. Черепнину; его аргументацию подробнее см.: *Черепнин Л. В.* РФА. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 45—51]. О точной дате заключения мира подробнее см.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // *Куликовская битва*. М., 1980. С. 89—93; *Он же.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 г. // *ДРВМ*. 2000. № 1. С. 11—39; № 2. С. 1—14; *Он же.* Договорные грамоты московских князей XIV в. М., 2003. С. 119—168.

⁶³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 169—173; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 191.

⁶⁴ РИИР. Вып. 2. С. 118. Л. 68; см. также: Там же. С. 50. Л. 610 об.; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 174; ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 336; и др.

⁶⁵ *Ювеналий (Воейков), игум.* Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Сабуровых, в удовольствие оной знаменитой фамилии. М., 1797. С. 3—4, 5.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58.

⁶⁷ Тем не менее до сих пор находятся исследователи, которые серьезно относятся к этой мифической хронологии (например, см.: *Морозова Л. Е.* Род Годуновых: на пути к престолу // *История московского боярства XIV—XVII вв.* С. 9—10).

⁶⁸ Ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 393 (стр. 443); Там же. Т. 18. М., 2007. С. 86. Л. 152; и др.

об Александре Захарьевиче Зерне, общем предке Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых⁶⁹.

Между тем тексты двух последних летописей, имеющих одни источники и ряд принципиально схожих чтений, независимо друг от друга восходят к Московскому своду конца XV в.⁷⁰ В нем отмечено чтение, которое цитировалось выше. Очевидно, что компилятор XVI в. уже не понимал, что в приведенном тексте летописца речь шла о двух людях, а не об одном человеке. Поэтому он и убрал в тексте разделительный союз «и». Поэтому мнение С. Б. Веселовского, прочно укрепившееся в историографии, в данном случае следует признать ошибочным. Кроме того, нет precedентов, когда боярин сначала упоминался по прозвищу, а уже затем был записан по имени.

Теперь очевидно, что в 1304 г. не обязательно должен был погибнуть предок Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых — Александр Зерно. Кстати, по сведениям родословцев это распространенное прозвище носил отнюдь не он, а его сын Дмитрий⁷¹. Он жил во второй половине XIV в. Кроме того, важно отметить, что Дмитрий Григорьевич, один из предков Чихачевых, Горстких, Линева, Ершовых, Окуновых и Сомовых, также носил прозвище Зерно. Он жил в конце XIII — начале XIV в.⁷² Его семья, чьи родовые владения находились вокруг Суздаля и Костромы, служила в боярах у владими́ро-суздальских князей⁷³. Поэтому отождествлять упоминаемого в 1304 г. Зерна только с предком Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых не вполне корректно. Несомненно, прав С. Б. Веселовский, относя к концу XIII в. время деятельности Захария Чета⁷⁴. Однако датировать смерть его сына 1304 г. с точки зрения хронологии не представляется верным. Получается, что Дмитрий Александрович, внук Захария, крупный вотчинник из Костромы, перейдя на службу в Москву при Иване I Калите, только в правление его внука Дмитрия Донского или чуть ранее — при Иване II Красном, т. е. приблизительно спустя 50—60 лет после гибели

⁶⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 166.

⁷⁰ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 260—274, 319—351.

⁷¹ РИИР. Вып. 2. С. 50. Л. 610 об., С. 118. Л. 68; РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58; № 85/111. Л. 99; и др.

⁷² ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 149 об.; Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горстких, Линева, Ершовых, Сомовых, Окуновых с уникальными известиями XIV—XV вв. // ИГ. 1993. Вып. 2. С. 42. Л. 311 об. — 312.

⁷³ ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 149—150; Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горстких, Линева, Ершовых, Сомовых, Окуновых с уникальными известиями XIV—XV вв.: (Исследование) // ИГ. 1994. Вып. 4. С. 14—19.

⁷⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 163, 165, 483, 487.

отца, стал боярином! Такой длительный служебный путь Д. А. Зернова при дворе Калитовичей представляется маловероятным. Кроме того, С. Б. Веселовский, а также сторонники его интерпретации текста и отождествления лиц в летописях, не рассмотрели еще несколько возможных вариантов.

В середине XIV в. одним из наиболее видных бояр в Москве стал Михаил Александрович. Его имя упоминается в марте — мае 1348 г. в dokonчании великого князя Семена Гордого со своими младшими братьями Иваном и Андреем Ивановичами⁷⁵. В 1353 г., будучи великокняжеским наместником в Лопасне, входившей в состав удела малолетнего князя Владимира Андреевича, он попал в плен к рязанцам. Михаилу Александровичу во время пребывания в плену у великого князя Олега Ивановича († 1402) пришлось стерпеть много унижений. По свидетельству летописца: «Поведоша его на Рязань и биша его и многы пакости ему сътвориша и потомъ едва выкупили его»⁷⁶. Между 1353—1357 гг. зятем Михаила Александровича стал другой видный боярин великого князя Ивана II Красного — В. В. Вельяминов, будущий московский тысяцкий⁷⁷. Несомненно, что выдающееся положение в Москве боярина Михаила Александровича в определенной степени было основано на заслугах, которых ранее на службе добился его отец. Поэтому не исключено, что и боярин Александр, отец Михаила, в 1304 г. вполне мог стать жертвой вечников в Костроме.

Недавно С. В. Конев опубликовал оригинальный источник по генеалогии княжеских, боярских и дворянских родов Северо-Восточной Руси XIII—XVI вв. В отличие от списка Вселенского синодика Успенского собора Московского Кремля (в издании Н. И. Новикова), в Ростовском соборном синодике 1642 г. в нескольких случаях у имен московских бояр XIV — начала XV в. также были отмечены их семейные прозвища. Благодаря одному из них, «впервые нам становится извест-

⁷⁵ ДДГ. № 2. С. 13 [Подлинник]. Л. В. Черепнин предлагает датировать данную грамоту 1350—1351 гг. (*Черепнин Л. В.* РФА. Ч. 1. С. 20—25); А. А. Зимин — до зимы 1350/51 г. (*Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // ПИ. 1958. Сб. 6. С. 280. Примеч. 31—32); более точно — весной 1348 г. — это сделал В. А. Кучкин (*Кучкин В. А.* Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16—24, 255—257). Подробнее о тексте договора см.: *Кучкин В. А.* «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // ИСССР. 1988. № 4. С. 151; *Он же.* Судебник 1497 г. и договорные грамоты московских князей XIV—XV вв. // Судебник 1497 г. в контексте истории русского и зарубежного права XI—XIX вв. М., 2000. С. 115; *Он же.* Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // СР. 2009. Вып. 8. С. 101—175; и др.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63. Л. 283. В. А. Кучкин, к сожалению, без разъяснений датирует это известие 1354 г., хотя погодные записи этой статьи относятся к 1353 г. (ср.: *Кучкин В. А.* Сводный список Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 105—106).

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66. Л. 285.

ным историческое, а не легендарное отчество родоначальника Романовых, Шереметевых, Колычевых и других — Андрея Александровича Кобылы»⁷⁸. Поэтому следует принять во внимание уже ставшие хрестоматийными сведения о старинных вотчинах его потомков под Костромой, об их позднейшей связи с местным Троицким Ипатьевским монастырем⁷⁹. С середины XV в. одним из его главных вкладчиков и ктиторов был род Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых-Зерновых и их родня⁸⁰. Тогда более явной становится невозможность бесспорно-

⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 69; *Конев С. В.* Синодология. Ч. 2 // ИГ. 1995. Вып. 6. С. 98. Л. 69. Это уникальное известие источника позволяет видеть в упоминавшемся в Успенском синодике среди московских бояр XIV в. «Андрее Александровиче» именно Андрея Кобылу (ДРВ. Ч. 6. С. 452). Таким образом, в противоречивости записи в родословцах и местнических делах середины XVI—XVII вв. отчество Андрея Кобылы и Федора Шевляги как Иванович или как Михайлович [подробнее об этом, например, см.: РИИР. Вып. 2. С. 45. Л. 607 (только в заголовке — «Род Ондreja Ивановича Кобылы»); РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 88 (в заголовке — «Род Снѣдрѣа Ивановича Кобылинъ»); ОР РНБ. О XVII. № 30. Л. 94 об. — 95 («Род Снѣдрѣа Ивановича Кобылина, да брата его родново Федора Ивановича Шевляги»); ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 327 об. («Род Ондreja Ивановича Кобылина, от него пошли Захарьины, Шереметевы, Безупоцовы»); ВОИДР. Кн. 10. С. 89, 159; *Барсуков А. [П.]* Род Шереметевых. СПб., 1881. Кн. 1. С. 2; *Селифонтов Н. Н.* Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. СПб., 1901. Ч. 1. С. II—V, 15, 19, 24, 31, 39, 49, 71, 73, 74, 97; 1898. Ч. 2. С. X—XIII, 1—7; *Ш[ереметев] Г. С.* Князь Афанасий Данилович, сын князя Даниила Александровича Московского. СПб., 1908. С. 17; *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 5, 7—8, 10—12; *Эскин Ю. М.* Местническое дело К. А. Трусов — князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. С. 304. Л. 38 (б. 2); ОР РНБ. Q IV. № 86. Л. 37 («Род Андрѣя Ивановича Кобылина, что выѣхал из Немец, и от него пошли многия роды московских бояр и дворяны»); и др.] можно заметить скрытое проявление незнания потомками Андрея Кобылы реальной генеалогии предков, живших в конце XIII — начале XIV в. Эта тенденция также очевидна в родовых помянниках Захарьиных-Кошкиных, списках ранних редакций родословных книг и ряде местнических дел, в которых Андрей Кобыла упоминается без отчества (ср.: ОР РГБ. Ф. 218. № 1518. Л. 24; *Хорошкевич А. Л.* Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 79; РИИР. Вып. 2. Глава 19. С. 150. Л. 125; ПСРЛ. Т. 43. Л. 260. Л. 477 об.; БК. Ч. 2. С. 93; и др.). Об этом также см.: *Кузьмин А. В.* Кобыла Андрей Александрович // БРЭ. 2009. Т. 14. С. 370. Таким образом, версия Г. С. Шереметева, нашедшая некоторую поддержку в историографии, о происхождении Андрея Кобылы от новгородца Иванка, державшего от владимирского великого князя Дмитрия Александровича и властей Новгорода в кормление бежецкий Городец (ср.: *Ш[ереметев] Г. С.* Князь Афанасий Данилович, сын князя Даниила Александровича Московского. С. 17—19, 32—33; *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. С. 11, 200. Примеч. 40; и др.), еще раз оказывается опровергнутой.

⁷⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 187, 149, 150.

⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 209. № 419. Л. 22 об.; Ф. 256. № 387. Л. 37; *Востоков А. [Х.]* Описание русских и словенских рукописей. СПб., 1842. С. 582; *Григорий, архим.* Рукописный сборник XVIII в. // ЧОИДР. 1879. Кн. 1. С. 7. № II. Подробнее об этом см.:

го отождествления Александра, погибшего в 1304 г., исключительно лишь с предком Зерновых. Возможны и другие версии. В Костроме среди казенных вечниками великокняжеских бояр могли оказаться и другие Александры, например, отцы московских бояр Михаила и Андрея Кобылы.

В родословцах внуками Александра Захарьевича были трое детей Дмитрия Зерна. В разных редакциях этого источника старшинство между Иваном и Константином показано по-разному. Так, например, в *Тип. ред.* отмечается: «А се родъ Костянтина Дмитреевича: Костянтинъ, Дмитреевъ сынъ Зернова, братъ Ивану Дмитреевичю Зернову *меньшой* (курсив мой. — А. К.)»⁸¹. В Государеве родословце 1555 г., Бархатной книге 1688 г. и близких к ним редакциях: «У Дмитрея у Зерна были 3 сына: Иванъ, да Константинъ Шея, бездѣтенъ, да Дмитрей»⁸². В начале XVII в. в частном родословце, принадлежавшем Яновым: «1-й сын Иван, боярин был; 2-й сын Костентин, а прозвище Шея, боярин был у великаго князя Дмитрея Ивановича у Донсково; 3-й сын Дмитрей»⁸³. Важно отметить, что в трех поколениях за вторую половину XIV — начало XV в. имена старших представителей рода Зерновых совпадают с именами предков Всеволожей и Заболоцких, живших в это же время. Поэтому сведения источников, где фигурируют люди с данными именами и отчествами без родовых прозвищ, надо тщательно проверять, чтобы не приписать сведения, относящиеся, например, к Зерновым — Всеволожам и наоборот.

Возвышение влияния семьи Всеволожей в Москве началось в правление великого князя Василия I Дмитриевича (1389—1425). В это время вслед за Фоминскими несколько выходцев из мелких удельных княжений, расположенных на востоке Смоленщины, также попали в московскую боярскую думу (например, Александр Борисович Поле, Иван Иванович Толбуга Ржевский и др.). В 1390 г. Д. А. Всеволож, младший из сыновей князя Александра Всеволодовича, был первым в числе бояр великого князя, которые участвовали в «мене» земель с киевским ми-

Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова // Изв. 1946. Т. 18. С. 56—91; он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 158—188. Даже в начале XVII в. Годуновы оставались одними из крупнейших землевладельцев в Костромском крае, где «их вотчины доходили до 1000 четвертей» (Латушкин А. В. Отказные книги XVII в. // Сов. архивы. 1969. № 6. С. 112).

⁸¹ ПСРЛ. Т. 24. С. 231. Л. 331 об.

⁸² БК. Ч. 1. С. 240; ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 135; и др.

⁸³ РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58; см. также: РИИР. Вып. 2. Глава 12. С. 118. Л. 68.

В *Лет. ред.* имя Константина Шея, сына Дмитрия Александровича Зерна, не упоминается (РИИР. Вып. 2. С. 50. Л. 610 об.). Очевидно, сокращение текста родословной было связано с тем, что у него не осталось потомков по мужского рода.

трополитом Киприаном⁸⁴. 6 XI 1392 г. Д. А. Всеволож был в числе старейших бояр, приехавших вместе с Василием I из Москвы в Нижний Новгород. В конце декабря 1392 г. в этот город Д. А. Всеволож был назначен наместником великого князя⁸⁵. В 1392 г. его родной брат Иван Всеволож («Всеволожич») вместе с еще одним московским боярином Д. Т. Валуевым ездил в Великий Новгород, где они производили сбор черного бора⁸⁶.

Д. А. Всеволожа нет среди послухов в первой духовной великого князя Василия I, составленной около 1406—1407 гг.⁸⁷ По-видимому, к этому времени боярин уже оставил службу за немощью, постригся в монахи или умер. Правда, в этой грамоте упоминается боярин Иван Дмитриевич⁸⁸. Как полагают исследователи, им могли быть только два лица: Всеволож или Зернов⁸⁹. (Вариант «Иван Дмитриевич из рода Нетшинных» маловероятен, так как он в это время едва родился, а его родственники были связаны службой в Можайско-Белозерском уделе⁹⁰.)

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 223. Л. 335; АФХЗ. 1951. Ч. 1. № 1. С. 24. Л. 15 [Список XVII в.]; ПСРЛ. Т. 43. С. 259. Л. 474 об. — 475; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 847; Коркунов М. А. Памятники XV в.: Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким // Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1857. С. 197.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 220. Л. 306 об. — 307. О хронологии событий в Нижнем Новгороде в конце 1392 г. подробнее см.: Кучкин В. А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 131—132. По мнению В. А. Кучкина, не исключено, что уже в конце XIV в. в Нижегородском княжестве могло одновременно существовать три наместничества — собственно Нижегородское, Курмышское и Лысковское (Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество. С. 251, 259—260. Примеч. 137). Если так, то становится ясно, что Д. А. Всеволож получил среди них наиболее старейшее и почетное наместничество.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 372—373. Л. 245 об.; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 406.

⁸⁷ 1406 г. — датировка М. П. Погодина и А. А. Зимина (Погодин М. [П.] Свидетельства о местничестве задолго до Иоанна III, при в. к. московском Василии Димитриевиче и Димитрии Донском // Москвитянин. 1843. № 1. Ч. 1. С. 231. Примеч. 4; Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. С. 112). Л. В. Черепнин датировал эту грамоту «временем со второй половины сентября 1406 г. по начало июня 1407 г.» (Черепнин Л. В. РФА. Ч. 1. С. 86; ср.: Фетищев С. А. К истории договорных грамот между князьями Московского дома конца XIV — начала XV в. // ВИД. 1994. Вып. 25. С. 67—68; и др.).

⁸⁸ ДДГ. № 20. С. 57 [Подлинник].

⁸⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 23. Примеч. 29; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 86, 87; Ивина Л. И. Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XV в. С. 126; Пономарёва И. Г. Боярское окружение московского великого князя Василия Васильевича в 1425—1432 гг. // РИ. 2011. № 1. С. 97; и др. Правда, позднее в очерке о потомках Д. А. Зернова С. Б. Веселовский стал склоняться к выводу, что в духовной великого князя все-таки был указан его сын Иван Дмитриевич Красный, а не И. Д. Всеволож (ср.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 22—23, 168—169).

⁹⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 452—453.

Решая проблему атрибуции послуха в первой духовной грамоте великого князя Василия I, следует учитывать несколько важных сведений источников.

Во-первых, по возрасту, а следовательно, и по службе И. Д. Красный Зернов, как и его брат Константин Шея в указанное время были выше И. Д. Всеволожа и его однородцев. «Память» Г. И. Бутурлина, составленная не ранее середины XV в., указывает, что в начале этого века Зерновы были влиятельными боярами Василия I. Кроме того, в некоторых списках этого источника Иван и Константин отмечены как братья⁹¹. Кстати, И. Ф. Кошкин, всегда упоминавшийся в актах ниже Ивана Дмитриевича и бывший, правда, по версии темника Едигея, фаворитом великого князя, в данный период времени не занимал высокого положения⁹².

В начале XV в. в Великом Новгороде наместниками Василия I были его бояре Константин Иванович и Иван Дмитриевич⁹³. Анализ источников позволяет сделать вывод, что в первом из них, несомненно, следует видеть Добрынского (К. И. Шонуров служил в уделе князю Владимиру Андреевичу Храброму), а во втором, скорее всего, И. Д. Зернова⁹⁴.

В мае 1408 г. Иван Дмитриевич вместе с воеводой Коломны Игнатием Семеновичем Жеребцовым (внуком боярина Андрея Александровича Кобылы) возглавил военную авантюру великого князя. Василий I военной силой попытался решить конфликт правителей Рязанской земли, великих князей Федора Ольговича и Ивана Владимировича. Правитель Москвы выступил в поддержку первого из них. 1 VI 1408 г. войска союзников были разгромлены недалеко от Венева Никольского монастыря. Воинам пронской рати, которых во время боя неожиданно поддерживали ордынцы, по данным летописцев, удалось убить И. С. Жеребцова, Ивана Дмитриевича, Михаила Лялина и Ивана Брынку. В плен к победителям попал муромский воевода Семен Жирославич⁹⁵.

⁹¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 22, 168—169.

⁹² Подробнее об этом см.: Кузьмин А. В. Грамоты Воронцовых-Вельяминовых в государственном архиве России начала XVII в. // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 277—279; Он же. Из истории можайских землевладельцев в XIV — начале XV в. // Исследования по истории средневековой Руси. М.: СПб., 2006. С. 230—235.

⁹³ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 76.

⁹⁴ Кузьмин А. В. Московские наместники Новгорода Великого в конце XIV — начале XV в. // ПННЗ, [1998 г.]. 1999. Ч. 2. С. 161—164.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 203—204; Т. 15. Стб. 481; Т. 25. С. 237. Л. 331 об. — 332. Позднее правители Рязанской земли помирились, а 15 I 1416 г. великий князь Василий I Дмитрие-

Тождество указанного выше Ивана Дмитриевича с И. Д. Зерновым весьма вероятно, хотя, если учитывать статус обоих бояр в московской думе, Иван Дмитриевич должен был быть отмечен выше И. С. Жеребцова. Однако, возможно, что в данном конкретном случае летописец придерживался другой логики, обращая внимание на командный статус бояр. Ведь И. С. Жеребцов был воеводой коломенской рати. Участие в битве И. Д. Зернова также объяснимо. С XIV в. его род имел вотчины в Коломенской земле⁹⁶.

30 XI 1408 г. Константин Шея, младший брат Ивана Красного, был вторым среди бояр, оставленных в Москве для руководства обороной города от войск ордынского эмира Едигея⁹⁷. Она длилась с 1 по 20 XII 1408 г.⁹⁸

Во-вторых, в конце 1408 г., как сообщает Забелинский список Тверской летописи, некий Иван Дмитриевич впервые был назван в числе бояр, оставленных великим князем Василием I для обороны Москвы от войск ордынцев. В перечне бояр он упоминается третьим после К. И. Добрынского⁹⁹ и К. Д. Шеи Зернова¹⁰⁰. Порядок этих бояр не противоречит старшинству московских наместников, имена которых читаются на печати, найденной в Великом Новгороде¹⁰¹. Если бы И. Д. Зернов был жив и оставлен 30 XI 1408 г. в Москве, то в этом случае он должен был упоминаться раньше, чем его младший брат Константин Шея. Однако список московских бояр имеет иной порядок. Следовательно, упоминаемый в нем Иван Дмитриевич происходит из рода Всеволожей, а не Зерновых.

Сравнение перечней бояр, подписавших первую духовную грамоту великого князя Василия I и тех, кто в декабре 1408 г. защищал Москву

вич женил своего старшего сына и наследника князя Ивана на дочери пронского великого князя Ивана Владимировича (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487).

⁹⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 171—172.

⁹⁷ Это уникальное известие помещено в Тверской летописи (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 483). Как полагал Я. С. Лурье, статья за 6916 г. относится, «видимо, к рассказу московского летописца, бежавшего в Тверь» (Лурье Я. С. Русь XV в. С. 5). Е. Л. Конявская относит его оформление к 10-м гг. XV в. (Конявская Е. Л. Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // ДРВМ. 2006. № 4 (26). С. 90—101). В связи с событиями 1408 г. К. Д. Шея Зернов также упоминается в Забелинском списке Тверской летописи (Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 240).

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 142—143. Л. 251 об. — 253; Т. 25. С. 238—239. Л. 332 об. — 334 об.

⁹⁹ Интересно отметить, что боярин К. И. Добрынский, как и И. Д. Всеволож, был связан с Троице-Сергиевым монастырем. В древнейшем пергаменном списке синодика обители (1575 г.) среди ее вкладчиков для поминовения записаны имена: «Константина, Агрипиноу [Добрыньинские]» (ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 12 об.).

¹⁰⁰ Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы. С. 240.

¹⁰¹ Ср.: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 3. С. 76.

от войск ордынского темника Едигея, показывает, что в первой духовной Василия I, скорее всего, упоминался И. Д. Всеволож, а не И. Д. Зернов (см. *Таблицу № 1*).

Таблица № 1

Послухи первой духовной грамоты великого князя Василия I:	Князья и бояре, оставленные 30 XI 1408 г. великим князем Василием I оборонять Москву:
князь Юрий Иванович	князь Юрий Козельский
	Константин Иванович (Добрынский)
Константин Дмитриевич	Константин Дмитриевич (Шея Зернов)
Дмитрий Афинеевич	
Иван Дмитриевич (курсив мой. — А. К.)	Иван Дмитриевич (Всеволож)
Владимир Данилович	
	Дмитрий Васильевич
	Михаил Федорович Морозов
Иван Федорович	Иван Федорович
Федор Федорович	
	Филипп Васильевич
	Александр Федорович

В этом случае мнение М. Е. Бычковой о том, что запись в Ундольском II списке Ивана Дмитриевича как Зернова является поздним осмыслением «памяти, усиливающее роль Сабуровых»¹⁰², следует признать верным. Тем не менее все-таки еще раз стоит обратить внимание на несколько необычную запись о роде Зерновых в *Тип. ред.* Она начинается с указания на то, что К. Д. Шея Зернов — младший брат Ивана Дмитриевича. При этом стоит заметить, что от Константина Шеи род не пошел. У него было лишь две дочери: одна вышла замуж за боярина Федора Александровича Кутуза, а другая стала второй женой псковского служилого князя Александра Федоровича Ростовского¹⁰³. Очевидно, что выдающаяся служебная карьера Константина Шеи затмила собой службу его предков, старшего и младшего братьев. В этом случае первенство в думе Константина Шеи по сравнению со старшим братом И. Д. Зерновым вполне допустимо, хотя подобный казус для этого времени был весьма редок. Поэтому точку в вопросе о боярине Иване Дмитриевиче в первой духовной грамоте пока ставить рано. Возможно, находки новых источников смогут это сделать.

Своему высокому статусу при дворе великого князя Василия I И. Д. Всеволож был обязан и службе в Москве своего отца, дяди и деда,

¹⁰² Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 87.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 24. С. 231. Л. 331 об. — 332.

и родственным связям его семьи с Калитовичами и видными боярами Вельяминовыми. Согласно родословцам: «Марья — Микулина жена тысяцкого. И та Марья была дочи великаго князя Дмитрея Костянтиновича Суздальского, а сестра великой княгини Овдотьи, великого князя Дмитрея Ивановича. У тысяцкого большой сын Микула, того убили на Дону, а дочи у него была за князем Иваном Дмитриевичем»¹⁰⁴. С 1415 г. И. Д. Всеволож от имени великого князя Василия I стал подписывать жалованные льготные и несудимые грамоты Троице-Сергиеву монастырю¹⁰⁵. Этот факт подчеркивает его высокое положение в думе правителя Москвы в середине 10—20-х гг. XV в. Во второй и третьей духовных грамотах великого князя Василия I, составленных около 1423 или в 1424 г.¹⁰⁶ (по мнению Л. В. Черепнина — в июле 1417 г., по мнению А. А. Зимина — в конце 1419 — начале 1420 г.)¹⁰⁷, именно И. Д. Всеволож, а не погибший 1 VI 1408 г. И. Д. Красный Зернов, был вторым послухом. В служебном статусе он уступал лишь боярину князю Юрию Патрикеевичу Литовскому¹⁰⁸. Этот факт понятен, ведь с 1418 г. этот Гедиминович был женат на княжне Марии-Анне, дочери Василия I¹⁰⁹.

Федор, брат И. Д. Всеволожа, предок Туриковых, был менее заметной фигурой. Известен его вклад в Переяславский Гориц-

¹⁰⁴ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 271; см. также: ПСРЛ. Т. 24. С. 232. Л. 332 об.; и др.

¹⁰⁵ АСЭИ. Т. 1. № 30—31. С. 41—43 [Подлинники]; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1963. С. 174—176; *Антонов А. В.* Перечни актов Переяславских, Ярославских, Костромских и Галичских монастырей и церковей XIV — начала XVI в. // РД. 1997. Вып. 1. № 6. С. 49; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 65, 219 (см. Табл. 1. № 134).

¹⁰⁶ *Греков И. Б.* К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 143—145; *Он же.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 310; *Клосс Б. М.* Избр. труды. М., 1998. Т. 1. С. 118—119; *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е гг. XV ст. // СР. 1999. Вып. 2. С. 88, 112. Примеч. 46; *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // СР. 2004. Вып. 4. С. 162—163; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. М., 2008. С. 232—239; *Пonomарёва И. Г.* Хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // Русское средневековье. М., 2012. С. 103—110; *Богданов С. В.* Конфликт Василия I с князем Константином Дмитриевичем // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 21; и др.

¹⁰⁷ *Черепнин Л. В.* РФА. Ч. 1. С. 88—92; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот. С. 292—294. При датировке второй и третьей духовных грамот великого князя Василия I исследователи не обращают внимания на один очень важный факт. В них нет упоминания младшей дочери великого князя Василия I и Софии Кейстутовны — Марии-Анны. Следовательно, грамота несомненно была составлена позже 1418 г., т. е. не только после смерти нижегородского князя Александра Ивановича, мужа ее старшей сестры Василисы, но и после замужества самой княгини Марии-Анны Васильевны. Как известно, она стала женой князя Ю. П. Литовского.

¹⁰⁸ ДДГ. № 21. С. 59, № 22. С. 62 [Подлинники].

¹⁰⁹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 328. Примеч. 254; *Коркунов М. А.* Памятники XV в. С. 200; и др.

кий монастырь. Синодик обители сохранил запись: «Село Новое да Мардвиново дал Феодор Дмитриевич Всеволож Турик, да Княжское Чернецкое»¹¹⁰. Как отмечает Ю. Г. Алексеев: «Село Чернецкое-Княжское на р. Киржаче в Кодяеве стане упоминается в монастырских документах XVI—XVII вв. Местоположение сел Нового и Мордвинаво установить не удастся»¹¹¹. Федор Турик умер до начала 30-х гг. XV в.¹¹²

Вселенский синодик Успенского собора в Московском Кремле сохранил уникальную «вечную память» великокняжеским боярам, умершим в начале — первой половине XV в., и в том числе «Димитрию Александровичу и сыну его Ивану (курсив мой. — А. К.)». По-видимому, в этом случае речь могла идти о Всеволожах, так как об Иване Дмитриевиче не говорится, что он был «убиенный» на рати. Подобной чести удостоивались далеко не все думцы великих князей. Поэтому рассмотрим текст данного источника подробнее.

Несколько выше в синодике среди лиц, умерших в середине — второй половине XIV в., упоминался Александр Всеволодович. Сведения о боярстве в Москве родоначальника Всеволожей нет. Поскольку Александр не называется князем и записан среди представителей старомосковской нетитулованной знати, то возможно, что в этом случае указан отец известного воеводы и боярина середины XIV в. — Родиона, сына Александра-Нестора¹¹³.

В Успенском синодике обращает на себя внимание «вѣчная память» группе русских князей, сторонников внешней политики Москвы. Она читалась:

«Бл(а)говѣрномуу кн(а)сю Михайлоу Д(а)в(и)довичю Моложско-
моу. Феѡдору. Ърославоу. Ивану. Феѡдору Стародоубскимъ. Василю
Галичскомуу. Всеволоду Глѣбовичю. Олгоу Добранскомуу. С(вѣ)тос-
лавоу Глѣбовичю и с(ы)ноу его Ивану, и Михайлоу, Глѣбоу С(вѣ)тос-
лавичю. Ърославоу Моуромскомуу. Феѡдору и Михайлоу Галичскимъ.
Иѡанноу Соуждальскомуу. Михайлоу Афонасиевичю. Дмитрсю Иванови-
чю. Кн(а)сю Семенуу и кн(а)сю Роману Новосильскимъ»¹¹⁴.

¹¹⁰ Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря... С. 29. Л. 15.

¹¹¹ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Л., 1966. С. 92.

¹¹² Между 1428—1437 гг. его жена Соломонида и младший сын Никита отдали в Троице-Сергиев монастырь «пустошь в Кинеле Добрынинскую со всем, что к ней потягло» (АСЭИ. Т. 1. № 58. С. 57 [Список сер. XVI в.]).

¹¹³ У Александра Всеволодовича известно три сына — Родион, Дмитрий и Андрей Александровичи и один внук — видный московский боярин и воевода Иван Родионович Квашня, вкладчик Московского Симонова монастыря (Дергачев В. В. Родословие Дионисия Иконника // ПКНО, 1988 г. 1989. С. 211—212, 222. Табл. VI).

¹¹⁴ ОР РНБ. Ф. п. IV. № 1. Л. 32 об. — 33 об.; см. также: ДРВ. Ч. 6. С. 449.

В нашем случае интерес привлекает упоминание правителей Брянского княжества в конце XIII — начале XIV в. Один из них — великий князь Олег, сын черниговского и брянского великого князя Романа Старого, внук черниговского великого князя Михаила Всеволодовича. Вместе с родственниками он записан в Любецком и Северском синодиках¹¹⁵. Святослав Глебович, сын Глеба Ростиславича Смоленского¹¹⁶, в 1310 г. он погиб в бою с ордынцами¹¹⁷. 6 XII 1340 г. князь Глеб, один из младших его сыновей, был убит брянчанами¹¹⁸.

В XV в. Всеволожи и Заболоцкие были крупными вотчинниками в Московском, Костромском, Бежецком, Дмитровском и Переяславль-Залесском уездах¹¹⁹. Последний стал центром старинного землевладения Всеволожей и Заболоцких в Северо-Восточной Руси.

Выбор Переяславля Залесского не представляется случайным. По крайней мере, начиная с великого князя Дмитрия Донского (1362—1389), правители Москвы неоднократно передавали его в кормление (и условное держание) князьям, перешедшим на службу в Москву. В 1363 г., по-видимому, здесь находился Иван Ржевский¹²⁰, в 1379 г. — бывший брянский и трубчевский князь Дмитрий Ольгердович¹²¹, в 1406 г. — близкий родственник правителя ВКЛ Витовта — Александр Нелюб, сын киевского наместника князя Ивана Ольгимонтовича Голь-

¹¹⁵ В нем поминали: «Велик(аго) кн(а)з(а) Романа Старого Черниговского и кн(а)г(и)ню его Анну, и с(ы)на его кн(а)з(а) Олга Романовича, велик(аго) кн(а)з(а) Черниговског(о), оставившему дванадесѣм(ъ) тем(ъ) людей, и пріємшему агг(е)лский образ(ъ)» (*Кузьмук О. [С.] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах: збірник наукових праць. Київ, 2007. Вип. 18. С. 17. Л. 9 об.; см. также: Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26; Синодик Любецкого Антониева монастыря. Чернигов, 1902. Л. 21; Милорадович Г. А. Любеч, Черниговской губернии Городницкого уезда, родина Преподобного Антония Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2. Отд. 2. № 23. С. 35).*

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 152. Л. 193; Т. 10. С. 154, под 6786 г.; и др.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 159. Л. 204 об.; Т. 39. М., 1994. С. 97. Л. 163 об.; и др.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 531, под 6849 г.; Т. 24. С. 117. Л. 166, под 6848 г. Князь Глеб был убит «на память святого отца Николы» (Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 53; Т. 39. С. 107. Л. 182 об., под 6848 г. (сентябрьский стиль)).

¹¹⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 334, 347—349, 356—358; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси. С. 58—59, 91—92; Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы // ВИ. 1978. № 8. С. 107; Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 65, 77, 219 (Табл. 1. № 134); и др.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 435. Л. 372 об., под 6871 г. Годом ранее Переяславль-Залесский был занят войсками московского великого князя Дмитрия Ивановича у бежавшего в Суздаль владимирского великого князя Дмитрия Константиновича.

¹²¹ «Князь же Дмитрей Ольгердович Трубчевский не ста противу на бои, но выиде из града со княгынею своею, з дѣтми и з бояры, и иде на Москву... Князь же велики приять его с любовью и дать ему град Переславль со всеми пошлинами (курсив мой. — А. К.)» (ПСРЛ. Т. 25. С. 200—201. Л. 275 об. — 276).

Переход на службу в Москву в третьей четверти XIV в. князя Александра Всеволодовича следует рассматривать в контексте внешней политики Каликовичей. Уже с середины XIV в. они начали конкуренцию с правителями ВКЛ за привлечение на свою сторону лучших представителей знати из разных земель Руси. Благодаря родovitости своих предков, связям и традициям службы¹²⁴ (а следовательно, и претензиям на определенные земли, прежде всего Черниговские и Смоленские) данные лица могли активно влиять на положение дел в Юго-Восточной и Северо-Западной Руси, особенно в междуречье Днепра и Десны. Судьба этих князей сложилась по-разному. Часть из них вернулась в ВКЛ, признав, наконец, власть или сюзеренитет великих князей Ольгерда, Ягайлы или Витовта. Они сохранили свои княжеские права, но их претензии на родовые земли были постепенно ограничены¹²⁵. Быть может, поэтому во второй половине XV — первой четверти XVI в. их потомки вновь вспомнили о близкой и православной Москве? Другая часть, выехав сюда на службу в середине — конце XIV в., приняла активное участие в процессе собирания земель под властью Каликовичей. Со временем ее некоторые представители плавно вошли в состав великокняжеского боярства, теряя при этом княжеские права.

Наличие значительного земельного фонда в руках «великих» бояр, чьи отцы или деды были вынуждены сложить княжеский титул, заставляет поставить под сомнение один из выводов Н. Д. Квашнина-Самарина и Г. А. Власьева. Они считали, что главной причиной того, что в XIV в. князья начинают терять свой титул, стало их незавидное материальное положение¹²⁶. Судьба ближайших предков Всеволожей и Заболоцких этому выводу не соответствует. Следовательно, могли быть и другие причины, из-за которых служившие правителям Москвы

¹²⁴ В связи с этим интересно отметить ранние примеры службы выходцев из Смоленска в Северо-Восточной Руси. Так, например, еще во второй четверти XIII в. на службе у переяславского, а затем владимирского великого князя Ярослава Всеволодовича оказался боярин Федор Ярунович († после 1246). Его отец был известным воеводой в разное время галицкого, новгородского и торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удатного. Подробнее о происхождении и службах представителей этого боярского рода во второй половине XII — первой половине XIII в. см.: Кузьмин А. В. Торопецкая знать в XIII в. Из истории Смоленской земли // *RM*. 2001. Т. 10. Fasc. 1. S. 55—75.

¹²⁵ Подробнее об этом, например, см.: *Akta unji Polski z Litwą, 1385—1791*. Kraków, 1932; *Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*. Warszawa, 1895; *Backus O. P. Motives of West Russian Nobles in Deserting Lihuania for Moscow, 1377—1514*. Lawrence, 1957; *Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów*. Warszawa, 1968. S. 10—21; *Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой*. С. 49—51, 73—93, 100—104, 107, 111—112; *Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва*. С. 142—173; *Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. Poznań; Wrocław, 1999; и др.

¹²⁶ *Квашнин-Самарин Н. Д. Исследование об истории княжеств Фоминского и Ржевского*. С. 30—31; *Власьева Г. А. Род Волинских*. С. 2. Н. П. Лихачев считал, что это «требующее проверки и критики, но во всяком случае интересное генеалогическое замечание» (*Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в.* С. 419. Примеч. 1).

князя утрачивали свой титул. Поэтому подробнее следует рассмотреть происхождение и историю тех нетитулованных военно-служилых фамилий, чьи представители либо также не без основания возводили свои родословные к князьям, либо действительно имели их в качестве прямых предков. В связи с этим прежде всего стоит упомянуть Волинских, Липятиных, Порховских, Сатиных-Шонуровых, Фоминских, Монастыревых, Кузьминских и др.

§ 1.2.1. ВОЛЫНСКИЕ И ВОРОНЫЕ — ПОТОМКИ ВОЛЫНСКИХ КНЯЗЕЙ? Несмотря на частые упоминания в научных трудах, до сих пор нет более или менее полной биографии князя Дмитрия Боброка. Вопрос о его происхождении также остается открытым. Поэтому даже современные исследователи иногда вынуждены с грустью констатировать, что «в целом сведения о жизни Д. М. Боброка после 1380 г. фрагментарны: они сводятся к его участию как свидетеля при подписании великим князем Дмитрием Ивановичем второй духовной грамоты в 1389 г.»¹²⁷.

Согласно ранней росписи Волинских, дошедшей в составе *Лет. ред.*, родоначальник этой фамилии — «Дмитрей Михайлович Боброк». У него было два сына — Борис и Давыд. С ними Дмитрий Боброк «приехал... на Москву». Здесь великий князь Дмитрий Иванович «дал за него сестру свою княжну Анну, и от тое был у него сын Василей», который «убился с коня 15 лет»¹²⁸. Такова древнейшая родовая традиция. К сожалению, дату выезда она не приводит.

¹²⁷ Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. 1979. С. 56.

¹²⁸ РИИР. Вып. 2. С. 54. Л. 613—613 об.; см. также: Родословная книга. С. 111—112; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 377. Примеч. 2 (Родословец П. Ф. Лихачева), и др.; В сборнике родословных материалов конца XV — начала XVI в., расположенных в конце Синодального списка 30-х гг. XVI в. текста Типографской летописи, росписи Волинских еще нет (ПСРЛ. Т. 24. С. 227—233. Л. 319—335 об.). По-видимому, появление родословной Волинских следует связывать с восстановлением позиций семьи при великокняжеском дворе. Оно произошло благодаря деятельности старшего сына М. Б. Меньшого Волинского — Ивана. Находясь на службе у великого князя Ивана III Васильевича, он стал боярином и дворецким в Великом Новгороде (Сборник князя [Григория] Хилкова. СПб., 1879. № 106. С. 376; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 33—34; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 286; Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря // ЗОР [ГБЛ]. 1983. Вып. 43. № 7. С. 101; Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. Л., 1985. С. 175). Очевидно, столь высокое положение могло позволить И. М. Волинскому повлиять на решение властей испоместить в Новгородской земле его родственников. О земельных владениях последних см. в кн.: Власьев Г. А. Род Волинских; Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 1. С. 290—293. Любопытно также отметить, что время создания «Сказания о Мамаевом побоище» несколько отстает от времени боярства И. М. Волинского. Это произведение, по мнению Б. М. Клосса, было написано не в конце

Данных о времени выезда князя Дмитрия Боброка в Москву нет и в древнейших списках второй половины XVI в. *Рум.* и *Разр. ред.* родословных книг. Правда, первая из них добавляет, что «служити» к великому князю Боброк «пришел из Волынские земли». От его детей пошли две ветви: «От Бориса пошли Волынские, а от Давыда пошли Вороны». Сведений о его третьем сыне Василии, в отличие от *Лет.* и *Разр. ред.*, в этих источниках нет, хотя второй брак князя Дмитрия Боброка с дочерью великого князя Ивана II Красного в родословной был отмечен¹²⁹. Именно эта редакция родословной росписи Волынских в конце XVII в. бытовала в кругу представителей этого рода¹³⁰.

Условное время выезда князя Дмитрия Боброка можно отыскать в более поздних источниках. Так, например, оно есть в Архивском III списке I-го извода *Ред. в 43 главы с приписными*. Основой этой редакции стал текст Государева родословца 1555 г. Источником Архивского III списка была рукопись второй половины XVII в. Правящим царем в этом списке указан Федор Алексеевич (1676—1682). В сравнении с другими списками *Ред. в 43 главы с приписными* он имеет более полное родословие Волынских¹³¹. В главе «Род Волынских» в нем отмечается: «В лето 6888-го. Прииде к великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому из Волынские земли князь Дмитрий Михайлович Волынской Боброк, и князь великий дал за него сестру свою княжну Анну»¹³².

К сожалению, 1380 г. как дата выезда в Москву князя Дмитрия Боброка имеет вставочный характер. В Румянцевском III списке начала XVII в., одном из самых старших списков *Ред. в 43 главы с приписными*, этой вставки в текст легенды Волынских еще нет¹³³. Несомненно, ее автор использовал в качестве источника «Сказание о Мамаевом побоище». В нем Дмитрий Боброк упоминается вместе с другими выходцами из ВКЛ — князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами¹³⁴. Сведения

XV в., а между 1513—1518 гг. коломенским епископом Митрофаном (1507—1518), ранее бывшим «архимандритом Московского Андроникова монастыря и великокняжеским духовником». Подробнее об этом см.: Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam. СПб., 1997. С. 253—262; Он же. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 343—346, 348. Примеч. 34; и др.

¹²⁹ РИИР. Вып. 2. С. 148. Л. 122; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 180; и др. Эта традиция последовательно фиксируется в списках *Ред. в 81 главу* (например, см.: РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 281; ОР РГБ. Ф. 178. № 734. Л. 125 об.; и др.; ср.: РИИР. Вып. 2. С. 54. Л. 613—613 об.; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 180; и др.).

¹³⁰ Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 101. Л. 1—5.

¹³¹ Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 48—52.

¹³² РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 78.

¹³³ Ср.: ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 217.

¹³⁴ «Сказание о Мамаевом побоище» было одним из источников Пространной редакции «Задонщины». В его Синодальном списке из-за неудачной вставки редактора получилось, что Д. М. Волынский стал Ольгердовичем, причем старшим братом полоцкого великого князя Андрея Ольгердовича (ср.: ПКЦ. 1998. С. 98. Л. 38).

летописей о службе в 70-е гг. XIV в. в Москве князя Дмитрия Боброка этому автору не были известны.

Аналогичный случай записи легенды Волынских встречается в их росписи, находящейся в списках родословных книг *Патр. ред.* Так, например, в списке А. Ф. Малиновского отмечается, что князь Дмитрий Боброк приехал «к великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому с Ольгердовичи из Волыни, и был на Дону на бою. Из бою приехал к Москве служить»¹³⁵. В этой росписи, как и в случае с Архивским III списком *Ред. в 43 главы с приписными*, текст весьма близок *Рум. ред.* Этот факт вряд ли должен удивлять, так как из всех редакций родословных книг именно текст *Рум. ред.* наиболее близок к Государеву родословцу¹³⁶. Единственным важным отличием росписи Волынских, находящейся в списках *Ред. в 43 главы с приписными*, было то, что в отличие от *Рум. ред.* она содержит уникальную информацию о боярстве детей князя Дмитрия Боброка. Позднее эти сведения также фигурируют в росписях, поданных Волынскими в Палату родословных дел в 1685, 1686 и 1688 гг.¹³⁷

Еще С. Б. Веселовский заметил, что часть родословцев отъезд в Москву из Волыни князя Дмитрия Боброка (вместе «с сыновьями Борисом и Давыдом») связывают с Куликовской битвой 1380 г. Достоверность этой даты исследователь справедливо подверг сомнению. Ссылаясь на сведения летописей, С. Б. Веселовский заметил, что выезд состоялся «много раньше» — до 1371 г.¹³⁸

По мнению В. А. Кучкина, князь Дмитрий Боброк оказался в Москве, «вероятно, между 1366—68» гг.¹³⁹ Делая такой вывод, исследователь, видимо, учел изменение политического статуса ее правителя — Дмитрия Ивановича. К этому времени он держал не только ярлык на Владимирское великое княжение, но и успел породниться со своим основным конкурентом — нижегородско-суздальским великим князем Дмитрием (Фомой) Константиновичем¹⁴⁰.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 113.

¹³⁶ Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 33.

¹³⁷ Ср.: ИИР. Вып. 2. С. 148. Л. 122; ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 217; РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 78; Ф. 210. Оп. 18. № 101. Л. 5; и др. В связи с такой устойчивой традицией представляется, по меньшей мере, неубедительным утверждение американской исследовательницы Н. Ш. Коллманн, что у князя Дмитрия Боброка «два сына от предыдущего брака... никогда не упоминались как бояре, так же как и его потомки» (Коллманн Н. Ш. Боярские роды и отношения при дворе. Образование политической системы Московского государства // Американская русистика. Самара, 2001. С. 196. Примеч. 40).

¹³⁸ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 285.

¹³⁹ Кучкин В. А. Боброк-Волынский // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. М., 1994. Т. 1. С. 249.

¹⁴⁰ Брак великого князя Дмитрия и Евдокии состоялся в Коломне 18 I 1366 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 83. Л. 296 об. Подробнее об этом событии, например, см.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 341—

Княжеское происхождение Волынских никогда не подлежало сомнению¹⁴¹. Еще Н. П. Лихачев подчеркивал, что «в Бархатной книге (в оглавлении) Дмитрий Волынской-Боброк показан князем, чего нет в частных списках»¹⁴². Если первое наблюдение Н. П. Лихачева верно, то второе, как отмечено выше, ошибочно. Доверяя родословцам, Дмитрия Боброка предком Волынских и Вороных считали многие историки¹⁴³. В этом случае достоверность сведений Бархатной книги 1688 г. о Волынских не вызывает, так как считается, что в ее основе лежат довольно древние документы¹⁴⁴. Иное дело, из какой именно династии происходил Дмитрий Боброк — из русской или литовской?

§ 1.2.2. КНЯЗЬЯ КОРИАТОВИЧИ. В историографии нет единого мнения о происхождении Дмитрия Боброка. Часть исследователей полагает, что он был Рюриковичем. Однако в конце XIX в. П. Н. Петров¹⁴⁵ и А. В. Экземплярский предложили иную версию. Последний из них считал, что Дмитрий — сын «литовского князя на Волыни Кориата-Михаила Гедиминовича». Боброк «был женат на сестре Дмитрия Донского — Анне, но потомства не оставил»¹⁴⁶. Это мнение авторитетного генеалога без анализа биографий Кориатовичей, одной из младшей ветви Гедиминовичей, поддержали (за исключением некоторых

342; *Фехнер М. В.* Коломна. М., 1963. С. 8, 9; *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5/6. С. 66; и др.).

¹⁴¹ Например, см.: *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy... S. 178, 577; *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского. С. 52—61; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва // Куликовская битва. С. 220; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 18, 21—23; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей. С. 163; *Кузьмин А. В.* Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 111—136; *Он же.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволод Заболоцкий, Волынские, Липятины) // ГДЛ. М., 2004. Сб. 11. С. 718—742, 760—769, 779—783; и др.

¹⁴² *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 377. Примеч. 2.

¹⁴³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. С. 28; *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 318; *Руммель В. [В.]* Волынские // Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 7. С. 125; *Он же.* Волынские // Энциклопедический словарь: В 12 т. М., 1993. Т. 3. С. 451; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 110; *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. 1960. С. 29—30; *Он же.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 31; 164, 188, 232; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 285; *Он же.* Ономастикон. М., 1974. С. 71; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва. М., 1997. С. 285, 287, 315, 321, 324—326; *Мавродин В. В.* Образование единого Русского государства. С. 128; и др.

¹⁴⁴ *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. 1981. Вып. 12. С. 90—109; и др.

¹⁴⁵ *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 369. Табл. № 27.

¹⁴⁶ *Экземплярский А. [В.]* Боброковъ-Волынский // Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 4. С. 135; см. также: *Боброковъ-Волынский* // Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 578.

польских генеалогов¹⁴⁷) многие исследователи. Так в историографии стали отождествлять князей Дмитрия Кориатовича и Д. М. Боброка Волинского¹⁴⁸.

Для решения этой проблемы необходимо уточнить биографии и реконструировать родословие Кориатовичей за XIV в. Не отрицая достоверности Дмитрия Кориатовича (о нем речь пойдет ниже), заметим, что князь остался неизвестен русским синодикам и родословцам. В последних в главе «Начало государей литовских» записано следующее: «А шестой сын Гедиманов Корьяд, а Корьядовы сынове: Олександр, Костянтин, Феодор, те все бездетны, извелися в Подольской земли»¹⁴⁹. Этот пример, конечно, не бесспорен. Тем не менее он все же свидетельствует об определенной тенденции.

Судьбу сыновей новгородокского великого князя Кориата Гедиминовича, умершего между 1358—1363 гг.¹⁵⁰, освещают белорусско-литовские летописи. Версии княжеских биографий в них несколько отличаются друг от друга. Важно заметить, что эти источники называют еще одного Кориатовича — Юрия. Вместе с младшими братьями он держал все Подолье. Политическим центром владений князя Юрия был Каменец Подольский¹⁵¹. По-видимому, это началось не позднее 1363 г., когда великий князь Ольгерд «предпринял поход в бассейн Буга против монголо-татарских князей Хаджибея, Кутлубуги и Дмитрия, распорядившихся Подоліею»¹⁵². Одним из условий, по которым местное население приняло Кориатовичей, как утверждают белорусско-литовские летописи XVI в., стало обещание князей оборонять жителей Подоліи от ордынцев¹⁵³. Кориатовичи, как и их дядя луцкий великий князь Лю-

¹⁴⁷ *Puzyna J.* Koriat i Korjatowicze // AW. 1930. R. 7. Zesz. 3—4. S. 428, 436, 438; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 76, 166—167, 169—172, 177.

¹⁴⁸ *Kuczyński S. M.* Król Jagiełło ok. 1351—1434. Warszawa, 1987. S. 33; *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 287; *Backus O. P.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lihuania for Moscow. P. 94; *Кучкин В. А.* Боброк-Волинский. С. 249; *Саганович Г. [М.]* Нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 2001. С. 78, 87. В. А. Кучкин также называет князя Д. М. Боброка Волинского «Гедиминовичем», не поясняя, впрочем, степень родства с правителями ВКЛ (*Кучкин В. А.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 г. [Ч. 2]. С. 10; *Он же.* Договорные грамоты московских князей. С. 163; ср.: *Он же.* Боброк-Волинский // БРЭ. 2005. Т. 3. С. 628; и др.).

¹⁴⁹ Например, см.: РИИР. Вып. 2. С. 92. Л. 22—22 об.

¹⁵⁰ Ср.: *Puzyna J.* Koriat i Korjatowicze. S. 427; *Kuczyński S. M.* Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. Warszawa, 1965. S. 154.

¹⁵¹ *Петров М. [Б.]* Кам'янець-Подільський — політико-адміністративний, оборонний, містобудівний та економічний центр Подільської землі у складі Великого князівства Литовського (60—90-і рр. XIV ст.) // *Ukraina Lithuanica*. Київ, 2009. Т. 1. С. 122; *Сіцинський Ю. [Й.]* Поділля під владою Литви. Кам'янець-Подільський, 2009. С. 17—28, 31; и др.

¹⁵² *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 149, 150. Примеч. 24; см. также: *Русина О. [В.]* Синьоводська «Задонщина» // УГО. 1999. Вип. 1. С. 178—189.

¹⁵³ Впрочем, как польский король Казимир III Великий с галицких, так и литовские князья Кориатовичи с подольских земель продолжали в XIV—XV вв. выплачивать ордын-

барт (Дмитрий) Гедиминович, подчинялись польскому королю, хотя в это время власть последнего Пяста на Волыни и Подолии по ряду вопросов еще была относительно формальной¹⁵⁴. Это не мешало князю Юрию проживать при дворе Казимира III Великого (1310—1370) довольно длительное время. Здесь он находился в 1355—1366 гг.¹⁵⁵ Позднее, как отмечает летопись Красинского, его «волохове убили»¹⁵⁶.

Обычно это событие исследователи относят к 1374 г.¹⁵⁷ или к концу 1374 г., но до марта 1375 г.¹⁵⁸ (По крайней мере, князь еще мог быть жив 3 VI 1374 г., когда от его имени была выдана грамота боярину Якше Литавору на село на р. Днестр¹⁵⁹.) Поводом для указанной выше датировки времени смерти князя Юрия Кориатовича служит известие Рогожского летописца 40-х гг. XV в. Этот источник сообщает, что в 1375 г. в «всьенине ходили Литва на Татарове на Темеря, и бышеть межи ихъ бои»¹⁶⁰. Обращаясь к Супрасльской летописи начала 20-х гг. XVI в., можно найти некоторые новые подробности о событиях 1374—1375 гг. Правда, они также точно не датируются: «Князя Юрья волохове взяли... собе воеводоу и тамо его окормили»¹⁶¹.

В связи с этим событием интересно отметить, что, согласно поздней традиции, по-видимому, идущей от Мацея Стрыйковского, князь Юрий был похоронен не в Новоградке, Подолье или на Волыни, а в скальном

ское серебро (Українські грамоти XIV ст. Київ, 1974. № 24. С. 50—53). Подробнее об этом см.: Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания 1-го Литовского статута. М., 1892. С. 482—483; Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 146; Пауцто В. Т. и др. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 71. Примеч. 2, С. 96—97; Белецкая О. В. Подолье и татары во второй половине XIV — первой половине XV в. // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск, 2008. Вып. 4. С. 96—108. Однако данные выплаты ВКЛ в Крым уже проводились нерегулярно. Историографию по данному вопросу подробнее см. в кн.: Довнар-Запольский М. [Б.] Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. I. С. 700.

¹⁵⁴ Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. S. 25—26; ср.: Kaczmarszyk Z. Polityka zagraniczna Polski do 1370 r. // Historia Polski. Warszawa, 1957. T. I. Cz. I. S. 550; Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. S. 135—180.

¹⁵⁵ Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. Poznań, 1998. T. I. S. 219.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 138. Л. 83.

¹⁵⁷ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 177; Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 153—154. Примеч. 39; Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich... T. I. S. 219; и др.

¹⁵⁸ Puzyra J. Koriat i Korjatowicze. S. 438—439; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 316. Tabl. VIII; Цициньский Ю. [Й.] Поділля під владою Литви. С. 32; и др.

¹⁵⁹ Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 168. Впрочем, некоторые Румынские и украинские исследователи сомневаются в достоверности этого якобы утраченного в XIX в. документа, считая его подделкой. Подробнее об этом, например, см.: Цициньский Ю. [Й.] Поділля під владою Литви. С. 30.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106. Л. 312 об.

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 66. Л. 106.

монастыре в Вашулах недалеко от Берлад¹⁶². Между тем поздняя католическая церковная традиция утверждает, что князь был католиком, строителем в Каменце костела Петра и Павла и что после смерти он был похоронен в доминиканском костеле в Смотриче¹⁶³. Однако местная подольская традиция, отразившаяся в источниках XVII в., обе эти версии не подтверждает. Наоборот, она однозначно свидетельствует, что князья Юрий и Александр Кориатовичи были похоронены в замковой православной церкви Покрова Пресвятой Богородицы города Каменца¹⁶⁴.

Следующий сын Кориата, князь Александр, перешел в католичество в 1349—1350 гг.¹⁶⁵ Очевидно, что к этому шагу его подтолкнули военные успехи польского короля Казимира III Великого, захватившего ряд городов Галицко-Волынской Руси. По мнению некоторых польских исследователей, до войны 1366 г. против короля Казимира III Великого князь Александр Кориатович уже несколько лет держал Владимирское княжение¹⁶⁶. Однако это — ошибка, так как оно принадлежало великому князю Любарту¹⁶⁷. По наблюдениям Ю. Пузыны, «Александр Кориатович, хотя и был князем Владимира Волынского, но он не переставал титуловаться князем Подольским»¹⁶⁸. По-видимому, такая ситуация была связана с тем, что, будучи в 1366—1370 гг. на Владимирском княжении, князь Александр Кориатович был ленником Пяста¹⁶⁹. Подобно старшему брату, он посещал Польшу, где в 1368 г. вместе с Казимиром III Великим даже утвердил привилей видному малопольскому пану Петру Кмите¹⁷⁰.

В 1366 г. политическую зависимость от Казимира III Великого были вынуждены признать некоторые Гедиминовичи. Прежде всего, это правившие на Волыни луцкий великий князь Любарт и его племянник правитель Бельза и Кременца князь Юрий Наримонтович¹⁷¹. Данное событие было оформлено соответствующими договорами. Из их числа сохранилась лишь dokonчальная грамота великого князя Любарта, который, «повинуясь службою», дал клятву верности последнему королю из династии Пястов. Анализ статей этого акта не оставляет сомнений

¹⁶² Эту версию поддерживали некоторые исследователи (Например, см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 228. Примеч. 12; Пузыня J. Koriat i Korjatowicze. S. 438—439; и др.).

¹⁶³ Сіціньський Ю. [Й]. Поділля під владою Литви. С. 27.

¹⁶⁴ Сіціньський Ю. [Й]. Поділля під владою Литви. С. 25—26, 31, 36.

¹⁶⁵ Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich... Т. 1. S. 219.

¹⁶⁶ Kaczmarczyk Z. Polityka zagraniczna Polski do 1370 r. S. 550; Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich... Т. 1. S. 219—220.

¹⁶⁷ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 177; Сіціньський Ю. [Й]. Поділля під владою Литви. С. 32; и др.

¹⁶⁸ Пузыня J. Koriat i Korjatowicze. S. 435.

¹⁶⁹ Balcer O. Królestwo Polskie, 1295—1379. Lwów, 1920. Т. 3. S. 181—182, 212—213;

Петров М. [Б.] Кам'янець-Подільський... С. 124; и др.

¹⁷⁰ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 177.

¹⁷¹ Розов В. [А.] Українські грамоти. Київ, 1928. Т. 1. № 3. С. 4—7 [Подлинник].

в том, что правовой статус ленников Казимира III Великого стал близок промежуточному положению между удельным и служилым князем. Правда, в этом случае оно находилось еще в начальной стадии своего развития и не исключало возможности возвращения Гедиминовичей в их прежний, более привилегированный статус¹⁷². (Этого они добились в 1370 г., захватив после смерти короля Владимирское княжение, лишив прав на него князя Александра Кориатовича¹⁷³.)

Оба указанных выше института не были новшествами как для этого региона Руси, так и для ее соседей. Институты удельных и служилых князей получили большое распространение в правление последних Пястов¹⁷⁴. В Швеции близкое положение к статусу удельных князей имели братья короля — герцоги из рода Биргерссонов/Фолькунгов. Они обладали некоторым числом подвластных им крепостей, усадеб и имений¹⁷⁵.

Белорусско-литовские летописи первой четверти XVI в. отмечают, что князь Александр погиб в бою с татарами¹⁷⁶. Он, «Б(о)ж(ь)ю м(и)л(о)стью кн(я)зь, и г(о)сп(о)д(а)рь Подольской земли (курсив мой. — А. К.)», на самом деле, пережил ордынскую «замятню»¹⁷⁷. Он правил в Подолье до конца 70-х гг. XIV в. и умер к 1382 г. Александр и Борис были упомянуты в письме короля Людовика (Лайоша) I Анжуйского к правителю Падуи Франциску Карраре. 29 IX 1377 г. король Венгрии и Польши сообщал своему итальянскому корреспонденту, что эти Кориатовичи, владельцы одиннадцати замков на Подолье, признали его власть¹⁷⁸. Эта информация подтверждается известием хроники Германа из Вартберга. Он сообщает не только о подчинении в этом году венгерскому королю братьев Ольгерда (Кориатовичей и Любар-

¹⁷² Ср.: Рзов В. [А.] Українські грамоти. Т. 1. № 7. С. 14 [Подлинник].

¹⁷³ Сіцінський Ю. [Й.] Поділля під владою Литви. С. 32.

¹⁷⁴ Блестящий анализ укрепления института королевской власти в Польше, ее отношения к местным удельным и служилым князьям из Пястов и Гедиминовичей и прав на их вымороченные владения см.: Balcer O. Królestwo Polskie, 1295—1379. Т. 3. S. 143, и след.

¹⁷⁵ Сванидзе А. А. Король и его подданные в «Хронике Эрика» // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1995. С. 15, 29—30.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 35. С. 66. Л. 106, С. 138. Л. 83.

¹⁷⁷ Этот титул приведен в документе от 17 III 1375 г. (Рзов В. [А.] Українські грамоти. Т. 1. № 10. С. 20 [Подлинник]). Подробнее об этом см.: Сіцінський Ю. [Й.] Поділля під владою Литви. С. 32—35; Паушто В. Т. и др. Древнерусское наследие... С. 75. Примеч. 19; и др.

¹⁷⁸ Halecki O. Przyczynki genealogiczne do dziejów układu krewskiego // МН. 1935. R. 14. № 7—8. S. 102. Przyp. 28, S. 104—105; см также: Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. S. 146; Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. S. 58; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 173—175, 184, 316. Tabl. VIII; Петров М. [Б.] Кам'янець-Подільський... С. 124; и др. Впрочем, не исключено, что князь Александр Кориатович умер около 1380 г. (Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 177; Сіцінський Ю. [Й.] Поділля під владою Литви. С. 37, 43; и др.).

та), но и отмечает, что литовские князья отдали Людовику I своих сыновей в заложники¹⁷⁹. В случае с Кориатовичами, по-видимому, речь может идти о князе Иване Борисовиче. Итак, благодаря латиноязычным источникам можно выяснить имя еще одного из внуков Гедимины — Бориса Кориатовича; его имя не было известно русским летописям и родословцам.

Исследователи давно обратили внимание на то, что в посольстве ВКЛ, прибывшем 18 I 1385 г. в Краков, важную роль играл как Скиргайло (Иоанн) Ольгердович, так и два других православных князя. Ими были «Olgemont et Borizszo duces Lithwianie» (т. е. Ольгимонт Гольшанский и Борис Кориатович Подольский)¹⁸⁰. От имени великого князя Ягайло они просили руки польской королевы Ядвиги Анжуйской, дочери умершего короля Людовика I Великого. По предложению малопольских панов после этого князь Борис и наместник Вильно Ганул должны были посетить в Венгрии вдовствующую королеву-мать Элжбету. Одним из условий брачного договора должен был стать переход их сюзерена из православия в католичество¹⁸¹. 14 IX 1385 г. князь Борис (Кориатович) был участником Кревской унии¹⁸². 12 II 1386 г. вместе с литовскими великим князем Владиславом II Ягайло, князьями Витовтом Кейстутовичем, Скиргайло Ольгердовичем, Юрием Наримонтовичем в Краков приехал и князь Борис Кориатович. В городе он неотлучно находился при двоюродном брате вплоть до его коронации¹⁸³. 4 III 1386 г. по этому поводу в Кракове состоялись торжественные мероприятия. Борис умер до 19 IX 1388 г.¹⁸⁴

Активная роль князя Бориса Кориатовича в Кревской унии вряд ли могла вызывать симпатию у западнорусского летописца в ВКЛ. Возможно, поэтому он не стал упоминать его в своем повествовании о подоль-

¹⁷⁹ SRP. 1863. Bd. 2. S. 114—115.

¹⁸⁰ MPH. 1893. T. 6. S. 658; *Halecki O. Przyczynki genealogiczne do dziejów układu krewskiego*. S. 104; см. также: *Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów*. S. 14; *Łowmiański H. Polityka Jagiellonów*. S. 42; *Idem. Prusy—Litwa—Krzyżacy*. Warszawa, 1989. S. 330; *Błaszczik G. Dzieje stosunków polsko-litewskich...* T. 1. S. 205—206, 220; и др.

¹⁸¹ Akta unji Polski z Litwą, 1385—1791. № 1. S. 2—3; см. также: *Łowmiański H. Polityka Jagiellonów*. S. 42, 44. Характерной чертой довоенной польской историографии было ошибочное отождествление упоминаемого источниками в связи с этим событием князя Бориса. Так, например, В. Семкович полагал, что в 1385 г. послом ВКЛ был зять Ольгерда — князь Борис Суздальский (*Semkowicz W. Hanul, namiestnik wileński (1382—1387), i jego ród // AW. 1930. R. 7. Zesz. 1—2. S. 3*). О других противоречивых версиях по этому вопросу см.: *Ibid. S. 3. Przyp. 2*.

¹⁸² Польский исследователь Г. Блашчик ошибочно смешивает князей Ивана Ольгимонтовича и Бориса Кориатовича, приписывая первому из них второе имя — Борис (*Błaszczik G. Dzieje stosunków polsko-litewskich*. Poznań, 2007. T. 2. Cz. 1. S. 12).

¹⁸³ MPH. T. 6. S. 658; *Halecki O. Przyczynki genealogiczne do dziejów układu krewskiego*. S. 104—105; и др.

¹⁸⁴ *Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. S. 175—177, 179.

ских князьях, защитниках православия. Иное дело брат Бориса — Константин Кориатович.

Летописные данные о причине и месте смерти князя Константина Кориатовича несколько противоречивы¹⁸⁵. В 60-е гг. XIV в. представитель куявской линии Пястов польский король Казимир III Великий, сын Владислава I Локетка (ок. 1260—1333), не имея наследников по мужской линии, как известно, пытался преодолеть нараставший в стране династический кризис. Согласно Супрасльской летописи, король «прислал к князю Костентину клглейтовны листы, со великою твердостью и прося его, штобы к нему приехалъ», ибо «захотель за него... дати» свою единственную дочь. Константин «к польскому королю ездилъ», но «там какъ ся ему посмотрело, не похотел к тои вере приступити, и опять на тых же листех отъехал до Подольской земли и на своемъ господарстве умерлъ»¹⁸⁶. Исследователи полагают, что сватовство подольского князя к Анне, дочери короля Казимира III Великого, могло состояться ранее 5 XII 1369 г.¹⁸⁷ Выгода для князя Константина от возможного династического союза была очевидной. Две старшие дочери польского короля — Элжбета и Кунегунда родились в первом браке короля с Альдоной (Анной), дочерью Гедимины. Однако к этому времени они уже умерли¹⁸⁸. Летописец настаивал на том, что в момент сватовства Анна была единственной дочерью Казимира III Великого. Поэтому логично предположить, что переговоры о браке могли вестись где-то между 1366 и 1367 гг., ибо в 1367 г. у короля родилась еще одна дочь — Кунегунда († до 3 XI 1370)¹⁸⁹. Брак на тот момент единственной (а позднее старшей) дочери Казимира III Великого делал князя Константина реальным наследником короля. Однако по версии белорусско-литовских летописей, князь отказался изменить православию и перейти в католичество. Поэтому этот династический проект не был реализован¹⁹⁰. Руку предполагавшейся невесты князя Константина Кориатовича, появившейся на свет в 1366 г. в результате

¹⁸⁵ *Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. S. 27—28.*

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 35. С. 106. Л. 105 об.

¹⁸⁷ *Sroka S. A. Anna // Piastowie. Kraków, 1999. S. 251; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 178—179; и др.*

¹⁸⁸ Элжбета, жена поморского князя Богуслава V умерла до 1363 г. Кунегунда, жена римского короля Людвигу, сына императора Людвигу IV (1314—1346) из младшей (баварской) линии династии Виттельсбахов, скончалась 26 IV 1357 г. (*Sroka S. A. Anna. S. 200. Tabl. 4. S. 249—251*).

¹⁸⁹ *Sroka S. A. Anna. S. 252.* Хенрик Ловмянский полагал, что приглашение князя Константина Кориатовича ко двору польского короля Казимира III Великого произошло лишь после смерти (27 IV 1368 г.) своей двоюродной сестры — княжны Иоанны Ольгердовны. Она была невестой князя Казика, сына правителя Поморья Богуслава V и Элжбеты, старшей дочери правителя Польши от его первого брака с Анной, дочерью литовского великого князя Гедимины (*Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. S. 28*).

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 35. С. 66. Л. 105 об. — 106.

третьего брака польского короля с Ядвигой, дочерью Хенрика V Железного, затем просил для своего сына Вацлава император Священной Римской империи Карл IV Люксембургский¹⁹¹.

Между тем летопись Красинского не знала о сватовстве одного из правителей Подолья. Ее автор отмечал кончину князя Константина ранее его брата Юрия, что, безусловно, ошибочно. Согласно источнику, Константин «поехал до угорского короля... и там умер»¹⁹². Если это известие верно, то смерть князя могла наступить лишь после 1377 г.¹⁹³ Этот вывод подтверждают и другие источники. Так, например, летом 1383 г. дипломаты Тевтонского Ордена извещали свое руководство, что князь Константин, родственник и влиятельное лицо при дворе короля Владислава II Ягайло, добивался от него разрыва отношений с крестоносцами¹⁹⁴.

Сравнение сведений о князе Константине в белорусско-литовских летописях и иностранных источниках показывают неосведомленность о нем или очевидную тенденциозность православных авторов. Прежде всего, это касается проблемы освещения летописцами в начале XVI в. религиозной политики князя Константина¹⁹⁵. Очевидно, составителю первого белорусско-литовского свода остался неизвестен тот факт, что в начале 1380-х гг. он «ездил в Рим с целью устройства епископства в Каменце Подольском». Вернувшись домой, Константин, как и его младший брат Борис Кориатович, принял самое деятельное участие в устройстве брака между правителем ВКЛ Ягайло и польской королевой Ядвигой Анжуйской¹⁹⁶. Пребывая в Польше, князь информировал своего двоюродного брата о текущих делах в королевстве. 17 IV 1385 г. в целях упрочения союза между ВКЛ и Польшей Кон-

¹⁹¹ *Sroka S. A.* Anna. S. 251.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 35. С. 138. Л. 83.

¹⁹³ В результате войны 1376—1377 гг. с Кейстутом и его союзниками венгерский и польский король Людовик I Великий, племянник по матери Казимира III Великого, к концу 1377 г. захватил ряд городов Волыни. Оставшиеся править на землях Волыни и Подолии князья были вынуждены признать себя его вассалами (*Halecki O.* *Przyczynki genealogiczne do dziejów układu krewskiego.* S. 106—108; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 155; *Łowmiański H.* *Polityka Jagiellonów.* S. 58).

¹⁹⁴ *Daniłowicz I.* *Skarbiec diplomatów...* Т. 1. № 488. S. 245; *Łowmiański H.* *Polityka Jagiellonów.* S. 42; *Tęgowski J.* *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów.* S. 179; и др.

¹⁹⁵ Подробнее о ней, например, см.: *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. М., 2007. С. 311—313.

¹⁹⁶ В историографии бытует ошибочное мнение, что литовский князь Борис тождествен Олгимонту Гольшанскому (*Kuczyński S. M.* *Król Jagiełło.* S. 55; *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. Київ, 2008. С. 359. Схема V (2); и др.). Между тем синодик Киево-Печерской лавры конца XV в. отмечает, что в крещении князь Олгимонт носил имя Михаил, а не Борис (*Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.) // ЧИОНЛ. 1892. Кн. 6. Отд. 3. С. 7).

стантин выдал привилей купцам Кракова на свободную торговлю в Подолье. 19 IX 1388 г. вместе с ним в одном из актов фигурировал князь Федор Кориатович¹⁹⁷. Вслед за правителем Луцкого княжения Любартом Гедиминовичем¹⁹⁸, очевидно, в 80-е — начале 90-х гг. XIV в. они предприняли небольшую эмиссию монет: сначала с именем князя Константина, а затем двуименные — с упоминанием его соправителя в Подолии князя Федора Кориатовича. Подольские «полугрошки» чеканились в Смотриче — политическом центре владений Константина¹⁹⁹. Он умер перед 1 VII 1392 г.²⁰⁰

Следующим из Кориатовичей-источники упоминают князя Федора († 1409/1416). До смерти братьев он «Новгородок держал», а затем стал их преемником в Подольской земле²⁰¹. По-видимому, средневековый редактор не стал включать в новый текст из протографа подробный рассказ об этом сыне великого князя Кориата. Между тем в утраченной летописи графа Красинского, летописи Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреиновской летописях есть этот текст. По его версии, Федор также «держал» Гомей (совр. Гомель). Когда братья князя умерли, он смог вернуть «Подольскую землю к Литве» только при военной поддержке ВКЛ²⁰². Очевидно, что речь идет о событиях, произошедших между 1388 и 1392 гг.²⁰³ Подобно своим братьям, Федор Кориатович свободно чеканил монету со своим именем и распоряжался своими владениями, жалую города и села своим боярам за службу²⁰⁴. После того как «князь великий Витовт осел на всей земли, на великом княжении Литовском», Федор не захотел «с Подолскою землею» ему «служити». В 1393 г.

¹⁹⁷ *Сіцінський Ю. [Й]* Поділля під владою Литви. С. 37—39; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 179, 182, 183.

¹⁹⁸ *Савицький В.* Денарії Любарта-Дмитрія (1340—1384) // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2009. Вип. 12. С. 182—187.

¹⁹⁹ *Погорілець О. [Г.], Савгов Р. [В.]* Монета подільського князя Костянтина // Нумізматика і Фалеристика. 2004. № 3. С. 24—29; *Они же.* Про нові знахідки монет Подільського князівства // Там же. 2007. № 4. С. 28—31; *Крижанівський А., Шуст Р.* До генези іконографії та метрологічних показників монет Подільського князівства другої половини XIV ст. // Там же. 2005. № 2. С. 8—10; *Шостопал А. [В.]* Монети XIV ст. карбовані на Поділлі // Там же. 2007. № 3. С. 24—26; *Борейша Ю., Казаров А.* О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидригайлы Ольгердовича. Минск, 2009. С. 35—36; *Рябцевич В. Н.* О монетах Новгород-Северского и Стародубского уделов Великого княжества Литовского // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вип. 2. С. 140; и др.

²⁰⁰ *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 179—180, 317. Tabl. VIII; и др.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 66. Л. 106, С. 74. Л. 45, С. 139. Л. 83, С. 160. Л. 261; и др.

²⁰² ПСРЛ. Т. 35. С. 139. Л. 83, С. 160. Л. 261, С. 186 (с. 312), С. 207. Л. 73 об., С. 228—229. Л. 496.

²⁰³ *Kuczyński S. M.* Fedor Koriatowicz // PSB. 1947. Т. 6/4. Zesz. 29. S. 383.

²⁰⁴ *Сіцінський Ю. [Й]* Поділля під владою Литви. С. 40—43; *Груша А. І.* Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча 1391 г. // Беларускі гістарычны агляд. Менск, 2001. Т. 8. Сш. 1—2 (14—15). С. 123—135; и др.

за этот отказ Витовт «пошел со всем литовским войском к Подолью». Федор уехал за помощью в Венгрию. Получив ее, князь разместил в городах Подолья гарнизоны из валахов и венгров. В борьбе против ВКЛ Федора Кориатовича поддерживали киевский великий князь Владимир Ольгердович и молдавский господарь Роман I Мушат († 1394)²⁰⁵, женатый на княгине Анастасии Кориатовне († до 16 IX 1408)²⁰⁶. Однако Витовт уже без польской поддержки сначала быстро нейтрализовал правителя Киева, отобрав у него Овруч и Житомир, а затем захватил у князя Федора Кориатовича города Брянск, Соколец, Каменец, Смотрич, Скалу и Червленицкий городок. Отмечая полную победу Витовта, летописец подчеркивал, что он взял в плен даже наместника князя Федора. В городах Подолья Витовт посадил своих старост²⁰⁷. 13 VI 1395 г. подольские города (за исключением «Trebowlensis et Sczenca» и перешедшими в королевский домен «Medzibosze, Bozske et Winnicza») вместе со всеми владельческими правами, которыми ранее здесь обладали русские и литовские князья, получил пан Спытко из Мельштина († 12 VIII 1399)²⁰⁸. Князь Федор Кориатович был вынужден уйти в Венгрию. В 1402 г. его попытка при поддержке младшего брата князя Василия²⁰⁹ вернуть себе утраченные владения в Подолье закончилась неудачей. Выйдя из плена, в 1403 г. они отказались от претензий на владения своих умерших братьев, а Федор вернулся в Венгрию. Он правил русинами в комитате Берег в Закарпатье. Центром владений князя Федора Кориатовича стал город Мукач²¹⁰. Здесь он умер между 9 IX 1409 г. и 9 XI 1416 г.²¹¹

²⁰⁵ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 203—204; Цицинский Ю. [И.] Поділля під владою Литви. С. 40—43; и др.

²⁰⁶ Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 166, 184, 188—189, 317. Tabl. VIII.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 35. С. 66. Л. 106—107, С. 74. Л. 45 об. — 46 об., С. 139. Л. 83, С. 160. Л. 261, С. 186—187 (с. 313), С. 207. Л. 74—74 об., С. 229. Л. 496 об. — 497.

²⁰⁸ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie... Lwów, 1887. Т. 1. № 18. S. 18—20. Подробнее о Спытко из Мельштина и родственных связях его семьи см.: Михайловский В. [М.] Спитко з Мельштина — володар Західного Поділля в 1395—1399 рр. // Україна в Центральній-Східній Європі. 2013. Вип. 12—13. С. 210—223.

²⁰⁹ Князь Василий Кориатович был вкладчиком Холмской епархии (Gil A. Pomianek chełmski // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. R. 3. S. 105, 109; Баран О. Холмський пом'яник // Вісник Львівського університету. Сер.: Книгознавство, бібліотекознавство та інформаційні технології. Львів, 2007. Вип. 2. С. 195, 196, 202, 205, 206).

²¹⁰ О деятельности Федора Кориатовича в Венгрии см. в кн.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 228. Примеч. 12; Wolff J. Książowie litewsko-ruscy... S. 177—178; Kuczyński S. M. Fedor Koriatowicz. S. 383—384; Троян М. В. Мукачевский замок. Ужгород, 1982. С. 14—15; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 184—187, 317. Tabl. VIII. В войне с Витовтом не повезло и другому союзнику князя Федора Кориатовича — господарю Молдавии. В 1394 г. Роман I Мушат потерял свой престол (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 204). В польской историографии ранее ошибочно отождествляли князей Федора Кориатовича, а чаще Федора Корибутовича с Федором Несвижским, справедливо видя в последнем из них предка князей Вишневецких, Збаражских, Воронечских и Порышских. Подробнее

Очевидно, в середине 1390-х гг. другие Кориатовичи добровольно подчинились великому князю Витовту. По крайней мере, позднее их можно встретить среди его союзников. Известия о Кориатовичах есть в летописях Северо-Восточной Руси. Так, например, в Рогожском летописце есть неполное, но важное известие под 1356 г.: «Того же лета князь великий Иванъ Ивановичъ отдалъ за Корьядова сына въ Литвою»²¹². В «Истории» Н. М. Карамзина отмечается, что в этом году на дочери великого князя Ивана II Красного женился племянник Ольгерда — князь Дмитрий Кориатович²¹³. Источник Н. М. Карамзина можно установить лишь предположительно. По-видимому, им могла быть харатейная Троицкая летопись, созданная после 1422 г.²¹⁴ Известно, что генетически связанная с ней Симеоновская летопись и Рогожский летописец совпадают во многих чтениях за 1328—1374 гг.²¹⁵ Вместе они «содержат Тверскую редакцию 1412 г. общерусского свода кон. XIV или нач. XV в. — про-

об этом, например, см.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 175—176; *Prochaska A.* Hołd Fedka kniazia Nieświczkiego // KH. 1911. R. 25. S. 239—245; *Idem.* List wójta z Bratjanu do Wielkiego Miśtrza Zakonu z dnia 8 lutego 1432 r. // MH. 1913. R. 6. № 11—12. S. 191—192; *Idem.* O identityczności ks. Fedka Nieświczkiego z Fedorem Korybutowiczem // Ibid. S. 192—194; *Radziwiński Z. L.* W sprawie pochodzenia Fed'ka Nieświczkiego // Ibid. 1911. R. 4. № 9—10. S. 142—150, № 11—12. S. 182—185; *Idem.* W obronie nazw i przydomków rodowych // Ibid. R. 6. № 1—2. S. 2; *Idem.* Itinerarium kn. Fedora Korybutowicza i kn. Fed'ka Nieświczkiego // Ibid. R. 6. № 11—12. S. 194—200; Spór o Fedka Nieświczkiego: Od redakcyi // Ibid. R. 6. № 11—12. S. 190—191; *Semkowicz W.* Korybutowicze i Nieświcz w świetle sfragistyki // Ibid. S. 200—204; *Idem.* Łosk i wygaśnięcie Korybutowiczów // Rocznik Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie. 1926. T. 7. S. 197—209; *Sochaniewicz K.* Przyczynek do rozwoju herbu książąt Zbaraskich // MH. 1914. R. 7. № 5—6. S. 118—120; *Jakubowski J.* Czy istnieli kniaziowie Nieświescy // AW. 1923. R. 1. № 1. S. 1—9; *Rawita-Gawroński Fr.* Książęta Nieświeccy, Zbaraccy i Wiszniowieccy do końca XVI w. // AW. 1930. R. 7. Zesz. 1/2. S. 114—116; *Tęgowski J.* Pochodzenie kniaziów Iwana i Fiodora Nieświczkich // Genealogia. Poznań; Wrocław, 1996. T. 7. S. 125—135; *Idem.* Jeszcze o pochodzeniu kniazia Fiodora Nieświczkiego // Ibid. T. 8. S. 87—90; *Czamańska I.* Wiśniowieccy. Poznań, 2007; *Однороженко О. [А.]* Руські родові герби XIV—XVI ст. як генеалогічне джерело // Генеалогія. Київ, 2013. Вип. 1. С. 395—402; и др. (ср.: *Puzyna J.* O pochodzeniu kniazia Fedka Nieświczkiego // MH. 1911. R. 4. № 1—2. S. 6—15, № 3—4. S. 43—47, № 5—6. S. 74—82; *Idem.* W sprawie Fedka Nieświczkiego. Odpowiedź panu Z. L. Radziwińskiemu // Ibid. 1912. R. 5. № 1—2. S. 18—26, № 3—4. S. 58—65; *Idem.* Nieco faktów do sprawy Fedka Nieświczkiego // Ibid. R. 6. № 9—10. S. 145—151; *Idem.* Korybutowicze Nieświczcy // Ibid. 1930. R. 9. № 6. S. 105—119; *Radziwiński Z. L.* Jeszcze o «kniazii» i «księciu» // Ibid. R. 4. № 7—8. S. 105—106; *Яковенко Н. [М.]* Кого топчуть коні звияжного Корибута // Journal of Ukrainian Studies. Edmonton, 2004. Vol. 28. S. 191—217; *Она же.* Українська шляхта з'їкція XIV до середини XVII ст. С. 91—93, 99. Табл. 1, С. 333—341. Схеми II, II (6 а-в); *Войтович Л. [В.]* Княжа доба на Русі. Біла Церква, 2006. С. 648—652; и др.).

²¹¹ *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 186, 317. Tabl. VIII.

²¹² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65. Л. 284 об. Более поздняя Никоновская летопись поясняет, что великий князь Иван, «внукъ Даниловъ», отдал дочь «въ Литву за Кариадова сына, внука Гедиманова» (Там же. Т. 10. С. 228).

²¹³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 168.

²¹⁴ Подробное об этом см.: *Кучкин В. А.* О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem. М., 2005. С. 237—242.

²¹⁵ *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. V.

тографа летописи Троицкой»²¹⁶. В. А. Кучкин, сопоставляя сведения Рогожского летописца за 1356 г. и родословной Волынских, пришел к выводу, что в этом случае упоминался князь Дмитрий Боброк²¹⁷, против чего ранее возражал Ю. Вольф²¹⁸.

Любопытно отметить, что Г. В. Вернадский не обратил внимание на известие Рогожского летописца за 1356 г. Между тем он упомянул другое сообщение источника, которое В. А. Кучкин проигнорировал. Г. В. Вернадского заинтересовал один из пространных перечней погибших князей в битве с ордынцами хана Тимур-Кутлуга и эмира Едигея на р. Ворскле (во вторник 12 VIII 1399 г.), находившийся в Никоновской летописи. Здесь среди убитых князей отмечены Дмитрий и Лев Кориатовичи²¹⁹. Некоторые белорусско-литовские летописи сообщают о гибели братьев князя Льва (чаще всего ошибочно — Глеба) и Семена²²⁰. Другие — отмечают гибель либо одного князя Льва²²¹, либо Семена. В Евреиновской летописи князь Семен превратился в младшего брата бывшего смоленского великого князя Глеба Святославича. Этот случай связан либо с дефектом одного из предшествующих списков этого источника, либо невнимательностью писца, довольно небрежно передавшего в 1690 г. его текст²²².

По мнению Г. В. Вернадского, уникальное известие о смерти князя Дмитрия Кориатовича относилось к Д. М. Боброку Волынскому. Исследователь полагал, что после восстановления вассальной зависимости от Орды службу у великого князя Дмитрия Донского оставили и ушли

²¹⁶ Лурье Я. С. Летопись Симеоновская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 56.

²¹⁷ Кучкин В. А. Боброк-Волынский. С. 249.

²¹⁸ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 178, 577.

²¹⁹ В перечне 1399 г. некоторые из погибших на р. Ворскле (например, князя Андрей Друцкий и смоленский наместник князь Ямонт Клецкий) записаны дважды. Этот казус в тексте источника является важным указанием на то, что список литовский и русских князей в Никоновской летописи конца 20-х гг. XVI в. представляет собой компиляцию, составленную из двух независимых источников (ср.: ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 174).

²²⁰ Ср.: ПСРЛ. Т. 35. С. 52. Л. 57—57 об., С. 73. Л. 37, С. 139. Л. 84 об., С. 161. Л. 263, С. 187 (с. 316), С. 208. Л. 77 об. В поздних «Хронике Быховца» и «Хронике Литовской и Жмоитской» также упоминаются «Глеб Кориатович з братом Симионом» (Там же. Т. 32. М., 1975. С. 76. Л. 501 об. — 502; см. также: Там же. С. 148 (стр. 68)). Ю. Пузына, не учитывая особенности происхождения и написания «Хроники Быховца», полагал, что данное известие источника достоверно (Puzyna J. Koriat i Korjatowicze. S. 429—432). С этим, однако, трудно согласиться. Данные поздние источники вобрали в себя много искажений предшествующих переписчиков. Поэтому делать на их основе вывод о существовании у великого князя Кориата Гедиминовича сына по имени Глеб нет никаких оснований. Текстологический анализ списков погибших князей в обоих памятниках показывает, что в этом месте было испорченное чтение в тексте, которое и ввело Ю. Пузыну в заблуждение.

²²¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 458—459; Т. 25. С. 229. Л. 321; Т. 34. М., 1978. С. 150. Л. 421—421 об.; Т. 35. С. 52. Л. 57—57 об., под 6906 г., и др.

²²² Ср.: ПСРЛ. Т. 35. С. 229. Л. 499 («да князя Глеба Святославича, да брата ево князя Семена»).

в ВКЛ сторонники борьбы с татарами. Ими якобы были князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, а также «Дмитрий Корьятович Боброк Володынский». Нового вождя и единомышленника они нашли в лице литовского князя Витовта²²³.

Между тем, с хронологической точки зрения, предложенная Г. В. Вернадским реконструкция биографий трех Гедиминовичей за 1380—1399 гг. представляется уязвимой. Так, например, хорошо известно, что князь Андрей Полоцкий сохранял тесные отношения с Калитовичами, по крайней мере, вплоть до середины 1385 г. Между 9 V и 29 VI 1385 г. Дмитрий Донской, «сбравъ воя многы, посла съ ними брата своего князя Володимера Андреевича на князя Олга и на Рязанскую землю». В этом походе у москвичей «убиша князя Михаила, сына Андреева Полотскаго Олгердовича на Рязани»²²⁴.

Осенью 1385 г. правитель Полоцка оказался отнюдь не в ВКЛ, а в Ливонском Ордене. Сближение бывших врагов произошло на фоне разрыва союза между великими князьями Дмитрием Донским и Ягайло²²⁵. Великий князь Андрей входил в число тех князей ВКЛ, которые в феврале и марте 1386 г. не стали присягать королю Польши Владиславу II Ягайло и его жене Ядвиге²²⁶. После переговоров в Недритце 9 X 1385 г. Андрей Ольгердович заключил договор с магистром Тевтонского Ордена в Ливонии Робинот фон Эльтцем. За помощь в борьбе против короля он отдавал в лен крестоносцам Полоцкое княжество («regnum in Ploscow in feodum rescipimus»), но оговаривал право его наследования собственными детьми²²⁷. В это время в планы князя Андрея входило обладание как Полоцком, так и другими городами ВКЛ.

²²³ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 287—289.

²²⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 135. Л. 267. По мнению И. Б. Грекова, князь Андрей Ольгердович вместе с сыновьями находился в Полоцке уже в 1381 г. (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 184). От князя Романа Михайловича Брянского, мнимого сына князя Михаила Андреевича Полоцкого, польский генеалог Я. Тенговский ошибочно выводит род князей Крошинских. Подробнее об этом, например, см.: *Tęgowski J. Kilka uwag o genealogii kniaziów Kroszyńskich do końca XV w. // Genealogia. Poznań; Wrocław, 2003. Т. 15. S. 35—43.* Напрасно отказываясь от связи чеканки монет с кириллической буквой «Ю» со смоленским великим князем Юрием Святославичем, некоторые нумизматы ошибочно приписывают их смоленскому наместнику от ВКЛ служилому князю Роману Михайловичу Брянскому. Подробнее об этом см.: *Борейша Ю., Иванаускас Э. Смоленские монеты Витовта и Романа Михайловича. Каунас; Минск, 2008.* Между тем в конце XV — начале XVI в. в истории ВКЛ нет ни одного примера, когда какой-либо служилый князь мог обладать такой важной регалией!

²²⁵ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 180.

²²⁶ *Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. S. 60.*

²²⁷ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977. Ч. 1. № 8. С. 45—48. Об этом договоре князь Андрей подробно сообщает в письме от 11 X 1385 г. гофмейстеру Тевтонского Ордена в Пруссии Конраду Цольнеру фон Ротенштейн (Там же. Ч. 1. № 9. С. 48—50).

Зимой 1385—1386 гг. правитель Полоцка «с немци с лифлянты, с всею латыголюю» приходил «на Литовскую землю и, повоевав, много пожже мест и сел»²²⁸. В начале 1386 г. «князь Святослав смоленский совет с князем Андреем полоцким сътвори: он в Литву, а князь Святослав ко Рши»²²⁹. Эти действия союзников не могли не тревожить правителя ВКЛ. Весной 1387 г. его войска повторно захватили Полоцкую землю²³⁰. Согласно новгородскому летописцу, «А Скиригаило, братъ Ягаиловъ, ходилъ ратью с Литовскою силою и с Немечкою подъ Полтескъ, и взя город; и Ондреева сына оубиша, а самого Ондрея, брата своего, изнималъ и в Литву свель»²³¹. Детали этого пленения раскрывает псковский источник: «...князя Андрея Олгердовича князь Скиригаило, брат его, пойма перелестию в Полотске»²³². По приказу Владислава II Ягайло его старший брат был посажен в тюрьму. Местом заточения князя Андрея стал замок в Хенцинах²³³. Полоцкая земля, согласно грамоте от 25 IV 1387 г., была отдана королем своему соправителю в ВКЛ — Скиргайло²³⁴.

Андрей Ольгердович находился под арестом вместе со своим окружением до весны 1394 г. Условия их содержания были весьма либеральными. Бывший правитель Полоцка вел переписку и даже отправлял своих гонцов²³⁵. В марте 1394 г. новый правитель ВКЛ Витовт и родные братья Андрея Скиргайло, Владимир и Федор поручились за него. Польский король был вынужден отпустить князя Андрея

²²⁸ В результате военных действий к 2 II 1386 г. полоцкий князь захватил район вокруг городов Вильно и Ошмяны (*Хорошкевич А. Л.* Комментарии // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1980. Ч. 3. С. 149).

²²⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 88. Л. 449 об.; см. также: Там же. С. 99. Л. 66—66 об., С. 136. Л. 78—78 об., С. 154. Л. 254; и др.

²³⁰ Подробнее об этом см.: *Хорошкевич А. Л.* Комментарии. С. 149—150.

²³¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 347. Л. 238 об., под 6894 г. (мартовский стиль). В это время в Полоцке находились два сына князя Андрея — Семен и Иван. Поскольку позднее источникам известен лишь последний, можно предположить, что во время осады погиб именно Семен. Это обстоятельство заставляет датировать грамоту жены Андрея Ольгердовича и ее детей в рижский городской совет с просьбой о пушнине. Документ, по всей вероятности, был составлен не между весной 1387 и осенью 1389 г., как предлагает А. Л. Хорошкевич (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Ч. 1. № 11. С. 54; *Хорошкевич А. Л.* Комментарии. С. 160; *Она же.* Печати полоцких грамот XIV—XV вв. // ВИД. 1972. Вып. 4. С. 133), а в октябре — ноябре 1385 г., когда великого князя Андрея Ольгердовича не было в городе (*Кузьмин А. В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. [Ч. 2] // ДРВМ. 2007. № 4 (30). С. 63—64).

²³² ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 29. Л. 178; см. также: Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 106. Л. 39 об.

²³³ *Хорошкевич А. Л.* Комментарии. С. 160; *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. S. 60—61.

²³⁴ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Ч. 1. № 10. С. 50—54.

²³⁵ Подробнее об этом, например, см.: *Варонін В. [А.]* Старонка біяграфіі князя Андрэя Полацкага // Гістарычны Альманах. Гародня, 2009. Т. 15. С. 2—6.

на свободу²³⁶. В ВКЛ он не остался, а бежал отсюда в Псков. В стольный город князь прибыл 18 VII 1394 г.²³⁷ Его выбор не был случаен. В Пскове в течение нескольких лет княжил его сын Иван²³⁸. Вместе они отразили осаду новгородской рати. После ее отражения князь Андрей Ольгердович «со псковьскими послы» ездил в Великий Новгород, но «миру не возмзя»²³⁹. Его последним политическим актом стало участие в походе Витовта на земли Орды. В сражении на р. Ворскле 12 VIII 1399 г. князь был убит²⁴⁰.

Итак, оказывается, что после событий 1380 г. антиордынские взгляды князя Андрея Ольгердовича вновь пробуждаются спустя 19 лет! Его усилия до этого были связаны с попыткой возврата и удержания своего прежнего владения — Пблочки земли. Когда это князю не удалось сделать, он оказался в знакомом ему с молодости Пскове. В это время Андрей уже не обладал былой военной силой, земельными владениями, а следовательно, и авторитетом, которые он имел в эпоху военной конфронтации Руси и Мамаевой

²³⁶ Не учитывая сведения русско-литовских актов, С. Н. Азбелев ошибочно относит освобождение князя Андрея Ольгердовича к «1389 или 1390 г.» (Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов // ЛХ, 1976 г. 1976. С. 85; ср.: *Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów*. S. 11).

²³⁷ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 25. Л. 32; Т. 5. Вып. 2. С. 29—30. Л. 178 об.; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 286. Примеч. 182.

²³⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 374—375. Л. 247; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 25. Л. 33, С. 30. Л. 179; Т. 5. Вып. 2. С. 108. Л. 42; Т. 6. Вып. 1. Стб. 511. Л. 436; Т. 16. Стб. 137; Т. 39. С. 133. Л. 233 об.; Т. 42. С. 92. Л. 293—293 об., С. 158. Л. 393; Т. 43. С. 156. Л. 293 об.; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 400 об. — 401; и др. Внук Ольгерда, князь Иван Андреевич сложил крестное целование Пскову «за двѣ недѣли до Троицына дни», т. е. 28 IV 1399 г. (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 26. Л. 34; Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 109. Л. 43 об.; и др.). Эта политическая акция была спланирована Витовтом, который согласно Салинскому договору 1398 г. с Тевтонским Орденом должен был способствовать его властям в захвате Великого Новгорода и Пскова (Юргинис Ю. [М.] Развитие феодальных отношений и противоречий внутри Великого княжества Литовского // История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 56). В первой половине 1430-х гг. князь Иван Андреевич входил в состав рады литовского великого князя Свидригайло (Однороженко О. [А.] Геральдика членів господарської ради великого князя Свидригайла Ольгердовича // Студії і матеріали з історії Волині, 2012 р. Кременець, 2012. С. 157). Весной 1436 г. «въ своемъ безвремении» сын Андрея Ольгердовича прибыл в Псков. Псковичи почтили князя поминками и «даша ему десять рублевъ и десять зобницъ ржи и десять зобницъ овса на кормлю». В городе-князь Иван Андреевич жил до конца декабря 1436 г. (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 26; см. также: Там же. Вып. 2. С. 46. Л. 197 об., С. 132—133. Л. 77 об.).

²³⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 386—387. Л. 233—233 об.; см. также: Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 374—375. Л. 247. В СІЛ сначала упоминается поездка в Великий Новгород князя Андрея Ольгердовича, и лишь затем говорится об осаде Пскова новгородцами (ср.: Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 511. Л. 436; Т. 39. С. 133. Л. 233—233 об.). Сводку известий о новгородско-псковских отношениях за 1390-е гг. подробнее, например, см.: Белецкий С. В. Вечевые печати Пскова // Фрагментика Средневекового Пскова. СПб., 1994. Вып. 2. С. 76—81.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 174; Т. 16. М., 2000. Стб. 145; *Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów*. S. 11.

Орды²⁴¹. После Куликовской битвы источники ничего не знают о его совместных акциях или контактах с князьями Дмитрием Ольгердовичем и Д. М. Боброком Волинским.

В чем-то схожей с князем Андреем была судьба его брата Дмитрия. На службе в Москве он находился еще в 1388 г.²⁴² По-видимому, печальный итог деятельности старшего брата чему-то научил князя Дмитрия. Очевидно, он не надеялся на улучшение своего положения в Москве в связи с предстоящим приходом к власти великого князя Василия I. Вместе со своим служилым двором он решил вернуться в ВКЛ и признать старшинство короля Владислава II Ягайло. На это указывает текст предварительной вассальной присяги, данной Дмитрием своему младшему брату и его жене Ядвиге 13 XII 1388 г. в Молодечно. Документ был скреплен поручительством трех влиятельных бояр в ВКЛ — полоцанином Братошей²⁴³, Минигайлом и князем Юрием Ивановичем Козушно²⁴⁴.

Очевидно, что в 1389 г. после смерти великого князя Дмитрия Донского князь Дмитрий Ольгердович вернулся в ВКЛ, где он вновь мог получить в свое распоряжение Трубчевское княжество²⁴⁵. Политической самостоятельности теперь он не проявлял и в мятежах против Витовта не участвовал. В нескольких грамотах, связанных с именем князя Дмитрия, он вынужденно подчеркивал ошибочность прежнего союза с Москвой²⁴⁶. Вплоть до лета 1399 г., как и в случае с бывшим полоцким

²⁴¹ Ср.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 177, 180—181, 184; Хорошкевич А. Л. Комментарии. С. 140—149, 152—160.

²⁴² Розов В. [А.] Українські грамоти. Т. 1. № 23. С. 42—44 [Подлинник]; см. также: Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów. S. 11—12.

²⁴³ Ранее Братоша был боярином князя Андрея Ольгердовича (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Ч. 1. № 7. С. 44). Его сюзерен в марте 1387 г. был пленен и посажен в тюрьму. Позднее Братоша служил правителям ВКЛ. Подробнее о нем см.: Kuczyński S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 160—162, 350; Хорошкевич А. Л. Комментарии. С. 150; и др.

²⁴⁴ Zbiór dyplomatów rządowych i aktów prywatnych, posługujących do rozjaśnienia dziejów Litwy iłączonych z nią krajów (od 1387 do 1710 r.). Wilno, 1858. Cz. 1. № 4. S. 6; Грамоти XIV ст. № 47. С. 98 [Подлинник]. Интересно отметить, что в первые годы правления короля Владислава II Ягайло ленные грамоты ему давали не только удельные князья Гедиминовичи и Рюриковичи в ВКЛ, но также Пясты и Грифиты в Польше и Поморье (об этом, например, см.: Ziemia B. Bydgoszcz, Nakło i hołd w Pyzdrach. Księstwo Słupskie a Polska w latach 1386—1412 // ZH. 1969. Т. 34. Zesz. 1. S. 7—48).

²⁴⁵ Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów. S. 12. Утверждение Е. В. Русиной о возвращении в ВКЛ около 1388 г. князя Дмитрия Ольгердовича ошибочно (Русина О. В. Проблемы політичної діяльності населення Великого князівства Литовського у XIV—XVI ст. // УІЖ. 2003. № 6. С. 5). Украинская исследовательница совершенно не принимает в расчет ряд о службе, который бывший правитель Брянска и Трубчевска заключил с великим князем Дмитрием Ивановичем. Его срок истекал только в связи со смертью одного из них; в данном случае — 16 V 1389 г.

²⁴⁶ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 183; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 77; Кузьмин А. В. Дмитрий Ольгердович // БРЭ. 2007. Т. 9. С. 134—135; и др.

великим князем Андреем Ольгердовичем, ничего неизвестно о радикальных антиордынских настроениях правителя Трубчевска. 12 VIII 1399 г. на р. Ворскле князь Дмитрий вместе со своими родственниками по второй жене, друцкими князьями Иваном Дмитриевичем Киндырем, Андреем Васильевичем, Михаилом Подберезским и его братом Александром погиб в битве с войсками хана Темир-Кутлуга и его эмира Едигея²⁴⁷.

О князе Дмитрие Кориатовиче источники ничего не сообщают. Его ранний брак на дочери великого князя Ивана II Красного косвенно указывает на то, что он мог быть одним из старших детей в семье. Если это так, то владения Дмитрия и его брата Льва следует искать за пределами Подолья, где-то в другом месте, например в Белой Руси (Понеманье?) или даже в ВКЛ. Возможно, это объясняет то, что он долгое время был вне внимания летописцев.

Приведенные выше сведения источников о подольских князьях Кориатовичах можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № 1.2*).

Схема № 1.2

Анализ биографических сведений о детях великого князя Кориата позволяет прийти к следующим выводам. Очевидно, что в 1360-е гг. некоторые из них сидели на княжении в Подолье и удерживали его с переменным успехом вплоть до 1403 г. Пытаясь обеспечить себе автономное положение, Кориатовичи охотно признавали над собой сюзеренитет королей Польши или Венгрии. Правители Подолии поддерживали с ними постоянные контакты и даже могли породниться с Пястами (как, например, Константин). Некоторые

²⁴⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 386. Л. 255—255 об.; Т. 15. Стб. 458—459; Т. 16. Стб. 145; Т. 25. С. 229. Л. 321; Т. 42. СПб., 2002. С. 166. Л. 406 об.; и др.

из детей Кориата правили в отцовских владениях в Белой Руси. Они состояли из одной трети Новгородка в Понеманье и Гомея в Посожье. В середине 1390-х гг. их попытка опереться в борьбе против Витовта на короля Владислава II Ягайло успеха не принесла. Кориатовичи утрачивают основные владения в Подолье и должны были либо стать иммигрантами, как князь Федор²⁴⁸, либо признать над собой, как Дмитрий, Лев, Семен и Василий, сюзеренитет правителя ВКЛ. Однако даже в этом случае на службу в Москву Кориатовичи не выезжают. В XIV—XV вв. никто из Гедиминовичей не утрачивал титула. Детей великого князя Кориата источники всегда называют Кориатовичами, а не Михайловичами. В документах они титулуются «господарями Подольской земли», а не князьями Волынскими. Один из его внуков, киевский князь Иван Борисович, был в числе погибших в битве на р. Ворскле²⁴⁹. На нем, очевидно, прерывается старшая линия этой ветви Гедиминовичей.

§ 1.2.3. КНЯЗЬ ДМИТРИЙ АЛИБУРТОВИЧ. Еще одна версия политической биографии Дмитрия Боброка была дана в статье, изданной в «Русском биографическом словаре»: «Боброк-Волынский, кн. Димитрей Михайлович (Алибуртович), сын литовского князя на Волыни Кориата-Михаила Гедиминовича, воевода Димитрея Донского. Выехав из Волыни, он был сначала тысяцким у нижегородского князя Димитрия Константиновича, а затем перешел на службу в Москву». В отличие от А. В. Экземплярского, здесь верно отмечалось, что от Боброка «пошли роды Волынских и Вороных»²⁵⁰. Эта версия о происхождении князя Д. М. Волынского без достаточно веских аргументов была поддержана некоторыми исследователями²⁵¹.

Между тем в ней заметен принцип смешения биографий разных личностей, но уже не двух, как это было ранее, а трех. Теперь Дмитрий Боброк отождествляется не только с Дмитрием Кориатовичем, но и с неким Дмитрием Алибуртовичем. Последнего из них В. О. Ключевский считал сыном Любарта Гедиминовича († 1383). По его мнению, Дмитрий Алибуртович пришел в Нижний Новгород «съ береговъ Сты-

²⁴⁸ *Puzyna J.* W sprawie Fedka Nieświzkiego: Odpowiedź P. Z.L. Radziwińskiemu: (Do-kończenie) // МН. Roc 5. 1912. Zesz. 3/4. S. 62.

²⁴⁹ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 451; ПСРЛ. Т. 25. С. 229. Л. 321; и др.

²⁵⁰ Боброк-Волынский // РБС. СПб., 1908. Т. 4. С. 125—126.

²⁵¹ *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 500; *Петров А. Е.* Анахронизмы «Сказания о Мамаевом побоище» // Письменная культура: источниковедческие аспекты истории книги. М., 1998. С. 117; и др.

ря или Западного Буга»²⁵². Эту точку зрения о происхождении князя поддержали И. А. Голубцов и Ю. А. Кизилов. Правда, отождествления Дмитрия Боброка и Дмитрия Алибуртовича оба исследователя напрямую не предприняли²⁵³. Важно отметить, что о последнем из них сохранилось всего одно известие и то в весьма сомнительном источнике — «местной» грамоте нижегородско-суздальского великого князя Дмитрия Константиновича. Ее самый ранний из известных списков относится к 1721 г. Издатель неуверенно датировал документ 1367/68 г. В нем сообщается: «Велел садитись от своего места тысяцкому своему Дмитрею Алибуртовичу князю Волынскому, а под Дмитреем садится князю Ивану Васильевичу городецкому» и т. д.²⁵⁴ Однако известно, что институт местничества в Северо-Восточной Руси известен лишь с конца XV в.²⁵⁵ Упоминаемую в этом акте жену великого князя Дмитрия (Фомы) Константиновича в действительности звали Анной²⁵⁶, а не Марфой²⁵⁷. Фамилии некоторых лиц, упоминаемых в обеих местных грамотах, в действительности появились не ранее второй половины XV в. (например, Молвьяниновых²⁵⁸). Поэтому серьезно рассуждать о степени достоверности этих фальсификатов нет никакого смысла.

§ 1.2.4. КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БОБРОК ВОЛЫНСКИЙ И РОД КНЯЗЕЙ ОСТРОЖСКИХ-ВОЛЫНСКИХ В ВКЛ. Пожалуй, лишь Г. А. Власьев, автор первого обобщающего труда по истории Волынских и Вороних, сомневался в достоверности княжеского происхождения их предка, полагая, что они приписались к князю Дмитрию Боброку. Свой скепсис Г. А. Власьев пытался доказать с помощью сравнительного анализа. Он писал: «Мы знаем по родословным спискам много родов, якобы происходящих от Рюрика, и в особенности в семье Смоленских князей, бывших будто бы князьями и потерявших или сложивших с себя это высокое звание, как надо полагать, потому что, размножаясь, при делении наследств предков своих, измельчали, обеднели и чувствовали себя в более нормальных усло-

²⁵² *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. М., 1994. С. 539—540.

²⁵³ АСЭИ. 1964. Т. 3. № 308. С. 338. Примеч. 1—1; *Кизилов Ю. А.* Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984. С. 96.

²⁵⁴ АСЭИ. Т. 3. № 308. С. 337.

²⁵⁵ *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV—первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. С. 109—118.

²⁵⁶ ДРВ. Ч. 6. С. 444; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 352; Т. 6. Вып. 1. Стб. 493. Л. 422; Т. 43. С. 152. Л. 382 об.; и др.

²⁵⁷ АСЭИ. Т. 3. № 308. С. 337.

²⁵⁸ Например, в первой «местной» грамоте 1367/68 г. упоминается нижегородский боярин Петр Иванович Молвьянинов (АСЭИ. Т. 3. № 307. С. 336). На самом деле, родоначальник этой дворянской фамилии — Василий Молвьянин, происходивший из рода старинных суздальских бояр, погиб в бою с ордынцами у Спасо-Евфимьева монастыря 7 VII 1445 г. (ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 59; *Конев С. В.* Синодология. Ч. 2. С. 104. Л. 59; и др.).

виях жизни». Г. А. Власьев дал свою версию биографии предка Волынских до момента его появления в Москве. Он отмечал:

«Дмитрий Михайлович был несомненно высокого происхождения, иначе едва ли Вел. Князь вошел бы с ним в родство. За тем, человек, оказавший величайшие заслуги Государству, и следов. не только стоявший в ряду первых вельмож, но и вполне обеспеченный материально, и потому не было никаких причин сыновьям его и их потомкам не носить княжеского титула. — Все это в большей степени навеивает сомнения в истинности происхождения дворян Волынских от такого знаменитого князя. — Между прочим, самое прозвище — „Боброкъ“ не намекает ли на то, что он был, может быть очень мелким, но тем не менее князем владетельным. На Волыни, в древней Червонной Руси, недалеко от города Львова, всего в 30 приблизительно верстах на ЮЮВ., находится местечко „Бобрка“, на р. того же наименования, которое существовало и в наши древния времена... Река Бобра берет начало в Бережанском округе, близь местечка Портницы. Не был ли наш Дмитрий Михайлович владетелем местечка Бобрка и его окрестностей, и тогда было бы понятно его удаление из родных мест, так как Бобрка лежала совсем почти на границе с Польскими владениями, а в то время, т. е. около половины XIV столетия, вследствие упорных походов Польского короля Казимира Великого, с целью овладеть Волынью, эта местность первой подверглась страшным опустошениям, и неоднократно переходила из рук в руки, от Литовцев к Полякам и на оборот. Не имея достаточных сил для отражения Поляков, а может быть из-за нежелания сделаться подданным Казимира Великого, он предпочел бросить свое отечество и перейти в Москву»²⁵⁹.

Без титула также упоминал Дмитрия Боброка и С. М. Соловьев. Однако вопрос о происхождении соратника великого князя Дмитрия Донского он не поднимал²⁶⁰. Конечно, сомнения Г. А. Власьева могли быть оправданными, если бы во второй половине XIV в. в Москве служил еще один боярин Дмитрий Михайлович. Так, например, в перемирной грамоте 12—31 VII 1372 г. отмечается: «А отъ великого князя отъ Дмитрея Ивановича и ото князя Володимера Аньдреевича целовали крестъ: *Дмитрии Михайлович* (курсив мой. — А. К.), Иванъ Михайлович, Дмитрии Олександрович, Иванъ Федорович»²⁶¹. Но зимой 1371—1372 гг. князь Дмитрий Боброк уже был воеводой. Возникает вопрос: это один и тот же человек, или все же два разных?

Ответ на этот вопрос можно получить, если обратить внимание на видовую принадлежность источников, в которых фигурирует Д. М. Бо-

²⁵⁹ Власьев Г. А. Род Волынских. С. 2—3.

²⁶⁰ Соловьев С. М. Соч. в 18-ти кн. М., 1988. Кн. 2. Т. 3—4. С. 264, 268, 272, 277, 299, 378, 379.

²⁶¹ ДДГ. № 6. С. 22 [Подлинник].

брок Волынский. В. Л. Янин полагает, что «сам Дмитрий Михайлович в летописи титулуется князем, по-видимому, из-за того, что он был великокняжеским зятем»²⁶². Это наблюдение справедливо, но лишь отчасти. Летописцы, как правило, отмечали обыденную социальную практику людей. Дмитрий Боброк выполнял функции командующего великокняжеской ратью. Этот пост соответствовал его происхождению и занимаемому месту в социальной и служебной лестнице московской военной знати. Отсюда и понятное упоминание Дмитрия Боброка с княжеским титулом, что выгодно выделяло его среди других бояр и воевод. Отмечая это, В. И. Сергеевич даже полагал, что Дмитрий Боброк был служебным князем²⁶³. Однако этот вывод — явная модернизация его статуса. В XIV в. в Москве, когда речь шла о важных внутренних или внешних процедурах, то в актах официального происхождения отражался не потенциальный, а реальный служебный статус человека. Основная часть данных о Дмитрии Боброке свидетельствует: к лету 1372 г. он, несомненно, был великокняжеским боярином, и именно этот статус был зафиксирован в перемирной грамоте. Княжеский титул уже не в полной мере соответствовал новым функциям Дмитрия Боброка. Ведь на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу он выехал без родовой вотчины. Поэтому в Московском великом княжестве владения Волынских состояли из земель, полученных ими за выезд и службу. Изначально эти вотчины имели условный характер. Их статус мог сохраняться лишь при условии продолжения службы Калитовичам детьми и внуками князя Дмитрия Боброка. Владения его потомков находились в разных частях великого княжения. В этом смысле он ничем не отличался от других бояр, происходивших, кстати, из нетитулованной знати.

В какой-то степени аналогичную ситуацию можно наблюдать и в ВКЛ. Так, например, упоминавшийся ранее Рюрикович — князь Юрий Иванович Козушно, в мирном договоре 1379 г., заключенном с одной стороны великими литовскими князьями Ягайло и Кейстутом, а с другой — представителями Ордена, назван просто «*baiaren Jorge Kasusna* (курсив мой. — А. К.)»²⁶⁴.

Не учитывая такую юридическую особенность фиксации в документах ВКЛ и Польского королевства представителей служилых князей, польский генеалог Ю. Пузына даже ставил под большое сомнение причисление к князьям братьев Григория и Ивана Несвижских²⁶⁵.

²⁶² Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского. С. 56.

²⁶³ Сергеевич В. И. Древности русского права. М., 2007. Т. 2. С. 305.

²⁶⁴ Kodex dyplomatyczny Litwy. Wrocław, 1845. Caput III. № 1. S. 55; Daniłowicz I. Skarbiec dyplomatów... Т. 1. № 464. S. 229. Подробнее о князе Юрии Козушно, например, см. в кн.: Kuczyński S. M. Ziemia czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 160, 162—163.

²⁶⁵ Пузына J. O pochodzeniu kniazia Fedka Nieświzkiego. S. 10—11.

Иное дело — князь Ямонт (Иван) Тулунтович. В начале 1390 г., вслед за Витовтом, он выехал из Гродно в Пруссию²⁶⁶. 28 IX 1395 г. вместе с предком Ходкевичей Василием Борейковым он был назначен наместником правителя ВКЛ в Смоленске²⁶⁷. В 1398 г. Ямонт «приездилъ от Витовта на Москву посольством»²⁶⁸. 12 X 1398 г. князь был среди свидетелей со стороны ВКЛ при заключении Салинского договора. В этом акте он фигурирует не как смоленский наместник, а как владетельный «*duces Jamunt de Kletzke* (курсив мой. — А. К.)»²⁶⁹. Конечно, можно было бы предположить, что к 1398 г. он утратил свою прежнюю должность, но это не так. Перечисляя погибших в битве с ордынцами на р. Ворскле русских и литовских князей, летописцы упоминают и Ямонта, замечая, «*иже въ Смоленску бе* (курсив мой. — А. К.)»²⁷⁰. В начале XV в. место отца в раде ВКЛ и статус удельного князя сохранил его сын Семен Ямонтович²⁷¹.

Правда, такой принцип отражения в документах прошлого социального статуса человека сохранялся не всегда. Переломной эпохой в развитии этого явления стал рубеж конца XIV — начала XV вв., когда вхождение в великокняжескую думу перестало вести за собой автоматическую потерю титула. С его утратой по преимуществу смирилась лишь небольшая группа фамилий, которая в основном происходит из Смоленского княжения и его уделов. На определенном этапе развития отношений между Северо-Восточной Русью и ВКЛ, на этих Ростиславичей делались большие политические ставки, но когда они не оправдались, бывшим княжатам пришлось остаться в Москве. Таким, как Всеволожи, удалось породниться не только с верхами местного боярства, но и с великокняжескими семьями Москвы, Суздаля и Твери. Это обеспечило им материальный достаток и значительное влияние при дворе. До начала XVI в. они не просто помнили о своем высоком происхождении, но и, подобно потомкам князя Федора Константиновича Красного Фоминского, имели и весьма точную родословную запись о выезде. Другим потомкам мелких смоленских князей, таким, например, как Толбузины и Ржевские, пришлось довольствоваться более скромной ролью при дворах удельных князей. При этом их яркая и вполне достовер-

²⁶⁶ SRP. Bd. 2. S. 168; см. также: Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 151; и др.

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 379. Л. 250 об.

²⁶⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 228. Л. 319 об.

²⁶⁹ Цит. по кн.: *Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów...* Т. 1. № 695. S. 315; *Малиновский И. [А.] Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России.* Томск, 1904. Ч. 2. Вып. 1. С. 33.

²⁷⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 459; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. С. 96.

²⁷¹ Подробнее о судьбе семьи князя Ямонта в ВКЛ см.: Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 151—152; *Кузьмин А. В.* Титулованная знать Великого княжества Литовского в «Великой войне» 1409—1411 гг. против Тевтонского Ордена // *Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV—XV стст.* Мінск, 2011. С. 66—68.

ная легенда о происхождении, к сожалению, страдает неполнотой, натяжками, разночтениями, а иногда и дефектами текста как раз за конец XIV — первую половину XV в.

Не стала исключением и родословная роспись Дмитрия Боброка. О происхождении князя источники молчат. Это — обычная ситуация. Как уже отмечалось ранее, в родословцах некоренных московских фамилий поколенная роспись, как правило, начиналась лишь с момента выезда их предка на службу к одному из великих князей. Прозвище князя Дмитрия должно нас вести не в Подольскую, а в Волынскую землю. Наряду с Гедиминовичами, в XIV — начале XV в. здесь правили и пользовались большими политическими правами местные князья, потомки короля Даниила Галицкого²⁷². Среди них видное место занимали Острожские²⁷³, старинные вкладчики Киево-Печерского монастыря²⁷⁴. Современники хорошо знали об их реальном происхождении. Давая характеристику князьям Острожским, западнорусский автор во второй половине XVI в. писал: «Роман Данилович, о котором Кроммер чинит взменку в книгах своих девятых, zostавил по собе сына Василия, князя Острожского... вси то были князе спокойные». Последний «zоставил по собе сына Данила, княжа на Острогу; по Даниле zostал сын его Феодор на Острогу»²⁷⁵. Аналогичное происхождение давали князьям

²⁷² Одним из первых на этот важный факт обратил внимание еще Н. М. Карамзин. Он указал, что погибшие в 1399 г. князья Михаил и Дмитрий Даниловичи Волинские были прямыми потомками великого князя Даниила Романовича Галицкого (*Карамзин Н. М. История государства Российского*. Т. 5. С. 96).

²⁷³ *Леонтович Ф. И. Очерки истории литовско-русского права* // ЖМНП. 1893. № 3. С. 90. О военной и политической деятельности князя Федора-Фридриха, второго сына князя Ф. Д. Острожского, видного соратника князя Сигизмунда Корибутовича в чешских делах подробнее см.: *Нееблы 3. [P.] Гуситы и русские* // ВИ. 1941. № 10/11. С. 126—127; *Kuczyński S. M. Fedko Fryderyk* // PSB. Т. 6/4. Zesz. 29. S. 382; и др.

²⁷⁴ В синодик обители был записан «Род княз(а) Василѣя Острожко(о): княз(а) Данила, княз(а) Феодора, княз(а) Александра, княз(а) Іо(анна)...» и т. д. Подробнее об этом см. текст в ст.: *Голубев С. Т. Древний помяник Киево-Печерской лавры. [Приложение].* С. 10—11). Ошибочно интерпретируя сведения родовых помянников князей Острожских, некоторые исследователи видели в них потомков пинских князей (например, см.: *Максимович М. А. Письма о князьях Острожских*. Киев, 1876. С. 166—167; *Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV ст.* Киев, 1878. С. 51; *Wolff J. Książowie litewsko-ruscy...* S. 342—343; *Puzyna J. Narzymunt Gedyminowicz* // МН. 1930. R. 9. № 3. S. 33—38; *Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в.* С. 231; *Саганович Г. М. Айчыну сваю баронячы*. Мінск, 1992. С. 7; и др.). Об этой и других, менее аргументированных точках зрения на происхождение князей Острожских подробнее, например, см.: *Kempa T. Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525—1608) — wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej*. Toruń, 1997. S. 12—14; *Ульяновский В. [I.] Генеалогія княжого роду Острожских* // Генеалогія. Київ, 2013. Вип. 1. С. 303—336; и др.

²⁷⁵ ПСРЛ. Т. 32. С. 210. Л. 439. Наиболее последовательно отстаивает достоверность этой версии происхождения князей Острожских львовский историк Л. В. Войтович (например, см.: *Войтович Л. [В.] Княжа доба на Руси*. С. 512—513; *Он же. Князі Роман Да-*

Острожским Мацей Стрыйковский, Александр Гваньини и Бартош Папроцкий²⁷⁶. Даниила Галицкого предком Острожских считал украинский летописец третьей четверти XVII в. и игумен Киевского Михайловского Златоверхого монастыря Феодосий Софонович²⁷⁷.

Сведения источников Нового времени о происхождении Острожских от Рюриковичей надежно подтверждаются материалами сфрагистики середины XIV—XVI вв. На печатах владельцев Острога на протяжении долгого времени сохранялся родовой герб. Им была не «Погоня» или «Колюмна», а совершенно иной знак. Он «состоит из полукруга со стрелой и со звездой в полукруге»²⁷⁸. Близкой к князьям Острожским была геральдика князей Головня-Острожецких²⁷⁹. Указанные выше факты наглядно указывают на то, что нет никаких оснований выводить Острожских и их однородцев от Гедиминовичей.

Биографии князей Даниила Васильевича и его сына Федора Даниловича, отождествляемого с печерским князем-иноком Феодосием (Ф. Острожским²⁸⁰), хорошо известны по письменным источникам. Так, например, в 1343/44 г. князь Даниил (в осмыслении авторов Густынской летописи — «Острожский») вместе с перемышльским воеводой боярином Дмитрием Дедко, бывшим ранее приближенным лицом к галицко-волинскому вели-

---

нилович і Василько Романович — протопласта князів Острозьких // Острозька давнина. Остріг, 2013. Вип. 2. С. 11—25; и др.).

²⁷⁶ Подробнее об этом, например, см.: *Kempa T. Konstanty Wasyl Ostrogski...* S. 12. Впрочем, Д. Домбровский, напротив, считает, что эти сведения об Острожских следует рассматривать как легендарные. Правда, в отличие от Л. В. Войтовича польский исследователь оставил без внимания данные синодиков (ср.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 137, 271—275; Idem. Romanowicze w «Kronice polskiej, litewskiej, żmudzkiej i wszystkiej Rusi» Macieja Strykowskiego // Senoji lietuovs literatūra. 2006. Kn. 22. S. 174—181; Idem. Genealogia Mściślawowiczów. Kraków, 2008. S. 18. Przyp. 10, S. 43. Przyp. 101, S. 44, 361; Idem. Daniel Romanowicz, król Rusi. Kraków, 2012. S. 11; и др.).*

²⁷⁷ *Мицик Ю. А. Історія Київської Русі у висвітленні українського хроніста XVII ст. Феодосія Софоновича // Київська Русь: культура традиції. Київ, 1982. С. 108—109.*

²⁷⁸ Подробнее об этом см.: *Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики // Труды Музея палеографии. Л., 1930. Вып. 2. С. 240—241. Примеч. 3. Подробнее о ранней геральдике князей Острожских, Заславских и их ближайших родственников, например, см.: Однороженко О. [А.] Герб князів Острозьких // Наукові записки Національного університету «Острозька Академія». Історичні науки. Острог, 2008. Вип. 13. С. 65—71; *Он же. Західноєвропейські джерела XIII—XIV ст. та походження герба князів Острозьких // Острозька давнина. Остріг, 2013. Вип. 2. С. 26—42; Он же. Руські родові герби XIV—XVI ст. як генеалогічне джерело. С. 402—407, 412—413; Тесленко І. [А.] Походження князів Головнів-Острожецьких у світлі нововиявлених джерел // Студії і матеріали з історії Волині, 2012 р. С. 130. Примеч. 3; и др.**

²⁷⁹ Подробнее о ней, например, см.: *Однороженко О. [А.] Руська гербова печатка // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2011. Вип. 1. С. 82—83; и др.*

²⁸⁰ Например, см.: *Сказание о преподобном Феодоре, князе Острожском. Почаевская Лавра, 1871.*

кому князю Юрию II Болеславу Тройденовичу²⁸¹, подняли восстание против поляков. При поддержке некоторых бояр и татар, пришедших из Орды, они попытались вытеснить короля Казимира III Великого из Галицко-Волынской земли. Войска союзников (сторонников князя Любарта Гедиминовича) дошли до Вислы²⁸². Однако эта акция большого успеха не имела²⁸³. Признав новую власть, они перешли на службу к православным князьям ВКЛ²⁸⁴. В dokonчании 1366 г. луцкого великого князя Любарта (Дмитрия) к королю Казимиру III Великому отмечается, что «на то есмь приложилъ свою печать, и отецъ мой владика лучьскый Арсений, князь Даниилъ, Васко Кирдеевичъ, Иванъ воевода лучьскый, Иванъ Мьстишиньскый»²⁸⁵. Интересно отметить, что в этом акте князь Даниил Васильевич не титулуется как правитель Острога. Очевидно, что в 1366 г. всей совокупностью владельческих прав на этот город он еще не обладал. Данный факт устанавливается из более позднего подтверждения на Острог. В грамоте, выданной от имени правителя ВКЛ сыну князя Даниила, говорится, что «записали есмо кн[а]зю Федору Данилевичу Острогъ, как и отецъ его держалъ, и з селы и зо всим, што к тому прислушает, как при отцы его было»²⁸⁶.

Сохранились сведения о вкладе князем Даниилом вместе со своей женой княгиней Василисой и детьми собственного владения Чепель в пользу церкви во имя святителя Николая Чудотворца, которая находилась в Остроге²⁸⁷.

Наследственные права потомков князя Даниила Васильевича на некоторые владения в Побужье подтверждает вкладная грамота 1376 г., записанная на л. 4—12 Холмского евангелия конца XIII в.:

«Кнѧзь Юрі[а] Холмьскіи, с(ы)нѧ Даниліа Холмского, по см(е)рти с(ы) на... кнѧзѧ Семена придали есмо к ц(е)ркви Б(о)жои Преч[и]стои Б(о)гом(а)т(е)ри на б(о)гомол[ь]е вечистое села Стрижово, Слепче, Космово, Цуцнево з обома береги обаполь Бугу в лѣт(о) 6884-з(о) к столцу еп(и)с(ко)пїи Холмьское»²⁸⁸.

²⁸¹ О нем, например, см.: *Barwiński B.* Pieczęcie bojarów halicko-włodzimierskich z pierwszej połowy XIV w. // МН. 1909. Р. 2. № 8—9. С. 116—119; и др.

²⁸² ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 349—350.

²⁸³ *Joannus Dlugossi.* Annales seu cronicae initii regni Poloniae. Varsaviae, 1978. Т. 9. С. 233—234. Польские комментаторы источника ошибочно считают, что «*Daniel de Ostrow*» был «*bajrus paene nobis ignotus* (курсив мой. — А. К.)» (Ibid. С. 422. Comment. 4). Подробнее о событиях 1343/44 г. см. в кн.: *Bardach J., Labuda G.* Utwierdzenie Królestwa Polskiego // *Historia Polski*. Т. 1. Cz. 1. С. 451—452.

²⁸⁴ *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 30.

²⁸⁵ *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie...* Lwów, 1887. Т. 1. № 1. С. 1 [Подлинник].

²⁸⁶ Грамоти XIV ст. № 67. С. 128.

²⁸⁷ *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy... С. 343; *Kempa T.* Konstanty Wasyl Ostrogski... С. 14.

²⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 256. Л. 4—12; *Лосева О. В.* О землетрясениях в греческих и древнерусских месяцесловах и об особенностях Холмского Евангелия XIII в. // ЗОР [РГБ]. 2000. Вып. 51. С. 344; и др.

Эти владения князя Ю. Д. Холмского находились к юго-западу от Холма. В 1425 г. права холмского епископа Харитона на владения селами Слепче и Космово были подтверждены польским королем Владиславом II Ягайло²⁸⁹.

В историографии без каких-либо веских аргументов часто приводится мнение, что упоминающийся во вкладной записи Юрий Данилович — это холмский и бельзский князь Юрий Наримонтович. При этом состав лиц в помянниках потомков Наримонта Пинского и князей Острожских, к сожалению, исследователи не сравнивали²⁹⁰. Между тем сопоставление лиц из «рѣда кнѣз(а) Василюа Ѡстрожскаго» и «рѣда кнѣзеи Корецкихъ» в синодике Киево-Печерской обители конца XV в. дает следующие результаты: в первом случае среди лиц, живших в конце XIV в., поминали «кнѣзѣ Сѣмѣона»; во втором отмечается, что в крещении именем великого князя Наримонта было Глеб, а не Давид, и тем более не Даниил²⁹¹. Благодаря выписке начала XVIII в. из синодика Холмской епархии, сохранившейся в составе сборника митрополита Льва (Кишки), можно также выяснить, что некоторые представители рода князей Острожских были ее вкладчиками²⁹².

На общее происхождение князя Юрия Даниловича Холмского и Острожских указывают некоторые списки синодиков Киево-Печерского монастыря. Среди лиц, живших во второй половине XIV в., в статье «Родъ князя Константина Ивановича Острожскаго» в них были записаны «князи... Василий, Данииль, Иоаннъ, Георгий, Иоанн, Симеон (курсив мой. — А. К.)»²⁹³. Кроме того, следует иметь в виду, что при описании событий 1376—1377 гг. хронисты Герман из Вартберга и Ян Длугош нигде прямо не называют князя Ю. Н. Бельзского правителем Холма²⁹⁴. Таким образом, нет веских оснований считать Гедиминовичем князя Ю. Д. Холмского.

²⁸⁹ Gil A. Prawosławna eparchia chełmska do 1596 r. Lublin; Chełm, 1999. S. 76—77.

²⁹⁰ Puzyna J. Narymunt Gedyminowicz. S. 33—38; *Idem*. O pochodzeniu kniazia Fedka Nieświzkiego. S. 9; *Idem*. Potomstwo Narymunta Gedyminowicza. VI // МН. 1932. R. 11. № 10. S. 183—188, № 11. S. 197—199; Яковенко Н. Н. Персональный состав княжеской прослойки Волыни и центральной Украины конца XIV — середины XVII в. // ИГ. 1993. Вып. 1. С. 46. Схема I (1); *Она же*. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. С. 93. 305—307. Схема I—I (1); Лосева О. В. О землетрясениях в греческих и древнерусских месецесловах. С. 344—346.

²⁹¹ Ср.: Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры. С. 10—11 [Приложение]; ОР РГБ. Ф. 256. № 387. Л. 27; и др.

²⁹² Gil A. Pomiany chełmski. S. 105, 109; Баран О. Холмський пом'яник. С. 195, 198. 201, 203, 205, 206.

²⁹³ ОР РГБ. Ф. 256. № 387. Л. 27.

²⁹⁴ Ср.: SRP. Bd 2. S. 111—112, 114—115; Зубрицкий Д. Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош. Львов, 1855. С. 75—80; см. также: Кузьмин А. В. Вкладная запись Холмского Евангелия в свете известий «Хроники» Яна Длугоша о событиях в Галицко-Волынской Руси в 1376 г. // Историческое повествование в Средневековой России. СПб., 2013. С. 29—31; и др.

8 IV 1385 г. родному брату князя Ю. Д. Холмского, князю Федору Даниловичу «и детям его», Чюрило Бродовский завещал «село свое Бродово». Своего душеприказчика боярин просил «печаловати ся душою моею и жоны моее душою». В Луцке 4 XI 1386 г. князь Федор Данилович получил от короля Владислава II Ягайло подтверждение своих прав на Острог. К нему тянули замки Корецк, Заславль, Хлапотин, Иванин, Хрестович, Красн и Крупа²⁹⁵. Между 1383—1386 гг. великий князь Федор (Федот) Любартович, его братья князья Лазарь и их мать великая княгиня Ольга, дочь ростовского князя Константина Васильевича († 1365), внучка владимирского и московского великого князя Ивана I Калиты, дали владельцу Острога грамоту. Любартовики обещали князю Ф. Д. Острожскому «не уступатися у его отчизну и у его служебные [земли] (курсив мой. — А. К.)»²⁹⁶.

При этом наибольший интерес может представлять клятва в верности князя Ф. Д. Острожского. Между 1386—1388 гг. в этом в акте был записан не только утверждавшийся наместником короля Владислава II Ягайло в Луцке правитель Острога, но и его младший брат Михаил. Правда, в этом случае он не получал какой-либо должности. Очевидно, что Михаил находился при старшем брате²⁹⁷. Дотошность Любартовичей и королевской канцелярии в отношении князя Ф. Д. Острожского вряд ли была случайной. Сведения поздних актов показывают, что в XV—XVI вв. именно в Луцком повете находились «Острожець на реци на Городици», а также еще несколько крупных сел, дворищ и в том числе «Березное волость», которые первоначально принадлежали князю

²⁹⁵ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie... Т. 1. № 2. С. 2, № 5—6. С. 5—7. Интересно отметить, что этот акт известен как первый документ канцелярии короля Владислава II Ягайло, в тексте которого его канцлер Заклика из Мендзыгожа (из рода Топорчиков) использовал формулу *relacio* (*Krzyżaniakowa J. Wprowadzenie formuły relacji do polskiej kancelarii // Europa—Słowiańszczyzna—Polska. Poznań, 1970. S. 399*).

²⁹⁶ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie... Т. 1. № 8. С. 8; Грамоти XIV ст. № 33. С. 64. Этот важный документ опровергает недавно высказанное мнение Л. В. Столяровой, согласно которому, кроме выходной записи писца попа церкви святой Екатерины Ивана на Флорентийской псалтири 1384 г., о сыновьях Любарта Ольгердовича сохранилось лишь «глухое летописное известие» (*Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000. С. 351; ср.: Kuczyński S. M. Fedor Lubartowicz // PSB. 1947—1948. Т. 6/4—5. Zesz. 29/30. S. 384—385; Кузьмин А. В. Записи о русско-литовских князьях на пергаменных кодексах второй половины XIV в. // РЧ—2003. 2003. С. 134—138*). О точной датировке грамоты см. в издании источников: *Akta unji Polski z Litwą, 1385—1791. T. 15. S. 12*. Для поминания имени детей князя Федора Любартовича были внесены в синодики Холмской епархии и Уневского монастыря. Подробнее об этом, например, см.: *Лонгинов А. В. Князь Федор-Любарт Ольгердович и родственные связи русских князей с Угорским домом. Вильна, 1893. С. 2—3, 7; Gil A. Pomiany k chełmski. S. 105, 109; Мицько І. [3.] Давній Унівський пом'яник // *Actes testantibus. Львів, 2011. С. 480, 482—483, 484—485, 487; и др.**

²⁹⁷ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie... Т. 1. № 7. С. 7—8; Грамоти XIV ст. № 34. С. 65.

Дмитрию Федоровичу «з Кураша» — одному из младших сыновей князя Ф. Д. Острожского²⁹⁸.

Уточнить время составления указанного выше акта помогают сведения других документов. 26 IV 1388 г. в Лучице была утверждена поручная грамота видных князей и бояр ВКЛ за новгород-северского князя Дмитрия Корибута. Среди поручителей за этого брата короля Владислава II Ягайло на первых местах были записаны их шурин князь Давыд Дмитриевич Городецкий и служилые князья Русан Плакшич, Василий Данилович, Федор Хвороща и Иван Евлашковичи, Григорий и Иван Несвижские²⁹⁹.

Упомянутый в этом источнике князь Василий Данилович, несомненно, был младшим братом князей Федора и Михаила Даниловичей. Отсутствие последних в числе свидетелей, возможно, косвенно указывает на то, что они еще не встречались с Владиславом II Ягайло и были в другом месте.

Между тем, позднее 1 VII 1388 г., упорядочивая отношения между христианами и евреями, Витовт выдал специальный привилей. Среди его «свѣтковъ» первым в документе был упомянут «князь Федоръ, воевода Луцкїи, будучїи того часу»³⁰⁰. 10 X 1388 г. и 18 VI 1389 г. князь Ф. Д. Острожский был записан первым среди русско-литовских князей и бояр, поручителей за боярина Олехно Дмитриевича и свидетелей в привилее евреям из Гродно, выданном по приказу Витовта³⁰¹.

Служебный статус Острожских формально был близок к тому положению, какое после 1393 г. имели в Подолье Кориатовичи, хотя и не во всем. Острожские не были потомками правящей династии в ВКЛ. Поэтому на Волыни они еще не обладали большим политическим весом и владениями. В конце XIV в. среди владений Острожских, кроме незначительных родовых вотчин, уже имелись «служебные» земли и новые временные держания, полученные ими от правителей ВКЛ или Польши. 18 XI 1390 г. в Козеницах за участие в удачной обороне Виленского замка король Владислав II Ягайло подтвердил права князя Ф. Д. Острожского на Острог, Заславль, Броды и тянувшие к ним села³⁰².

²⁹⁸ Тесленко І. [А.] Походження князів Головнів-Острожецьких у світлі нововиявлених джерел. С. 129—152.

²⁹⁹ Розов В. [А.] Українські грамоти. Т. 1. № 20. С. 38 [Подлинник].

³⁰⁰ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie... Т. 1. № 11. С. 11 [Подлинник]; Грамоти XIV ст. № 45. С. 88, № 46. С. 96—97; и др.

³⁰¹ Розов В. [А.] Українські грамоти. Т. 1. № 22. С. 41—42 [Подлинник].

³⁰² Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie... Т. 1. № 12. С. 11—12 [Список 1544 г.]; Лонгинов А. В. Князь Федор-Любарт Ольгердович... С. 3. Примеч. 3; и др. Село Броды (Бродово) было завещано князю Ф. Д. Острожскому и его детям боярином Чурилом Бродовским. Подробнее об этом см.: Archiwum książąt Lubartowiczów San-

Подобно Корнатовичам, по крайней мере, старший в роде князя Даниила Острожского имел одну важную привилегию — право апелляции к Польской Короне. 4 XI 1393 г. в Кракове и 3 VII 1396 г. в Луцке князь Ф. Д. Острожский получал от королевской четы подтверждения своих владельческих прав в Остроге и его округе, селах Бродово, Радоселки, Радогоса, Межиречье, Дьяков, Свишово, а также в приселках Озеряны, Городница и Два Ставки³⁰³. Даже после того, как в 1387 г. Витовт добился подчинения себе Луцкой земли, князь Ф. Д. Острожский остался ему практически неподсуден³⁰⁴. 2 VII 1396 г., «в понедѣлок ѡпосле Петрова дня», в отношении него Витовт пошел на ряд уступок. В выданной им жалованной грамоте правитель ВКЛ обязался, что «кн[а]зю Федору вѣчно, непорушно, никимже, и до его живота, а по его животе жонѣ и дѣтемъ его ѿ вѣки» отходит Острог, «как и отец его держалъ, и з селы и зо всим, што к тому прислушает, как при ѡтцы его было»³⁰⁵. Летом 1399 г. дети князя Д. В. Острожского также участвовали в походе князя Витовта, хана Тохтамыша и их союзников против Орды. Среди погибших в битве на р. Ворскле были князья Михаил и Дмитрий Даниловичи³⁰⁶. При этом младшего из братьев летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду середины XV в. или использовавшие его как дополнительный источник, титулуют как князя Волынского³⁰⁷. Это известие источников заставляет

guszków w Sławucie... Т. 1. № 2. S. 2; *Розов В. [А.] Українські грамоти*. Т. 1. № 14. С. 27—28 [Подлинник]; и др.

³⁰³ *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie...* Т. 1. № 16. S. 15—16, № 20. S. 20 («Кнѣгини великаѣ правила»).

³⁰⁴ Привилегированный статус в ВКЛ князя Ф. Д. Острожского позднее подтвердил новый акт. Документ был выдан ему в 1396 г. от имени польской королевы Ядвиги Анжуйской (*Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło*. Wrocław, etc. 1990. S. 160; *Krzyżaniakowa J. Jadwiga — królowa Polski, 1384—1399 // Lithuania*. Warszawa, 1994. № 2/3 (11/12). S. 15).

³⁰⁵ Грамоты XIV ст. № 67. С. 128.

³⁰⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 386. Л. 255 об.; Т. 16. Стб. 145; Т. 25. С. 229. Л. 321; Т. 35. С. 52. Л. 57 об.; и др.

³⁰⁷ ПСРЛ. Т. 4. 1848. С. 104; Т. 4. Ч. 1. С. 386. Л. 255 об.; Т. 11. С. 174; Т. 15. Стб. 458—459; Т. 43. С. 159. Л. 300 об.; и др. При издании Новгородской Карамзиновской летописи А. Г. Бобровым и З. В. Дмитриевой была сделана грубая археографическая ошибка. В результате ее Волынским оказался не князь Дмитрий Данилович, а рыльский князь Федор Патрикеевич († 12 VIII 1399). При этом владения последнего были приписаны наместнику Витовта в Смоленске — клецкому князю Ямонту Тулунтовичу (ср.: ПСРЛ. Т. 42. С. 166. Л. 406 об. — 407). В издании О. Л. Новиковой НВЛ по списку П. П. Дубровского эта ошибка была повторена частично — владельцем Рыльского княжества был вновь назван Ямонт Тулунтович (Там же. Т. 43. С. 159—160. Л. 300 об.). Эта неточность восходит к протограммам текстов некоторых московских летописцев последней четверти XV в. В них родовое прозвище князя Д. Д. Волынского по ошибке приписано князю Федору Патрикеевичу, настоящий титул которого был исключен из текста источника, очевидно, при его редактировании (например, ср.: Там же. Т. 8. С. 73; Т. 23. С. 137. Л. 241; Т. 24. С. 168. Л. 236 об.; Т. 25. С. 229. Л. 321; Т. 26. С. 167.

вспомнить фамильное прозвище Дмитрия Боброка. Не исключено, что Острожские были его близкими родственниками.

В 1399 г. князь Ф.Д. Острожский избежал гибели в битве с ордынцами на р. Ворскле. Его положение при Виленском дворе укрепилось. Будучи в Люблине, 19 VI 1403 г. правитель ВКЛ письменно подтвердил важное для себя внешнеполитическое решение. Согласно латинскому тексту документа, Витовт обязался, что без согласия польского короля Владислава II Ягайло он не будет заключать перемирия с властями Тевтонского и Ливонского Ордена. При этом главными свидетелями с литовской стороны были «*Jacobo Wilnensi, Gregorio Ladimiriensis episcopis ecclesiarum, magnificisque: Fedorio Danielis de Ostrog* (курсив мой. — А. К.) *et Ywano de Nieswyes ducibus...*»³⁰⁸.

Приведенные выше данные источников показывают, что в последней трети XIV в. именно старший представитель этого княжеского рода распоряжался основной частью его вотчин и привилегий. Прозвища младших членов семьи уже отражали не реальные права на Холмское или Волынское княжения, а скорее всего лишь их принадлежность к определенной династии. Примеров тому в конце XIV—XV в. можно найти много как в Литве, так и на Руси. По-видимому, князь Михаил, отец Дмитрия Боброка, не сумел по каким-то причинам утвердить за ним свою «власть». Это могло быть вызвано как его ранней смертью, так и в связи с иными причинами.

Известно, что после сокрушительного поражения войск ВКЛ от крестоносцев на р. Страве (2 II 1348 г.) польскому королю Казимиру III Великому, добившись дипломатической поддержки со стороны властей Орды, удалось захватить ряд городов Галицкой земли и основ-

Л. 290; Т. 27. С. 90. Л. 263; Т. 28. С. 89. Л. 217 об., С. 254. Л. 259; и др.). Объяснить эту ошибку позволяют тексты Московских сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг. В первом из них одновременно волынскими были записаны и Д. Д. Волынский, и Федор Патрикеевич (ср.: Там же. Т. 27. С. 263. Л. 101 об. — 102). По-видимому, во втором случае при копировании текста писец вместо «Рыльских» записал «Волынских», а его коллега при следующей переписке текста источника попытался решить эту трудную задачу. Очевидно, не имея у себя надежного источника для проверки, он не нашел ничего лучшего, как исключить из текста титул князя Д. Д. Волынского. Между тем протографы Московского сокращенного свода 1495 г. и Никоновской летописи 1520-х гг. были лучше. В этих источниках князь Дмитрий Данилович был верно записан Волынским, а князь Федор Патрикеевич — Рыльским (ср.: Там же. Т. 27. С. 339. Л. 62 об.; Т. 11. С. 174). Очевидно, что следование М. Д. Присёлковым при реконструкции летописной статьи за 6907 г. Троицкой летописи о событиях на р. Ворскле за текстом Воскресенской летописи 1541 г. (ср.: *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 449) — ошибочно. В данном случае, этот источник передает не текст протографа первой половины XV в., а его переработку 70-х гг. XV в.

³⁰⁸ Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae (1376—1430). Kraków, 1882. № 268. S. 92. За этим князем Иваном Несвижским Ю. Пузына признавал титул (*Puzyna J.* O pochodzeniu kniazia Fedka Nieświzkiego. S. 11, 43).

ную часть Волыни³⁰⁹. После этих событий, надеясь вернуть благосклонность хана Джанибека, великий князь Ольгерд отправил к нему свое посольство. Главой миссии стал правитель Понеманья Кориат Гедиминович³¹⁰. Его основные владения располагались к северо-западу от границ Киевской земли³¹¹. В Литве в пределах Троцкого княжества известны объекты, согласно названиям которых князю Кориату вблизи от Троков мог принадлежать двор Кариотишкес³¹². В XIV в. отправка дипломата такого ранга была типичной для правителей ВКЛ. Правда, стоит заметить, что большинство примеров, когда их младшие братья или близкие родственники выступали как руководители посольств, относятся преимущественно к их контактам со странами Восточной и Центральной Европы, а отнюдь не Орды³¹³.

По версии московского летописца, целью послов Ольгерда было «просити себе помощи на великого князя Семена». В ответ на это владимирский великий князь отправил своих киличеев в Орду, где они заявили, что «Олгердь со братьею улусь его вотчину князя великого испустошил». Дипломаты Семена Гордого легко добились выдачи им «братьи» Ольгерда: летом 1348 г. «выдаль царь Корьяда, Михаила и Семена Свислочьскаго, и Аикша, киличеемъ князя великаго, и его дружину Литву». В Москву пленных доставил посол Тотуй³¹⁴. Ольгерд оказался в сложной ситуации и был вынужден обратиться к Семену Гордому. Очевидно, Ольгерд попытался доказать, что посольство в Орду было направлено за помощью против Польши. Это событие произошло уже в следующем году: «Великий князь *Олгердь присла на Москву послы своя к великому князю Семену со многими дары и с челобитьемъ, прося мира и живота братьи своеи княземъ Литовьскимъ Корьяду и Михаилу и всей дружине ихъ*». Мир между великими князьями был установлен, а пленные отпущены в ВКЛ. Однако этим дело не ограничилось. В том же 1349 г. «*присла к великому князю из Вельня князь Люборть*» (курсив

³⁰⁹ Подробнее об этом событии см.: Кузьмин А. В. Восточная Европа и поражение войск Великого княжества Литовского в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г. // SHEO. 2013. Вып. 5. С. 85—116.

³¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 177. Л. 236 об.

³¹¹ Подробнее о нем см.: Wolff J. Ród Gedimina. Kraków, 1886. S. 70—71; Puzyna J. Korjat i Korjatowicze. S. 425—428; *Idem*. Korjat i Korjatowicze oraz sprawa Podolska // Ibid. 1936. R. 11. S. 61—69; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 18, 19, 26, 35, 52—54, 95—96, 101, 164—176, 179, 182—185, 188—191, 197—198, 201, 238, 254, 304—305. Tabl. I, S. 316—317. Tabl. VIII; Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich... T. 1. S. 219—221; и др.

³¹² Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // Feodālisms Baltijas reģionā. Rīga, 1985. С. 40.

³¹³ О посольствах ВКЛ в XIV в., во главе которых стояли Гедиминовичи, например, см.: Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском. С. 36.

³¹⁴ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 369.

мой. — А. К.), прося за себя сестричны его дщери княжи Костянтиновы Ростовского, и дать за него». После волынских послов в Москву приехали дипломаты Ольгерда. У Семена Гордого он «прося за себя сестри его дщери княжы Олександровы Михайловича Тферьскаго княжны Ульяны». Великий князь, «доложивъ Феогноста митрополита дать ю за Олгирда»³¹⁵. Таким образом, вчерашние противники стали близкими родственниками.

В этих событиях представляет интерес фигура князя Михаила. Неясно, из какого рода он происходил? Ю. Вольф считал, что это был пинский князь Михаил Наримонтович³¹⁶. А. С. Грушевский и Ю. Пузына в данном случае были менее категоричны³¹⁷. Находка и публикация А. И. Грушей подлинной пергаменной грамоты пинского князя Василия Наримонтовича и упоминание в ней его сына Федюшки теперь дает веское основание отрицать существование в середине XIV в. князя Михаила Наримонтовича. Эта генеалогическая конъюктура Ю. Пузыны, основанная на дефектном чтении позднего источника³¹⁸, конечно, ошибочна³¹⁹. Таким образом, наиболее вероятной может быть версия, согласно которой князь Михаил происходил из Юго-Западной Руси, — очевидно, из Волынской земли, попавшей в зависимость от Пястов.

В 1340—1348 гг. наступление короля Казимира III Великого на галицко-волынские земли Руси волновало не только пришлых из ВКЛ Гедиминовичей, но и местных князей. Именно они, обладая меньшей силой, теряли больше прав от новых изменений. В связи с этим можно допустить, что в событиях 1348—1349 гг. мог упоминаться князь Михаил, чьи владения непосредственно попадали под власть Польши. Прозвище Дмитрия Боброка заставляет вспомнить местечко Бобрка. Оно находилось недалеко от Львова, который ранее был захвачен Казимиром III Великим, хотя нельзя исключать того, что прямой связи между этой местностью и прозвищем князя Д. М. Волынского могло и не быть.

³¹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 177. Л. 237—237 об.

³¹⁶ Wolff J. Ród Gedimina. S. 13—14, 20. Przyp. 8.

³¹⁷ Грушевский А. [С.] Пинское Полесье XIV—XVI вв. Киев, 1903. С. 10. Примеч. 4; Puzyra J. Narymunt Gedyminowicz // МН. 1930. Р. 9. № 3. С. 37—38; 1932. Р. 11. № 7—8. С. 133—136; и др.

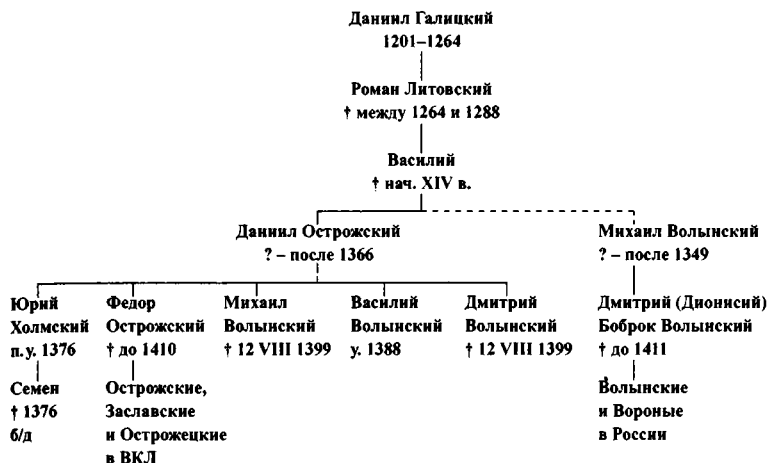
³¹⁸ Puzyra J. Narymunt Gedyminowicz. V // МН. Р. 11. № 7—8. С. 133—136.

³¹⁹ Груша А. І. Невядомы арыгінал граматы Васіля Нарымонтовіча канца XIV ст. // SHEO. 2009. Вып. 2. С. 269—271; Он же. Невядомы арыгінал граматы князя Васіля Нарымонтовіча канца XIV ст. // Беларускі гістарычны часопіс. Мінск, 2009. № 11. С. 31—42. Подробнее об этом документе см. специальное исследование: Груша А. І. Мясноўная грамата князя Васіля Нарымонтовіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XIV — першай трэці XV ст. Мінск, 2010; и др.

Сведения источников о князьях Острожских, младшей линии Во-
лынских, за XIV в. можно свести в следующую генеалогическую схему
(см. *Схема № 1.3*).

Схема № 1.3

Князья Острожские и Волынские

На политической арене XIV в. таким князьям, как Михаил Волынский, по-видимому, приходилось долго находиться в тени старших родственников. Так, например, отмеченный ранее М. Д. Волынский, младший брат Ф. Д. Острожского, после 1386 г. также указывается в важных актах. Однако князем Острожским он никогда не назывался. Более того, Дмитрий, младший брат Федора, Михаила и Василия Даниловичей, вообще остался вне текстов актов 1386—1396 гг. Такое правовое различие исчезнет лишь во второй половине XV в. при наследниках князей Евстафия (Дашко) и Василия Федоровичей Острожских. В это время размер принадлежавших им на Волыни земель станет сопоставимым с величиной владений других «принцев крови» и нетитулованных магнатских семей, добившихся в конце XV — начале XVI в. от Ягеллонов существенного расширения своих прав и привилегий³²⁰. Поэтому не случайно, что в письменных источниках даже прямые предки боярских фамилий, служивших князьям Острожским, известны, начиная с первой половины XV в.³²¹

³²⁰ Грушевский А. [С.] Пинское Полесье XIV—XVI вв. С. 3—6; Lowmianski H. Polityka Jagiellonów. S. 363. Еще в середине XV в. самыми влиятельными на Волыни считались семьи князей Чарторыйских, Сангушек и Четвертинских, боярские семьи Кирдеевичей и Гулевичей (Suchocki J. Geneza litewskiej legendy etnogenetycznej // ZH. 1987. T. 52. Zesz. 1. S. 29).

³²¹ Тесленко І. [А.] Острозька волость у 1565–1608 рр. Київ, 2006. С. 13; он же. Хто є хто в імперії «старого» князя // Соціум. Київ, 2008. Вип. 8. С. 124—125.

§ 1.2.5. КНЯЗЬ Д. М. БОБРОК ВОЛЫНСКИЙ В МОСКВЕ. Появление на службе в Москве князя Дмитрия Боброка совпадает с началом проведения в ней военной реформы. «Следы деления феодалов, служивших московским князьям, на московских и великокняжеских, — по наблюдениям В. Д. Назарова, — заметны в источниках 60-х—70-х гг.»³²². В. А. Кучкин время проведения этой реформы в Московском княжестве датирует еще уже. Он полагает, что великий князь Дмитрий Иванович провел ее в 60-е гг. XIV в. Именно тогда, по мнению В. А. Кучкина (согласно текстам княжеских докончаний), усилилось «военное значение «двора» великого князя, состоявшего из бояр и слуг вольных», что прямо «указывает на изменение положения этой общественной прослойки»³²³.

На службе в Москве князь Д. М. Боброк Волынский проявил себя как талантливый воевода. Впервые источники сообщают о нем в декабре 1371 г. Вернувшись во Владимир на р. Клязьме после удачного похода на Тверское княжество, 14 XII 1371 г. великий князь Дмитрий Иванович отправил рать против правителя Рязанской земли, захватившего у него волость Лопасню. Во главе ее был поставлен князь Дмитрий Боброк. В последних числах года он сумел разбить на Скорнищеве (очевидно, совр. Канишево³²⁴) под Переяславлем-Рязанским такого маститого полководца, как великий князь Олег Иванович. Он был вынужден бежать из своего стольного города «в мале дружине». В плен к москвичам попало много рязанцев³²⁵. По приказу великого князя Дмитрия Ивановича рязанский стол был передан его союзнику и, кстати, одновременно зятю Олега Ивановича — пронскому великому князю Владимиру Дмитриевичу³²⁶. В июле 1372 г. Дмитрий Михайлович был первым из московских бояр, целовавших крест за своих князей (Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича), во время заключения мира с правителями ВКЛ и их союзниками из Смоленска и Твери³²⁷. 16 III 1377 г. вместе с детьми нижегородско-суздальского великого князя Дмитрия Константиновича Василием Кирдяпой и Иваном Дмитрий Боброк нанес поражение войскам правителей Булгара Осану и Махмет-Салтану. Насколько результаты этой победы были убедительными для противной стороны, показывают

³²² Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы. С. 108.

³²³ Кучкин В. А. Дмитрий Донской. С. 81.

³²⁴ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. М., 2001. С. 101 (автор, путая даты начала похода и время битвы, относит последнюю к 15 декабря 1372 г.).

³²⁵ Возвращение рязанского полена из плена было предметом неоднократных переговоров между московским и рязанским великими князьями в последней четверти XIV — начале XV вв. Подробнее об этом, например, см.: Хорошкевич А. Л. О месте Куликовской битвы // ИСССР. 1980. № 4. С. 104—105.

³²⁶ Подробнее см.: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 143. Л. 2—3; Т. 15. Вып. 1. Стб. 98—99. Л. 307 об. — 308; Т. 25. С. 187. Л. 253—253 об.; и др. В. А. Кучкин охарактеризовал данный конфликт как «кратковременный» (Кучкин В. А. Дмитрий Донской. С. 70).

³²⁷ ДДГ. № 6. С. 22 [Подлинник].

цифры наложенной на врага денежной контрибуции. Сообща все участники похода получили от князей Булгарского улуса Орды 5000 рублей³²⁸. Для сравнения стоит отметить, что в это время ежегодный «выход» в Орду Московского великого княжества составлял всего 1000 рублей³²⁹, а в 1408 г. эмир Едигей взял окуп с Москвы в размере 3000 рублей³³⁰.

«Въ пятокъ» 9 XII 1379 г. вместе с князьями Владимиром Храбрым и Андреем Ольгердовичем Дмитрий Боброк возглавлял поход большой рати против князей Северской земли, подчиненных ВКЛ. В результате боевых действий москвичи «взяша городъ Трубческы и Стародубъ и ины многы страны и волости и села тяжко плениша». Одним из результатов этой акции стал выезд на службу в Москву из ВКЛ значительной части местной военной знати³³¹.

В 1380 г., как отмечается в «Сказании о Мамаевом побоище», князь Дмитрий Боброк уже «нарочит бысть полководецъ велми»³³². По-видимому, к тому времени он уже был несколько лет женат на сестре великого князя Дмитрия Ивановича. Поэтому не случайно, что во время сечи Владимир Храбрый обращается к нему со словами: «*Брате мои Дмитрие* (курсив мой. — А. К.)»³³³. Руководимый князьями Засадный полк на правом фланге решил исход битвы: «крепции мужи» были вовремя «направлени разумным своим воеводою»³³⁴. Полководческий талант князя Д. М. Волынского достойно оценен потомками³³⁵.

³²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 116—117. Л. 319—319 об.; Т. 25. С. 192. Л. 261 об. — 262. О дате похода см.: *Гришина Н. Г.* Полные календарные даты Рогожского летописца // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 76. А. Н. Робинсон полагал, что уже в этом походе князь Дмитрий Боброк имел думный чин боярина (*Робинсон А. Н.* Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 11). Данный вывод можно уточнить. Уже летом 1372 г. на переговорах с послами литовских великих князей Ольгерда и Кейстута Гедиминовичей, смоленского великого князя Святослава Ивановича Дмитрий Михайлович Боброк фигурирует как боярин великого князя московского (ДДГ. № 6. С. 22). Об итогах похода русских князей на Булгар в начале 1377 г. подробнее см. в кн.: *Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV—XVI вв. Ижевск, 2005. С. 80—81.

³²⁹ ДДГ. № 12. С. 35—36. Подробнее об этом также см.: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 42—43; *Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 121; и др.

³³⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 157.

³³¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138. Л. 333—333 об.; Т. 25. С. 200—201. Л. 275 об. — 276. Подробнее об этом см. в ст.: *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 159—166; *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 75.

³³² Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 168. Л. 385.

³³³ Памятники Куликовского цикла. С. 180. Л. 404 об. Не ссылаясь на какие-либо источники, Р. Г. Скрынников бездоказательно утверждал, что брак Дмитрия Боброка и Анны Ивановны состоялся только после 1379 г. (*Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. С. 66). Такая поздняя датировка не представляется убедительной.

³³⁴ Памятники Куликовского цикла. С. 181. Л. 406.

³³⁵ *Устрялов Н. Г.* Русская история. СПб., 1855. Ч. 1. С. 150—151; *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 387—388; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва. С. 241—243; *Греков И. Б.* Заключительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного

§ 1.2.6. КНЯЗЬ Д. М. БОБРОК ВОЛЫНСКИЙ И ПРОБЛЕМА ПОИСКА ОСНОВАТЕЛЯ КОЛОМЕНСКОГО БОБРЕНЕВА МОНАСТЫРЯ. В середине сентября 1380 г. возвратившиеся с победой с берегов Дона и Непрядвы русские войска были торжественно встречены в Коломне. Вскоре здесь завершилось строительство каменного Успенского собора (1379—1381). Как полагают некоторые исследователи, либо до Куликовской битвы, либо после нее князь Дмитрий Боброк в 1,5 км к северо-востоку от города на левом берегу р. Москвы основал Бобренов Богородице-Рождественский монастырь³³⁶. Археологическое изучение его зданий и территории подтверждает лишь время основания обители. Его каменный Рождественский собор действительно был построен в последней четверти XIV в.³³⁷ или, что более вероятно, в начале XV в.³³⁸ Но был ли каким-либо образом к этому событию причастен князь Дмитрий Боброк?

Существует две версии об инициаторе строительства Бобренова монастыря. Помимо князя Дмитрия Боброка, на эту роль претендует и его сюзерен — великий князь Дмитрий Донской. Однако эта версия также не опирается на сведения авторитетных источников и требует проверки. Кроме того, сомнительно утверждение, что первоначально, наряду с Голутвиным, Бобренов представлял собой «монастырь-сторожу», который якобы охранял «дорогу в Рязань, откуда шел хлеб»³³⁹. Интересно отметить, что исследователями древнерусского зодчества установлено сходство между Рождественским собором Бобренова монастыря и Никольской церковью в великокняжеском селе Каменское. Последняя, как считалось ранее, была построена в конце XIV в. Очевидно, их могла построить одна и та же артель мастеров из Москвы³⁴⁰.

свода 1409 г. // СС. 1982. № 2. С. 58; *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. С. 66—67; *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 76; и др.

³³⁶ Ср.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1. № 45. С. 87; *Воронин Н. Н.* К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского // МИА СССР. 1949. № 12. С. 219; *Он же.* Архитектура // *Очерки русской культуры XIII—XV вв.* М., 1970. Ч. 2. С. 240; *Фехнер М. В.* Коломна. С. 116; *Ефремов Г. П., Кузнецов Д. Д.* Коломна. М., 1977. С. 19; *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV—XV вв. М., 1986. С. 120; и др.

³³⁷ *Альтшуллер Б. Л.* Бесстолпные храмы XIV в. в Коломне // СА. 1977. № 4. С. 157—161; *Ефремов Г. П., Кузнецов Д. Д.* Коломна. С. 19; и др.

³³⁸ *Мазуров А. Б.* Основные итоги археологического изучения Коломны // РА. 1998. № 1. С. 100.

³³⁹ *Фехнер М. В.* Коломна. С. 11, 115; см. также: *Воронин В. В.* Архитектура. С. 240; *Ефремов Г. П., Кузнецов Д. Д.* Коломна. С. 19; и др. (ср.: *Беляев Л. А.* Археология монастырей христианского Востока // ИВ. 2000. № 7 (11). С. 174).

³⁴⁰ *Альтшуллер Б. Л.* Бесстолпные храмы XIV в. в Коломне. С. 157—161 (дата — 60—70-е гг. XIV в.); *Мазуров А. Б.* Основные итоги археологического изучения Коломны. С. 100 (дата — кон. XIV в.). Очевидно, что строительная артель великого князя сначала построила Благовещенский собор в Москве, затем работала в его селе Каменское, и лишь потом ее мастера отправились на новую стройку в Бобренов монастырь.

В 1577—1578 гг. отмечается, что у Бобренева монастыря был свой двор в Коломне³⁴¹. Обитель находилась за чертой ее посада и за р. Москвой вблизи от дороги, шедшей из города во Владимир и Переяславль Залесский³⁴². В XVI в. для ведения богослужения монахи пользовались дорогой утварью, иконами и книгами, причем последние были не только на бумаге, но и «на харатье». Среди ее строений числились «церк. Рожество Пречистые, каменной... Да в монастыре же церк. Вход Ерусалима, да трапеза камены... Да в монастыре же келья игуменская да келей пустых, а ворота святые обвоилися, городба была въ заметь, погнила, обвалились; да у монастыря жь дворъ конюшенной»³⁴³. Вотчинами Бобреновой обители в Коломенском уезде были следующие земли: «дер. Мячково, на рчк. на Хотве, а по конец поля р. Мелзынь», «дер. Макаровская, на рчк. на Кляпенке», «пуст., что была дер., Кокоурово», «пуст., что была дер., Сляпина, на рчк. на Сляпине», «дер. Передняя», «дер. Задняя», «пуст., что была дер., Веретейка», «пуст., что была дер., Черикова», «дер. Чернцова», «дер. Труинская, на рчк. на Вельи». Всего в третьей четверти XVI в. монастырю принадлежало 6 деревень и 4 пустоши. Их общий размер состоял из «577 четьи съ осм. въ поле, а въ дву потому же, сена 355 коп., лесу пашенного 2 дес., да непашенного лесу 32 дес.»³⁴⁴. Скромный состав вотчин Бобренева монастыря, отсутствие вкладов и руги от Калитовичей не позволяет вслед за А. Б. Мазуровым видеть в нем великокняжеский монастырь³⁴⁵. В ином статусе он пребывал и позднее.

По описанию XVIII в. Бобренева обитель находилась «в двух верстах от Коломны не при самой Москве-реке, но при озерке в приятной равнине, между пахотных полей, со всех сторон в виду на многия версты. При монастыре деревня Бобрюхина, состоящая по ревизии из 93 душ мужескаго полу. В монастыре две церкви каменные, одна большая новаго здания во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, другая старая, малая, Вход Спасителей во Иерусалим»³⁴⁶.

³⁴¹ ПКМГ. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 310; Города России XVI в. М., 2002. С. 31. Л. 95 об.

³⁴² Мазуров А. Б. Основные итоги археологического изучения Коломны. С. 99.

³⁴³ Подробнее см.: ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 323—325; см. также: Тихомиров М. Н. Россия в XVI ст. М., 1962. С. 119, 145, 149, 153.

³⁴⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 392.

³⁴⁵ А. Б. Мазуров считает, что ктитorem Бобренева монастыря были Калитовичи. Однако при этом исследователь не смог привести ни одного примера из источников, подтверждающих каким-либо образом его вывод (Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. С. 241; Он же. Белокаменное строительство в Московском княжестве (1325—1431 гг.) // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 141; и др.). В любом случае сохранившиеся духовные грамоты московских великих и удельных князей и княгинь XIV — начала XVI в. ни разу не упоминают Коломенский Бобренев монастырь.

³⁴⁶ Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. М., 1996. С. 231.

В конце 70-х гг. XVI в. среди вотчин Бобренева монастыря числилась деревня Мячково на р. Хотве. Мячковы, как и Волынские, имели владения под Коломной. Им принадлежали Верхнее и Нижнее Мячково. Из поздних источников известно, что церковь в Верхнем Мячково, как и собор в Бобрене монастыре, была посвящена Рождеству Пресвятой Богородицы. В первой половине XV в. Мячковы были в родстве с крупными вотчинниками Жеребцовыми (из рода Андрея Кобылы) и Серкизовыми (из рода Андрея Серкиза), представителями двух семей старомосковского боярства, имевшими переяславские корни³⁴⁷. Если на связь Мячковых и Серкизовых с обителью указывает дорога, шедшая с севера по правому берегу Москвы-реки от Брашевской переправы на юг через их владения в Бобренев монастырь³⁴⁸, то в ситуации с боярской семьей Жеребцовых дело обстоит несколько иначе.

Название Бобренева монастыря, очевидно, должно происходить от семейного прозвища его основателя. С точки зрения законов словообразования «Боброк/-ково; -овский» не может быть трансформировано в «Бобрен/-ево; -евский»³⁴⁹. Данные ономастики показывают, что в XV в. со схожими прозвищами было всего два представителя старомосковской служилой знати; это Андрей Гаврилович Бобрыня Кобылин и Игнатий Васильевич Бобринец Пушкин (из старшей ветви рода Ратши)³⁵⁰. Последний вариант маловероятен. Во-первых, И. В. Пушкин жил не в начале, а в конце XV в., когда монастырь под Коломной уже давно существовал. Во-вторых, прозвище И. В. Пушкина в ранних списках редакций родословных книг XVI в. отмечено как Боярынец³⁵¹; и лишь в Бархатной книге 1688 г. он ошибочно записан как Бобринец³⁵². Таким образом, предположение о связи Андрея Бобрыни с Бобреневым монастырем, ранее высказанное А. Б. Мазуровым, заслуживает более пристального внимания³⁵³.

А. Г. Бобрыня Кобылин жил в конце XIV — начале XV в. Он был бездетным сыном боярина Гавриила (Гавши) Андреевича Кобылина³⁵⁴. Имя Андрея Бобрыни встречается лишь в частных списках родословцев (начиная с 40-х гг. XVI в.)³⁵⁵. Это косвенно свидетельствует о том, что он

³⁴⁷ ДДГ. № 61^б. С. 198 [Подлинник]. Подробнее об этом, например, см.: Кузьмин А. В. Крещенные татары на службе в Москве // ДРВМ. 2002. № 3 (9). С. 14—23.

³⁴⁸ Кириченко В. Ю. Коломна. Коломна, 1993. С. 15.

³⁴⁹ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. С. 240.

³⁵⁰ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 42.

³⁵¹ РИИР. Вып. 2. С. 130. Л. 90; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 117 об.; и др.

³⁵² БК. Ч. 1. С. 310.

³⁵³ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. С. 240—241.

³⁵⁴ Из-за описки писцов в некоторых поздних списках конца XVII в. Гавша ошибочно именуется Василием: «У Ондreja Кобылы было пять сынов: первой сын Семен Жеребець, другой Александр Елка, трети Василий Вантей, четвертой Василий Гавша (курсив мой. — А. К.), пятой Федор Кошка» (ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 250).

³⁵⁵ РИИР. Вып. 2. С. 46. Л. 608 об.; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 164 об. — 165; и др.

либо не успел сделать успешную военную карьеру, либо по какой-то причине был вынужден ее оставить (из-за тяжелых ран, полученных в бою?) и в итоге заняться каким-нибудь другим видом деятельности. О степени близости его отца Г. А. Кобылина к Дмитрию Ивановичу и митрополиту Алексею говорит тот факт, что в 1368 г. в Москве на дворе Гавриила Гавши находился под домашним арестом тверской великий князь Михаил Александрович³⁵⁶. С. Б. Веселовский считал, что Гавриил Гавша был великокняжеским боярином. Однако утвердительно об этой его службе писать нельзя, так как он мог быть и митрополичьим боярином.

А. Г. Гавшин Кобылин, несомненно, был связан определенными отношениями с митрополичьим домом. Известно, что он дал свое село Никольское в Переяславской земле «в дом Пречистыя Богородицы и митрополиту». Вкладная грамота А. Г. Гавшина в копиях в книге митрополичьих актов не сохранилась. Известно только, что после доклада великому князю Василию II Темному и киевскому митрополиту Ионе 25 VIII 1458 г. митрополичий дворецкий чернец Тихон Коровой променял это владение боярину Василию Тимофеевичу Остееву. В ходе обмена в митрополичий дом попала купля В. Т. Остеева, село Русановское, расположенное в митрополичьей Романовской волости (к ней еще было прибавлено пять рублей), а великокняжескому боярину досталось село Никольское³⁵⁷.

Очевидно, что вклад А. Г. Гавшина может относиться к рубежу XIV—XV вв. или началу XV в. К сожалению, краткость текста меновой грамоты от 25 VIII 1458 г. не позволяет судить, когда это произошло: при митрополите Киприане (1380—1406) или митрополите Фотии (1410—1430). Остается только гадать, не был ли связан вклад А. Г. Гавшина с его желанием получить от духовных властей разрешение на основание Бобренева монастыря под Коломной?

Род Г. А. Кобылина продолжался от его внука Андрея Борисовича. Он был отцом Федора Боборыки — предка известного в XVII в. рода дворян Боборыкиных (Бабарыкиных)³⁵⁸. Село Боборыкино, владение этого рода, локализуется в бассейне р. Северка волости Скульнев Коломенского уезда. Начиная с XVI в., оно входило в состав поместных земель³⁵⁹. К рубежу XV—XVI вв. Боборыкины сильно измельчали. Получив поместья в Бежецкой пятине Новгородской земли и на землях

³⁵⁶ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 386; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87. Л. 299 об. — 300; Т. 18. С. 107. Л. 196—196 об.; и др. Это важное сообщение русских летописей некоторым исследователям осталось неизвестно. И они ошибочно считали, что о Гаврииле Гавше в источниках не сохранилось никаких сведений (Например, см.: *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. С. 12).

³⁵⁷ АФЗХ. Ч. 1. № 126. С. 117—118 [Список начала XVII в.].

³⁵⁸ БК. Ч. 2. С. 119; РИИР. Вып. 2. С. 153. Л. 129 об.; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 164 об. — 165; и др.

³⁵⁹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 445, 448; *Кашкин Н. Н.* О роде Кашкиных. СПб., 1913. С. 8; *Юшко А. А.* Феодалное землевладение Московской земли XIV в. М., 2003. С. 26; и др.

бывшего Тверского великого княжества³⁶⁰, в начале XVI в. они утратили всякую связь с Коломной³⁶¹.

Возможно, о роли А. Г. Бобрыни Кобылина в постройке укреплений в Коломенском Кремле свидетельствует название одной из его башен — Бобреновской³⁶². На это косвенно указывает название расположенной справа от нее главной башни крепости — Свибловой³⁶³. Нет сомнений, что ее появление связано с деятельностью Федора Андреевича Свибло³⁶⁴, крупного вотчинника, боярина и воеводы великих князей Дмитрия Донского и его сына Василия I³⁶⁵. Известно, что Федор Свибло был строителем башни не только в Коломенском, но и Московском Кремле³⁶⁶. Возможно также, что с семьей другого видного служилого человека Малаха (Малашко) получили свое название расположенные в Коломенском Кремле Малаховские ворота³⁶⁷. Подмосковное село «Малаховское», попавшее во владение великого князя Ивана I Калиты, упоминается в источниках, начиная с 1336 г.³⁶⁸

С другой стороны, свое название Бобреновская башня могла получить не от А. Г. Бобрыни Кобылина, а названия монастыря. Такая возможность не исключена. Среди башен и ворот Коломенского монастыря были такие, которые получили свое наименование от сакральных построек, правда, только церквей (например, Спасская башня — от Спасского мо-

³⁶⁰ Подробнее об этом см.: РИБ. 1898. Т. 17. Стб. 72—73, 99—100, 121—122; НПК. Т. 6. Стб. 94—96, 106—109, 114—115, 178, 204—206, 241—243, 248, 632—633, 642—643; Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005. С. 174. Л. 410—410 об., С. 240. Л. 580 об. — 581, С. 245—246. Л. 597—597 об., С. 247. Л. 601—601 об., С. 639. Л. 8, С. 644. Л. 19; *Давыдов Н. В.* Шатурский край при царе Михаиле Федоровиче в письмах и мерах кн. В. П. Кропоткина. М., 2010. [Приложение 23]. С. 285; и др.

³⁶¹ В писцовой книге г. Коломны и Коломенского уезда 1577—1578 гг. уже нет ни одного дворовладельца или землевладельца из числа представителей рода Боборыкиных (ср.: ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 291—611; Города России XVI в. М., 2002. С. 1—76. Л. 27—196 об.).

³⁶² Города России XVI в. С. 3. Л. 57 об. — 58, С. 4. Л. 60; *Фехнер М. В.* Коломна. С. 19. Примеч. 1.

³⁶³ Города России XVI в. С. 3. Л. 57 об. — 58, С. 4. Л. 60. Подробнее о Свибловой башне, например, см.: *Фехнер М. В.* Коломна. С. 15, 24—25 [План Коломны в 70-х гг. XVIII в.]; и др.

³⁶⁴ *Ефремов Г. П., Кузнецов Д. Д.* Коломна. С. 29.

³⁶⁵ Подробнее о нем, например, см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 6, 9, 39, 54, 55, 60, 62, 68, 72, 82, 148, 292, 293, 336. 343, 401, 494, 496, 498, 499, 506; и др.

³⁶⁶ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 14/139. Л. 331 («Свиблова стлѣница [так!], а под нею таин(ик)»; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 54—55; и др.

³⁶⁷ Города России XVI в. С. 1. Л. 54—54 об. В XV в. люди с именем Малах (Малашко) или их дети встречаются в актах Северо-Восточной Руси (например, см.: АСЭИ. Т. 1. № 256. С. 185 [Список сер. XVI в.], № 547. С. 424 [Список кон. XVI в.]); Т. 2. № 144. С. 85. № 228. С. 149 [Списки XVI в.], № 404. С. 414, 415 [Список XVII в.]; Т. 3. № 105. С. 141—143 [Список XVII в.]; и др.

³⁶⁸ ДДГ. № 1^а. С. 7, № 1^б. С. 9, № 3. С. 14, № 4^а. С. 15, № 4^б. С. 17, № 12. С. 33, № 20. С. 56, № 21. С. 58, № 22. С. 60, № 61. С. 194 [Подлинники].

настыря, Пятницкие ворота — от церкви в честь Параскевы Пятницы)³⁶⁹. Однако эти храмы находили либо внутри Кремля, либо на посаде, но не за пределами города, как, например, Бобренов монастырь. Учитывая тот факт, что Коломенский Кремль возник раньше, чем Бобренов монастырь, можно предполагать, что Бобреновская башня получила свое название, скорее всего, от А. Г. Бобрыни Кобылина. Он мог принимать участие в строительстве башни либо перед битвой на Воже в 1378 г. и Куликовской битвой 1380 г., либо восстанавливать ее уже после сожжения и разорения Коломны в 1382 и 1385 гг. Из этого периода следует исключить время между 1382—1385 гг. В это время, как справедливо отмечает А. Б. Мазуров, строительству сильно мешало «возобновление выплаты „великой дани тяжкой“» в Орду и ряд других причин³⁷⁰.

Отсутствие в источниках сведений о службе и прозвище Андрея Бобрыни заставляет видеть в нем монаха, возможного основателя Бобренова монастыря. Уход в монашество, вероятно, объясняет его бездетность. Это событие в биографии Андрея Бобрыни могло произойти в 1389 г. или на рубеже XIV—XV вв. Косвенно на это время указывают «активные художественные работы, о чем свидетельствуют, правда, немногочисленные, но выдающиеся произведения иконописи, основная часть которых все более единодушно локализуется концом XIV в., т. е. не просто периодом после Куликовской битвы, но началом княжения Василия Дмитриевича»³⁷¹. Тогда понятна заинтересованность в обители части местных вотчинников. Поддержку основателю Бобренова монастыря, например, мог оказать его близкий родственник — двоюродный брат Игнатий Семенович Жеребцов. Будучи наместником Коломны, 1 VI 1408 г. он погиб на р. Смядве в бою против рати пронского великого князя Ивана Владимировича и отряда ордынцев³⁷². Алексей, сын И. С. Жеребцова, был женат Арине Федоровне († после 1462). Она была дочерью Анастасии Ивановны Мячковой, внучки владимирского наместника Ивана Яковлевича Мячко. 7 VII 1445 г. также владимирский наместник А. И. Жеребцов и его единственный сын Андрей погибли в неудачной для русской рати битве с ордынцами у Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. Отцом Арины был Федор Андреевич Ложь Серкизов, боярин великого князя Василия II Темного. Вклад деревни Мячково на р. Хотве в Бобренов монастырь мог

³⁶⁹ Фехнер М. В. Коломна. С. 17, 19, 24—25 [План Коломны в 70-х гг. XVIII в.], 46, 56. О локализации башен Коломенского Кремля, а также расположенных внутри его церквей и монастырях подробнее см.: Мазурова Н. Б. Количество башен Коломенского кремля в XVI в. // Коломна и Коломенская земля. Коломна, 2009. С. 147—177.

³⁷⁰ Мазуров А. Б. Белокаменное строительство в Московском княжестве (1325—1431 гг.). С. 139.

³⁷¹ Попов Г. В. О художественном развитии Подмосковья после 1389 г. // Саввинские чтения, 2006. М., 2007. С. 214.

³⁷² Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 467.

быть осуществлен членом одной из этих семей до 1445—1462 гг., так как позднее вотчины Жеребцовых и Мячковых в Коломенском уезде были выкуплены великокняжеской семьей³⁷³.

Помимо Жеребцовых, владельцами дворов и вотчин в Коломне также были другие потомки боярина Андрея Кобылы — Вантеевы, Колычевы, Епанчины, Беззубцевы, Шереметевы, Голтяевы, Захарьины-Кошкины (Яковлевы и Юрьевы)³⁷⁴. В 50-е гг. XVI в. из Коломны служили Захарьины-Кошкины, Шереметевы и Лодыгины³⁷⁵. Таким образом, можно предполагать, что передача до 1445—1462 гг. деревни Мячково на р. Хотве в Бобренов монастырь была не только вкладом по душам умерших родственников, но и определенной формой материальной поддержки обители, основанной близким родственником.

§ 1.2.7. ВЛАДЕНИЯ СЕМЬИ КНЯЗЯ Д. М. БОБРОКА ВОЛЫНСКОГО. Попытка поздней местной легенды связать основание Бобреновой обители, расположенной внутри домена Калитовичей, с именами князей Дмитрия Донского или Дмитрия Боброка вряд ли была случайной. Она имела под собой некоторую почву. По данным конца XV—XVI вв. Волынские имели вотчинные села и купли в Каневской волости Коломенского уезда (например, деревня Овинищи и др.³⁷⁶). Это пожалование Волынским от великих князей было весьма щедрым. Ведь именно «к югу от Оки, в непосредственной близости от нее преобладали серые лесные почвы и отчасти деградированные и оподзоленные черноземы».

³⁷³ Подробнее об этом см.: Кузьмин А. В. Крещенные татары на службе в Москве. С. 18—19.

³⁷⁴ Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Зап. Отд. русской и славянской археологии Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 67, 74, 89; Кобеко Д. Ф. Родословию Шереметевых // ЖМНП. 1901. № 10. С. 381—395; ДДГ. № 20. С. 56, № 57. С. 176, № 61^a. С. 195, 196 [Подлинники]; Города России XVI в. С. 25. Л. 81 об. — 82, С. 27—28. Л. 87 об., С. 28. Л. 88—88 об., С. 28—29. Л. 89 об., С. 29. Л. 90 об., 91 об., С. 30. Л. 92 об., С. 43. Л. 125, С. 72. Л. 187; Тихомиров М. Н. Россия в XVI ст. С. 117—118, 119; Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // АЕ за 1963 г. 1964. С. 56; он же. Формирование боярской аристократии в России... С. 175, 176; Ефремов Г. П., Кузнецов Д. Д. Коломна. С. 31, 39; Кузнецов В. И. Из истории феодального землевладения в России. М., 1993 (по указ.); Антонов А. В. Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV — начала XVII в. // РД. 1997. Вып. 2. № 108—109. С. 94; и др.

³⁷⁵ ТКДТ. С. 56. Л. 116—116 об., С. 59. Л. 119, С. 158. Л. 118 об., С. 161. Л. 120 об.

³⁷⁶ АСЭИ. Т. 3. № 48^a. С. 72 [Опись 1755 г.]; АРГ. 1505—1525 гг. 1975. № 199. С. 203. № 202. С. 205 [Подлинники]; Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край. М., 1978. № 14—15. С. 20—21, № 20. С. 31, № 39. С. 51 [Подлинники]; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 353, 427—428; Власьев Г. А. Род Волынских. № 79. С. 15; Кашианов С. М. Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // АЕ за 1973 г. 1974. С. 35—37; Антонов А. В. Вотчинные архивы московских монастырей и соборов... № 66. С. 88, № 116. С. 95, № 124. С. 96; Кустерев С. Н. Дело Аграфены Волынской и «ответ» митрополита Макария Ивану IV // АЕ за 1998 г. 1999. С. 71—77; и др.

Они давали хороший урожай зерновых³⁷⁷. Помимо них, кое-какие земли Дмитрий Боброк и его потомки имели вблизи от Коломны и Москвы.

В писцовой книге Коломенского уезда 1577—1578 гг. отмечается, что в Комареве стане «въ помѣстьѣ» за паном Иваном Ивановым сыном Дарковским числилось село Волинское на речке Хочемке. В нем находилась деревянная церковь Воскресения Христова, имевшая церковную пашню на 10 четей. И. И. Дарковскому, а до него — Булгаку Михайлову сыну Телешову, принадлежали «пашни пер. сер. земли 25 четьи, пер. жъ и лесомъ поросло 45 четьи въ поле, а въ дву потомужъ, сена ставилось 70 коп., лесу рощи по врагомъ 12 дес.». К селу Волинскому тянула пустошь, которая ранее была деревней Сенкино на р. на Хочемке, «а въ ней пер. пашни сер. земли 30 четьи, да пер. жъ лесомъ поросло 25 четьи въ поле, а въ дву потомужъ, сена 85 коп., лесу пашенного 5 дес.»³⁷⁸.

В духовной царя Ивана IV Грозного, составленной в мае 1579 г.³⁷⁹, в Сетунском стане под Москвой отмечено «село Волинское с деревнями, со всем»³⁸⁰. В 1627 г. вместе «з деревнями и съ пустошми» оно упомянуто как бывшее владение боярина князя Афанасия Васильевича Лобанова-Ростовского, сторонника опальных бояр Салтыковых³⁸¹. Во второй половине XVI в. село Волинское принадлежало семье царевичей Сибирских (потомков хана Кучума). Интересно отметить, что в эту же вотчину входила деревня Давыдкова, расположенная на р. Сетуни³⁸². К сожалению, пока неясно, была ли она в начале XV в. владением Давыда Дмитриевича, второго сына князя Д. М. Боброка Волинского.

Известны также вотчины и поместья Волинских в Угличском уезде. Они появились здесь до первой трети XV в.³⁸³

§ 1.2.8. ВОЛЫНСКИЕ И ВОРОНЫЕ В КОНЦЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в. Между 13 IV и 15 V 1389 г. Дмитрий Боброк в последний раз упоминался в источниках. Он был первым послухом из чис-

³⁷⁷ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // ВИ. 1992. № 4/5. С. 37.

³⁷⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 399—400.

³⁷⁹ О датировке завещания царя Ивана IV Грозного подробнее см.: Юрганов А. [Л.] «Откровение» от Иоанна Грозного, или Тайна царского завещания // Знание—сила. 1994. № 1. С. 140—150; Он же. О дате написания завещания Ивана Грозного // ОИ. 1993. № 6. С. 125—141; Он же. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 118—144.

³⁸⁰ ДДГ. № 104. С. 434 [Список начала XIX в. (не ранее 1805 г.)].

³⁸¹ Акты писцового дела. М., 1917. Т. 2. Вып. 1. № 11. С. 34. О судьбе этого села в XVII в. подробнее см.: Шватченко О. А. Служилая вотчина и поместье в Московском Уезде XVI—XVII вв. // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 145—146, 159.

³⁸² Кобеко Д. Ф. Вторая поправка родословия Шереметевых. СПб., 1904. [Приложение]. № IV. С. 30.

³⁸³ Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. С. 65—66, 88—89, 106. Примеч. 212; Она же. Эволюция состава уездного дворянства второй половины XV—XVI в. // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв. М., 1990. С. 90.

ла 10 бояр, сидевших у второй духовной великого князя Дмитрия Донского³⁸⁴. 20 V 1380 г. в силу своего положения, наряду с другими лидерами столичной знати, Дмитрий Боброк должен был принимать участие в похоронах своего сюзерена и родственника в Кремлевском Архангельском соборе³⁸⁵. Служебная карьера Дмитрия Боброка при дворе великого князя Василия I, очевидно, не сложилась из-за пролитовской политики нового правителя Москвы. По крайней мере, вряд ли случаен тот факт, что его имя исчезает из летописей. Дальнейшая реконструкция его биографии предложена в специальной статье В. Л. Янина. Анализируя сведения родословной росписи Волынских и выписки из синодика Новгородского Клопского монастыря 1650 г., где записан «Род Михаила Клопского», исследователь дал следующую картину личной драмы, произошедшей в семье Волынских. По его мнению, она была вызвана ранней смертью Василия, третьего сына Дмитрия Боброка и родного племянника великого князя Дмитрия Донского. Эта трагедия, как считает В. Л. Янин, привела к уходу Дмитрия Боброка и его жены Анны из светской жизни. По его мнению, в монашестве Боброк получил имя Максим; он дожил до начала XV в. По версии В. Л. Янина, еще одним сыном Дмитрия Боброка был Михаил Клопский. Это предположение о степени родства указанных выше лиц после проверки генеалогической реконструкции В. Л. Янина сочли убедительным некоторые исследователи³⁸⁶. Между тем привлечение новых источников приводит к выводу, что реконструкция родословной схемы ближайших потомков Дмитрия Боброка, предложенная В. Л. Яниным, все-таки нуждается в уточнении³⁸⁷.

Среди лиц, умерших в начале XV в., в Ростовском соборном синодике 1642 г. «вечная память» читалась: «Кн(а)сю Лвѣ Романови-

³⁸⁴ ДДГ. № 12. С. 36; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в.: [1389 г. марта 25 — мая 16, вероятнее всего первая половина мая] — Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 136.

³⁸⁵ «И плакаша надъ нимъ князи и бояре, и велможи...» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 156. Л. 344).

³⁸⁶ Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского. С. 52—61; см. также: Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 36; Дмитриев Л. А. Житие Михаила Клопского // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 302; Бобров А. Г. Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. 1993. Т. 48. С. 189; Он же. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 87—88; и др.

³⁸⁷ Кузьмин А. В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. С. 130—131; Он же. Князь Дмитрий Михайлович Боброк и род Волынских в XIV — середине XV в. // Вестник Общества исследователей Древней Руси за 2000 г. М., 2002. С. 95—97; Он же. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. Ч. 1. С. 740—742; Урилов А. А. Когда умер Михаил Клопский и кто предсказал церковную карьеру новгородскому архиепископу Ионе? // Славяноведение. 2005. № 4. С. 43—49; Он же. К биографии и генеалогии Михаила Клопского // СР. 2006. Вып. 6. С. 178—201; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2012. Т. 3. С. 308; и др.

чую Новосильскомъ, кн(а)сю Дионисію Волыньскомуу (курсив мой. — А. К.), кн(а)сю Кипріанъ Дмитреевичю Галичьскомъ, кн(а)сю Глѣбъ Василіевичю Дрютскомъ»³⁸⁸. Последний из них был убит 15 I 1411 г. в битве на Лыскове³⁸⁹. Поэтому можно думать, что князь Дионисий умер до этой даты, т. е. до начала 1411 г.³⁹⁰ Поскольку дети Д. М. Волынского были боярами и не носили титул³⁹¹, то следует предполагать, что это сообщение синодика может относиться не к Борису и Давыду Дмитриевичам и их сводным братьям, а только к Дмитрию Боброку. Очевидно, что Дионисий — имя, полученное им при крещении, а Дмитрий — семейное прозвище. Выяснив это, можно утверждать, что имя Максим принадлежало не Дмитрию Боброку, а одному из его младших сыновей. Таким образом, можно еще раз отметить не только биографические, но и хронологические несовпадения в жизни князей Дмитрия Кориатовича и Дмитрия Боброка. Это лишний раз указывает на то, что их отождествление ошибочно.

Пропуск в синодике князя Михаила, фактического предка рода Волынских и Вороных, конечно, может насторожить. Однако заметим, что в этом случае источник не содержит полного перечня имен предков Михаила Клопского. В нем поминали «благочестивого князя Константина, во иноцех Кассиана, инока Михея, схим. иноки Анны, схим. Максима, иноки Александры, инока Созонта, иноки Фетинии»³⁹². Очевидно, что в синодике под монашескими именами Михей и Анна могли быть записаны Дмитрий Боброк и его вторая жена Анна. По-видимому, парный характер могут иметь и другие лица. Инока Александра, очевидно, ранее была женой Максима и матерью Михаила Клопского³⁹³; иннок Созонт — мог быть его братом и мужем иноки Фетинии. Учитывая тот

³⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 51; Конев С. В. Синодология. Ч. 2. С. 102. Л. 51.

³⁸⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485–486. «Князю Глѣбу Друцкому, и Борису Михайловичу, и всей дружинѣ ихъ, избивеннымъ на брани на Лысковѣ, вѣчная память (курсив мой. — А. К.)» (ДРВ. Ч. 6. С. 452). В числе погибших под Лысковым был также Василий Федорович, единственный бездетный сын боярина Федора Ивановича Бреха Кошкина (РИИР. Вып. 2. С. 153. Л. 130 об.; ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 230 об.; и др.).

³⁹⁰ Косвенно этот вывод подтверждает и время смерти его двоюродного брата князя Федора Даниловича Острожского. Он умер до 1410 г. (*Kuczyński S. M. Fedor Daniłowicz* // PSB. T. 6/4. Zesz. 29. S. 382—383).

³⁹¹ ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 217; РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 78; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1. С. 110; Власьев Г. А. Род Волынских. С. 8. № 2—3. Это сообщение источников С. Б. Веселовский оставил без внимания. Он полагал, что Борис и Давыд боярами не были (*Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. С. 286). Однако в последнее верится с трудом, если учитывать данные родословцев и тот социальный статус, какой имела семья Волынских, родственников великокняжеской семьи, в боярской среде XV в.

³⁹² Цит. по стл.: Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского. С. 56—57.

³⁹³ В ранних редакциях жития Михаила Клопского о нем князь Константин Дмитриевич говорил: «„А се Михаил, Максимов сын“... И князь молвить игумену и старцам: „Поберегите его — нам человек той своитин!“» (Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. С. 91. Л. 163 об., С. 100—101. Л. 123—123 об.).

факт, что в заголовке статьи синодика первым упомянут князь-инок Кассиан, то можно полагать, что все эти лица умерли ранее 1434 г. (возможно, в том числе во время неоднократных эпидемий и голода, затронувших Русь в 1417—1427 гг.).

Между тем важно отметить, что в этом помяннике нет имен великих князей Ивана I Калиты и его первой жены Елены, их сына Ивана II Красного, отца Дмитрия Донского, жены последнего — Евдокии Дмитриевны, а также современных Михаилу Клопскому великих князей — Василия I и его сына Василия II Темного. Возможно, это косвенно указывает на оппозиционный характер записи. На такой вывод наталкивает и тот факт, что в помянник рода Михаила Клопского первым записан вкладчик — угличский князь Константин Дмитриевич (1389—1434). Он, как известно, редко ладил с Василием I.

Если наше предположение о смерти Дмитрия Боброка перед 1411 г. верно, то оно помогает объяснить и довольно долгую жизнь Михаила Клопского. Ведь он, родившись еще в самом конце XIV в., умер около 1456 г., когда из политики ушли почти все внуки Дмитрия Боброка. Поскольку от Василия и Максима род не пошел, то включение последних в первой половине XVI в. в роспись Волынских с точки зрения местных счетов не имело никакого смысла³⁹⁴. На Руси в XIV — первой половине XVI в., в отличие от западных соседей, наследников Каролингской и Оттоновской Европы, почитание своих святых родственников

³⁹⁴ 20 II 2003 г. на заседании семинара по истории русского дворянства в РГАДА А. А. Турилов сделал доклад на тему: «К генеалогии и биографии преподобного Михаила Клопского». Исследователь обратил внимание на одну из записей возникшего в начале XVI в. синодика Слуцкого Троицкого монастыря 1637 г. Его ктиторами были слупские князья Олельковичи. В обители в роде князя Константина Федоровича Крошинского поминали «князя Андрея Можайского, нареченного во святом крещении Максима» (БАН Литвы. Ф. 21. № 799. Л. 4 об.). По мнению А. А. Турилова, не подтвержденного никакими прямыми свидетельствами источников, этот Максим — наиболее вероятный отец Михаила Клопского, бастард, якобы родившийся от внебрачной связи князя между 1398—1402 гг. (ближе к первой дате). Подробнее об этом см.: *Турилов А. А.* Когда умер Михаил Клопский... С. 43—49; *Он же.* К биографии и генеалогии Михаила Клопского. С. 178—201. Между тем некоторые известия источников прямо противоречат такому выводу. Прежде всего отметим наблюдение А. С. Усачёва (*Усачёв А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 625. Примеч. 222), обратившего внимание на то, что в Степенной книге Михаила Клопского определяют как «инока свята от вельможеска рода» (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 218). Кроме того, анализ содержания имен синодика Слуцкого Троицкого монастыря не оставляет сомнений в том, что упоминаемый в нем князь Андрей-Максим, на самом деле, внук Андрея Дмитриевича — князь Андрей Иванович Можайский. Именно он находился в родстве с князьями Крошинскими. Их владения были расположены на границах с Можайским уделом Московского великого княжества (*Темушев В. [Н.]* К вопросу о московско-литовской границе XV в. (владения князей Крошинских) // *RUTHENICA*. Київ, 2007. Т. 6. С. 299—307). Именно этот факт во второй половине XV в. и мог вызывать интерес московских эмигрантов к родству с князьями Крошинскими.

и занесение их имен в синодики и родословные росписи не было распространено и имеет крайне немногочисленные примеры.

Изредка в родословных росписях упоминался первый сводный брат Бориса и Давыда Дмитриевичей — Василий Волынский. Его имя часто опускалось их переписчиками. Помимо ранних списков редакций родословных книг, Василий записан в некоторых синодиках³⁹⁵. Таким образом, не исключено, что благодаря сведениям синодиков и «Жития Михаила Клопского» устанавливается имя четвертого (?) из сыновей князя Д. М. Боброка Волынского.

Сопоставляя данные о землевладении и месте службы внуков Дмитрия Боброка, можно прийти к заключению, что они к 30-м гг. XV в. почти всем родом оказались на службе у галицких князей Юрия Дмитриевича и его сына Дмитрия Шемяки. Объяснение этому следует искать не только в наличии у Волынских вотчин в удельных княжествах, но и знанием в их семьях текста завещания великого князя Дмитрия Донского. В духовной, как известно, был четко прописан порядок наследования старейшего стола в Москве. После великого князя Василия I престол должен был занять его брат Юрий³⁹⁶. Это решение Дмитрия Донского не имело характера правовой новации, а опиралось на одну из сложившихся традиций в семье Калитовичей в XIV в.³⁹⁷ Однако события второй четверти XV в. перечеркнули эти планы. Волынские по-прежнему продолжают сражаться с ордынцами, руководить служилым двором своего князя-сюзерена (как, например, Акинф Борисович), но не в Москве, а Галиче. Участие в феодальной войне привело к тому, что старшие родичи к середине XV в. выбывают из круга великокняжеских бояр. Во многом этому способствовала неудачная битва под Белевым, когда в ней 5 XII 1437 г. погибли Акинф и Полукет Борисовичи³⁹⁸.

Среди убитых в бою с ордынцами под Белевым был и Семен Волынец. Вместе с юрьевским вотчинником князем Петром Кузьминским он погиб «в городѣ» 4 XII 1437 г., когда они «гнаша бо ся... за Татары и до половины града, а прочии вои от града възвратишася»³⁹⁹. Однако отождествление Семена Волынца с С. Б. Волынским маловероятно: Семен Волынец как в синодиках, так и летописях записан без отчества и фамилии. Более верным представляется, что он был предком рода Волынцев.

³⁹⁵ Ср.: ОР РГБ. Ф. 178. № 9465. Л. 57 об. — 58 об.; Ф. 722. № 216. Л. 227; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1710. Л. 92, 112—112 об.

³⁹⁶ ДДГ. № 12. С. 33—37 [Подлинник].

³⁹⁷ Анализ этих двух традиций подробнее, например, см.: Ковин В. Н. Феодальная война 1425—1453 гг. // ВЧУ. Сер. 1. 1994. № 1 (7). С. 57—62.

³⁹⁸ ДРВ. Ч. 6. С. 456; ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 168; ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 56—56 об.; Конев С. В. Синодиология. Ч. 2. С. 103. Л. 56—56 об.; РИИР. Вып. 2. С. 148. Л. 123; и др.

³⁹⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 260. Л. 363; и др.

вых, московских помещиков в XVI в. в тверских волостях Кава и Чаглово на левом берегу р. Волга, где «наиболее распространенными являются дерново-подзолистые почвы, относительно благоприятные для ведения сельского хозяйства»⁴⁰⁰. Такая забота о Волинцевых не была случайной. В конце XV—XVII вв. они служили в Государевом дворе и дворцовом хозяйстве. В XVII в. новым центром их землевладения стал Угличский уезд⁴⁰¹. Первоначальная вотчина Волинцевых неизвестна. Возможно, что ранее этой вотчиной, полученной за выезд Семена Волинца на службу в Москву, могла быть пустошь Старое Тишениново, «а Волинцево тож», расположенная в Медушском стане (?) Владимирского уезда⁴⁰².

Недавно А. В. Лаврентьев выдвинул смелую версию о судьбе книг рода Волинских. Согласно точке зрения исследователя, пергаменное Евангелие первой половины XIV в. (ОР ГИМ. Синодальное собр. № 401), имеющее помету «Евангелие Волинцевское...», ранее могло принадлежать не Волинцевым, а князю Д. М. Боброку Волинскому⁴⁰³. Однако с этой версией сложно согласиться.

Прежде всего, сомнительно тождество упоминаемого в записи попа Сильвестра с известным благовещенским священником Сильвестром. А. В. Лаврентьев так и не нашел никаких убедительных свидетельств тому, что «Евангелие Волинцевское...» бывало в XVI в. именно в Благовещенском соборе Московского Кремля. Предположение, основанное на нескольких дополняющих друг друга предположениях, не может быть серьезным аргументом для выяснения судьбы этой рукописной книги.

Лишь представители младшей ветви Волинских, происходящие от Михаила Борисовича Меньшого, все-таки сумели выдвинуться на службе у великого князя Ивана III, и хотя бы частично восстановить позиции рода при его дворе.

Приведенные выше сведения источников о предках Волинских и Вороных в XIV — середине XV в. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № I.4*).

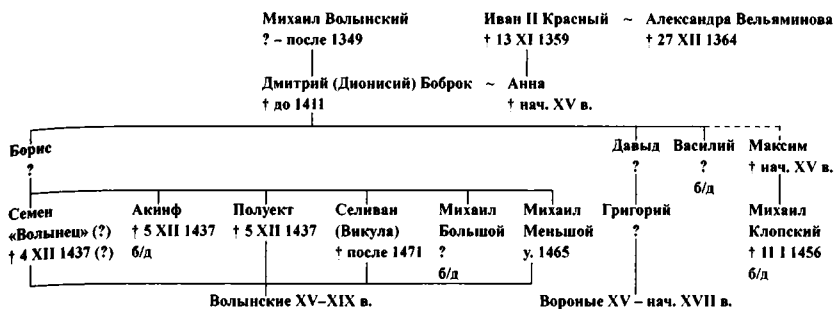
⁴⁰⁰ Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Сельское расселение в Тверском уезде по материалам писцовых описаний // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 73.

⁴⁰¹ Подробнее о них, например, см.: Иванов [П. И.] Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах... М., 1853. С. 80; Шумаков С. [А.] Обзор ГКЭ. М., 1917. Вып. 4. № 739. С. 224; ТҚДТ. С. 197. Л. 147 об.; Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII вв. М., 2004. С. 212, 375, 388; Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2005. С. 508; Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005. С. 51. Л. 98 об. — 99, С. 56. Л. 110—110 об., С. 153. Л. 352, С. 270. Л. 666, С. 282—283. Л. 701—702, 703, С. 302. Л. 752; Анхимюк Ю. В., Павлов А. П. Осадный список 1618 г. // ПИВЕ. 2009. Т. 8. С. 42. 127, 231, 536; и др.

⁴⁰² Эта вотчина долгое время оставалась в руках однородцев Навалкиных и Языковых, которую они перекупали друг у друга (АСЗ. 2008. Т. 4. № 542. С. 458. Л. 250 [Подлинник]).

⁴⁰³ Лаврентьев А. В. «Евангелие Волинцевское» // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 77—78.

Волынские и Воронье

В первой половине — середине XVI в. Волынские служили как по Москве, так и по дворовому списку из таких бывших удельных центров Северо-Восточной Руси, как Звенигород, Дмитров, Калуга, Ржева, Руза и Углич⁴⁰⁴.

§ 1.3. ЛИПЯТИНЫ. В историографии нет ни одного исследования, специально посвященного изучению происхождения и истории угасшего рода Липятиных. Он считается неизвестным⁴⁰⁵. Некоторые сведения источников об этом роде, собранные С. Б. Веселовским, позднее не были им обобщены⁴⁰⁶. Сложность в изучении генеалогии князей Липятиных заключается в том, что известные документы прошлого весьма скупы на сведения о представителях этого рода. Очевидно, такая ситуация во многом связана с тем, что в середине XVI в. он угас. Основные сведения о Липятиных сохранились в актах XV — начала XVI в. Преимущественно они посвящены их службе и участию в поземельных сделках, а не семейным связям между Липятиными. Поэтому об их генеалогии и родстве с представителями других служилых фамилий пока можно строить лишь предположения. Такая ситуация связана с тем, что сведения синодиков не охватывают весь состав этого рода, а роспись и семейный архив Липятиных не сохранились. Поэтому к приведенной ниже родословной этой фамилии пока следует относиться лишь как к научной реконструкции⁴⁰⁷.

В Успенском синодике после поминания лиц, погибших 26 VIII 1382 г. в Москве от рук ордынцев, имеется следующая запись: «Ивану Дмитриевичу и с(ы)ноу его Иоанноу, и братоу его Василию Берсе-

⁴⁰⁴ Власьев Г. А. Род Волынских. № 74. С. 14, № 79—80. С. 15, № 98. С. 19; ТКДТ. 1950. С. 179. Л. 133 об., С. 205. Л. 153 об. — 154; Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992. Вып. 1. С. 121—123, Л. 219—223; и др.

⁴⁰⁵ От редакции // ИГ. 1993. Вып. 1. С. 4.

⁴⁰⁶ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 181.

⁴⁰⁷ Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. Ч. 1. С. 742—752, 769—771.

зовискому, Ивану Костантиновичю Липатиноу, и с(ы)ноу его Семеноу, оубиеннымъ от безбожныа Литвы, вѣчнаа пам(а)т(ь)». В источнике данные лица были отмечены ранее убитых «во граде и в селехъ мниховъ и ереовъ, моужь и женъ, и детескъ пол от безбожнаго Едигея»⁴⁰⁸. В отличие от хана Тохтамыша, этот ордынский эмир осаждал Москву в декабре 1408 г. Таким образом, можно очертить хронологические рамки, к которым относится время жизни и служба в Москве хотя бы части из отмеченных в синодике князей. Очевидно, что они относятся к периоду, по крайней мере, между 1380 до 1408 гг.

Если отождествить упоминаемого в синодике князя В. И. Березуйского с его полным тезкой, погибшим, согласно летописям, от рук литовского воина около 28 XI 1370 г. при обороне Волока Ламско-го⁴⁰⁹, то время службы данных князей можно будет отнести к периоду до 1370—1408 гг.

Данное предположение находит подтверждение при обращении к другим источникам. Так, например, Тверская летопись, описывая московско-литовскую войну 1406—1407 гг., отмечает: «А иже *подъ Вязмоу* быша Москвичи, и такоже граду ничтоже успеха, и отыдоша. Тогда же князь *Липятычъ Иванъ, воевода Московский, отъ Литвы убиень бысть* (курсив мой. — А. К.)»⁴¹⁰. Воскресенская летопись сообщает, что вяземский поход начался «на Спасовъ день», т. е. 16 VIII 1407 г.⁴¹¹ Война длилась не более месяца. Она закончилась перемирием, которое, по всей вероятности, было заключено до 14 IX 1407 г. При этом границы государств остались в прежних границах⁴¹². Поэтому не исключено, что Иван Липятин погиб либо в самом конце августа, либо, что более вероятно, в самом начале сентября 1407 г. Несомненно, упомянутый в этом случае князь и записанный для поминания в синодик Успенского собора Московского Кремля Иван Константинович Липятин — одно и то же лицо⁴¹³.

Благодаря изучению указанных выше источников можно выяснить, что Константин, отец князя Ивана, носил прозвище Липята⁴¹⁴.

⁴⁰⁸ ОР РНБ. Ф. п. IV. № 1. Л. 29—29 об.; см. также: ДРВ. Ч. 6. С. 451.

⁴⁰⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 94. Л. 304 об.; *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 391.

⁴¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472.

⁴¹¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 237. Л. 331; Т. 8. М., 2001. С. 81.

⁴¹² *Krzyżaniakowa J., Ochmański J.* Władysław II Jagiełło. S. 188; *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. М., 1998. С. 46.

⁴¹³ С. Б. Веселовский, не зная этого сообщения Тверской летописи, ошибочно приурочил смерть И. К. и С. И. Липятиных к одному событию — битве в Суходреве и одному году — 1370 (*Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 181).

⁴¹⁴ Интересно отметить, что в Подмосковье не позднее 4 VIII 1423 г. известен схожий по словообразованию топоним — приток р. Вори речка «Лепетня» (АСЭИ. Т. 1. № 40. С. 47 [Подлинник]).

Следовательно, именно он является предком. Учитывая время смерти князя И. К. Липятина, можно предполагать, что период политической деятельности первых двух представителей данного рода приходится на вторую половину XIV — начало XV в.

В связи с этим важно отметить одно весьма интересное обстоятельство. Князь И. К. Липятин не только был записан после березуйских князей, но и носил то же отчество, что и представитель старшей (московской) ветви рода князей Фоминских — Федор Константинович Красный († 1387). Родословная роспись потомков последнего имеет ряд заголовков. Таких, например, как «Род Фоминских князей и от них Карповы»⁴¹⁵, «Родъ Фоминскихъ князей и Березуйскихъ»⁴¹⁶ и др. В ней князь Константин называется то Фоминским⁴¹⁷, то Березуйским⁴¹⁸. Наиболее полный заголовок содержит *Рум. ред.*: «Род Фоминских князей и Березуйских *от князя Костянтина Березуйского* (курсив мой. — А. К.)»⁴¹⁹. Однако в синодике Успенского собора Московского Кремля Липятины объединены и записаны для поминания как раз вместе с березуйскими князьями. Среди них нет ни князя Федора Красного, ни его легендарной «братии» (Федора Среднего и Федора Меньшого). И это неудивительно. Ведь князья Березуйские и Липятины, в отличие от детей Константина, погибли от рук литовцев и именно поэтому были записаны в Успенском синодике.

В родословных росписях потомков князей Фоминских пока не зафиксировано ни одного случая, чтобы было отмечено, что один из их предков носил прозвище Липята. Правда, при этом следует учитывать, что известные редакции этого источника не дают исчерпывающие сведения о персональном составе Фоминских и их потомков. В них заметна четкая тенденция. Чем позднее редакция или список их родословной росписи, тем более отчетливо заметны сокращения сведений, относящихся к XIV — середине XV в. Как правило, они подменяются вставкой из генеалогического извета против Фоминских⁴²⁰.

В данном случае следует учитывать, что род Липятиных пресекался еще до создания Государева родословца 1555 г. Поэтому включение в середине XVI в. их поколенной росписи в родословное древо потомков князей Березуйских и Фоминских, очевидно, уже не имело практического

⁴¹⁵ РИИР. Вып. 2. С. 40. Л. 604; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 171.

⁴¹⁶ БК. Ч. 2. Глава 34. С. 207; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 150; ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 280; и др.

⁴¹⁷ РИИР. Вып. 2. С. 40. Л. 604; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 171; Ф. 181. № 20/25. Л. 846 об., № 67/90. Л. 79; Родословная книга. С. 251; ПСРЛ. Т. 43. С. 258. Л. 474 об.; и др.

⁴¹⁸ РИИР. Вып. 2. С. 165. Л. 152; РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 96; ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 274 об.; и др.

⁴¹⁹ РИИР. Вып. 2. С. 165. Л. 152.

⁴²⁰ Ср.: РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 79 об., № 173/278. Л. 150, № 174/280. Л. 96.

смысла. Конечно, приведенных выше аргументов пока не достаточно для окончательного вывода о родстве Фоминских и Липятиных. Однако запись последних в придворном синодике вместе с князьями Березуйскими и тождество отчеств Федора Красного и Ивана Липятина вряд ли можно считать случайными совпадениями. Поэтому предварительно (до решения вопроса о конкретном родстве между князьями Фоминскими и Липятиными) было бы справедливо говорить лишь о достаточно близком родстве данных фамилий, прямых потомков князей Березуйских.

Зная точное время, когда жил и умер князь И. К. Липятин, предположительно можно выяснить и время деятельности его сына Семена. Скорее всего, оно относится к первой половине XV в. В духовной грамоте великой княгини Софьи Витовтовны, датируемой июнем — июлем 1451 г., отмечается: «А из Кол[оменскихъ сель, изъ] своих прикупов даю с(ы)ну своему, великомꙋ кн(а)зю Васил(ь)ю, Колычевское село, Николцево село, Липятиньское село, Чюхи[стово село]»⁴²¹. По всей вероятности, приобретение данного села состоялось до или чуть позднее известных событий 1445—1446 гг., когда великокняжеская семья располагала значительными финансами.

По данным писцовых материалов, в Коломенском уезде во второй половине XVI в. было два села Липятино. Согласно книге «письма и меры» Д. П. Житова и Ф. Комынина в 1577—1578 гг., первое из них находилось в Большом Микулине стане и числилось «за Григорьемъ да за Богданом за Васильевыми детми Хотяинцова, по даче 86-го году, а прежь того было на оброке за Ивановыми крестьяны Шереметева, что было въ поместье за Петромъ за Григорьевымъ сыномъ Лихорева: пуст., что было с. Липятино, на рчк. на Коломенке, а въ немъ пашни пер. сер. земли 60 четъи, да пер. жъ лесомъ поросло въ тычь и въ коль 460 четъи, и обоего пер. и кусторемъ поросло добр. землею съ наддачею 408 четъи в поле, а въ дву потомужъ, сена по рчк. по Коломенке и по заполью и по врагомъ 100 коп., лесу непашенного 50 дес.»⁴²². Второе село Липятино располагалось в Каневском стане. Во второй половине XVI в. оно было вотчиной Московского Чудова монастыря. Благодаря обстоятельной записи писца, можно установить имя прежнего владельца, размеры, причину и время его перехода в обитель. Липятино находилось «на рчк. на Коширке, а преже того было въ вотчине за Огрофеною Волынскою, а въ селе церк. Воскресенье Христово, древена, клецки: пашни церковные 20 четъи въ поле, а в дву потомуже, сена на корнятинской пожне 20 коп.; пашни сер. земли 88 четъи съ осм., да пер. 119 четъи съ осм., да пер. же кусторемъ поросло 55 четъи въ поле, а въ дву потомужъ, сена по рчк. по Коширке и по дубровамъ по Корятину и по Моклокуши 200 коп.,

⁴²¹ ДДГ. № 57. С. 176 [Подлинник].

⁴²² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 353 [Список 1-й пол. XVII в.].

лесу кустарю непашенного 20 дес.». К нему тянули «дер. Шугарово, на рчк. на Коширке», «пуст., что была дер. Береледова, на враге на Гнилуше», «пуст., что было селище Чюмасово, на вражке на Гнилуше». Все-го за Чудовым монастырем оказалось 688 четей земли с четвертью «въ поле, а въ дву потомужь», а также 55 десятин леса⁴²³. Таким образом, каждое по отдельности село на Коломенке и Каширке вместе с тянувшей к ним землей имело весьма внушительные размеры — общую площадь более чем в 1600 четей земли и по 50—55 десятин леса. Поскольку второе село Липятино до 1540/41 г. было частным владением, то можно сделать вывод, что село на р. Коломенке, а не Каширке было куплено до 1451 г. великой княгиней Софьей Витовтовной.

С. Б. Веселовский появление названия данного топонима в Коломне связывал с семьей Липятиных. Исследователь полагал, что Семен Иванович был убит в 1370 г. в битве с литовцами в Суходреве⁴²⁴. Однако такая датировка ошибочна. Если бы С. И. Липятин действительно погиб в этом месте, то это событие произошло в 1445 г. Тогда, против пришедшей на Русь литовской рати, совместно под началом своих воевод выступили дети боярские нескольких городов. Они служили разным удельным князьям московского дома: в Можайске — у внука великого князя Дмитрия Донского — Ивана Андреевича (воевода князь А. В. Лугвица Суздальский), в Верее — у его младшего брата Михаила Андреевича (воевода И. Ф. Судок Монастырев), в Боровске — у внука Владимира Храброго Василия Ярославича (воевода Жинев)⁴²⁵.

К сожалению, С. Б. Веселовский не приводит источник информации, где бы точно говорилось, что князь С. И. Липятин погиб именно во время битвы в Суходреве. Если предположение исследователя верно, то получается, что к середине XV в. Липятины перешли на службу к удельным князьям. Однако запись князя Семена в таком привилегированном документе, как синодик Успенского собора Московского Кремля, практически исключает такую возможность. Как правило, сюда вносились лица, служившие только великому князю, да и то не все, а наиболее близкие к нему люди и прихожане храма. Поэтому не стоит исключать возможность, что князь С. И. Липятин погиб в другом бою, сражаясь с литовцами. Впрочем, действительно, для первой половины XV в. наиболее существенным столкновением с военными силами ВКЛ была именно битва при Суходреве. Быть может, из этого предположения и исходил С. Б. Веселовский? Если это так, то оно не находит подтверждения в летописи — источнике, который со-

⁴²³ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 427—428.

⁴²⁴ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 181.

⁴²⁵ ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 63; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 109. Л. 321 об. — 322 об.; и др.

держит наиболее подробный рассказ о потерях в командном составе объединенной русской рати⁴²⁶.

Учитывая годы жизни князя С. И. Липятина, можно сделать предположение, что, возможно, он или кто-то из его ближайших родственников продали великой княгине Софье Витовтовне часть наследственной вотчины. По крайней мере, других Липятиных, живших в середине XV в., источники не знают. По-видимому, монаха Макария, близкого родственника князя С. И. Липятина, отмечает С. Б. Веселовский как участника одного из актов 1465 г.⁴²⁷ Обращение к актам Троице-Сергиева монастыря не подтверждает это наблюдение исследователя, но дает более подробные сведения о духовной карьере Макария. Источники свидетельствуют о тесных связях в конце XIV—XV вв. с этой обителью как потомков князей Фоминских, так и других представителей титулованных семей.

Деятельность Макария в Троице-Сергиевом монастыре была насыщенной. Так, например, в одном из актов этот «старец» выступает «купчиной» в Москве, где покупает для своего монастыря у И. П. Захарьина, выступавшего от имени брата Гриди, деревню Оглоблинскую из Верхнего Березовца Костромского уезда. С. Б. Веселовский датировал этот документ около 1455—1462 гг.⁴²⁸, с чем, однако, трудно согласиться. Дело в том, что в двух других меновых грамотах «старого» келаря обители Иллариона и радонежского волостеля Ивана Прокофьева на пустоши в Радонеже, которые уверенно датируются 1455—1456 гг., первым из послухов был назван «Макарей, келарь троицкой Сергиева монастыря»⁴²⁹. Следовательно, купчая на деревню Оглоблинскую была написана до 1455—1456 гг. Предположение о более ранней дате составления документа подтверждает одна приписка к данной 1447—1449 гг. чернеца, бывшего радонежского боярина В. Б. Копнина и его жены Марии⁴³⁰. В приписке к источнику в середине XVI в. отмечается: «А назади на грамоте подписана: Господину игумену Спиридону троецкому Сер-

⁴²⁶ Согласно сведениям летописца, в числе погибших был воевода князь А. В. Лугвица Суздальский, сын боярский Карачаров, «да иных 4 человеки». В плен литовцы увели детей боярских можайского князя Ивана Андреевича — Степана Еропку и Семена Ржевского, воеводу белозерско-верейского князя Михаила Андреевича — Ивана Федоровича Судока Монастырева, его детей боярских Филиппа Григорьева сына Нашокина, князя Ивана Конинского, «да 5 человекъ молодыхъ» (ср.: ПСРЛ. Т. 8. С. 112; Т. 18. С. 192—193. Л. 398).

⁴²⁷ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 181.

⁴²⁸ АСЭИ. Т. 1. № 266. С. 193 [Подлинник], № 525. С. 403 [Список сер. XVI в.]. № 587. С. 473 [Список соврем.].

⁴²⁹ АСЭИ. Т. 1. № 255-256. С. 184—185 [Списки сер. XVI в.].

⁴³⁰ О происхождении и службе старомосковского боярского рода Копниных в конце XIV — начале XVII вв. подробнее см.: Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. 1960. С. 45; Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропонирика. М., 2008. С. 47, 107, 109; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 258—259; Назаров В. Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. [I.]

гиева монастыря, да господину келарю Макарью»⁴³¹. Таким образом, меновая на деревню Оглоблинскую могла быть составлена в Москве и до 1447—1449 гг.

Позднее в ряде документов 1450—1460-х гг. старец Макарий (Липятин) по-прежнему называется келарем⁴³². В 1484—1488 гг. он был игуменом Троице-Сергиева монастыря⁴³³. Архангельский список настоятелей обители второй четверти XVI в. отмечает, что Макарий был игуменом «5 лет»⁴³⁴. Однако акты с его именем, к сожалению, не уточняют и не проливают свет на родственные отношения между Макарием и князьями Липятиными. Исключение составляет лишь то, что он действительно был представителем этого рода.

Более важные сведения о генеалогии Макария находятся в синодиках Троице-Сергиева монастыря. В древнейшем из них есть поминовение «Генадїа». Киноварная приписка над его именем устанавливает степень родства покойного с настоятелем обители. Геннадий отмечен как «ω(те)ць Макаріа иг҃(мена)»⁴³⁵. Итак, ясно, что троицкий игумен вряд ли был сыном князя С. И. Липятина. Скорее всего, Макарий мог быть его племянником.

В конце XV — начале XVI в. великому князю Ивану III Васильевичу служил Федор Федорович Липятин. Он входил в великокняжеский двор. Однако, в отличие от И. К. и С. И. Липятиных, Ф. Ф. Липятин фигурирует в источниках уже без княжеского титула. Впервые он упоминается в купчей грамоте И. А. Злобы Ворыпаева, который приобрел у своего брата Ф. А. Ворыпаева половину села Некиматова (Екиматовского). Этот документ был написан после 30 III 1486 г. В списке послухов, несомненно отражающем служебное положение местных земле-

Боярин Радонежского удела В. Б. Копнин и его род в XV в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев-Посад, 2002. С. 26—73; и др.

⁴³¹ АСЭИ. Т. 1. № 193. С. 139 [Список соврем.].

⁴³² АСЭИ. Т. 1. № 271. С. 195—196 [Подлинник], № 343—344. С. 251 [Списки сер. XVI в.].

⁴³³ АСЭИ. Т. 1. № 349. С. 256 [Подлинник], № 253. С. 183 [Список сер. XVI в.], № 503. С. 382 [Подлинник], № 504. С. 382—384 [Список сер. XVI в.], № 505—506. С. 384—385 [Подлинник], № 507. С. 385 [Список сер. XVI в.], № 508—509. С. 386—387, № 512. С. 388, № 515—516. С. 389—391 [Подлинники], № 517. С. 391—392 [Список 2-й пол. XVI в.], № 518. С. 392 [Список 1641 г.], № 519—520. С. 393—395, № 529—531. С. 406—409, № 534. С. 410—411 [Подлинники], № 535. С. 411 [Список сер. XVI в.]; *Кашинов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 14. С. 367, № 31. С. 397, № 34—35. С. 401—402 [Списки нач. 1530-х гг.], № 59. С. 429 [Список 1-й пол. XVI в.]; и др.

⁴³⁴ Брюсова В. Г. Списки игуменов Троице-Сергиева монастыря первой половины XVI в. // АЕ за 1969 г. 1971. С. 292—295; см. также: ОР РГБ. Ф. 304/1. № 647. Л. 2. Во вкладной книге XVII в. в списке троицких настоятелей также отмечено: «13. Макарий — 5 лет» (ВКТСМ. 1987. С. 15. Л. 13).

⁴³⁵ ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25 [Список 1575 г.]. Л. 60.

владельцев, Ф. Ф. Липятин был записан вторым: ниже С. Ф. Блудова⁴³⁶, но выше А. А. Уварова и Н. С. Писарева. Любопытно отметить, что эта сделка была заключена на территории Каневской волости Коломенского уезда. Таким образом, выясняется, что даже после продажи до 1451 г. села Липятинского в руках Липятиных здесь еще находились какие-то владения⁴³⁷. По-видимому, речь может идти о селе Липятино, располагавшемся на р. Каширке. Если вспомнить время деятельности князя Константина Липяты и его сына Ивана, то оказывается, что во второй половине — конце XIV в. один из них за выезд на службу в Москву получил земли в вотчину в Коломне. В связи с этим интересно отметить, что новые владения Липятиных находились в том же районе, где источники фиксируют вотчины наследников князя Д. М. Волинского. Возможно, эти два события проходили почти одновременно. Ведь именно во второй половине XIV в., как свидетельствуют данные духовных грамот московских князей, шло формирование новых коломенских волостей. По наблюдениям А. А. Юшко: «Все они размещались на южных и юго-восточных рубежах уезда. Видимо, образование их помимо целей освоения окраин ставило своей задачей укрепление наиболее уязвимых окраин Московского княжества»⁴³⁸.

В 1496/97 г., согласно одной из тетрадей «Книг Московских» архива Посольского приказа, Ф. Ф. Липятин посылался в Каширу «собрати оброки медвенные дворецково и клюшничьи пошлины, и за-

⁴³⁶ Интересно отметить, что отец С. Ф. Блудова происходил из видного в XV в. рода вольных слуг и вотчинников бывшего Фоминско-Березуйского княжения. «Земли и воды» Федора Блудова в московско-литовском соглашении от 31 VIII 1449 г. великий князь Василий II Темный отметил как свою собственность (ДДГ. № 53. С. 161—162. Л. 195 [Список XVI в.]). При дворе Калитовичей Ф. Блудов отличился тем, что жестоко расправился над неугодными детьми боярскими из Коломенского уезда. В 1440 г. согласно Ермолинской летописи, «тое же весны Федко Блудов Сука Василья убилъ да Ивана Григорьевича Протасьева утопилъ», за что «того же лѣта и самого Федка. поймавъ, повѣсили на Коломѣ на осокори» (ПСРЛ. Т. 23. С. 150. Л. 269 об. — 270). Казненный Ф. Блудовым И. Г. Протасьев был сыном соратника правителей ВКЛ Витовта и Свидригайло, боярина Григория Протасьевича (ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 106). В 1439 г. бывшего мценского наместника ослепили по приказу Василия II (ПСРЛ. Т. 23. С. 150. Л. 269). Имя И. Г. Расло Протасьева фигурирует в текстах двух фальсифицированных жалованных грамот. Они датируются 28 VIII 1425 г. и 20 IV 1426 г. Подробнее об этом см.: *Лихачев Н. П.* По поводу Трудов Ярославской губернской архивной комиссии. СПб., 1893 [Приложение]. С. 28—34; *Введенский А. А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. // ПИ. 1933. Сб. 1. С. 101; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Труды МГИАИ. 1963. Т. 17. С. 409—410; *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976. С. 256; *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 275; и др.

⁴³⁷ В акте он был записан как «Федоръ Федоров сынъ Липетин» (АСЭИ. Т. 1. № 528. С. 406 [Подлинник]).

⁴³⁸ *Юшко А. А.* Роль Коломны и ее округа в истории Московской земли // РА. 2009. № 2. С. 113.

писное», чтобы затем «отдати» их «Магмет-Аминю Обреимову сыну цареву казанского»⁴³⁹.

Другая служба Ф. Ф. Липятина упоминается в правой грамоте суда Е. И. Игнатьева и И. Т. Черного чудовскому старцу Логину, по-сельскому Ананию и монастырским крестьянам по тяжбе с черно-сошными крестьянами В. Мартюхиным и др. о лугах на р. Истре в Сурожском стане Московского уезда. Этот документ датируется 29 XI 1504 г. Здесь из речи ответчика Васюка Мухинского выясняется, что ранее «в Сурожице был писец великаго князя Федор Липетин». Он «земли мирил и луги писал». При этом, доказывая свою правоту, В. Мухинский ссылался, как и противная сторона, «на Федоровы книги»⁴⁴⁰.

Наблюдения Ю. Г. Алексеева над деятельностью великокняжеских писцов в конце XV — начале XVI в. позволяют приблизительно определить время, когда Ф. Ф. Липятин исполнял данную должность в Московском уезде. В 1498/99 и 1503/04 гг. ее исполнял князь Василий Иванович Голенин-Ростовский⁴⁴¹. Однако в первый раз он, видимо, описывал не весь уезд, а только его часть. Из текста духовной грамоты великого князя Ивана III, составленной около 1504 г., выясняется, что ранее «были къ Дмитрову приданы волости Московские: Рогож, Воря, Корзенево, Шерна городок, Сулишин и с Новым селом». За Москвой остались «волости Сурожык, да Лучинское, да Радонеж с волостми»⁴⁴². Таким образом, Ф. Ф. Липятин мог работать над описанием данной части уезда только в 1498/99 г., ибо в 1503 г. князь В. И. Голенин-Ростовский, наряду с Ворей и Корзеныным, упоминается уже в Радонеже и Бели⁴⁴³. Последнее, возможно, связано с тем, что по духовной великого князя все шесть волостей, ранее отошедших к Дмитрову, должны были вернуться в Московский уезд⁴⁴⁴. Более того, спустя год «князь великий Иван Васильевич всея Руси, посылал князя Василья Ивановича Голенина да с ним дияка Максима Горина, а велел... от Московских станов и волостей Дмитровским, и Рузским, и Звенигородским станом и волостем розъездъ учинити»⁴⁴⁵. Между тем в 1503 г. Ф. Ф. Липятин уже описывал Вологодский уезд. Об этом можно узнать из ряда сохранившихся актов.

⁴³⁹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 209. Л. 335.

⁴⁴⁰ *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII в. // РД. 1998. Вып. 4. № 10. С. 50, 51 [Список 1738 г.]. Ф. Ф. Липятин упоминается здесь и в документе, составленном после 30 IV 1486 г., как «Федор Липетин».

⁴⁴¹ Подробнее см. в кн.: *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 119—125, 136, 147, 148, 223—224, 237, 280, 283, 287.

⁴⁴² ДДГ. № 89. С. 354 [Список начала XVI в.].

⁴⁴³ *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 287.

⁴⁴⁴ ДДГ. № 89. С. 354.

⁴⁴⁵ ДДГ. № 95. С. 378—379 [Список XVI в.].

Известно несколько документов, связанных с деятельностью вологодского писца Ф. Ф. Липятина, его «товарища» С. И. Чюрляева и дворянского дьяка Афанасия Яковля⁴⁴⁶. В 1503 г. они разбирали поземельный спор о сече между крестьянами Кирилло-Белозерского монастыря С. Гридиным, Ф. Степановым и др. из деревни Демьянцева и черных крестьян деревни Непотяговской Брюховской волости⁴⁴⁷. Чуть позднее с доклада писцам Липятину и Чюрляеву старец Иона с крестьянами П. Никифоровым и др. произвели разъезд и установили между земле Непотяговской с монастырским починком Хомутовым⁴⁴⁸. Будучи после 1 X 1503 г. в Лоскомской волости, через которую проходила дорога из Вологды в Москву, Ф. Ф. Липятин выдал правую грамоту И. Л. Злобину на его деревни Михалеву и Минейцеву⁴⁴⁹. Кроме того, сохранилось упоминание о его правой грамоте с судного дела по тяжбе о землях деревень Тошенской волости — Тартышевской и Сараева. Она датируется около 1503 г.⁴⁵⁰ Помимо этого, около 15 VIII 1503 г. Липятин, Чюрляев и дьяк Афанасий Яковль разбирали тяжбу мелкого вотчинника И. И. Осколка Кострова и крестьянина С. М. Ермолова о земле сельца Ермолинское, деревни Нестерово и починка⁴⁵¹.

Итак, анализ сохранившихся источников показывает, что служебная деятельность Ф. Ф. Липятина не выходит за рамки начала XVI в.

⁴⁴⁶ О полномочиях писцов, как судей высшей инстанции, т. е. без доклада великому князю, подробнее см.: *Алексеев Ю. Г.* Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда // ВИД. 1993. Вып. 23. С. 219—220.

⁴⁴⁷ АСЭИ. 1958. Т. 2. № 306. С. 261—262 [Подлинник].

⁴⁴⁸ АСЭИ. Т. 2. № 308. С. 265 [Список нач. XVI в.]. В этом акте Ф. Ф. Липятин назван «Липотиным». И. А. Голубцов осторожно датировал документ 1503 — началом 1504 гг. (Там же. С. 266). Обычно писцы проводили описание и суд постепенно, последовательно обходя весь уезд по станам и волостям. Учитывая это, а также то обстоятельство, что в документе упоминается крестьянин Полуян Никифоров сын, уже отмеченный в акте № 306, следует датировать данную разъездную грамоту все тем же 1503 г.

⁴⁴⁹ АСЭИ. Т. 2. № 307. С. 263—265 [Подлинник]. О датировке акта см. в кн.: *Кашианов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 202. С этим актом географически связана выпись из книг письма Ф. Ф. Липятина на бывшие «черные закосы», «обояренные» в Вологодском уезде до 1482—1484 гг. сыном боярским Михаилом Бирюлевым (*Стрельников С. В.* Грамоты XV — начала XVI в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековье. М., 2012. С. 133, № 22. С. 147).

⁴⁵⁰ Документ находился в архиве Спасо-Прилуцкого монастыря и упоминался в переписной книге монастырской казны 1701 г. (*Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатии. № 84. С. 484).

⁴⁵¹ Приводя аргументы для датировки источника и ссылки на документы, в которых упоминался Ф. Ф. Липятин, оба исследователя, к сожалению, не указывают, что ряд аргументов и наблюдений по этому вопросу ранее были сделаны П. Н. Милюковым, С. Б. Веселовским, И. А. Голубцовым и С. М. Кашиановым (*Антонов А. В., Баранов К. В.* Акты XV—XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей // РД. 1998. Вып. 3. № 30. С. 39 [Подлинник]). По мнению Ю. Г. Алексеева, описание Ф. Ф. Липятиным Вологодского уезда относится к 1502/03 г., а его суд «с товарищи» — 1503 г. (*Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 149, 260, 282, 287).

Данные писцовых актов позволяют сделать вывод, что последним, причем единственным владельцем села Липятина была Аграфена, жена В. И. Волынского. Тесть Аграфены, Иван Михайлович, между июлем 1481 г. — апрелем 1493 г. был писцом в Вологодском уезде⁴⁵². В 1493—1501 гг. он упоминается как великокняжеский дворецкий в Великом Новгороде. Возможно, затем И. М. Волынский стал боярином⁴⁵³. Василий был его третьим сыном. Поместья отца в Новгородской земле В. И. Волынский не унаследовал. Вместе с младшим братом Дмитрием он перебрался на службу к угличскому князю Дмитрию Ивановичу Жилке. От него Волынские получили в поместье деревни в волости Кадка и Городском стане Угличского уезда⁴⁵⁴. Младший брат великого князя скончался 14 II 1521 г.⁴⁵⁵ Согласно завещанию князя Дмитрия Жилки некоторые его владения в волости Кадка отошли к местному Воскресенскому монастырю. Среди них было «шесть д(е)р(е)в(е)нь, што за Васил(ь)ем за Волынским пом(ь)стье»⁴⁵⁶. После смерти удельного князя В. И. и Д. И. Волынские перешли на службу к великому князю Василию III. В ноябре 1521 г. В. И. Волынскому, будучи в Коломне, пришлось делать крупные расходы. Он купил у И. И. Сукова и его сына Василия их куплю — село Остафьево (Остафьевское) и пустошь Давыдовскую в Каневской волости. Благодаря тексту полюбовной разъезжей грамоты 1551/52 г. старцев Троице-Сергиева и Чудова монастырей, можно выяснить, что земли сел Остафьево и Липятино в Каневском стане граничили друг с другом⁴⁵⁷. Среди девяти послухов во второй купчей после видных приказных деятелей Е. С. Сукова, Ш. С. Лодыгина, а также И. Г. Плущкова был записан «Иван Федоров сын Липятина»⁴⁵⁸. Очевидно, этот служилый человек был сыном Ф. Ф. Липятина.

И. Ф. Липятин участвовал в этой сделке не только как близкий родственник. В Каневском стане Коломенской волости он сам имел владения. В описи 1755 г. архива Чудова монастыря упоминается «за печатью красного воску» жалованная и несудимая грамота (подлинник?)

⁴⁵² Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря. № 7—8. С. 101, 103—104 [Включенный акт в составе правой грамоты 1495 г., сохранившейся в списке начала XVI в.]; *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель в России в XVI в.—С. 175.

⁴⁵³ Подробнее о нем: РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 282; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 33—34. Примеч. 2; *Власьев Г. А.* Род Волынских. № 18. С. 9; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 286; и др.

⁴⁵⁴ ДДГ. № 99. С. 410. Л. 1 [Подлинник]; *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. С. 65—66; и др.

⁴⁵⁵ *Ткаченко В. А.* Московские великие и удельные князья и цари. М., 1992. С. 84.

⁴⁵⁶ ДДГ. № 99. С. 410. Л. 1. Подробнее об этом см.: *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель в России в XVI в. С. 81.

⁴⁵⁷ *Антонов А. В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов... № 143. С. 98.

⁴⁵⁸ АРГ, 1505—1526 гг. № 199. С. 203, № 202. С. 205 [Подлинники].

великого князя Ивана IV Грозного В. И. Волинскому на село «Липетино» с деревнями. Она датируется 29 III 1539 г.⁴⁵⁹ Однако новой вотчиной В. И. Волинский распоряжался недолго. Спустя год он почувствовал себя плохо и составил завешание⁴⁶⁰. В конце 1540/41 г. его жена Аграфена, дочь Григория Федоровича Липятина, отдала архимандриту Ионе (Щелепину) в кремлевский Чудов монастырь село Липятино, две деревни Веригино и Овинищи, а также ряд пустошей в Каневской волости Коломенского уезда⁴⁶¹. Писцовые материалы 1577—1578 гг. по Коломне свидетельствуют, что в это время далеко не все из них числились за столичной обителью. 6 I 1541 г. вдова отдала село Остафьево на р. Кашире во владение Троице-Сергиеву монастырю⁴⁶². Последний раз Аграфена, точнее — старица Александра из Вознесенского монастыря Московского Кремля, упоминается весной 1549 г.⁴⁶³

В 1540/41 г. на момент вклада села Липятина и его деревень в Чудов монастырь А. Г. Волинская (Липятина) была единственной наследницей этой вотчины. Богдан Васильевич Волинский († после 1583) в грамотах матери не упоминается, хотя и был женат на местной вотчиннице⁴⁶⁴. В родословцах он отмечен как бездетный⁴⁶⁵. Можно предполагать, что И. Ф. Липятин, близкий родственник А. Г. Волинской, к этому времени (1539 г.?) также умер⁴⁶⁶.

При этом интересно отметить, что в Каневской волости с селом Липятино непосредственно соседствовало село Семеновское. В XVI в. оно находилось в поместной раздаче⁴⁶⁷. Не принадлежало ли оно ранее князю С. И. Липятину?

Однако, как и ранее со старцем Макарием (Липятиным), сведения источников о Ф. Ф. Липятине пока не могут помочь установить его пря-

---

⁴⁵⁹ Исследователь неуверенно упоминает адресата грамоты (*Антонов А. В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов... № 116. С. 95). Однако обращение к писцовым материалам уверенно снимает все вопросы (ср.: ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 353).

⁴⁶⁰ Полный текст этого документа, к сожалению, не выявлен. Грамота известна по ее упоминанию в данной грамоте Чудову монастырю вдовы В. И. Волинского — Аграфены (*Антонов А. В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов... № 123. С. 96).

⁴⁶¹ *Антонов А. В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов... № 124. С. 96.

⁴⁶² Памятники русской письменности XV—XVI вв. № 20. С. 31.

⁴⁶³ *Каштанов С. М.* Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. С. 36. Примеч. 40; *Кистерев С. Н.* Дело Аграфены Волинской и «ответ» митрополита Макария Ивану IV. С. 75.

⁴⁶⁴ Очевидно, что его брак с Анной Павловой дочерью Басина имел место после 1540/41 г. (Памятники русской письменности XV—XVI вв. № 39. С. 51).

⁴⁶⁵ БК. Ч. 2. С. 92.

⁴⁶⁶ Более обоснованный вывод будет сделан после просмотра в РГАДА данной грамоты А. Г. Волинской (Липятиной) 1540/41 г. на село Липятино с деревнями в Московский Чудов монастырь.

⁴⁶⁷ *Антонов А. В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов... № 165. С. 101.

мую генеалогическую связь с князьями Липяτιными, жившими в конце XIV — первой половине XV в. Остается неясным, почему этот род потерял княжеский титул. Некоторые предположения по этому поводу позволяет сделать анализ событий 1446 г.

13 II 1446 г., будучи на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре, Василий II узнал о готовящемся против него заговоре от дворянина Филиппа Бунко⁴⁶⁸. Однако великий князь «не ять ему веры, поне же бо тотъ Бунко за мало преже того отъехал ко князю Дмитрею»⁴⁶⁹. Владения Филиппа Бунко находились не только под Радонежем, но и на землях великокняжеского домена под Коломной. Так, например, в духовной грамоте 1451 г. Софьи Витовтовны в числе ее «прикуповъ» было отмечено «оу Малина Ивановское село Бункова»⁴⁷⁰.

Лишь Федор Васильевич Басенок после ареста и ослепления великого князя Василия II Темного, когда «*дети боярские и вси людие биша челом служити князю Дмитрею*» (курсив мой. — А. К.), и приведе их к целованью крестному всех», отказался пройти данный обряд. За это «князь же Дмитрей повеле възложить на него железа тяжкы и за сторожи дръжати его». Однако Ф. В. Басенок нашел способ обрести свободу и вместе с приставом сбежал в Коломну, где «многих людеи подговорилъ съ собою». Вряд ли большинство из них были местными вотчинниками, ибо позднее перед отъездом в ВКЛони «пограби уезды Коломенские»⁴⁷¹. Итак, в 1446 г. основная масса коломенцев, в отличие от событий 1433 г., присягнула другому претенденту на великое княжение.

Позднее эта политическая неустойчивость коломенцев была учтена великим князем Василием II Темным. На некоторое время некоторая часть их лидеров перестала попадать в боярскую думу (например, члены боярских родов Волынских, Мининых и др.) и была отстранена от службы при дворе. В их числе как будто могли оказаться и Липятины. Вспомним, что, будучи вотчинниками в Каневской волости Коломенского уезда, постепенно они стали соседями Троице-Сергиева монастыря. Зимой 1445—1446 гг. многие монахи этой обители были вовлечены в заговор против великого князя Василия II Темного⁴⁷². Не исключено, что к ним мог быть и Макарий Липятин. Правда, если учесть место расположения вотчин его родственников, то, скорее всего, этот троцкий инок должен был, наоборот, входить в круг сторонников великого князя Василия II Темного. Судя по положению Макария Липя-

⁴⁶⁸ Для вечного поминания Филипп Бунко записан в древнейший харатейный синодик Троице-Сергиева монастыря (ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 60 об.).

⁴⁶⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 264—265. Л. 369—370.

⁴⁷⁰ ДДГ. № 57. С. 176 [Подлинник]. Судя по времени, Иван Бунков был сыном Филиппа Бунко.

⁴⁷¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 266. Л. 371 об.; см. также: Там же. Т. 8. С. 117.

⁴⁷² ПСРЛ. Т. 23. С. 152. Л. 274 об.; Т. 27. С. 272—273. Л. 113 об., С. 347. Л. 75 об., и др.

тина в Троицком монастыре, уже в 1445—1446 гг. он стал одним из его видных старцев.

Итак, рассмотренные выше источники позволяют приблизительно реконструировать родословие Липятиных. К сожалению, из-за фрагментарности сохранившихся грамот по Коломенскому уезду прямой связи между Липяτιными и князьями Липятиными с помощью их данных пока установить не удастся. Видная духовная карьера Макария, ставшего в конце жизни игуменом Троице-Сергиева монастыря, позволяет продолжить поиск сведений о его родственниках в синодиках этой духовной корпорации. Однако сложность заключается в том, что среди источников по истории Троице-Сергиева монастыря «наименее изученными являются синодики и кормовые книги»⁴⁷³. Поэтому для завершения научного поиска необходимо привлекать оригинальные тексты памятников поминального культа Троице-Сергиева монастыря. В них могут оказаться сведения о лицах, живших в интересующее нас время.

Определенную надежду на перспективность этого пути вселяет Троицкая вкладная книга. Она отмечает, что в 1541 г. «дала вкладу Огрофена Васильевская жена Ивановича Волинского по муже своем Василье и отце ево, и по матери, и по своем отце и матери, и по родителех вотчину мужа своего, купленную в Коломенском уезде, сельцо Остафьевское со всеми угодьи, а даная писана в вотчинной книге в Коломне глава»⁴⁷⁴.

В некоторых пергаменных вседневных синодиках этой обители в конце XVI в. сохранился краткий перечень лиц, относящихся к фамилии «Липятины», по которым ранее был сделан вклад. Согласно этим источникам, в Троице-Сергиевом монастыре поминали: «Григоріа, Татіанж, Меле[н]тіа»⁴⁷⁵. Очевидно, что в паре первых имен следует видеть родителей Аграфены, а во второй либо близкого ей родственника — троицкого игумена Макария, либо, что менее вероятно, ее родного брата (?). Поскольку более поздние синодики не имеют пополнений имен, то не следует исключать, что эти лица могли быть последними представителями рода Липятиных⁴⁷⁶.

Приведенные сведения источников о Липятиных за вторую половину XIV — первую половину XVI в. и их родстве с Волинскими предварительно можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № 1.5*).

⁴⁷³ Николаева С. В. Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в. М., 2000. С. 14.

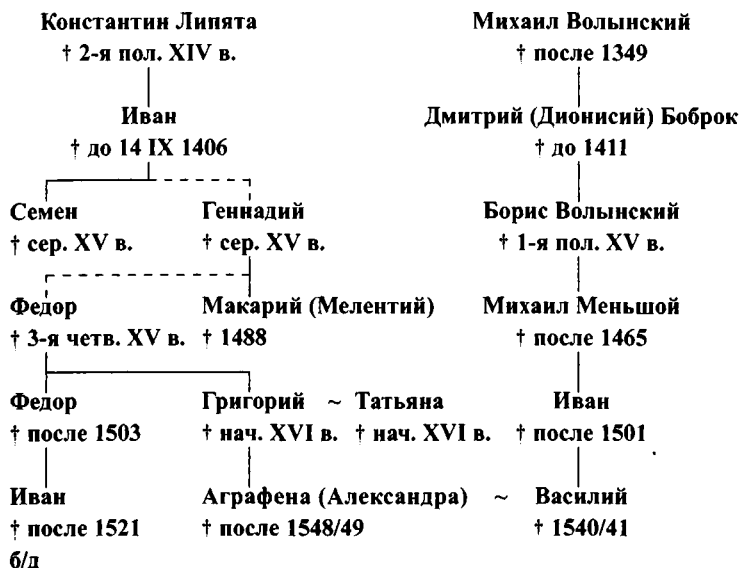
⁴⁷⁴ Рыночная сумма этого вклада равнялась 200-м рублям (ВКТСМ. С. 88. Л. 312).

⁴⁷⁵ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 40. Л. 10 об., № 41. Л. 13 об., № 42. Л. 10 об.; и др.

⁴⁷⁶ Ср.: ОР РГБ. Ф. 304/1. № 817. Л. 15.

Схема № 1.5

Липятины и Волынские

§ 1.4. ПОРХОВСКИЕ И КУЗЬМИНЫ. В генеалогии потомков смоленских Ростиславичей одним из самых малоисследованных и запутанных вопросов остается происхождение князей Порховских. Не ясны также причины потери ими княжеского титула, с которым они иногда упоминаются в источниках вплоть до начала последней четверти XV в.

Польский генеалог Ю. Вольф справедливо отметил, что происхождение фамилии Порховских, существовавшей в России еще в XVI в., связано с новгородским пригородом Порховым. Исследователь обратил внимание на то, что через некоторое время после захвата литовцами Смоленска (в 1404 г.) в Порхове на княжении оказался Федор, сын великого князя смоленского Юрия Святославича. Кормление князя Ф. Ю. Смоленского в этой волости продолжалось вплоть до начала января 1412 г. Из-за давней вражды с Витовтом он не захотел быть причиной войны между Польшей, ВКЛ и Великим Новгородом. Князь оставил Новгородскую землю и уехал в имперские земли («в Нѣмцѣ») ⁴⁷⁷. 8 ноября 1414 г. он присутствовал в Аахене на коронации римского (германского) короля Сигизмунда I Люксембургского († 1437). В борьбе против усиления влияния в Восточной Европе польского короля Владислава II Ягайло и литовского великого князя Витовта этот король активно поддерживал власти

⁴⁷⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 403—404. Л. 245 об. — 246.

Тевтонского Ордена. В 1418 г. Федор Юрьевич («князь из Белой Руси») участвовал в заседаниях XVI Вселенского собора в Констанце, на котором поднимался вопрос об унии между католиками и православными⁴⁷⁸. Ю. К. Бегунов полагает, что здесь князь мог встречаться с литовским митрополитом Григорием Цамблаком. Ошибочно считая смоленского князя Ростислава Мстиславича (вместо черниговского князя Ростислава Михайловича), отцом княжны Кунегунды († 1285), второй жены чешского короля и австрийского герцога Пржемысла Оттокара II (1253—1278), Ю. К. Бегунов пришел к неточному выводу. По его мнению, Федор Юрьевич и Сигизмунд I Люксембургский были дальними родственниками⁴⁷⁹. В 1420 г. князь погиб во время первого крестового похода против чешских гуситов⁴⁸⁰. По мнению Ю. Вольфа, Федор Юрьевич был бездетным. Ссылаясь на русские родословцы, исследователь считал, что отцом князей Андрея и Семена Порховских был князь Иван Святославич⁴⁸¹.

С. Б. Веселовский констатировал, что «сбивчивость родословия смоленских князей не позволяет с уверенностью связать Порховских с их родом». Тем не менее версию родословцев о князе Иване Святославиче как предке этой фамилии он под сомнение не ставил⁴⁸². А. А. Зимин включал Порховских в число сторонников галицких князей. Исследователь считал, что родство с князем Юрием Дмитриевичем распространило «немилость великокняжеской власти... и на их потомков». Впрочем, при этом никаких конкретных указаний на сведения источников, подтверждавших такую точку зрения, А. А. Зимин так и не привел⁴⁸³. В последнее время о близком родстве между великими князьями Юрием Дмитриевичем и Свидригайло, женатых «на дочерях смоленского князя Ивана Святославича», пишет С. В. Полехов⁴⁸⁴. Однако и эта точка зрения не совсем верна.

⁴⁷⁸ Бегунов Ю. К. К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака // СС. 1981. № 3. С. 57; он же. Творческое наследие Григория Цамблака // Новые издания и переиздания по славистике / Под ред. К. Д. ван Схоневельда. Женева; Велико Тырново, 2005. № 3 (367). С. 413; Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви. С. 341—342.

⁴⁷⁹ Бегунов Ю. К. Творческое наследие Григория Цамблака. С. 413—415.

⁴⁸⁰ Ян Длугош ошибочно назвал его князем Юрием. Очевидно, каким-то образом это известие «Хроники» Яна Длугоша повлияло на «Хронику Литовскую и Жмойтскую», где также заграничный период жизни князя Федора Юрьевича был ошибочно приписан его отцу смоленскому великому князю Юрию Святославичу: «...а князь Юрий до Венгер ушел, а там гдесь, в войску будучи, под нѣкоторым замком пострѣленный, умер» (ср.: ПСРЛ. Т. 32. С. 77. Л. 502 об.).

⁴⁸¹ Ю. Вольф пишет, что детьми князя Ивана Святославича были Андрей и Федор. В отношении последнего это ошибка, так как ниже он пишет не о нем, а о князе Семене (Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 391—392).

⁴⁸² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 372—373.

⁴⁸³ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 252.

⁴⁸⁴ Полехов С. В. Государственный переворот 1432 г. в Великом княжестве Литовском // Вестник МГУ. Сер. 8. 2010. № 1. С. 44.

Выявленные в настоящее время в источниках сведения о князьях Порховских, находящиеся в синодиках и их родословной росписи, дают возможность провести сравнительно-источниковедческий анализ. Полученные при этом данные, а также ретроспективный анализ сведений о службе Порховских за XV—XVI вв. дают основания подвергнуть ревизии обоснованность выводов Ю. Вольфа, С. Б. Веселовского, А. А. Зими́на, Я. Тенговского и других исследователей и решить вопрос о русском или литовском происхождении этого рода.

Наиболее ранняя роспись смоленских князей сохранилась в составе *Лет. ред.* 40-х гг. XVI в., так как близкая ей по времени составления *Рум. ред.* не имеет полного текста росписи «Главы 3. Смоленские»⁴⁸⁵. При перечислении родственных связей детей и внуков великого князя Святослава Ивановича в *Лет. ред.*, отмечается: «А у четвертого сына у княж Ивана Святославича были две дочери: одна была за князем Юрьем за Дмитриевичем за Шемякиным отцом, другая — за Швитригаилом»⁴⁸⁶. Эта информация оказывается общим местом для списков *Комп.*, *Разр.* и *Патр. ред.* родословных книг⁴⁸⁷. Сведений о принадлежности Порховских к смоленской династии князей они не имеют.

Правда, в поздних списках *Патр. ред.* можно найти дополнительные приписки. Они расширяют число потомков великого князя Святослава Ивановича за счет упоминания здесь нетитулованных (по данным родословцев) с конца XIV в. Всеволож-Заболоцких, а с XV в. — Полевых и Еропкиных. В числе последних были и Порховские. Как отмечает источник: «А у Князя Ивана Святославича одинъ сынъ Князь... и отъ него пошли Порховские Князи (курсив мой. — А. К.), да две дочери — одна была за Княземъ Юрьемъ Дмитриевичемъ за Шемякинымъ отцомъ, а другая за Княземъ Швитригаиломъ Ольгердовичемъ»⁴⁸⁸. Списки 1-го извода *Патр. ред.* конца XVI в. не имеют в своем тексте вставки о неназванном по имени сыне князя Ивана Святославича⁴⁸⁹. Тем не менее С. Б. Веселовский полагал, что неназванный князь носил имя Иван. Источник, в котором была данная информация, исследователь, к сожалению, не указал⁴⁹⁰.

Формирование состава глав *Патр. ред.* происходило во время правления царя Ивана IV Грозного во второй половине XVI в.⁴⁹¹ Можно предположить, что необходимость включения в родословец данного известия

⁴⁸⁵ РИИР. Вып. 2. С. 24—27. Л. 593—596; ср.: Там же. С. 76—77. Л. 1—1 об.

⁴⁸⁶ РИИР. Вып. 2. С. 26—27. Л. 594 об.

⁴⁸⁷ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 38—38 об.; ОР РНБ. О XVII. № 30. Л. 58; Родословная книга. С. 247; и др.

⁴⁸⁸ Родословная книга. С. 53—54.

⁴⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 102 об. — 103.

⁴⁹⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 372.

⁴⁹¹ Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 65, и сл.

возникла тогда, когда фамилия Порховских либо возвысилась, либо прекратила свое существование. Правда, сразу стоит оговориться, что информация о родстве Порховских со смоленскими князьями, хотя и является вставкой для родословцев, тем не менее имеет вполне самостоятельное происхождение. Так, например, в Архивском III списке *редакции в 43 главы с приписными* сообщается, что «4-и у Святослава сын Иван, от того пошли Порховские». При этом записи о браках двух смоленских княжон источник не содержит⁴⁹². Очевидно, что в одном из поздних списков *Патр. ред.* в единое целое были объединены самостоятельные по происхождению сведения из разных редакций росписей смоленских князей.

Происхождение жены галицко-звенигородского князя достоверно можно установить с помощью летописей. Они отмечают, что в 1399 г. (до 12 VIII) «женися князь Юрьи Дмитриевич у князя Юрья Святославиича у Смоленского на Москве, и поя дщерь его Настасию»⁴⁹³. Брак имел политическое значение. Ему предшествовала дипломатическая ссора ВКЛ с Московским великим княжеством, Великим Новгородом и Псковом. Как правило, браки между представителями великокняжеских династий в родословцах записаны весьма точно. Поэтому вполне вероятно, что приписка дочерей великого князя Юрия Святославиича его брату Ивану могла произойти только из-за дефекта одного из исходных текстов росписи смоленских князей. Неточная запись находится в большинстве родословцев, где есть упоминание о браках смоленских княжон. Очевидно, что такой дефект в росписи Ростиславичей появился довольно рано. На этот факт указывает фиксация родословных записей в известном Медоварцевском сборнике 1527 г. Здесь, разрывая текст родословия ярославских князей, на свободном месте другим почерком были записаны представители смоленской династии князей за XV—XVI вв. При этом было отмечено, что «у Ивана с(ы)новъ не было, были двѣ дщери. Еліна (?) была», далее текст о потомстве Ивана Святославиича обрывается⁴⁹⁴. Таким образом, очевидно, что дефект в родословии смоленских князей за XV в. появился ранее составления известных нам первых редакций родословных книг 40-х гг. XVI в. (Кстати, аналогичным примером может быть и судьба текста первой редакции росписи Всеволожей и Заболоцких, который сохранился далеко не во всех списках росписей этой фамилии.)

Противоречивые и нечастые упоминания в конце XIV — второй половине XV в. в источниках князей Порховских, естественно, оказали

⁴⁹² РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 21; см. также списки *ред. в 81 главу* (Там же. № 173/280. Л. 45; ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 88; и др.).

⁴⁹³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 6—7. Л. 3 об.; см. также: Там же. Т. 25. С. 229. Л. 320; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 219. Л. 311; и др.

⁴⁹⁴ *Хорошкевич А. Л.* Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских». С. 72—73. Примеч. 3.

влияние на интерпретацию их сведений в современной историографии. Так, С. Б. Веселовский полагал, что «выезд кн. Порховского в Москву произошел, вероятно, в том году, когда Литва захватила Смоленск и кн. Юрий Святославич бежал к московскому князю»⁴⁹⁵. В. Л. Янин обращал внимание на правление в Порхове до 1408 г. князей Даниила и Юрия Александровичей. Исследователь видел в них представителей смоленских Ростиславичей. Правда, при этом устанавливать конкретное происхождение братьев-князей, степень их родства с Иваном Святославичем и его племянником Федором Юрьевичем, а также семьей Порховских, находившейся на службе в Москве, В. Л. Янин не стал⁴⁹⁶. По мнению С. Ю. Шокарева, «В источниках этот род впервые упоминается в середине XV века. В новгородских летописях князей Порховских мы не находим. Это весьма странно, так как Порхов — новгородский пригород»⁴⁹⁷. Наличие в историографии таких разных взглядов и подходов заставляет также задаться вопросом, насколько справедливы наблюдения исследователей в решении вопроса о времени выезда на службу к Калитовичам князей Порховских?

НІВЛ и Летопись Авраамки отмечают, что в 1404 г. среди лиц, сопровождавших бывшего смоленского великого князя Юрия Святославича в Москву, а затем на княжение в Великий Новгород, были его сын Федор Юрьевич и служилые князя Семен и Владимир Мстиславичи Вяземские⁴⁹⁸. Среди них князь Иван Святославич не упоминается. И это не удивительно. Годом ранее войска ВКЛ под командованием мстиславского князя Семена Лугвеня Ольгердовича к востоку от Смоленска захватили Вязьму. Здесь в литовский плен попали князья Иван Святославич и Александр Михайлович⁴⁹⁹. Брат правителя Смоленска был уведен в Литву⁵⁰⁰.

⁴⁹⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 372.

⁴⁹⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 221, 226; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 3. С. 74; Янин В. Л. Новгород и Литва. М., 1998. С. 94—95; Он же. Средневековый новгород. М., 2004. С. 282; и др.

⁴⁹⁷ Шокарев С. Ю. К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей. С. 17. Вывод несколько странный, если учесть тот факт, что для убедительности исследователь прямо ссылается на работу С. Б. Веселовского. Однако в ней приводится совершенно другая дата (ср.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 372—373).

⁴⁹⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 395. Л. 262—262 об.; Т. 16. Стб. 148. В более поздней Новгородской летописи 20-х гг. XVI в. князь Владимир ошибочно был назван братом великого князя Юрия Святославича (Там же. Т. 11. С. 190).

⁴⁹⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 398. Л. 241 об.

⁵⁰⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 394. Л. 261 об., С. 395. Л. 261 об.; см. также: Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 522. Л. 444 об. По мнению Я. С. Лурье, кстати, ошибочно считавшего князя Семена Лугвеня племянником, а не двоюродным братом Витовта, это подробное известие о событиях 1403 г. в составе СІЛ—НІВЛ восходит к летописному своду 1408 г. Подробнее об этом см.: Лурье Я. С. Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники // ТОДРЛ. 1990. Т. 43. С. 52.

Супрасльская и Никоновская летописи уточняют, что его князь Семен Лугвень «приведе ко Витовѣту»⁵⁰¹.

Итак, ясно, что в 1404 г. бывший правитель Вязьмы не мог отъехать в Москву, так как годом ранее он попал плен. При этом стоит заметить, что в эту пору князь Иван Святославич управлял Вязьмой, а не Порховым, где, кстати, на кормлении находились другие лица. Следовательно, в точности вывода С. Б. Веселовского о причинах и времени его выезда в Москву следует усомниться.

После событий 1403 г. князь Иван Святославич в летописях больше не упоминается. Актовые источники связывают его дальнейшую биографию исключительно с Турово-Пинской землей. Одно недатированное известие о нем находится в третьей книге записей ЛМ. В книге раздач польского короля Казимира IV Ягеллончика (за 1470 г.) упоминается, что несколько десятков лет назад князь Иван Святославич был великокняжеским наместником в Турове⁵⁰². Вполне вероятно, что именно в этом статусе он входил в раду князей и панов ВКЛ. 27 IX 1422 г., будучи ее членом, князь Иван Святославич участвовал в заключении при озере Мельно нового мирного договора с Тевтонским Орденом⁵⁰³. В подготовленном в 2004 г. переиздании этого источника качественно воспроизведены печати участников заключения мира. Среди сохранившихся булл есть и «† ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ИВАН(а) СВЯТ(о)С(ла)В(и) Ч(а)». Издатели ошибочно отмечают, что ее владелец был наместником (державцей) порховским в 1412—1442 гг.⁵⁰⁴ По-видимому, место в раде ВКЛ князь Иван Святославич получил после «Великой войны» 1409—1411 гг. Не исключено, он был одним из тех командующих смоленских хоругвей, кто отличился в бою с крестоносцами⁵⁰⁵.

В начале XVI в. в записи князя К. И. Острожского были перечислены прежние пожалования на людей, земли и угодья, данные Успенскому собору в Турове. Среди его ктиторов, «kniaziej ruskich», упомянут и Иван Святославич⁵⁰⁶. Его появление в Турове — яркий пример того, что взамен отобранных земель и прав собственности на Смоленщине Витовт давал ее бывшим правителям, оставшимся в ВКЛ. Такие компенсации, конечно, не могли реставрировать прежний объем по-

⁵⁰¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 53. Л. 59; см. также: Там же. Т. 11. С. 188.

⁵⁰² Грушевский А. [С.] Пинское Полесье XIV—XVI вв. С. 11. Примеч. 8; РИБ. Т. 27. 1910. Стб. 93—94. Л. 53 об.; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3: (1440—1498): Užrašymų knyga 3. Vilnius, 1998. P. 56.

⁵⁰³ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 461; Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 54, 55.

⁵⁰⁴ В издании легенда воспроизведена с незначительной ошибкой (ср.: Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju melneńskiego z 1422 r. Poznań, 2004. S. 78. Pieczęć 87).

⁵⁰⁵ Кузьмин А. В. Титулованная знать Великого княжества Литовского в «Великой войне»... С. 69—71.

⁵⁰⁶ Востоков А. [X.] Описание русских и словенских рукописей. № 72. С. 127.

литических и владельческих прав наследников великого князя Святослава Ивановича. Тем не менее служба у Витовта и Ягеллонов давала им право претендовать на распределение и получение части доходов в ВКЛ, в ведущей в первой половине XV в. стране Восточной Европы. Однако число мест в раде князей и панов и достойных держаний в ВКЛ было ограничено.

Обращение к источникам показывает, что нет серьезных оснований связывать с Порховым князей Даниила и Юрия Александровичей, так как основное время их службы на Руси проходило не в этом новгородском пригороде, а Пскове. Пребывание братьев в Северо-Западной Руси связано с событиями конца XIV — начала XV в. В это время после побед над ордынцами в Северном Причерноморье и заключения в 1398 г. Салинского мира с Тевтонским Орденом резко изменился военно-политический баланс в Восточной Европе в пользу Витовта. В конце 1398 — начале 1399 г. он пошел на конфликт против самых влиятельных княжеств Руси. Витовт сумел поспорить с правителями Москвы, Великого Новгорода и Пскова. В ответ на его военные угрозы сумели сплотить свои силы князья Северо-Восточной Руси и Великого Новгорода. В апреле — июле 1399 г. между правителями Москвы и Твери был заключен союзный договор⁵⁰⁷. В конце 1398 г. в Великий Новгород на княжение приехал князь Андрей Дмитриевич, младший брат Василия I⁵⁰⁸. Весной 1399 г. действия москвичей, очевидно, вынудили к отъезду в ВКЛ с кормления в Пскове князя Ивана Андреевича († после 1439), внука литовского великого князя Ольгерда. Опасаясь нападения со стороны ВКЛ, псковичи отправили в Москву посольство во главе с Лукой Совкиничем. Ему удалось договориться с Василием I Дмитриевичем, чтобы на княжение в Псковской земле приехал князь Иван Всеволодович Холмский. 10 VIII 1399 г. он прибыл в Псков, и про-

⁵⁰⁷ Л. В. Черепнин полагал, что заключение этого докончания произошло около 1396 г. (*Черепнин Л. В.* РФА. Ч. I. С. 84—86; ДДГ. № 15. С. 40, 43 [Список сер. XV в.]). Однако, вслед за А. Е. Пресняковым, В. Д. Назаров и В. А. Кучкин указывают на неточность датировки данного известия о мире между московским и тверским князьями в СИЛ. Эти исследователи более аргументировано относят его подписание к 1399 г. (*Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975. С. 50—51. Примеч. 27; *Он же.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в. // РД. 1999. Вып. 5. С. 178). При этом В. А. Кучкин сначала установил, что это событие произошло между 10 II и 12 VIII 1399 г. (*Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе // ИСССР. 1984. № 6. С. 153. Примеч. 35—36; *Он же.* Судебник 1497 г. и договорные грамоты московских князей XIV—XV вв. С. 111, 112, 114), а позднее сузил время составления этого акта к периоду между апрелем и 12 VIII 1399 г. (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 271—327, 345—348). Однако, если учесть, что уже 10 VIII 1399 г. на княжении в Пскове оперативно появился князь И. В. Холмский, то утверждение московско-тверского союза произошло несколько ранее, вероятно, не позднее июля 1399 г.

⁵⁰⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 165. Л. 349 об.

вел здесь на княжении 4 месяца. После этого князь И. В. Холмский покинул Псков и вернулся в Москву⁵⁰⁹.

Вместо князя И. В. Холмского великий князь Василий I назначил своим наместником князя Даниила Александровича († 4 IV 1409), который в Пскове прославился как один из самых эффективных полководцев в борьбе против военной агрессии со стороны ВКЛ и Ливонского Ордена. На Псковском княжении Даниил Александрович пробыл почти 10 лет⁵¹⁰. Лишь в 1407 г. сроком на год вместе с братом Юрием Александровичем он покидал город и служил в Новгородской земле. Здесь братья действительно держали в кормлении город Порхов⁵¹¹. Тем не менее позднейшая биография князя Владимира Даниловича, наследника князя Даниила Александровича, была также связана с Псковом.

Владимир Данилович был женат на дочери московского ставленника — псковского князя Александра Федоровича Ростовского. До 1423/24 г. князь Владимир находился в Пскове, а затем почти 10 лет в ВКЛ. 28 II 1434 г. вместо тестя, вернувшего в Северо-Восточную Русь, он торжественно занял псковский стол. В 1436 г. при поддержке псковичей князь Владимир совершил поездку в Москву. Здесь он добился разрешения от великого князя Василия II Васильевича быть наместником от его имени в Пскове. Кормление князя Владимира Даниловича в Псковской земле продолжалось вплоть до 1439 г. Никаких его связей с Порховым и Новгородской землей источники не отмечают⁵¹².

В настоящее время источники не позволяют детально реконструировать череду событий, которая объяснила бы, где, когда и при каких условиях состоялся выезд князей Порховских в Москву или Великий Новгород. Косвенные свидетельства заставляют обращаться к материалам по истории XV в. К сожалению, при этом следует констатировать, что большинство исследователей (Ю. Вольф, С. Б. Веселовский, А. А. Зимин, В. Л. Янин, Я. Тенговский и др.) в поисках Порховских, несмотря на ряд важных наблюдений, нечетко представляют, какое изменение социального, а следовательно, и служебного статуса, произошло у представителей дома смоленских князей в 1403—1404 гг. Лишенные родовых земель, эти потомки Владимира Мономаха в своем большинстве, как отмечают источники, довольно быстро сформировали в первой четверти XV в. ту прослойку местной знати, которая вместо бегства в Москву или Тверь предпочла службу при дворе правителей ВКЛ и их младших родственников.

⁵⁰⁹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 26. Л. 34; Вып. 2. С. 30—31. Л. 179 об. — 180.

⁵¹⁰ Подробнее об этом, например, см.: ПЛ. М., 1837. С. 39—43, 46, 47—48; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 26—30. Л. 34—35, 37—38 об., С. 32—33. Л. 41—41 об., 42 об.

⁵¹¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 404. Л. 269 об.

⁵¹² Подробнее об этом см.: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 41. Л. 53 об. — 54, С. 43—44. Л. 55 об. — 57 об.

В первой трети XV в. на Смоленщине, благодаря военным победам на поле брани (особенно после Грюнвальдской битвы⁵¹³), своим могуществом и политическим авторитетом выделялся мстиславский князь Семен Лугвень Ольгердович (1360-е—1431). III-я книга записей ЛМ имеет перечень лиц, служивших этому князю и его сыну Ярославу-Федору (1411—1435) до прихода к власти в ВКЛ в 1440 г. великого князя Казимира IV Ягеллончика. Именно среди прежних слуг мстиславских князей можно найти тех, кого в это время ни разу не отметили летописи. В ЛМ отмечается: «Князю Аньдрею Порховскому: што при князи Лынквени держалъ, Колтовъ а Березуйковичи, а Хоцлавичи, а у Реместве три боки». Помимо этих держаний, Андрей Порховский, по-видимому, ранее владел Волчиным, а также Крамовичами под городом Мглин. Около 1450 г. король Казимир IV Ягеллончик подтвердил его права их владение⁵¹⁴. Кроме того, известно держание боярина Никона с детьми — Березковичи. Его до прихода к власти в ВКЛ великого князя Казимира IV Ягеллончика у Никона «князь Аньдрей Порховский отнял»⁵¹⁵. Итак, источники свидетельствуют, что князья Порховские, подобно правителям Верховских княжеств, служили как в Москве, так и ВКЛ. Однако их отличала одна важная особенность. Князья Верховских земель служили со своих родовых вотчин. Князья Порховские таковых в ВКЛ, очевидно, не имели и полностью зависели от пожалований Гедиминовичей. В Северо-Восточной Руси их владения, подобно разбившимся ранее случаям с Всеволожами, Волынскими и Липятиными, имели статус выслуги⁵¹⁶.

В. Л. Янин, анализируя сообщения летописей первой половины XV в., установил, что в последний раз на кормлении в Новгородской земле ставленник польского короля Владислава II Ягайло и великого князя Витовта, служилый князь Семен Лугвень, сидел в 1407—1412 гг.⁵¹⁷ Его сын Юрий Семенович здесь был дважды в период между 1433 и 1440 гг.⁵¹⁸ В первом случае, Порхов не входил в число городов, отданных в кормление литовским князьям. Об этом прямо сообщает НВЛ: «Поставиша церковь каменну святого Николу въ Порхове, при князи

⁵¹³ Кузьмин А. В. Титулованная знать Великого княжества Литовского в «Великой войне»... С. 39, 49—55, 61—63, 69.

⁵¹⁴ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy*... S. 392.

⁵¹⁵ РИБ. Т. 27. Стб. 45. Л. 24. О характере землевладения князя Андрея Порховского в ВКЛ на службе у мстиславского князя Семёна-Лугвеня Ольгердовича см. в ст.: Владимирский-Буданов М. [Ф.] Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства // ЧИОНЛ. 1889. Кн. 3. С. 80, 89.

⁵¹⁶ Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. Ч. 1. С. 701—783.

⁵¹⁷ Подробнее о князе Семёне Лугвене см. в кн.: *Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów*. S. 16—17; *Kuczyński S. M. Lingwen* // PSB. 1972. T. 17/3. Zesz. 74. S. 370—371.

⁵¹⁸ Янин В. Л. Новгород и Литва. С. 94—95.

Федоре Юрьевиче Смоленскомъ. И другую на Веряжи у мосту святого Николу древяну въ монастыри; третью на Клопъске церковь древяноу святую Троицю». Вслед за данным событием «Лугвень съеха в Литву и наместники сведе с пригородовъ Новгородскихъ»⁵¹⁹. Какие именно города и волости здесь стал держать старший сын Семена Лугвеня — князь Юрий Семенович, точно неизвестно. Однако вряд ли их состав сильно отличался от тех, которые получали в Новгородской земле литовские князья в начале XV в. Поэтому можно предположить, что в число последних входил и Порхов. Как свидетельствуют источники, «пригородами» служилые князья управляли с помощью своих наместников. Не мог ли находиться среди них князь Андрей Порховский?

Изучение биографии князя Юрия Семеновича показывает, что в 30-е гг. XV в. правитель Мстиславского княжества был активным сторонником Свидригайло. Летом 1432 г. от его имени князь Юрий появился на кормлении в Великом Новгороде. С 1 IX 1432 г. Свидригайло повел борьбу за обладание ВКЛ против младшего брата покойного Витовта — новгородского и стародубского князя Сигизмунда⁵²⁰. 6 XII 1432 г. в сражении под Ошмянами он разбил войска великого князя Свидригайло и взял в плен часть его видных союзников. Среди них летописи называют и «князя Юрья Лугвеньевича»⁵²¹. Правда, вскоре великий князь Сигизмунд освободил мстиславского князя. Однако он должен был уехать за пределы ВКЛ. В 1433 г. «приеха князь Юрии Семеновичъ из Литовской земли в Новьгород»⁵²². Теперь он сел на княжение с согласия московского великого князя Василия II, а не правителя ВКЛ⁵²³. По-видимому, еще до 1437 г. князь Юрий покинул Великий

⁵¹⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 412. Л. 275. При редактировании НИЛ младшего извода имя князя Федора Юрьевича Смоленского было сокращено (ср.: Там же. Т. 3. С. 403. Л. 245). В дефектном списке НИЛ ошибочно отмечается, что постановка церковей произошла «при князи Юрьи Федоровичи Смоленскомъ (курсив мой. — А. К.)» (Там же. Т. 3. СПб., 1841. С. 135; Т. 30. М., 2009. С. 162. Л. 52 об.). С. Ю. Шокарев, не обратив внимания на сентябрьский стиль Никоновской летописи, ошибочно датирует данное известие 1413 г. Кроме того, исследователь не сравнил текст этого весьма позднего источника с известиями других списков новгородских и псковских летописей. В результате получилась неверная интерпретация и оценка информации текста. С. Ю. Шокарев ошибочно полагает, что церковь в Порхове ставил не князь Федор Юрьевич, а его предшественник Юрий Александрович (*Шокарев С. Ю.* К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей. С. 17).

⁵²⁰ *Полехов С. В.* Государственный переворот 1432 г. в Великом княжестве Литовском. С. 35—48. Великолепное воспроизведение печатей литовских князей Свидригайло Ольгердовича, Сигизмунда Кейстутовича и Юрия Семеновича (Лугвеньевича) см. в издании: *Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju mełneńskiego z 1422 r.* S. 73—74, 77—78. Pieczęć 79—80, 86.

⁵²¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 34. Л. 265, С. 57. Л. 74—74 об.

⁵²² ПСРЛ. Т. 35. С. 121. Л. 65 об.

⁵²³ Об этом, в частности, свидетельствует запись за 1435 г. на серебряном артосном панашире, который хранился в ризнице Софийского собора новгород-

Новгород⁵²⁴, но 3 III 1438 г. он вновь оказался здесь на княжении. Однако теперь оно носило кратковременный характер. В 1440 г. после убийства великого князя Сигизмунда князь Юрий Семенович на короткое время вновь вернулся в ВКЛ⁵²⁵.

Политические метания Юрия Семеновича между Русью и ВКЛ, возможно, оттолкнули в 30-е гг. XV в. от князя часть служивших ему людей. Постоянным перемещениям своего сюзерена по стране они могли предпочесть более выгодную и почетную службу у московского великого князя. Василий II, его удельные братья и родичи в эти годы потенциально обладали большими возможностями для дачи земли и кормлений, чем беглый литовский князь.

Князь Юрий Семенович родственными узами был тесно связан с Москвой. Некоторые исследователи считают, что по матери он был внуком великого князя Дмитрия Донского и являлся двоюродным братом правителям Московского великого княжества⁵²⁶. Правда, стоит заметить, что впервые сын Семена Лугвеня выступает во внешнеполитических документах ВКЛ как самостоятельная фигура лишь в 1422 г. Наряду с отцом, в это время князь Юрий Лугвеньевич участвовал в заключении при озере Мельно нового мирного договора с Тевтонским Орденом⁵²⁷. Поэтому вслед за С. М. Кучинским следует признать, что князь Ю. Л. Мстиславский был рожден не в первом, а во втором браке князя Семена Лугвеня. Между 1399—1410 гг. его женой стала родственница московских князей Софья⁵²⁸, точное происхождение которой пока неясно⁵²⁹.

ского Кремля (Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952. № 216. С. 131).

⁵²⁴ В этом году в Новгородской земле черный бор собирал приближенный великого князя Василия II, московский боярин и воевода князь Ю. П. Литовский (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 435. Л. 294 об.).

⁵²⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 436. Л. 295—295 об.; Т. 35. С. 121. Л. 65 об., С. 165. Л. 272 об. — 273; и др.

⁵²⁶ Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy... S. 293; Kuczyński S. M. Lingwen. S. 370—371; Krupska A. Lingwenowicz Jerzy // PSB. 1972. T. 17/3. Zesz. 74. S. 371—372; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 121; Hacesiū B. [Л.] Мсціслаўскія // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т. 2. С. 324; Варонін В. [А.] Князь Юрай Лугвеневіч Мсціслаўскі. С. 11; Он же. Служилый князь Великого Новгорода Юрий Лугвеньевич и борьба за власть в Великом княжестве Литовском в 30—40-х гг. XV в. // Новгородика—2010. Великий Новгород, 2011. Ч. 1. С. 50; Мяцельскі А. А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII—XVIII стст. С. 129; Полехов С. В. Несколь-ко замечаний к биографии князя Юрия Лугвеневи́ча Мстиславского // ДРВМ. 2011. № 2 (44). С. 106; и др.

⁵²⁷ Любавский М. К. Литовско-Русский сейм. С. 54, 55. Великолепное воспроизведение печати 1422 г. литовских князей Свидригайло Ольгердовича, Сигизмунда Кей-стутовича и Юрия Семеновича (Лугвеньевича) см. в издании: Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju mełnickiego z 1422 r. S. 73—74, 77—78. Pieczęć 79—80, 86.

⁵²⁸ ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 51 об.

⁵²⁹ Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 120—121, 123, 309. Tabl. III.

В любом случае, именно в 1430-е гг., когда князь Юрий Семенович посещал Москву, князья Порховские впервые начинают периодически упоминаться на службе правителей Северо-Восточной Руси. Согласно данным синодика Успенского собора Московского Кремля среди погибших 4—5 XII 1437 г. в битве с ордынцами хана Улуг-Мухаммеда под Белевым были князь Кузьма Порховский и Андрей Васильевич Порховский⁵³⁰. Разница в праве на титул и месте записи для поминания, возможно, свидетельствует о том, что они состояли в разной степени родства и, по-видимому, на службе в Москве занимали неравное положение. На это вывод наводит запись для поминания первого из них («Кнѣзь) Коузмѡу [Порховскѡи]⁵³¹»). Она сохранилась в древнейшем (1575 г.) из сохранившихся пергаменных синодиков Троице-Сергиева монастыря. В нем Кузьма Порховский записан не в общем списке, а среди владетельных и удельных князей. Этот факт подчеркивает его выдающееся положение при дворе великого князя и высокий служебный статус в Москве⁵³².

Правда, в злополучной для москвичей битве под Белевым войсками командовали Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, дети великого князя Юрия Дмитриевича и Анастасии Юрьевны. Однако служба близких родичей из Смоленска при дворе этих удельных князей, хотя теоретически и допустима, но маловероятна. Данные акта от 14 V 1514 г. свидетельствуют, что в круг владений Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря входили «деревни Ильицыно, *Юшковская Порховского* (курсив мой. — А. К.)...», которые располагались в Нерехотской волости Костромского уезда⁵³³. В 30-е гг. XV в. она принадлежала великому князю Василию II, а не детям Юрия Дмитриевича⁵³⁴. Кроме того, в одном из судебных докладных списков 1470—1478 гг. местные крестьяне сообщают нерехотскому тиуну Семену Григорьеву: «А мы, господине, *помним лет за 50*, что та земля тянет к селу х Косовскому, и тот лужек. А мы, господине, *жили в Денисовском с своими отци за Юрьем за Порховским* (курсив мой. — А. К.)»⁵³⁵.

⁵³⁰ ДРВ. Ч. 6. С. 456, 457. Не обращая внимание на сентябрьское летоисчисление, некоторые исследователи ошибочно относят Белевский бой к 5 декабря 1438 г. (ср.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 259. Примеч. 154; Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. С. 77; Стрельников С. В. Грамоты XV — начала XVI в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековье. М., 2012. С. 113; и др.).

⁵³¹ В пергаменном синодике фамильное прозвище князя Кузьмы Порховского над именем написано киноварью.

⁵³² ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 11.

⁵³³ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. М., 1998. № 8. С. 25 [Список XVIII в.]. Упустив из внимания генеалогию рода Порховских, издатели этого акта С. Н. Кистерев и Л. А. Тимошина ошибочно решили, что *Юшковская* (курсив мой. — А. К.) — это деревня Нерехотского стана Костромского уезда, а не имя владельца деревни «Ильицыно» (ср.: Там же. С. 610 [Указатель]).

⁵³⁴ ДДГ. № 30. С. 75—80, № 34—35. С. 87—100 [Подлинники].

⁵³⁵ АСЭИ. Т. I. № 397. С. 289 [Список сер. XVI в.].

Таким образом, можно выяснить, что, по крайней мере, не позднее начала второй четверти XV в. представители рода Порховских из рук великого князя получили ряд селений в Нерехте⁵³⁶.

Данные пожалования, как показывают свидетельства источников, у Порховских не были единственными. Так, например, в списке конца XVIII в. с жалованной тарханной и несудимой грамоты великого князя Ивана III архимандриту Никольского Шартомского монастыря Аникею на пустоши и деревни в Дору от 8 VIII 1463 г. сообщается, что боярин Федор Васильевич (Басенок?) «пожаловал» обитель, «дал в дом святому Николе по Иване Коварце по Парховском пустошь Миколскую межю и со всем с тем, что ней потяглам изстарини в Плесском уезде»⁵³⁷. Несколько неуверенный характер передачи текста выдает, что писец в конце XVIII в. не вполне отчетливо понимал отдельные места документа и, возможно, кое-где допустил досадные описки, так и не распознав буквы⁵³⁸. Среди послухов духовной грамоты Д. Т. Синего, составленной не позднее 4 VII 1510 г., в Емецкой волости Костромского уезда упоминался «Дмитреи Борисов сынъ Порховсково»⁵³⁹. Таким образом, можно подытожить, что владения рода Порховских в XV в. располагались не только в Нерехотской и Емецкой волостях Костромского уезда, но и в соседнем с ними Плесском уезде.

Упомянутый в судном списке 1470—1478 гг. Юрий Порховский был видным служилым человеком. Очевидно, он входил в двор великого князя. В. Л. Янин без веских оснований отождествляет его с новгородским служилым князем Юрием Александровичем, который в начале XV в. вместе с братом Даниилом держал в кормлении город Порхов⁵⁴⁰. 7 VII 1445 г. Юрий Порховский погиб под Суздалем в битве с ордынской ратью царевичей Мамутека и Ягупа. Для поминания Юрий был записан в синодик Успенского собора Московского Кремля, но без упоминания его княжеского титула⁵⁴¹. Последнее обстоятельство весьма примечательно, и вот почему.

Около 1462—1463 гг. среди послухов в полюбовной разводной записи на земли «близ реки Нерехты и Ярославского рубежа» князя М. И. Деева-Ярославского (?) и чернеца из Троице-Сергиева монастыря

⁵³⁶ Ранее на это известие источника обратил внимание С. Б. Веселовский (*Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. С. 373).

⁵³⁷ АСЭИ. Т. 3. № 97. С. 134 [Список кон. XVIII в.].

⁵³⁸ На возможную принадлежность Ивана Коварцы к роду Порховских ранее обратил внимание С. Ю. Шокарев (*Шокарев С. Ю. К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей*. С. 17—18).

⁵³⁹ АРГ, 1505—1526 гг. № 65. С. 71, 72 [Подлинник]; см. также: *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. С. 373.

⁵⁴⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 226.

⁵⁴¹ ДРВ. Ч. 6. С. 458; *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. С. 373.

Александра Вовина упоминается Борис Порховский⁵⁴². Еще С. Б. Веселовский заметил, что он был сыном Юрия Порховского, который утонул в казанском походе 1485 г. Для поминания имя Бориса было также внесено в синодик Успенского собора Московского Кремля. Б. Ю. Порховский, как ранее в случае с его отцом, записан без княжеского титула⁵⁴³. Между тем описная книга Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г. имеет известие, что среди «государевых грамотъ и всякихъ крепостей на вотчины, которыхъ вотчинъ за монастыремъ нетъ» под № 25 числилась: «Данная князя Бориса Юрьевича Порховского на деревню Ильинцыну и съ припускомъ и со всеми угоды»⁵⁴⁴. Таким образом, как и в случае с князем Кузьмой, очевидна двойственность упоминания княжеского титула при указании на социальное происхождение служилых людей из рода Порховских в документах частного и официального происхождения.

Еще об одном случае службы Порховских великим князьям московским сохранили летописи. Между 22 IX 1441 г. и 24 I 1442 г. во время удачной осады войсками великого князя Василия II новгородского пригорода-крепости Демяна (городище Княжа Гора) погиб Мятля Порховский⁵⁴⁵.

В середине XVI в. действовало несколько Порховских. Никита и Афанасий Борисовичи, внуки воеводы в 1508/09 г. Степана Юрьевича⁵⁴⁶, известны в 1571 и 1573 гг. как вполне заурядные помещики Шелонской пятины Новгородской земли. Они не имели высоких назначений по службе⁵⁴⁷. Иное дело их старший двоюродный брат Даниил Дмитриевич, единственный из рода Порховских попавший в Тысячную

⁵⁴² АСЭИ. Т. 1. № 306. С. 218 [Подлинник].

⁵⁴³ ДРВ. Ч. 6. С. 463; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 373.

⁵⁴⁴ Описная книга Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г. Владимир. 1878. С. 68. С. Б. Веселовским, С. Н. Кистеревым и Л. А. Тимошиной это уникальное известие источника не было замечено.

⁵⁴⁵ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 170; Т. 23. С. 150. Л. 270; Т. 39. С. 145. Л. 254 об. П. Н. Петров, а вслед за ним Ю. Вольф полагали, что в 1442 г. из Литвы в Москву выехал князь Семен Порховский (Петров П. Н. История родов русского дворянства. Т. 1. С. 121: *Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy...* S. 392). Однако такое мнение ошибочно. П. Н. Петров, вероятно, опирался на датированное известие, которое приведено в Пространной редакции разрядных книг. Дефектный в ряде мест текст этого источника сообщает о выезде на службу литовского князя Свидригайлы Ольгердовича (РК, 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1. С. 16. Л. 3 об.). Между тем хорошо известно, что данное событие произошло не в 1442, а в 1408 г. При этом среди сторонников этого Гедиминовича летописи конца XV — начала XVI в. называют князя Семена Перемышльского, а не Семена Порховского (ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 237. Л. 332—332 об.; и др.).

⁵⁴⁶ Милуков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 41; РК, 1475—1598 гг. М., 1966. С. 42. Л. 46 об.

⁵⁴⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 373.

книгу. В 1550 г. здесь он упоминается как сын боярский третьей статьи по Галичу⁵⁴⁸. В 50-е гг. XVI в. Д. Д. Порховский служил из Костромь⁵⁴⁹. В июне 1555 г. он был приставом у немцев, которых переселяли из Юрьева Ливонского в Нижний Новгород⁵⁵⁰. В 1555—1558 гг. князь Т. Ф. Пожарский и Д. Д. Порховский служили городничими в приказе Свияжска⁵⁵¹. В 1565 г. Даниил «был на службе в Ливонском походе»⁵⁵². Позднее Д. Д. Порховский не упоминается. Возможно, вскоре после этого в Дворовой тетради у его имени была сделана помета: «Умре»⁵⁵³. По наблюдениям С. Б. Веселовского, в конце XVI в. постепенно перестают упоминаться и другие представители рода Порховских⁵⁵⁴. Такова история их службы в XV—XVI вв.

Перед нами типичный случай древней, но вполне заурядной по меркам XVI в. истории службы одного из родов в России. В это время она вряд ли могла претендовать на постоянный интерес к себе как со стороны официальных, так и частных составителей списков различных редакций родословных книг. Возможно, только пресечение рода Порховских и могло бы стать одной из причин для включения записи о нем в роспись смоленских князей в середине — второй половине XVI в.

Аналогичный случай можно отыскать в тексте родословной князей Оболенских, Барятинских и Мезецких. Если в Румянцевском II списке I-го извода *Патр. ред.* конца XVI в. было лишь кратко отмечено, что «Спажские и Конинские князи от Оболенских же»⁵⁵⁵, то в списках той же редакции уже начала XVII в. и росписи 1686 г. князей Волконских было записано, что «извелися они оть войны оть Татарские»⁵⁵⁶.

Однако родословная Порховских все же существует. Правда, она встречается отдельно от родословия князей смоленского дома, и поэтому до сих пор ускользала от исследователей. Сохранению

⁵⁴⁸ В списке детей боярских по Галичу Д. Д. Порховский упомянут на 14 месте (ТКДТ. С. 70. Л. 134). По мнению С. Б. Веселовского, он был в числе тех, кто получил поместье под Москвой (*Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 373*). Однако подтверждающих данный вывод сведений в писцовых материалах отыскать не удалось.

⁵⁴⁹ ТКДТ. С. 149. Л. 111 об.

⁵⁵⁰ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 346. Л. 104—104 об.

⁵⁵¹ Милуков П. Н. Древнейшая разрядная книга. С. 175, 200. Очевидно, С. Б. Веселовский ошибается, когда пишет о службе Д. Д. Порховского в эти годы в Казани (*Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 373*).

⁵⁵² *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 373.*

⁵⁵³ ТКДТ. С. 149. Л. 111 об.

⁵⁵⁴ *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 373.*

⁵⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 93 об.; см. также: Там же. Л. 157 об.

⁵⁵⁶ Родословная книга. С. 72; см. также: Там же. С. 243; *Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 778.*

текста родословия князей Порховских помог случай. В 1514 г. «в Оршинское дело на Друцких полях оу Воскресенья на Д[оуб] рови» (т. е. до 8 IX 1514 г.) в результате местнического дела (его текст не сохранился⁵⁵⁷) Ивану Семеновичу Пупку Колычеву были «выданы головою» Темир и Мятель Порховские. Отсутствие подлинного дела или его списка затрудняет проверку происхождения Порховских, так как их родословная сохранилась лишь в изложении Колычевых. Судя по тексту, она имеет вид исключительного для своего времени генеалогического памфлета, направленного против Порховских.

Согласно версии Колычевых, у великого князя Витовта была «на постеле девка Настасья, а прозвище ей Вятка», из-за чего «для той девки была вражда оу Витофта з детьми его». В результате этого конфликта последний вынужден был дать «тое девку за конюха, за Ромашку». При этом «счастливый» жених получил от великого князя «богатства много». После свадьбы новоявленные муж и жена сбежали от Витовта в Великий Новгород, где конюх именовался как «сродник великим князем литовским». Доверчивые новгородцы поверили Ромашке и «дали ему на прожиток город Порхов». Однако счастье Романа и Настасьи Вятки длилось недолго. Новгородцы «сведали, что Ромашка не князь, и хотели его за то оубить». Однако привести в исполнение свое наказание они не успели, так как конюх «оутек на Кострому», где купил себе вотчину. У Ромашки был сын Кузьма, от которого и вели свой род Кузьмины и Порховские⁵⁵⁸.

Очевидно, что стержневым сюжетом генеалогического памфлета Колычевых было доказательство худородного и неродословного происхождения предка Порховских. При этом рассказ, посвященный ему, был закручен, как мы бы сейчас выразились, в духе любовного или авантюрного романа. Впрочем, при желании можно отыскать и определенные параллели в русских былинах, но не это главное. Основная роль в памфлете отведена Роману. Отсутствие ответа Порховских на извет Колычевых затрудняет установление их происхождения.

Обращение к летописям показывает, что в конце XIV в. князь по имени Роман действительно находился на службе в Новгородской земле. В 1386 г. в военных маневрах против войск великого князя Дмитрия Ивановича принимали участие на Жилотуге новгородские служилые князья Патрикий Нариманович, Роман Юрьевич и несколь-

⁵⁵⁷ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв. М., 1994; Он же. Очерки по истории местничества в России XVI—XVII вв. М., 2009 (по указ.).

⁵⁵⁸ РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 217—218.

ко копорейских князей⁵⁵⁹. В Порхове, месте кормления Романа⁵⁶⁰, спустя год «поставиша новгородци город камен»⁵⁶¹, после чего его имя на некоторое время исчезает из поля зрения источников. Это событие удивительным образом совпадает с приходом зимой 1388—1389 гг. в Великий Новгород из ВКЛ послов Овгимонта (князя Ольгимонта?) и Братоши. Они передали его властям предложение от князя Семена Лугвеня. Он «хотя быти у них в Новегороде и сести на городкех, чем владелъ князь Наримантъ». Переговоры прошли успешно. Этот сын Ольгерда служил здесь в 1389—1392 гг., а затем оставил свое кормление и вернулся в ВКЛ⁵⁶².

В 1393—1394 гг. вместо князя Семена Лугвеня в Новгородской земле действовал его племянник. Им был Роман Литовский, сын ратненского князя Федора Ольгердовича⁵⁶³. В 1394 г. в Кракове из королевской казны будущий правитель Кобринского княжества получил пансырь, наколенники и шлем⁵⁶⁴. Позиция властей Великого Новгорода в отношении ВКЛ изменилась лишь после событий 28 IX 1395 г.

В это время войска Витовта обманом захватили Смоленск и пле-нили здесь почти всех местных династов. На свободе остался лишь великий князь Юрий Святославич. В это время он находился в Переяславле Рязанском у своего нового тестя — великого князя Олега Ивановича. В Новгородской земле тогда же произошла смена кормленщиков. Вместо князя Р. Ф. Литовского сюда прибыл князь Роман Юрьевич. По на-

⁵⁵⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 345. Л. 236 об. — 237; Т. 6. Вып. 1. Стб. 487. Л. 418; Т. 42. С. 150. Л. 379 об.; *Коняевская Е. Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // НИС. 2005. Вып. 10 (20). С. 380. Л. 130 об.; и др.

⁵⁶⁰ По мнению В. Л. Янина, центр кормления князя Романа Юрьевича и копорейских князей в данный момент находился в Копорье, а также, «возможно, в Ореховом и Корельском городках» (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 218, 223—224). Однако этому утверждению противоречит тот факт, что после смерти князя Роман был похоронен не в Копорье, а «у святого Спаса в Порхове» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 516. Л. 439 об.; см. также: Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 384. Л. 254; это известие, кстати, стоит перед сообщением о разгроме ордынцами войск Витовта на р. Ворскле 12 VIII 1399 г.).

⁵⁶¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 348. Л. 238 об. — 239; Т. 6. Вып. 1. Стб. 490. Л. 420; Т. 11. С. 93.

⁵⁶² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 351. Л. 241—241 об., С. 367. Л. 241 об., С. 368. Л. 242 об., С. 372. Л. 245; Т. 6. Вып. 1. Стб. 509. Л. 434 об.; и др.

⁵⁶³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 373—374. Л. 246—246 об., С. 374—375. Л. 247; Т. 6. Вып. 1. Стб. 510—511. Л. 435—436; Т. 11. С. 154, 156. О тождестве князей Романа Литовского и Романа Федоровича подробнее см. в кн.: *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy... С. 162; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 218—219. О князе Федоре Ольгердовиче Ратненском († 1431) подробнее, например, см.: *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy... С. 162, 411; *Лонгинов А. В.* Князь Федор-Любарт Ольгердович... С. 9—10; *Kuczyński S. M.* Fedor Olgierdowicz // PSB. 1948. Т. 6/5. Zesz. 30. S. 387; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 26, 38, 47, 50—53, 56, 57—61, 65, 66, 71, 74, 81, 102, 181, 194, 226, 308. Tabl. III, S. 312. Tabl. IV; и др.

⁵⁶⁴ *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy... С. 162; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. С. 219; *Бохан Ю. М.* Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Мінск, 2008. С. 57.

блюдениям В. Л. Янина, «если литовские князья тяготеют к Ладоге, Корельскому кородку и Орешку, а также получают половину Копорья, то Роман Юрьевич и Константин Белозерский тоже связаны с северо-западом: Ямом, Порховым и с тем же Копорьем»⁵⁶⁵. Этот факт косвенно подтверждает русское происхождение князя Романа Юрьевича.

Второй приезд в Великий Новгород князя Романа Юрьевича окончился трагично. В 1398 г. при загадочных обстоятельствах он был убит на р. Шелони, а его тело «бысть положено... у Святого Спаса в Порхове». Отмечая эти события, составитель Новгородско-Софийского свода ни словом не обмолвился о мотивах и исполнителях убийства правителя Порхова⁵⁶⁶. В конце XV в. в так называемой Летописи Авраамки известие о смерти князя Романа Юрьевича было дано в более завуалированной форме и с указанием другого места его захоронения: «Тогда преставися князь Романъ в Порховѣ, и положень бысть у святого Николѣ»⁵⁶⁷. В 1399 г., вскоре после физической ликвидации одного из руководителей обороны новгородско-литовского порубежья, Витовт прислал в Великий Новгород «възметную грамоту» и разорвал отношения с его правительством⁵⁶⁸. Однако захватнические планы фактического правителя ВКЛ так и не состоялись из-за полного разгрома его войск на р. Ворскле (12 VIII 1399 г.).

Происхождение Романа Юрьевича трактуется по-разному. Начиная с Ю. Пузыны, в историографии считалось, что новгородский служилый князь Роман Юрьевич был старшим сыном Юрия Наримонтовича, правнуком Гедимины. Эта точка зрения без какой-либо новой аргументации была поддержана в польской историографии⁵⁶⁹. В. Л. Янин предлагал отождествлять князей Р. Ю. Порховского и Р. Ю. Белозерского на том основании, что последний из них, по его мнению, «единственный русский князь конца XIV в., носивший имя Роман Юрьевич»⁵⁷⁰. С этим вы-

⁵⁶⁵ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 223—224.

⁵⁶⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 516. Л. 439 об.; см. также: Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 384. Л. 254; Т. 42. С. 165. Л. 405 об.

⁵⁶⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 146.

⁵⁶⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 395. Л. 238—238 об.

⁵⁶⁹ Например, см.: *Puzyna J. Potomstwo Narymunta Gediminowicza*. VI // МН. 1932. R. 11. № 10. S. 185—186; *Swieżawski A. Jerzy (Jurij) Narymuntowicz* // PSB. 1964—1965. T. 11. S. 183—184. Надо отметить, что при этом несправедливо критикуется важный вывод Ю. Вольфа. Он видел в Романе Литовском князе Романа Федоровича и не отождествлял его с порховским князем Романом Юрьевичем (ср.: *Krupa K. Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 r.* // КН. 1993. R. 100. № 1. S. 38—39; *Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. S. 28, 37, 38, 60, 307. Tabl. II), и др.). Кроме того, польские исследователи не обратили должного внимания на новые аргументы В. Л. Янина, развившего наблюдения Ю. Вольфа о двух князьях по имени Роман в Новгороде в конце XV в. (Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 215. 218—220, 223—226, 267).

⁵⁷⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 224.

водом можно было бы согласиться, если бы не два весьма важных обстоятельства, которые ускользнули от внимания исследователя.

Во-первых, происхождение и время жизни представителей белоозерского княжеского дома в работе В. Л. Янина были определены неточно. Ряд лиц из этой династии, живших, по его мнению, в XIV в., на самом деле в источниках начинают фигурировать практически на 100 лет позже (причем это касается и отца князя Р. Ю. Белоозерского — князя Юрия Васильевича⁵⁷¹).

Во-вторых, анализ политической ситуации во взаимоотношениях между государствами Восточной Европы показывает, что одним из главных партнеров Великого Новгорода в борьбе против ВКЛ на рубеже XIV—XV вв. оказывается последний независимый правитель Смоленска. Как известно, в 1401 г. новгородцы заключили «мир» с великим князем Юрием Святославичем. Это произошло сразу после того, как он при поддержке рязанского великого князя Олега Ивановича вновь овладел своей «отчиной» — городом Смоленском⁵⁷².

Факты, приведенные выше, позволяют предполагать, что порховский князь Роман Юрьевич мог быть сыном Юрия Святославича от первого брака. Правитель Смоленска, как сообщают западнорусские летописи, в 1386 г. еще был женат на племяннице Ольгердовичей по женской линии⁵⁷³. Сведения источников о его второй жене, дочери рязанского великого князя Олега Ивановича, впервые появляются лишь в 1395 г.⁵⁷⁴ Учитывая брачный возраст княгини Анастасии Юрьевны и время рождения ее первого сына, князя Ивана Юрьевича (между 1400 и 1407/08 гг.),

⁵⁷¹ Подробнее об этом см.: Кузьмин А. В. Новые данные о родословии ростовских и белоозерских князей в XIII — первой половине XIV в. // ИКРЗ, 2000 г. 2001. С. 13—22; Он же. Князья Белоозера в Новгороде Великом: миф и реальность XIV в. // ПННЗ, 2001—2002 гг. 2002. Ч. 1. С. 84—91.

⁵⁷² ПСРЛ. Т. 3. С. 397. Л. 241.

⁵⁷³ Как известно, в первом браке великий князь Юрий Святославич был женат на племяннице Скиргайло (Иоанна), мать которой была старшей сестрой литовского князя. Таким образом, можно установить, что теща последнего правителя Смоленска была рождена от брака литовского великого князя Ольгерда и тверской княжны Ульяны Александровны (ПСРЛ. Т. 35. С. 64. Л. 100, С. 70. Л. 19—19 об., С. 88. Л. 446, и др. Подробнее об этом, например, см.: Кузьмин А. В. Георгий (Юрий) Святославич // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 104; Ластовский Г. [А.] Меж двух огней // Родина. 2013. № 9. С. 22). Не обратив внимания на сведения белорусско-литовских летописей, А. В. Лаврентьев пришел к ошибочному выводу, что Анастасия Юрьевна была внучкой рязанского великого князя Олега Ивановича (Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. М., 2011. С. 121, 142—143).

⁵⁷⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 379. Л. 250 об.; Т. 6. Вып. 1. Стб. 512. Л. 437; и др. Последние сведения о второй жене смоленского великого князя Юрия Святославича относятся к 24 II 1405 г. Зимой 1404—1405 гг. при посредничестве властей Ливонского Ордена он безуспешно пытался добиться освобождения своей жены из литовского плена (*Prochaska A. Nieznany akt homagialny Witolda* // КН. 1895. R. 9. S. 237). Возможно, она могла быть выпущена из плена уже после смерти мужа.

можно полагать, что она также была рождена во время первого брака великого князя Юрия Святославича.

Заинтересованность новгородцев в приглашении князя Романа Юрьевича понятна. Смоленск и Новгород объединяли общие интересы и общая граница, разделявшая принадлежавшие обоим княжениям воласти, наличие среди них владений с особым статусом, плативших дань в обе стороны. В связи с этим предположение о происхождении князя Романа Юрьевича можно считать вполне резонным. В его пользу также свидетельствует и высокое положение на службе в Москве сына князя Романа Юрьевича — Кузьмы Порховского.

В местническом извете Колычевых отмечается, что у К. Р. Порховского было два сына: Степан и Борис. Если относительно первого из них каких-либо противоречий в источниках нет, то считать второго его сыном совершенно невозможно. Выше уже было показано, что согласно данным актов Борис носил отчество Юрьевич и не был сыном Кузьмы. Следовательно, Б. Ю. Порховский был сыном Юрия Порховского, который в извете Колычевых, кстати, так и не был упомянут. Этот факт указывает на то, что предложенный перечень родства Порховских в местническом извете не был представлен полностью⁵⁷⁵.

Данный вывод прекрасно подтверждают помянники рода Порховских, которые находятся в синодике Новгородского Вяжицкого Никольского монастыря⁵⁷⁶. В статье «Родъ Шестака Порховского» этого синодика записаны его дальние предки. В их числе были князья Иван, Роман, Кузьма, а также Юрий, Иван, Борис, а также прочие представители фамилии и их родственники⁵⁷⁷.

Эти сведения источников подтверждают родство Романа и Кузьмы и указывают на прямое отношение к их семье Юрия и Ивана (Коварцы?) Порховских. (Последние известны, благодаря упоминанию их имен в актах XV в.) Поскольку потомки Кузьмы писались Кузьмиными, а потомки Юрия — Порховскими, можно полагать, что они были родными братьями. Очевидно, что Кузьма и Юрий родились накануне или перед смертью князя Романа Юрьевича, т. е. до 1398 г.

Отсутствие в помяннике Порховских имени великого князя Юрия Святославича не должно удивлять, ведь он считался убийцей князя С. М. Вяземского и его жены Ульяны. Частичная реабилитация последнего правителя Смоленска из числа Ростиславичей произошла лишь после его освобождения в 1514 г.⁵⁷⁸, когда имена Юрия Святославича и его

⁵⁷⁵ РГАДА. Ф. 201. № 84. Л. 218.

⁵⁷⁶ Благодарю Ю. Д. Рыкова, обратившего мое внимание на этот ценный генеалогический источник.

⁵⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 145 об. — 146.

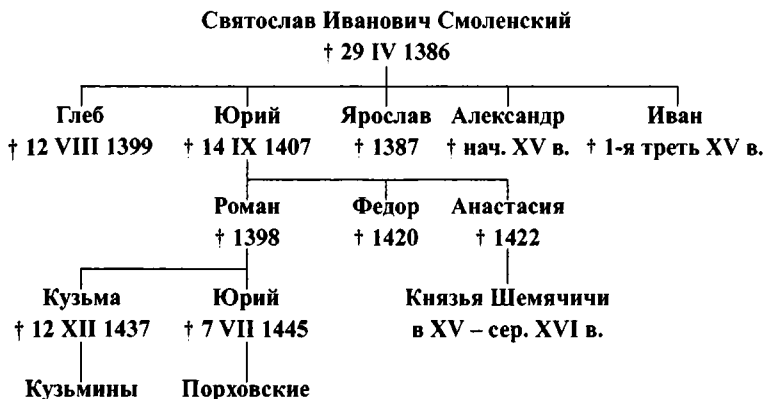
⁵⁷⁸ Кузьмин А. В. Георгий (Юрий) Святославич. С. 106; и др.

сына Федора по политическим мотивам были включены для поминания в московский великокняжеский помянник⁵⁷⁹.

Приведенные в источниках сведения о представителях рода Порховских за конец XIV—XV вв. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № I.6*).

Схема № I.6

Князья Смоленские, Кузьмины и Порховские

Результаты источниковедческого изучения родословной росписи смоленских князей, сведений об их службе в Москве и ВКЛ в первой половине XV в., данные фамильной росписи и родовые помянники представителей рода Порховских ставят под сомнение правоту вывода С. Б. Веселовского и А. А. Зимина о прямом, а не близком родстве галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича с семьей князя Ивана Святославича. Сравнительный анализ сведений источников о Порховских позволяет прийти к следующим наблюдениям. Очевидно, что в первой трети XV в. эти князья за выезд на службу в Москву получают в вотчину земли в Костромском и Плесском уездах, в то время как в ВКЛ на территории Мстиславского удела они имели всего лишь «держания». Ратные столкновения в конце XIV — первой половине XV в. приводят к тому, что, как и в случае с князьями Липятыными, все наиболее видные члены рода Порховских были убиты на войне. Очевидно, что поздний выезд и ранняя гибель старших родственников не позволила им добиться думных чинов и стать такими богатыми и влиятельными служилыми вотчинниками, как Всеволожи, Заболоцкие и Волынские. Об этом косвенно свидетельствует отсутствие каких-либо сведений источников о владениях Порховских под Москвой. Нет никаких данных и об их родственных

⁵⁷⁹ РГАДА. Ф. 375. № 89. Л. 2; Россия и греческий мир в XVI в. М., 2004. Т. 1. С. 219, 400; и др.

связях в XV в. с видными старомосковскими боярскими фамилиями. Характер службы в первой половине XV в. таких безудельных князей, как Порховские, юридически в большей степени соответствовал положению вольных слуг и бояр, чем служебных / служилых князей. Вероятно, поэтому статус Порховских даже в ВКЛ не был очень высоким. Дети и внуки князя Романа Юрьевича здесь не дотянули даже до положения королевских дворян. Отсюда, возможно, и происходит такая двойственность в упоминании и умолчании титула Порховских в документах почти вплоть до конца XV в. В связи с этим важно отметить, что князья Кропоткины, Коркодиновы и Селеховские, младшие родичи Порховских, этой участи избежали. Они выехали на службу в Москву после освобождения Смоленска из-под власти ВКЛ в 1514 г., когда социально-политическая структура элиты древней Руси, объединенная в рамках нарождавшегося Русского государства, уже претерпела весьма заметные изменения.

§ 1.5.1. КНЯЗЬ ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШОНУР КОЗЕЛЬСКИЙ И ЕГО ДЕТИ. Среди правящих семей в княжествах Чернигово-Северской земли в XIII—XV вв., в отличие от династов соседнего Смоленска, достоверно пока известен только один случай, когда князь, выехавший в середине XIV в. в Москву, потерял свой титул. Им был Иван Федорович Шонур Козельский, родоначальник боярских фамилий Шонуровых и Сатиных. Он стал первым среди потомков черниговских Ольговичей, чей род в XIV в. остался на службе у правителей Северо-Восточной Руси. В связи с этим важен и тот факт, что в последней четверти XIV в. Шонуровы перешли на службу к князьям из боровско-серпуховской линии. Учитывая это, а также то, что потеря титула детьми князя Ивана Шонура — явление редкое, в принципе, нехарактерное для князей черниговского дома, следует подробно рассмотреть генеалогию и службу его рода в Москве.

В XIV — начале XV в. князья из Козельска представляли среднюю линию рода правителей Карачева. Они происходили от Мстислава, одного из младших сыновей великого князя Михаила Всеволодовича. Сведения о составе его ближайших потомков в XIII—XIV вв. были неполными уже в конце XV — начале XVI в.⁵⁸⁰ Политические отношения и позднейшая служба в ВКЛ карачевских Ольговичей маркируются их браками с Гедиминовичами во второй половине XIV — начале XV в.⁵⁸¹ Тесные связи этих

⁵⁸⁰ Например, см.: ОР РГБ. Ф. 113. № 235 (661). Л. 455—455 об.; Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75. Л. 455—455 об. [Приложение]. В этом источнике отсутствуют сведения не только о ряде князей XIV—XV вв., хорошо известных по упоминаниям в летописях и синодиках, но и о ближайших родственниках — князьях Елецких, также служивших всем родом в Москве.

⁵⁸¹ Княгиня Феодора, старшая дочь Ольгерда Гедиминовича от второго брака, была женой князя Святослава Титовича (ПСРЛ. Т. 11. С. 26; *Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiello-*

династий не создали твердых причин для раннего выезда и начала постоянной службы карачевский князей в Москве. Даже в XV — первой трети XVI в., когда по сравнению с XIV в. военная и политическая ситуация в Чернигово-Северской земле сильно изменилась, князья из некоторых ветвей рода бывших правителей Карачева, Козельска и Мосальска еще находились в ВКЛ (в отличие от большинства семей прежних владельцев Спаса, Волконы, Конины, Безпуты, Оболенска, Тарусы и Мышаги).

В своих росписях потомки князя Ивана Шонура не отмечали семейные связи с оставшейся в ВКЛ родней, так как это не было важно для продолжения их служебной карьеры в Северо-Восточной Руси. Шонуровым и Сатиным достаточно было указать, что их предок происходил от правителей Козельска⁵⁸². Между тем, когда в первой половине XVI в. в Русском государстве настала пора вспомнить о многочисленных потомках князя Мстислава, то сделать это его потомкам и разрядным дьякам оказалось практически невозможно. Поэтому неслучайно, что в некоторых сводных росписях потомков великого князя Михаила Всеволодовича прямо указывалось, что «Мстислава Карачевского дѣти писаны не сполна»⁵⁸³ или «Мстиславли дети писаны не сполна»⁵⁸⁴.

Выяснить состав и родственные связи между разными ветвями потомков карачевских князей в конце XIX—XX вв. пытались отечественные исследователи. По охвату источников и научной литературы среди них выделялись работы Н. Д. Квашнина-Самарина, Р. В. Зотова и др.⁵⁸⁵ Решением этой проблемы активно занимались и польские историки⁵⁸⁶. Некото-

пów. S. 13). Позднее, в 1418 г. Витовт женился на своей близкой родственнице (племяннице), вдове князя Ивана Карачевского — Ульяне Ивановне. Она была дочерью князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского и княгини Агрипины Святославны Смоленской (*Długosza Jana Roczniki...* Ks. 11. S. 91—92). Ее родная сестра великая княгиня Анна Святославна вышла замуж за Витовта. Она умерла 1 VIII 1418 г. и была похоронена в одной из виленских церквей (МРН. Т. 6. S. 666).

⁵⁸² РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 175, № 173/278. Л. 320 об.; и др. В некоторых поздних списках частных родословцев прозвище князя И. Ф. Козельского было ошибочно принято за титул, и он упоминался как «князь Иван Феодорович Шонорской и Козельской» (Например, см.: ОР РГБ. Ф. 205. № 180. Л. 137).

⁵⁸³ БК. Ч. 1. Глава 12. С. 185.

⁵⁸⁴ РИИР. Вып. 2. С. 112. Л. 53 об.; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 96, № 174/280. Л. 33; ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 124; и др.

⁵⁸⁵ Ср.: Квашнин-Самарин Н. Д. По поводу Любешского синодика // ЧОИДР, 1873 г. 1874. Кн. 4. Отд. 5. С. 213—226; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любешскому синодику; Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания 1-го Литовского статута. М., 1892; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1—3; и др.

⁵⁸⁶ Ср.: Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI w. Warszawa, 1887. S. 156, 174—177; Wolff J. Książowie litewsko-ruscy... S. 17, 35, 159—160, 183—184, 185, 231—258, 364, 620; Puzyna J. Potomstwo Narymunta Gediminowicza: II. Patrycy Narimuntowicz // МН. 1931. Р. 10. № 5. С. 107—110, 111. Tabl.; Kuczyński S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy; и др.

рые их наблюдения о происхождении и характере родства между потомками карачевского князя Мстислава Михайловича до сих пор не потеряли своей актуальности. Однако общим недостатком исследований конца XIX—XX вв. стало отсутствие в них текстологического анализа разных редакций отдельных и общих (сводных) росписей потомков Ольговичей. Для выяснения их генеалогии, помимо сведений летописей и актов, исследователи использовали данные списков только поздней *Патр. ред.*, а также Бархатной книги. Между тем сведения этих источников сильно отличались по объему и точности с данными Любецкого помянника. Правда, в свою очередь, он также недостаточно изучен. Примирить или явно объяснить принципиальные различия в сведениях источников исследователям не удалось. Поэтому никто из них не смог ответить на главный вопрос, каким образом происходил процесс формирования общих и отдельных росписей потомков великого князя Михаила Всеволодовича. Персональный состав последних до сих пор не считается полностью установленным и надежно отождествленным с лицами, упоминаемыми в других видах источников (например, в летописях)⁵⁸⁷.

В настоящее время ряд новых источников, где отражены самые ранние генеалогические сведения о потомках карачевских князей (т. е. до момента создания Государева родословца 1555 г.), ввела в научный оборот М. Е. Бычкова⁵⁸⁸. Среди них наиболее важным представляется так называемая роспись потомков великого князя Михаила Черниговского⁵⁸⁹, находящаяся в сборнике конца 20-х — начала 30-х гг. XVI в.⁵⁹⁰ Он принадлежал его прямому потомку — монаху Дионисию Лупе (в миру — князь Даниил Васильевич Звенигородский († 1538))⁵⁹¹.

В вышедшей посмертно монографии А. А. Зимина рассматривается генеалогия князей Звенигородских конца XIV — начала XVI в. Исследователь полагал, что они «издавна служили московским государям». Вслед за Дионисием Лупой выезд Звенигородских на службу в Москву А. А. Зимин отнес к 1408 г. Однако убедительных свидетельств источников об их пребывании в Северо-Восточной Руси в первой половине XV в. исследователь так и не привел. Исключение

⁵⁸⁷ Так, для примера можно отметить, что в одной из первых исследовательских статей, посвященных изучению сведений по генеалогии политической элиты Чернигово-Северской земли, были оставлены без внимания сведения письменных источников, относящиеся к судьбе правителей Карачевского и Тарусского княжеств (ср.: *Квашнин-Самарин Н. Д.* По поводу Любецкого синодика. С. 213—226).

⁵⁸⁸ РИИР. 1977. Вып. 2. С. 3—186.

⁵⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 113. № 235 (661). Л. 364—366 об., 453—458 об., 451—452 об., 83 об. — 84; Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. С. 74—77.

⁵⁹⁰ *Клосс Б. М.* Избр. труды. Т. 2. С. 334—335, 337. Примеч. 9.

⁵⁹¹ Подробнее о нем см.: *Кузьмин А. В.* Дионисий Лупа Звенигородский // ПЭ. 2007. Т. 15. С. 289—291.

составляет лишь известный летописный рассказ о сторонниках черниговского и брянского князя Свидригайла, которые вместе с ним выехали 26 VII 1408 г. на службу к великому князю Василию I. Поэтому остается неясным, на чем основывается убежденность А. А. Зимина в том, что упоминаемые в нем Александр и Патрикий Звенигородские были именно Рюриковичами, а, допустим, не Гедиминовичами. Князь Александр Звенигородский в источниках упоминается лишь в 1408 г. Между тем приписываемый ему один из сыновей (Иван Александрович Звенигородский) служил великому князю Василию II Темному между 1447—1468 гг.! Кроме того, исследователь не доказал, что в 1409 г. Звенигородские остались в Москве, а не покинули ее вслед за вернувшимся в ВКЛ князем Свидригайло. При этом степень родства потомков правителей Карачевского княжества, московских бояр Сатиных-Шонуровых и князей Звенигородских, А. А. Зиминым не только не была определена, но даже и не сформулирована как исследовательская задача⁵⁹².

Таковыми же скудными на наблюдения о генеалогии правителей Карачева, Козельска, Хотетова, Перемышля, Звенигорода и Ельца за XIV — начало XV в. оказываются исследования М. М. Крома и А. А. Горского⁵⁹³. Отмечая их прямое родство с князьями Мосальскими и Хотетовскими, М. М. Кром лишь вскользь замечает, что «линия собственно карачевских князей к началу XV в. угасла, самим г. Карачевом распоряжались в XV в. литовские господа»⁵⁹⁴.

Привлекая источники, опубликованные М. Е. Бычковой, а также основываясь на наблюдениях предшествующей историографии, новую, более полную реконструкцию родословного древа правителей Верховских княжеств за XIII—XV вв. опубликовал А. В. Шеков. Однако и эта весьма интересная работа, как и исследования упоминавшихся выше русских дореволюционных и польских историков, имела ряд серьезных недостатков. А. В. Шеков так и не смог установить четкую взаимосвязь между упоминанием в разных по времени составления и характеру записей генеалогических источниках потомков черниговских князей, определить очередность их создания. Поэтому некоторые князья,

⁵⁹² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 56, 252 (ср.: *Piżyna J. Potomstwo Narymunta Gediminowicza: II. Patrycy Narimuntowicz. S. 107—111*). В связи с этим более обоснованным представляется мнение М. Е. Бычковой, которая в данном случае более осторожно констатирует: «Отсутствие более подробных известий о службе первых Звенигородских князей в Москве не позволяет утверждать, что они сразу обосновались здесь, как это случилось с князем Патрикием Наримонтовичем и его потомками, служба которых на протяжении всего XV в. хорошо известна» (Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. С. 41).

⁵⁹³ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII—XV в. вне Северо-Восточной Руси // СР. 2004. Вып. 5. С. 160—163.

⁵⁹⁴ Подробнее об этом см. в кн.: Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 36, 50—51.

жившие в середине — второй половине XIV в., в родословной таблице, составленной А. В. Шековым, оказались среди лиц, действовавших уже в XV в.⁵⁹⁵ Так, например, если Р. В. Зотов считал князя Ивана Шонура правнуком Мстислава Михайловича Карачевского⁵⁹⁶, то, согласно первоначальному предположению А. В. Шекова, он был внуком князя Тита Козельского, который упоминается в летописях еще в 1365 г.⁵⁹⁷

Среди исследователей непосредственно работавших с источниками по генеалогии Шонуровых и Сатиных следует выделить наблюдения Н. П. Лихачева и С. Б. Веселовского. Так, например, первый из них отметил, что в конце XVII в. в Разрядный приказ дворяне Сатины подали две росписи. Первую роспись принес московский дворянин Емельян Романович, а вторую — его дальний родич Афанасий Михайлович⁵⁹⁸. Проверя биографические сведения, изложенные в обеих родословных, Н. П. Лихачев нашел подтверждение ряду их сведений в других источниках. Исследователь смог определить время боярства Матвея Романовича, который служил удельным князьям московского дома — Василию Владимировичу и Константину Дмитриевичу⁵⁹⁹. После тщательного анализа приложенных к тексту родословной росписи документов Н. П. Лихачев установил, что жалованная грамота великого князя Ивана III окольничему Никите Перфильевичу Сатину — фальсификат. Этот документ был известен исследователю по списку XVII в. из собрания И. Д. Беляева⁶⁰⁰. В нем Н. П. Лихачев выявил две явные вставки: 1) «за верную службу за посольство во Орду»; 2) указание на думный чин окольничего у Н. П. Сатина. По мнению исследователя: «Можно, пожалуй, поверить показаниям росписи о боярстве Сатиных XV века, но в XVI столетии эта фамилия несомненно не имела представителей в высших чинах. Если она захудала, то еще в XV веке. Кроме того, дьяк Елиазар Цыплетев не мог подписать грамоту 1504 года — эта дата для него слишком ранняя...»⁶⁰¹ К сказанному

⁵⁹⁵ *Шеков А. В.* Верховские княжества. Тула, 1993. Аналогичный вывод, с опорой на наблюдения Р. В. Зотова и Г. А. Власьева, можно встретить и в одной из компилированных заметок, где ошибочно утверждается, будто бы князь И. Ф. Шонур Козельский жил в XV в. (Например, см.: *Беликова М. Г.* Дворяне Сатины и Жемчужниковы // ИРГО. 1995. Вып. 2. С. 56).

⁵⁹⁶ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику. С. 20. № 34. С. 301. № 157.

⁵⁹⁷ *Шеков А. В.* Верховские княжества. С. 94; ср.: *Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012. Вклейка между С. 160 и 161.

⁵⁹⁸ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 433—434. Примеч. 1.

⁵⁹⁹ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 436—437. Примеч. 1; С. 437. Примеч. 1—2.

⁶⁰⁰ Описание фальсификата см.: *Лебедев Д.* Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881. № 24. С. 12. По наблюдениям Ю. В. Анхимюка, в собрании И. Д. Беляева отложился комплекс грамот, принадлежавший рязанской ветви Сатиных.

⁶⁰¹ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 440 (Грамота на с. 439—440); *Он же.* По поводу статьи А. А. Введенского «Фальсификация документов в Московском госу-

можно добавить, что в родословных росписях Шонуровых и Сатиных среди лиц, живших в XV — начале XVI в. нет ни одного Перфилия и Никиты, т. е., очевидно, что окольничий Н. П. Сатин — лицо вымышленное⁶⁰².

С. Б. Веселовский, анализируя сведения росписей Шонуровых и Сатиных, замечает, что «по одним родословцам» они «сложили с себя княженье», а по другим — княженье было с них «снято». Тем не менее «сыновья и внуки кн. Ивана Шонура Козельского заняли в Москве довольно видное и почетное положение, но не при дворе великого князя, а на службе удельным князьям московского дома. Этим можно объяснить, что в следующем поколении Сатины оказались в стане княжат, противников вел. кн. Василия Темного»⁶⁰³.

Таким образом, выясняется, что в историографии не были точно установлены время жизни и деятельности князя Ивана Шонура, не определено, почему в Москве он и его сыновья сложили с себя княжеский титул. Между тем ответ на эти вопросы может помочь решению более серьезной задачи. Речь идет об установлении общих причин изменения социального статуса титулованной знати после ее перехода на службу в Москву в XIV — первой трети XV в.

Время деятельности князя Ивана Шонура можно определить, хотя и приблизительно, благодаря известию Рогожского летописца за 1371 г. Источник сообщает, что после поездки в ставку к Мамаю (она началась 15 VI) великий князь Дмитрий Иванович «наслалъ» рать на Бежецкий Верх, который был занят тверичами. Очевидно, ближе к осени москвичи здесь «убиша наместника княжа Михайлова Микифора Лыча», а затем «по волостемъ Тферьскимъ грабили». В ответ на это тверская рать захватила Кистьму, а «воеводъ Кистемьскихъ Ивановыхъ детии Шенуровыхъ Андреа и Давида и Бориса (курсив мой. — А. К.), изнимавъ, приведоша въ Тферь къ великому князю Михаилу»⁶⁰⁴. Из текста одной

дарстве XVI—XVII вв.]: [Письмо в редакцию] // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 2. С. 298. Этот фальсификат неоднократно переиздавался (например, см.: *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 441—442; АСЭИ. Т. 3. № 186. С. 199—200). А. П. Пронштейн ошибочно приписывает заслугу в определении недостоверности этого источника А. А. Зимину (ср.: *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. С. 263).

⁶⁰² Вывод Н. П. Лихачева о фальсификации этой грамоты Сатиных поддержан в отечественной науке, например, см.: *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 115; *Введенский А. А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 99; *Он же.* Мой ответ Н. П. Лихачеву // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 2. С. 309; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов... С. 407—408; *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. С. 263; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 104, 237. Примеч. 32; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 15; и др. Историографию вопроса об этом фальсификате см. в работе В. Б. Кобрин.

⁶⁰³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 461—462.

⁶⁰⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 98. Л. 307—307 об.

из духовных грамот великого князя Василия II Темного можно установить, что волость Кистьма была давним владением его семьи. Ее «примысль» осуществил еще великий князь Иван I Калита⁶⁰⁵. Следовательно, находившиеся в Кистьме воеводы служили в 1371 г. великому князю Дмитрию Ивановичу. Обращение к родословным росписям Шонуровых и Сатиных позволяет установить, что из трех указанных выше сыновей князя им известен только Давыд⁶⁰⁶. Итак, выясняется, что летописец знал имена еще двух детей Ивана Шонура. Вероятно, Андрей и Борис не были продолжателями рода, и поэтому они не были включены в родословные росписи Сатиных. Опираясь на известие Рогожского летописца, можно предположить, что Иван Шонур выехал на службу в Москву непосредственно к великому князю. Умер ли этот Ольгович до или после 1371 г., пока неясно. По крайней мере, в ряде списков Любецкого помянника отмечается, что звенигородский князь Федор Александрович, родственник Ивана Шонура, погиб в бою с ордынцами, очевидно, в начале XV в.⁶⁰⁷ Версию Г. А. Милорадовича о гибели князя 8 IX 1380 г. в битве на Куликовом поле они не подтверждают⁶⁰⁸.

Так когда же все-таки произошел выезд князя Ивана Шонура на службу в Москву и каковы были его причины?

⁶⁰⁵ ДДГ. № 21. С. 58 [Подлинник].

⁶⁰⁶ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/270. Л. 320 об.; Родословная книга. С. 124; и др.

⁶⁰⁷ Кузьмук О. [С.] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври. С. 19. Л. 15, 15 об.; Синодик Любецкого Антониева монастыря. Чернигов, 1902. Л. 21. О синодике церкви Введения Пресвятой Богородицы из Киево-Печерской лавры (список второй половины XVII в.) подробнее, например, см.: Кузьмук О. С. Поменники у фондах Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника // Могильнянський читання, 2002. Київ, 2003. С. 268—269; *Он же*. Поменник печерної Введенської церкви як історичне джерело // Там же, 2006. Київ, 2007. С. 96—102; и др. В составе данного источника сохранилась наиболее полная редакция помянника великих князей киевских и черниговских. Через ряд списков она восходит к более ранней редакции начала XV в. По-видимому, еще один из ранних списков данного помянника должен был находиться в протографе синодика уставщика Брянского Свенского монастыря старца Ефрема 1626 г. Здесь в перечне «благочестивых великих князей» на л. 9 сохранился лишь фрагмент (очевидно, окончание) поминание новосильских великих князей Романа (Семеновича) и его сына Льва Романовича. Вслед за этими лицами отмечена традиционная поминальная запись о черниговском великом князе Михаиле Всеволодовиче и его боярине Феодоре. К ним приписано поминание «великого князя Романа» (по-видимому, это — второй сын князя-мученика — черниговский и брянский великий князь Роман Михайлович Старый). Данный помянник черниговских Ольговичей разделяется на две части из-за поминального перечня имен представителей великокняжеской династии Калитовичей и их предков Мономашичей. Хронологическая последовательность упоминания московских великих и удельных князей также оказалась нарушена. Подробнее об этом см.: Синодик старца Ефрема: Рукопись Свенского монастыря 7134. Брянск, 1896. С. 4. Л. 7—9.

⁶⁰⁸ Кузьмук О. [С.] Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври. С. 19. Л. 15 об.; Синодик Любецкого Антониева монастыря. Чернигов, 1902. Л. 21; ср.: Милорадович Г. А. Любеч... С. 38. № 47.

Сохранившиеся источники указывают, что к середине XIV в. отношения между московскими князьями с правителями верхнеокских княжеств были достаточно развиты. Так, например, хорошо известна покупка между 1340—1348 гг. великим князем Семеном Гордым у новосильского князя Семена Михайловича волости Заберег, земли которой находились в верхнем течении р. Протвы⁶⁰⁹.

Изучение расположения вотчин Сатиных-Шонуровых во второй половине XIV—XV вв. позволяет сделать вывод, что выезд их предка в действительности произошел ранее — возможно, еще при великом князе Иване I Калите, как об этом свидетельствует роспись Сатиных, поданная ими в Разряд 23 V 1686 г.⁶¹⁰

Часть владений семьи Шонуровых находилась под Боровском. Столица владений князя Владимира Храброго впервые упоминается в двух духовных грамотах его дяди великого князя Ивана II Красного. Последнюю из них, как убедительно показал В. А. Кучкин, следует «относить примерно к весне — лету 1359 г.»⁶¹¹. Здесь среди владений великого князя упоминается «село на Рѣпнѣ в Боровьцѣхъ»⁶¹². Из текста dokonчания великих князей Дмитрия Московского и Олега Рязанского, составленного около 2 VIII 1381 г., можно выяснить, что когда-то «земли по рекѣ по Wкѣ, ѿт Коломны вверхъ по Wцѣ... почен Новыи городок, Лѣжа, Верем, Боровескъ, и инаѣ» были «мѣста Рязанская», но теперь они уже принадлежали Москве, что еще раз и подтвердил данный договор⁶¹³.

Более поздний документ — dokonчание московских князей Дмитрия Донского и Владимира Храброго, датированное 25 III 1389 г., свидетельствует о том, что еще в начале правления великого князя Боровск входил в число владений старшего сына Ивана II Красного. Однако чуть позже, как вспоминает Дмитрий Иванович, его двоюродный брат «[...мнѣ потомъ челомъ добилъ отцомъ моимъ Алексѣемъ, митрополитомъ всеѣ Руси, и ѡзѣ] тебе пожаловал, [даль ти есми Лужу и Боровескъ...].» Речь идет о событиях 1372—1374 гг. При этом важно

⁶⁰⁹ ДДГ. № 2. С. 12 (в этой акте утрачена часть текста, где сообщается имя прежнего владельца), № 3. С. 14 [Подлинник].

⁶¹⁰ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 434; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 440.

⁶¹¹ Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // СР. Вып. 5. С. 233—242.

⁶¹² ДДГ. № 4^а. С. 15, № 4^б. С. 17 [Подлинники]. Упоминающееся до него село «Каменьское» в настоящее время расположено на правом (в 22 км) берегу р. Нара к северо-востоку от Боровска (Топографическая карта: Калужская область. М., 1999. С. 6).

⁶¹³ ДДГ. № 10. С. 29 [Список конца XV в.]. Л. В. Черепнин датировал этот документ 1382 г. Однако мнение А. А. Зимина более логично и лучше аргументировано (ср.: ДДГ. № 11. С. 31, 33 [Подлинник]; Черепнин Л. В. РФА. Ч. 1. С. 55—58; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот. С. 286—287). Подробнее об этом договоре см. в кн.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 223—270, 343.

отметить одно обстоятельство. В документе четко оговаривается, что Боровск ранее не входил в число Лопасненских мест⁶¹⁴. Такая привязка названия данного топонима в источниках при перечислении населенных пунктов с востока на запад (от Коломны), по-видимому, подтверждает вывод, что Боровск с ближайшей округой мог по частям начать отходить к Москве, как и Коломна, еще в начале XIV в. По крайней мере, в 30-е гг. XIV в. боровская волость «Щитовъ» уже была завещана Иваном I Калитой своему младшему сыну Андрею⁶¹⁵.

По наблюдениям В. А. Кучкина, в правление великого князя Ивана II Красного (1353—1359) в пользу Москвы отошла волость Истерва; «называлась она так, скорее всего, по р. Истерьме, впадающей слева в р. Протву недалеко от Боровска». По мнению исследователя:

«О том же процессе свидетельствует еще один факт, извлекаемый на этот раз из перечня сел, которыми Иван Красный наделил младшего сына. Из семи сел, названия которых впервые встречаются только в духовной грамоте Ивана Ивановича: Михалевское, село на Репне в Боровске, Мильцинское, Каринское, Козловское, Выславское, Кузьминское, местоположение одного определяется сразу. Это село на Репне (позднее — Репенка), левом притоке р. Протвы. Земли по этой реке административно подчинялись Боровску. Появление здесь московского села указывает на захват Калитовичами части территории Рязанского княжества»⁶¹⁶.

Впрочем, для нас важно подчеркнуть тот факт, что изначально Боровск, небольшой городок на юго-западной границе княжества, был владением московского, а не серпуховского удельного князя.

Память о владениях князя Ивана Шонура, прежде всего, сохранила топонимика. Так, в 8 км к западу от Боровска известно село Сатино⁶¹⁷. Оно располагается на мысу «первой надпойменной террасы прав[ого] берега р. Протва при впадении руч[ья]». Позднесредневековый культурный слой здесь представлен преимущественно гончарной керамикой.

⁶¹⁴ Предыдущее dokonчание братьев, к сожалению, имеет значительные утраты текста. В сохранившейся части грамоты Боровск не упоминается, хотя несомненно, что именно в этом документе должен был зафиксирован его переход в руки серпуховского князя (ДДГ. № 7. С. 23—24 [Подлинник]). По мнению А. А. Зимина, это dokonчание было составлено между 10 IV и 15 VI 1371 г., т. е. до отъезда великого князя Дмитрия Ивановича в Орду к темнику Мамаю (Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот. С. 283—285). Вопреки устоявшемуся мнению, Л. В. Черепнин относит составление второго dokonчания между братьями не к 1371 г., а 1374—1375 гг. (Черепнин Л. В. РФА. Ч. 1. С. 35—43).

⁶¹⁵ ДДГ. № 1^а. С. 7, № 1^б. С. 9 [Подлинники].

⁶¹⁶ Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного. С. 259—260. Вхождение округи Боровска в состав Московского княжества в 50-е гг. XIV в. отмечает и А. А. Горский (Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII—XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 127).

⁶¹⁷ Топографическая карта: Калужская область. С. 6.

Он относится XIV—XVII вв.⁶¹⁸ Судя по нижней датировке культурного слоя есть вероятность того, что первым владельцем села был именно князь Иван Шонур. Название села свидетельствует о том, что позднее оно перешло в руки младшего сына князя — Романа Сати.

По раннему списку начала XVII в. *Комп. ред.* родословных книг можно установить, какие земли при разделе наследства отца получили другие дети Ивана Шонура. По данным источника, «Давыду досталось в удел Недино. А большому сыну Константину досталось село Щитово в Боровъске»⁶¹⁹. Термин «удел» известен духовным московских бояр и служилых людей, хотя в их лексиконе он встречается редко⁶²⁰. (Между тем, близкие ему «дельницы» чаще встречаются в актах бояр и земян русских земель ВКЛ⁶²¹.)

Согласно одному из актов можно выяснить, что в июле 1463 г. среди вотчин Московского Архангельского собора появились «два селца Инютинское да Козельское в Боровском уезде в Суходоле»⁶²². Последнее из них, несомненно, ранее также могло принадлежать Ивану Шонуру. Очевидно, что как и в случае с селами Волинским под Москвой и двумя Липятиными под Коломной, в названиях сел, принадлежавших Сатиным, в середине XIV в. и позже могло отразиться старинное фамильное прозвище их предка. В настоящее время село Козельское находится вблизи от правого берега р. Истерьма и в 10 км к северо-востоку от Боровска⁶²³. Волость Истерва (тянувшая

⁶¹⁸ АКР: Калужская область. М., 1992. С. 42. № 121 (4).

⁶¹⁹ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74. Данное село не следует путать с селом Шитово, которое находится в 14 км к западу от г. Мосальска (Топографическая карта: Калужская область. С. 10—11). При археологическом исследовании этой местности культурные слои древнерусского времени найдены не были. Все ограничивается предметами повседневного быта носителей предположительно юхновской и мощинской культур раннего железного века, относящихся к IV—VII вв. н. э. (АКР: Калужская область. С. 89. № 399 (1)).

⁶²⁰ Так, например, в духовной грамоте известного московского боярина Андрея Михайловича Плещеева, написанной до 19 VIII 1491 г., отмечается: «А что жены моей село Елизаровское приданое в Переславском уезде, и мы, свою женою с Оленою поговоря, дали есмь по любви то село Елизаровское сыну своему Ивану в удел (курсив мой. — А. К.), зань же ему мало моих земель досталось...» (АСЭИ. Т. 1. № 562. С. 439 [Список 1680-х гг.]). В памяти о происхождении и персональном составе лиц мужского рода дьяка Троице-Сергиева монастыря Вороны Иванова упоминалось, что его отцу в наследство не достались вотчины его умерших родственников. Это произошло потому, что «Вороницу отцу удела в тех землях не было за тем, что ся дал при отце своем в холопи, до мору (курсив мой. — А. К.)» (Там же. № 391. С. 284 [Список сер. XVI в.]).

⁶²¹ Паушто В. Т. и др. Древнерусское наследие... С. 92.

⁶²² *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463—1605 гг. // РД. Вып. 2. № 1. С. 28 [Список 1733 г.]. Оба эти селца не фигурируют в актах великих и удельных князей Москвы в XIV — первой половины XV в. Поэтому можно предположить, что переданные в июле 1463 г. великим князем Иваном III Архангельскому собору Инютинское и Козельское недолго находились в числе его владений.

⁶²³ Топографическая карта: Калужская область. С. 6.

позднее к Звенигороду) вошла в состав Московского княжества, как замечено выше, лишь при великом князе Иване II Красном. Поэтому можно предполагать, что еще до 1353—1359 гг. князь Иван Шонур мог основать село Козельское в Суходоле. Эта волость, входившая позднее в состав Звенигородского и Боровского уездов Московского великого княжества, как и волость Щитов, известна еще со времен правления здесь великого князя Ивана I Калиты. Во второй половине 30-х гг. XIV в. волость Суходол дважды упоминается в его завешаниях. После смерти великого князя она должна была перейти во владение его второго наследника — удельного звенигородского князя Ивана II Красного⁶²⁴.

По завещанию князя Владимира Храброго, время составления которого относится к периоду между сентябрем 1406 г. и 7 VI 1407 г., но до ноября 1408 г.⁶²⁵, или, что представляется более верно, к январю — марту (не позднее 23 III) 1410 г.⁶²⁶, волость Щитово передавалась двум его сыновьям — князьям Семену и Василию. Ее северо-восточная граница проходила вверх по р. Наре, т. е. она граничила с землями великокняжеского села Каменского⁶²⁷. По мнению С. М. Каштанова, «раздел Щитова на две части был при Владимире Андреевиче явлением новым, не имевшим традиций, что и потребовало размежевания»⁶²⁸.

Первым из пяти послухов у духовной грамоты боровско-серпуховского князя «сидел» боярин Константин Иванович. Несомненно, что это

⁶²⁴ ДДГ. № 1^а. С. 7, № 1^б. С. 9.

⁶²⁵ Л. В. Черепнин полагал, что этот документ был составлен около 1401—1402 гг. (Черепнин Л. В. РФА. Ч. I. С. 71—74). Однако наблюдения А. А. Зимина, датирующего составление грамоты более поздним временем, имеют более убедительную доказательную базу (ср.: ДДГ. № 17. С. 46, 47, 51 [Список 2-й пол. XV в.]; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот. С. 290—291).

⁶²⁶ Экземплярийский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. СПб., 1891. Т. 2. С. 302—305; Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 98; Он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 423; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. С. 200; Кучкин В. А. Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 116. С. М. Каштанов вслед за Л. В. Черепниным также сначала предлагал датировать духовную грамоту князя Владимира Храброго около 1401—1402 гг. (Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. М., 1996. С. 106). Однако позднее точка зрения С. М. Каштанова изменилась. Вновь проанализировав содержание этого документа, С. М. Каштанов отнес время составления духовной грамоты боровско-серпуховского князя к концу 1409 — началу 1410 г., точнее — до 14 V 1410 г. (Каштанов С. М. К вопросу о первом упоминании и времени основания Малоярославца // Малоярославец: проблемы истории и возрождения. Малоярославец, 2001. С. 23—27). Этот вывод был развит А. Б. Мазуровым. Он обратил внимание на отсутствие в духовной грамоте благословения митрополита Фотия, который прибыл в Москву лишь 23 III 1410 г. (Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 226—232).

⁶²⁷ ДДГ. № 17. С. 46.

⁶²⁸ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. С. 107.

сын Ивана Шонура⁶²⁹. Очевидно, что в начале XV в. К. И. Шонуров не был полновластным владельцем Щитова. О характере прав Константина и его отца на это село пока говорить можно только предположительно. Согласно духовным грамотам великого князя Ивана I Калиты волость «Щитовъ» завещалась его младшему сыну Андрею⁶³⁰. Следовательно, можно предположить, что ее центр село Щитово находилось в условном владении («держании») семьи князя Ивана Шонура. В первой половине XIV в. такой институт отношений уже был развит в Московском великом княжестве. Он применялся на землях, которые непосредственно находились за традиционными границами родовых вотчин Калитовичей. Наиболее известным примером тому служит следующая статья во второй духовной грамоте великого князя Ивана I Калиты: «А что есмь купил в Ростовѣ Богород(и)чское, а дал есмь Борису Ворькову, аже иметь с(ы)ну моему которому служити, село будет за нимъ, не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимут»⁶³¹. В начале XIV в. такие условия стимулировали не только заинтересованность подчиненной стороны в несении службы правителям Москвы, но и направляли ее на действия, устремленные на защиту полученных владений и прав на их налоги от посягательств со стороны противников своих сюзеренов. В это время развитый институт поощрений знати за военную и административную службу также был хорошо известен как в странах Европы (например, Мазовецком княжестве⁶³²), так и Византии, где в XIV в. активно развивались как «прония (забота, попечение)», так и вотчина⁶³³. Схожие тенденции можно наблюдать и в славянских странах Восточной Европы. Вряд ли случайно, что уже в 1347 г. в соседней с Русью Малой Польше при короле Ка-

⁶²⁹ ДДГ. № 17. С. 50; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 460.

⁶³⁰ ДДГ. № 1^а. С. 7, № 1^б. С. 9.

⁶³¹ ДДГ. № 1^б. С. 10. Позднее это село входило в состав Богородцкого стана Ростовского уезда. Установить происхождение Б. Воркова пока не представляется возможным (*Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. М.; СПб., 2009. С. 85, 90, 95). Мнение М. Г. Рабиновича о незнатном происхождении Б. Воркова источником никак не подтверждается (*Рабинович М. Г.* Военное дело на Руси эпохи Куликовской битвы // *ВИ.* 1980. № 7. С. 106). Юридический статус земель, которыми он распоряжался в Богородичском селе, очевидно, можно определить как «служни» (ДДГ. № 11. С. 32 [Подлинник]). По мнению М. Б. Свердлова, правда, ошибочно указавшего, что это владение находилось в Рязанской, а не в Ростовской земле, село Богородичское — «это условное землевладение в виде держания, аналогичного западноевропейскому феоуду-земле». Подробнее об этом, а также историографию вопроса см.: *Свердлов М. Б.* К изучению господской земельной собственности в Новгороде XIII—XIV вв. // *НИС.* 2003. Вып. 9 (19). С. 136—137, 138.

⁶³² Например, см.: *Semkowicz Wl.* Przyczynki dyplomatyczne z wieków średnich // *Księga pamiątkowa ku uczczeniu 250-tej rocznicy założenia Uniwersytetu Lwowskiego przez króla Jana Kazimierza r. 1661.* Lwów, 1912. T. 2. S. 24—43; *Handelsman M.* Przywileje rodowe mazowieckie // *MH.* 1914. R. 7. № 3—4. S. 41—51, № 5—6. S. 89—95; и др.

⁶³³ *Хвостова К. В.* Прония // *ВВ.* 1988. Т. 49. С. 13—23; *Она же.* Византийская цивилизация // *ВИ.* 1995. № 9. С. 40—41; и др.

змире III Великом был принят Вислицкий статут, третий раздел которого специально разъяснял эти социально-экономические явления («О служилых людях, посаженных на землю князем (о панах и шляхте)»)⁶³⁴.

Условия владения землей за службу, распространенные на Б. Воркова, не были уникальными исключительно для Московского княжества. По-видимому, в Северо-Восточной Руси они приняли общий характер⁶³⁵. Судя по всему, эти условия имели распространение вплоть до появления правил поместной системы, очевидно, некоторое время сосуществуя друг с другом. Так, например, на эту возможность указывает жалованная данная и несудимая грамота великого князя Ивана III, выданная в марте 1488 г. от его имени служилым людям Н., Ю. и О. Н. Шенуриным на деревню Шенуринскую «со всем с тем, что к ней истарины потягло». Это владение располагалась на территории бывшего московского удела — в Едомской волости Галичского уезда. Старший Калитович отмечал, что он «пожаловал есми Микитку да Юрку Шенуриных и сына Микиткина Осташа тою деревнею, доколе служит Микитка да Юрка и Микиткин сын мне и моим детям»⁶³⁶.

Если наше предположение о первоначальном характере прав Ивана Шонура на боровские земли верно, то стоит признать, что они имели ограниченный характер. Права князя на земли в Щитово, полученные за выезд на службу в Москву, носили условный характер. На это, несомненно, влиял срок давности. Очевидно, что XIV в. права на землю и иммунитет таких выезжих князей мало чем должны были отличаться от прав местных бояр и вольных слуг. Правда, передача Иваном Шонуром «в удел» сыну Давыду села Недино (если это, конечно, не поздняя интерпретация источника конца XV—XVI в.⁶³⁷), возможно, — прямое указание на сохранение им части владельческих прав, хотя бы в границах некоторых своих выслуг. Насколько они были весомее и чем отличались от прав бояр и вольных слуг, пока говорить сложно. Источников по этому вопросу известно недостаточно. Можно лишь утверждать, что князь не был полным владельцем на полученных им землях, так как не принадлежал к роду Калитовичей.

⁶³⁴ Гапоненко Л. С. Положение крестьян Юго-Западной Руси по Вислицкому статуту // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 129—130.

⁶³⁵ Так, например, считал М. Г. Рабинович (*Рабинович М. Г.* Военное дело на Руси эпохи Куликовской битвы. С. 106), а для всей Руси — Л. В. Черепнин (*Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.) // ВИ. 1953. № 4. С. 55—56).

⁶³⁶ АСЭИ. Т. 3. № 243. С. 263 [По публикации со списка 1576 г.]. Об этом акте и судьбе его владельцев подробнее см.: *Кобрин В. Б.* Становление поместной системы // ИЗ. 1980. Т. 105. С. 152—153.

⁶³⁷ Об использовании термина «удел» в среде нетитулованных вотчинников на Руси подробнее см.: *Назаров В. Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. // Словня, институты и государственная власть в России. М., 2010. С. 397—398.

Археологические наблюдения последних десятилетий позволяют судить о степени плотности населения Калужской области и роде его занятий в эпоху Средневековья, когда на его территории были волости Боровско-Серпуховского княжества. По наблюдениям археологов, в этом районе Руси

«...часть городищ древнерусского времени и 14—15 вв. характеризуется устойчивым комплексом признаков, среди которых: мощные укрепления при относительно небольших размерах площадки (700—2000 кв. м); находки предметов вооружения и конского снаряжения, типичных для быта феодалов; наличие среди находок стеклянных браслетов, дорогих украшений, не встречающихся на рядовых сельских поселениях; значительная имущественная дифференциация обитателей городищ, прослеживаемая, в частности, в размерах и планировке построек»⁶³⁸.

В связи с этим можно предполагать, что после переезда на службу к правителю Москвы основным занятием Ивана Шонура Козельского стала охрана юго-западных рубежей владений Калитовичей. Несомненно, она также предполагала военное давление на соседние земли, которые еще в конце XIII — начале XIV в. были отторгнуты рязанскими князьями у черниговских Ольговичей. По-видимому, в середине XIV в. в районе р. Протвы князь Иван Шонур получил значительные земли, владельцами которых некогда были его прямые предки. Интересно отметить, что к востоку от вотчин Ивана Шонура, в соседних станах Коломенской земли спустя некоторое время, но все в том же XIV в. образуются владения других выезжих на службу в Москву князей — Дмитрия Боброка и Ивана Липяты. Формирование на Верхней Оке владений таких видных представителей военно-служилой знати в пограничных с княжествами черниговских Ольговичей и ВКЛ землях, очевидно, имело весьма продуманный, а не хаотичный характер. Эта целенаправленная политика способствовала решению, по крайней мере, части внешних и внутренних задач московских Калитовичей.

⁶³⁸ Краснов Ю. А. Введение // АКР: Калужская область. С. 20. О времени вхождения Боровска в состав московских владений четких данных нет. Так, например, на карте городских центров Московской земли XI—XIV вв. А. А. Юшко отмечает, что Боровск еще при Иване I Калите входил в состав Смоленского княжества. Однако ниже она делает совершенно противоположный вывод, утверждая, что порубежные крепости, находившиеся в 30-е гг. XIV в. в бассейне р. Протвы, «призваны были обезопасить юго-западные окраины Московского княжества от набирающего мощь Литовского государства». В их числе А. А. Юшко, наряду с упоминающимся в духовной Ивана I Калиты Перемышлем, называет и Боровск (ср.: Юшко А. А. Из истории городских центров Подмосковья XI—XIV вв. // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 188. Рис. 1, С. 189). Впрочем, позднее исследовательница замечает, что Боровск, Вышгород на Протве и Верея «вошли в состав Московского княжества в 50—80-е гг. XIV в.» (Юшко А. А. Московская земля IX—XIV вв. М., 1991. С. 73).

Иван Шонур, по-видимому, как и Дмитрий Боброк, также получил какие-то земли вблизи от Москвы. На это косвенно указывает ретроспективный анализ названий населенных пунктов и владений его потомков. Так, например, в волости Корзенева по акту 1526/27 г. известна деревня Сатино. Ранее она была в вотчине за И. Ф. Петровым, потомком старинного боярского рода⁶³⁹.

В списке с писцовых книг 1584—1586 гг. за И. И. Завесиным-Елизаровым с детьми «въ вотчине» упоминается несколько владений в Горетове стане. До этого они принадлежали Афанасию Сатину. Речь идет о селце Жегалово на р. Клязьме, пустошах Бражниково, «а Воровицыно тожъ, на р. на Клязьме», Орешниково, «а Осинниковская тожъ», Сонино на р. Черной, Варишино и Кутазница. В этом вотчинном владении было «2 дв. вотчинниковы, да дв. люцкой; пашни паханные сер. земли 20 четьи да пер. 68 четьи безъ полуосм., и обоего пашни и пер. 88 четьи безъ полуосм. въ поле, а въ дву потомужъ, сена 300 коп., лесу рощи 5 дес., да дровяного 6 дес.»⁶⁴⁰.

Кроме того, в Городском стане Звенигородского уезда писцовые материалы 1558—1560 и 1592—1593 гг. упоминают бывшую вотчину Н. З. Сатина. Она состояла из половины селца Шумеева, деревень Иванишково, Доманово, Чемерево, Бесково и починка Яковлева. Потомку козельского князя ранее принадлежало «пашни середние земли 88 четвертей, сена 131 копна, кустарю пашенново 20 четвертей, рощи на осмину»⁶⁴¹. По-видимому, это только часть земель Ивана Шонура и его потомков, о которых дошли скудные упоминания в источниках.

Земельные владения Сатиных и Шонуровых не ограничивались вотчинами в Москве, Звенигороде и Боровске. Важно подчеркнуть, что близкое соседство владений Сатиных и Волынских встречается не только в Подмоскovie, но и Угличе и Ржеве. В середине XVI в. большинство Сатиных служило по дворовому списку именно из этих верхневолжских городов⁶⁴². Ранее Углич и Ржева долгое время были владениями князей Владимира Храброго и его двоюродного племянника Константина Дмитриевича, а позднее — галицко-звенигородского князя Дмитрия Шемяки. Поэтому не случайно, что в конце XIV — середине XV в. на службе у них были представители рода Шонуровых и Сатиных. В XVI в. они также были тесным образом связаны с Угличским Покровским монастырем⁶⁴³.

⁶³⁹ АРГ, 1505—1526 гг. № 285. С. 286 [Список 1641 г.]. Подробнее см.: ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 74.

⁶⁴⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 142. Для поминания имя А. Сатина внесено в синодик Благовещенского Киржацкого монастыря (ОР РГБ. Ф. 304/1. № 43. Л. 21).

⁶⁴¹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 663; Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. С. 20. Л. 12 об. — 14.

⁶⁴² ТКДТ. С. 180. Л. 134 об., С. 181. Л. 135 об., С. 205. Л. 154.

⁶⁴³ Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV—XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей. № 18. С. 28.

Л. И. Ивина отмечает, что вотчина З. А. Постника Сатина и его сыновей Федора, Алексея и Андрея находились на р. Кадке Кадского стана Угличского уезда⁶⁴⁴. Возможно, эти четыре пустоши — часть прежнего обширного владения. Однако также не исключен вариант его более позднего происхождения. Так, например, известно, что разделенное в 1532/33 г. с монашеской братией Покровского монастыря село Ясенское с деревнями было пожаловано З. А. Постнику Сатину в вотчину великим князем Василием III⁶⁴⁵.

Согласно росписи Шонуровых, находящейся в *Комп. ред.*, князь Иван Шонур «пришел ис Чернигова»⁶⁴⁶. В других редакциях этого источника утверждается, что он был князь «Козелской»⁶⁴⁷, а в некоторых поздних списках осмыслен как князь «Шунорской и Козелской»⁶⁴⁸. По-видимому, противоречия между ними позволяет снять ранняя редакция росписи рода Толстых, Федцовых, Дурных и Васильчиковых. Она относится ко второй половине XVI в. Ее составление было вызвано тем, что одна из представительниц этого рода Анна Григорьевна Васильчикова стала женой царя Ивана IV Грозного. Это событие произошло между 9 I и 3 II 1575 г.⁶⁴⁹ В родословной Толстых и некоторых их однородцев отмечается, что предок Толстых Леонтий служил в Чернигове у князя Мстислава Михайловича⁶⁵⁰. Согласно родословцу инок Дионисия (Звенигородского), составленному не ранее конца первой трети XVI в., этот князь правил лишь «в Карачеве и в Звенигороде»⁶⁵¹. Конечно, доверять этому источнику в полной мере нельзя. Так, например, в родословце князя-инок Дионисия (Звенигородского) сообщается, что после убийства в Орде великого князя Михаила Всеволодовича новым правителем Чернигова стал его сын Роман. Однако этот факт, если учесть местных князей XIII в., упоминающихся в синодиках, с точки зрения хронологии оказывается не совсем верным. По летописям известно,

⁶⁴⁴ Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. С. 83.

⁶⁴⁵ Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV—XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей. № 15. С. 23—24.

⁶⁴⁶ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

⁶⁴⁷ РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 175, № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга. С. 124; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 434; и др.

⁶⁴⁸ ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 329 об.

⁶⁴⁹ Юрганов А. [Л.] «Откровение» от Иоанна Грозного... С. 148; Он же. О дате написания завещания Ивана Грозного. С. 133—136.

⁶⁵⁰ Козляков В. Н. Дашковский сборник XVII в. // Рязанская вивлиофика. Рязань, 2000. Вып. 1. С. 16; РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. № 73. Л. 300. Табл. В XVII в. эта легенда была заменена на вымышленную, согласно которой предком Толстых, Федцовых, Дурных, Васильчиковых и их однородцев стал «муж честен» из «Немец» не Индрис, а Индрик и два его сына Литвонис и Зимонтен (ср., например: Козляков В. Н. Дашковский сборник XVII в. С. 18; РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. № 43. Л. 438, 441 об.; и др.).

⁶⁵¹ ОР РГБ. Ф. 113. № 235 (661). Л. 455; Роспись потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в XVI в. С. 75. Л. 455.

что сначала Роман долгое время находился на княжении в Брянске, о чем, кстати, автор родословца Дионисия Звенигородского не знал⁶⁵². Учитывая неполноту сведений этого источника, нет сомнений в том, что в него вполне могло и не попасть известие о правлении в Чернигове князя Мстислава, младшего брата Романа Старого. Его княжение в этом городе весьма вероятно, не стоит забывать о том, что Брянск в конце XIII в. был захвачен смоленскими князьями.

Летописи Северо-Восточной Руси изредка пишут о борьбе за княжеские столы в Черниговщине. Ее жертвами нередко становились местные правители. Так, например, в 1310 г. в борьбе за Брянск между князьями из смоленской династии Святославом Глебовичем и его племянником Василием Александровичем был убит карачевский князь Святослав, сын Мстислава Михайловича⁶⁵³. Спустя почти тридцать лет произошла новая драма. 23 VII 1339 г. был убит «князь Козельский Андреи Мъстиславичъ отъ своего братанича отъ Пантелеева сына, отъ окааннаго Василиа»⁶⁵⁴. По времени гибель правителя Козельска почти совпадает с посылкой рати великого князя Ивана I Калиты, которую у него требовал хан Узбек для войны против Смоленского княжества. Не могли ли именно эти события повлиять на решение Ивана Шонура выехать на службу в Москву?

Впрочем, для нас важно не только острое противостояние из-за земель среди князей карачевского дома, но и существование в конце 30-х гг. XIV в. взрослого внука у князя Мстислава. Учитывая время жизни сыновей князя Ивана Шонура, можно предположить, что сам он, скорее всего, был внуком, а не правнуком черниговского и карачевского князя Мстислава Михайловича.

У князя Ивана Шонура, помимо упоминаемых летописью в 1371 г. Андрея, Давыда и Бориса, родословцы знают еще двух детей — Константина и Романа Сатю. Первый из них был старшим, а второй младшим братом Давыда⁶⁵⁵. К сожалению, установить порядок их старшинства по отношению к Андрею и Борису пока точно не удастся. Однако, учитывая раздел отцовских владений, можно предположить, что Андрей все же был младше Константина. Возможно, такой же порядок старшинства был между Борисом с Романом Сатей.

Константин Иванович был одним из старейших бояр князя Владимира Храброго. Этот факт говорит о весьма доверительных отношениях

⁶⁵² Роспись потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского. С. 74. Л. 364—364 об., С. 75. Л. 455.

⁶⁵³ ПСРЛ. Т. 10. С. 177—178. Брянский князь Василий скончался спустя год после смерти отца — в 1314 г.

⁶⁵⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52. Л. 275 об.

⁶⁵⁵ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга. С. 124. Прозвище Романа Ивановича сообщает только *Комп. ред.*

между ними. В 1388—1389 гг. упоминаются «бояре старейшие княжи Владимировы». Однако летописи не называют их по имени⁶⁵⁶. Поэтому пока сложно установить, когда мог произойти переход К. И. Шонурова на службу ко двору правителя Боровска, — до смерти Дмитрия Донского в 1389 г. (например, в 1372—1374 гг.) или чуть позже. Правда, отсутствие имени К. И. Шонурова в тексте духовной московского великого князя косвенно все же говорит в пользу первого варианта. Однако этих наблюдений, конечно, не достаточно; требуются дополнительные факты.

§ 1.5.2. ШОНУРОВЫ. У К. И. Шонурова известен один сын Андрей. По-видимому, сначала он был боярином угличского князя Константина (1421/22—1434). Этот сын великого князя Дмитрия Донского правил в Великом Новгороде с 25 II 1419 г. по март — май 1421 г.⁶⁵⁷ В 1420 г. князь Константин посылал на р. Нарову для заключения мира с Орденом «своего боарина Андреа Костянтиновича»⁶⁵⁸. С. Б. Веселовский верно отождествил его с Андреем, сыном К. И. Шонурова, так как в это время его полный тезка А. К. Сахарник Добрынский был боярином великого князя Василия I⁶⁵⁹. Переход А. К. Шонурова на службу в Москву мог состояться после смерти его сюзерена 5 V 1434 г. *Комп. ред.* родословных книг утверждает, что Андрей «на Москве был боярин введеною»⁶⁶⁰. Однако, можно предполагать, что эти события могли произойти ранее 1434 г.

В росписи Сатиных, поданной в Разряд в 1686 г., отмечается: «У Константина сын Андрей был на Москве бояринъ у великаго князя Василья Дмитриевича и у великого князя Василья Васильевича»⁶⁶¹. Если сообщение источника верно, то переход Андрея на службу в Москву должен был произойти не в 1434 г., а до 1425 г. Скорее всего, это могло быть вскоре после того, как князь Константин Дмитриевич вернулся из Великого Новгорода в Москву. Он окончательно примирился со своим старшим братом. В «1421 или 1422 г.», как считает В. Д. Назаров, князь Константин получил от великого князя в удел Угличское

⁶⁵⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 155. Л. 343 об., Стб. 157. Л. 344 об. — 345; см. также: Там же. Т. 25. С. 214. Л. 298 об.

⁶⁵⁷ *Попнэ А. В.* Порядная запись 1420 г. на постройку церкви св. Троицы на Клопске // ПИ. 1961. Сб. 9. С. 395—396.

⁶⁵⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 245. Л. 341 об. — 342.

⁶⁵⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 460—461.

⁶⁶⁰ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74. Известие родословного источника о служебном статусе А. К. Шонурова весьма показательно, так как, по данным актов, впервые введенные бояре упоминаются как раз около 1433 г. Подробнее об этой немногочисленной, но весьма привилегированной группе военно-служилой знати см.: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 т. М., 1988. Кн. 2. Т. 4. С. 494—495; *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. СПб., 2001. С. 95—101.

⁶⁶¹ Цит. по кн.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 435.

княжество⁶⁶², а во второй половине 1423 или в 1424 г. стал одним из поручителей второй духовной грамоты великого князя Василия I.

Служба А. К. Шонурова у великого князя Василия II не была долгой. 5 XII 1437 г. он был убит в битве под Белевым ордынцами хана Улуг-Мухаммеда. В списке погибших А. К. Шонуров стоит первым в ряде летописей и синодиков. Это указывает на его высокий служебный статус в Москве⁶⁶³.

У А. К. Шонурова известен один сын Александр Черт. В поздних родословцах он записан бездетным⁶⁶⁴. Между 1454—1456 гг. Зиновий Алексеевич Станище и А. А. Черт (Шонуров), будучи боярами удельного князя Василия Ярославича, упоминались на суде в Бежецком Верху⁶⁶⁵.

Согласно *Патр. ред.* Давыд, как и его брат К. И. Шонуров, служил в боярах⁶⁶⁶. Однако *Комп. ред.*, а также *Ред. в 81 главу* и роспись Сатиных 1686 г. об этом ничего не знают⁶⁶⁷. Возможно, эта вставка могла быть осуществлена кем-нибудь из рода Сатиных, которые во второй половине XVI в. считали его своим прямым предком. Это предположение как будто может подтвердиться следующим сообщением *Патр. ред.* о Давыде, отмечающим, что он «молодь умерь». Это известие родословца не противоречит другим источникам. Действительно, Давыд всего один раз упоминается в 1371 г., тогда как его старший брат Константин был жив еще в 1410 г.

У Давыда было два сына Михаил и Матвей. Их служебный статус пока неясен. Роспись Сатиных 1686 г. приписывает Михаилу бездетных сыновей Григория и Федора⁶⁶⁸, но *Патр. ред.* и *Ред. в 81 главу* это не подтверждают⁶⁶⁹. Однако эта неточность хорошо разъясняется при обращении к источникам.

⁶⁶² О времени перехода Угличского удела в состав владений князя Константина Дмитриевича подробнее см.: Назаров В. Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. [1]... С. 72—73. Примеч. 60.

⁶⁶³ ДРВ. Ч. 6. С. 456; ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 168; ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 56—56 об.; Конев С. В. Синодиология. Ч. 2. С. 103. Л. 56—56 об.; ПСРЛ. Т. 8. С. 107; Т. 18. С. 190. Л. 392; Т. 25. С. 260. Л. 363 об.; Т. 26. С. 193. Л. 331; Т. 27. С. 107. Л. 317; Иоасафова летопись. М., 1957. С. 58—59. Л. 19 об., под 6947 г.; и др.

⁶⁶⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 436.

⁶⁶⁵ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 16. С. 371—372 [Список нач. 30-х гг. XVI в.]. Тот факт, что оба они были серпуховскими боярами, подтверждает вкладная запись на л. 1 на Прологе 1431—1434 гг. (ОР РНБ. Ф. n I 48). Согласно этому источнику, удельному князю Василию Ярославичу служил не только З. А. Станищев, но и его старший сын Иван Зиновьевич. Подробнее об этом см.: Описание русских и славянских рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдо-влахийские, сербские. Л., 1953. С. 63.

⁶⁶⁶ Родословная книга. С. 124.

⁶⁶⁷ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 173/278. Л. 320 об.; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 435—436.

⁶⁶⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 436.

⁶⁶⁹ Родословная книга по трем спискам. С. 124; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 320 об.

В 1446 г. летописи отмечают неудачные действия в Белозерской земле Федора Михайловича, боярина и воеводы великого князя Дмитрия Шемяки. Ф. М. Шонуров, шедший из Углича с полками, не успел на соединение в устье р. Шексны у церкви Всех Святых с войсками Василия Борисовича Вепрева Фоминского. Без его поддержки в устье р. Мологи В. Б. Вепрев Фоминский был разбит ратью князей Ивана, Семена Хрипуна и Дмитрия Ивановичей Ряполовских, сторонников великого князя Василия II Темного. В это время Ф. М. Шонуров переправился с полками через р. Волгу и вскоре подошел к устью р. Шексны. Навстречу к нему выдвинулись войска противника под командованием князей Ряполовских. Узнав о поражении рати В. Б. Вепрева Фоминского, Ф. М. Шонуров не стал принимать бой и вновь переправился через р. Волгу⁶⁷⁰.

В *Комп. ред.* родословной росписи Шонуровых говорится, что у Григория Михайловича было четыре сына: Михаил, Федор, Константин и Иван Ноздря⁶⁷¹.

Возможно, статус этих членов рода Шонуровых при дворе удельных князей может осветить карьера их ближайшего родича — Михаила Матвеевича. Все родословные росписи Сатиных XVII в. считают его сыном не Матвея Романовича, а его старшего двоюродного брата Матвея Давыдовича⁶⁷². Между тем, Архивский VIII список *Комп. ред.* родословных книг, в котором находится самая ранняя роспись потомков Шонура Козельского, такого сына у Давыда Ивановича не знает⁶⁷³. Поэтому трудно поверить в реальность его существования.

§ 1.5.3. САТИНЫ. Младшим сыном князя Ивана Шонура был Роман Сатя. Вслед за братьями, он сложил с себя «княжение». Р. И. Сатя Шонуров был боярином князя Владимира Храброго. О его владениях можно судить по названиям сел, о которых упоминалось выше. Источники знают у Романа лишь одного сына Матвея. Среди внуков князя Ивана Шонура он сделал самую видную карьеру. Согласно росписи Сатиных 1686 г., за Матвеем «оть великаго князя Василья Дмитриевича» был «Казелскъ не в от(ъ)имку, а был на Москве бояринъ у великаго князя Василья Дмитриевича, и дал ево князь великий князю Василью Володимировичу въ бояря, а после Василья жиль у князя Константина Дмитриевича въ боярахъ»⁶⁷⁴.

По духовной грамоте князя Владимира Храброго его старший сын Иван в середине мая 1410 г. должен был получить Козельск. Владельческий статус города не имел безусловный характер. Владимир особо оговаривал,

⁶⁷⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 267. Л. 372 об. — 373; Т. 27. С. 112. Л. 328 об., 325 об.; и др.

⁶⁷¹ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

⁶⁷² Родословная книга. С. 124; РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 320 об.; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 436; и др.

⁶⁷³ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74.

⁶⁷⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 436—437.

что он «дал есмь емѹ кн(а)зѹ великоз(о) ѹдѣла Васил(ь)а Дмитреевич(а) Козелескѹ со всѣми пошлинами, Гогол(ь), Шлексин, кѹплю, Лисин». Однако в случае, если «ом(ъ)иметсѹ какими дѣлы Козелескѹ, и в Козелеска мѣсто с(ы)нѹ кн(а)зю Иванѹ, Любѣтескѹ с волостми. А ом(ъ)иметсѹ ом(ъ) с(ы)на, ом кн(а)зѹ Ивана, Лубѣтескѹ и Козелескѹ, и с(ы)нѹ, кн(а)зю Иванѹ Рожалово да Божонка»⁶⁷⁵.

Остатки политической самостоятельности козельских князей от власти великого князя Василия I были потеряны в 1402 г. со смертью их защитника от агрессивной политики правителей Москвы и Вильно — рязанского великого князя Олега Ивановича. В 1395—1408 гг. большинство уделов и волостей Карачевского княжества в несколько этапов окончательно перешли под контроль Витовта⁶⁷⁶. Таким образом, если М. Р. Сатин и держал у Василия I в кормлении Козельск, то, как полагает С. Б. Веселовский⁶⁷⁷, это могло произойти только между двумя указанными выше событиями. Точнее, можно предположить, что внук Ивана Шонура наместничал в родовом гнезде между 1402—1406 гг., т. е. до обострения московско-литовских противоречий и заключения первого перемирия на р. Плаве. Позднейшая служба М. Р. Сатина при дворе князя Василия Владимировича также находит объяснение. Среди владений удельного князя оказалась «половина Щытова по Шндрѣвѹ розѣѣздѹ по Гороховѹ»⁶⁷⁸. В этой волости были вотчины Шонуровых. В 1427 г. во время мора умер князь Василий Владимирович. Поэтому М. Р. Сатин мог служить при дворе угличского князя Константина Дмитриевича в 1427—1434 гг.

Родословная 1686 г. отмечает, что М. Р. Сатин был бездетен⁶⁷⁹. Однако более ранние источники этот факт не подтверждают⁶⁸⁰. Принимая во внимание прозвище отца М. Р. Сатина, можно утверждать, что Михаил Матвеевич был его сыном. В источниках середины XV в. М. М. Сатин фигурирует как боярин, дворецкий и воевода князя Дмитрия Шемяки. О его высоком служебном статусе в Галицко-Звенигородском уделе свидетельствует тот факт, что между 1434—1447 гг. здесь вместе с Романом Александровичем Остеевым он держал в кормлении город Углич, а вкупе с боярами Федором Васильевичем Галицким и Игнатием Михайловичем Морозовым — Галич⁶⁸¹. В 1447 г. по поручению великого князя Дмитрия

⁶⁷⁵ ДДГ. № 17. С. 47.

⁶⁷⁶ Любавский М. К. Областное деление. С. 53; Шеков А. В. Верховские княжества. С. 38—39.

⁶⁷⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 461.

⁶⁷⁸ ДДГ. № 17. С. 47.

⁶⁷⁹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 436.

⁶⁸⁰ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 74, № 85/111. Л. 175, № 173/278. Л. 320 об.; Родословная книга. С. 124; и др.

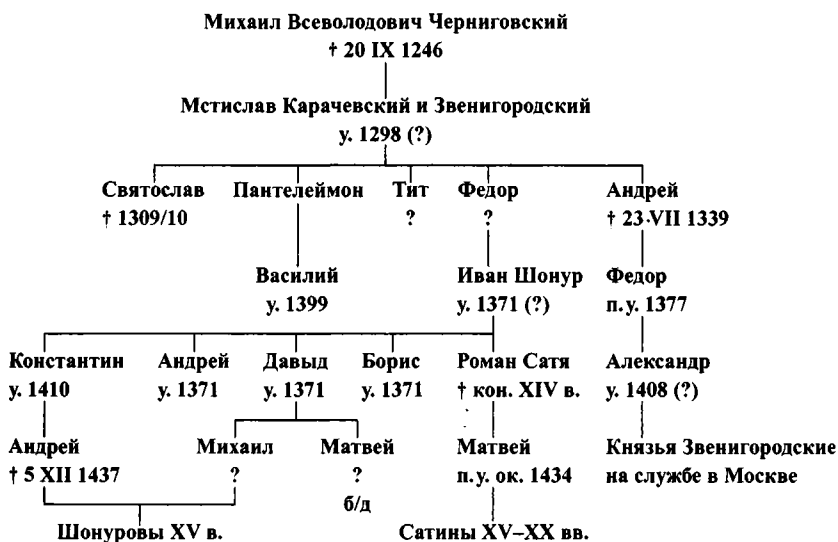
⁶⁸¹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 436; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 461.

Шемяки М. М. Сатин ездил послом ко двору можайского князя Ивана Андреевича, чтобы договориться с ним о новом союзе против великого князя Василия II⁶⁸². Именно от М. Р. Сатина, а не от М. Д. Шонурова следует вывести известный в конце XV—XVI вв. дворянский род Сатиных.

Приведенные выше сведения источников о представителях рода князя И. Ф. Шонура Козельского в конце XIII — первой трети XV в. предположительно можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № 1.7*).

Схема № 1.7

Князья Карачевские, Козельские, Звенигородские, Шонуровы и Сатины

В XV — первой половине XVI в. Сатины, подобно Волынским, на протяжении нескольких поколений были тесно связаны как с боярской думой и двором великого князя в Москве, так и со служилыми структурами удельных столиц (Звенигорода, Углича поле и Старицы)⁶⁸³.

* * *

Судьба потомков князей, выходцев по преимуществу из Смоленской и Черниговской земель, в XIII—XV вв. сложилась по-разному. Часть из них, оказавшись на службе в Москве, приняла активное участие в процессе собирания земель под властью Калитовичей. Здесь дети и внуки титулованных, но безземельных Ольговичей и Мономашичей плавно влились в состав местного боярства. При этом они

⁶⁸² РФА. 2008. № 19. С. 124.

⁶⁸³ Подробнее об этом см.: Юрганов А. Л. Старицкий мятеж // ВИ. 1985. № 2. С. 106.

окончательно расстались с прежним статусом своих отцов и дедов. В итоге эти лица были из круга правящей элиты Руси и Литвы. В ВКЛ близкая тенденция среди местных литовских княжеских родов обозначилась еще в период правления короля Миндовга († 1263) и получила юридическое воплощение при первых Гедиминовичах⁶⁸⁴. Политический статус последних четко отражал их великокняжеский титул. В этом смысле в Северо-Восточной Руси очень показателен пример с потомками князя Константина Ярославича, владельцами Галицкого и Дмитровского княжеств. Ликвидация независимых отношений с Ордой, потеря основной части родовых земель и вынужденный переход на службу в Москву и ее уделы привел к тому, что они стали одним из немногих родов среди потомков великого князя Всеволода III Великое Гнездо, который на рубеже XIV—XV или в начале XV в. утратил титул⁶⁸⁵.

В XIV — середине XV в. в Москве (в отличие от ВКЛ) так и не был юридически оформлен статус «служебных князей». Выехавшие на службу к местным великим князьям Всеволожи, Волынские, Козельские, Порховские и др. при этом не входили в число правящих родов Северо-Восточной Руси. Получив от Калитовичей земли за службу, на практике выездные безудельные князья функционально мало чем отличались от основной массы их бояр и вольных слуг⁶⁸⁶.

В середине XIII в. схожий процесс шел в Галицко-Волынском княжестве и Понеманье. Он был вызван рядом причин. Безземельные князья-воины оказались на службе у более удачливых родственников из-за последствий монгольского нашествия 1237—1242 гг., изъятия их владений в Южной Руси в пользу представителей ордынской знати, захвата в XIII в. правителями ВКЛ родовых владений русских князей и изгойства⁶⁸⁷. Возможно, поэтому служебный статус и владельческие права такой группы знати определялись в Москве по прецеденту. В более раннее время эта новая особенность в праве получила развитие в Великом Новгороде. Здесь бояре и вольные слуги лишались прав на недвижимое имущество при переходе на службу в иные княжества и земли Руси⁶⁸⁸.

Установить причины потери титула князьями, выехавшими в Москву во второй половине XIV в., весьма сложно из-за отсутствия ис-

⁶⁸⁴ Юргинис Ю. М. Бояре и шляхта в Литовском государстве // ВЕДС. М., 1978. С. 124—128.

⁶⁸⁵ Подробнее об этом см. в кн.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 418—420.

⁶⁸⁶ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 304.

⁶⁸⁷ Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 139—140.

⁶⁸⁸ ДДГ. № 9. С. 27. О мнимой «сословной замкнутости новгородского боярства» подробнее, например, см.: Назаров В. Д. О феодальном землевладении в Новгородской республике // ИСССР. 1984. № 2. С. 119.

точников по этому вопросу. В. А. Кучкин, проанализировав службу в Москве и титулование в источниках князя Федора Глебовича Муромского и Дмитрия Михайловича Боброка Волынского, пришел к выводу, что «в XIV в. титулом „князь“ наделялись владетельные князья, а князья, терявшие свои владения, зачастую назывались только по имени и отчеству»⁶⁸⁹. Конечно, этих примеров недостаточно, чтобы судить о сложившейся ситуации с безземельными князьями в Северо-Восточной Руси лишь по одному из признаков. Не исключено, что в каждом отдельном случае имели место особые (индивидуальные?) условия, основанные на предшествующей традиции (обычном праве?). Но бесспорно лишь то, что вплоть до середины XV в. акты Северо-Восточной Руси, в отличие от земель ВКЛ, не знают такого развитого института, как «служебные князья».

Несомненно, правы те исследователи, которые видят определенную близость между терминами «мой князь» (1399 г.) и «мой князь служебные» (1456 г. и начало 60-х гг. XV в.). Они использовались в московско-тверских докончаниях⁶⁹⁰. Однако, при этом нельзя не заметить, что в первом эпизоде отсутствует ключевое, а в данном случае определяющее для XIV в. слово — «служебные», хотя традиция определения в Москве земель как «данных» и «служниих» уже существовала⁶⁹¹. Между тем в это время в ВКЛ такая группа военно-служилой знати, как «кн(я)зи служебные», уже обозначала один из объектов договоров между ее правителями⁶⁹². Наличие в московской практике права выезда у таких знатных лиц указывает на неразвитость постоянных, а не временных форм служебных отношений между Калитовичами и их весьма отдаленными и часто безземельными родственниками. Этот факт вполне объясним. Князья Северо-Восточной Руси, в отличие от большинства тех, кто находился или выехал из ВКЛ, заключая докончания с великими князьями Москвы и Твери, прежде всего, служили им со своих родовых, а не «служебных» земель⁶⁹³. I-я статья «Правосудья митрополичьего», посвященная наказанию «за безчестье», довольно четко различает великих, меньших и сельских князей, но не знает «служебных»⁶⁹⁴. Этот факт свидетельствует в пользу того, что процесс

⁶⁸⁹ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 52. Примеч. 144. О происхождении князя Федора Глебовича подробнее см.: Кузьмин А. В. Генезология муромских князей в XIII — середине XIV вв. // Уваровские чтения — VIII. Владимир, 2012. С. 164—168.

⁶⁹⁰ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 305; Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в. С. 178—179; Грязнов А. Л. Происхождение вотчин служилых князей // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 42—44; и др.

⁶⁹¹ ДДГ. № 11. С. 32 [Подлинник].

⁶⁹² Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Ч. 1. № 10. С. 51 [Подлинник].

⁶⁹³ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 304—306, 309, 311—312.

⁶⁹⁴ АСЭИ. Т. 2. № 8. С. 22 [Список 20-х гг. XVI в.].

формирования в Северо-Восточной Руси такой социальной группы, как «служебные князья», в XIV — первой половине XV в. отставал от ВКЛ, по крайней мере, на несколько десятков лет. Он имел свои внутренние особенности. Эти особенности, несомненно, заслуживают отдельного монографического исследования⁶⁹⁵.

Другая часть владетельных князей, после отъездов на службу в Москву, затем вернулась в ВКЛ, признав, наконец, власть и сюзеренитет Ольгерда, Ягайлы или Витовта (например, Друцкие, Одинцевичи, Осовицкие, Перемышльские и Хотетовские). Они сохраняют свой княжеский статус, но претензии этих князей на родовые земли постепенно были сужены, а в ряде случаев сведены к нулю. Часть из них вошла в ту группу лиц, которые в грамотах ВКЛ со второй половины XIV в. официально называются «служебными (позднее — служилыми) князьями». Такое их определение, как показывает пример с Волынскими (от них — князья Острожские, Заславские, Острожецкие и их однородцы в ВКЛ), связано с наличием среди их владений «служебных» по статусу земель. Права таких лиц в ВКЛ были ограничены. В частности, сначала они не могли выбирать себе сюзерена в пределах страны. Этим правом обладал правитель ВКЛ⁶⁹⁶. Тем не менее под мощным влиянием князей, боярства и региональных военно-служилых корпораций на русско-литовских землях Ягеллонов «складывалось — и ко второй половине XV в. уже сложилось — сословное государство, с относительно слабой королевской властью и широкими незыблемыми привилегиями высших сословий»⁶⁹⁷.

Именно эти, а не какие-либо другие причины стали основными, из-за которых значительная часть самого привилегированного слоя военно-служилой знати Западной Руси осталась на стороне последних представителей династии Ягеллонов. Попытке определенной политической ангажированности в изучении проблем лояльности властям ВКЛ со стороны православного населения Руси⁶⁹⁸ необходимо противопоставить его

⁶⁹⁵ В связи с этим критика В. Д. Назаровым мнения М. Е. Бычковой, что «феномен служилых князей — краткое явление в российской социально-политической действительности первой четверти XVI в., заимствованное к тому же из реалий Великого княжества Литовского» представляется не столь принципиальной (Подробнее об этом см. в кн.: *Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С. 84—87; ср.: Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в. С. 177*). В любом случае служебная организация в обоих государствах опиралась на традиции, заложенные еще в домонгольской Руси. Кроме того, она мало чем отличалась от развития этого института в соседних славянских политических областях (таких, например, как Чехия, Силезия и Польша).

⁶⁹⁶ См., например, жалованную грамоту короля Владислава II Ягайло своему младшему брату Скиргайло на Троцкое, Минское и Полоцкое княжества (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Ч. 1. № 10. С. 51; *Довнар-Запольский М. [В.] Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. С. 16—20*).

⁶⁹⁷ *Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 125.*

⁶⁹⁸ Ср.: *Кром М. М. Меж Русью и Литвой; Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського; Она же. Проблеми політичної лояльності населення*

компаративное исследование с детальным анализом судьбы максимального числа известных родов и семей на протяжении XIV—XV вв.

В Северо-Восточной Руси царили несколько иные порядки, чем в ВКЛ, а тенденции к изменению здесь появились гораздо позднее — в первой четверти — середине XV в., когда в руках правителей Москвы оказались ярлыки почти на все крупные княжения Северо-Восточной Руси, а также некоторые сопредельные с ней города и земли. Из текста докончания от 3 VIII 1427 г. великих князей Бориса Александровича и Витовта Кейстутовича можно узнать, что «князья» первого из них сохраняли право свободного отъезда. Однако, пользуясь им при переходе на службу из Твери в Вильно, они утрачивали свои «отчины»⁶⁹⁹.

Точно такие же санкции, как гласит текст московско-тверского договора 1399 г., применялись и к князьям, выехавшим из Московского княжения на территорию какого-либо другого великого княжения на Руси⁷⁰⁰. Тем не менее, очевидно, что служилые князья в Северо-Восточной Руси в XV в. имели больше суверенных прав, чем их дальние родичи в ВКЛ во второй половине XIV—XV вв. Возможно поэтому потомки князей (как Рюриковичей, так и Гедиминовичей), уже ранее выезжавших отсюда в Северо-Восточную Русь, во второй половине XV — первой четверти XVI в. вновь стали вспоминать о близкой им православной Москве.

Великого князівства Литовського у XIV—XVI ст. С. 3—16; Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.; и др.

⁶⁹⁹ ДДГ. № 23. С. 62 [Список XVI в.].

⁷⁰⁰ ДДГ. № 15. С. 42. Л. 54 об. [Список сер. XV в.]; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 347. Л. 54 об.

ГЛАВА II

Боярство Ростовского княжества

§ 2. БОЯРСТВО РОСТОВСКОГО КНЯЖЕСТВА В КОНЦЕ XII — XIII в. До второй половины XII в. на Руси летописи изредка упоминают имена бояр, «княжих» мужей, воевод и слуг из Ростова, Суздаля, Белоозера, Владимира и Переяславля Залесского. Специфика создания данного вида источников (пожалуй, лишь за исключением новгородских памятников) была таковой, что «летописцы в соответствии с общим средневековым подходом к историческому творчеству стремились больше сообщить о князьях, лишь попутно упоминая феодальную знать» страны¹.

Персонификация собирательного имени «Ростовци» возникает лишь в связи с политическим кризисом. Он охватил Ростово-Суздальскую землю в 70-е гг. XII в.² Согласно наблюдениям Б. Н. Флори, в это время «Ростовци» обладают «всею силою Ростовская земля». Главной действующей группой лиц, противостоящей княжеской власти, становятся «бояре», которые «связаны не только с Ростовом, они объединяют в своих рядах, возглавляя всю дружинную организацию Ростовской земли»³.

При этом нельзя не отметить в работе летописцев Северо-Восточной Руси XII—XV вв. выборочность упоминаемых лиц. Так, например, вне поля зрения летописцев остаются имена детских князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Став в 1174—1176 гг. княжескими посадниками, они запомнились местным жителям большими сверх меры «продажами и вирами»⁴. Лишь коллективный автограф дружинников младшего из братьев-князей на стенах новгородской Софии позволяет установить некоторые имена. Здесь «Ярополчу дружинину» представляют Радочень, Андрей (?), Петр (?) и Радигост⁵. Тем временем

¹ Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. // ВИД. 1979. Вып. 11. С. 223.

² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. М., 1997. Стб. 371—386. Л. 125 об. — 130 об.

³ Флоря Б. Н. Правитель и знать в древнерусском летописании XII в. // СР. 2009. Вып. 8. С. 78—79; ср.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 239—252; Кривошеев Ю. В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII — начале XIII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1988. Вып. 11. С. 111—123.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 374. Л. 126 об.

⁵ Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978. С. 140—142. № 197, С. 254. Рис. 79.

иной подход летописцев можно наблюдать в их отношении к упоминанию действий представителей ростово-суздальской знати. В 20-х числах июня 1177 г. князь Мстислав Ростиславич († 1178) послушал совет не своего дяди владимирского великого князя Всеволода III Юрьевича, а «Добрыны Долгаго, Матея Шибутовича, и иных злых человек». В битве на Юрьевском поле у р. Липицы 27 VI 1177 г. князь Мстислав Ростиславич был разбит. Его дружина бежала с поля боя. Среди павших в сражении оказались Добрыня Долгий, Иванко Степанкович и Матьяш Бутович, а «инехъ, а Ростовци и боляръ все повязаша» люди великого князя Всеволода III⁶. Таким образом, можно констатировать, что в источниках, посвященных событиям 1170-х гг., чувствуется негласное разделение на своих (местных) и чужих (пришлых).

Семьи мятежных ростовских и суздальских бояр, как показывают события первой трети XIII в., не были изгнаны за пределы Северо-Восточной Руси. Возможно, это указывает на силу и могущество местной знати, с которой ее победитель князь Всеволод III Великое Гнездо все равно был вынужден считаться. Тем не менее для ростовцев путь в число великокняжеских бояр и слуг, очевидно, на время был закрыт или сильно ограничен. Источники этого времени практически не персонифицируют ростовских бояр. Однако эта часть знати Северо-Восточной Руси, сохраняя прежние политические амбиции, смогла благополучно устроиться при дворе великого князя Константина Всеволодовича († 1218) и его сыновей. Власть этих Мономашичей охватывала значительную территорию. Помимо Ростова, они владели Ярославлем, Мологой, Угличем, Белоозером и Устюгом. В 1220 г. Воислав Добрынич командовал судовой ратью ростовцев и устюжан в войне против волжских болгар. Они «отпущени беху преже еще вниз идуще воевати по Каме, и взяста по ней много градковъ, а сель неколико, и пожгоша все, а люди изъсекоша, а иных въ пленъ поведоша»⁷. В 1230 г. Дмитрий Иванович сопровождал в поездке в Киев к митрополиту ростовского епископа Кирилла II⁸. Оба боярина служили ростовскому, белозерскому и устюжскому князю Васильку Константиновичу (1218—1238).

Карьера указанных выше ростовских бояр не была уникальной. Так, например, хорошо известно, что сын и внуки тысяцкого Бориса Жидисла-

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 381—382. Л. 129; см. также: Там же. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 242—243. Л. 209 («Михея Шибутовича!»); Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 261; и др. На наш взгляд, более верным представляется прочтение — «Матьяша Бутовича». Еще в 1852 г. на лугу у села Кинобола археологами была раскопана группа из четырех курганов. В одном из них было похоронено 29 человек; из них — трое в богатой одежде были похоронены в отдельных гробах. По убедительному предположению графа А. С. Уварова, речь идет о трех погибших 27 VI 1177 боярах и 26 рядовых воинах (Уваров А. С. Две битвы 1177 и 1216 годов по летописям и археологическим изысканиям. М., 1870. С. 3—6).

⁷ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 117. Л. 145; см. также: Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 331, под 6729 г.

⁸ ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 99.

вича († 1177) также остались в Северо-Восточной Руси. По крайней мере, до 1252 г. они служили ее правителям, будучи их тысяцкими и боярами⁹.

По иному пути пошла служебная карьера боярина Еремея Глебовича. Очевидно, его семья в 1174—1177 гг. не была активно связана с заговорщиками. По крайней мере, среди них Глеб, отец Еремея, ни разу не назывался. М. П. Погодин считал, что Еремей — «вероятно, сын Глеба Еремеевича, Галицкого боярина, который принимал деятельное участие во всех Галицких происшествиях с 1211 года»¹⁰. Однако никаких объективных фактов, позволяющих отождествить этих лиц, исследователь не привел. Еремей Глебович впервые упоминается в летописях в самом конце марта или начале апреля 1216 г. В это время на предложение о союзе, переданное смоленским послом боярином Яволодом, Константин, старший сын Всеволода III Великое Гнездо, отправил к князю Мстиславу Мстиславичу Удатному († 1228) и его «братье» свое доверенное лицо — воеводу Еремея. Переговоры между ними прошли удачно. 9 IV 1216 г. князь Константин Всеволодович и «Ростовъци» присоединились к смоленско-новгородской рати «на Городище на реце Сарре оу святой Марины»¹¹. В настоящее время этот населенный пункт надежно локализован и отождествлен со средневековым городищем в урочище Марья Святая. Оно находится у села Филимоново на р. Сара¹². На его территории были известны предметы вооружения конца XII — начала XIII в.¹³ В четверг, 21 IV 1216 г., Еремей мог принять участие в битве на р. Липице, где объединенные рати союзников нанесли поражение дружинам сыновей покойного Всеволода III Великое Гнездо. Новым правителем Владимиро-Суздальской Руси стал его старший сын Константин. Его княжение длилось недолго. 6 V 1218 г. Константин умер¹⁴. Некоторые его бояре, такие как Воислав Добрынич и Дмитрий Иванович, остались в Ростове служить его старшему сыну князю Васильку Константиновичу. Другие лица предпочли сохранить свой служебный статус и вошли в состав дружины Юрия II (1212—1216, 1218—1238), родного дяди и опекуна правителя Ростова. В их числе был и воевода Еремей.

⁹ Погодин М. П. О наследственности древних санов в период времени от 1054 до 1240 г. // АИЮС. 1850. Кн. 1. Отд. 1. С. 75—77; Соловьев С. М. Соч.: в 18 т. М., 1988. Кн. 1. Т. 2. С. 449, 510, 525, 537, 573, 575, 581, 608, 624; Кн. 2. Т. 3. С. 137; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 43—44; Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. С. 230—231.

¹⁰ Погодин М. П. О наследственности древних санов в период времени от 1054 до 1240 г. С. 80.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 493. Л. 220; Т. 6. Вып. 1. Стб. 264—265. Л. 228—228 об.; и др.

¹² Подробнее об этом городище см.: Леонтьев А. Е. «Гора святой Марии» // СРМ. 1994. Т. 7. С. 218—229; Киселев А. В., Каретников А. Л. Святая Марина/Мария. Повести о битве на Липице // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 49—50; Агафонов П. Г. и др. История Ярославской археологии. М., 2009. С. 216—217; и др.

¹³ Куцов И. В. Археологические разведки на территории Ростовского района в 2006 и 2010 гг. // ИКРЗ, 2010 г. 2011. С. 70—79.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 441. Л. 151.

О службе Еремея Глебовича во Владимире сохранилось всего два упоминания в источниках. В 1220 г. «Юрьи Всеволодич посла брата своего Святослава на безбожные Болгары и с ними посла полкы своя». В этой рати великий князь «воеводство приказа Еремею Глебовичю». Поход был удачным¹⁵. В конце декабря 1237 г., узнав об осаде монголами Рязани и Пронска, Юрий II собрал против Чингизидов значительные военные силы. Их возглавил его сын Всеволод Юрьевич († 1238)¹⁶. У Коломны с остатками своих дружин к нему присоединились рязанский (Роман Ингваревич) и пронский («Кир-Михаилович») князья. Навстречу к монголам «во сторожих» был послан опытный воевода Еремей. В начале января 1238 г. он встретил их за Коломной¹⁷. В ходе боя русская рать была отброшена монголами к городским надолбам, где потерпела поражение. По версии летописца, «бысть сеча велика, и убиша у Всеволода воеводу, Еремея Глебовича, и иных мужии много убиша оу Всеволода». В «малѣ дружинѣ» ему удалось уйти во Владимир¹⁸.

Наряду с ростовцами, в годы правления князя Юрия I Владимировича в 1147 г. впервые упоминается «тысяча» воинов из Белоозера¹⁹. Позднее в летописях фигурирует «Белозерскыи полкъ». В 1183 г. во время похода на Волжскую Булгарию им руководили назначенные великим князем Всеволодом Великое Гнездо воеводы Фома Ласкович и Дорожай, «то бо башь емоу ш(е)нь слоуга»²⁰. Демографические и административные изменения на Белоозере маркируют время укрепления здесь власти правителей Северо-Восточной Руси. В конце правления великого князя Андрея Юрьевича город сильно увеличил свои границы и был перепланирован²¹. О присутствии здесь лиц княжеской администрации свидетельствуют предметы дружинной культуры XII в., широко представленные предметами вооружения²².

¹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 116. Л. 143 об.

¹⁶ Подробнее о нем, например, см.: Кузьмин А. В. Всеволод (Димитрий) Георгиевич // ПЭ. Т. 9. 2005. С. 550—552.

¹⁷ Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1984. С. 8; Мазуров А. Б. О датировке сражения русских дружин с монголо-татарами под Коломной зимой 1237—1238 гг. // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань, 1997. Вып. 6. С. 137—141; и др.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 460. Л. 159 об. — 160; см. также: Там же. Вып. 3. Стб. 515—516. Л. 2 39 об. — 240; Т. 2. М., 1998. Стб. 779. Л. 263; Т. 3. М., 2000. С. 75. Л. 122—122 об., С. 287. Л. 159 об.; Т. 18. М., 2007. С. 55. Л. 78 об.; и др. О боярине и воеводе Еремее Глебовиче также см.: Погодин М. П. О наследственности-древних санов в период времени от 1054 до 1240 г. С. 80, 93, 94; Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Нижний Новгород, 2006. С. 237—238, 423—425, 429, 441, 446—447, 450, 464, 503.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338. Л. 124 об.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 389; Т. 2. Стб. 625. Л. 219 об.; см. также: Там же. Т. 25. С. 90. Л. 110—110 об.; Прищёлков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 266; и др.

²¹ Макаров Н. А. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лаца по археологическим данным // СА. 1989. № 4. С. 100—102.

²² Макаров Н. А. Декоративные топоры из Белоозера // ПКНО, 1987 г. 1988. С. 455—460.

Судьба военно-служилой знати Ростовской земли в зиму 1237/38 г. сложилась по-разному. Часть из них погибла вместе со своим князем на р. Сить²³, а другая предпочла сдать Ростов и Углич²⁴. Оставшиеся в живых бояре и слуги князя Василька Константиновича позднее приняли участие в его захоронении «в церкви святых Богородица в Ростове». В посвященном Васильку некрологе летописец особо отметил взаимоотношения князя с дружиной, которые казались ему идеальными:

«Бе же Василко лицем красенъ, очима светель и грозенъ, хоробор паче меры на ловехъ, сердцемъ лежокъ, до бояръ ласковъ; *никтоже бо от бояръ, кто ему служить, и хлебъ его ель, и чашио пиль и дары ималь, тотъ никакожь оу иного князя можаше быти за любовь его, излише же слугы свои любляше* (курсив мой. — А. К.), мужество же и оумъ в немъ живяше, правда же и истина с нимъ ходяста, бе бо всему хытръ, и гораздо умея...»²⁵

Это известие источника об участии дружины князя Василька в его похоронах почему-то осталось без комментариев со стороны исследователей, которые поддерживают тезис о полном уничтожении боярства Северо-Восточной Руси в 1237—1242 гг.²⁶

Несмотря на двойственность позиции и раскол в действиях в период установления власти Чингизидов над Русью, ростовская знать смогла сохраниться как мощная служилая корпорация. В середине XIII — начале XIV в. на нее неоднократно опирались потомки князя Василька Константиновича.

В современной историографии высказывалось мнение, что в XV в. с привилегиями ростовских бояр некоторое время были вынуждены счи-

²³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 465. Л. 162—162 об.

²⁴ «Ростовъ же и Суждаль разидеся розно» (ПСРЛ. Т. 3. С. 76. Л. 124). Об этом также см.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 35—37, 39, 48; Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 136—137; и др. Против такой интерпретации сообщения источника выступают некоторые исследователи (Кучкин В. А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 86; Комаров К. И. О нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237—1238 гг. // ВИ. 2012. № 10. С. 89—90, 92). Тем не менее данные письменных источников (как ранней НЛ старшего извода, так и поздних списков XVIII—XIX вв. Угличской летописи) подтверждают результаты археологического изучения культурного слоя города. Они позволяют сделать вывод, что «Ростов в 1238 г. полного разорения избежал» (Леонтьев А. Е. От столицы княжества к уездному городу // Русь в XIII в. М., 2003. С. 45).

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 467. Л. 163.

²⁶ Ср.: Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // ИСССР. 1991. № 4. С. 58; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2000. С. 175—177; и др. В связи с нашим наблюдением относительно судьбы в 1237—1238 гг. ростовской знати дополнительно отметим одно важное наблюдение Ю. В. Кривошеева. Полемизируя с выводом В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганова, исследователь резонно заметил, что «воинская активность русских дружин сразу после нашествия все-таки свидетельствует о ненарушенности в основном дружинного ядра, как главной силы древнерусского войска» (Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб., 2003. С. 166. Примеч. 164).

таться даже великие князья Василий II Темный (1425—1462) и его сын Иван III (1462—1505). Последний из них в 1473/74 г. выкупил последние остатки прав на Ростовское княжество у старших представителей местных династий. Ими были князья Владимир Андреевич Ростовский, Иван Иванович Долгой Пужбольской, их дети и племянники²⁷. Однако ссылки К. В. Баранова на один из пассажей «Истории» В. Н. Татищева как доказательство составления при этом жалованной грамоты ростовским вотчинникам явно недостаточно²⁸.

В отличие от ростовцев, зимой 1238 г. ярославцы оказали упорное сопротивление захватчикам. Ярославль, вопреки бездоказательному мнению некоторых исследователей²⁹, монголами не был оставлен в покое. Наоборот, результаты археологических раскопок свидетельствуют, что после непродолжительного штурма город был сожжен монголами. Его жители, включая воинов, стариков, женщин и детей, жестоко убиты захватчиками³⁰. Часть местной дружины вместе с князем Всеволодом (Иоанном) Константиновичем погибла позднее. Они приняли смерть в бою 4 III 1238 г., сражаясь на берегах р. Сити с войсками нойона Бурундая³¹. В этот день с места боя из трех сыновей великого князя Константина вместе с остатками своей дружины удалось уйти от преследования монгольской конницы лишь угличскому князю Владимиру (Димитрию) († 1249)³². Зимой 1237/38 г. непосредственной встречи с захватчиками удалось избежать лишь защитникам Устюга, Унжи и Белоозера. На Белоозере от Батыева нашествия, по-видимому, скрывался не только ростовский епископ Кирилл II, но княжеские семьи³³.

²⁷ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 194. Л. 270.

²⁸ Ср.: Баранов К. В. Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам // СРМ. 1998. Т. 9. С. 31—44.

²⁹ Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 35; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 507, *Он же*. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 144, *Он же*. Чёрная легенда. М., 1994. С. 202; и др. (ср.: Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200—1304. М., 1989. С. 120, 128).

³⁰ Подробнее об этом см.: Агафонов П. Г. и др. История Ярославской археологии. С. 242—247; Осипов Д. О., Фараджеева Н. Н. и др. Архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского кафедрального собора в Ярославле // АО 2005 г. 2007. С. 202—203; «А се кони Турабевы...» // Родина. 2008. № 4. С. 34; Осипов Д. О., Фараджеева Н. Н. и др. Археологические исследования в историческом центре Ярославля // АО 2006 г. 2009. С. 247—250; Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджеева Н. Н. и др. Массовые средневековые захоронения в Ярославле // РА. 2009. № 2. С. 68—78; Энговатова А. В., Осипов Д. О. и др. Массовое средневековое захоронение в Ярославле // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 106—114; Коमारов К. И. О нашествии Батые на Северо-Восточную Русь в 1237—1238 гг. С. 90; и др.

³¹ Подробнее о нем, например, см.: Кузьмин А. В. Всеволод (Иоанн) Константинович // ПЭ. Т. 9. С. 557—558.

³² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 469. Л. 164—164 об.; Вып. 3. Стб. 521. Л. 244 об. — 245. Подробнее о нем, например, см.: Кузьмин А. В. Владимир (Димитрий) Константинович // ПЭ. 2004. Т. 8. С. 722.

³³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 465—466. Л. 162 об. — 163; Вып. 3. Стб. 520—521. Л. 244—244 об.

§ 2.1. РОД ОРДЫНСКОГО ЦАРЕВИЧА ПЕТРА. Во второй половине XIII в. источники отмечают концентрацию определенной части лиц ордынской администрации на Руси в пределах Ростовской земли³⁴. Со временем некоторые из ее представителей перешли в православие. Очевидно, в связи с такими событиями, а также несколькими браками русских князей, бравших в жены Чингизидок и представительниц других знатных кочевых ордынских родов, в конце XIII в. возникла насущная проблема в выработке текста Чина принятия в православие³⁵.

Сведения о переходе одного из правящих в Орде династов в православие с последней трети XV в. хранила повесть (или сказание) о жизни царевича Петра, который якобы был родным племянником правителя Орды хана Берке († 1266)³⁶. Согласно версии этого источника, неназванный по имени ростовский князь (Борис или Глеб Васильковичи) и епископ Кирилл II женили Петра на также принявшей православие дочери проживавшего в Ростове ордынского «вельможи». Сыну царевича Лазарю Петровичу, внуку Юрию Лазоревичу и правнуку Игнатию Юрьевичу позднее пришлось вести долгую борьбу с правителями Ростова за землю, отданную якобы прежним князем (Борисом или Дмитрием) Петру для устройства монастыря. При этом знатный ордынец в источнике был изображен как идеальный христианин³⁷.

Некоторые исследователи повести, указывая на легендарность изложенных в ней событий, а также сетуя на ее неизученность, тем не менее утверждают, что «в исторических документах не упоминается ни имя самого Петра, ни его потомков»³⁸. Такой вывод представляется спорным. Еще А. А. Титов, описывая синодики Ростова, заметил, что в одной из ру-

³⁴ Об ордынцах в Ростовском и Ярославском княжествах и взаимоотношениях местных князей с Ордой подробнее см. в кн.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 56, 58—68.

³⁵ Корогодина М. В. Принятие в православие в XIV—XV вв. // ДРВМ. 2013. № 1 (51). С. 98—107.

³⁶ Мнение о месте и времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском» пока представляется дискуссионным. Одни исследователи полагают, что это была легенда, созданная «в кругу московских книжников в конце XV в.» (Самойлова Т. Е. Сюжет о Петре, царевиче ордынском в системе росписи Архангельского собора Московского Кремля. Смысл и значение // ИКРЗ, 1994 г. 1995. С. 134). Другие, напротив, считают ее ростовским произведением, которое было создано в 1478/79 или 1479 г., чтобы защитить местные церковные земли от возможных посягательств со стороны великого князя Ивана III. Подробнее об этом см.: Мельник А. Г. Об иконографической программе житийной иконы конца XVII в. «Святой преподобный Петр царевич» // СРМ. 1995. Т. 8. С. 110: *Он же*. К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском» // ТОДРЛ. 2003. Т. 53. С. 626—627; *Он же*. Социальные функции ростовских святых в XII—XVII вв. // ИЗ. 2008. Т. 11 (129). С. 82; *Он же*. Иконография ростовского святого Петра царевича // ИКРЗ, 2011 г. 2012. С. 100; и др.

³⁷ Сказание о блаженном Петре, царевиче ордынском // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 1. С. 360—376; Повесть о Петре, царевиче ордынском // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 20—37.

³⁸ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре, царевиче ордынском // СККДР. 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 257.

кописей Успенского собора записан «род игумена Петра царевича»³⁹. Кроме того, недавно С. В. Сазонов опубликовал синодики церкви Воскресения и Иоанна Богослова, где также был записан «род преподобного Петра царевича»⁴⁰. После работ С. В. Стрельникова дискуссия по этому вопросу стоит считать закрытой⁴¹.

Сравнение данных синодиков и повести о житии Петра обнаруживает незнание агиографом некоторых фактов из биографии царевича. Так, синодик Ростовского Успенского собора отмечает, что в конце жизни Петр стал игуменом. Очевидно, речь может идти о Петропавловском монастыре, собор которого стал фамильным склепом первых потомков царевича. Духовная стезя оказалась позднее присуща и некоторым из его потомков. В «роде игумена Петра царевича» можно встретить имена «священно-игумена Германа, инока Боголепа, иноку Иуолию». В последней из них можно видеть внуку Петра, о существовании которой до этого было косвенно известно только из текста повести⁴². В конце поминания рода Петра записан инок Антоний (Ельчанинов). Его родство с представителем правящей в Орде династии Чингизидов маловероятно⁴³. Возможно, имя Антоний сначала было написано на свободном нижнем поле листа рукописи после записи рода царевича Петра. Этот текст позднее стал протографом для нового списка синодика Успенского собора. Во время его копирования переписчик произвольно объединил в одну статью представителей двух разных родов. Таким образом, инок Антоний (Ельчанинов) невольно оказался записанным среди потомков царевича Петра.

Поминание одного из Ельчаниновых косвенно можно рассматривать как указание на время, ранее которого был составлен основной текст этого синодика. В XV—XVI вв. в роде Ельчаниновых человек с таким монашеским именем неизвестен⁴⁴. Между тем во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря есть сведения, что в 1624/25 г. «дал вкладу из Ярославля»

³⁹ Титов А. А. Синодики XVII и XVIII вв. Ростовского Успенского собора. Ростов Великий, 1903. С. 17.

⁴⁰ Сазонов С. В. Синодики надвратных церквей ростовского архиерейского дома // СРМ. 1992. Т. 3. С. 142. Л. 13 об., С. 149. Л. 13 об.

⁴¹ Стрельников С. В. Потомки ростовского боярина // ДРВМ. 2004. № 1 (15). С. 42—51; Он же. Потомки Петра Ордынского и Карашская слобода // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 223—229; Он же. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. М.; СПб., 2009. С. 63—68, 141—151; и др.

⁴² ГМЗРК. Р-225. Л. 143 об.

⁴³ Реальный предок Ельчаниновых жил в конце XIV — начале XV в. Правда, сами они об этом толком не знали, полагая, что выезд «ис Польши» состоялся только «во дни великого князя Василья Васильевича Московского». Однако это не совсем верно, так как внук легендарного Александра — Константин Александрович — служил волоцкому князю Борису Васильевичу († 1494). О кровных связях потомков царевича Петра с Ельчаниновыми роспись, конечно, не знает (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 259/Л. Л. 127 [Список 1743 г.]).

⁴⁴ АФЗХ. 1956. Ч. 2; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977 (по указ.).

лавля Спасского монастыря строитель старец Антоней Елчанинов иноходец нагайской ворон семи лет в цену за 50 рублей»⁴⁵. В кормовых книгах Кирилло-Белозерского монастыря под 10 января «по Антонии Ярославском» отмечался «корм с поставца»⁴⁶. По-видимому, именно его переписчик текста синодика Ростовского Успенского собора в конце первой трети XVII в. из-за небрежности или невнимательности записал в род ордынского царевича Петра.

Помимо своего рода, Юрий (Лазаревич), внук Петра, упоминается отдельно в одном из соборных синодиков Ростова. Он был женат на княгине Марии. В начале XIV в. (вероятно, после смерти Кутлубуги в 1305 г.⁴⁷) именно этот Юрий стал исполнять должность ростовского баскака. Данное обстоятельство, если вспомнить историю борьбы князей Олега Воргольского и Рьльского и Святослава Липовичского со слободами баскака Ахмата в Курском княжении в 80-е гг. XIII в., показывает, что причиной вражды местных правителей по отношению к потомкам царевича Петра, скорее всего, могло стать отнюдь не их корыстолюбие. При поддержке местного населения князя, пользуясь правовыми и политическими возможностями, вели целенаправленную борьбу против экономического засилья ордынцев в своих отчинных городах. В связи с этим любопытно отметить, что «жеребья» Петровской земли, Юрьевская земля, Юрьевский огород и владения Петровского монастыря находились по соседству со слободой Святославль-Караш⁴⁸, где известен ряд населенных пунктов с тюркскими названиями⁴⁹.

В синодиках церкви Воскресения и Иоанна Богослова Ростовского Кремля в роде «преподобнаго Петра царевича» поминали не только «Лазаря, Георгия, Игнатия», но и «князя Фому, Петра и княгиню Марфу»⁵⁰. Данный перечень сильно отличается от того, что находится в синодике Успенского собора. В этих двух синодиках первые три упоминаемых в нем мирских имени совпадают с теми, что даны потомкам царевича в сказании о Петре.

По наблюдениям С. В. Сазонова, обе указанные ранее рукописи написаны одним почерком в 80-е гг. XVII в. Однако тексты синодиков имеют

⁴⁵ ВКТСМ. 1987. С. 189. Л. 756 об.

⁴⁶ Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой // *Шаблова Т. И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVII вв. СПб., 2012. С. 121. Л. 180; и др.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 528. Л. 251.

⁴⁸ АФЗХ. 1951. Ч. 1. № 9. С. 28. Л. 19, № 12. С. 33. Л. 25 об. [Списки XVII в.]; *Пьянков А. П.* Сельская община Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963. С. 103.

⁴⁹ *Веселовский С. Б.* Топонимика на службе у истории // *ИЗ.* 1945. Т. 17. С. 39—40; *Каргалов В. В.* Существовала ли на Руси «военно-политическая баскаческая организация» монгольских феодалов? // *ИСССР.* 1962. № 1. С. 163.

⁵⁰ *Сазонов С. В.* Синодики надвратных церквей ростовского архиерейского дома. С. 142. Л. 13 об., С. 149. Л. 13 об.

вставки, сделанные рукой другого писца. В их круг входят и поминальные записи рода Сергия Радонежского и царевича Петра⁵¹. Источник, из которого была заимствована эта информация, пока не установлен. Поэтому трудно судить, являлись ли упомянутые в синодике после Игнатия князь Фома, Петр и Марфа близкими родственниками для царевича Петра. Не исключено, что в протографе они могли быть записаны для поминания после его рода в конце свободной части листа рукописи. Такие случаи известны.

Так, например, в текст синодика Коломенского Старо-Голутвина монастыря к роду «чюдотворца Сергия», где поминали «инока Кирилла, иноки Марии, Климонта, Стефанна, Петра, архієпископа Феодора», полууставом другим, весьма корявым почерком в начале XVIII в. (после 1708 г.) приписали «Трафима» и «Димитрия»⁵². В этом случае именно почерковедческий анализ рукописи позволяет объяснить, почему в синодиках других соборов и монастырей два последних имени отсутствуют⁵³.

Однако такая проверка источника далеко не всегда возможна. При копировании позднейшие приписки на листах рукописи подчас сливаются в одно целое с первоначальным текстом. Очевидно, что в данной ситуации утрата протографа рукописи может вывести исследователя на путь догадок и предположений, которые далеко не всегда могут оказаться оправданными.

Возвращаясь к уникальной информации, приводимой синодиками церковью Воскресенской и Иоанна Богослова, нельзя исключать такой версии, что запись в помяннике царевича князя Фомы, Петра и княгини Марфы на самом деле указывает на родственные связи его обрусевшего потомка с представителем одной из княжеских семей. Известно, что женой Дмитрия (Фомы) Константиновича Суздальского (1323—1383) была Анна⁵⁴. В XIV в. других правителей Северо-Восточной Руси с кре-

⁵¹ Сазонов С.В. Синодики надвратных церквей ростовского архиерейского дома. С. 132, 147. Примеч. 7—7, С. 161. Примеч. 17—17.

⁵² РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1710. Л. 73. Благодаря выходной и вкладной записи, можно установить, что источник сохранился в списке 1708 г. (Там же. Л. 3 об. — 12 об.; Мазурова Н. Б., Мазуров А. Б. Синодик Коломенского Старо-Голутвина монастыря начала XVIII в. как исторический источник // Вестник Коломенского государственного педагогического института. 2007. № 1 (2). С. 60, 62.)

⁵³ См., например: ГМЗРК. Р-226. Л. 55 об.

⁵⁴ ДРВ. 1788. Ч. 6. С. 444; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 352; Т. 6. Вып. 1. Стб. 493. Л. 422; Т. 43. М., 2004. С. 152. Л. 382 об. В последней трети XVII в. в описи гробниц Нижегородского Спасо-Преображенского собора отмечалось, что «вшед в церковь в западные двери, на правой стране, во углу от стены» можно было увидеть «гроб благоверных княгини Анны Грековныи, супруги благоверного князя Константина Юрьевича (курсив мой. — А. К.)». Этот князь упоминается как внук «Всеволода» (Сиренов А. В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII в. // История в рукописях и рукописи в истории. СПб., 2006. С. 411). Очевидно, что в данном случае речь идет о Константине Васильевиче, потомке владимирского великого князя Всеволода III Великое Гнездо. Была ли княгиня Анна женою нижегородско-суздальского князя — сказать трудно. Не исключено, что Константи-

стильным именем Фома источники не знают. Поэтому супругой князя теоретически могла бы считаться дочь ростовца Игнатия Юрьевича, если бы не одно обстоятельство. Из других источников хорошо известно, что теща великого князя Дмитрия Ивановича Донского происхождения она была гречанкой. Возможно, эта запись в синодике церковей Воскресенской и Иоанна Богослова отражает следы древнего почитания в некоторых землях Северо-Восточной Руси царевича Петра.

В связи с этим следует отметить, что практика родства правителей Нижнего Новгорода, Суздаля и Городца с представителями знатных нетитулованных фамилий Северо-Восточной Руси, по источникам, была частой. Особенно это касается XIV в. Так, например, в 1343 г. будущий нижегородский князь Андрей Константинович († 1365) женился на Василисе (1331—1378), дочери тверского боярина Ивана Киясовского и Анны⁵⁵. В 1366 г. его брат Дмитрий Суздальский выдал свою дочь Марию за второго сына московского тысяцкого В. В. Вельяминова — Микулу († 1380). В свою очередь, дочь М. В. Вельяминова стала женой видного московского боярина первой трети XV в. И. Д. Всеволожа, происходившего из рода великих князей смоленских⁵⁶. Последний, в свою очередь, выдал замуж старшую свою дочь Елену за радонежского и угличского князя Андрея Владимировича, вторую — за тверского удельного князя Юрия Ивановича в 1421 г., а на третьей в 1431—1432 гг. предполагал женить московского великого князя Василия II⁵⁷.

Если предложенное выше тождество князей с именем Фома верно, то можно выяснить пути распространения культа царевича Петра. Ведь именно на Евдокии, дочери Дмитрия (Фомы) Константиновича Суздальского,

---

ну Васильевичу была приписана жена его сына — великого князя Дмитрия (Фомы). Вопрос об именах и месте захоронения жен нижегородско-суздальских князей в XIV в. остается невыясненным. Противоречивые сведения об этом, например, см.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 51. Примеч. 174, С. 403, 416—417. Примеч. 1174. Исследователь, не поняв текста источника, ошибочно приписывает княгине Анне второе имя — Евдокия, которое на самом деле носила ее дочь, жена великого князя Дмитрия Донского.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 132. Л. 329 об.; Там же. Т. 18. С. 125—126. Л. 242—244; Романова А. А. Пространная редакция жития Вассы (Феодоры) Нижегородской // Памятники христианской культуры Нижегородского края. Н. Новгород, 2001. С. 5—8.

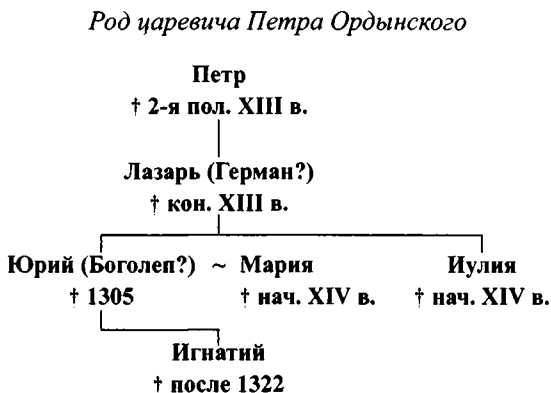
⁵⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. 232. Л. 332 об.; Т. 43. С. 261. Л. 478 об.; РИИР. 1977. Вып. 2. С. 65. Л. 620 об., С. 135. Л. 101; ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 185 об.; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 850. О дате брака Микулы Васильевича и княжны Марии Дмитриевны см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 83. Л. 296 об.; Т. 25. С. 250. Л. 348 об. — 359. Примеры родства других князей Северо-Восточной Руси и ВКЛ с родами московского боярства см. в кн.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 499; *Кузьмин А. В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волыские, Липятинны) // ГДЛ. 2004. Сб. 11. С. 706; и др.

⁵⁷ Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. Ч. 1. С. 706.

в Коломне 18 I 1366 г. женился московский великий князь Дмитрий Иванович⁵⁸. Двое из его детей были соответственно названы как Петр и Анна⁵⁹.

Приведенные выше сведения о представителях рода царевича Петра, живших во второй половине XIII — первой трети XIV в., предположительно можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № II.1*).

Схема № II.1

Со второй трети XIV в., во время правления владимирского великого князя Ивана I Калиты, когда окончательно был нормализован процесс сбора дани в Орду, институт баскаков в Северо-Восточной Руси постепенно был отменен. Для потомков царевича Петра начался новый период в истории рода, который было бы более целесообразно рассматривать в контексте эволюции положения других крещеных ордынцев на службе в Московском великом княжении.

§ 2.2. РОД ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА. Для изучения ростовского боярства в конце XIII — начале XIV в. важное значение имеет и перечень имен, сохранившийся в Устюжской кормчей. Эти лица были связаны между собой семейными и кровными узами, а также временем смерти. Плохо читаемые

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 83. Л. 296 об.; *Фехнер М. В.* Коломна. М., 1963. С. 8, 9; «...Известие датировано ультрामартовским (или сентябрьским) стилем» (*Гришина Н. Г.* Полные календарные даты Рогожского летописца // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*. М., 2001. С. 70—71). Не обратив внимания на это, некоторые исследователи ошибочно относят заключение этого брака к 1367 г. (например, см.: *Русинов Н. Д.* О происхождении текста Лаврентьевской летописи // *Идеология и культура феодальной России*. Горький, 1988. С. 18; и др.).

⁵⁹ В данном случае теоретически нельзя исключить вероятность простого совпадения, так как рождение княжича в 1385 г. приходится на день святых апостолов Петра и Павла — 29 VI. Родившаяся вслед за Петром, 8 I 1388 г., его сестра названа в честь пророчицы Анны, память которой отмечалась месяц спустя — 3 II (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150. Л. 341, Стб. 153. Л. 342 об.; *Клосс Б. М.* Избр. труды. М., 1998. Т. 1. С. 25).

уставные записи указывают о преставлении 18 V «раба Божья» Петра Васильевича, а также Марины. Она была «Наумькова сестра Лукьяна». Очевидно, что Марина — жена Петра. Упоминание последнего с *-вич* свидетельствует о его происхождении из боярской среды. В рукописи также есть записи о смерти 18 V какого-то дьякона (?), а в январе следующего (?) года — Елены. К сожалению, окончание последнего предложения в этой записи практически полностью утрачено⁶⁰. Между тем по смыслу можно догадаться, что здесь речь идет о месте их захоронения. Смерть всех лиц в один день могла быть связана либо с войной, либо с мором. Первый вариант наименее вероятен, так как ордынские рати и княжеские распри в конце XIII — начале XIV в. прошли мимо Устюга. Поэтому более вероятен второй вариант. Благодаря записи на л. 180 рукописи 1296 г. пандектов Никона Черногорца, известно следующее:

«Того же лѣта быс(ть) пошскоудоу хлѣба, а въ Сѣздальской земли голодь бѣше, мнози хоудии идахоу в Новгородскую волость кормитьсѧ, то же бѣше все по грѣхомъ нашимъ, не имѣяхомъ бо любви межи собою, нѣ зависть, нѣ сынѣдахоу другъ друга завистию, тако же рече пр(о)р(о)къ: Снѣдающе люди мога въ хлѣба мѣсто, Г(оспод)а не призваша»⁶¹.

Смерть Петра Васильевича и его родственников вполне могла произойти именно в этом году. Если данное предположение верно, то оно может более точно датировать время написания самой Устюжской кормчей. Возможно, работа над кодексом была закончена не позднее зимы 1296/97 г.

Упоминание в Устюжской кормчей, наряду с Петром, дьякона вряд ли должно смущать. Родственные связи между представителями военно-служилой знати и видными лицами из числа белого и черного духовенства известны на Руси и в более позднее время⁶². Исследование состава монашеской братии показывает, что, как и в странах Западной, Центральной и Восточной Европы⁶³, на Руси основную ее часть до XVII в. составляли выходцы из привилегированных слоев служи-

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 256. № 230. Л. 1. Устоявшегося в историографии прочтения этой записи нет, ср.: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. № 12; *Столярова Л. В.* Записи исторического содержания XI—XIV вв. на древнерусских пергаменных кодексах // ДГВЕ, 1995 г. 1997. № 12. С. 33—34, 68—69; *Она же.* Древнерусские надписи XI—XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 178.

⁶¹ Ср.: *Столярова Л. В.* Записи исторического содержания XI—XIV вв. № 11. С. 68; *Она же.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000. С. 157—158.

⁶² См., например: *Кобрин В. Б.* Опыт изучения семейной генеалогии // ВИД. 1983. Вып. 14. С. 50—59; *Он же.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 202—210; и др.

⁶³ Подробнее об этом, например, см.: *Чайковская О. Г.* Раскопки в Клуни и характер клюнийского искусства // СА. 1963. № 1. С. 94; *Samsonowicz H.* Złota jesień polskiego średniowiecza. Warszawa, 1971. S. 172—183; *Krzyżaniakowa J., Ochmański J.* Władysław II Jagiełło, Wrocław, etc. 1990. S. 138—140; *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 14, 37—39, 79—89; *Duby G.* Les feodaux, 980—1075 // Histoire de la France. P. 1995. P. 209—225; *Он же.* Трехчастная модель или представления средневекового общества

лого сословия⁶⁴. В этом случае не исключено сознательное подражание столпам христианского монашества. О происхождении, деятельности и круге их общения известно по житиям и сохранившейся переписке первых известных монахов⁶⁵.

В связи с этим неудивительно, что еще в домонгольскую эпоху на Руси основными ктиторами и вкладчиками (донаторами) монастырей выступали представители княжеских и боярских семей⁶⁶. Учитывая распространение на Руси Студийского устава, введенного в середине XI в. в Византийской империи в обителях, основанных по прямому указанию или при покровительстве членов императорской семьи или их ближайших родственников⁶⁷, в данном случае очевидно следование политической элитой и военно-служилой знатью Руси традиций своих соседей.

В конце XIII в. степень влияния представителей белого духовенства в Ростове, например, косвенно подтверждает рассказ о посмертных чудесах ростовского епископа Игнатия⁶⁸. Главными свидетелями чудес стали прихожанки Успенского собора. Одна из них по имени Феодосия была вдовой владычного протодьякона Павла⁶⁹.

о самом себе. М., 2000; *Он же*. Время соборов. М., 2002; *Мулен Л.* Жизнь средневековых монахов Западной Европы. X—XV вв. М., 2002; и др.

⁶⁴ *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966; *Черкасова М. С.* К изучению организационной и социальной структуры Троице-Сергиева монастыря в XV—XVII вв. // *Россия в IX—XX вв.* М., 1999. С. 512—517; *Николаева С. В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в.: состав монашеской братии и вкладчиков: АДКИН. М., 2000. С. 20—21; и др. Эта традиция на Руси восходила к домонгольской эпохе. Подробнее об этом см.: *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 1. С. 157—192, 207—238; *Никольский Н. М.* История русской церкви. Минск, 1990. С. 85—92, 112—133; *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М., 2002. С. 117—120, 124—126, 150—179; *Шапов Я. Н.* Церковь в Древней Руси // *Русское православие*. М., 1989. С. 41—54; *Стефанович П. С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // *ВИ*. 2002. № 7. С. 41—59; и др.

⁶⁵ См., например: *Войтенко А. А.* Социальный контекст монашеского движения в «Житии преподобного Антония Египетского» святителя Афанасия Александрийского // *ВВ*. 2004. Т. 63 (88). С. 23—30.

⁶⁶ *Kijas A.* Własność kościelna na Rusi do początków XIII w. // *Słowianie w dziejach Europy*. Poznań, 1974. S. 115—120; *Былинин В. К.* «Художество» // *Древнерусская литература: Изображение общества*. М., 1991. С. 120—130; *Стефанович П. С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси. С. 43—59; *Он же*. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси // *ВЦИ*. 2007. № 1 (5). С. 117—133; и др.

⁶⁷ См., например: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001; *Он же*. Евергетидский монастырь и императорские монастыри в Константинополе в конце XI — начале XII в. // *ВВ*. Т. 63 (88). С. 76—88.

⁶⁸ Близкой датировки времени составления жития епископа Игнатия Ростовского придерживается и А. Г. Мельник. По его мнению, это сочинение произошло «если не сразу, то все-таки более или менее вскоре после смерти епископа Игнатия, т. е. в конце XIII или начале XIV в.» (*Мельник А. Г.* К вопросу о датировке жития Игнатия Ростовского // *Русская агиография*. СПб., 2011. Т. 2. С. 42).

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 310. № 1296. Л. 237—237 об.

§ 2.3. РОД ЮРИЯ ПРОТОПОПИНА. В уставной грамоте Киприана († 16 IX 1406) Владимирскому Царево-Константиновскому монастырю от 21 X 1391 г. вместе с Михаилом Биреевым упоминается Юрий Протопопин⁷⁰. Житие Сергия отмечает, что из Ростова в Радонеж переселилась большая группа знати. «От них же, — как отмечал Епифаний Премудрый, — есть *Георгий, сынъ протопоповъ* (курсив мой. — А. К.), с родом си, Иоаннь, Феодоръ, Тормосовъ род, Дюдень, зять его, с родом си, Онисим, дядя его, иже послѣди бысть диаконъ»⁷¹. В Москве такие лица, по-видимому, могли сосредотачиваться в той части города, которая позднее получила название Ростовской сотни⁷². Местожительство последних на землях Ростовского княжения восстанавливается предположительно. Не исключено, что «до переселения Тормосовым, возможно, принадлежало упоминаемое в писцовых книгах 1629—1631 гг. село Тормосово, расположенное в Назорном стане Ростовского уезда (ныне — в Ивановской обл., в 30 км к юго-востоку от Ростова, в верховье р. Ухтомы)»⁷³. «В том же стане можно найти и пустошь Анисимово»⁷⁴. Археологическому изучению этот древний населенный пункт, к сожалению, еще не подвергался⁷⁵.

⁷⁰ АФЗХ. Ч. 1. № 201. С. 180. Л. 241 [Список XVII в.].

⁷¹ Цит. по кн.: Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 304. Л. 300. До работ В. А. Кучкина и Б. М. Клосса многие исследователи оставались на позициях, что по сохранившимся редакциям жития Сергия нельзя определить, какой именно текст написал преподобный Епифаний Премудрый, а какой — Пахомий Логофет (См., например: Зубов В. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб // ТОДРЛ. 1953. Т. 9. С. 145—158; Моллер Л. [Л.] Особая редакция жития Сергия Радонежского // ЗОР ГБЛ. 1973. Вып. 34. С. 71—100; и др.). Тем не менее фрагмент жития, касающийся переселения из Ростова в Радонеж, уверенно был отнесен перу Епифания Премудрого (Зубов В. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. С. 150—151). В настоящее время проблема выявления и различения фрагментов Жития, написанных Епифанием и Пахомием, постепенно преодолевается. Подробнее об этом см.: Будовниц И. У. Монастыри на Руси... С. 72; Кучкин В. А. Сергей Радонежский. С. 89. Примеч. 3; Кириллин В. М. Епифаний Премудрый как агиограф преподобного Сергия Радонежского: проблема авторства // ГДЛ. 1994. Сб. 7. Ч. 2. С. 264—275; Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1; Сазонов С. В. «Встреча со старцем» в Житии Сергия Радонежского // ИКРЗ, 1993 г. 1994. С. 60—66; Духанина А. В. К вопросу об атрибуции Пространной редакции Жития Сергия Радонежского // ДРВМ. 2006. № 3 (25). С. 5—18; Она же. К вопросу о классификации списков Пространной редакции Жития Сергия Радонежского // Там же. 2013. № 3 (53). С. 52—54; и др.

⁷² Подобное название частей города на Руси первоначально, как правило, было связано с лицами, насильно выведенными из своего города. Так, например, благодаря пленным горожанам псковского пригорода Коложа в начале XV в. появился с аналогичным названием большой район в Гродно. Он возник на заселенной еще с домонгольского времени территории города, несомненно имевшей ранее собственное название. Помимо Ростовской. в Москве были известны Дмитровская и Ржевская сотни, а также Устюжская полусотня (Аверьянов К. А. К истории территориального роста Москвы // История Московского края. М., 2011. Вып. 3. С. 14).

⁷³ Городилин С. В. Ростовское боярство в первой трети XIV в. // ИКРЗ, 2001 г. 2002. С. 87.

⁷⁴ Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. С. 120.

⁷⁵ АКР: Ивановская область. М., 1994 (по указ.).

М. Ф. Антонова и Д. М. Буланин толкуют цитированный выше фрагмент Жития Сергия Радонежского так, будто Юрий был сыном простого протопопа⁷⁶. Между тем характер записи, первенствующее место, которое среди ростовцев он занимает, указание на его «род», ближайших родственников и земляков выдают в Юрии Протопопове важную фигуру. Не был ли упоминаемый в 1391 г. Юрий Протопопин его сыном?

Предположительно такое тождество возможно. Как известно, в 1378 г. Сергей Радонежский и Феодор Симоновский — важные адресаты посланий митрополита Киприана. С последним их объединяло неприятие кандидата на пост главы Русской церкви — Митяя⁷⁷. В Москве, будучи великокняжескими духовниками, они пользовались большим влиянием⁷⁸. Не исключено, что Сергей и Феодор могли рекомендовать великому князю Дмитрию или Василию I назначить к митрополиту в бояре Юрия, сына Юрия Протопопова.

Обращает на себя внимание и еще один факт. Это данная грамота 1390—1406 гг. некоего Юрия Юрьевича митрополиту Киприану на два починка — Березники и Трегизова — в Карашской волости Ростовского уезда⁷⁹. Если указанное выше тождество верно, то можно предположить, что во всех трех случаях в источниках упоминается один человек.

С. В. Стрельников, не разбирая наши наблюдения⁸⁰, считает, что этот боярин был потомком царевича Петра Ордынского⁸¹. С его точкой зрения не согласился А. Л. Каретников. Правда, при этом исследователь

⁷⁶ Житие Сергия Радонежского // БЛДР. 1999. Т. 6. С. 284—285.

⁷⁷ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978. [Приложения]. № 1—3. С. 195—202.

⁷⁸ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. С. 75—80; Miller D. B. Donors to the Trinity-Sergius Monastery as a Community of Venerators: Origins, 1360-s—1462 // *Ucla slavic studies*. New Series. M., 1997. Vol. 3. S. 453—454; и др.

⁷⁹ За передачу этих земель в пользу митрополичьего дома Юрий Юрьевич просил его «написати въ вечное поминание и у святого Василия священникомъ написать мене поминати и мою жену и мои дети во векъ» (АФЗХ. Ч. 1. № 10. С. 28 [Список XVII в.]). Г. В. Семенченко высказал мнение о подложности этого акта. Он сохранился в составе одной из копийных книг митрополичьего дома. Безусловно, признавая наличие в нем возможной интерполяции — упоминания митрополита Алексия «чудотворцем» (Семенченко Г. В. Митрополичья кафедра в борьбе за землю // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 164—167), тем не менее все же заметим, что приводимых исследователем аргументов (весьма, кстати, косвенных) в пользу подложности этого документа явно недостаточно. Отсутствие анализа его формуляра делает его вывод весьма шатким (Кузьмин А. В. Боярство Ростовской земли конца XII — начала XV в. // ИКРЗ, 2001 г. С. 65, 76. Примеч. 36). В пользу достоверности этого вклада свидетельствует и упоминание Трегизова и Березники среди митрополичьих владений в волости Святославль-Караш. В 1500/01 г. это было отмечено писцами В. М. Чертенка Заболоцкого и Д. Д. Загрязского (АФЗХ. Ч. 1. № 12. С. 31 [Список XVII в.]).

⁸⁰ Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI в. // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 11—13.

⁸¹ Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. С. 65—66.

не привел ни одного корректного аргумента по этому вопросу⁸². Отметим еще раз, что в пользу отождествления боярина Юрия Протопопова с Юрием Юрьевичем свидетельствует непосредственная связь обоих лиц с митрополичьим домом, тогда как в случае с потомком царевича Петра Ордынского она гипотетична.

Следует учитывать, что в период, когда происходит переезд Юрия на земли Ивана I Калиты, князю было отдано не только «княжение великое», но и «купно же и досталось княжение ростовское к Москвѣ»⁸³. Следовательно, переселение из одного княжения в другое, находившихся под властью одного правителя, не всегда должно было повлечь за собой потерю бывшими ростовцами своих родовых земель.

§ 2.4. РОД КИРИЛЛА И СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКИХ. О судьбе первых соседей Юрия Протопопина в историографии написано достаточно много⁸⁴. В семье боярина Кирилла, принадлежавшего «к верхушке ростовской знати»⁸⁵, никто не смог сделать видной сужебной карьеры после переезда из Ростова на службу в Радонеж. Поэтому многие его представители избрали духовную карьеру. У Кирилла в браке с Марией была одна дочь и три сына. Стефан и Петр, старший и младший сыновья Кирилла, женились еще при жизни родителей. Первый из них в браке имел

⁸² Каретников А. Л. Карашская волость и Первятинская земля // ИКРЗ, 2009. 2010. С. 153. Примеч. 2.

⁸³ Цит. по кн.: Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 303. Л. 299.

⁸⁴ Об этом, например, см.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. С. 103—126; Он же. Сергей Радонежский // ВИ. 1992. № 10. С. 75—97; Он же. Сергей Радонежский и борьба за митрополичью кафедру всея Руси в 70—80-е гг. XIV в. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 353—360; Он же. О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского // Труды ГИМ. 2002. Вып. 135. С. 96—107; Он же. О времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003. С. 407—419; Назаров В. Д. «Великий светильник» // Сахаров А. Н. и др. Подвижники России. М., 1998. С. 90—105; Шибаев М. А. Авторский вариант Жития Сергия Радонежского // ТОДРЛ. 2007. Т. 58. С. 290—319; и др.; ср.: Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV вв. М., 1986; Он же. Сергей Радонежский. М., 2001; Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1; Он же. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России. XI—XX вв. М., 2002. С. 57—60; Аверьянов К. А. Сергей Радонежский и Ростовская земля // ИКРЗ, 2002 г. 2003. С. 27—32; Он же. О времени основания Троице-Сергиева монастыря // Археология Подмоскovie. М., 2005. Вып. 2. С. 88—96; Он же. Сергей Радонежский. М., 2006; Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. М., 2011; и др.

⁸⁵ Назаров В. Д. К истории «земной жизни» Сергия Радонежского // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 1998. С. 8; об этом также см.: [Смирнов С. К.] Покровский Хотьков девичий монастырь. 8-е изд. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1896. С. 4; Назаров В. Д. «Великий светильник». С. 93; Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 108; Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 303; Idem. Monasticism During the Formation of a Centralized State // Russian Studies in History. 2013. Vol. 52. № 1. Р. 6; и др.

двух детей — Климента и Ивана (будущего Феодора Симоновского). Овдовев, Стефан ушел в Покровский Пречистой Богородицы монастырь на р. Паже, что в Хотькове. Он находился всего в 9 км от возникшей позднее Троице-Сергиевой обители.

До 1342 г. в Хотьковом Покровском монастыре также оказался отец Стефана. Очевидно, что здесь Кирилл постригся перед своей смертью. По-видимому, его решение оставить службу в Радонеже и постричься могло состояться в связи со смертью 31 III 1340 г. великого князя Ивана I Калиты. Именно в это время служившие ему люди, накануне обострения нового этапа борьбы русских князей за ярлык на Владимирское великое княжение, получили возможность выбора и решали, как им и у кого далее продолжать свою карьеру. Предлогом для отставки Кирилла могли стать его старость и болезни. Вслед за родителями захотел принять монашеский чин и их средний сын Варфоломей. Однако Кирилл и Мария запретили ему это делать. Они упросили неженатого сына, чтобы он «послужи» им некоторое время «до гроба». Кирилл и Мария обещали Варфоломею, что «егда нас гробу предаси и землею погребеши, тогда и свое хотение исполниши». Сын подчинился воле родителей, «и тако пребысть неколико время, служа и угаждаа родителема своима всею душою и чистою съвестию». Кирилл и Мария, место пострижения которой пока неясно, «мало поживша лет в чернчестве». Около 1342 г. они умерли. Устройством их похорон занимался Варфоломей. Его родители были похоронены в Хотьковском монастыре⁸⁶.

Память Кириллу и Марии отмечается 28 IX⁸⁷. В синодиках ростовской церкви Воскресения и Иоанна Богослова в статье «род преподобнаго Сергия чудотворца» находится весьма ранний и оригинальный по составу список из четырех лиц. В ней поминали «схимонаха Илинарха, князя Андрея, Кирилла, Марии»⁸⁸. Не исключено, что упоминаемый в обоих синодиках Иринарх — отец боярина Кирилла. Князь Андрей может быть отождествлен с младшим сыном великого князя Ивана I Калиты или, что более вероятно, с владельцем Радонежа — князем Андреем Владимировичем, во владениях которого находился основанный летом — осенью 1342 г. братьями Стефаном и Сергием Троицкий монастырь, который расположился на холме Маковец близ р. Кончура. Если предполагаемое тождество лиц верно, то эта поминальная запись могла быть внесена в синодик не ранее 1426 г., когда умер удельный радонежский князь Андрей Владимирович.

⁸⁶ Кучкин В. А. Сергей Радонежский. С. 77; Кюсс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 29, 303; и др.

⁸⁷ Никон. архим. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Троице-Сергиева Лавра, 1904. С. 243. Примеч. 36; Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. С. 630; и др.

⁸⁸ Сазонов С. В. Синодики надвратных церквей ростовского архиерейского дома. С. 142. Л. 13 об., С. 149. Л. 13 об.

Поминание в начале XV в. представителей рода преподобного Сергия Радонежского подтверждает полууставная запись на л. 84 Каноника, переписанного еще в 90-х гг. XIV в. в Московском Симонове монастыре. В этом перечне лиц после великого князя Дмитрия Ивановича и его сына князя-инока Иосафа (в миру — Иван Дмитриевич († 1393)⁸⁹) были записаны архиепископ Феодор, игумен Сергей и инок Стефан⁹⁰. Такой порядок имен, записанных в помяннике, дал основание Т. В. Николаевой обоснованно считать, что Стефан «умер, видимо, после Сергия», т. е. после 1392 г.⁹¹

Среди ранних вариантов поминания рода Сергия можно найти запись, состоящую всего из трех лиц. Так, например, в синодик Новгородского Вязицкого Николаевского монастыря записали «Кирила, Марію, Стефана». О древности ее происхождения свидетельствует отсутствие в этом перечне самого Сергия и его племянника Феодора. Кроме того, в этом источнике отсутствуют статьи с поминанием семей других московских святых XIV—XV вв., прежде всего митрополитов Петра и Алексея, игумена Троицкого монастыря Никона. Между тем их имена есть в большинстве синодиков, составленных в Северо-Восточной Руси. В синодике Вязицкой обители род Сергия записан среди поминальных статей новгородских святых — между записью рода местного владыки Иоанна и рода чудотворца Варлаама Хутынского⁹².

Продолжателями рода Кирилла могли быть только его сын Петр и внук Климент. От Стефана в XIX в. свой род выводили Иванчины⁹³. Они были ветвью дворян Писаревых. Иванчины, как и позднее Дюденева, проживали в Коломенском уезде. Здесь они оказались, по крайней мере, до 1441 г. Сохранившиеся в списках акты XV в. ничего не знают о родстве Сеньки Писаря и его детей с семьей Кирилла и Сергия. В грамотах не указано даже отчество предка этой фамилии⁹⁴. Выяснить степень достоверности декларированного родства Иванчиных-Писаревых с Климентом, сыном Стефана Кирилловича, помогает родословная роспись — более поздний, в отличие от актов, источник. 24 XII 1685 г. эта роспись была подана Писаревыми в Разрядный приказ. Она сохранилась в довольно позднем списке 1797 г. Тем не менее роспись Писаревых, Иванчиных-Писаревых и Скорняковых-Писаревых ничего не сообщает об их родстве с преподобным Сергием,

⁸⁹ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 442—443.

⁹⁰ Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 144—145; Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. № 39. Предложенный Т. В. Николаевой вариант расшифровки других имен, упоминаемых в синодике, не выдерживает никакой критики и с точки зрения генеалогии является произвольным.

⁹¹ Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. С. 220. Примеч. 107.

⁹² ОР РГБ. Ф. 722. № 216. Л. 36 об. Благодарю Ю. Д. Рыкова, любезно сообщившего мне об этой рукописи.

⁹³ Никон, архим. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия. С. 240. Примеч. 9; Смирнов С. К. Церковно-исторический Месяцеслов Свято-Троицкой лавры. М., 1854. С. 43.

⁹⁴ АСЭИ. 1964. Т. 3. № 70—72. С. 105—107 [Списки XVII—XVIII вв.].

но подчеркивает свое легендарное происхождение «из Полши»⁹⁵. Таким образом, видеть в представителях рода Писаревых потомков ростовского боярина Кирилла, как на том настаивали в XIX в. Иванчины-Писаревы, никаких веских оснований нет.

Наиболее полный перечень потомков Кирилла имеет синодик иеромонаха Троице-Сергиева монастыря Мартиниана, переписанный между 1645—1649 гг. В нем в роде чудотворца Сергия поминали его отца Кирилла, учеников — преподобных Никона Радонежского и Савву Сторожевского, мать — Марию, а также «Климента. Стефана Петра. Феодора, архиеп(и)ск(о)па. Анну. Екатерину»⁹⁶. Упоминание Анны ранее Екатерины указывает на то, что именно она могла быть дочерью Кирилла и Марии⁹⁷.

В Троице-Варницком монастыре, основанном на родине Сергия после обретения его мощей (это произошло 5 VII 1422 г.⁹⁸), также был свой синодик. По мнению А. А. Титова, инициатором строительства обители в Варницах был ростовский архиепископ Ефрем († 1454)⁹⁹. В 1427 г. он «поставленъ бысть епископомъ Ростову... апреля 13, отъ Фотeya митрополита»¹⁰⁰. К сожалению, синодик монастыря довольно поздний. Он сохранился в списке XIX в. На л. 1 об. для поминания первым записан род святителя Дмитрия (Туптало) Ростовского. Последняя вкладная запись на л. 43 об. относится к 1898 г. Основной перечень лиц здесь начинается после заголовка: «**В** успокоеніи душъ усопшихъ рабовъ Божіихъ». В разделе «**Ө**амиліи вкладчиковъ» первым был записан «Родъ Преподобнаго Сергіа, Радонежскаго Чудотворца: схімонаха Кирилла, схімонахини Маріи, Стефана, Климента, архієпископа Феодора, Петра, Матѣеа, Екатерины, Анны, епископа: Аѳанасіа»¹⁰¹. Несомненно, что все указанные лица имели прямое отношение к преподобному¹⁰². Из их числа Афанасий († 1363) был волынским, а позднее — переяславским

⁹⁵ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. № 870. Л. 433—444 об.

⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 178. № 9255. Л. 19—19 об.

⁹⁷ *Никон, архим.* Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия. С. 243. Примеч. 38.

⁹⁸ *Никон, архим.* Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия. С. 1, 240. Примеч. 9.

⁹⁹ *Титов А. А.* Историческое описание Троице-Варницкого заштатного мужского монастыря близ Ростова Великого Ярославской губернии. Сергиев Посад, 1903. С. 16.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 182. Л. 254 об., С. 184. Л. 257. Подробнее о нем, например, см.: Кузьмин А. В. Ефрем // ПЭ. 2008. Т. 19. С. 34—35.

¹⁰¹ ГМЗРК. Р.—1135. Л. 2.

¹⁰² С. К. Смирнов полагал, что Екатерина и Анна — имена жен братьев Сергия Радонежского. Однако их запись не только после Стефана и его сыновей, но и после Петра, скорее, говорит об обратном (*Смирнов С. К.* Церковно-исторический Месяцеслов... С. 43). Упустив из виду древнюю поминальную традицию в Троице-Сергиевой обители, Б. М. Клосс также ошибочно посчитал, что Анна была женой Стефана, а Екатерина — Петра (*Клосс Б. М.* Избр. труды. Т. 1. С. 28—29). Сведения синодиков, древнейшей вкладной и кормовой книги Троице-Сергиева монастыря о роде Сергия Радонежского остались вне внимания других исследователей (ср.: *Борисов Н. С.* Сергей Радонежский; *Кучкин В. А.* Сергей Радонежский; *Аверьянов К. А.* Сергей Радонежский; и др.).

епископом¹⁰³. В 1353—1354 и 1355—1356 гг. он был митрополичьим местоблюстителем на Руси. В 1354 г. именно Афанасий, в период поездки в Константинополь для поставления на митрополию владимирского епископа Алексея, рукоположил Сергия в игумены Троицкого монастыря¹⁰⁴.

Источником поминания рода Сергия Радонежского для составителя синодика Ростовского Троице-Варницкого монастыря, по-видимому, могли стать один из синодиков, вкладная или кормовая книга из Троице-Сергиевой обители. Так, например, в одном из ее пергаменных кодексов, время использования которого датируется второй половиной XVIII в., есть запись с аналогичным составом лиц. Единственное исключение — отсутствие в нем памяти епископу Афанасию¹⁰⁵. В основе этой записи также лежит один из вариантов поминания рода основателей Троицкого монастыря — Стефана и Сергия¹⁰⁶.

Древнейшей редакцией среди троицких поминальных записей рода Сергия Радонежского, очевидно, следует считать ту, в которой указаны следующие лица: Кирилл, Мария, Климент, Стефан и Петр. Она сохранилась в составе пергаменного синодика 70—80-х гг. XVI в.¹⁰⁷ Запись в этой группе лиц Климента ранее отца может, хотя и необязательно, свидетельствовать о его более ранней кончине. Отсутствие в ранней редакции помянника рода Сергия преподобного Феодора Симоновского весьма показательно. По-видимому, это косвенно может указывать на то, что эта запись могла быть сделана еще при жизни ростовского архиепископа. А может быть и самого Стефана, т. е. не позднее 1392—1395 гг. К этому времени уже умерли родные дядя Феодора — Сергий и Петр, а также, возможно, его старший брат Климент¹⁰⁸.

В пользу возможности такого хронологического рубежа при выяснении времени внесения дополнений в поминальную запись рода основателей Троицкого монастыря, во-первых, указывает сохранявшийся еще в конце XVI в. заголовок статьи «**Чюд(о)творца Сергіа родители**», что изначально, безусловно, относилось лишь к Кириллу и Марии, а не их сыновьям; а во-вторых — оригинальная запись в пергаменном кодексе конца XVI в. имени архиепископа Феодора. Последняя была сделана на месте ранее стертого текста¹⁰⁹.

¹⁰³ Переяславским епископом Афанасий стал еще при жизни митрополита Феоноста († 11.3.1353). Впервые в новом качестве бывший волынский архиерей упоминается в апреле 1353 г. в духовной грамоте владимирского и московского великого князя Семена Гордого (ДДГ. 1950. № 3. С. 14 [Подлинник]. Подробнее об этом см.: *Каишанов С. М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XV в. // ВИД. 1979. Вып. 11. С. 245, 246; *Клосс Б. М.* Избр. труды. Т. 1. С. 33; и др.).

¹⁰⁴ Житие Сергия Радонежского. С. 318—320; *Клосс Б. М.* Избр. труды. Т. 1. С. 33, 324—326. Л. 327—329 об.; *Idem.* Monasticism During the Formation of a Centralized State. P. 7; и др.

¹⁰⁵ ОР РГБ. Ф. 304/III. № 29. Л. 11; *Смирнов С. К.* Церковно-исторический Месяцеслов... С. 43.

¹⁰⁶ ОР РГБ. Ф. 304/Л. № 40. Л. 7; № 817. Л. 9, 13 об. — 14; *Леонид (Кавелин)*, архим. Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. Отд. 3. С. 3.

¹⁰⁷ ОР РГБ. Ф. 304/Л. № 42. Л. 4.

¹⁰⁸ Например, ср.: ОР РГБ. Ф. 304/Л. № 817. Л. 13 об. — 14.

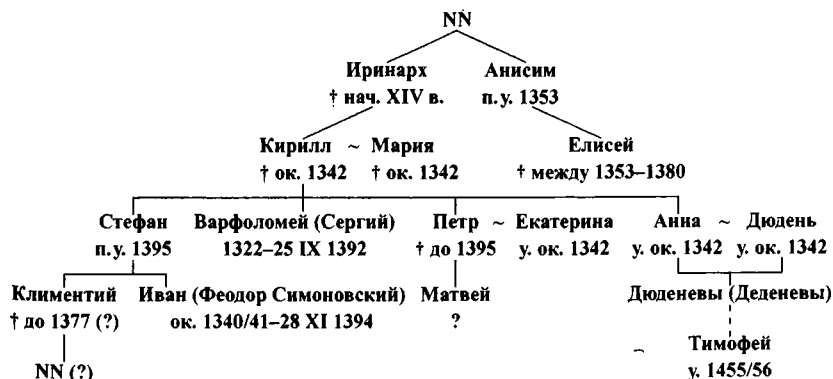
¹⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 304/Л. № 40. Л. 7.

Кроме того, вставочный характер имени архиепископа Феодора Ростовского в помяннике рода Сергия Радонежского также подтверждает текст синодика Благовещенского Киржацкого монастыря. В нем, помимо указанных ранее лиц, для поминания основным почерком писца под киноварным заголовком («**Родители Сергия чудотворца**») было добавлено лишь имя Матвея, сына Петра Кирилловича. При этом имя архиепископа Феодора, как и в некоторых списках синодика Троице-Сергиева монастыря, отсутствует¹¹⁰.

Если в конце 1342 г. Стефан Радонежский, не выдержав испытаний, ушел из Маковца в Московский Богоявленский монастырь, то другой его родственник, наоборот, через некоторое время обосновался в Троицкой обители. Им стал Анисим, дядя боярина Кирилла. Время прихода Анисима в Троицкий монастырь следует относить к периоду между 1345 и 1353 гг. В обители Анисим стал исполнять должность диакона. Позднее она перешла к его сыну Елисею¹¹¹.

Таким образом, учитывая хронологические наблюдения над основными вехами биографии боярина Кирилла, его ближайших потомков и родственников в XIV в., сделанные исследователями, сведения синодиков, вкладной и кормовой книги Троице-Сергиева монастыря, приведенные выше сведения можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № II.2*).

Схема № II.2

Род преподобного Сергия Радонежского

¹¹⁰ Подробнее об этом см.: ОР РГБ. Ф. 304/Л. № 43. Л. 11 об. — 12. После однородцев преподобного Сергия Радонежского в синодик были записаны его «ученицы» — иноки Михай и Исаакий, а также «*Киржацкои стронтел(ь)*» инок Роман (Там же. Л. 12).

¹¹¹ Клоос Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 321. Л. 322 об.; Назаров В. Д. «Великий светильник». С. 97; Кузьмин А. В. Елисей // ПЭ. 2008. Т. 18. С. 407—408; и др.

§ 2.5. ТОРМОСОВЫ. В конце XIV—XV в. Тормосовы (Тормасовы), как и Дюденевы, превратились в мелких землевладельцев, слуг под дворским. Причины этого не совсем ясны. Возможно, это было прямым следствием репрессий из-за связей радонежских землевладельцев (выходцев из Ростовского княжения) с боярским кланом тысяцкого В. В. Вельяминова и его старшего сына И. В. Вельяминова, потерпевших в первой половине 70-х гг. XIV в. поражение в противостоянии с великокняжеской властью. Кроме того, нельзя исключать участие Тормосовых и их однородцев в феодальной войне второй четверти XV в. на стороне галицких князей Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки, которых в 1432—1433 гг. активно поддержал боярин И. Д. Всеволод, дочь которого Елена была вдовой радонежского князя Андрея Владимировича. Несмотря на все перипетии политической борьбы и изменение своего служилого статуса, в XV в. Тормосовы сохраняли отношения с Троице-Сергиевым монастырем. В 1410—1470-е гг. в качестве послухов обители Тормосовы и Удачины-Тормосовы иногда фигурировали в его поземельных сделках. В последней трети XV — первой четверти XVI в. принадлежавшие им небольшие вотчины находились за р. Торгоша к востоку и югу от Радонежа. В XV — первой четверти XVI в. владения Тормосовых известны в Замосковской волости Корзенева стана и волости Воря Московского уезда, а также к северо-востоку от Радонежа в Верхнедубенской волости и Кинеле Переяславского уезда¹¹². По мнению В. А. Кучкина, эти лица, «судя по их отчествам, были сыновьями Ивана и Федора Тормосовых, скорее всего тех самых, кого упомянул Епифаний Премудрый»¹¹³.

В конце XV—XVI в. Тормосовы продолжали сохранять свои старинные связи с Троице-Сергиевым монастырем. Некоторые из них продолжали по частям отдавать в него родовые земли в Корзенева стане в качестве вкладов; другие в конце жизни здесь постригались в монахи. Так, например, Арефа (Тормосов) известен как казначей Троице-Сергиева монастыря во время игуменства Порфирия и Никандра. В 1547/48 г. при Ионе (Щелепине) он был келарем и до начала игуменства Серапиона (Курцева) входил в число соборных старцев¹¹⁴. Третья часть Тормосовых делала вклады в иные обители, которые так или иначе были связаны

¹¹² ОР РГБ. Ф. 303/Л. № 530. Л. 41 об. — 42; АСЭИ. 1952. Т. 1. № 15—17. С. 33—35 [Списки сер. XVI в.], № 81. С. 69 [Список нач. XVI в.?], № 425—426. С. 314—315 [Списки сер. XVI в.]; АРГ, 1505—1526 гг. 1975. № 42. С. 49, № 62. С. 68—69, № 121. С. 121 [Списки 1534 г.]; *Веселовский С. Б.* Пояснительные примечания к актам: (о лицах и географических пунктах) // АСЭИ. Т. 1. № 15. С. 592; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.; Л., 1966. С. 110; *Каиштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 44. С. 416—418 [Список 30-х гг. XVI в.]; и др.

¹¹³ *Кучкин В. А.* Сергей Радонежский. С. 90. Примеч. 11.

¹¹⁴ ОР РГБ. Ф. 303/Л. № 530. Л. 41 об. — 42; Там же. Ф. 304/Л. № 40. Л. 15 об., 22 об.; № 41. Л. 4, № 817. Л. 33, 51, 61 об.; *Каиштанов С. М.* Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // АЕ за 1973 г. 1974. С. 39—40. Примеч. 72, 76; *Тихомиров Н. Б.* Собра-

с преподобным Сергием Радонежским. Так, например, Тормосовы фигурируют в синодике Киржацкого монастыря¹¹⁵. Кроме того, они были вкладчиками Московского Богоявленского монастыря на Торгу, где, как известно, в 1342/43—1353 гг. подвизался Стефан Радонежский¹¹⁶. В Подмосковье, как и Ростове, центром родовых владений Тормосовых также стала деревня Тормосово. Перенесение ими названия старого владения на новое место весьма показательно. Обстоятельства и время утраты Тормосовыми своей подмосковной деревни Тормосово пока выяснить не удается. В XVII в. их бывшая вотчина принадлежала частным лицам¹¹⁷.

Испомещение в Новгородской земле ряда представителей рода Тормосовых, а также жалованная подтвердительная данная и несудимая грамота, выданная им в июне 1515 г. от имени великого князя Василия III, показывают, что после ликвидации Радонежского и Дмитровского уделов Тормосовы перешли на службу к правителям Москвы¹¹⁸. Отырочность сохранившихся сведений источников, к сожалению, пока не позволяет убедительно реконструировать их родословное древо за XIV—XV вв. Реконструкция В. В. Руммелем родословного древа графской ветви Тормосовых (Тормасовых) начинается с лиц, живших не ранее XVII в.¹¹⁹

§ 2.6. ДЮДЕНЕВЫ. В 40-е гг. XVI в. Дюденевы (Деденевы, иногда — Дуденевы), подобно Тормосовым, упоминаются в числе землевладельцев волости Воря Московского уезда¹²⁰. В середине XV — начале XVI в. известны связи Дюденевых с Троице-Сергиевым¹²¹, а в XVII в. — Коломенским Старо-Голутвиным монастырем¹²². Село Городок «Дюденев-

ние ризницы ТСЛ (Ф. 304.III) // Рукописные собрания Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 235; Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 236; и др.

¹¹⁵ ОР РГБ. Ф. 304/Л. № 43. Л. 14 об.

¹¹⁶ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 30, 54, 308—309. Л. 305, 306, С. 348. Л. 216.

¹¹⁷ Шватченко О. А. Служилая вотчина и поместье в Московском уезде XVI—XVII вв. // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 160.

¹¹⁸ Каишанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 227, № 44. С. 416—418. Так, например, в 60-е гг. XVI в. в Сорогошине Бежецкой пятины Новгородской земли на поместьях упоминаются два представителя рода Тормосовых — Афанасий Прокофьев сын и Леонтий Исааков сын (ПКНЗ. 2001. Т. 3. С. 155—166). Генеалогическая связь этих Тормосовых с московскими землевладельцами конца XV — начала XVI в. пока восстанавливается предположительно.

¹¹⁹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 534—535.

¹²⁰ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996. С. 72. Примеч. 48.

¹²¹ АСЭИ. Т. 1. № 255—256. С. 184—186 [Списки сер. XVI в.]; АРГ, 1505—1526 гг. № 158. С. 152. Л. 351 [Список 1534 г.].

¹²² В синодике обители, сохранившемся в 1708 г., по крайней мере, уже в XVII в. был записан «Род Борисов Дюденев: Козмы. Инок Феодосий. Евдоким. Гликерий. Стефана. Иосифа. Инок Мамелфы. Оулианій. Бориса. Иоанна. Кондратія. Михаила. Власія. Ануарія. Анисія. Анны» (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1710. Л. 209).

ской» на р. Подмаш (левый приток р. Пажа) еще в 30-е гг. XIV в. стало родовым владением Дюденевых. Оно находилось к северу от села Радонежское¹²³. Основание Городка «Дуденевского» в эти годы подтверждают результаты археологических исследований. Рядом с ним писцовая книга в 1542/43 г. фиксирует одну из вотчин Троице-Сергиева монастыря — деревню «Дуденева Момырева»¹²⁴.

Село Деденево (Новоспасское), расположенное по соседству с Ртишевым (владение Терентия Ртища и его потомков?), возникает к югу от Дмитрова за р. Яхрома¹²⁵. В XV в. Деденево входило здесь в состав Вышгородского стана. В этом факте некоторые исследователи видят отражение службы представителей рода Дюденевых и Ртишевых в уделе князей Владимира Андреевича Храброго и его внука Василия Ярославича. В 1372—1389 и 1447—1453 гг. (соответственно) они были владельцами Дмитровского княжества¹²⁶. О службе части Дюденевых великим князьям московским, по-видимому, свидетельствует еще одно их владение — Дединово. Оно находилось на левом берегу р. Оки к юго-востоку от центра их домениальных владений — города Коломна¹²⁷. К 1576—1577 гг. это Дединово стало дворцовым селом¹²⁸.

Отрывочность известий источников о представителях рода Дюденевых, к сожалению, как и в случае с Тормосовыми, пока не дает возможности достоверно реконструировать их родословие за вторую половину XIV—XV в. Впрочем, существует одна гипотеза, которую недавно выдвинула М. С. Черкасова. По ее мнению, упоминаемый в двух актах 1455—1456 гг. по Радонежской волости Тимофей Дюденев — «племянник Сергия Радонежского»¹²⁹. Однако с этим выводом М. С. Черкасовой трудно согласиться. Очевидно, что упоминания в источниках Дюдены, родившегося после 1293 г., и Тимофея разделяет хронологическая лакуна почти в 100 с лишним лет. Поэтому вероятнее предполагать, что последний из них, скорее всего, был внуком, а может быть, и правнуком Дюдены, но отнюдь не его сыном.

¹²³ Чернов С. З. Исторический ландшафт Древнего Радонежа. Происхождение и селентика // ПКНО, 1988 г. 1989. С. 416. Рис. 3 [Радонежская волость в 1340—1350-е гг.]. С. 420. Рис. 5 [Центр Радонежского княжества (уезда) в XV — первой половине XVI в.].

¹²⁴ Чернов С. З. Исторический ландшафт Древнего Радонежа. С. 425, 426—428.

¹²⁵ Попов Г. В. Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв. М., 1973. С. 42, карта. О его позднейших владельцах подробнее см.: Холмогоровы В. [И.] и Г. [И.] Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII вв. М., 1911. Вып. 11. С. 263—264.

¹²⁶ Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв. М., 1973. С. 227. 239, 251, 252; Чернов С. З. Исторический ландшафт Древнего Радонежа. С. 433. Примеч. 80; и др.

¹²⁷ Мазурова Н. Б., Мазуров А. Б. Синодик Коломенского Старо-Голутвина монастыря. С. 61. Рис. 1 [География вкладчиков Старо-Голутвина монастыря из ближайших окрестностей Коломны].

¹²⁸ Города России XVI в. М., 2002. С. 27. Л. 87.

¹²⁹ Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря. С. 72. Примеч. 48.

Тем не менее нельзя отрицать, что связь Дюденевых с Радонежем носила в XIV — первой половине XVI в. устойчивый характер. Как предполагает С. З. Чернов, упоминаемый в актах 1455—1456 гг. Т. Дюденев «был одним из „слуг под дворским“, т. е. входил в двор кн. Василия Ярославича, но не обладал иммунитетными правами»¹³⁰. Сильно размножившийся род Дюденевых известен и позднее. В первой половине XVI в. в Соли Галицкой упоминаются троицкие слуги: в 1517/18 г. — Павел Гаврилов сын Дюденев¹³¹, а в 1549/50 г. — Угрим Кузьмин сын Дюденев¹³². В 1530-е гг. в Радонеже действовал Угрим Дюденев (очевидно, Кузьмин сын), а в 1542/43 г. — местный помещик Алексей Иванов сын Дюденев. Он «владел землями близ монастыря «на Хотькове», в том числе деревней Дедерлинской Демкина»¹³³.

§ 2.7. РОД МОСКОВСКОГО ТЫСЯЦКОГО ПРОТАСИЯ (ВЕЛЬЯМИНА). Пожалуй, из упоминаемых ранее бывших ростовских бояр лишь фигура тысяцкого Протасия, как это ни покажется странным, достойного внимания в историографии не получила. Сведения об основателе старомосковского боярского рода Воронцовых и Вельяминовых, находившиеся в Житии такого почитаемого в Москве святого, каким был Сергей Радонежский, в отличие от данных из Киево-Печерского патерика (о потомках князя Африкана) и Жития митрополита Петра († 1326), в их родословную роспись не попали.

Между тем в Житии Сергия, написанном Епифанием Премудрым в первой трети XV в., сообщается, что родственника боярина Кирилла — «Онисима же глаголют с Протасием тысяцкым пришедша [въ] тую же весь, глаголемую Радонѣжь»¹³⁴. Позднее в родословной росписи по Рум. ред. родословных книг 40-х гг. XVI в. утверждалось, будто «у Федора сын Протасей, приехал из Володимера с великим князем Данилом, да был у великого князя Ивана Даниловича тысячцкой»¹³⁵. Частично это известие (в вопросе о службе) подтверждается данными Житий митрополита Петра и Сергия Радонежского. Однако такие элементы родословной легенды, как время и место выезда Протасия († после 1340), оказываются весьма сомнительными. Связь этого боярина

¹³⁰ Чернов С. З. Исторический ландшафт Древнего Радонежа. С. 426.

¹³¹ АРГ, 1505—1526 гг. № 158. С. 152 [Список 1534 г.].

¹³² АФЗХ. Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. № 99. С. 110 [Подлинник].

¹³³ Чернов С. З. Исторический ландшафт Древнего Радонежа. С. 426.

¹³⁴ Цит. по кн.: Кюсс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 304. Л. 300. В житии Сергия Радонежского, которое написал Пахомий Логофет, этот фрагмент текста отсутствует (Там же. С. 347. Л. 214 об., С. 382. Л. 78).

¹³⁵ РИИР. Вып. 2. С. 65. Л. 620 об. В Лет. ред. со ссылкой на Житие митрополита Петра утверждалось, что Протасий был всего лишь боярином великого князя Ивана I Калиты (Там же. С. 135. Л. 100).

во второй половине XIII в. с Владимиром и Суздалем Житие Сергия не только не доказывает, но и опровергает. Согласно этому раннему источнику, уроженец Ростова Протасий оказался в Москве лишь между 1332—1334 гг. Следовательно, митрополит Петр, призывавший к себе перед смертью Протасия «раба Б(о)ж(и)а стариинишину града» Москвы в 1326 г.¹³⁶, поручал достройку каменного Успенского собора не предку тысяцких Вельяминовых (как ошибочно полагают некоторые авторы¹³⁷), а представителю другого боярского рода. Такой вывод косвенно подтверждают летописи. Они отмечают, что осенью 1328 г. великий князь Иван I Калита отправил свое посольство в Псков к бывшему великому князю владимирскому и тверскому Александру Михайловичу († 1339). Его возглавлял московский боярин Лука Протасьев¹³⁸. Его имя в родословцах Вельяминовых не встречается. Таким образом, окончательно становится ясным, что в XIV в. в разное время в Москве действовал не один, а два тысяцких Протасия. Протасий, отец Луки, очевидно, был тысяцким, по крайней мере, в 1320-е гг.; а Протасий, земляк Кирилла и Анисима, — после 1332—1334 гг. В XVI в. родословная традиция их совершенно напрасно отождествила, посчитав за одно лицо.

Первый из бояр по имени Протасий действительно находился на службе у детей великого князя Даниила Александровича (1261—1303). По крайней мере, это имело место в первой четверти XIV в. У этого Протасия был сын по имени Лука. Поскольку, став боярином, он упоминается уже осенью 1328 г., то можно думать, что к этому времени его отец либо ушел в отставку с должности тысяцкого, либо даже умер. Ктиторовство этого рода, в первую очередь, было связано с Успенским собором Московского Кремля.

Второй Протасий был не москвичом, а выходцем из Ростовского княжества. В Москве он обосновался лишь в 30-е гг. XIV в., то есть уже после смерти своего московского тезки. В силу высокого происхождения своих предков этот Протасий также сумел занять видное положение на службе в Москве. Об этом прямо свидетельствует Житие Сергия в редакции Епифания Премудрого. Не удивительно, что Протасий Федорович носил второе имя — Вельямин. Очевидно, оно помогало современникам отличать его от тысяцкого москвича. Родословная легенда Воронцовых-Вельяминовых этих нюансов в сведениях указанных выше источников не знала. Желание объединить все сведения источников во-

¹³⁶ ОР РГБ. Ф. 98. № 637. Л. 450, 451 об. — 452; Житие митрополита Петра // *Прохоров Г. М. Повесть о Митяе*. С. 212 [Список 1-й четв. XV в.].

¹³⁷ Например, см.: *Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра»* // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 66; *Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких* // История и генеалогия. М., 1977. С. 133; *Он же. Отмена института тысяцких и судьба Протасьевичей* // ВИ. 1981. № 7. С. 167; и др.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 341. Л. 200 об.; Т. 7. М., 2000. С. 201. В ПЛ это сообщение помещено годом ранее (Там же. Т. 5. М., 2003. Вып. 1. С. 16. Л. 26 об., под 6835 г.).

круг фигуры своего предка для Воронцовых-Вельяминовых было более определяющим, чем их критическое осмысление. В связи с этим кровное родство представителей этого рода с потомками варяжского князя Шимона (на чем по-прежнему настаивают некоторые авторы¹³⁹) не представляется доказанным и нуждается в дальнейшем изучении.

§ 2.8. РОД ТЫСЯЦКОГО АВЕРКИЯ ДМИТРИЕВИЧА. В Житии Сергия Радонежского Епифаний Премудрый упоминает еще одного знатного ростовца — Аверкия. Источник характеризует его как «епарха градскаго, старѣйшаго боярина ростовскаго»¹⁴⁰. По мнению В. А. Кучкина, в 1332 г. в Ростове Аверкий был наместником князя Константина Васильевича († 1365)¹⁴¹. В. Д. Назаров, наоборот, в этом боярине видит ростовского тысяцкого¹⁴². Последняя точка зрения представляется наиболее верной.

Епифаний Премудрый отмечает, что власть в Ростове местных князей (т. е. братьев Федора и Константина Васильевичей) была ограничена в 1328 г. Вслед за этим событием в Ростов приехали Василий Кочева и Мина, наместники великого князя Ивана I Калиты. В городе они занялись сбором налогов и недоимок (очевидно, по выплатам дани («выхода») в Орду). По традиции эти функции в русских княжествах принадлежали местным тысяцким. Поэтому неслучайно, что именно с Аверкия москвичи начали сбор недоимок. Согласно версии Епифания Премудрого, знатный ростовец был подвешен вниз головой, подвергнут правежу и оставлен на позорном месте («стремглав обесиша, и възложиша на ня руце свои, и оставиша поругана»)¹⁴³.

В связи с этим событием интересно отметить, что в Ростовском соборном синодике 1642 г. среди лиц, живших в XIV в., «въѣчнаа памать» читалась не только «Аверкію Дмитріевичю», но и его «с(ы)ном Георгію, Матѣею, Ивану Аверкіевичемъ»¹⁴⁴. Очевидно, что в Житии Сергия Радонежского и Ростовском соборном синодике речь может идти об одном и том же лице. Других ростовских бояр с именем Аверкий источники не знают. Как сложилась судьба его рода в XV в., к сожалению, пока установить не удается.

¹³⁹ Воронцов-Вельяминов Б. А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких. С. 124—139; Молчанов А. А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках // ВЕДС. 1990. С. 79—83; Назаров В. Д. Рыцарство: Реальность и воображаемое // Одиссей. 2004. С. 119; Он же. Тысячелетние корни славного русского рода // Кулешов А. С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 253—268; Кулешов А. С., Наумов О. Н. Аксаковы: Поколенная роспись. М., 2009. С. 4—5; Кулешов А. С. Род Аксаковых в истории России // ВИ. 2010. № 7. С. 103, 104; и др.

¹⁴⁰ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 304. Л. 299—299 об.

¹⁴¹ Кучкин В. А. Сергей Радонежский. С. 76.

¹⁴² Назаров В. Д. К истории «земной жизни» Сергия Радонежского. С. 8; Он же. «Великий светильник». С. 94.

¹⁴³ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 304. Л. 299 об.

¹⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 69; Конев С. В. Синодология. Ч. 2 // ИГ. 1995. С. 106. Л. 69.

Имя Аверкия Дмитриевича записано в синодик после поминания пяти великокняжеских бояр — Ивана Акинфовича, Семена Яковлевича, Константина Романовича, Алексея Петровича и Ивана Андреевича. Большинство из этих лиц служили в Москве. Иван, сын Акинфа Гавриловича Великого, последний раз был указан в источниках в 1348 г.¹⁴⁵ Его внуки — крупные землевладельцы в Северо-Восточной Руси. Среди их вотчин в конце XIV в. можно обнаружить села и деревни на территории единого еще в начале XIII в. Ростовского княжества. Они находились у Ростова, Углича и Устюга¹⁴⁶.

О Семене Яковлевиче летописи молчат. Однако в Москве во время правления великого князя Семена Ивановича Гордого (1340—1353) известен боярин Борис Семенович, в котором можно видеть его сына. В 1340 г. Борис был наместником в Торжке, а затем в течение 10 лет исполнял эту должность в Новгороде. Последний раз он упоминается в 1350 г. Предполагаемый сын Бориса Семеновича — Юрий Борисович — был можайским вотчинником¹⁴⁷.

В источниках нет никаких сведений о боярах Константине Романовиче и Иване Андреевиче. Первый из них мог быть сыном Романца, который, будучи в Орде, 22 XI 1318 г. «извлекъ великий ножъ и оудари въ сердце» великого князя Михаила Ярославича (1304—1318)¹⁴⁸. Не исключено, что этот Романец служил владимирскому и московскому великому князю Юрию Даниловичу¹⁴⁹. Как известно, в 1297 г. последний женился в Ростове на дочери местного князя Константина Борисовича († 1306)¹⁵⁰. Возможно, в связи с этим браком часть ростовцев из свиты молодой княгини могла перейти на службу в Москву. Впрочем, версия о ростовском происхождении Константина Романовича, несомненно, нуждается в дополнительной аргументации. Против ее вероятности косвенно свидетельствуют традиционные родственные связи между представителями правящих в Твери и Ростове династий.

Самым известным из упоминаемых в синодике лиц был Алексей Петрович Хвост. При дворе великого князя Семена Гордого он был боярином до 1348 г., а у Ивана II Ивановича Красного (1340—1359) занимал

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 58—59. Л. 280.

¹⁴⁶ Подробнее об этом см.: Ключевский В. О. Отзывы и ответы: третий сборник статей. М., 1914. С. 190; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 60—62; и др.

¹⁴⁷ Подробнее о них см.: Кузьмин А. В. Московский посол и наместник в Новгороде в середине XIV в. // ПННЗ, [1997 г.]. 1998. С. 55—56; Он же. Из истории можайских землевладельцев в XIV — начале XV в. // Исследования по истории средневековой Руси. С. 234—236, 246, 247, 250.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 39, 40. Л. 267; см. также: Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // СР. 1999. Вып. 2. С. 154, 155. Л. 46 об.

¹⁴⁹ Chojnicka K. Narodziny rosyjskiej doktryny państwowej. Kraków, 2001. S. 24.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 528. Л. 250 об.

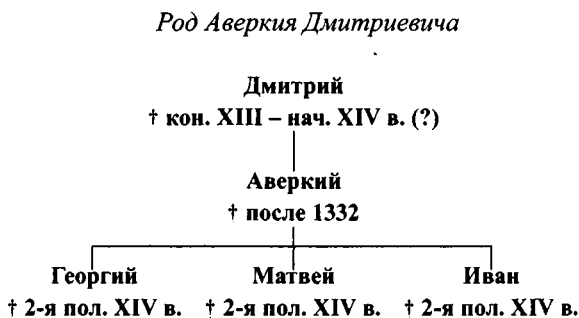
должность тысяцкого. Алексей Хвост был убит 3 II 1357 г.¹⁵¹ Среди причастных к заговору лиц летопись в 1358 г. называет «болших бояр» Михаила Александровича и его зятя В. В. Вельяминова¹⁵².

Благодаря определению времени жизни упомянутых в Ростовском синодике 1642 г. лиц, нетрудно установить, что упоминаемый вслед за ними боярин Аверкий Дмитриевич жил в первой половине XIV в. В это же время действовал и ростовский боярин Аверкий из Жития Сергия Радонежского. По-видимому, оба источника упоминают одно и то же лицо. Если данное тождество верно, то становится очевидным, что сыновья Аверкия Георгий, Матвей и Иван должны были действовать в середине — второй половине XIV в.

Запись Аверкия и его сыновей среди великокняжеских бояр косвенно указывает на то, что и он по примеру ростовского боярина Кирилла очутился на службе в Москве. Данное предположение весьма важно. Поскольку оно помогает объяснить, какими мотивами руководствовался при написании Жития Сергия Радонежского Епифаний Премудрый, когда он специально отметил в нем эпизод, связанный с бывшим ростовским епархом Аверкием.

Приведенные выше данные о роде Аверкия Дмитриевича в XIV в. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № II.3*).

Схема № II.3

¹⁵¹ Подробнее о нем см.: Черепнин Л. В. РГА. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 20—23; М., 1951. Ч. 2. С. 328, 329; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 24, 25, 162, 170—172, 222; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 9, 141, 213—215, 244, 400, 484, 486, 497, 507; Кучкин В. А. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16—24; Он же. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // СР. 2009. Вып. 8. С. 122, 123, 129, 134—137, 139, 167—169, 172, 174; и др.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65, 66. Л. 284, 285. М. Н. Тихомиров был неточен, когда писал, что боярин Михаил Александрович был братом В. В. Вельяминова (Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. С. 171).

§ 2.9. ЗВОРЫКИНЫ. На рубеже XIV—XV вв. заметным служилым человеком был Иван Зворыка. Известно, что в январе — марте (не позднее 23 III) 1410 г. боровско-серпуховской князь Владимир Храбрый завещал своему старшему сыну князю Ивану Владимировичу «на Москвѣ Зворыкин дворъ»¹⁵³. Очевидно, его продавцом стал тот самый Иван Зворыка, который 21 VI 1404 г. был послухом в духовной Федосьи¹⁵⁴.

Внуком Ивана Зворыки¹⁵⁵, по-видимому, был ростовский и угличский землевладелец Владимир Андреевич Зворыкин, видный сторонник великого князя Василия II Васильевича. Между 1434—1445 гг. В. А. Зворыкин купил у Чечки Микулина часть его вотчинных селищ и пустошей в Рождественском стане Ростовского уезда¹⁵⁶. Будучи великокняжеским воеводой, В. А. Зворыкин участвовал в многолетней борьбе против мятежных московских удельных князей. 7 VII 1445 г. он погиб в бою с ордынцами в битве под Суздалем. Имена потомков В. А. Зворыкина для поминания записаны в синодик Ростовского Борисоглебского монастыря¹⁵⁷, что не было случайно. С властями именно этой ростовской обители поддерживали близкие отношения великие князья Василий II Темный и его сын Иван III Васильевич¹⁵⁸.

В 1445 г. для поминания имя В. А. Зворыкина было внесено в синодик Успенского собора Московского Кремля, служба в котором нередко проходила при участии митрополита. Кроме того, «вѣчнаа память Володимирѣ Андрѣевичю Зворыкинѣ» читалась в синодиках соборов Вологды и Ростова и Троице-Сергиева монастыря¹⁵⁹. Интересно также отметить, что в воинском помяннике 1445 г. этой чести удостоился и его близкий родственник Иван Зворыкин¹⁶⁰ (очевидно, его дядя или двоюродный брат).

Между 1446—1455 гг. Евдокия, вдова В. А. Зворыкина, сделала крупные вклады по своему мужу и сыне Феогносте в Троице-Сергиев монастырь, передав ему большие вотчины в Рожалове и бассейне р. Локсо-

¹⁵³ ДДГ. № 17. С. 50 [Список 2-й пол. XV в.].

¹⁵⁴ АИ. 1841. Т. I. № 255/II. С. 484.

¹⁵⁵ Предложенное нами отождествление лиц поддержано С. В. Стрельниковым (*Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. С. 96. Примеч. 78*).

¹⁵⁶ АСЭИ. Т. I. № 114. С. 91 [Список сер. XVI в.].

¹⁵⁷ «Род Зворыкиных: Владимира. Симеона. Георгіа. Никиты» (ГМЗРК. Р-1097. Л. 27 [Список конца XVII в.]).

¹⁵⁸ Стрельников С. В. Кто крестил Ивана III // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002. С. 64—67.

¹⁵⁹ ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 168 об.; ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 57 об. — 58; ДРВ. Ч. 6. С. 458; ПИРСС. 2011. С. 172. Л. 81. С. 194. Л. 57 об. — 58. В синодике Троице-Сергиева монастыря 1575 г. поминали «Володимера [Зворыкинъ (так!)]» (ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 14). Л. И. Ивина ошибочно относит время смерти В. А. Зворыкина к 1447 г. (ср.: Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985. С. 111. Примеч. 302).

¹⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 60, 60 об. — 61; ПИРСС. С. 194, 195. Л. 60, 60 об. — 61; и др.

мерь в Рождественском стане, расположенном в северо-западной части Ростовского уезда¹⁶¹. В конце XV в. — 60-е гг. XVI в. Зворыкины продолжали служить по дворовому списку из Ростова¹⁶².

§ 2.10. ДОЛГОВО-САБУРОВЫ. В Северо-Восточной Руси после переписи населения в 1257 г. на постоянной основе разместились ордынцы. Установление ига изменило политику местных князей и бояр по отношению к захватчикам. Они стали заводить нужные связи с кочевой знатью. Князья часто бывают в Орде. Однако Ростов, Ярославль, как и другие города Северо-Восточной Руси, все же собрали вече и в 1262 г. выгнали имперских откупщиков налогов¹⁶³. Путь Орды к независимости от Монгольской империи привел ее к еще более тесным контактам с князьями Ростовской земли. Правящие династии заключают друг с другом ряд династических союзов. Из их числа наиболее известным стал второй брак смоленского и ярославского великого князя Федора Черного. Он женился на дочери одного из ханов Орды. С помощью войск своего тестя Федору Черному удалось вернуть власть над Ярославским княжеством. Отголосок этих событий позднее был использован в легенде одного из служилых родов местных землевладельцев.

По версии Долгово-Сабуровых, предок их рода — знатный ордынец Атун. Во главе 20-тысячного войска он находился при князе Федоре Черном во время его возвращения на княжение в Ярославль. Согласно родословцам, этот мурза якобы не захотел уходить в Орду и остался на Руси. Здесь он крестился и получил имя Борис. После этого он будто бы выехал из Ярославля на службу к великому князю Александру Ярославичу Невскому († 1263)¹⁶⁴. Хронологическая несообразность текста легенды Долгово-Сабуровых заставляет с сомнением относиться к ее достоверности¹⁶⁵.

¹⁶¹ АСЭИ. Т. 1. № 185. С. 132, 133 [Подлинник], № 208. С. 147 [Список сер. XVI в.], № 243. С. 170 [Подлинник]. Подробнее о вотчинах В. А. Зворыкина и его жены Евдокии, например, см.: *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. С. 74, 87, 89—90, 96, 97, 120; и др.

¹⁶² Сб. РИО. 1892. № 31/VII. С. 163; ТКДТ. 1950. С. 142, 143. Л. 107 об. — 108; *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 гг. // РД. 2004. Вып. 10. № 11. С. 42, 44, 47 [Подлинник]. При этом с начала XVI в. некоторые представители рода Зворыкиных имели поместья в Бежецкой пятине Новгородской земли. Подробнее об этом, например, см.: НПК. 1910. Т. 6. Стб. 438—439. Л. 474 об. — 476 об., Стб. 757—758. Л. 355 об. — 357 об., Стб. 839. Л. 511; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 387; и др.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 476. Л. 167 об. — 168; Вып. 3. Стб. 524. Л. 247 об.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 181. № 385/836. Л. 11, № 173/278. Л. 393, Ф. 394. № 325/1. Л. 35. Табл. Л. 38, 40 об. Табл. Л. 41. Табл. Л. 43; и др.

¹⁶⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 440. На хронологические неувязки легенды о выезде из Орды на Русь предка Долгово-Сабурова не обращают внимание те исследователи, которые, как правило, ратуют за ее достоверность (например, см.: *Бочков В. Н.* «Легенды» о выезде дворянских родов // АЕ за 1969 г. 1971. С. 81).

Своеобразный географический дуализм родословной легенды, по-видимому, может объясняться тем, что члены рода Долгово-Сабуровых в XV—XVI вв. владели землями в Луховском, Костромском и Ярославском уездах¹⁶⁶. Наличие вотчин на земле, подчиненной потомкам великого князя Ярослава Всеволодовича, обязывало предков Долгово-Сабуровых нести службу при дворах его потомков. Поэтому следует исключить из анализа текста мифологическое происхождение их предка от ордынца и ярославский эпизод его биографии. Для этого есть и другие веские основания.

Во-первых, одним из источников родословной легенды Долгово-Сабуровых стало Житие великого князя Федора Черного¹⁶⁷, а не возможная устная память. Во-вторых, с точки зрения хронологии действительно есть вероятность того, что предок Долгово-Сабуровых мог служить великому князю Александру Ярославичу. Как будто этот факт подтверждает авторитетное известие НЛЛ. Оно отмечает, что в 1255 г. правитель Владимира присылал на вече к новгородцам Бориса с требованием о выдаче неугодного ему посадника Анания¹⁶⁸. Это известие в XV—XVI вв. отразилось в ряде летописей новгородско-софийской группы¹⁶⁹. Поэтому нельзя исключать как возможность заимствования имени этого боярина из этих летописей, так и его сознательное отождествление Долгово-Сабуровыми в XVI в. с одним из своих предков. Впрочем, в данном случае могло быть и простое сходство имен. Конечно, его пока недостаточно для твердого отождествления указанных выше лиц. Тем не менее это одна из самых ранних родословных росписей фамилии вотчинников, проживавших на территории бывшего Ярославского княжения.

§ 2.11. ЯРОСЛАВОВЫ. Одним из старинных ярославских служилых родов были Ярославовы¹⁷⁰. Они происходили из видных бояр.

¹⁶⁶ Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 134. Примеч. 2. С. 144. Примеч. 3; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 1. С. 294; Он же. Исследования по истории опричнины. С. 208; Павлов А. П. Земельные переселения в годы опричнины // ИСССР. 1990. № 5. С. 94—95; Козляков В. Н. Новый документ об опричных переселениях // АРИ. 2002. Вып. 7. С. 203; и др.

¹⁶⁷ «Бл(а)говорнии же великѣи кн(а)зь Феодоръ, прииде во славный гра(д) Ярославль, въ славѣ великѣ, с ним же приидоша... царева двора татаръ многое множество (курсив мой. — А. К.)» (Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред., сост., вступит. ст. М. С. Крутовой. М., 2002. С. 19—22). О редакциях житий смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича Черного подробнее см. в кн.: Lenhoff G. [D.] Early Russian Hagiography. Wiesbaden, 1997; Кloss Б. М. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 247—330; и др.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 81. Л. 134, С. 308. Л. 175.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 231. Л. 148 об.; Т. 6. Вып. 1. Стб. 332. Л. 288 об.; Т. 39. М., 1994. С. 88. Л. 145 об.

¹⁷⁰ Козляков В. Н. Служилый «город» Ярославского уезда в конце XVI — первой половине XVII в. // АРИ. 1995. Вып. 6. С. 84—85; Антонов А. В., Баранов К. В. Комментарии // АСЗ. 1997. Т. 1. № 312. С. 340—342; Кузьмин А. В. Древнейший список синодика Ярославского Толгского монастыря // Книжная культура Ярославского края. Ярославль. 2011. С. 56; и др.

В отличие от других местных знатных семей, о Ярославовых начиная с XV в., сохранились сведения в источниках. По данным писцовых книг XVI в., часть их родовых вотчин находилась в Заволжском стане Ярославского уезда. Она включала в себя пустошь Ярославово, «Ловягино то жо»¹⁷¹. Очевидно, что ранее ей владел предок рода боярин Ярослав. Около 1440 г. его сын Алексей Ярославич упоминается в меновой грамоте ярославского великого князя Александра Федоровича Брюхатого. Он выдал ее Спасо-Каменному монастырю на земли в Закубенской волости по р. Кихте, которые были отданы обители как возмещение за земли Баскача, взятой у нее еще отцом князя Александра — ярославским великим князем Федором Васильевичем. Послухами этой земельной сделки источник называет трех княжеских бояр — Давыда Матвеевича, Алексея Ярославича и Александра Александровича¹⁷².

Участие Алексея Ярославича в качестве свидетеля в акте, адресованном Спасо-Каменному монастырю, не было случайным. Дело в том, что его семья имела тесные связи с местным архиепископским двором. Его родной брат Моисей Ярославов служил в боярах ростовскому владыке Ефрему. Этот архиерей, как и ярославский великий князь Александр Брюхатый, был верным союзником московского великого князя Василия II. Перед 11 I 1436 г. вместе с другим владычным боярином старцем Федором Ростовцевым Моисей Ярославов в присутствии владыки Ефрема рассматривал духовную грамоту умершего к этому времени преподобного Дионисия Глушицкого¹⁷³.

К. В. Баранов, допуская без веских оснований конъюктуру в тексте этого источника, отождествляет Моисея¹⁷⁴ с троицким игуменом Паисием (Ярославовым)¹⁷⁵. Однако это невозможно, прежде всего с хронологической точки зрения. В XVI—XVII вв. имя Паисий не встречается в текстах родовых помянниках потомков В. А. Ярославова, сохранившихся в составе синодиков нескольких ярославских монастырей¹⁷⁶. Это дает основание предполагать, что, скорее всего, Паисий происходил из младшей ветви рода и был сыном ростовского владычного боярина Моисея Ярославова.

Алексей и Моисей не были записаны в родословной Ярославовых. Источник начинается с имен двух братьев — «бездетного» Леонтия и Васи-

¹⁷¹ Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. СПб., 1999. С. 211. Л. 260.

¹⁷² АСЭИ. Т. 3. № 263. С. 280, 281 [Список XVIII в.].

¹⁷³ АСЭИ. Т. 3. № 252. С. 274 [Подлинник].

¹⁷⁴ Подробнее об этом см.: Баранов К. В. Заметка о происхождении Паисия Ярославова // Исследования по истории средневековой Руси. С. 268—272. К подлиннику грамоты К. В. Баранов не обращался.

¹⁷⁵ Подробнее о нем см.: Прохорова Г. М. Паисий Ярославов // СККДР. 1989. Ч. 2. Вып. 2. С. 156—160; Макарий (Веретенников), архим. Старец Паисий Ярославов // ДРВМ. 2004. № 2 (16). С. 24—34; и др.

¹⁷⁶ ОРРГБ. Ф. 205. № 234. Л. 117 об.; ГАЯО. Коллекция рукописей. Оп. 1. № 24 (1054). Л. 235 об.; и др.

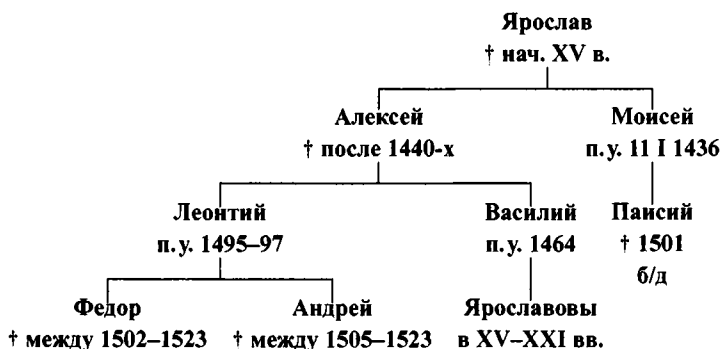
лия Алексеевичей¹⁷⁷. На самом деле это сообщение неточно. У Л. А. Ярославова было два сына — Федор и Андрей. К 1523 г. они все умерли¹⁷⁸.

Благодаря политической близости к Калитовичам, карьера Л. А. и В. А. Ярославовых сложилась удачно. Уже 23 III 1464 г. в Москве от великого князя Ивана III Васильевича, т. е. вскоре после присоединения Ярославского княжества к Русскому государству, они получили жалованную тарханно-несудимую и заповедную грамоту на свои владения в волости Черемха¹⁷⁹. Л. А. Ярославов стал одним из самых влиятельных дьяков великого князя. Он сыграл заметную роль в присоединении к Москве Тверского великого княжества¹⁸⁰. У В. А. Ярославова известен сын Никита Васильевич. От него происходит служилый род дворян Ярославовых¹⁸¹. От служившего в Кашинском уделе Якова Медведя, родственника (брата?) Н. В. Ярославова, происходит младшая (кашинская) ветвь рода Медведевых-Ярославовых¹⁸².

Приведенные сведения источников о предках Ярославовых, живших в XV — начале XVI в., можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № II.4*).

Схема № II.4

Ярославовы

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. № 322. Л. 481^а.

¹⁷⁸ АСЗ. Т. 1. № 146. С. 120. Л. 390 [Список 1628 г.]. С. 342.

¹⁷⁹ АСЗ. Т. 1. № 312. С. 302, 303 [По публикации с копии].

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 271. Л. 557 об. — 558; Т. 25. С. 330. Л. 468; АСЭИ. Т. 1. № 523. С. 401; 1958. Т. 2. № 399. С. 405; Т. 3. № 208. С. 219 [Подлинники]; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 17; и др. Не зная родословной Ярославовых, их актов и помянников, Ю. Г. Алексеев ошибочно считает, что происхождение Леонтия Алексеева неизвестно. Кроме того, исследователь не прав, отделяя сведения о дьяке Л. Алексееве от данных о дьяке Леонтии Ярославове (ср.: Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 202—203, 289. № 2. С. 294. № 65).

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. № 322. Л. 481^а—481^б.

¹⁸² АСЭИ. Т. 3. № 173. С. 187—189 [Подлинник]; ТКДТ. С. 137. Л. 103 об.; и др.

§ 2.12. РОД КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО. С семьей московских тысяцких Вельяминовых тесные узы родства имел такой известный подвижник русского православия, как Кирилл Белозерский (в миру — Козьма, казначей боярина, окольничего и воеводы великого князя Дмитрия Донского — Т. В. Вельяминова). Возможно, именно поэтому к потомку ростовских бояр, архимандриту Успенского Симонова монастыря, выходец из Киева Стефан († 1406), игумен Махрищской Троицкой обители, находившейся всего в 35 верстах к востоку от Троицы на Маковце, привел Кузьму (ок. 1347?—1427). Великокняжеский духовник Феодор, не боясь боярского гнева, «приемлет его с радостью и тако постригает его сѣврьшено и дасть ему то же наименование Кирииль»¹⁸³. Этот случай указывает на то, что в Москве выходцы из Ростова поддерживали между собой тесные связи. Они касались не только светской, но и духовной жизни¹⁸⁴.

В Новом Симоновом монастыре Кирилл стал учеником авторитетного троицкого старца Михаила, одного из самых известных соратников Сергия Радонежского. Это событие произошло «до 1384 г., так как зимой 1383/84 г. Михаил был уже поставлен епископом г. Смоленска»¹⁸⁵. Пострижение Кирилла вряд ли было связано с опалой на бояр Вельяминовых, на чем настаивал Я. С. Лурье¹⁸⁶. Против этого вывода прямо свидетельствует назначение в 1388 г. преподобного архимандрита Симонова монастыря¹⁸⁷, а также свидетельство второй духовной грамоты великого князя Дмитрия Донского. В ней Т. В. Вельяминов упоминается как послух и занимает почетное второе место после князя Д. М. Боброка Волынского¹⁸⁸.

Основная деятельность Кирилла вне пределов Нового и Старого Симонова монастыря была связана с Белозерьем¹⁸⁹. Сюда, как показывают последние разыскания, он, возможно, пришел не в 1397 г., а на 10 лет позже¹⁹⁰. Хронологию событий значительно уточняет выяснение времени смены настоятелей в Симонове монастыре. 26 VIII 1408 г. митрополит Киприан

¹⁸³ Житие Кирилла Белозерского // БЛДР. 1999. Т. 7. С. 140.

¹⁸⁴ Мансуров С. П. О библиотеке // Троице-Сергиева лавра. М., 2007. С. 116; Беттин Л. В. Икона «Козьма и Дамиан» из Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева // Древнерусское искусство XV—XVII вв. М., 1981. С. 69—70; и др.

¹⁸⁵ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 64; Kloss. Monasticism During the Formation of a Centralized State. S. 26.

¹⁸⁶ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 53.

¹⁸⁷ Kloss B. M. Monasticism During the Formation of a Centralized State. S. 26.

¹⁸⁸ ДДГ. № 12. С. 36, 37; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 136 [Подлинник].

¹⁸⁹ На этот факт указывает распространение родовых помянников разных редакций представителей рода Кирилла Белозерского, которые пополнялись вплоть до последней трети XVII в. (Например, см.: ОР РГБ. Ф. 199. № 478. Л. 655—655 об.; и др.).

¹⁹⁰ Подробнее об этом см.: Серебрякова М. С. Житие преподобных Кирилла и Ферапонта как исторический источник сведений об основании Белозерских монастырей // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 180—189; Шибаев М. А. Когда была основана библиотека Кирилло-Белозерского монастыря? // ДРВМ. 2009. № 3 (37). С. 128—129.

поставил архимандрита Иллариона на Коломенскую кафедру¹⁹¹, а между 3 и 15 VII 1410 г. святитель Фотий — архимандрита Сергия (Азакова), гонителя Кирилла Белозерского, на Рязанскую кафедру¹⁹². Следовательно, на более поздний срок (т. е. 1347 г.) следует относить время рождения Козьмы (Кирилла). Молчание агиографов о жизни родителей преподобного позволяет предполагать, что они умерли очень рано. В кормовых книгах Кирилло-Белозерского монастыря за 8 июля можно найти следующую запись: «Игумена Кирила, по родителех его: по Прокофье да по Стефаниде корм с поставца»¹⁹³. Однако она относится не к родителям Козьмы (Кирилла), а к его тезке игумену Кириллу, сделавшему большой вклад в 1568/69 г.¹⁹⁴

Возможно, причиной ранней смерти родителей Козьмы могла быть «черная смерть» (бубонная чума), поразившая Северо-Восточную Русь в 50-е гг. XIV в. Оставшиеся после ее ухода сиротами малолетние вотчици, несомненно, нуждались в сильной защите. Будущий преподобный Григорий Авнежский искал поддержки у Стефана Махрищского¹⁹⁵, а Козьма (Кирилл), очевидно, мог быть сразу же взят для попечения на двор семьи потомков выходцев из Ростова — Т. В. Вельяминова и его жены Ирины.

Помянник рода Кирилла Белозерского сохранился в нескольких редакциях, отличающихся друг от друга полнотой записанных в нем лиц. В краткой редакции, сохранившейся в составе Кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря 1600 г. и синодика Переяславского Горицкого монастыря, записаны следующие лица: «Михаила, Петра, Тимофея, Тарасия, Симеона, Николы, Петра, Марии, Ирины»¹⁹⁶. Среди этих имен есть Тимофей и Ирина. Однако остальной перечень имен совершенно не соответствует лицам, принадлежавшим к роду Вельяминовых, потомков тысяцкого Протасия. Исключение, возможно, составляет лишь Симеон, записанный позже Тимофея. Согласно родословцам «у Тимофея окольного был сын Семен, бездетен»¹⁹⁷. В других помянниках рода Кирилла Белозерского, пополнявшегося на протяжении

¹⁹¹ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 461; ПСРЛ. Т. 25. С. 234. Л. 327 об.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 54. Л. 64 об.

¹⁹³ Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой // *Шаблова Т. И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVII вв. С. 130. Л. 218.

¹⁹⁴ В записи за 24 сентября отмечается: «...по игуменѣ Кириллѣ кормъ съ поставца. Дачи его въ 77 году денегъ 421 рубль. Половина по немъ, а другая по его родителѣхъ 8 июля въ 8 день. Лежить за алтаремъ Архангела Гавриила. На могилу соборомъ ходять» (*Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Зап. Отд. русской и славянской археологии Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 55; см. также: Там же. С. 83).

¹⁹⁵ Подробнее о нем, например, см.: *Кузьмин А. В., Романенко Е. В.* Григорий и Кассиан Авнежские // ПЭ. 2006. Т. 12. С. 721—723.

¹⁹⁶ *Макарий (Веретенников), архим.* Поминальные синодики // *Вышенский паломник.* Рязань, 1998. № 1 (6). С. 81.

¹⁹⁷ РИИР. Вып. 2. С. 66. Л. 621, С. 136. Л. 102; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 214; Там же. № 350. Л. 187; и др.

XVI — начала XVII вв., имя Тимофей (в отличие от Ирины и Симеона) так и не было внесено¹⁹⁸.

Указанные выше факты дают повод думать, что Козьма (Кирилл) был «сродником» Вельяминовых не по мужской, а по женской линии. На этот вывод также наводят следующие обстоятельства: во-первых, подавляющее большинство записанных лиц в помяннике рода Кирилла Белозерского не были членами этой старомосковской боярской фамилии. Во-вторых, источники за XV в. не знают ни одного случая, чтобы Вельяминовы поддерживали какие-либо отношения с Кирилло-Белозерским монастырем и делали в него вклады. (Их однородцы Вельяминовы устанавливают связи с обителью лишь в первой половине XVI в.¹⁹⁹) Так, например, никто из Вельяминовых и Воронцовых не упоминается в записях кормовой книги на 7 июня, когда «Чюдотворца Кирила по родителех корм с поставца. Служить собором», а «пища рыба большая, пироги опарные, квась сыченой доброй», и 9 июня, когда «На память преподобнаго отца нашего игумена Кирила Белозерскаго, Чюдотворца, корм заздравной большой»²⁰⁰ и «съ сказкою и съ ковшомъ»²⁰¹. В-третьих, в помянниках потомков бояр Вельяминовых и их однородцев имя Кирилла Белозерского не встречается. В-четвертых, пополнение имен в помянник его рода происходит лишь в синодиках монастырей Белозерья и Вологодчины. Все эти факты склоняют к выводу, что представители боковых ветвей рода, из которого происходит Козьма (Кирилл), как и в случае с родственниками преподобного Сергия Радонежского, продолжали жить в XVI—XVII вв.

Очевидно, что лишь кровные связи с женой окольничего Т. В. Вельяминова Ириной²⁰² и ее покровительство позволили Козьме (Кириллу) избежать гнева влиятельного московского боярина и сделать главный выбор в своей жизни.

§ 2.13. ЛИХАРЕВЫ. Постепенный переход в XIV в. крупных землевладельцев на службу к Калитовичам можно наблюдать в соседнем

¹⁹⁸ ОР РГБ. Ф. 199. № 478. Л. 655—655 об.; Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой // *Шаблова Т. И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVII вв. С. 140. Л. 32; и др.

¹⁹⁹ Об этом, например, см.: *Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. С. 83; *Алексеев А. И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // ВЦИ. 2010. № 3—4 (19—20). С. 32. Л. 24 об. — 26. С. 60. Л. 123 об. — 124.

²⁰⁰ Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой // *Шаблова Т. И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVII вв. С. 128. Л. 220—221; и др.

²⁰¹ *Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. С. 80.

²⁰² Так, например, лишь эти лица были записаны в статье «Род Кирила, игумена Белозерскаго, чюдотворца» в составе синодика московского Новинского монастыря на Пресне (ОР РГБ. Ф. 173/IV. № 96. Л. 40 об.).

с Ростовом и Ярославем Белоозере. Так, по крайней мере, источники позволяют судить о двух видных местных родах Лихаревых и Монастыревых. Их землевладение изучено А. И. Копаневым. В общих чертах исследователь описал процесс постепенного раздела и перехода по частям большинства вотчин Лихаревых во владение Кирилло-Белозерского монастыря. Используя сведения актов, А. И. Копанев определил круг земель, которыми в XV в. владели Роман Иванович Лихарев, его сын Семен, а в конце XV — первой половине XVI в. их ближайшие родственники — Федор Никитич Лихарев и его сын Угрим²⁰³.

Однако при работе с источниками А. И. Копанев не проанализировал летописный материал. От его внимания ускользнуло весьма важное известие о службе у великого князя Василия I предка белозерского рода Лихаревых — Ивана Лихоря²⁰⁴. Ряд летописцев сообщают, что 25 X 1395 г. в Нижнем Новгороде во время его взятия войсками ордынского царевича Ентяка и князя Семена Дмитриевича Суздальского находилось трое московских воевод. Ими были Владимир Данилович Красный Снабдя, Григорий Владимирович Холопище и Иван Лихорь²⁰⁵. Сын последне-

²⁰³ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 176—177.

²⁰⁴ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 30.

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 379. Л. 250 об. — 251; Т. 25. С. 225, 226. Л. 315—315 об. О времени этого ордынского похода на Нижний Новгород подробнее см.: Лурье Я. С. Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники // ТОДРЛ. 1990. Т. 43. С. 43—46, 48, 52. Примеч. 42; Кучкин В. А. О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // Нормы у источника Судьбы. М., 2001. С. 214—224; Он же. О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem. М., 2005. С. 242; Он же. О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» // ДРВМ. 2006. № 3 (25). С. 106—132; Он же. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 143—182. Некоторые исследователи датируют поход царевича Ентяка не 1395 г., а 1394 г. (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 706), 1399 г. (Фахрутдинов Р. Г. Исследования Старой Казани // СА. 1984. № 4. С. 105; Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 60. Примеч. 62; Горский А. А. Московско-ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV в. // ОИ. 1998. № 4. С. 20, 21; Он же. О дате похода князя Юрия Дмитриевича на Волжскую Булгарию // ВЕДС. М., 2004. С. 46—51; Он же. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // СР. 2004. Вып. 4. С. 149—151; Он же. Датировка похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV в. // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 82—93; Он же. От земель к великим княжениям. М., 2010. С. 53, 54. Примеч. 207; Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Муром, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002. С. 34; Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 60. Примеч. 62; Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV—XVI вв. Ижевск, 2005. С. 20, 84; Kloss B. M. Monasticism During the Formation of a Centralized State // Russian Studies in History. 2013. Vol. 52. № 1. P. 23, 36; и др.) или даже 1400 г. (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 233—234). О составе гипотетического источника с датировкой записи похода на Нижний Новгород в 1399 г., а не 1395 г. подробнее см.: Муравьева Л. Л. О неизвестном пергаменном источнике Московского

го — боярин Роман Иванович, как отмечает Житие Кирилла Белозерского, материально поддерживал обитель, жалую ей в разные годы от 50 до 100 мер зерна. После смерти игумена Кирилла Р. И. Лихарев сделал крупный вклад в обитель. Он передал свое село «монастырю Пречистыя, иже есть и донынѣ в память его»²⁰⁶.

Выяснить приблизительное время вклада Р. И. Лихарева в Кирилло-Белозерский монастырь помогают сведения актов. В правой грамоте с доклада князю Д. А. Пенку Ярославскому, данной великокняжескими судьями М. Д. Глебовым Шапкиным-Заболоцким и И. С. Головой Лыковым властям обители на ряд деревень и пустошей по р. Чюлмосар, бывших в споре с крестьянином Шуктовской волости Васькой Гридиным сыном Милятиным, излагалась история этого вклада. К сожалению, уже к 1492 г. власти Кирилло-Белозерского монастыря утратили две подлинные жалованные данные грамоты Р. И. Лихарева: 1) на его слободку (а не село) Васильевскую «и съ лѣсы и с пожнями» и 2) тянувшие к ней деревни Мясово, Медведево, Хламово и пустоши Паршино и Никитино на р. Чюлмосар в Шуктовской волости²⁰⁷. Они относились ко времени настоятельства игумена Трифона (1435—1447).

В середине — второй половине XV в. вкладчиками Кирилло-Белозерского монастыря были Семен, сын Р. И. Лихарева, его брат Никита Иванович и племянник Федор²⁰⁸. Отсутствие сведений в источниках о служебных связях Р. И. Лихарева с правителем Москвы косвенно указывает на то, что он и его дети служили можайско-белозерскому князю Андрею Дмитриевичу и его сыновьям. Родственная связь между ростовскими, белозерскими и переяславскими Лихаревыми пока не ясна²⁰⁹. Она требует дальнейшего исследования.

Сведения источников о представителях рода Лихаревых в конце XIV — XV в. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № II.5*).

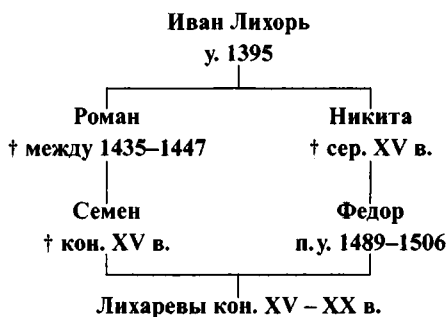
свода конца XV в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 138—143; и др.

²⁰⁶ Житие Кирилла Белозерского. С. 178.

²⁰⁷ АСЭИ. Т. 2. № 288. С. 201—203 [Подлинник]; об этом суде также см.: Черепнин Л. В. У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России // ВА. 1963. № 1. С. 60. О судьбе других документов, приписываемых этим писцам, также см.: Баранов К. В., Мошкова Л. В. Полюбовная докладная межевая память 1482 г. // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 11, 12.

²⁰⁸ АСЭИ. Т. 2. № 152. С. 88 [Подлинник], № 221. С. 142 [Список XVI в.], № 223. С. 144 [Список XVII в.], № 263. С. 176, № 281. С. 189, № 286. С. 196—198, № 288. С. 201—203, № 316. С. 287, 288, № 391. С. 398, 399, № 397. С. 402, 403 [Подлинники]; и др.

²⁰⁹ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. С. 176, 177; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. С. 62, 149—150, 217; Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. С. 97.

§ 2.14. ЛАПТЕВЫ. В 1970 г. В. Б. Кобрин опубликовал в позднем списке текст самого древнего из известных в настоящее время частных белозерских актов²¹⁰. Он был пропущен И. А. Голубцовым при публикации грамот Кирилло-Белозерского монастыря до начала XVI в.²¹¹ Эту купчую В. Б. Кобрин датировал между около 1340—1370-х гг. и до 1380 г. Сделка была оформлена с доклада князю Федору Романовичу. Верхняя граница создания документа определена исследователем временем последнего упоминания в источниках князя Романчука Михайловича — 1339 г. Нижняя граница — тем обстоятельством, что сын этого правителя Белоозера, князь Федор Романович, был убит татарами Мамаевой Орды в битве на Куликовом поле 8 IX 1380 г.²¹²

На наш взгляд, верхнюю и нижнюю границу составления данного акта следует сузить до 70-х гг. XIV в., поскольку князь Федор Романович как самостоятельный правитель Белоозера упоминается только в эти годы²¹³. Тому есть и другие косвенные основания, которые выясняются при изучении генеалогии белозерских вотчинников Лаптевых.

Вновь найденная В. Б. Кобриным грамота ранее использовалась княжеским судом в середине XV в. при решении одного из земельных споров. Источник содержал информацию о вотчинниках, проживавших на Белоозере еще до присоединения вымороченного удела князя Федора Романовича и его сына Ивана Федоровича к Москве. Тем он весьма ценен

²¹⁰ Кобрин В. Б. Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // АЕ за 1968 г. 1970. № 1. С. 407 [Список 30-х гг. XVII в.].

²¹¹ Ср.: АСЭИ. Т. 2 (по указ.).

²¹² Кобрин В. Б. Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. С. 407.

²¹³ Кузьмин А. В. Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII — первой половине XIV в. // ИКРЗ, 2000 г. 2001. С. 18; Грязнов А. Л. Купчая Павла Харитоновна // ДРВМ. 2012. № 2 (48). С. 38–39, 44–46.

для реконструкции состава местных землевладельцев в конце XIV — начале XV в. Павел Харитонов (по-видимому, дед Никифора Горбова) покупал «у Ильи у Краковля село Вашкеи, его вотчиную землю боярскую со всем»; послухами выступали «Павел Черкасов, Петр Лопоть, Нефедей Черной да Микула Лапоть», а «грамоту писал Матфей Кокин»²¹⁴. Прежде всего, среди этих бояр интерес представляет личность Микулы Лаптя. По-видимому, он был отцом указанного в одной из грамот Гавриила Лаптева.

В конце XV в. этот акт сохранил не так много сведений о ранее жившем вотчиннике. В основном они сводятся к описанию его владений. Сторожильцы заявляли великокняжеским судьям:

«Был, господине, некто сын боярской Гаврило Лаптев, а жил, господине, в селе в Великом, а то, господине, село его вотчина; а та деревня Крохинская на сей стороне Шоксны, да и на другой стороне Шоксны Середней погост, по речку по Турбай до Белоозера до устья до Белозерского и до Шохонского, то было, господине, все Гаврилово Лаптева; а и монастырь, господине, Троицкой поставлен на Гаврилове земле. А Гаврило, господине, Лаптев исшел без отрода; и князь Андрей, господине, Дмитриевич взял за себя Великое село Гавриловское Лаптева, а Крохинскую, господине, деревня дал к Троицы на Устье. И Троицкой, господине, монастырь оскудел, игумена не стало. А в ту пору, господине, пришел на Белоозеро князь Иван Андреевич, да ту, господине, Крохинскую дал в Ферапонтов монастырь по матери своей по княгине по Огрофене; а та, господине, деревня была пуста»²¹⁵.

Анализ сведений этой правой грамоты показывает, что владения Г. Лаптева находились на левом и правом берегах р. Шексны. В целом это факт малоинтересный, если бы не одно обстоятельство — их расположение в пределах Белозерского княжества. По наблюдениям С. Д. Захарова:

«Левобережные владения Лаптева восстановить достаточно просто, т. к. с. Крохино и с. Великоселье обозначены на плане Генерального межевания. Несколько сложнее определить размеры владений на правом берегу Шексны, т. е. территорию Середнего погоста. Его западная граница находилась в районе истока Шексны из озера. Восточную границу, проходившую, судя по описанию, по р. Турбай, установить нельзя, поскольку это название нигде больше не встречается. Но в любом случае территория Старого города несомненно либо входила в его землевладение, либо располагалась в непосредственной близости. В связи с этим вызывает недоумение полное отсутствие в документе каких-либо сведений о Старом городе, топонимов, говорящих о его существовании. Люди, жившие в XV в. в непосредственной близости от Старого города, уже не помнят о нем, указывая лишь на два поселения,

²¹⁴ Кобрин В. Б. Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. № 1. С. 407; Грязнов А. Л. Купчая Павла Харитонова. С. 49.

²¹⁵ АСЭИ. Т. 2. № 332. С. 313, 314 [Список конца XVI — начала XVII в.].

находящиеся на правом берегу Шексны, — Средний погост и Троицкий монастырь. Наиболее правдоподобным объяснением этому является, по-видимому, отождествление Среднего погоста, принадлежавшего Лаптеву, и «старого городка», сожженного новгородцами в 1398 г.»²¹⁶.

Итак, выясняется, что владения Г. Лаптева находились в древней части старого города Белоозера.

Приведенные сведения источников о роде Лаптевых в конце XIV — начале XV в. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № II.6*).

Схема № II.6

Лаптевы

Микула Лапотъ

у. 1370-е

Гавриил

† до 1432

б/д

§ 2.15. МОНАСТЫРЕВЫ. История землевладения и переходов вотчин Монастыревых в XIV—XVI вв. в распоряжение Кирилло-Белозерского монастыря подробно разобрана в трудах С. Б. Веселовского и А. И. Копанева²¹⁷. Тем не менее далеко не все аспекты истории этого рода были изучены. Благодаря введению в научный оборот новых источников, в настоящее время процесс вхождения в конце XIV — XV в. Монастыревых в состав московской военно-служилой знати и бюрократии значительно уточнен²¹⁸.

В отличие от безземельных князей Волыни, Смоленщины и Черниговщины, предки Монастыревых не выезжали в Москву, а в силу родственных отношений с князьями Северо-Восточной Руси смогли стать вотчинниками на Белозерье. Монастыревы оказались на службе у московских

²¹⁶ Захаров С. Д. Новые данные о Белоозере XIV в. // Белозерье. Вологда, 1994. [Вып. 1.] С. 20—22.

²¹⁷ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 178—187, 223, 248, 294, 382, 383, 432; *Он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 374—396; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края. С. 24—36; и др.

²¹⁸ Например, см.: Грязнов А. Л. Двор Верейско-Белозерских князей в 1389—1486 гг. // Кириллов. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 24—51; Кузьмин А. В. Князья Пронские. бояре Монастыревы и дворяне Кусаковы — участники битвы на реке Воже в 1378 г. и их потомки в XV—XVI вв. // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Тула, 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 80, 82—85, 86, 94; Стрельников С. В. Грамоты XV — начала XVI в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековье. М., 2012. С. 119—122, 124, 126; Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI в. Орёл, 2013. С. 8, 229, 230, 243, 245—249, 252—254, 256, 257, 261, 262, 289, 368; и др.

великих князей лишь в третьем поколении. Причем этот переход был ими осуществлен вместе с другими видными белозерскими вотчинниками, очевидно, еще до битвы на р. Воже, когда часть Белозерского княжения уже отошла к московским князьям. Монастыревы стали служить Калитовичам со своих вотчин на Белозерье. Согласно наблюдениям С. Б. Веселовского:

«Самые большие владения Монастыревых находились на юг от Белоозера, в быв[шем] Надпорожском стану, занимая почти весь бассейн р. Ковжи и земли выше впадения Ковжи в Шексну с ценными рыбными ловлями. Владения состояли из нескольких участков разной величины. В бассейне Ковжи Монастыревы владели очень крупным массивом, а затем им принадлежали по р. Шексне и на восток от Белоозера сенные покосы, рыбные ловли и лесные угодья. Центром владения в бассейне Ковжи были с. Старая Ерга, Воскресенское то-ж, на восток от Ерги — дер. Павлова, на юг — с. Романово (жребий Романа Мусорги Монастырева) и на запад — дер. Кнутово (доля Александра Кнута). На север от с. Ерги лежало с. Ивановское Блиновых (доля Даниила Блина). На истоках Ковжи находились селения: Судаково, вотчина боярина Ив[ана] Ф[еодоровича] Судака Монастырева, и рядом с ним Семеново Раменье и Елизарово Раменье, вотчины Семена и Ивана Елизаровичей Циплятевых. По другой стороне Ковжи Монастыревым принадлежали села Никольское и Троицкое и деревни Княжая и Пантелеймонова. Вероятной вотчиной Василия Ерша Судакова можно считать существующую ныне дер. Ершову на берегу Азадского озера, хотя в актах мы не имеем на то указаний. Перечисленные селения, под теми же названиями, существуют донныне»²¹⁹.

Таким образом, они представляют собой совершенно иной случай, чем безземельные князья Западной и Южной Руси. Поэтому представляется, что будет более справедливым рассматривать судьбу Монастыревых в кругу родов белозерской военно-служилой знати, а не фамилий, утративших княжеский титул в конце XIV — первой половине XV в.

Данные актов и родословных росписей свидетельствуют, что во второй половине XIV в. видный служилый род белозерских вотчинников Монастыревых смог породниться с представителями московской нетитулованной знати. Некоторые из них от Д. А. Монастырева получили в приданое за дочерьми большие земли на Белоозере. Так, например, великокняжеский боярин Иван Андреевич Хромой (из рода Ратшичей) стал владельцем белозерской волости Ерга²²⁰. Материальный достаток и установление новых связей позволило Монастыревым сохранить свой высокий социальный статус и укрепиться в среде московской военно-служилой знати.

²¹⁹ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 178.

²²⁰ РИИР. Вып. 2. С. 170. Л. 161 об. Подробнее об этом см.: Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 179.

Указанная выше ситуация, с одной стороны, противоречит предположению Д. Е. Гневашева о том, что «смолянами», у которых московский боярин Федор Андреевич «вытагал... на обчем рѣкѣ Товѣ и Медынѣ»²²¹, могли быть ближайшие потомки князя Александра Монастыря²²². Ведь они были союзниками, а не политическими противниками Калитовичей. С другой стороны, нельзя умалчивать тот факт, что при переходе на службу в Москву Монастыревым пришлось несколько поступиться родовой честью. Именно на рубеже третьей и четвертой четверти XIV в., несмотря на близкие семейные связи с несколькими правящими династиями в Северо-Восточной Руси, они утрачивают свои права на княжеский титул. Поэтому возникает логичный вопрос: а не было ли данное событие каким-либо образом связано с утратой Монастыревыми последних княжеских прав на родовые вотчины, находившиеся в Смоленщине и на Белозерье?

Д. Е. Гневашев обратил внимание на то, что одна из белозерских вотчин Монастыревых «отстояла от Това всего на 20—30 км». Вслед за А. А. Горским²²³ исследователь справедливо локализовал волость Тов «вдоль левого притока Шексны р. Уломы, на порубежье позднейших Белозерского и Вологодского уездов»²²⁴. Можно согласиться с Д. Е. Гневашевым в его критике толкования А. А. Горским фразы, связанной с приобретением великим князем Тови и Медыни. А. А. Горский считает, что они якобы «были приобретены в два приема у различных владельцев», а не одновременно²²⁵. Между тем административная связь Медыни и Тови вполне возможна. Политическая биография великого князя Федора Ростиславича Черного наглядно показывает, что в последней трети XIII в. потомки смоленских князей одновременно могли владеть крупными вотчинами в разных регионах Руси.

Если принять во внимание традиционно сильные позиции старших Мономашичей на окраинах Новгородской земли и в Белозерье в XII в., о чем наглядно свидетельствуют многочисленные находки в этих регионах Руси их печатей²²⁶, а также прямые родственные связи между смоленски-

²²¹ ДДГ. № 12. С. 34; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. С. 133 [Подлинник].

²²² Гневашев Д. Е. Об одном «примысле» великого князя Дмитрия Донского на белозерско-вологодском рубеже // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 33, 34.

²²³ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси // СР. 2004. Вып. 5. С. 145.

²²⁴ Гневашев Д. Е. Об одном «примысле» великого князя Дмитрия Донского на белозерско-вологодском рубеже. С. 33, 34.

²²⁵ Гневашев Д. Е. Об одном «примысле» великого князя Дмитрия Донского на белозерско-вологодском рубеже. С. 33.

²²⁶ Например, см.: Макаров Н. А., Чернецов А. В. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 230—241; Чернов С. З. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII в. // ДРВМ. 2003. № 2 (12). С. 5—14; № 3 (13). С. 13—21; и др.

ми, белозерскими и ярославскими князьями в XIII в., можно предположить следующее. Формирование вотчин у ближайших предков Александра Монастыря могло происходить тем же путем, что и у великого князя Федора Ростиславича Черного. Возможно, успеху Монастыревых на окраинах Северо-Восточной Руси сопутствовало и то обстоятельство, что у их предков в XIV в. могли сохраняться определенные права на часть земель в Смоленщине. Может быть, этими правами Монастыревых и воспользовался великий князь Дмитрий Иванович, чтобы забрать в свои руки Медынь?

По крайней мере, в Румянцевском списке *Рум. ред.* родословных книг утверждается, что князь Федор Святославич приехал на службу в Москву «с Вязьмы и з Дорогобужа», а у него «брат был меншой князь Юрьи»²²⁷. С точки зрения хронологии именно такое родство между Федором Святославичем и Юрием Святославичем невозможно (см. об этом ниже). Однако какая-то доля правды о прежних связях предков Монастыревых с Вяземским княжением вполне может быть. Всерьез об этом можно будет говорить только тогда, когда А. А. Горским более четко будет доказано предположение о первоначальном вхождении Медыни в состав Вяземского княжения²²⁸.

Монастыревы перешли на службу к великим князьям владимирским и московским еще до 1378 г., т. е. до полной ликвидации независимости Белозерского княжения, окончательно оформившегося в начале 80-х гг. XIV в.

В Можайско-Белозерском и Белозерско-Верейском уделах сыновей великого князя Андрея Дмитриевича сыновья и внуки Ивана и Василия Александровичей Монастыревых вошли в узкий привилегированный круг военно-служилой знати, занимавшей в них ключевые военные и административные посты. В этих московских уделах они служили многие годы, упоминаясь в качестве бояр и воевод. После ликвидации обоих уделов некоторые представители рода Монастыревыхполнили число дьяков и руководителей дворцовых ведомств и разрядов в Русском государстве²²⁹. Однако время их появления из Смоленска в Белоозерье и происхождения по-прежнему следует считать дискуссионным.

²²⁷ РИИР. Вып. 2. С. 169. Л. 160 об.

²²⁸ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV вв. вне Северо-Восточной Руси. С. 144, 146.

²²⁹ Подробное об этом, например, см.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 80—86; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 376—396; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 47, 559, 560; Дергачев В. В. Родословие Дионисия Иконника // ПКНО, 1988 г. С. 218—220, 224; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 23, 72—74, 175, 266, 295, 304; Бычкова М. Е. Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства. Генеалогические заметки // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000. С. 66—68; Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие второй половины XV в. // ВИ. 2009. № 9. С. 114, 115, 116; Он же. Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI в. С. 8, 229, 230, 243, 245—249, 252—254, 256, 257.

Начальная история Монастыревых заслуживает пристального внимания, так как версия А. И. Копанева при тщательном разборе родословных источников оказывается весьма противоречивой. Дело в том, что исследователь учел сведения фактически только одной — поздней 3-й (Пространной) редакции росписи Монастыревых. Она была известна А. И. Копаневу по описанию текста, с которого начинаются приписные главы к *Рум. ред.* 40-х гг. XVI в. Этот конвой возник не ранее 60-х гг. XVI в.²³⁰ Между тем родословные росписи Монастыревых, сохранившиеся в большинстве списков редакций (*Ред. 43 главы с прип., Комп. и Патр. ред., Ред. в 81 главы*), для текстологического сравнения А. И. Копаневым, к сожалению, привлечены не были.

При анализе текстов росписей следует учитывать, что далеко не всегда ранние по составу и происхождению родословные книги сохранили их наиболее древние редакции. Очевидно, поэтому А. И. Копаневу не удалось проследить ни развитие, ни вариативность легенды в XVI в. о родственных связях Монастыревых с княжескими семьями Северо-Восточной Руси в XIV в. Между тем очевидно, что все эти вопросы требуют своего разъяснения.

В 1-й (Краткой) редакции росписи Монастыревых, сохранившейся начиная с конца XVI в. в списках родословных книг *Ред. в 43 главы с приписными, Комп. ред.* и 1-го извода *Патр. ред.*, кроме записи о выезде князя Александра Монастыря из Смоленска, нет ни слова о степени его родства с правившей в Москве династией. Здесь есть информация лишь о браках его внуков с представителями родов московских бояр. Это позволяет судить о видном служебном положении Монастыревых при великокняжеском дворе, по крайней мере в 70-е гг. XIV в. По родословцам, у Дмитрия Александровича, погибшего в бою с татарами Мамаевой Орды в 1378 г., было два брата — Иван и Василий. Они стали родоначальниками старшей и младшей ветвей рода Монастыревых. Брачные связи И. А. и В. А. Монастыревых с семьями московских бояр росписи не отмечают. Основное внимание они уделяют старшему сыну князя Александра — Дмитрию. Прежде всего стоит отметить, что 1-я (Краткая) редакция росписи Монастыревых, в отличие от *Рум. ред.*, не знает его гибели на р. Воже, а также умалчивает о браке его пятой дочери, вышедшей замуж за Ивана (Ивановича) Толбугу († после 1401). Источник сообщает, что старшая дочь Д. А. Монастырева Аграфена²³¹ вышла замуж за видного боярина Ивана Андреевича Хромого

261, 262, 289, 368; Стрельников С. В. Грамоты XV — начала XVI в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. С. 119—122, 124, 126; и др.

²³⁰ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 19—31.

²³¹ Правильность указанного в родословцах имени жены московского боярина Ивана Андреевича Хромого подтверждается списком боярынь рубежа XIV—XV вв. Он сохранился в подборке родословных материалов в составе Синодального списка Типографской лето-

(из рода Ратши), вторая за Чепечика (иногда ошибочно — Чепочку), третья за известного позже боярина Александра (Андреевича) Белеута. Младшая, четвертая, дочь Д. А. Монастырева была выдана замуж за московского воеводу Семена Мелика²³², погибшего 8 IX 1380 г. в битве с татарами Мамаевой Орды на Куликовом поле²³³.

Легендарные биографические данные есть в росписях Монастыревых, вошедших в состав *Патр. ред.* и близкой к ней *Ред. в 81 главу*. В своем составе они имеют 2-ю редакцию росписи и дают детальный рассказ о родственных связях Монастыревых с великокняжеской семьей, но не в том ключе, как это встречается в *Рум. ред.* Росписи 2-й редакции отмечают:

«А у князь Федора С[вя]тославича брат был меньшой князь Юрь, а женился, взял за себя князь Васильеву дочь Ярославского. А у князь Юрья сын Олександр и после отца своего купил вотчину на Белеозере у князь Федора да у князь Романа. А жил князь Олександр Юрьевич у бабки своей у княгини Настасьи Ярославской в монастыре, и потому и прозвали его Олександр Монастырь».

О браке второй дочери Д. А. Монастырева здесь верно уточнено, что ее мужа звали Иван Чепечик (Чепечка²³⁴). И лишь в ряде епископов *Патр. ред.* неверно отмечено, будто бы он носил имя Михаил²³⁵. Такая ошибочная информация есть и в росписи Монастыревых в списке 1560-х гг. *Рум. ред.*²³⁶ Это лишний раз свидетельствует о более позднем происхождении этих добавочных чтений, чем составление самой родословной книги в 40-е гг. XVI в.

Правильность чтения в росписях Монастыревых имени Иван, а не Михаил подтверждает анализ данных источников о Чепечкиных. В первой половине XV в. Михаил Иванович Чепечкин (а не наоборот), внук Д. А. Монастырева, был видным служилым человеком при великокняжеском дворе. По-видимому, часть его родовых владений (деревня Чепочкина) находилась на рубеже Дмитровского княжества с Клинским уделом Тверского княжества²³⁷. В январе 1435 г. М. И. Чепечкин был пятым воеводой рати, посланной по приказу Василия II в погоню за звенигородским князем Василием Юрьевичем. В Вологде вместе с другими воеводами служилого «двора» ве-

писи. Вероятно, этот список мог служить одним из источников для составителей родословной росписи Монастыревых (ср.: ПСРЛ. Т. 24. С. 232. Л. 334 об.).

²³² ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 190—190 об.; Там же. № 350. Л. 286; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 99 об.; № 174/280. Л. 112; ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 309 об.; Q XVII. № 3. Л. 309; ср.: РИИР. Вып. 2. Глава 31. С. 170. Л. 161—161 об.; и др.

²³³ ДРВ. Ч. 6. С. 451; ПСРЛ. Т. 25. С. 204. Л. 282—282 об.; ОР РНБ. Ф. п. IV. № 1. Л. 36 об.; Там же. Погод. № 1596. Л. 168; ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 55; Конев С. В. Синодиология. Ч. 2. С. 103. Л. 55; и др.

²³⁴ РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 359; Родословная книга // ВОИДР. 1851. Кн. 10. Отд. 2. С. 262.

²³⁵ Родословная книга. С. 123.

²³⁶ РИИР. Вып. 2. С. 170. Л. 161—161 об.

²³⁷ ДДГ. № 96. С. 403. Л. 7 [Список XVI в.].

ликого князя, во главе которого стояли бояре Федор Михайлович Челядня, Василий Михайлович Шея Морозов, Андрей Федорович Голтыев-Кошкин и В. А. Зворыкин, он попал к нему в плен²³⁸. 7 VII 1445 г. под Суздалем М. И. Чепечкин погиб в неудачной для великого князя Василия II и русских удельных князей битве с ордынцами хана Улуг-Мухаммада. Для поминания имя М. И. Чепечкина было внесено в синодики Успенских соборов Москвы и Ростова, Софийского собора Вологды, а также Троице-Сергиева монастыря²³⁹. Среди лиц, умерших во второй половине XV в., в Троицком синодик внесли «Анастасию Шепечкина», очевидно его жену²⁴⁰.

Анализируя приведенные выше наблюдения, можно выяснить, что в двух первых редакциях росписи Монастыревых не было написано ни слова о родстве этого рода с белоозерскими князьями. Они практически не содержат фактических ошибок. Источники подчеркивают, что именно князь Александр Юрьевич Монастырь, а не его бабка княгиня Анастасия покупает вотчину на Белоозере у местных князей. Прозвище князя Александра объясняется отнюдь не тем, что он был вскормлен в обители, а тем, что позднее князь здесь жил (Троицкий монастырь на Старом Белоозере?). Таким образом, версия А. И. Копанева в ряде фактических сведений по этой редакции росписи Монастыревых не находит своего подтверждения. И это неслучайно, ведь исследователь сделал ряд весьма спорных отождествлений. Так, по его мнению, княгиня Анастасия была женой ярославского князя Василия Васильевича, который скончался между 1375—1380 гг.! Однако этот вывод не подтверждается источниками. На самом деле князь Василий Васильевич умер до 26 IV 1396 г. В это время впервые правителем Ярославского княжества был назван его сын Иван Васильевич²⁴¹. Выходная запись писца и монаха Ефросина из Белогостицкой Георгиевской обители, переписавшего для Спасо-Ярославского монастыря «Слова Григория Богослова», также отмечает князя Ивана Васильевича²⁴². Однако она датируется не 1392 г., как считалось ранее²⁴³, а относится к 9 III 1407—1410 гг.²⁴⁴ Поэтому незаслуженно отвергнутое

²³⁸ ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 148. Л. 265—265 об.; Т. 27. М., 2007. С. 105. Л. 311—311 об.

²³⁹ ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 168 об.; ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 46 об.; Ф. 344. № 99. Л. 58; ДРВ. Ч. 6. С. 458; Конев С. В. Синодиология. Ч. 2. С. 103. Л. 58; и др.

²⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 304/Л. № 40. Л. 7 об. [Список кон. XVI в.].

²⁴¹ Клосс Б. М. Избр. труды. Т. 1. С. 249.

²⁴² ЯИАХМЗ. № 15473. Л. 275—275 об.

²⁴³ Например, см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 288. Примеч. 139 (с неточной датой — 1391/92 г.). Критические замечания Н. П. Лихачева в адрес И. И. Срезневского по поводу датировки этой записи В. А. Кучкину, очевидно, остались неизвестны (ср.: Лихачев Н. П. По поводу Трудов Ярославской губернской архивной комиссии. СПб., 1893. С. 17).

²⁴⁴ Подробное об этом см.: Турилов А. А. Малоизвестные письменные источники о ярославских князьях конца XIV — первой половины XV в. // Краеведческие записки. Ярославль, 1990. С. 133, 136—137, 141. Примеч. 31.

А. И. Копаневым родство князей Василия Давыдовича Грозного († 1345) и Ивана I Калиты, упоминаемое в НИЛ младшего извода (Комиссионный список середины XV в.), остается в силе²⁴⁵. Более того, летописи отмечают, что жена ярославского князя носила имя Евдокия († 1342), а не Анастасия²⁴⁶. Следовательно, последняя из княгинь не могла быть женой князя Василия Грозного. Согласно *Рум. ред.*, Анастасия умерла не до, а после своего супруга. Следовательно, из всех ярославских князей с именем Василий на выбор теоретически остается лишь один вариант из двух. Это были либо сын князя Всеволода (Иоанна) Константиновича — Василий († 1250)²⁴⁷, либо внук великого князя Ивана I Калиты — Василий Васильевич († между 1385—1396). Однако оба этих варианта невозможны из-за большой разницы по времени.

Определенные сомнения вызывает и предложенная А. И. Копаневым реконструкция родственных связей Монастыревых с правящей на Белоозере княжеской династией. Если Феодора-Феодосия — жена князя Федора Романовича, как на том настаивает исследователь, то тогда у нее не могло быть сыновей по имени Федор и Роман, продавших земли княгине Анастасии. А. И. Копанев оставил без внимания тот факт, что на самом деле в этом случае речь идет о князьях, правивших на Белоозере в первой трети XIV в. В это время в Северо-Восточной Руси под именами Федор и Роман действуют дети белозерского князя Михаила Глебовича († 1293), а не князя Федора Романовича († 1380). Михаил Глебович был женат на дочери правителя Ярославля из смоленской династии — великого князя Федора Черного. Ее имя в синодиках и летописцах не упоминается²⁴⁸. Если Пространная редакция росписи Монастыревых не путает имен, то выясняется, что дочь великого князя Федора Черного звали Феодорой. Правда, сразу оговоримся, что такое имя также носила и жена белозерского князя Глеба Васильковича († 1278). Никакого отношения к княгине Феодосии († после 1389), дочери Ивана I Калиты, она не имела²⁴⁹.

²⁴⁵ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 349, 350. Л. 206—206 об.; см. также: Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 410. Л. 352. Подробнее о биографии ярославского князя см.: Горшкова В. В., Кузьмин А. В. Василий Давыдович Грозный // ПЭ. 2004. Т. 7. С. 193, 194.

²⁴⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54. Л. 277; Т. 10. М., 2000. С. 215.

²⁴⁷ Подробнее о нем см.: Горшкова В. В., Кузьмин А. В. Василий Всеволодович // ПЭ. Т. 7. С. 192, 193.

²⁴⁸ Кузьмин А. В. Генеалогия ростовских князей XIII — середины XIV в. // ИКРЗ, 1999 г. 2000. С. 115, 116.

²⁴⁹ Имя Феодора отсутствует в перечне белозерских княгинь, находящегося в синодике Череповецкого музея. Первой здесь была упомянута Анна, затем Феодосия, Мария и Голендука (Копанев А. И. История землевладения Белозерского края. С. 35. Примеч. 2). Очевидно, что если Феодосия — дочь Ивана Калиты и жена Федора Романовича, то упоминаемая перед ней Анна, скорее всего, ее свекровь — жена Романчука Михайловича или вторая жена его брата — Федора Михайловича.

Итак, оказывается, что если отцом князя Александра Юрьевича Монастыря и был князь Юрий Святославич, то он точно никак не мог быть родным братом дорогобужско-вяземскому, а позднее волоцкому князю Федору Святославичу²⁵⁰. У последнего, согласно синодику Успенского собора Московского Кремля, были братья Иван, Михаил и Глеб²⁵¹. Однако этот источник не знает князя Юрия Святославича, что весьма странно. Ведь если он действительно был братом князя Федора и родственником Калитовичей, то его имя, скорее всего, должно было быть включено в этот синодик. Однако данная ситуация объяснима, если подобного родства не существовало. Князь Юрий, реальный отец князя Александра Монастыря, купил земли у белозерских князей Федора и Романа Михайловичей (в *Рум. ред.* упоминаются ошибочно как дети князя Федора). Время его жизни приходится на конец XIII — начало XIV в. Это на несколько десятков лет раньше, чем считал А. И. Копанев²⁵². Появление на Белоозере князя Юрия, выходца из Смоленщины, скорее всего, было обусловлено его родством с могущественным смоленским и ярославским князем Федором Черным (а следовательно, и его зятем белозерским князем Михаилом Глебовичем).

Таким образом, обобщая наши наблюдения, можно прийти к следующим выводам: 1) к образованию вотчин Монастыревых на территории Белозерского княжества великий князь Иван I Калита и его дочери никакого отношения не имеют; 2) составители 1-й редакции фамильной легенды Монастыревых не привлекали сведений о земельной сделке на Белоозере предков этой фамилии; 3) составители 2-й редакции росписи Монастыревых, по-видимому, использовали один из документов семейного архива (купчую грамоту на землю?); однако при этом источник по-прежнему ничего не знал ни о княгине Феодоре, ни об ее родстве с великим князем Иваном I Калитой; в данную роспись фамилии вписывается лишь известное летописное известие о втором браке великого князя Семена Гордого, а предок Монастыревых князь Юрий Святославич стал младшим братом тестя великого князя — князя Федора Святославича; 4) составители 3-й (Простран-

²⁵⁰ Среди смоленских князей середины — начала второй половины XIII в. известны «Князь Святослав» и «Князь Святослав другой во крещении Стефан» (Родословная книга. С. 37). Один из этих князей Святославов вполне мог быть отцом князя Юрия и дедом князя Александра Монастыря.

²⁵¹ ОР РНБ. Ф. п. IV. № 1. Л. 32 об. — 33; ДРВ. Ч. 6. С. 449; и др.

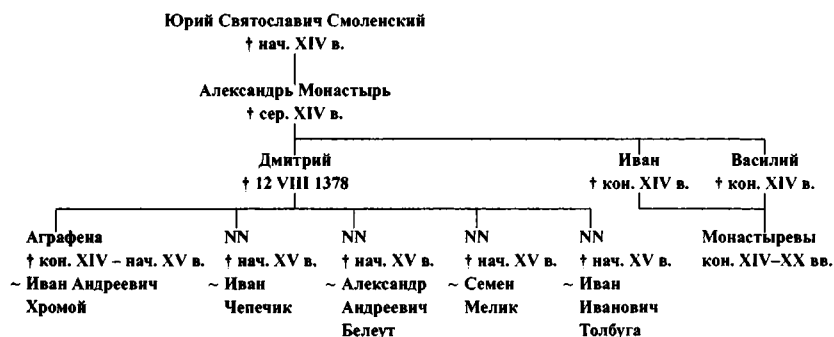
²⁵² Косвенно данные хронологические выкладки подтверждает запись в синодике Рязанского Спасо-Преображенского монастыря, где в роде «Никиты Васильевича Оладыина» в том числе записаны и его далекие предки. Здесь поминали: «Князя Юрья (курсив мой. — А. К.), Александра, Дмитрея убиенного (в 1378 г. — А. К.), Ивана, Василия, Данила, Льва. Феодора, Григория, Ивана, Федора, Василья» и т. д. (Синодик Спасо-Преображенского монастыря г. Рязани // Вышенский паломник. 1998. № 1 (6). С. 87. Л. 99).

ной) редакции росписи несколько изменяют характер родословной легенды Монастыревых: покупателем вотчины на Белоозере стал не сам князь Александр Монастырь, а его бабка княгиня Анастасия Ярославская; у нее появляется сестра — Феодора, мать белозерских князей Федора и Романа; при этом составителями была уточнена биография Д. А. Монастырева; источник отмечает, что он погиб в битве на р. Воже, а его пятая дочь вышла замуж за Ивана Толбугу Фоминского, ставшего к осени 1380 г., как замечает Рогожский летописец 40-х гг. XV в., великокняжеским киличеем²⁵³.

Приведенные сведения источников о членах рода Монастыревых в конце XIII — XIV в. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № II.7*).

Схема № II.7

Монастыревы

* * *

На примере изучения генеалогии боярских семей Ростовской земли можно установить, что семьи некоторых участников борьбы в 1174—1177 г. против укрепления власти Михалки и Всеволода Большое Гнездо, младших братьев великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского, остались во Владимиро-Суздальской земле. С начала XIII в. они служили при дворе ростовских князей. В 1238 г. часть бояр и слуг Ростовского княжества, подобно владимирцам и переяславцам, смогла пережить монгольское нашествие. Однако в начале второй трети XIV в. служебный статус ростовцев понизился после подчинения Ростова вла-

²⁵³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 142. Л. 335 об. Не обратив внимания на этот источник, С. З. Чернов ошибочно считает, что Толбуга погиб на Куликовом поле 8 IX 1380 г., и приписывает воеводство в 1401 г. его сыну Ивану Ивановичу — отцу русского посла в Италии в 1474—1475 гг. — Семёна Ивановича Толбузина (ср.: Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. М., 1998. С. 151, 152, Табл., 159, 160, 163—166, 168—171, 186—187, 303, 305, 306, 308, 314, 315).

сти владимирских и московских великих князей. Единственным родом, сохранившим свое значение на региональном уровне вплоть до конца XV в., были представители старшей ветви рода царевича Петра Ордынского. Несомненно, этот служебный казус связан с их видным происхождением от Чигизидов, с которым правители Москвы долгое время были вынуждены считаться.

Изучение истории и генеалогии военно-служилых фамилий на Белоозере позволяет установить, что, как и в случае с выходцами из Ростова, постепенно в XIV в. они начали переходить на службу к Калитовичам. Связующим звеном в этом процессе были брачные союзы не только между потомками великих князей Константина Всеволодовича и Александра Ярославича, но и между ростовскими и белозерскими нетитулованными вотчинниками с представителями семей великокняжеских бояр. Именно в это время рождается великое оскудение людьми и богатством князей Ростовской земли, временные кормления, а затем и постоянная служба владельцев Ростова, Устюга и Белоозера в пределах и за границами Московского великого княжения. И лишь ярославская нетитулованная знать остается верной своим сюзеренам вплоть до окончания феодальной войны, шедшей всю вторую четверть XV в.

ГЛАВА III

Боярство Тверского великого княжества

§ 3. ТВЕРСКОЕ БОЯРСТВО. В отличие от нетитулованной знати Ростовской земли, в служебном отношении судьба тверского боярства оказалась более успешной. Десятая часть 30-й статьи Судебника 1497 г. подчеркивает особый статус Тверского великого княжества в составе Русского государства¹. Некоторые представители его титулованной и нетитулованной знати даже сумели пробиться в думу московских государей². Таким, например, как Карповы, помог относительно ранний выезд 30 V 1476 г. на службу к великому князю Ивану III Васильевичу (т. е. еще до падения независимости Твери). Этому также способствовала «память» об их прежних служебных отношениях с Калитовичами и наличие влиятельных родственников, занимавших видное положение в административно-политической структуре управления Русским государством.

Уже в начале XVI в. москвичи Травины, Ржевские, Толбузины, их однокоренцы из Твери Карповы и Бокеевы уверенно возводили свои родословные росписи к фоминско-березуйским князьям³. Другая часть тверичей (среди них, прежде всего, стоит упомянуть Бороздиных, Нагих и Собакиных) на протяжении XVI в. несколько раз смогла войти в ближний круг родственников Калитовичей. Это позволило им в XVI — середине XVII в. твердо занимать видное место в структурах Боярской думы и Государева двора⁴.

---

¹ Бенцианов М. М. Судебник 1497 г. и складывание территории Русского государства // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 16—17.

² Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 209, 229—230; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 366, 501; Зимин А. А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 160—173; Он же. Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. // ИСССР. 1973. № 3. С. 131—134; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 107—113, 260—266; и др.

³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 359—369.

⁴ Мещеринов Г. В. К родословию Нагих // ИРГО. 1903. Вып. 2. Отд. 1. С. 10—12; Мятлев Н. В. Догадка о жене Федора Нагова // Там же. С. 13—17; Он же. Родословные заметки // ЛИРО, 1906 г. Вып. 1. Отд. 1. С. 3—9; Он же. К родословию Нагих // ИРГО. 1911. Вып. 4. Отд. 1. С. 71—91; Кобеко Д. Ф. К родословию Шереметевых // ЖМНП. 1901. № 10. С. 373—380, № 11. С. 179—180; Он же. Федор Федорович Нагой // ИРГО. 1903. Вып. 2. Отд. 1. С. 18—24; Он же. Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени //

На службе в Москве иначе сложилась судьба Сакмышевых и их родственников. Они происходили из старинного рода тверских бояр Левашовых. Некоторые представители старшей ветви этой боярской семьи были замешаны в побеге в ВКЛ тверского великого князя Михаила Борисовича (ноябрь 1453 — не позднее 12 XII 1505)⁵. Сакмышевы, по данным родословцев, как и Бороздины, после 1485 г. сидели в думе в Москве и на Твери. До этого в XIV—XV вв. вместе с Шетневыми и Бороздинами они играли не менее важную роль в Тверской земле, чем боярские кланы Воронцовых-Вельяминовых и потомков Ратиши в Москве.

В начале XVI в. после ликвидации особого статуса Тверского великого княжения в составе Русского государства политическая роль Сакмышевых⁶, как и некоторых других тверичей (например, Садыковых, многочисленного, но захудалого рода Ромейковых, Свизевых и Полукарповых), резко снизилась. Переход на службу в Старицкий удел не дал возможности им сохранить свой прежний статус. Поэтому включение в состав Государева родословца 1555 г. лишь росписи Бороздиных, конечно, закономерно. Другим тверским фамилиям во второй половине XVI — XVII в. пришлось удовлетвориться понижением служебного статуса и включением своих росписей в состав списков частных редакций Государева родословца 1555 г. При этом знатное происхождение и служебный статус тверичей соответствовал многим критериям для включения их росписей в Государев родословец⁷. Впрочем, были и другие важные причины. Рассмотрим их по порядку.

§ 3.1. БОРОЗДИНЫ. Самая ранняя роспись Бороздиных дошла до сего времени в составе *Рум. ред.* 40-х гг. XVI в. Она имеет типичную запись о выезде предка фамилии на Русь: «К великому князю Ивану Михайловичю Тферскому вышел из Литвы Юрьи Лазынич, а у Юрья один сын Гаврило»⁸. Ряд исследователей такой выезд из ВКЛ признавали достоверным⁹. При проверке этой информации с точки зрения хронологии сразу же можно заметить, что авторам росписи явно изменяла память. Хорошо известны годы правления в Твери Ивана Михайловича

Там же. 1909. Вып. 3. С. 8—11; *Беляев И. С.* К родословию Нагих // Там же. С. 88—92; *Примечания Д. Ф. Кобеко* // Там же. С. 92—93; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 445—446.

⁵ Кузьмин А. В. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII—XV вв. // ПИ. 2006. Вып. 1 (12). Ч. 1. С. 154, 157—158.

⁶ Зимин А. А. Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств... С. 133—134.

⁷ *Мятев Н. [В.]* Тысячники и Московское дворянство XVI ст. // ЛИРО, 1912. Орел. 1912. Вып. 1 (29). С. 12.

⁸ РИИР. 1977. Вып. 2. Глава 22. С. 156. Л. 136.

⁹ Например, см.: *Зимин А. А.* Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств... С. 131; *Давыдов Н. В.* Шатурский край при царе Михаиле Федоровиче в письмах и мерах кн. В. П. Кропоткина. М., 2010. [Приложение 23]. С. 320; и др.

(27 IX 1399—22 V 1425)¹⁰. Кроме того, Савва Иванович Яра, правнук Гавриила Юрьевича, не ранее осени 1399 г. ушел в Савво-Сретенский монастырь, основанный около 1398 г. «от осподыствующаго града Твери 15 поприщъ на рѣцѣ, глаголемѣй Тмѣ». Здесь Савва постригся, а затем стал настоятелем¹¹. До 1411 г. Савва Яра посетил Афон. Между 1411—1415 гг., как считает М. А. Федотова, он пришел на р. Вишеру в Новгородской земле¹². Обосновавшись здесь при помощи новгородских бояр, Савва сначала воздвиг деревянный крест, а в 1417 г. построил в основанной им Саввиной пустыни церковь Вознесения Господня¹³. Таким образом, очевидно, что время жизни прямых предков Саввы (исходя из 35—40 лет на одно поколение, как показывает анализ антропологических материалов о населении средневековой Тверской земли¹⁴), несмотря на сведения родословцев первой половины XVI в., стоит отодвинуть как минимум на 140—160 лет назад. И этот случай, когда реальная история русского служилого рода начиналась намного раньше времени, заявленного в родословной легенде, не был единственным¹⁵.

Разумеется, составление подобных генеалогических «памятей» было «не делом тщеславия, а необходимым условием ежедневной борьбы за свое

¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 166—175. Л. 350 об. — 356 об.; Там же. Т. 15. Стб. 460—461, 488—489; *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 175—192; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). М., 1994. С. 255—282.

¹¹ Полууставная запись XV в. на л. 295 об. пергаменного Устава церковного (не позднее 1424 г.), происходящего из Успенского соборания ГИМ, отмечает, что «В лето 6940 в Петрово говение монастырю святого Саввы минуло 35 лет, а смерти князя великого Михаила 34 лет на Пиминов день». Нетрудно заметить, что смерть тверского великого князя Михаила Александровича наступила в 1399 г. Следовательно, основание Савво-Сретенского монастыря относится к 1398 г. (ср.: *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. и др.* Описание пергаменных рукописей ГИМ // АЕ за 1964 г. 1965. С. 226).

¹² *Федотова М. А.* К вопросу о житии Саввы Вишерского // ТОДРЛ. 2001. Т. 52. С. 556. Примеч. 56; *Она же.* К вопросу о житии Ефрема Перекомского // КЦДР. 2001. С. 152—198; ср.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 158. Примеч. 1; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв.: (по «житиям святых»). М., 1966. С. 209—211. Несмотря на сведения жития Саввы Вишерского, в историографии иногда ошибочно утверждается, что он был основателем Саввина монастыря (Например, см.: *Соколов И. И.* Намогильная плита из Тверского Саввина монастыря // НЭ. 1978. Вып. 12. С. 187).

¹³ Подробнее о датировке Саввина креста см.: *Игошев В. В.* Поклонный крест преподобного Саввы Вишерского // ДРВМ. 2012. № 3 (49). С. 33—44. —

¹⁴ *Бужилова А. П.* Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М., 1995. С. 189; *Бужилова А. П., Гончарова Н. Н.* Антропологические материалы из могильника Никулино // КСИА. 2001. Вып. 212. С. 74—75. Средняя продолжительность времени жизни жителей Тверской земли близка к продолжительности жизни кривичей. Для сравнения заметим, что у находившихся на границе со степью вятичей она составляла всего 35,9 лет, а у горожан из Городца Радчилова — 35,5 лет (*Балыкина Л. Е.* Палеодемография средневекового Городца на Волге // Материальная и духовная культура феодальной России. Горький, 1990. С. 57—58). Возраст в 35 лет «достигало в среднем большинство населения тогдашней Европы» (*Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 135. Примеч. 1).

¹⁵ Например, см.: *Кашкин Н. Н.* О роде Кашкиных. СПб., 1913. С. 14—16.

положение»¹⁶. Психология служилой массы людей заставляла их быть в постоянном поиске сведений, копий документов и др., которые бы подтверждали древность и знатность своего рода, высокие назначения и чины, заставлявшие окружающих признать его «честь». Для этого были необходимы любые заслуживающие внимания аргументы. Если в реальности они не находились, то в дело подчас вступали другие механизмы восстановления семейной «памяти». Не были исключением из правил и тверичи Бороздины.

В одном из родословцев 1664 г. (*Ред. в 81 главу*) можно найти следы попыток исправления хронологической неувязки легенды. На этот раз утверждалось, что Юрий Лазынич поступил на службу не к Ивану Михайловичу, а к его деду, «великому князю Олександру Михайловичу Тверскому». Изменчивая память потомков или небрежность переписчика сменила и географию места выезда. Вместо привычной «Литвы» теперь упоминается «Волоское государство»¹⁷ (по другим спискам родословцев — Волын¹⁸).

В связи с этим стоит отметить, что в Ундольском II списке о выезде на службу предка Бороздиных и их однородцев читается тот же текст, но за одним очень важным исключением. В росписи Бороздиных выездов в Тверь по-прежнему происходит ко двору великого князя Ивана Михайловича¹⁹. Ундольский II список был создан в конце XVII в., но один из ее источников *Разр. ред.* родословных книг, где было это чтение, относится к времени правления царя Михаила Федоровича (12 VII 1613—13 VII 1645)²⁰. Следовательно, в первой половине XVII в. в росписи Бороздиных «уточнили» легенду о выезде («выехал из Литвы из Волоского государства»), а затем

¹⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 19.

¹⁷ РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 311; ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 104; и др. Характеристику этой редакции родословных книг см. в кн.: Бычкова М. Е. Родословные книги как исторический источник. М., 1975. С. 58—64.

¹⁸ Савёлов Л. М. Статьи по генеалогии и истории дворянства. СПб., 1898. Стб. 15—16; Он же. Родословные записи. М., 1906. Вып. 1. С. 210; Бочков В. Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // АЕ за 1969 г. 1971. С. 77; и др.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 104.

²⁰ М. Е. Бычкова характеризует этот список как самостоятельный извод *Разр. ред.* Подробнее о нем см.: Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 91, 192—195. Табл. 6. В таблице ошибочно отмечается отсутствие родословных Бороздиных и Коробовых в составе Ундольского II списка (ср.: ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 103 об. — 105, 125—125 об.). Между тем создание текста Ундольского II списка имеет более сложную историю. При переписке первоначальный текст списка родословной книги *Разр. ред.* начала или первой половины XVII в. целенаправленно начал пополняться двумя путями: во-первых, путем включения в его состав ряда полнотекстовых росписей *ред. в 81 главу* (например, князей Волконских, рязанцев Леонтьевых и др.); во-вторых, путем подробных выписей других версий о выезде и происхождении фамилий, росписи которых уже были в составе родословных росписей по *Разр. ред.* (см., например, росписи Бороздиных, потомков князей Фоминских (прежде всего, включение в состав последних Полевых и Еропкиных) и др.). История создания Ундольского II списка, несомненно, требует отдельного исследования.

попытались исправить хронологическую неувязку. В конце XVII в. эта версия уже не удовлетворила составителя Ундольского II списка. Поэтому он был вынужден отметить разночтения в родословных легендах Бороздиных, сохранившихся в разных редакциях родословных книг: «А в иных летописцах пишет в Бороздиных же роду, что выехал из Воложского же государства к Москве к великому князю Ивану Даниловичу Московскому Юрья Гаврилович. И от великого князя Ивана Даниловича отъехал с Москвы во Тверь к великому князю Александру Михайловичу Храброму Тверскому»²¹. Эта версия происхождения Бороздиных нашла отражение даже в поздних списках I-го извода *Памр. ред.*²² Лица, настроенные более скептически к таким легендам, их просто опускали (например, в списке 1687—1688 гг. князя М. А. Оболенского²³).

Обращение к боярским книгам, отмечающих служебный статус и оклады русских дворян, возникших почти в одно и то же время с протографами родословцев середины — второй половины XVII в. (например, в Боярской книге 1639 г.), показывает следующее. В группе «Иноземцы новокрещены, которые по государеву указу написаны в список с 130 году» можно найти несколько лиц из «Молдавской земли»²⁴. Таким образом, если в этом случае переписчиком не была сделана описка «Волынской» земли в «Волоскую», то, возможно, он — пример отражения в росписи Бороздиных (1664 г.) реалий своего времени (первой половины XVII в.)²⁵.

Поиски сведений о предках Бороздиных заставляют обратить внимание на Архивский II список ППІІ. Она состоит из двух частей и находится в составе РГАДА. Ф. 181. № 69/92 и № 447/915. Когда-то они составляли единый кодекс и принадлежали В. Н. Собакину. Небезынтересно отметить происхождение и других книг из его библиотеки. Так, например, разрядная книга 1492—1605 гг. имеет запись: «Книга стольника Василия Микифоровича Собакина, а была Никиты Зюзина»²⁶. Отец Н. А. Зюзина — окольничий Алексей Иванович Зюзин²⁷, а предки — тысяцкие Твери, бояре Шетневы, потомки черниговского мученика боярина Федора († 1246)²⁸. Кроме служебной деятельности, В. Н. Собакин и его сын Михаил известны как активные собиратели исторических рукописей. В настоящее время в архивных собраниях России К. В. Петров выявил уже 10 рукописей, принадле-

²¹ ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 104.

²² Например, в списке С. Г. Супонева (ср.: ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 385 об. — 386).

²³ ПИРСС. 2011. С. 116. Л. 199/188.

²⁴ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 208. Л. 521.

²⁵ Странники волынской версии происхождения Бороздиных текстологией редакций их родословных росписей не занимались.

²⁶ РГАДА. Ф. 181. № 110/156.

²⁷ Григорий, архим. Духовная жена А. И. Годунова, Ольги Васильевны, урожденной Зузиной, 1625 г. // ЧОИДР. 1868. Кн. 4. Отд. 5. С. 1.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 256 об. — 258.

жавших семье Собакиных²⁹. Своя библиотека рукописных книг была у их однокоренцев Нагих³⁰.

Принадлежавшая Собакиным ППЛ восходит к своду 1567 г. Он имеет с ПЛ общий протограф. Правда, она передает его текст в более сокращенном виде³¹. Однако и здесь есть ряд сведений, отсутствующих как в протографе, так и в других редакциях памятников псковского летописания. В ППЛ под 1330 г. отмечается, что в Пскове «ровъ изрыша подъ городомъ при княжении Александрове, нареченный во крещении Юрий Лазоревич (курсив мой. — А. К.)»³². Такая поздняя вставка не встречается в других редакциях и списках Псковских летописей³³. Вот так в первой половине XVII в. велась работа над фактической основой для подтверждения родословной легенды Бороздиных. Очевидно, ее создатели происходят из той ветви рода, представители которой с XVII в. известны как помещики в Опочечком и Новоржевском уездах³⁴.

Приведенные сведения об именах предков Бороздиных заставляют обратить пристальное внимание на время их жизни. Расчет по 35—40 лет на одно поколение показывает, что известные по родословцам Лазыня или, точнее, Лазарь³⁵, его сын Юрий должны жить в XIII в., а Гавриил

²⁹ Петров К. В. Дворяне Собакины и их рукописи // Россия в IX—XX вв. С. 334—338; Он же. Собакины Василий Никифорович (ум. 29 IV 1677) и Михаил Васильевич (ум. после 1713) // СККДР. 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 480—483; Он же. Собакинский летописец первой половины XVII в. // ОФР. 2003. Вып. 7. С. 155—163; Он же. Книжное собрание Собакиных XVII в. // Книга в пространстве культуры. М., 2005. Вып. 1. С. 108—115; Он же. О рукописи, содержащей старший список Сокращенного летописного свода 1493 г. // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 501—518; и др.

³⁰ Например, см.: ОР РГБ. Ф. 344. № 67. Л. 7—48; и др.

³¹ Охотникова В. И. Летописи псковские // Литература древней Руси: библиографический словарь. М., 1996. С. 107. Интересно отметить еще одну художественную связь Собакиных с Псковом. По мнению В. К. Цодиковича, известная парсуна Марфы Собакиной, датированная исследователем концом XVII — перв. пол. XVIII в., «вызывает ассоциации с псковской иконой „Архангела Гавриила“ перв. пол. XV в. из собрания ГРМ». Подробнее о ней см.: Цодикович В. К. Парсуна Марфы Собакиной // ПКНО, 1990 г. 1992. С. 256—257.

³² Псковская летопись. М., 1837. С. 21.

³³ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003; Т. 5. Вып. 2. М., 2000 (по указ.).

³⁴ Подробнее об этой ветви Бороздиных, например, см.: Васильев М. Е. Псковские знакомые А. С. Пушкина Бороздины // Псков. 1995. № 3. С. 43—48.

³⁵ Имя Лазыня образовано за счет усечения формы мужского имени Лазарь и его преобразования в форму женского грамматического рода. О других примерах преобразования мужских имен, например, см.: Бояринова Л. З. Славянские личные имена // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности. Смоленск, 2000. С. 178—179. О культуре именованности в средневековой Руси подробнее см.: Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчества и фамилий. М., 1959; Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974; Wójcicki M. Древнерусская антропонимия XIV—XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznań. 1986; Kaiser D. H. Naming Cultures in Early Modern Russia // HUS. 1995. Vol. 19. P. 271—291; Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2005; Лутина А. Ф. Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII в. М., 2010; и др. Интересно отметить, что еще до вклада 1534/35 г. в Московский Чудов монастырь Пусторослевы, потомки Лазаря, в волости Шешме Zubцовского уезда продолжали владеть деревней Лазарево (Лихачев Н. П. Генеалогическая исто-

Юрьевич — на рубеже XIII—XIV вв. За этот период времени в ряде летописей упоминаются лица с такими именами и отчествами, как и у предков Бороздиных. Так, например, в 1208 г. в НПЛ упоминается «Лазарь, Всеволожь мужь, из Володимирия». Он прибыл в Новгород по поручению великого князя и казнил вместе с Борисом Мирошкиничем на Ярославовом дворе местного боярина Олексу Сбыславича. Симеоновская летопись конца XV в., генетически близкая к Троицкой 1408/09 г., описывая ситуацию в Твери в 1293 г. накануне возвращения из Ногаевой Орды Михаила Ярославича, правнука Всеволода III Великое Гнездо, отмечает: «Приеха наперед князя бояринъ Гаврило Юрьевич»³⁶. Таким образом, оказывается, что эти лица, как и предки Бороздиных, носили не только одинаковые имена и жили в XIII в., но и служили, очевидно, одним и тем же князьям. Поэтому можно с большой долей вероятности утверждать, что в данном случае в летописях и родословцах упоминаются одни и те же лица, т. е. предки Бороздиных. В XVI—XVII в. этих летописных известий они не знали. Подобно Квашниным из Великого Новгорода в 30—40-е гг. XVI в., Бороздины, восстанавливая в первой половине XVII в. «историю» своего рода, в одних случаях ограничивались вставкой текста генеалогического характера в один из памятников областного летописания. В других — указанием двойной фамилии при поминании в синодике своих дальних предков³⁷.

По данным *Рум. ред.*, у Гавриила Юрьевича был один сын Василий и два внука — Иван Борозда и Микула. Сложно сказать, относился ли к этому роду боярин Федор Юрьевич. В конце февраля 1317 г. он упоминался в договорной грамоте великого князя Михаила Ярославича с Новгородом о мире³⁸. С точки зрения хронологии более вероятно, что Федор Юрьевич был сыном не Юрия Лазоревича, а боярина Юрия Михайловича — тестя владимирского великого князя Ярослава Ярославича³⁹.

Согласно данному источнику: «А Бороздины были во Твери многие в боярях»⁴⁰. Государев родословец 1555 г. и родословцы частных редак-

рия одной помещицкой библиотеки // Русский библиофил. СПб., 1913. № 5. С. 71; Кистелев С. Н. Акты Московского Чудова монастыря 1507—1606 гг. // РД. 2003. Вып. 9. № 19. С. 84 [Подлинник].

³⁶ ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 82—83. Л. 144 об. — 145.

³⁷ Если в случае со стольником А. М. Борисовым-Бороздиным двойное упоминание фамилии еще можно объяснить его стремлением отличать свой род от однофамильцев Борисовых, происходивших от Чаадаевых-Протасьевых (см., например: ОР РГБ. Ф. 722. № 435. Л. 16 об.), то в случае с его весьма далеким родственником Григорием Колединским-Бороздиным это уже выглядит явным казусом, причиной создания которого, несомненно, было местничество (Там же. № 216. Л. 223).

³⁸ ГВНП. 1949. № 11. С. 23 [Подлинник].

³⁹ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 328; ПСРЛ. Т. 18. С. 72. Л. 123; Т. 25. М., 2004. С. 145. Л. 183; и др.

⁴⁰ РИИР. Вып. 2. Глава 22. С. 156. Л. 136. Эта служебная характеристика рода до перехода Бороздиных на службу в Москву, тем не менее, сохранялась в ряде списков

ций второй половины XVI — XVII в. отмечают, что от Микулы вели свой род дворяне Шишковы. Правда, лишь в Бархатной книге сохранилась их полная роспись. Согласно этому источнику, у Микулы Васильевича, младшего брата Ивана Борозды, был сын «Алексеѣй Шишковъ» и внук — Андрей Алексеевич. Его сыновьями были «Меркулей, да Григорей, да Юрья»⁴¹. Время деятельности первых трех поколений рода Шишкиных, несомненно, относится к XV в.

В русском фольклоре сохранилось известие об участии в убийстве Шевкала братьев «Борисовичей». Вслед за предшественниками В. П. Адрианова-Перетц считала, что в нем отмечается участие в событиях 1327 г. «тверского тысяцкого Михаила Федоровича Шетнева с братом». По ее мнению, «по имени родоначальника — Бориса Федоровича Полового, семью Шетневых чаще называли Борисовичами или Борисовыми, чем Шетневыми»⁴². Однако с такой точкой зрения согласиться весьма сложно, и вот почему.

Источники, действительно, фиксируют в Твери служилый род Борисовых (среднюю ветвь Бороздиных). Однако они не были потомками тверских тысяцких и бояр Шетневых. Последние никогда Борисовыми не назывались. От Шетневых-Половых ведут свои родословные Зюзины, Садыковы, Гнездовские и др.⁴³ Между тем хорошо известно, что Борис Захарьевич, родоначальник Борисовых, был старшим сыном З. И. Бороздина⁴⁴.

Конечно, не следует исключать вероятности того, что кто-то из предков Борисовых-Бороздиных, живших в первой трети XIV в., участвовал в антиордынском выступлении в 1327 г. в Твери. Учитывая время жизни их предков, можно даже предполагать, что таким человеком, вероятно, мог быть сын Гавриила Юрьевича — Василий. Однако для подтверждения подобного логического построения требуются более весомые сообщения источников.

В Твери боярская фамилия Борисовых устойчиво известна лишь с последней четверти XV в. Поэтому относиться с доверием к песне о Шевкале (Щелкане), видеть в ней источник XIV в. и тем более отражение в сценах на рогатине великого князя Бориса Александровича (нач. XV в. — 10 II 1461 г.) его текста не следует⁴⁵. Для сказителей устных текстов (в том числе и в XVI—XVII вв.) было важно сохранить

родословцев второй половины XVII в. (например, см.: ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 257; Q XVII. № 3. Л. 264 об.; и др.).

⁴¹ БК. 1787. Ч. 2. С. 138—156; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 100 об., № 85/111. Л. 134; и др.

⁴² Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия // ТОДРЛ. 1951. Т. 8. С. 125.

⁴³ РИИР. Вып. 2. Глава 38. С. 178—179. Л. 173—173 об.

⁴⁴ РИИР. Вып. 2. С. 156—157. Л. 136—138.

⁴⁵ Подробнее об этом, например, см.: Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 106—117; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в Рос-

сюжет повествования. Тем временем как имя героя (-ев), место и время действия в фольклорных текстах почти всегда выступают как величины переменные⁴⁶. Надо учитывать тот факт, что «финал песни в вариантах, где говорится о смерти Щелкана (четыре записи из восьми), — самая неустойчивая часть текста: в одном случае Щелкана „разорвали“ братья Борисовичи, в другом — его „бросил о сыру землю“ некто Дютюк-козлять, в третьем — Щелкан выпивает случайно стакан отравленного вина, в четвертом — „кончается“ от не сообщенных в песне причин»⁴⁷. Все это заставляет сомневаться в достоверности фольклорного источника. Поэтому вряд ли вслед за некоторыми исследователями, опираясь на такой малодостоверный источник о событиях XIV в., следует серьезно писать о какой-либо роли тверских тысяцких в восстании против Чол-хана 15 VIII 1327 г.⁴⁸ Ранние источники этот факт не подтверждают. Наоборот, их анализ доказывает правоту наблюдений А. Д. Седельникова и А. А. Зимина. В песне о Щелкане отразились события, связанные с террором опричников в 1569 г.⁴⁹

Об Иване Борозде и Микуле, детях Василия Гавриловича, биографических данных источники не дают. Прозвище Ивана Борозды типично для Тверской земли периода ее независимости. Так, например,

сии... С. 261–263. По крайней мере, вряд ли стоит считать, что песня о Шевкале отражает политическую ситуацию первой трети XIV, а не конца XV — XVI в.

⁴⁶ Чистов К. В. Документ эпохи феодализма как фольклорный источник // Феодализм в России. М., 1987. С. 267–269.

⁴⁷ Азбелев С. Н. Летописный факт и ранняя историческая песня: («Щелкан Дудентьевич») // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 20; Он же. Историческая песня о тверском антиордынском восстании 1327 г. // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 114.

⁴⁸ Ср.: Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 36. Сер. историческая. Вып. 3. С. 102–109; Воронин Н. Н. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. // ИЖ. 1944. № 9. С. 75–82; Ильин М. А. Тверская литература XV в. как исторический источник // Труды МГИИ. 1947. Т. 3. С. 35–43; Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 90–92; Он же. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 380–383; Чистов К. В. Новая запись Песни о Щелкане Дудентьевиче // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 510; Черепнин Л. В. Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 г. // АЕ за 1958 г. 1960. С. 43, 45, 53; Он же. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 484–488; Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 116–131; Кизилов Ю. А. Городской строй России XIV–XV вв. в сравнительно-историческом аспекте // ВИ. 1982. № 12. С. 25; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 60–61; Булычев А. А. Между святыми и демонами. М., 2005. С. 88–90; и др.

⁴⁹ Подробнее об этом см.: Седельников А. Д. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению // Художественный фольклор. М., 1929. Т. 4–5. С. 36–52; Зимин А. А. Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни // ИСССР. 1963. № 3. С. 98–110; ср.: Тихомиров М. [Н.] Москва и культурное развитие русского народа XIV–XVII вв. // ВИ. 1947. № 9. С. 3. Обзор основной историографии по этому вопросу также см.: Fennell J. L. I. The Tver Uprising of 1327: A Study of the Sources // JGO. 1967. Bd 15. S. 161.

в районе древнего московско-тверского рубежа под Клином известна р. Борозда Островская (приток р. Дубна). На ее берегу находилось селение с аналогичным названием⁵⁰. Его связь с родом Борисовых-Бороздиных несомненна.

У Ивана Борозды была весьма большая семья. Всего у него известно восемь сыновей. По данным *Рум. ред.*: «А у Ивана у Борозды дети: Ондрей Ек, да Федор Челей, да Михайло Ошурок, да Сава, бездетен, да Петр, да Захарья, да Микита, да Яков Слепой, бездетен. А от Ондрея от Ека пошли Колединские. А от Федора от Челея Челеевы пошли»⁵¹. Многие из этих лиц встречаются в помянниках Бороздиных⁵².

Из детей Ивана Борозды до середины XV в. в летописях упоминается лишь один Захарий Иванович. В 1428 г. он принимал участие в осаде Порхова, возглавляя тверскую рать в походе литовского великого князя Витовта Кейстутовича на земли Великого Новгорода⁵³. В чудесах III Пахомиевой редакции жития преподобного Сергия Радонежского отмечается, что З. И. Бороздин был «в нарочитых от великих и славных велможь», «мужь благоговѣиць и многъ в добродѣтелях» и «старѣшина величеством и честью въ всѣх граду Твери», который и «дониѣ во всѣх странах похваленъ житием». Пахомий Логофет отмечает, что З. И. Бороздин неоднократно тяжело болел. Одним из святых, которого он почитал, был преподобный Сергий Радонежский, несмотря на то что тверской боярин проживал «яко 200 поприщъ или мнее» от Троицкого монастыря. У жены З. И. Бороздина хранилась важная реликвия — скуфья, принадлежавшая ранее святому. Вера в него помогла З. И. Бороздину обрести здоровье.

Согласно III Пахомиевой редакции Жития святого, однажды З. И. Бороздин тяжело занемог. Надеясь исцелиться от болезни с помощью молитвы, обращенной к Сергию, и причащения хлебом, который подавали на трапезе в его обители, боярин обратился к его монахам за помощью. Получая хлеб и творя молитву к Сергию «на многы дни», он выздоровел. З. И. Бороздин решил совершить поездку на богомолье в обитель, поклониться здесь «мошем преподобнаго Сергия» и поблагодарить святого за исцеление. Однако вскоре боярин «день от дни в забытие прииде» и не стал торопиться исполнить свой обет. Через некоторое время его настигла зубная болезнь. Вскоре она настолько усилилась, что «челюстем его съкрушится от многыа болезни». Из-за этого З. И. Бороздин не мог не только есть, но и причащаться. Облегчение он получил лишь благодаря тому, что жена возложила на его голову семейную реликвию — скуфью Сергия Радонежского.

⁵⁰ ДДГ. М.; Л., 1950. № 94. С. 375. Л. 2 [Список XVI в.]; *Пальмквист Э.* Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю Московскому в 1674 г. Новгород, 1993. С. 35.

⁵¹ ИИР. Вып. 2. С. 156. Л. 136; см. также: БК. 1787. Ч. 2. С. 138.

⁵² Например, см.: ОР РГБ. Ф. 304/III. Л. 56.

⁵³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 489.

По версии Пахомия Логофета, во время ночного бдения к З. И. Бороздину явился Сергей Радонежский. От неожиданности боярин не смог встать и что-либо сказать святому. Тогда святой сам обратился к боярину: «Захарья, что болезнуеши?» В ответ З. И. Бороздин только смог произнести: «Еи, господи, зело стражду зле». Сергей объяснил ему, что для полного выздоровления боярину необходимо явиться на богомолье в Троицкий монастырь. З. И. Бороздин согласился посетить его, но только после того, как он сможет выздороветь. Захарий заявил Сергию, что он не в состоянии сделать это сейчас из-за своей немощи. Тогда святой чудесным образом перенес З. И. Бороздина из его дома в Троицкий монастырь, где боярин «припаде с плачем» к раке Сергия Радонежского. З. И. Бороздин «вкупе и радостию обლობызаше и болезненными уды касаашеся» ее, благодаря чему произошло исцеление боярина, а затем Захарий «обретесе в дому своем абые здравъ».

После этого «видения» боярин проснулся здоровым и уже не ощущал своей болезни, как будто «николи же болевъ». З. И. Бороздин призвал свою жену и «в радости мнозе вся по ряду исповеда», а затем «чюдишися зело» об этом вместе «со всеми ближними своими» этому «чюдному посещению святого». Выполняя взятый на себя обет, З. И. Бороздин после выздоровления посетил Троицкий монастырь. Здесь боярин «исповедаа чюдеса великаа святого» и «благодарныя песни въспеваше ему благоподобно». Он «любезнее обლობызаше многоцелебныя мощи» Сергия Радонежского, а монастырскую братию «довольно учредивъ, и милостыню многу вдавъ», а затем «радуася» вернулся к себе домой⁵⁴.

Важное свидетельство прп. Пахомия Логофета о раке преподобного Сергия Радонежского указывает на то, что вторая (зубная) болезнь тверского боярина не могла иметь место ранее лета 1422 г., когда были обреты мощи святого. Зубная болезнь З. И. Бороздина могла быть связана с последствиями затяжной серии эпидемий и голода, пришедшихся как раз на период с 1422 до 1427 г. Чудо с З. И. Бороздиным наглядно показывает, что практически с момента погребения Сергия Радонежского его почитание носило общерусский характер и в нем участвовали жители не только Московского княжения, но и других земель Северо-Восточной Руси.

Согласно родовому помяннику Бороздиных, записанных в Троицкий синодик 1575 г., Захарий постригся в монахи под именем Зиновия, а его жена, происходившая из княжеского рода, — Сусанны⁵⁵.

Некоторые представители следующего поколения Бороздиных упоминаются в «Слове от Лѣтописца вкратцѣ», которое сохранилось в составе «Слова похвального» тверского инокa Фомы. В нем отмечается, что в 1447 г. в совместном походе рати великих князей Василия II

⁵⁴ Клосс Б. М. Избр. труды. М., 1998. Т. 1. С. 423—425.

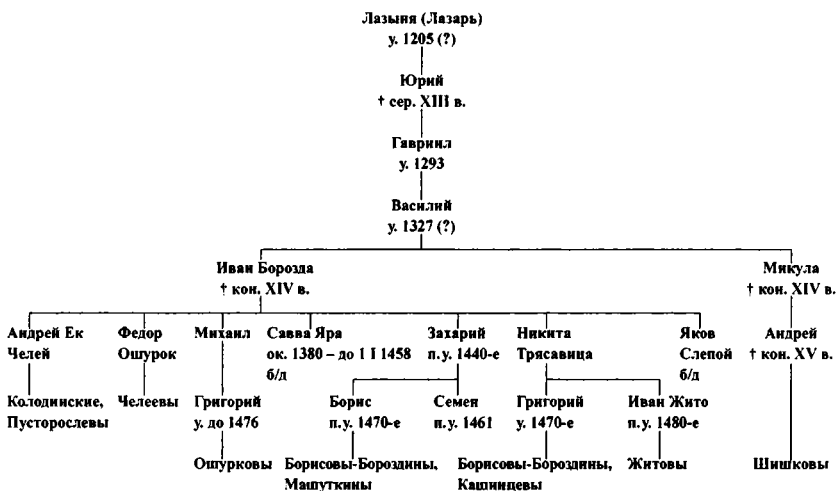
⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 304/III. Л. 51, 56.

Темного и Бориса Александровича на Углич против великого князя Дмитрия Шемяки тверскую сторону представляли воеводы Борис и Семен Захарьевичи. В феврале 1447 г. среди главных воевод великого князя Бориса Александровича, которые по его приказу осаждали Ржев, был их двоюродный брат — Григорий Никитич, старший сын Никиты Ивановича Трясовицы⁵⁶.

Приведенные выше сведения источников XIII—XVI вв. о предках Бороздиных можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.1*).

Схема № III.1

Бороздины и их однородцы

Согласно сведениям актов и писцовых книг, в XV — начале XVI в. владения потомков Бороздиных располагались в Твери, Кашине и Микулине, их однородцев Житовых — в Старице, а Пусторослевых — в Зубцове⁵⁷. В 40—50-е гг. XVI в. Машуткины и Шишковы служили по Кашину, Борисовы — Кашину и Твери, Бороздины — Старице и Зубцову, Житовы и Челеевы — Твери и Зубцову, Колединские и Пусторослевы — Зубцову⁵⁸. Названия населенных пунктов, входивших в состав

⁵⁶ Инока Фомы «Слово похвальное» // БЛДР. 1999. Т. 7. С. 120—124.

⁵⁷ Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. С. 70—73; Яблонский В., свяц. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908. С. 99. Примеч. 3; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 263, 264; и др.

⁵⁸ Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 283, 287—288; Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Там же. С. 53. Л. 9 (Борисовы — Тверь, осень 1547 г.); ТКДТ. 1950. С. 56. Л. 117 (Машуткины — Кашин, 1-я статья), С. 68. Л. 132 об.

великого княжения Тверского, имеют информацию, которая еще ждет своих исследователей⁵⁹.

Ретроспективный анализ историко-топонимических данных и его результаты в сравнении со сведениями различных видов источников, сохранивших сведения о нетитулованной знати Северо-Восточной Руси, дает возможность реконструировать или предположительно наметить генеалогию и других боярских семей, находившихся на службе у правителей Владимира-на-Клязьме, Переяславля Залесского и Твери в XIII в.

§ 3.2. РОД ОЛФЕРИЯ ЖИДИСЛАВИЧА. В событиях 1316—1317 гг., наряду с Федором Юрьевичем, упоминается боярин Олферий Жидиславич. Он был наместником тверского великого князя. Во время военных действий против Великого Новгорода боярам Михаила Ярославича удалось взять в плен несколько новгородских купцов, их товар и имущество⁶⁰.

Происхождение Олферия Жидиславича неясно. Известные тверские фамилии свои родословные не возводят к этому боярину. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в самом начале политической деятельности князя Ярослава Ярославича у него был воевода Жидислав. 2 V 1252 г. он был взят в плен и казнен во время обороны Переяславля Залесского от войск ордынцев из Неврюевой рати⁶¹. По мнению С. М. Соловьева, «именем своим он напоминает прежних, славных на севере Жидиславов, или Жирославов»⁶². Нельзя исключать того, что после утверждения Тверского княжения за Ярославом Ярославичем семья погибшего воеводы Жидислава могла последовать за этим князем. Сыном Жидислава мог быть Олферий, служивший сначала великому князю Ярославу Ярославичу, а затем его сыну великому князю Михаилу Ярославичу. Судьба потомков этого боярина неясна.

Приведенные выше сведения источников о представителях этого рода можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.2*).

(Борисовы — Кашин, 3-я статья), С. 69. Л. 133 (Машуткины — Кашин, 3-я статья), С. 76. Л. 141 об. (Колединские — Зубцов, 3-я статья), С. 79. Л. 146 (Борисовы — Тверь, 3-я статья), С. 134—135. Л. 101 об. — 103, 104 (Машуткины, Борисовы, Шишкины — Кашин), С. 182. Л. 136—136 об. (Пусторослевы, Челеевы, Колединские, Бороздины — Зубцов), С. 183. Л. 137 (Бороздины — Старица), С. 195—198. Л. 146, 147 об. — 148 (Борисовы, Житовы, Челеевы — Тверь).

⁵⁹ ПКМГ. 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 52, 72, 85, 95—96, 102—103, 108—109, 112, 138, 140, 153, 156, 162, 165, 167, 173—175, 192—195, 203, 217, 225, 231, 235, 230—236, 246, 249, 253, 257, 266, 268, 275, 288, 326—327, 331, 387, 398, 401, 404—408; и др.

⁶⁰ ГВНП. № 11. С. 23.

⁶¹ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 324; ПСРЛ. Т. 18. С. 70. Л. 117 об.; Т. 25. С. 142. Л. 178; и др.

⁶² *Соловьев С. М.* Соч. М., 1988. Кн. 2. Т. 3. С. 165.

Жидиславичи

Жидислав

† 2 V 1252

Олферий

† после 1317

§ 3.3. КОРОБОВЫ, КИНДЫРЕВЫ, ИЗМАЙЛОВЫ, СПЯЧИЕ И БАБКИНЫ. Коробовы, как и Борисовы-Бороздины, выводили свой род «из Литвы». Сходным элементом в легендах обеих фамилий было время выезда. По версии Коробовых, их предок также выехал в Тверь на службу к великому князю Ивану Михайловичу⁶³. Явное сходство этих элементов легенды Коробовых с более ранней родословной легендой Бороздиных подтверждает текстологический анализ этих источников (см. *Таблицу № 2*).

Таблица № 2

Роспись рода Бороздиных в Румянцевской редакции родословных книг 40-х гг. XVI в.	Роспись рода Коробовых в Редакции 43 главы с приписными второй половины XVI в.
«К великому князю Ивану Михайловичю Тферскому вышел из Литвы Юрьи Лазынич» ⁶⁴ .	«Марко Демидов из Литвы приехал к великому князю Ивану Михайловичю во Тверь (курсив мой. — А. К.)» ⁶⁵ .

Это наблюдение позволяет поставить под сомнение, как и в случае исследования росписей других тверских родов, достоверность сведений родословной легенды о времени начала службы предков Коробовых в Тверском княжестве. Ее обоснованность следует проверить с помощью сравнительного и ретроспективного анализа сохранившихся источников, которые имеют информацию о лицах, живших в XIII—XV вв.

Росписи Коробовых и их однородцев, сохранившиеся в составе частных редакций родословных книг XVI—XVIII вв., имеют сведения, что у Марка Демидовича было два сына: Константин и Александр Хвост. От младшего из них происходят Спячевы (Спячие) и Бабкины. В настоящее время полные или краткие росписи этих двух служилых фамилий

⁶³ РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 107 об., № 67/90. Л. 102, № 85/111. Л. 166 об.; Ф. 357. Оп. 1. № 16. Л. 134 об.; ОР РГБ. Ф. 205. № 180. Л. 129; Ф. 310. № 813. Л. 125; ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 298; Q XVII. № 3. Л. 300 об.; и др.

⁶⁴ РИИР. Вып. 2. С. 156. Л. 136.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 107 об.

не встречаются ни в составе общей родословной Коробовых, ни в виде самостоятельных росписей⁶⁶. В 80-е гг. XVII в. это дало возможность дворянам Барыковым путем фальсификации приписаться к числу потомков Коробовых, «изменив одну из фамилий росписи XVI в. (с Бабкиных на Бабрыкиных)»⁶⁷.

Родословные росписи Коробовых и их однородцев имеют сведения лишь о потомках боярина Константина Марковича. По родословцам у него известен сын Михаил Ендогур (Ендегор), имевший трех сыновей — Василия, Якова и Измаила. В летописях отражена деятельность в середине XV в. их сыновей, находившихся на службе в Твери у великого князя Бориса Александровича (27 XI 1425 — 10 II 1461). Таким образом, налицо обнаруживается несостоятельность хронологической составляющей родословной легенды. Очевидно, что ее данные следует рассматривать всего лишь как время, начиная с которого потомки Марка Демидовича помнили себя в Твери, а отнюдь не как реальное начало истории их рода. Однако когда же она началась?

Время жизни первых поколений рода Коробовых (приблизительно по 35—40 лет на одно колено) показывает, что они должны были жить в XIII в. Источники не упоминают Демида и Марка, хотя топонимы, производные от их имен, в ряде случаев встречаются в волостях позднейшего Тверского уезда XVI в.⁶⁸ Более реальной фигурой был Александр Маркович Хвост. Его следует отождествить с Олексой Марковичем. В первой четверти XIV в. он служил в Твери. Александр Хвост был боярином тверского великого князя Михаила Ярославича (1285—1318), который в 1304 г. получил в Орде от хана Тохты ярлык на Владимирское великое княжение. После битвы под Бортеневым (22 XII 1317 г.) «великий князь» послал в 1318 г. «Олексю Марковича на Москву посольством о любви», где «оуби его Юрии князь»⁶⁹.

С. В. Стрельников не исключает, что боярин Алекса (Александр) Маркович «быть может» тождественен Александру Марковичу, упоминаемому в одной из редакций родового помянника потомков царевича Петра⁷⁰. Этот источник сохранился в составе Вологодского и Новгород-

⁶⁶ Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962; Бычкова М. Е. Родословные книги...; Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996; Анхимюк Ю. В. Частные Разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII в. М., 2005; и др. Однако их родовые помянники известны в составе синодиков тверских соборов (ОР РГБ. Ф. 178. № 9465. Л. 90—90 об., 144).

⁶⁷ Бычкова М. Е. Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. 1981. Вып. 12. С. 101.

⁶⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 64—65, 113, 166, 175, 177—178, 180, 203, 253—254, 257, 259, 274—275, 277, 387.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38. Л. 266.

⁷⁰ Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. М.; СПб., 2009. С. 65. Примеч. 205.

ского синодиков⁷¹. Однако этому предположению противоречит не только молчание источников о выездах и службе ростовских бояр при дворе владимирских и тверских великих князей в первой половине XIV в., но и генеалогическая схема, составленная исследователем, на основе сведений источников о потомках царевича Петра. Согласно разысканиям С. В. Стрельникова, ростовец Александр Маркович является младшим двоюродным братом Петра Игнатьевича Чирикова, жившего в эпоху Куликовской битвы⁷²! Кроме того, исследователь совершенно напрасно не принял во внимание то обстоятельство, что в Твери служили дети Марка Демидовича, младшим из которых как раз был Александр Маркович Хвост (Хвост).

Михаил Константинович, племянник Александра Хвоста, служил великому князю Михаилу Александровичу (1365 — 26 VIII 1399). Род его занятий также был связан с посольской деятельностью. Осенью 1373 — в начале зимы 1374 г. правитель Твери «доконча» мир с Новгородской землей, «приславъ своего посла в Новгородъ Михаила Костянтиновича». Этот договор был оформлен в первой половине января 1374 г.⁷³

В тверской волости Шестка в 40-е гг. XVI в. известна деревня Ендурово. Она находилась по соседству с селом Спячево «въ Суземье». Эта волость располагалась на правом берегу р. Волги и была сильно населена⁷⁴. Одним из владельцев села Спячево был боярин тверского епископа Семен Константинович Бабкин. Ему также принадлежало сельцо Городище. Соседями С. К. Бабкина были Семен и Иван Васильевы дети Бабкины, владельцы села Хвостово. Рядом с ними находились вотчины однородцев — детей боярских Спячевых и Бабкиных. В это время Тверскому Саввину монастырю уже принадлежали деревни «Хвостово» и Олексино, а Тутанской обители — деревня Бабикино⁷⁵.

Помимо этого, еще ряд других деревень с названием Бабикино в 1503—1504 гг. фигурирует в Замыском стане, т. е. в северо-восточной части Переяславского уезда. Они располагались на его границе с Дмитровскими и Кашинскими станами и волостями, а также в Мушковой волости Дмитровского уезда. Все эти земли до середины XIII в. входили в состав Переяславского княжества. На линии разъезда Дмитровско-Кашинского и Переяславских рубежей, проходивших от р. Нерли до Ростовского рубежа, на стороне первого из них упоминается лес села Старобислова. Он

⁷¹ ОР РНБ. Погод. № 1596. Л. 167; Там же. ОСПК. Ф. п. IV. 1. Л. 10 об. — 11 об.

⁷² Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. С. 67—68.

⁷³ ГВНП. № 18. С. 33 [Подлинник]. О датировке акта см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. М., 2003. С. 76, 78, 94—98.

⁷⁴ Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Сельское расселение в Тверском уезде по материалам писцовых описаний // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 73—74.

⁷⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 166, 246, 248—249, 253, 255; и др.

принадлежал потомку *тверских* (курсив мой. — А. К.) землевладельцев Боярину Никифоровичу Басенкову, внуку известного московского боярина и воеводы Федора Васильевича Басенка. На второй стороне среди или вблизи от владений Замыцких находились две деревни Бабкино, а также деревня Марково⁷⁶.

В 1503—1504 гг. на рубеже Клинских станов и волостей с Локнышским станом Рузского уезда находилась деревня Сидорова. Она принадлежала Василию Спячеву. Клинскими деревнями Грибановская и Юрятино владели дети Ивана Спячева⁷⁷. Еще одно Ендогурово находилось к югу от тверского города Белгорода. С последней трети XIV в. эта местность входила в волость Рокитну⁷⁸. В московско-тверском договоре 1375 г. правителю Твери указывалось, что «в Рокитну ти *са* не вступати, что потагло ко княжен(ь)ю к великому»⁷⁹. Интересно отметить, что в этой же волости была деревня Гурленево⁸⁰. Ее название, очевидно, происходит от прозвища владельца — Федора Гурлена, киличя великого князя Михаила Александровича⁸¹. Очевидно, правитель Твери стремился закрепить за собой спорные земли в Рокитне, щедро жалую их (очевидно, в 1365—1375 гг.) своим боярам и слугам. Анализ писцовых описаний Тверского уезда показывает, что в первой половине XVI в. здесь размещались «владения княжеских слуг-министерялов, в обязанности которых входило устройство княжеского хозяйства»⁸².

Указанные выше владения Спячевых и Бабкиных — это фрагменты первоначальных вотчин потомков Марка Демидовича, которые, судя по данным топонимики⁸³, несомненно, могут восходить к землевладению бояр владимирских и тверских великих князей — Александра Хвоста и Михаила Ендогура, т. е. к концу XIII — середине XIV в.

⁷⁶ ДДГ. № 94. С. 376, № 95. С. 387 [Списки XVI в.]; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.; Л., 1966. С. 14.

⁷⁷ ДДГ. № 96. С. 401, 403 [Список XVI в.].

⁷⁸ О ее точной локализации см.: Кобозев Ю. А. Тверская волость Рокитна // Труды Филиала ГАСК в г. Твери. Тверь, 2002. Вып. 1. С. 171—178; ср.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 154—155.

⁷⁹ ДДГ. № 9. С. 26 [Подлинник].

⁸⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 288.

⁸¹ Кузьмин А. В. Из истории боярства Твери конца XIII — XV в. // Первые открытые исторические чтения «Молодая наука». М., 2003. С. 23; Он же. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества... С. 150—151; См. также раздел «ФЕДОР ГУРЛЕНЬ» этой главы.

⁸² Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Сельское расселение в Тверском уезде по материалам писцовых описаний. С. 74.

⁸³ См., например, топонимы с названием «Хвостово», известные в Тверской земле к 40-м гг. XVI в. (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 75, 98, 114, 174, 201, 205, 224, 241, 249, 350). Интересно отметить, что рядом с деревней Хвостово, входившей в приход села Воскресенское-Гурьево Кобелевской волости Старицкого уезда, «находится группа древних могильных курганов» (Крылов И. [П.] Достопримечательности в уезде. Старица, 1916. Вып. 2. С. 32).

Представитель старшей ветви рода Иван Короб, единственный сын Василия Михайловича, не упоминается в источниках. Интересно отметить, что недалеко от указанного выше села Спячево в волости Суземье была деревня Коробова. В 40-е гг. XVI в., как поместье, по половинам она уже принадлежала князю Д. И. Пункову Микулинскому и сыну боярскому Д. Ф. Рыскунову⁸⁴. Не исключено, что ранее ее владельцем мог быть Иван Короб и кто-то из его двух сыновей — бездетный Юрий и Андрей. После присоединения Твери к Москве в 1485 г. А. И. Коробов стал служить великому князю Ивану III. Его биография за 1480-е гг. — начало XVI в. исследована А. А. Зиминим⁸⁵. Интерес представляет духовная грамота Василия, внука А. И. Коробова. Из текста этого документа 1569/70 г. выясняется, что в числе владений В. В. Коробова до опричнины были, как он сам отмечает, «вотчиньки отца моего благословенья Василья Ондреевича в Переславском уезде село Михалевское да село Филиповское» на 900 четвертей. Помимо этого, «в Юрьевском уезде» Василий получил от старших братьев Андрея и Федора в вотчину села Кинебола и Кубаево. Он продал их Троице-Сергиеву монастырю⁸⁶. Таким образом, уже к началу XVI в. есть точные сведения о владениях Коробовых в бывшем Владимирском великом княжестве. Они были за пределами земель, тянувших к Твери. Поскольку нет данных о приобретении и пожаловании этих вотчин представителям фамилии в конце XV — первой половине XVI в., то не исключено, что они могут восходить к более раннему времени.

Двоюродный брат И. В. Короба Ендогурова — Иван Яковлевич Киндырь (Кондырь) был сыном тверского боярина Якова Михайловича. В меновой грамоте тверских бояр Ивана Юрьевича и И. Н. Жито Бороздина отмечается, что первый из них за земли Обоleshково, Захарково и пустошь Слотова «выменил есми у Ивана Никитича его землю пустое поле, и с теми луги, которые купил у Якова Михайловича». С. Б. Веселовский установил, что речь идет о комплексе владений, находившихся в Иворовской волости позднейшего Старицкого уезда. Исследователь датировал этот акт весьма широко — около 40—50-х гг. XV в. В своих комментариях к акту С. Б. Веселовский отметил важную деталь: обмененные И. Н. Жито Бороздиным земли позднее тянули к селу Михайловскому, расположенному на р. Холохольне⁸⁷.

Запущенное состояние владений Якова Михайловича позволяет предполагать, что непоправимым ударом для них стала серия эпидемий

⁸⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 162, 164.

⁸⁵ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 264.

⁸⁶ АСЗ. 1998. Т. 2. № 284. С. 253—254 [Подлинник]; *Флоря Б. Н.* Сведения об опричнине в новых документах из светских феодальных архивов // *Российское государство в XIV—XVII вв.* СПб., 2002. С. 272.

⁸⁷ АСЭИ. 1952. Т. 1. № 233. С. 164—165, 608 [Список 1641 г.].

и голода, постигших земли Северо-Восточной Руси в 1410-е — 1426 г.⁸⁸ По-видимому, свою вотчину в Иворовской волости Яков Михайлович продал по частям. Можно думать, что село Михайловское отошло в руки Никиты Ивановича Трясавицы, отца Ивана Жито, а часть тянувших к этому селу земель были проданы Ивану Юрьевичу, или его отцу. Позднее И. Н. Жито Бороздин решил совершить обмен владениями, чтобы в его руках полностью оказалась бывшая вотчина Якова Михайловича. Когда же могла произойти эта сделка?

Иван Киндырь, единственный сын Я. М. Ендогурова, был боярином великого князя Бориса Александровича и его первым наместником в возрожденном городе Кашине в 1452—1453 гг.⁸⁹ Эти данные служат важным хронологическим маркером. Он указывает на то, что сделка бояр Ивана Юрьевича и Ивана Жито, скорее всего, относится к более раннему времени — 1440-м гг. Очевидно, что к этому времени Я. М. Ендогурова уже не было в живых. Учитывая время жизни его сына Ивана Киндыря и племянника Л. И. Ендогурова, можно предполагать, что Я. М. Ендогуров умер в 1430-е гг.

В связи со службой И. Я. Киндыря Ендогурова интересно отметить, что в Дубенском стане Кашинского удела находилась деревня Бабкино, тянувшая к сельцу «Селищю». В статусе «выделка» в конце первой четверти XVI в. оно принадлежало Арине, вдове Г. С. Полозова⁹⁰. В упоминавшейся ранее волости Шестка у Тверского Троицкого монастыря, «что Троица во Твери внутри городе за владычным двором», в середине XVI в. была вотчина — деревни Киндырево и Яковлево⁹¹. В основном земли волости Шестка не были пригодны «для выращивания культурных растений»⁹². Есть веские основания предполагать, что прежде их владельцем являлся Иван Яковлевич Киндырь. В первой половине XVI в. в Волоцком уезде его потомки были владельцами села Торхово⁹³.

У И. Я. Киндыря Ендогурова известно четыре сына: Дмитрий, бездетный Константин, Михаил и Василий. 30 V 1476 г. перед падением Твери вместе с отпрысками таких знатнейших боярских фамилий, как Бороздины, Собакины, Бокеевы и Карповы, Д. И. Киндырев перешел на службу в Москву⁹⁴.

⁸⁸ Память о них сохранилась даже в житиях русских святых. См., например: *Кадлубовский А. П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 131—132. Л. 30—30 об.

⁸⁹ *Инока Фомы* слово похвальное. С. 128; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495; ср.: ОР РГБ. Ф. 178. № 9465. Л. 143, 146.

⁹⁰ АРГ, 1505—1526 гг. 1975. № 208. С. 211 [Подлинник].

⁹¹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 278.

⁹² *Кутаков С. С., Степанова Ю. В.* Сельское расселение в Тверском уезде по материалам писцовых описаний. С. 73.

⁹³ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 252. Л. 1 об.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 252. Л. 515—515 об.; Т. 25. С. 308. Л. 433; и др.

У Измаила Михайловича были сыновья Игнатий и Лев. О первом из них никаких сведений пока не обнаружено. Вероятно, он умер раньше своего младшего брата. Лев Измайлович, как и его двоюродные братья Иван Короб и Иван Кондырь, также служил тверскому великому князю Борису Александровичу. В декабре 1446 г. вместе с московским боярином М. Б. Плещеевым, воюя на стороне великого князя Василия II Темного, Л. И. Ендугуров принял участие в походе с целью захвата Москвы. Это событие состоялось 25 XII 1446 г. Будучи воеводой, в этой военной операции Л. И. Ендугуров командовал тверским отрядом из 100 ратников⁹⁵. Между 20—27 II 1447 г. он был назначен вторым наместником в занятом тверичами Ржеве⁹⁶. В ноябре 1447 г. во время неожиданного нападения литовской рати Л. И. Ендугуров был пленен в городе паном Станиславом Ляхом⁹⁷.

Еще один из населенных пунктов, который можно связать с именем отца Л. И. Ендугурова, находился в тверской волости Чаглово. Она располагалась на правом берегу р. Волги. Здесь в 1540-е гг. за московским помещиком В. В. Хомутовым числилась деревня Измайлово⁹⁸. Наряду с такими волостями, как Суземье, Воловичи, Хорвач, Кава и Микулинский удел, Чаглово имело «дерново-подзолистые почвы, относительно благоприятные для ведения сельского хозяйства», где «преобладали „средняя“ и „добрая“ земля»⁹⁹.

Еще один топоним с таким названием, как и в случае с Бабкиными, находился на рубеже Клинского стана. Согласно разьежей грамоте начала XVI в. великого князя Ивана III своему сыну князю Юрию Ивановичу на города Рузу и Звенигород с Можайскими и Клинскими станами и волостями, напротив «д(е)р(е)вни Боброва Берендѣевской волости» Дмитровского уезда была «земля Клинская д(е)р(е)вни Измаилова Захар(ь)и Ивачева»¹⁰⁰.

Время перехода Измайлова во владение Ивачевых неизвестно. Однако отметим, что Захарий Иванович Ивачев происходил из рода тверских бояр Левашовых. Один из его представителей, живший в XV в., также носил имя Измаил¹⁰¹. Поэтому связывать наименование этого на-

⁹⁵ *Инока Фомы* слово похвальное. С. 118.

⁹⁶ О дате подчинения Ржева власти тверского великого князя Бориса Александровича подробнее см.: *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе // ИСССР. 1984. № 6. С. 155—156.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493—494. В «Слове от Лѣтописца вкратцѣ» отмечается, что изгонной ратью из ВКЛ командовал Ярослав, воевода бельского князя Ивана Владимировича (*Инока Фомы* слово похвальное. С. 126).

⁹⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 68.

⁹⁹ *Кутаков С. С., Степанова Ю. В.* Сельское расселение в Тверском уезде по материалам писцовых описаний. С. 73.

¹⁰⁰ ДДГ. № 96. С. 403.

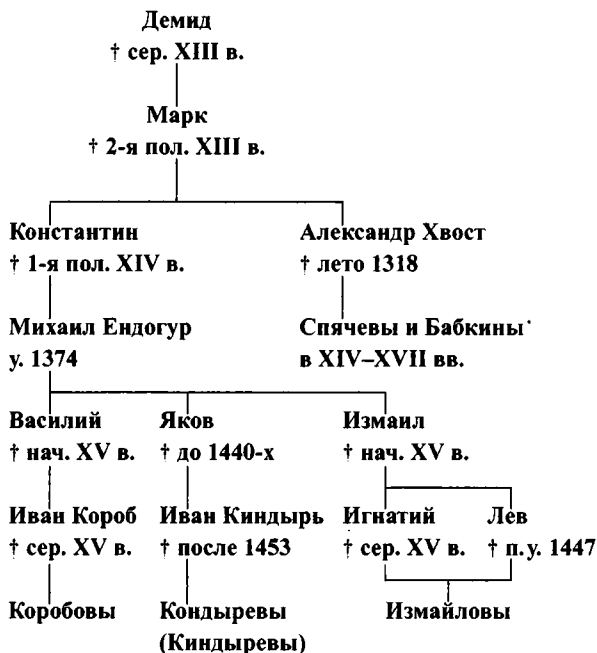
¹⁰¹ Подробнее об этом роде, например, см.: *Кузьмин А. В.* Генеалогия тверского боярского рода Левашовых (XIII — середина XV в.) // СР. 2012. Вып. 10. С. 229—247.

селенного пункта с Измайловыми, происходившими от боярина Михаила Константиновича Ендогура, конечно, вряд ли возможно.

Приведенные сведения источников о предках Коробовых и их однородцах в XIII—XV вв. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.3*).

Схема № III.3

Коробовы, Киндыревы и их однородцы

В конце XV — начале XVI в. при переходе на службу в Москву никто из потомков Марка Демидовича не смог получить думного чина. Возвышение его рода приходится лишь на XVII в. В первую очередь это связано с важными служебными назначениями и думными чинами Кондыревых. Несмотря на всю хронологическую несостоятельность родословной легенды, вместе с однородцами Мясными они твердо держались ее версии вплоть до подачи 29 III 1686 г. своей росписи в Палату родословных дел¹⁰². Тем временем как в конце XVII в. Коробовы, однородцы Кондыревых, пошли по пути Борисовых-Бороздиных и попытались исправить явное несоответствие между очевидным временем деятельности предков и временем древности своей фамилии, которые отражены в родословной легенде. В новой редакции росписи, поданной 19 V 1686 г., утверждалось, что

¹⁰² РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 7. Л. 1 [Подлинник]; Ф. 394. № 327. Л. 111 об. — 113.

«лета 6811-м (1302/03. — А. К.) году выехал из Литвы во Тверь служить к великому князю Михаилу Юрьевичу Тверскому пан Марко Демидов»¹⁰³. Тем не менее сравнительный анализ сведений разных видов источников XIV—XVII в. показывает, что общего предка Коробовых, Кондыревых, Измайловых, Спячевых и Бабкиных во второй половине — конце XIII в. следует искать не среди легендарных литовцев, а среди крупных землевладельцев Северо-Восточной Руси, чьи владения в XIV—XV вв. преимущественно были сосредоточены на территории Великого княжества Тверского, Кашинского удела, Переяславско-Тверского порубежья и, по-видимому, в северо-восточной части Переяславского княжества.

§ 3.4. ИВОР ЧАПОНОС. В двух духовных грамотах московского великого князя Василия I (около 1407 и 1423 гг.) упомянуто село Иворово под Юрьевым Польским¹⁰⁴. В других актах также фигурируют волость Иворовская и село Иворовское¹⁰⁵. В XVI в., наряду с Вятской волостью, они составляли северную часть Старицкого удела¹⁰⁶. До середины XIII в. Иворовская волость, как и вся Тверская земля, входила в состав Переяславского княжества. Эти названия топонимов образованы от редкого и нераспространенного во Владимиро-Суздальской Руси скандинавского имени Ивор¹⁰⁷.

Время возникновения населенных пунктов, находящихся в Юрьевском и Тверском княжествах, отличается друг от друга. Археологическое исследование юрьевского села Иворово показало, что в XIV—XVII вв. в 200 м к югу от современного населенного пункта на правом берегу ручья Рязанка, правого притока р. Пиклия (правый приток р. Нерль Клязьминская) у родников Гремячи находилось древнерусское селище. Оно

¹⁰³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 56. Л. 1 [Подлинник].

¹⁰⁴ ДДГ. № 20. С. 56, № 21. С. 60 [Подлинники]. Подробнее о нем см.: ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 404—408. Село Иворово в XIV—XVII вв. находилось в 17 верстах к северу от Юрьева Польского. Оно «представляло собой поселение на границе ополя с лесом. К северу от Иворова по среднему и нижнему течению р. Селекши и ее притокам начинались глухие лесистые и болотистые места, где поселений уже не было». Во Владимирской губернии других населенных пунктов с таким названием больше не было (Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 235—236).

¹⁰⁵ ДДГ. № 102. С. 420 [Подлинник]; Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI в. // РД. 1998. Вып. 4. № 4—5. С. 135—136 [Подлинники], № 6. С. 137 [Список 50—70-х гг. XVII в.], № 7. С. 137—138, № 11. С. 141 [Подлинники]; и др.

¹⁰⁶ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 404—408; Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С. 136.

¹⁰⁷ Согласно наблюдениям Е. А. Мельниковой, в Древней Руси среди представителей нетитулованной знати имена *Иворь* и *Я/Акунь* имели незначительную популярность (в отличие от большинства скандинавских имен), но эта популярность имела преимущественно областные границы. Подробнее об этом см.: Мельникова Е. А. Социальная стратификация скандинавских антропонимов в Древней Руси // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2013. Ч. 1. С. 103—104.

«протянулось вдоль берега руч[ья] с С на Ю, размеры ок. 150 × 60 м, выс[ота] над руч[ьем] 2,0—2,5 м». Его «культ[урный] слой — черный гумусированный суглинок толщиной до 0,4 м, нарушенный распахой. Керамика гончарная позднесредневековая, датированная 14—16 вв.»¹⁰⁸. Очевидно, это и есть то самое Иворово, которое в начале XV в. упоминается в двух духовных грамотах великого князя Василия I. Поскольку время его основания не выходит за рамки XIV в., то большее внимание стоит обратить на тверские топонимы, и вот почему.

По данным источников, процесс активного окняжения территорий вокруг Твери начался во второй половине XII — начале XIII в. В это время здесь возникают первые боярские села¹⁰⁹. В 1215—1216 гг. Тверь сыграла важную роль во время борьбы князя Ярослава Всеволодовича против Новгорода. Значение Твери было настолько важно, что зимой 1237/38 г. князь согласился оставить для обороны города своего сына. Когда один из монгольских отрядов в феврале 1238 г. захватил и разорил Тверь, то, как отмечает летописец, захватчики «тут же и сынъ Ярославль убиша»¹¹⁰. Он был единственным из детей Ярослава Всеволодовича, кто погиб во время Батыева нашествия.

В начале XIII в. летописям известен княжеский муж по имени Ивор. В 1215 г. после ссоры с новгородцами князь Ярослав Всеволодович

¹⁰⁸ АКР: Владимирская область. М., 1995. № 672 (9). С. 289—290.

¹⁰⁹ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 20—27; Кучкин В. А. Возникновение Твери и проблема тверского гостя в «Рукописании» Всеволода // ДГ СССР, 1983 г. 1984. С. 209—231; Он же. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 81—82, 96, 99. Рис. 2; Он же. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 17, 27—28, 30; Кучкин В. А., Сумникова Т. А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 507 (9-е чудо); Жилина Н. В. Тверская берестяная грамота № 1 // СА. 1987. № 1. С. 203—216; Она же. Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным // РА. 2001. № 3. С. 35—45; ср.: Малыгин П. Д. Тверь и новоторжско-волоцкие земли в XII—XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 149—158; Он же. Судьбы Торжка и Твери в XIII в. // Русь в XIII в. М., 2003. С. 92—96. В любом случае на территории будущей столицы Тверского княжества обнаружено значительное количество керамических изделий разных видов, стеклянных браслетов и др. украшений, которые имеют аналоги в поволжских городах Северо-Восточной Руси. Они уверенно датируются концом XI — началом XII, серединой XII, второй половиной XII — началом XIII в., что несомненно свидетельствует о плотном заселении территории Твери в домонгольское время. Подробнее об этом, например, см.: Нестерова М. Е. Керамика из некоторых предматериковых комплексов раскопа 14 в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2004. Вып. 4. С. 70—100; Сафарова И. А. Опыт изучения цвета и декора средневековых стеклянных изделий из раскопок в Твери // Там же. С. 320—335; Лапшин В. А. Тверь в XIII—XV вв. СПб., 2009. С. 10, 184—197; и др.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 128. Л. 159; см. также: Там же. Т. 26. М., 2006. С. 73. Л. 128 об. — 129; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 53. Л. 111 об. — 112, С. 211. Л. 160 об. В тесной связи с этим событием находится известный Тверской клад 1906 г., в состав которого входил ряд дорогих предметов и украшений княжеского убора конца XII — начала XIII в. (Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. С. 86).

«пойде в Торъжекъ, а по княгиню свою посла в Новъгород Ивора Чапоноса, и выведе княгиню свою к себе»¹¹¹. В период ордынского ига ни один из известных по источникам бояр Переяславского и Тверского княжеств не имел такого редкого имени и прозвища. Конечно, данных фактов пока недостаточно для вывода о том, что названия этих топонимов связаны именно с Ивором Чапоносом. Однако их бытование на территории княжества, где он служил, а также то, что, по данным XV—XVI в., целая волость в Старицком уделе называлась Иворовской (с центром, расположенным всего в 15 верстах от Старицы), ставят насущный вопрос об их локализации и археологическом изучении¹¹².

Старицкое село Иворово возникло в зоне с большой плотностью населения. Уже в XI—XIII вв. здесь насыпались по крайней мере 3 из 4 больших курганных групп на левобережье р. Волги¹¹³. В 1967 г. в одном из этих курганов, имевшим диаметр в 16 м, а высоту — 3 м, было обнаружено уникальное погребение христианина:

«Покойник был положен в белокаменный саркофаг, накрытый двускатной крышкой. Промежутки между стенками могильной ямы и саркофагом были заставлены известняковыми плитами, окружавшими саркофаг со всех сторон. Под саркофагом прослеживались остатки одиннадцати поперечных плах или досок в виде черных полос тлена. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к северу. Череп был запрокинут кверху, руки положены на кости таза. На подбородке сохранилась небольшая русая борода. У левого бедра, с внутренней стороны, прослеживается светло-серый тлен, вероятно, от кожаного кисета. Кости ног от колен до конца ступеней были покрыты таким же тленом, являвшимся, по-видимому, остатками кожаной обуви. Вещей не было»¹¹⁴.

По наблюдениям археологов, «ящик саркофага и его крышка высечены из отдельных известняковых монолитов, техника их обработки свидетельствует о высоком уровне каменотесного мастерства, имеющего глубокие традиции. Поверхность изделий обработана довольно чи-

---

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 111. Л. 136; см. также: Там же. Т. 3. М., 2000. С. 253. Л. 135 об. [Комиссионный список НИЛ]; Т. 15. Тверской сборник. Стб. 316; и др. В Синодальном списке НИЛ старшего извода ошибочно вставлен разделительный союз «и», в результате чего получилось два имени: «...а въ Новъгородъ приславъ Ивора и Чапоноса» (Там же. Т. 3. С. 54. Л. 81 об. —82).

¹¹² Еще в дореволюционное время в селе Иворовское (Иворовское) и его окрестностях археологи фиксировали курганные группы, расположенные вдоль р. Волга (*Крылов И. [П.] Достопримечательности в уезде. Старица, 1915. Вып. 1. С. 28—31, 37—38*). Интересно отметить, что в ее состав входили села и деревни с названием Воеводино и Мытищево (Там же).

¹¹³ АКР: Тверская область. М., 2003. Ч. 1. № 928—931. С. 369—372.

¹¹⁴ *Комаров К. И., Ёлкина А. К. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 226—228.*

сто, грани четкие, прямые, нет никаких склонов. Чувствуется твердая рука опытного каменотеса».

Рядом с первым погребением в кургане находилось еще одно, совершенное «после насыпки кургана». Женский костяк лежал с такой же ориентировкой в колоде, которая истлела до тлена. Ее покрывала колода из бересты. «На фаланге пальца правой руки» покойной «был надет медный витой перстень, у ступней ног, в 10 см к востоку от них, лежало по одному медному ложновитому перстню». По этим перстням археологи считают, что второе захоронение можно датировать концом XII — началом XIII в., а захоронение в саркофаге, «очевидно... XII в.». По-видимому, эти лица составляли семейную пару. Их высокий социальный статус и приверженность православию были подтверждены установкой после их смерти на вершине кургана белокаменного четырехконечного креста. При этом была «обработана только его лицевая сторона и боковые грани». Крест был «изготовлен в той же технике, что и саркофаг». По данным археологов, в летописях есть упоминания об установке таких памятных крестов над могилами бояр¹¹⁵. С этой точкой зрения можно согласиться, поскольку очевидно, что на рубеже XII—XIII вв. позволить себе оплатить работу опытного мастера могли только зажиточные люди, имевшие связи с одним из столичных городов (например, Владимиром, Суздалем, Ростовом или Ярославлем). На строительстве каменных зданий здесь работало много каменотесов. Правда, названный А. К. Ёлкиной и К. И. Комаровым в качестве примера Клим Христинич в 1215 г. в источнике упомянут как «воинь», а не боярин князя Даниила Галицкого¹¹⁶.

В 1973 г. рядом с упомянутым выше курганом был раскопан еще один. Похороненная в нем женщина носила богатую одежду из привозных тканей (шёлк), украшения (жемчуг) и православный крест¹¹⁷. Не были ли все эти лица близкими родственниками Ивора Чапоноса?

О перспективности изучения сельской округи Иворовской волости свидетельствует тот факт, что в писцовом описании 1594 г. здесь упоминаются старинные вотчины потомков бояр — Житовых (из рода Борозди-

¹¹⁵ Комаров К. И., Ёлкина А. К. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы. С. 230—238.

¹¹⁶ Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 732. Л. 249 об., под 6721 г. Однако в действительности события имели место в 1215 г. (ср.: Там же. Т. 25. С. 110. С. 135 об. — 136).

¹¹⁷ Комаров К. И., Ёлкина А. К. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы. С. 230—238. Такие престижные захоронения не были уникальными для окрестностей средневековой Старицы. Так, например, в начале XX в. И. П. Крылов отмечал, что «при впадении нижней Старицы в Волгу, из обрезов берега видны человеческие кости, откуда в недавнее время взята надгробная плита с крестом в виде посоха (XIV—XV в.)» (Крылов И. П. Старица и ее достопримечательности. Старица, 1903. С. 41—42; см. также: Крылов И. П. Археологические раскопки в бывшем Старицком Кремле, произведенные в 1903 г. Старица, 1905. С. 1—3; и др.).

ных) и Поликарповых (из рода Ромейковых)¹¹⁸. Позднее происхождение села Иворово Юрьевского уезда (XIV в.) исключает возможность того, что к его возникновению был причастен Ивор Чапонос, боярин князя Ярослава. Однако этот вывод не снимает необходимости дальнейшего изучения сельской округи вокруг и этого археологического памятника. Не исключено, что рядом с ним может находиться еще одно селище, относящееся к домонгольской эпохе.

§ 3.5. РОД ДМИТРИЯ ЕЙКОВИЧА. За Успенским монастырем в Старицком уезде среди прочих владений в 1607 г. числились: «Село Льгово съ деревнями; а въ немъ храмъ Андрей Критский чудотворец; да въ селе жъ дворъ монастырской, пашня монастырская. А къ селу деревень: Петяшино, Ейкова, Тростино, Домонежа, а всего семь деревень»¹¹⁹. В переписной книге местного приказчика Я. И. Жихарева были перечислены грамоты из монастырского вотчинного архива. Благодаря этому можно установить, что еще в первой трети XVI в. село Льгово с деревнями было отдано Успенской обители князем Андреем Ивановичем Старицким (1490—1537)¹²⁰.

В жалованной (подтвердительной) тарханно-несудимой грамоте царя Ивана IV Грозного архимандриту Иеву на вотчины обители в Старицком, Тверском, Клинском и др. уездах от 6 V 1569 г. перечисляются все деревни, тянувшие к селу Льгово. Этот список несколько отличается от того, который приводится в описании 1607 г. Так, после Петяшина здесь было указано не Ейково, а «деревня Ескина». Однако вслед за ней идет не деревня Тростино, а «деревня Веревкина, деревня Люшина, деревня Голошапова с Мишиным». Далее по списку стоят «деревня Ейцово, деревня Тростино, деревня Домонежа, да пустоши — пустошь Нелидина, пустошь Жеребцова...»¹²¹. Итак, благодаря этому сообщению источника можно четко установить, что к селу Льгово тянули две деревни — Ескина и Ейкова (или Ейцово).

Такое название населенного пункта в других местах Тверского княжества, да и в целом во Владимиро-Суздальской земле, не встречается. Его соседство в Старицком уезде с «Иворовской волостью» дает косвенное основание продолжить поиск человека с именем Ейко среди бояр перемыславского князя Ярослава Всеволодовича. Источники Северо-Восточной Руси сведений о Ейко не сохранили. Между тем Галицко-Волынская летопись конца XIII в. содержит одно весьма важное упоминание. В ней отмечается, что в 1246 г. «обдержашоу Киевъ Ярославоу бояриномъ своимъ

¹¹⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 405—408.

¹¹⁹ Описные книги Старицкого Успенского монастыря 7115—1607 г. Старица. 1912. С. 64.

¹²⁰ *Маштафаров А. В.* Старицкие монастыри в документах XVI в. № 13. С. 148 [По публикации 1911 г.].

¹²¹ *Маштафаров А. В.* Старицкие монастыри в документах XVI в. № 12. С. 142 [Список 1-й пол. XVII в.].

Ейковичемъ Дмитромъ»¹²². Поскольку хан Батый назначил в 1243 г. великого князя Ярослава Всеволодовича «старей всемъ княземъ в Русскомъ языце»¹²³, то появление Дмитра Ейковича в Киеве следует относить к упомянутому выше году¹²⁴. Если тождество лиц — владельца деревни Ейково и отца киевского воеводы — верно, то, как и в случае с Ивором Чапоном, по-видимому, может быть выяснено имя еще одного старицкого землевладельца начала XIII в. из Твери.

Приведенные выше сведения источников о представителях этого рода можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.4*).

Схема № III.4

§ 3.6. КЕРБЕТ. В 1236 г. основная часть переяславской дружины вместе с князем Ярославом Всеволодовичем уехала в Киев, а затем вместе с ним прибыла в Новгород¹²⁵. В боях с войсками Чингизидов она участия не принимала. Лишь отдельные отряды воинов князя Ярослава в феврале 1238 г. в Кашине, Переяславле Залесском, Кснятине, Дмитрове и Твери оборонялись от осаждавших их войск Батыя¹²⁶. В Твери во время боя с захватчиками погиб один из сыновей

¹²² ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 806. Л. 270 об., под 6758 г.

¹²³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. М., 1997. Стб. 470. Л. 165.

¹²⁴ По данным поздней Густынской летописи, приезд в Киев наместника великого князя Ярослава Дмитрия Ейковича состоялся в 1243 г. (ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 340; Т. 40. СПб., 2003. С. 120. Л. 134 об.). К этому известию источника исследователи относятся с доверием (Грушевский М. [С.] Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891. С. 427; Борзаковский В. С. О времени поездки Даниила Романовича в Орду. Чей был боярин Дмитро Ейкович — Ярослава Всеволодовича или Ярослава Ярославича? // Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 242—245; Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 27; и др.). Впрочем, некоторые относят появление Дмитрия Ейковича в Киеве к 1245 г. (Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200—1304. М., 1989. С. 140, 148; и др.).

¹²⁵ Помимо собственной дружины, в Киев князя Ярослава сопровождали «вятские» новгородцы (большие мужи) и 100 новоторжцев, которых он отпустил из Южной Руси спустя неделю после вокняжения (ПСРЛ. Т. 3. С. 74. Л. 120, С. 285. Л. 158; Подробнее об этом событии см.: Татищев В. Н. История Российская. М., 1964. Т. 3. С. 230).

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 57. Л. 83. Перед решающим сражением с войсками Чингизидов великий князь Юрий Всеволодович «ста на Сити станомъ, а ждучи к себе брата своего Ярослава с полкы». Однако переяславский князь, в отличие от младшего своего брата Святослава Юрьевского, так и не принял участия в этой битве (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2.

князя Ярослава¹²⁷. Поскольку существенная часть военно-служилой знати княжеств Северо-Восточной Руси (прежде всего, собственно владимиристо-суздальской) погибла в сражениях и при обороне городов зимой 1237/38 г., то можно предполагать, насколько выросло значение, да, наверное, и социальный статус, выживших после Батыева погрома представителей нетитулованной знати. Именно имена бояр и дружинников князя Ярослава (таких, например, как Явид, Кербет, выходец из Торопецкого княжества — Федор Ярунович и др.) в середине XIII в. чаще всего стали отмечаться на страницах летописей. Упоминание источниками таких видных представителей нетитулованной знати XIII в., как Дмитр Ейкович или внук Лазаря — Гаврило Юрьевич, косвенно свидетельствует о том, что переяславцы сумели упрочить свое служебное положение у потомков Всеволода III Великое Гнездо. Несомненно, что кое-какие семьи даже смогли упрочить свое служебное положение при великокняжеском дворе¹²⁸.

Так, в 1245 г. летописи упоминают двух воевод — Явида и Кербета. Вместе «съ тѣричи и дмитровци», дружинниками из двух городов Переяславского княжества, они участвовали в битвах князя Александра Ярославича против литовцев у стен Торопца, а затем на территории Полоцкого и Витебского княжеств¹²⁹. Кербет — второй из воевод — был опытным воином. Еще в конце марта — начале апреля 1242 г. вместе с братом новгородского посадника Домашем Твердиславичем он командовал одним из отрядов русской рати. По приказу князя Александра Ярославича они разоряли земли эстов, расположенных к западу от Чудского озера. Эсты поддерживали ливонских рыцарей. Кербет и Домаш подвергли их владения сильному разорению. Будучи «в розгоне», они были атакованы от-

Стб. 461. Л. 160, Стб. 464—465. Л. 162—162 об.; Вып. 3. Стб. 516. Л. 240 об., Стб. 519—520. Л. 243—243 об.; и др.).

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 75. Л. 121; Т. 24. М., 2000. С. 93. Л. 132 об.; Т. 25. С. 128. Л. 159. В связи с этими сведениями источников голословным выглядит утверждение Л. Н. Гумилева о том, что Тверь не подвергалась разорению во время первого похода Чингизидов на Русь, так как она, наряду с другими поволжскими городами, заключила с монголами мир! (ср.: *Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь*. М., 1992. С. 507; *Он же. Ритмы Евразии*. М., 1993. С. 144; *Он же. Чёрная легенда*. М., 1994. С. 202; и др.).

¹²⁸ Подробнее о происхождении рода боярина Федора Яруновича см. в ст.: *Кузьмин А. В. Торопецкая знать в XIII в. Из истории Смоленской земли* // *RM*. 2001. Т. 10. Fasc. 1. S. 55, 63—71.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 79. Л. 131—131 об., С. 304. Л. 172, под 6754 г.; Т. 25. С. 136. Л. 170—170 об.; и др. По мнению В. А. Кучкина, Явид и Кербет были наместниками этих городов, а в 1245 г. служили великому князю Ярославу Всеволодовичу и не принимали участия «в последующих военных действиях Александра Невского, осадившего Торопец, а затем преследовавшего бежавших литовцев» (*Кучкин В. А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века*. С. 91). Между тем данные источников не позволяют однозначно прийти к такому выводу. Кроме того, участие Кербета в Ледовом побоище в 1242 г. свидетельствует в пользу того, что в это время, скорее всего, боярин уже служил новгородскому князю Александру Ярославичу, а не его отцу.

рядом рыцарей. Возможно, воеводы попали в засаду у моста, который находился на р. Эмбах¹³⁰. В бою Кербет и Домаш были разбиты, при этом второй из воевод погиб¹³¹. Вероятно, Кербет оказался в числе тех, кто «къ князю прибегоша в полкъ» и сообщил о приближении немецко-эстонской рати. Очевидно, 5 IV 1242 г. Кербет был в числе тех русских воинов, кто одержал победу над войсками Ливонского Ордена и находился на службе у князя Александра Ярославича, которому до раздела отцовского наследия в 1246 г., как известно, принадлежала Тверь.

§ 3.7. ЯВИДОВИЧИ. Явид, соратник Кербета, — возможный владелец значительной боярщины. Ее центр — село Ольявидово (иногда — Явидово) позднее числилось в Повельском стане Дмитровского уезда (с XV в.¹³²). Ольявидово располагалось к северо-западу от Дмитрова, вблизи от р. Веля (правый приток р. Дубна)¹³³. В первой половине XIII в. эта территория входила в состав Переяславского княжества. Важно отметить, что в XV — начале XVI в. село Ольявидово с прилегающей к нему округой было в числе земель Воронцовых-Вельяминовых, самого влиятельного в Дмитрове рода нетитулованной знати. По наблюдениям М. Н. Тихомирова, в эпоху позднего Средневековья эта территория была плотно заселена. Во второй половине XVI в. «Ольявидовщина» — владение Троице-Сергиева монастыря. В это время к нему тянуло 25 поселений по 2—4 двора в каждом¹³⁴.

По мнению Г. В. Попова, «наименование церкви в Ольявидово — Троицкая с приделом Сергия Радонежского — отражает контакты Вельяминовых с Троицким монастырем, восходящие, по-видимому... ко времени княжения Петра Дмитриевича»¹³⁵. Однако эта точка зрения не находит подтверждения в источниках. Дело в том, что И. Ф. Воронцову село Ольявидово досталось в наследство и вотчину от матери до опалы на его род. Мать И. Ф. Воронцова была дочерью князя Василия Ивановича Шиха Стригина-Оболенского. В первой трети XVI в. он служил дмитровскому князю Юрию Ивановичу¹³⁶.

¹³⁰ Тихомиров М. [Н.] Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941. С. 32; см. также: Коняевская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // НИС. 2005. Вып. 10 (20). С. 354. Л. 93 об. — 94; и др.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 78. Л. 129—129 об., С. 295. Л. 166.

¹³² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 776—778, и сл. Археологические раскопки средневекового селища в Ольявидове пока не проводились (АКР: Московская область. М., 1995. Ч. 2 (по указ.)).

¹³³ Попов Г. В. Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв. М., 1973. С. 42 (см. карту); Акты Троицкого Калызина монастыря XVI в. М.; СПб., 2007. № 119. С. 117—125 [Подлинник].

¹³⁴ ОР РГБ. Ф. 304/Л. № 821. Л. 12—12 об.; Тихомиров М. Н. Россия XVI ст. М., 1962. С. 116—118. О его позднейших владельцах подробнее см.: Холмогоровы В. [И.] и Г. [И.] Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII вв. М., 1911. Вып. 11. С. 352—353.

¹³⁵ Попов Г. В. Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв. С. 45.

¹³⁶ Акты Троицкого Калызина монастыря XVI в. № 119. С. 119—120. Подробнее об этом см.: Кашианов С. М. Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // АЕ за 1973 г. 1974. С. 30—33.

Поскольку Олявидово не упоминается в числе княжеских сел, то можно предположить, что до попадания в руки ближайших предков князя В. И. Оболенского его владельцем было лицо из другого служилого рода.

Во второй половине XIII в. дети Явида, будучи видными представителями нетитулованной знати Переяславского княжества, достигли статуса ближних бояр великих князей. Так, например, 15 VII 1278 г. Давыд Явидович был в числе первых лиц в Ярославле на свадьбе князя Михаила, сына ростовского и белозерского князя Глеба Васильковича и дочери местного правителя — Федора Черного¹³⁷. Позднее Давыд Явидович упоминается среди бояр умершего великого князя Андрея Городецкого. В 1304 г. он был убит по решению веча в Костроме вместе с другими боярами (Жеребцом, Александром и Зерном)¹³⁸. Юрий Явидович также был сыном воеводы Явида. Будучи игуменом Тверского Михаило-Архангельского монастыря, Юрий упоминается в Житии тверской княжны Софьи Ярославны¹³⁹. Уточняя их родственные связи, В. А. Кучкин пришел к выводу, что Давыд Явидович это, «видимо, зять Акинфа Великого», «боярин Гавриил Юрьевич, возможно, сын Юрия Явидовича, сопровождавший князя Михаила Ярославича в его поездке в Орду в 1293 г.»¹⁴⁰. Однако с такой идентификацией лиц трудно согласиться, так как она противоречит сведениям источников.

По данным родословцев XVI—XVII вв., Гавриил был сыном Юрия Лазоревича (Лазынича), а не Явидовича¹⁴¹. Вызывает возражение и второе из предложенных исследователем отождествлений. Дело в том, что В. А. Кучкин не сравнил известия за 1304—1305 гг. разных летописных сводов. Между тем они различают в это время двух Давыдов. Повествуя о разгроме тверской рати в 1304 г. в битве с войсками князя Ивана I Калиты, источники сообщают имена погибших. В их числе оказались «*Акинфъ и зять его Давыд* (курсив мой. — А. К.)»¹⁴². При сравнении известий летописей становится очевидно, что Давыд Явидович, убитый на вече в Костроме, не мог спустя некоторое время воскреснуть и в со-

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 155.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 184; Т. 10. С. 175; Т. 18. С. 86. Л. 152; и др.

¹³⁹ *Тиганова Л. В.* Повесть о Софье Ярославне Тверской // ЗОР [ГБЛ]. 1972. Вып. 33. С. 257.

¹⁴⁰ *Кучкин В. А.* Когда было написано житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 113; см. также: *Он же.* Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира. История и современность. М., 2002. С. 136; и др.

¹⁴¹ *Кузьмин А. В.* Эволюция родословной «памяти» боярства Твери // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001. С. 75—77.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 7. С. 184; Т. 10. С. 175; Т. 18. С. 86. Л. 152 об. — 153, под 6814 г.; Т. 25. С. 393; и др. Утверждение А. А. Юшко о том, что битва под Переяславом состоялась в 1306 г., ошибочно (ср.: *Юшко А. А.* Феодалное землевладение Московской земли XIV в. М., 2003. С. 102).

ставе тверской рати принять участие в битве с москвичами под стенами Переяславля Залесского. Таким образом, предположение В. А. Кучкина о родстве боярина Давыда Явидовича с семьей Ратшичей источниками не подтверждается.

Учитывая сведения из жития 1305—1306 гг. тверской княжны Софии Ярославны, не исключено, что до службы Андрею Городецкому сюзереном Давыда Явидовича мог быть старший брат великого князя — Дмитрий Александрович Переяславский. 10 II 1293 г. в Твери епископ Андрей, крещеный сын литовского князя Герденя († 1267), и игумен Тверского Михайловского монастыря Юрий Явидович постригли в монахи младшую дочь великого князя Ярослава Ярославича — княжну Софью¹⁴³.

В борьбе против великого князя Андрея Городецкого Михаил Ярославич сначала присоединился к коалиции правителей Руси, опиравшихся на поддержку ордынского царевича Ногай († 1299). Правитель Твери был союзником великого князя Дмитрия Александровича. Поскольку младший сын Явида со временем оказался в Твери, то не исключено, что старший из его детей мог сделать карьеру в более значительном княжестве — Переяславском, правитель которого еще в 1276 г. получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение. Наряду с Антоном и Феофаном (1283 г.¹⁴⁴), а также, возможно, Кузьмой (1292 г.¹⁴⁵), Давыд Явидович, по-видимому, также служил в боярах у великого князя Дмитрия Александровича. После его смерти в 1294 г. Давыд, вероятно, сразу же мог перейти на службу к его младшему брату — владимирскому великому князю Андрею Городецкому.

В отличие от Гавриила Юрьевича, о потомках Явида пока можно строить лишь предположения. Гипотетически возможно, что его внуком

¹⁴³ Тиганова Л. В. Повесть о Софье Ярославне Тверской. С. 253, 256, 261. Л. 228 об. [Список конца XV — начала XVI в.]; Кучкин В. А. Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского. С. 133—136, 138. Л. 398 об. [Список 50—60-х гг. XV в.]; Гадалова Г. С. Повесть о княжне Софье Ярославне Тверской как исторический источник по истории и культуре Тверского края // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. С. 413, 424. Л. 398 об. [Датировка списка — 60-е гг. XV в.]; ср.: Клоос Б. М. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 202—203 (с ошибочной датой — 10 II 1294 г.), 204. Л. 398 об. [Датировка списка — 60-е гг. XV в.]. О времени создания жития, его списках и источниках также см.: Кучкин В. А. Когда было написано житие Софьи Ярославны Тверской? С. 106—116; *Он же*. Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского. С. 133—142; Конявская Е. Л. Житие Софьи Ярославны Тверской в сборниках РГБ // РЧ—2004. 2004. С. 124—128; *Она же*. Житие Софьи Ярославны Тверской и поучение Есифа // Там же. 2005. С. 125—130; *Она же*. Об одном литературном источнике жития Софьи Ярославны Тверской // ВЕДС. М., 2005. Ч. 2. С. 211—214; *Она же*. Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 11—27; и др.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 79. Л. 137.

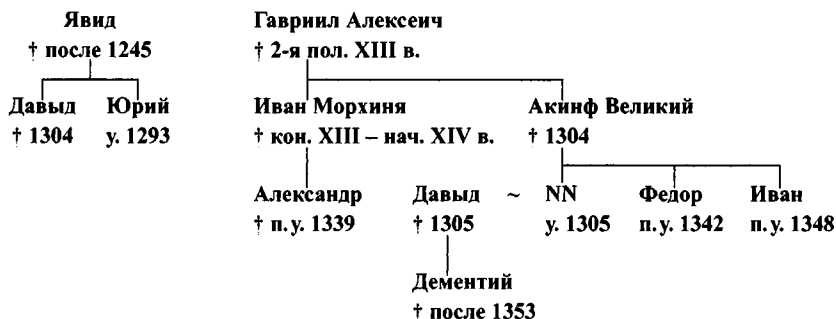
¹⁴⁵ Клейнберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. // ВИД. 1976. Вып. 7. С. 123. Впрочем, не исключено, что упомянутый в немецких источниках муж князя Дмитрия Александровича — Кузьма на самом деле мог быть и новгородцем (например, см.: ГВНП. № 35. С. 64 [Подлинник]).

был Федор Юрьевич, боярин великого князя Михаила Ярославича¹⁴⁶. Однако этой версии противоречит тот факт, что Юрий — монашеское имя сына Явида. Характер и время приобретения боярским родом Воронцовых-Вельяминовых села Оल्याвидово неизвестно. В 1338 г. из Твери «бояре мнози отъеха на Москву кь великому князю Ивану»¹⁴⁷. По весьма вероятному предположению С. Б. Веселовского, в их числе были и Ратшичи. Речь может идти о детях Акинфа Гавриловича — Федоре и Иване, а также его племяннике — Александре Ивановиче Морхинине¹⁴⁸. При дворе великого князя Ивана I Калиты эти лица заняли высокое положение. Несомненно, что вместе с Ратшичами выехали и их ближайшие родственники. В 1352—1353 гг. в Константинополе послами великого князя Семена Гордого были бояре Дементий Давыдович и Юрий Воробьев¹⁴⁹. Вряд ли допустимо, из-за большой разницы в возрасте, предполагать в первом из них сына Давыда Явидовича. Представляется, что, скорее всего, по материнской линии Дементий Давыдович мог быть внуком боярина Акинфа Великого.

С целью проверки этого вывода сведения источников о семьях бояр Явида и Акинфа Гавриловича Великого за середину XIII — первую половину XIV в. можно свести в следующую генеалогическую таблицу (см. *Схема № III.5*).

Схема № III.5

Явидовичи и Ратшичи

§ 3.8. ВОРОБЬЕВЫ. Не исключено, что соратник Дементия Давыдовича Юрий Воробьев также мог выехать на службу в Москву из Твери. На территории владений великого князя Михаила Ярославича по документам не позднее первой трети XVI в. отыскиваются древние населенные

¹⁴⁶ Подробное об этом боярине см.: ГВНП. № 11. С. 23 [Подлинник].

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 48. Л. 272 об.

¹⁴⁸ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 52, 482, 486; см. также: Бочков В. Н. «Легенды» о выезде дворянских родов. С. 82; и др.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 62—63. Л. 282—283; Т. 18. С. 98. Л. 175 об., под 6861 г.

пункты, имеющие название Воробьево (в том числе Большое, Малое и Обьежье¹⁵⁰). Рядом с одним из них, расположенным близи от левобережья р. Сучек (правый приток р. Медведица), находятся курганный и курганно-жальнический могильники. По найденному здесь инвентарю они датируются XI—XIII вв.¹⁵¹ Очевидно, что версия о тверском происхождении Ю. Воробьева нуждается в прямом свидетельстве источников, а указанные ранее поселения — в более тщательном археологическом изучении¹⁵².

Населенные пункты с названием Воробьево на территории Московского великого княжества и позднейшего Московского уезда известны по данным археологических исследований с XII—XV вв., а по актам — с XV—XVI вв. Одно из них, расположенное на юго-западе от средневековой Москвы на Воробьевых горах, М. Н. Тихомиров считал бывшим владением Юрия Воробьева¹⁵³. В XV в. оно находилось в зоне боярского землевладения¹⁵⁴. Это село, будучи крупным великокняжеским владением, упоминается в актах начиная с лета 1451 г.¹⁵⁵ Интересно отметить, что в тексте духовной грамоты великой княгини Софьи Витовтовны, вдовы великого князя Василия I Дмитриевича, «село Поповское Воробьево» упоминается как ее «прикуп»¹⁵⁶. Характеристика села как «Поповское» свидетельствует против того, что именно это село ранее могло принадлежать московскому боярину Юрию Воробьеву. Еще одно Воробьево, находившееся в Угожской волости Звенигородского уезда, по данным 1503—1504 гг. располагалось на границе с Можайским уездом¹⁵⁷.

¹⁵⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 47, 100, 116, 225, 392.

¹⁵¹ АКР: Тверская область. Ч. 1. № 541—542. С. 249—250; и др.

¹⁵² С конца XV в. на службе в Москве также известен род Воробьевых. Из него происходит такой видный приказной деятель, как Г. А. Шемет Воробьев. Его брат Василий (Вассиан) Александров сын был митрополичим дьяком. Сведения источников не дают возможности связать их генеалогию с жившим в XIV в. Ю. Воробьевым. Данные актов позволяют установить, что они происходят из служилого рода Мотыкиных. Подробнее об этом см.: *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная Книга 7059—1550 г. Орел, 1911. С. 84; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ. 1971. Т. 87. С. 230; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 107, 108; *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI в. // ВИ. 1976. № 10. С. 112, 117. № 2; *Каиштанов С. М.* По следам троичских копийных книг XVI в. // ЗОР [ГБЛ]. 1979. Вып. 40. № 8. С. 57—58. Л. 49—50 [Список 1560-х гг.]; и др.

¹⁵³ *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 162—163.

¹⁵⁴ *Юшко А. А.* Феодалное землевладение Московской земли XIV в. С. 114. Рис. 25. С. 115.

¹⁵⁵ ДДГ. № 57. С. 176, № 61. С. 194 [Подлинники], № 68. С. 222 [Список 2-й пол. XV в.], № 89. С. 354 [Список нач. XVI в.], № 104. С. 433 [Список XIX в. с копии 1739 г.]. Об этом селе, например, см.: *Фехнер М. В.* Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // МИА СССР. 1949. № 12. С. 110; *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 14; *Кучкин В. А.* От столицы княжества — к столице независимого Русского государства // История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 1. С. 86, 87 (Карта); *Юшко А. А.* Феодалное землевладение Московской земли XIV в. С. 115; и др.

¹⁵⁶ ДДГ. № 57. С. 176.

¹⁵⁷ Расположенные здесь деревня Воробьево и селцо Михалково принадлежали Лева Олферову (ДДГ. № 96. С. 396 [Список нач. XVI в.]).

§ 3.9. РАТШИЧИ. Несомненно, что Акинф Великий, выехавший в числе прочих бояр на службу в августе 1304 г. к наиболее вероятному претенденту на великокняжеский стол во Владимире — тверскому князю Михаилу Ярославичу, был влиятельным и авторитетным лицом в Северо-Восточной Руси. Следствием этого стало то, что в отсутствие в Твери ее правителя именно Акинф возглавил местную рать, чтобы выбить москвичей из Переяславля Залесского. В походе его сопровождали родственники — зять Давыд¹⁵⁸, а также сыновья Федор и Иван. Этот факт свидетельствует о переходе из Городца на службу в Тверь не только Акинфа Великого, но и целой группы его ближайших родственников¹⁵⁹. Подобный случай, очевидно, отражал сложившуюся на Руси традицию¹⁶⁰. (Вспомним переезд в Радонеж бывшего ростовского боярина Кирилла, его семьи, родственников и некоторых соседей.)

Бой 1304 г. Акинфа Великого против князя Ивана I Калиты позднее оброс устной традицией, которая интересна своими интерпретациями этого события. Во второй половине XVI в. одна из них была зафиксирована письменно и нашла отражение в местнических делах между Бутурлиными и Квашниными¹⁶¹. Последние утверждали, что именно их предок убил Акинфа Великого. Правда, при этом семейная традиция Квашниных исказила произошедшие события с точки зрения хронологии. Квашнины утверждали, что соратником князя Ивана I Калиты был боярин Родион¹⁶². На самом деле, если верить этому рассказу, а не доверять ему нет оснований (по крайней мере, их местники Бутурлины

¹⁵⁸ Отметим, что в берестяной грамоте № 3, найденной в слоях рубежа XIII—XIV вв. — первой четверти XIV в. в усадьбе, находившейся в таком привилегированном районе Твери, как восточная часть Кремля, читается текст с упоминанием некоего Давыда: «со Давыдомо 3 тысяще» (*Лапшин В. А., Рождественская Т. В.* Новые находки берестяных грамот в Твери в 1996 г. // *ННЗ.* 1997. Вып. 11. С. 304—310; *Лапшин В. А.* Тверь в XIII—XV вв. С. 136). Этих данных, конечно, пока не достаточно, чтобы отождествить двух тверичей Давыдов, живших в одно время и служивших одному и тому же князю. В пользу этой версии отметим следующее. После смерти 27 VII 1304 г. великого князя Андрея Городецкого его бояре выехали на службу в Тверь к князю Михаилу Ярославичу, а «в Новгород влошла тѣѣричи намѣстники Михайловы силоу, и не прияша ихъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 92. Л. 154—154 об.).

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 368. Л. 317 об.; Т. 25. С. 393 (стр. 443).

¹⁶⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 52, 265.

¹⁶¹ Возможно, что впервые об этом Квашнины могли заявить в 1553/54 г., когда произошло местническое столкновение между Н. Д. Бутурлиным и А. И. Квашниным. На решение по этому делу начиная с 1575 г. в своих последующих спорах против Бутурлиных опирались Квашнины. Подробнее об этом см.: *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI—XVII вв. М., 1994. С. 50. № 110, С. 61. № 220, С. 95. № 543; *Он же.* Очерки по истории местничества в России XVI—XVII вв. М., 2009. С. 55, 63, 407. № 16 (543); и др. Данные местнические споры между двумя старомосковскими боярскими фамилиями нашли широкое отражение при содании частных списков разрядных книг (*Анхимюк Ю. В.* Частные Разрядные книги... С. 10, 44, 68, 75, 85, 131, 188, 189, 361—365, 419).

¹⁶² *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 51, 264—265; и др.

не отрицали его подлинность!), под Переяславлем Залесским должен был отличаться не Родион, а его отец Нестер Рябец.

Другая традиция, имеющая возможно переяславское происхождение, менее известна. Свою фиксацию она получила в подборке родословных материалов, приписываемых в XVII в. в качестве приложения к хронографам и летописям. Так, например, в одном из списков «Хронографа» 1617 г. отмечалось, что:

«От Акинфа повелѣся родъ боярскы же. Его же убилъ князь велики Васильевич Темной [так!], месяца июня въ 8 день, на память святаго мученика Оеодора Стратилата, и обитель того ради во граде в Преславли воздвигъ во имя великомученика Оеодора Стратилата. А убилъ его потому, что былъ его бояринъ Акинфъ Александровичъ [так!]. И нача на своего государя зло мыслити, и рать на его велию воздвигъ, и поиде противу его. Божиимъ же изволениемъ самъ убиень бысть»¹⁶³.

Таким образом, несмотря на фактические и хронологические ошибки, к событиям 1304 г. было приписано основание возникшего позднее Переяславского Федоровского монастыря¹⁶⁴.

О землевладении и службах боярина Ивана Акинфовича и его потомков, занявших после выезда в 1338 г. из Твери видное положение в Москве, хорошо известно¹⁶⁵. Версия Н. П. Петрова, считавшего его отцом боярина Андрея Кобылы, в историографии была утвердительно опровергнута¹⁶⁶. Однако вопрос о происхождении и степени знатности рода Ратшичей до начала XIV в. пока исследован не полностью.

Согласно родословным материалам Медоварцевского летописца 20—30-х гг. XVI в. и *Лет. ред.* 40-х гг. XVI в., в правление великого князя Александра Ярославича Невского «прииде из немец муж честен именем Ратша». У этого Ратши был сын Олекса, внук Гавриил и два правну-

¹⁶³ ОР РГБ. Ф. 178. № 4699. Л. 476.

¹⁶⁴ *Спроев П. [Н.]* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 693.

¹⁶⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 39—139, 481—482, 486—487, 506—507, 516—517; *Он же.* Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. С. 8, 14—15, 19, 28, 30, 32, 58—59, 66, 87, 90—91, 109—110, 112, 115, 122, 124, 133, 137, 138, 140, 146—147, 156, 164, 166, 188—191, 214, 221, 223—224; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 161—175; *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV—XVI вв. из архива Московского Чудова монастыря // РД. 1997. Вып. 2. С. 9—10, 11—12. № 2—3 [Список 1660 г.]. С. 12. № 3. С. 14. № 7 [Списки 1672 г.]; *Назаров В. Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III: Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 180—189; *Он же.* Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. С. 572—584; и др.

¹⁶⁶ *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 10—11; и др.

ка — Иван Морхиня и Акинф Великий¹⁶⁷. Версия *Рум. ред.* и *Комп. ред.* о происхождении Ратшичей отличается лишь одной деталью. У Ратши сыном указан не Олекса, а Якун. Именно он был отцом Олексы и дедом Гавриила Олексича¹⁶⁸. В этой редакции текст родословной Ратшичей был включен в состав Государева родословца 1555 г. и восходящим к нему спискам *Ред. в 43 главы с прип.*¹⁶⁹

Пропущенное одним из родословных источников колено все равно не может ввести в заблуждение относительно критической оценки достоверности времени появления Ратшичей на службе у великих князей владимирских. Очевидно, что Акинф Великий был убит нестарым человеком. По-видимому, в 1304 г. его сыновья Федор и Иван были еще довольно молодыми людьми. Они упоминаются в источниках вплоть до конца 40-х гг. XIV в.¹⁷⁰ По-видимому, их дед Гавриила Олексич жил во второй половине XIII в. Учитывая время политической деятельности великого князя Александра Ярославича, представляется маловероятным, чтобы служебные отношения этих двух людей могли тесно пересекаться. Более обоснованным выглядит предположение, что в роде Ратшичей видную роль в княжеской дружине во второй трети XIII в. играл другой представитель рода — Олекса Якунович. В любом случае, основатель рода — Ратша, конечно, не был современником великого князя Александра Ярославича. Скорее всего, он жил во второй половине XII в., а его сын Якун действовал в конце XII — начале XIII в.

Отсутствие в источниках упоминаний о Ратшичах во второй половине XII — XIII в. косвенно указывает на то, что этот род, по-видимому, первоначально не играл в жизни Северо-Восточной Руси такой заметной роли, как, например, потомки тысяцкого Бориса Жидиславича или Лазаря, «Всеволожа мужа». Это предположение в какой-то степени может подтвердить одно из известий Лаврентьевской летописи, сообщающей, что в 1210 г. великий князь Всеволод III Юрьевич отправил «с полкомъ Кузьму Ратшича, меченошу своего» войной на рязанскую волость «Тепру».

¹⁶⁷ Хорошкевич А. Л. Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеография. М., 1993. Ч. 1. С. 77. Л. 396; РИИР. Вып. 2. С. 57—58. Л. 615 об. Эта версия первых поколений Ратшичей отразилась в некоторых позднейших текстах родословных книг *Разр.* и *Патр. ред.* (Например, см.: ОР РНБ. О XVII. № 30. Л. 121; Родословная книга // ВОИДР. 1851. Кн. 10. Отд. 2. С. 169; и др.).

¹⁶⁸ РИИР. Вып. 2. Глава 14. С. 126. Л. 83; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 110, 123. В поздних списках родословных росписей потомков Ратши Якун иногда ошибочно записан как Якуб (Например, см.: Родословная роспись Мусиных-Пушкиных // Мусиных-Пушкины. Ярославль, 1996. С. 13).

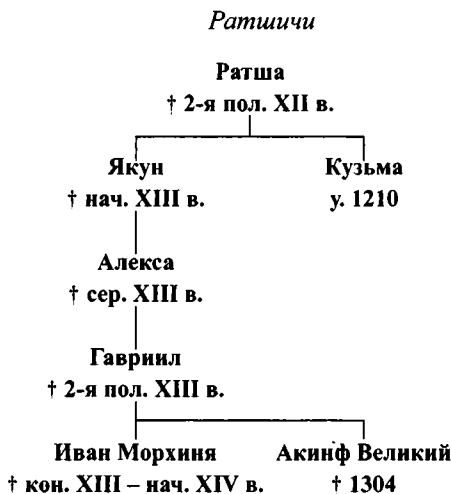
¹⁶⁹ БК. Ч. 1. С. 309; ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 166 об.; ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 191 об.; Q XVII. № 3. Л. 189 об.; и др.

¹⁷⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 53—54; Кузьмин А. В. Московский посол и наместник в Новгороде в середине XIV в. // ПННЗ, [1997 г.]. 1998. С. 53—56.

Воевода «взя» ее, очевидно, на левом берегу р. Ока, а затем «възвратися со многымъ полономъ в Володимерь»¹⁷¹. Не исключено, что в этом случае мог упоминаться один из сыновей Ратши. В пользу этой гипотезы говорит не только одно и то же отчество, но и возможное время жизни известного по родословцам сына Ратши — Якуна.

Приведенные выше сведения источников о Ратшичах, живших во второй половине XII — XIII в., можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.6*).

Схема № III.6

На Руси, по крайней мере с начала X в., княжеский меч являлся судебным символом. Наличие этой регалии у русских князей объединяло их с правителями Европы¹⁷². На миниатюрах Радзивилловской летописи, иллюстрирующих события XI — первой половины XII в., княжеский меч, несомненно, выступает как важная регалия светской власти¹⁷³. В начале XII в. меч также приобретает черты не только семейной реликвии, но и сакрального предмета. Меч начинает храниться в церкви над гробницей своего владельца¹⁷⁴.

На Руси от слова «меч» происходят две служебные должности. В домонгольское время их исполняли княжеские дружинники. Ими были меч-

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 435. Л. 148. О местоположении р. Тепры подробнее см.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 197, 207, 208, 215.

¹⁷² Подробнее об этом см.: Соболева Н. А. Знаки княжеской власти Киевской Руси // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 15—16; Она же. Очерки истории российской символики. М., 2006. С. 71.

¹⁷³ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск: М., 2004. С. 66—67.

¹⁷⁴ Соболева Н. А. Знаки княжеской власти Киевской Руси. С. 16; Она же. Очерки истории российской символики. С. 71.

ники и меченоши. Мечники или, как их еще называет 41-я статья Краткой Правды, емцы изначально играли важную роль в сборе дани и управлении княжеским хозяйством¹⁷⁵. К числу старших дружинников, т. е. наиболее знатному и привилегированному слою нетитулованной военно-служилой знати, сначала они не относились¹⁷⁶. Мечники входили в состав младшей дружины. В ней они занимали место ниже детских, но выше отроков, пасынков и паробков¹⁷⁷. Во второй половине XII — начале XIII в. при дворе правителей Северо-Восточной Руси служебные функции мечников стали расширяться. Так, например, мечник Михна в 1173 г. был послом ростовского великого князя Андрея Юрьевича в Киеве¹⁷⁸. Материальное состояние людей его служебного статуса в это время было уже достаточно высоким. Так, например, в последних числах июня — начале июля 1174 г. восставшие против княжеской администрации люди во Владимире «посадниковъ и тивуновъ домы пограбиша, а самѣхъ и дѣскиѣ... и мечники избиша, а домы ихъ пограбиша, не вѣдуше глаголемаго, идеже законъ ту и ѿбидь много»¹⁷⁹.

В связи с событиями 1174 г. интересно отметить, что в Северо-Восточной Руси еще в конце второй — начале третьей четверти XII в. за хранение меча мог отвечать ключник, входивший в число княжеских милостников. Повесть об убиении в Боголюбове ростовского великого князя Андрея Юрьевича отмечает, что лицом, имевшим прямой доступ к княжескому оружию, был участник заговора Кучковичей — ключник Амбал, «Гѣсинъ родомъ». 28 VI 1174 г. он вынес из княжеской «ложницы» меч, который ранее «бѣшетъ с(вѣ)т(а)го Бориса». Вместе с Якимом Кучковичем, Петром, Кучковым зятем, и другими заговорщиками Амбал Ясин участвовал в убийстве великого князя Андрея Юрьевича¹⁸⁰.

До перехода на службу к Андрею Юрьевичу материальное положение Амбала Ясина было незавидным. Кузьма Киянин напоминал ему после гибели великого князя: «... ѿ еретиче, оуже псомъ выверечи, помнишь ли Жидовине, въ которыхъ порѣтѣхъ пришесть бѣшетъ, ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ». На службе у Андрея Юрьевича Амбал Ясин «ключать держашеть оу всего дому княжа, и надо всеми волю ему далъ бѣшетъ»¹⁸¹.

¹⁷⁵ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 92—93.

¹⁷⁶ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 31—65.

¹⁷⁷ Подробнее об этом, например, см.: Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 202—207.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 572—573. Л. 203—203 об.

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 592. Л. 209.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586—589. Л. 207—208.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 590—591. Л. 208 об. Об этническом и религиозном происхождении Амбала Ясина также, например, см.: Kulik A. The Earliest Evidence of the Jewish Presence in Western Rus' // HUS. 2004—2005. Vol. 27. № 1/4. P. 16—17; Стефанович П. С. «Верность» в отношениях князя и дружины на Руси в XII—XIII вв. // ДРВМ. 2008. № 1 (31). С. 76.

Возможно, этот случай измены привел к тому, что уже в правление владимирского великого князя Всеволода III Великое Гнездо произошло изменение сложившейся традиции. По-видимому, под влиянием новых обстоятельств теперь за хранение меча ответственным было специально назначенное лицо — меченоша. Его статус был более высоким, чем у мечников. Меченоша мог быть воеводой и возглавлять княжеский полк, т. е. он относился к старшей дружине.

Возможно, что в первое время невысокий служебный статус или неместное происхождение Ратшичей объясняют молчание о них в источниках. В середине — второй половине XIII в. возвышению Ратшичей помогла политическая и служебная дифференциация знати. Она наметилась еще в 10—20-е гг. XIII в. в связи с дроблением наследства Всеволода III Великое Гнездо на отдельные княжества. Это явление не было новым для Владимиро-Суздальской Руси. Формирование князьями собственных служебных дворов и структур управления на местах возрождали структуру, которая в 70-е гг. XII в. была ликвидирована во время борьбы против Ростиславичей великими князьями Михалко и Всеволодом III Юрьевичами. В какой-то степени этот процесс в Северо-Восточной Руси усилило Батыево нашествие. В боях с монголами погибло много представителей как титулованной, так и нетитулованной знати. В таких условиях выжившие на полях сражений дружинники, связанные традиционными служебными отношениями с потомками великого князя Юрия I Владимировича, приобретали важный политический вес. Для них открывалась перспектива роста по службе, связанная теперь, правда, с еще большим риском, чем ранее, из-за опасных поездок в Орду¹⁸². Вероятно, одним из таких родов, выдвинувшихся на первые роли, могли стать Ратшичи.

Наиболее ранние упоминания о первичном составе земельных владений Ратшичей главным образом связаны с Переяславским княжеством и другими старинными волостями Владимиро-Суздальской земли¹⁸³. Поэтому можно предполагать, что их служебная карьера складывалась удачно вплоть до конца первой четверти XIV в. И лишь поражение правителей Твери в борьбе за ярлык на Владимирское великое княжение с прямыми потомками великого князя Александра Ярославича приводит к тому, что во второй трети XIV в. Ратшичи, спасая, очевидно, свой пошатнувшийся служебный статус, а возможно и земли, находившиеся на его территории, всем своим родом перешли на сторону победившей стороны. Этому вы-

¹⁸² Так, например, Плано Карпини отметил гибель от голода в 1246 г. многих бояр, которые сопровождали великого князя Ярослава Всеволодовича в его рискованной поездке в Монголию.

¹⁸³ Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории // Изв. 1945. Т. 17. С. 42—43; Он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 39—68.

воду не противоречит древность населенных пунктов, входивших в состав владений Ратшичей. Основание некоторых из них относится к домонгольскому времени¹⁸⁴.

§ 3.10. НИКИФОР ЛЫЧ. Во второй четверти XIV в. после возвращения Переяславского княжения в руки правителей Москвы далеко не все его вотчинники стали проводниками политики великого князя Ивана I Калиты и его ближайших наследников. О продолжении в XIV в. служебных отношений между переяславскими вотчинниками и правителями Твери наглядно свидетельствует судьба Никифора Лыча. В Бежецком Верхе ближе к осени 1371 г. во время борьбы за Владимирское великое княжение между великими князьями Дмитрием Ивановичем и Михаилом Александровичем московские воины «убиша наместника князя Михайлова Микифора Лыча», а затем они «по волостемъ Тферьскимъ грабили»¹⁸⁵. Социальный статус Никифора Лыча, удостоившегося внимания летописца, несомненно, был большой. Вряд ли можно сомневаться, что он был тверским боярином.

Несмотря на удаленность от указанных выше событий, писцовая книга владений Троице-Сергиева монастыря по Переяславскому уезду 1592—1593 гг. отмечает, что в данное время в Марининской волости Борисоглебского стана числилась «пуст., что была дер., Микифорово Лычово». Она имела «пашни паханные 3 чети, да пер. и лесомъ поросло 37 четьи въ поле, а въ дву потомужь, земля худа, лесу пашенного 3 дес., да непашенного кустарю дес.»¹⁸⁶. Не исключено, что в третьей четверти XIV в. эта деревня могла входить в комплекс владений тверского боярина Никифора Лыча.

§ 3.11. ЛЕВАШОВЫ. Подобно большинству старинных тверских боярских родов, Левашовы (Левашевы) и их многочисленные однородцы в XVI—XVII вв. относились к тому кругу знатных фамилий, которые лишь из-за незаконченности составления «Государева родословца» 1555 г. не были внесены в его состав. Их росписи, созданные к середине XVI в., встречаются в подавляющем большинстве списков частных редакций родословных книг, созданных в 60-е гг. XVI—XVII вв.¹⁸⁷ Тем не менее, несмотря на свою знатность и древность, в современной историографии

¹⁸⁴ Подробнее об этом, например, см.: *Киселев С. В.* Кузнецовские курганы // *СА.* 1936. Т. 1. С. 247—253; *Арциховский А. В.* В защиту летописей и курганов // Там же. 1937. Т. 4. С. 55; *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. // Там же. 1956. Т. 25. С. 162—163; и др. Эти исследования археологов А. А. Юшко не учла (ср.: *Юшко А. А.* Феодалное землевладение Московской земли XIV в. С. 102—111).

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 98. Л. 307—307 об.

¹⁸⁶ ПКМГ. 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 847.

¹⁸⁷ *Лихачев Н. П.* «Государевъ родословець» и род Адашевых. СПб., 1897. С. 8—9; *Мятлев Н. [В.]* Тысячники и Московское дворянство XVI ст. С. 12; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 11—13; и др.

род Левашовых еще не становился объектом специального исследования. Известны лишь отдельные наблюдения по генеалогии Левашовых¹⁸⁸.

Согласно ранней версии редакции родословной росписи этого рода, созданной во второй половине XVI в., их предок Василий Дол отъехал «из Немец» в Псков вместе со своей вотчиной — городом Гдовом. Из Пскова после крещения он отправился в Тверь на службу к великому князю Александру Михайловичу¹⁸⁹. Очевидно, эта легенда восходила к родословной, созданной в середине XVI в. Однако ее текст сохранился не полностью.

В Румянцевском списке конца XVI в. *Рум. ред.* из-за утраты одного-двух листов читается лишь незначительный фрагмент родословной росписи Левашовых. Он находится в конце текста 38-й главы («Род Шетневых»). Из-за механической потери текста в ее окончании читается текст, который должен был относиться к следующей главе. В результате этого механического дефекта роспись представителей младшей ветви рода Левашовых (речь идет о Сакмышевых, Хидыршиковых и Тюменевых) ошибочно стала окончанием родословной Шетневых¹⁹⁰.

В некоторых списках родословных книг XVII в., начиная с *Памр.* и *Комп. ред.* конца XVI в., в текст легенды о выезде предка Левашовых на службу из «Немец» на Русь было сделано небольшое добавление. Теперь в нем подчеркивалось, что, будучи еще в Пскове, Василий «поставил... церковь Василья Святаго, а у Тrepеховских ворот»¹⁹¹.

С хронологической точки зрения данная вставка в первоначальный текст родословной росписи Левашовых была сделана неудачно, потому что названия этих топографических объектов в Среднем городе Пскова упоминаются в источниках начиная лишь с последней трети XIV в. В XVI в. в узком смысле это был район «Старого Застенья»¹⁹². Тrepеховские ворота входили в состав городских укреплений. Последние упоминаются в источниках как *Новая стена на приступе*. По наблюдениям И. К. Лабутиной:

¹⁸⁸ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 519—549; Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная книга 7059—1550 г. С. 149; Зимин А. А. Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств... С. 134; Он же. Формирование боярской аристократии в России... С. 266, 279. Примеч. 93—94; и др. Вряд ли в этот круг можно включать работу И. Б. Михайловой, устранившей как от исследования истории рода Левашовых в XIII—XIV вв., так и какой-либо степени критической оценки сведений родословных источников (*Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI в.* СПб., 2003. С. 262).

¹⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 258 об.; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 104 об.; и др.

¹⁹⁰ РИИР. М., 1977. Вып. 2. С. 179. Л. 174—174 об.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 181. № 385/836. Л. 12 об.; Родословная книга. С. 118; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 104 об. (с вариантом — «у Тrepехов ворот»); ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 303 об.; Q XVII. № 3. Л. 87 (с вариантом — «у Тrepеховских ворот»); и др.

¹⁹² Голунова И. К. К топографии средневекового Пскова // СА. 1963. № 4. С. 103—114.

«Три костра, выстроенные в 1386/1387 г., как отмечено летописями, находились «на приступе», т. е. с напольной стороны новых укреплений. Сопоставление с данными о кострах, возведенных здесь в последующие годы, позволяет предположить, что три костра 1386/1387 г. были поставлены у проезжих ворот, называемых в источниках XVI—XVII вв. Великими, Трупеховскими и Петровскими... Эти костры не называются в известиях о строительстве последующих лет, между тем они обозначены на планах XVII и XVIII вв. и упомянуты в росписных списках XVII в. и годовой сметной книге 1655 г. Ни ворот, ни костров возле них не сохранилось. Современные ул. Советская, Октябрьский проспект и ул. Маркса передают общее направление улиц Великой, Трупеховой и Петровской, определивших места ворот в стене 1374/1375 г.».

Помимо этого, здесь

«...в 1396 г. в продолжение работ по укреплению приступной стены был поставлен *костер на Василиеве горке*. Василиева (Васильева) горка сохранила свое название до нашего времени. Происхождение названия связано с построенной на этой горке церковью Василия. Точная дата постройки церкви неизвестна; первое упоминание относится к 1376/1377 г., когда „Василья на горке подписа“ (П1Л). Васильева горка и церковь на ней располагались в непосредственной близости от стены 1374/1375 г., с внутренней стороны ее центральной части. Здесь же был поставлен костер... Руководителем строительства назван посадник Ефрем»¹⁹³.

Очевидно, что вставка в родословную роспись Левашовых о роли Василия Дола в строительстве Трупеховских ворот могла появиться не ранее второй четверти XVI в., когда представители старшей ветви этого рода получили поместья в Псковском уезде¹⁹⁴, и не позже начала 60-х гг. XVI в., когда ее представители были казнены в опричнину, а их семьи выселены отсюда на поместья в Рязанский уезд¹⁹⁵.

Легенда о выезде предка Левашовых «из Немец» на Русь вряд ли может заслуживать доверия. Очевидно, что в ней переплелись как фантастические факты (вотчина — город Гдов), так и реальные (возможное нахождение в Пскове одного из предков Левашовых после бегства сюда из Твери в составе свиты владимирского великого князя Александра Михайловича в конце 1327 г.), Гдов был основан и стал крепостью не позднее 1300 г.¹⁹⁶

¹⁹³ Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М., 1985. С. 35, 42 [Карта], С. 43, 45—47 [Врезка], 59.

¹⁹⁴ О судьбе представителей этой ветви Левашовых в XVI в. подробнее см.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 406.

¹⁹⁵ Кузьмин А. В., Пятнов А. П. Левашовы // БРЭ. 2010. Т. 17. С. 106—108.

¹⁹⁶ Кирпичников А. Н. Основание Гдовской крепости и этапы ее усовершенствования // Архитектурно-археологический семинар. СПб., 2001. С. 17—19.

Если обратиться к известным событиям начала XIV в., то, как и в случае с легендой Борисовых и Бороздиных¹⁹⁷, становится ясно, что родословное предание Левашовых недостоверно. Очевидно, что с точки зрения хронологии в случае событий первой трети XIV в. речь должна идти не о Василии Доле, а его внуке — Василии Михайловиче, или даже об одном из его правнуков. Они действительно жили в первой половине XIV в.

Учитывая время жизни предков Левашовых, можно предположить, что служебная деятельность боярина Василия Дола должна приходиться на время правления в Переяславском княжестве великого князя Ярослава Всеволодовича († 1246); а боярина Михаила Васильевича относиться к периоду правления в Твери владимирских великих князей Ярослава Ярославича († 1271) и Михаила Ярославича († 1318) соответственно. По источникам все эти князья известны как лица, управлявшие Тверской землей на вотчинном праве.

Среди упоминаемых в источниках бояр и представителей военно-служилого двора владимирского и переяславского великого князя Ярослава Всеволодовича известен всего один человек, носивший имя Василий. Зимой 1225/26 г. в составе княжеской дружины этот человек принял бой против семитысячной рати литовцев под городом Усвят в Подвинье. Согласно результатам археологических раскопок, данному населенному пункту в древнерусское время соответствует одно из трех городищ, расположенных вблизи от р. Усвячи (правый приток р. Западная Двина). Речь идет об урочище Юрьевы горы. Оно находится вблизи от современного поселка Усвяты (Велижского района Псковской области). Укрепления древнерусского города Усвяты в XII—XVI вв. находились на мысу, расположенном на западном берегу озера Усвят, т. е. с противоположной стороны от места, где р. Усвяча впадает в озеро. К нему примыкал обширный посад и синхронный по времени могильник. Расстояние между городом и устьем реки в настоящее время составляет всего 1,5 км¹⁹⁸. Удачное расположение крепости, контролировавшей два волока на р. Ловать и речной путь на озеро Ильмень, а также сильно пересеченная местность вокруг Усвята лишали противника возможности маневра, который бы позволял быстро и незаметно пройти мимо города. Согласно версии НЛ старшего извода, под Усвятами русские войска «отъймаша» у литовцев «всь полонь, а самехъ избиша 2000, а прокъ ихъ разбегашася». Однако во время боя с ними «ту же убиша князя Торопчъскаго Давыда и Василя, меченошу Ярославля»¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Кузьмин А. В. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества... С. 117—123.

¹⁹⁸ Еремеев И. И. Средневековый Усвят. Проблемы ранней истории // ННЗ. 1997. Вып. 11. С. 260—274.

¹⁹⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 64. Л. 102. О происхождении князя Давыда Торопецкого подробнее см.: Кучкин В. А. К биографии Александра Невского // ДГ СССР, 1985 г. 1986. С. 71—80; Кузьмин А. В. Торопецкая знать в XIII в. С. 63—71.

В отсутствие других лиц в окружении переяславского князя Ярослава Всеволодовича с именем Василий не исключено, что княжеский меченоша, погибший в зиму 1225/26 г. под Усвятами, и предок Левашовых Василий Дол предположительно могут быть одним и тем же лицом.

О службе Михаила Васильевича, сына Василия Дола, в известных в настоящее время источниках точных сведений нет. Лишь в родословцах отмечается, что у него был сын Василий Михайлович. Повидимому, его сыном мог быть живший также в первой трети XIV в. тверской боярин Иван Васильевич. О нем говорится в тексте легенды на печати № 436*, найденной на Торговой стороне Великого Новгорода. На лицевой стороне буллы читается надпись в пять строк: «ПЕЧА/ТЬ ИВ[А]НОВА В[АСИ]ЛЬѢВИЧА», а на другой: «ПЕЧА/Т[Ь] КН[АЗА] [ЖА] ВЛЕ[КС]АНДРОВА»²⁰⁰. Первоначально исследователи полагали, что упоминаемый источником боярин был наместником владимирского и тверского великого князя Александра Михайловича в Новгороде в 1326—1327 гг.²⁰¹ Правда, позднее В. Л. Янин фактически отказался от данной точки зрения. Поскольку печать Ивана Васильевича представляет собой довольно редкий тип и была найдена в культурном слое, датирующемся 1370-ми гг., В. Л. Янин решил, что булла № 436* относилась к этому времени и «принадлежала наместнику великого князя и в частности... копорским князьям». Этот вывод без какой-либо добавочной аргументации был поддержан некоторыми исследователями новгородских древностей²⁰². Однако с ним, учитывая сведения письменных источников и новые материалы по древнерусской сфрагистике середины XIV в., весьма сложно согласиться.

При анализе печати № 436* исследователи не обратили внимания на тот факт, что она была обнаружена в культурном слое тех лет, когда в Великом Новгороде в последний раз действовали великокняжеские наместники из Твери. В 1371 г. им был боярин Андрей, а в 1372 г. — Александр (по нашему мнению, их следует отождествлять с Андреем Григорьевичем — предком Нашокиных, Ветреных, Нагих и Собакиных²⁰³, и Александром Микуличем — предком Левашовых, Свечиных, Яхонтовых и др.²⁰⁴ соответственно).

²⁰⁰ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 172, 283, 409. № 436*.

²⁰¹ Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Алешковский М. Х. Новгородская экспедиция // АО за 1972 г. 1973. С. 46.

²⁰² Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. М., 1982. С. 209; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 3. С. 73; и др.

²⁰³ Кузьмин А. В. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества... С. 137—143.

²⁰⁴ См. об этом далее.

В связи с этой ситуацией интерес в Великом Новгороде к документу, который имел буллу предыдущего тверского наместника (№ 436*), в начале 70-х гг. XIV в. вполне объясним. В. Л. Янин отмечает, что в годы правления в Новгороде владимирских и тверских великих князей Михаила Ярославича и его внука Михаила Александровича менялись некоторые условия их соглашений с новгородцами. Так, например, последняя сторона была вынуждена отказаться от своих требований, запрещающих ежегодные поездки тверских князей в Старую Руссу. При этом они обязывались «предоставлять князьям право ежегодной осенней поездки» в этот город²⁰⁵. Возможно, что печать великокняжеского наместника Ивана Васильевича (№ 436*) могла скреплять грамоту, содержавшую текст с какими-то тверскими «новинами», которые не имели опоры в традиционной для Великого Новгорода «старине».

Данное предположение о времени создания буллы № 436* косвенно подтверждает найденная в северо-восточной части Царевского городища на р. Ахтуба, т. е. на территории Золотой Орды, еще одна уникальная древнерусская печать. Она обнаружена археологами в комплексе вместе с тремя джучидскими монетами середины XIV в. Наибольший интерес представляют сфрагистические особенности буллы, имеющие прямые аналогии с новгородской печатью № 436*. Прежде всего, речь идет о легенде на лицевой стороне: «ПЕЧА/ТЬ КНА[Ж]/А КОСТА[НТИНО]ВА». Надпись на булле из Царевского городища, как и на печати № 436*, также состоит из пяти строк²⁰⁶. По мнению исследователей, данная булла могла принадлежать одному из трех русских князей, которые, согласно данным древнерусских летописей, посещали Орду во второй — третьей четверти XIV в. Владелец найденной на Царевском городище печати, как полагают В. П. Лебедев и В. Б. Клоков, могли быть либо тверской князь Константин Михайлович, либо суздальский князь Константин Васильевич, либо ростовский князь Константин Васильевич²⁰⁷.

Сузить круг владельцев печати князя Константина помогает изучение ее палеографических особенностей, которые остались за рамками исследования В. П. Лебедева и В. Б. Клокова. Визуальное сравнение надписей на обеих печатях свидетельствует, что они выполнены весьма близ-

²⁰⁵ Янин В. Л. К истории взаимоотношений Новгорода с князьями // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9. С. 102—103.

²⁰⁶ Издатели легенды печати князя Константина опубликовали ее с некоторыми палеографическими ошибками. Поэтому при чтении легенды следует ориентироваться на фото лицевой стороны буллы (ср.: Лебедев В. П., Клоков В. Б. «Печать князя Константинова» с Царевского городища // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 128, 131. Рис. 3).

²⁰⁷ Лебедев В. П., Клоков В. Б. «Печать князя Константинова» с Царевского городища. С. 133.

ким друг другу поздним уставом, характерным для последней четверти XIII — XIV в. Поэтому можно утверждать, что создатели буллы, найденной на Царевском городище, а также печати № 436* трудились для одной и той же канцелярии. Данный вывод позволяет нам обратиться к рассмотрению генеалогических связей указанных выше князей и их отношений с Великим Новгородом.

Прежде всего, следует заметить, что среди названных выше князей лишь у представителя борисоглебской линии ростовских князей Константина Васильевича († 1365) не было родного брата по имени Александр, который мог бы иметь какие-либо условные права в Новгородской земле. Правда, известен его дядя — князь Александр Константинович. Он родился в 1286 г. от первого брака угличского князя Константина Борисовича († 1305) и княгини Фотинии († 1299). В 1293 г. князь Александр Константинович сел на княжение «на Угличе поле», сменив правившего здесь с 1288 г. князя Александра Федоровича († 1294), а в 1302 г. — женился. Вероятно, к 1310 г. князь Александр Константинович уже умер, так как с этого года в летописях начинает упоминаться лишь его младший брат — князь Василий Константинович (1291 — после 1316)²⁰⁸. Очевидно, единственным сыном князя Александра Константиновича был князь Юрий Александрович. Этот совладелец Ростова умер в 1320 г.²⁰⁹ Возможно, в память о родном дяде ростовский князь Константин Васильевич назвал одного из своих старших сыновей Александром († 19.6.1404). Будучи одним из соправителей в Ростове, этот Александр Константинович упоминается в источниках в 1375—1404 гг. О каких-либо союзных или служебных связях князя с Новгородской землей они не сообщают²¹⁰.

Суздальский князь Константин Васильевич был внуком великого князя Андрея Ярославича († 1264) и младшим братом владимирского и суздальского великого князя Александра Васильевича († 1332). В одной из статей, предшествующей Комиссионному списку НПЛ младшего извода (середина XV в.), отмечается, что после разгрома зимой 1327/28 г. Тверской земли русские князья «поидоша» в Орду. Здесь «Озбякъ поделилъ княжение имъ: князю Ивану Даниловичю Новгород и Кострому, половина княжения; а Суждальскому князю Александру Васильевичю

²⁰⁸ Подробнее об этом см.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 526—529. Л. 249—251 об.; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 29—30. Примеч. 113, С. 32—34, 36—37, С. 79—80, 130—132; *Кузьмин А. В.* Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII — первой половине XIV в. // ИКРЗ. 2000 г. 2001. С. 11—12; и др.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 530. Л. 252. Подробнее о нем см.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси... Т. 2. С. 29—30, 35—38, 40.

²¹⁰ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 399; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 537. Л. 259; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси... Т. 2. С. 50, 52. Примеч. 176. С. 53—54. Примеч. 179. С. 58—61.

дать Володимерь и Поволожье, и княжи полтьтретья году»²¹¹. Таким образом, Александр Васильевич напрямую не был связан с Новгородом и не держал здесь своих наместников.

В 1332 г. после смерти Александра Суздальское княжение унаследовал его младший брат Константин Васильевич, но уже без половины Владимирского великого княжения. В своих руках, включая нижегородские и городецкие волости, его полностью сосредоточил московский великий князь Иван I Калита. В конце 30-х гг. XIV в. в Нижнем Новгороде и Городеце на р. Волге, возможно, в качестве великокняжеского наместника находился князь Семен Иванович Гордый²¹². После смерти отца ему удалось в 1340 г. получить в Орде ярлык на Владимирское и Московское великие княжения. Однако там же у хана Узбека в 1341 г. суздальский князь Константин Васильевич получил ярлык на Нижний Новгород и Городец, где он «сede... на княжении на великомъ». Великий князь Семен Гордый не согласился с данным решением и при поддержке нижегородских и городецких бояр добился повторного рассмотрения своих претензий в Орде. Однако в 1342 г. при дворе хана Джанибека он проиграл суд. Правителю Суздальского княжения удалось не только подтвердить полученный ранее ярлык, но и получить в свои руки всех мятежных бояр. Таким образом, некоторые волости Владимирского великого княжения остались под властью Константина Васильевича²¹³. Благодаря этому после смерти 26 IV 1353 г. в Москве Семена Гордого он вновь стал претендовать на великокняжеский ярлык. Его притязания поддерживали бояре Новгородской земли. В Орду к хану Джанибеку они даже отправили своего посла — Семена Судокова²¹⁴. Однако и в этот раз в споре русских князей победил московский кандидат. Ярлык на великое княжение получил Иван II Иванович Красный. 25 III 1354 г. он торжественно въехал и сел на престол во Владимире. Его сопернику пришлось уступить. 21 XI 1355 г. Константин Васильевич умер в Нижнем Новгороде, так и не добившись в полной мере реализации своих политических замыслов²¹⁵. Отсутствие

²¹¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 469. Л. 12—12 об.

²¹² Подробнее об этом см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 96—97; *Будовниц И. У.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. С. 92; *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. // *Польша и Русь.* М., 1974. С. 241—242; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 217—218; и др.

²¹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54—55. Л. 276 об. — 277; Т. 35. М., 1980. С. 28. Л. 244, С. 46. Л. 38—38 об. Подробнее об этом, например, см.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // *Куликовская битва.* М., 1980. С. 35; *Klug E.* Novgorod: Gross-Novgorod und Nižnij Novgorod // *JGO.* 1985. Bd 33. H. 1. S. 93—94; и др.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 263. Л. 216 об.; Т. 6. Вып. 1. Стб. 432. Л. 370; и др.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63—64. Л. 283—283 об.

тесных и продолжительных контактов между великими князьями Александром и Константином Васильевичами и Великим Новгородом свидетельствует о том, что печать из Царевского городища, очевидно, также вряд ли могла принадлежать владельцу Нижегородско-Суздальского княжества.

Таким образом, найденная в Орде «ПЕЧА/ТЬ КНА[Ж]/А КОСТА/НТИНО/ВА», скорее всего, скрепляла документ, вышедший из канцелярии тверского князя Константина Михайловича. По-видимому, впервые он оказался в Новгородской земле в конце 1327 г. Скрываясь от ордынцев вместе с младшим братом кашинским князем Василием Михайловичем, князь Константин Михайлович нашел убежище в Ладог²¹⁶. Владелец Клинского княжества был правителем Твери в 1328—1337, 1339—1346 гг.²¹⁷ Учитывая близость по хронологии и палеографическим признакам надписи буллы из Царевского городища с печатью № 436* великокняжеского наместника Ивана Михайловича, можно предполагать, что, скорее всего, она была создана в первый период правления в Твери князя Константина Михайловича.

Сведения источников о первых трех поколениях предков Левашовых, сохранившихся в рукописи конца XVI в., весьма ценны, так как в ряде более поздних списков XVII в. они не всегда приводятся. В сокращенной версии легенды история Левашовых начинается лишь в XIV в. Теперь род происходит от боярина Василия, сына Михаила Васильевича²¹⁸.

Помянник Д. Н. Мисюря Левашова подтверждает, что один из предков Левашовых носил имя Василий. Этот источник также отмечает, что у него было по крайней мере три сына: Дмитрий, Викула и Игнатий²¹⁹. По-видимому, третьего из них можно отождествить с упоминавшимся ранее тверским наместником в Великом Новгороде. Это — боярин Иван Васильевич.

В поздней родословной росписи Левашовых, поданной 22 V 1686 г. в Разрядный приказ, отец Александра Леваша вместо Микулы был записан как Викула²²⁰. В связи с данными помянника Д. Н. Мисюря Лева-

²¹⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 98. Л. 165, С. 341. Л. 200—200 об. Подробнее об этом событии в летописях см.: Fennell J. L. I. The Tver Uprising of 1327 // JGO. 1967. Bd 15. S. 172—179.

²¹⁷ Подробнее о нем см.: Штыков Н. В. Тверь при князе Константине Михайловиче: внутренняя и внешняя политика // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 117—126.

²¹⁸ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 258 об.; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 104 об.; Родословная книга по трем спискам. С. 118, 187; Кузьмин А. В. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества... С. 155, 158; и др.

²¹⁹ ОР РГБ. Ф. 304/III. Л. 56.

²²⁰ РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. № 324. Л. 526. Подлинник родословной росписи Левашовых 1686 г. не сохранился. Все ее известные списки относятся ко второй половине XVIII в. Подробнее об этом см. в кн.: Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. С. 62, 66, 217. В генеалогическом справочнике и энциклопедических статьях В. В. Руммеля ошибоч-

шова наш первоначальный вывод о том, что это имя — ошибка переписчика²²¹, не подтверждается. В помяннике «Родъ Димитріа, Мисюринъ Левашева, твѣритина» вместо Микулы действительно записан Викула. Данный факт свидетельствует, что на определенном этапе редактирования своей родословной росписи кто-то из Левашовых обращался к текстам родовых помянников.

В начале XIX в. в «Общем Гербовнике» родословная легенда Левашовых приобретает новые сведения. Так, наконец, Василий Дол впервые приобретает свое немецкое имя — Христофор-Карл. Несмотря на свое позднее происхождение, именно эта пространная редакция о происхождении Левашовых стала упоминаться в справочных изданиях²²².

Возвращаясь к анализу имен помянника Д. Н. Мисюря Левашова, интересно отметить, что между именами Игнатия и Александра Микулича Леваша в нем упоминаются еще четыре лица — Василий, Михаил, Семен и Николай²²³. Вероятнее всего, они могли быть детьми Дмитрия Васильевича, записанного в помяннике ранее Микулы-Викулы и Ивана-Игнатия. Отсутствие женских имен в источнике не дает оснований видеть в этих лицах родственников Д. Н. Мисюря Левашова по женской линии.

Учитывая сведения источников о персональном составе тверского боярства второй половины XIV в., Александр Леваш может быть тождественен одноименному боярину, находившемуся на службе у тверского великого князя Михаила Александровича. Этот Александр, как и многими годами ранее Иван Михайлович, также был великокняжеским наместником в Великом Новгороде. 20 VII 1372 г. боярин Александр был участником заключения перемирия на два года между новгородцами и немецким купечеством²²⁴.

По предположению В. Л. Янина, великокняжеский наместник Александр может быть идентичен «участнику съезда 1371 г. в Нейгаузе Александру Колыванову»²²⁵. Однако такое предположение ошибочно. Оно противоречит известным сведениям источников.

Наши сомнения подтверждают следующие наблюдения. В иерархии главных представителей Новгородской земли, отраженной в перемирной

но упоминается Викула, а не Микула Васильевич (Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. С. 519; Руммель В. В. Левашевы // Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 17. С. 430; Он же. Левашевы // Энциклопедический словарь: Биографии. М., 1997. Т. 6. С. 587).

²²¹ Кузьмин А. В. Генеалогия тверского боярского рода Левашовых... С. 238.

²²² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. С. 519; Руммель В. В. Левашевы. С. 430; Он же. Левашевы. С. 587; и др.

²²³ ОР РГБ. Ф. 304/III. Л. 56.

²²⁴ ГВНП. № 42. С. 76—79; Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 2. С. 40.

²²⁵ Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 94.

грамоте 1372 г., наместник Александр занимает второе место. В акте он записан после местного владыки — архиепископа Алексея, но перед посадником Михаилом, тысяцким Матвеем и купеческими старостами Якимом и Федором²²⁶. Между тем Троицкая летопись (а вслед за ней и Рогожский летописец) отмечает, что на съезде послов 1371 г. новгородскую сторону представляли официальные лица в следующей последовательности: «Юрьи Ивановичь, посадникъ новгородский, Селиверсть Лентиевичь, Олисеи тысяцкои, Олександръ Колывановъ, Борисъ Конюшковичъ»²²⁷. Очевидно, что в этом перечне послов Александр Колыванов занимал подчиненное положение в отношении как новгородского посадника, так и тысяцкого. В иерархии послов оно совершенно не соответствует статусу великокняжеского наместника в Великом Новгороде, который представлял здесь фигуру своего сюзерена. Таким образом, предложенное В. Л. Яниным тождество наместника Александра с новгородским боярином Александром Колывановым выглядит весьма неубедительно. Этот вывод подтверждает еще одно свидетельство источников.

Ряд древнерусских летописей, восходящих к Новгородско-Софийскому своду середины XV в., сообщают, что в 1357 г. «на Югре» вместе с дружиной погиб новгородец Самсон Колыванов²²⁸. Это известие источников позволяет установить, что Самсон и Александр Колывановы могли быть родственниками. По-видимому, они являлись родными братьями. Новгородское происхождение Александра Колыванова прямо подтверждает Троицкая летопись. В ней отмечается, что в 1371 г. переговоры с немецкими послами из Ливонии вели «*бояре Новгородцкыя*» (курсив мой. — А. К.)²²⁹. Учитывая всю совокупность известий рассмотренных выше источников, в Александре Колыванове, конечно, следует видеть новгородского боярина, а не тверского наместника.

По родословным росписям у Александра Микулича Леваша известно два сына: Константин и Никита. Они стали основателями старшей

²²⁶ ГВНП. № 42. С. 76.

²²⁷ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 392. Близкий к этому текст имеет и восходящий к Троицкой летописи 1408/09 г. Рогожский летописец, переписанный в стенах Троице-Сергиева монастыря в 40-е гг. XV в. (ср.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 97—98. Л. 307). В более поздней НПЛ младшего извода, на которую ссылается В. Л. Янин, первоначальный текст летописной статьи 1371 г. подвергся сокращению. В частности, при редактировании протографа в НПЛ было опущено имя боярина Бориса Конюшковича (ср.: Там же. Т. 3. С. 371. Л. 222). Редакторские сокращения в НПЛ младшего извода В. Л. Янин оставил без внимания.

²²⁸ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 63; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 287. Л. 192; Т. 16. М., 2000. Стб. 87; и др. В четырех русских былинах Самсон Колыванов («Колыбаёвич», «Колыбанов», «Колывановицъ», «Колуван» и др.) предстает как один из известных богатырей (Марков А. В. Беломорская былина о походе новгородцев в Югру в XIV в. («Камское побоище») // Юбилейный сб. в честь В. Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. С. 150—162).

²²⁹ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 392.

и младшей ветви рода Левашовых соответственно. Первый из сыновей Александра Леваша может быть тождественен киличею тверского великого князя Ивана Михайловича — Константину. Он отличился тем, что в начале своей службы в 1400 г. вместе с другим известным тверским киличем, Федором Гурленем²³⁰, вынес из Орды своему сюзерену ярлык на Тверское великое княжение²³¹.

По данным родословцев, у К. А. Левашова было семеро сыновей: Василий — родоначальник старшей ветви рода, Иван, Константин, Матвей Сирота — предок дворянского рода Сиротиных, Андрей Свеча — предок дворянского рода Свечиных, Никита и Иван Яхонт — предок дворянского рода Яхонтовых²³².

Учитывая прозвище его четвертого сына, можно предполагать, что боярин К. А. Левашов был дважды женат, а трое младших его сыновей могли быть рождены во втором браке. В связи с этим интересно отметить, что в источниках до середины XV в. упоминаются лишь старшие его дети.

В. К. Левашов известен как боярин великого князя Бориса Александровича. По его приказу в конце декабря 1446/47 г. В. К. Левашов был назначен первым тверским наместником в Ржеве²³³.

По версии родословцев, боярин Иван Константинович отъезжал из Твери в Литву, очевидно в ВКЛ (вряд ли в 1485 г. вместе с тверским великим князем Михаилом Борисовичем, так как в 1470-е гг. боярами уже служат его племянники), где умер бездетным.

Его младший брат, К. К. Левашов, известен как дворецкий²³⁴. О службе в Твери К. К. Левашова сообщает «Слово похвальное» инока Фомы. В этом источнике он упоминается как боярин великого князя Бориса Александровича. По его приказу зимой 1446/47 г. К. К. Левашов вел переговоры с осажденными жителями Ржева²³⁵. По-видимому, должность дворецкого он получил значительно позже. Очевидно, признанием заслуг старших сыновей К. А. Левашова в подчинении этого города явилось назначение В. К. Левашова наместником в Ржев.

Приведенные выше сведения источников о предках старшей ветви Левашовых, живших в XIII — первой половине XV в., можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.7.1*).

---

²³⁰ О тверском киличе и землевладельце Федоре Гурлене подробнее см.: Кузьмин А. В. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества... С. 150—151. О киличах в Северо-Восточной Руси подробнее см.: Кузьмин А. В. О происхождении рода Аминевых // Государство и общество в дореволюционной России XV — начала XX в. СПб, 2007. С. 116—121.

²³¹ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 454.

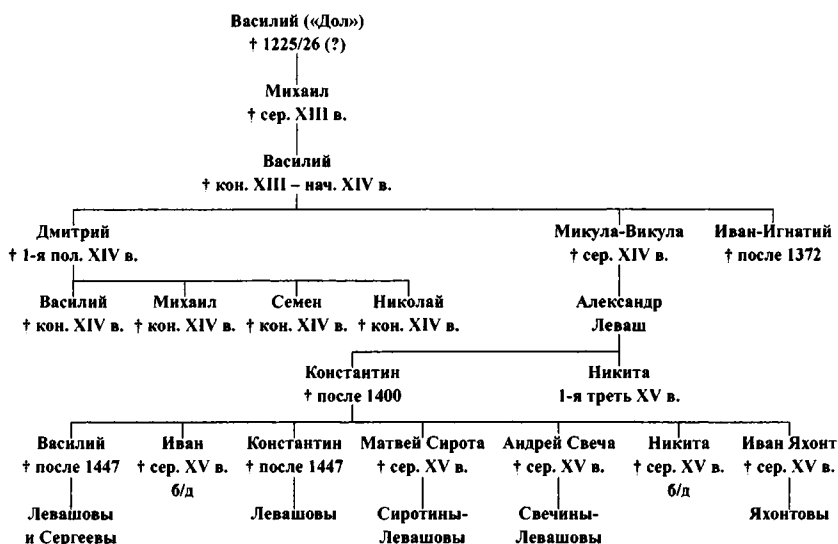
²³² О судьбе тверичей Яхонтовых на службе в Москве в XVI в. см.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 477.

²³³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493.

²³⁴ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 258 об.; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 104 об.; и др.

²³⁵ Инока Фомы «Слово похвальное». С. 122.

Левашовы, Сергеевы и Яхонтовы

Из этой ветви рода заметную роль в Тверском великом княжестве в правление великого князя Михаила Борисовича играл второй сын тверского дворецкого К. К. Левашова — Григорий Константинович. В 1470-е гг. в одном из земельных актов этот боярин выступает первым послухом. Речь идет о меновной грамоте Андрея Борисовича Микулинского и Андрея Федоровича Телятевского — тверских удельных князей²³⁶.

У Никиты Александровича, младшего брата К. А. Левашова, известно пятеро сыновей: Иван Ивач — предок дворянского рода Ивачевых, Степан Сакмыш — предок боярского и дворянского рода Сакмышевых, Федор Хидыршик — предок дворянского рода Хидыршиковых, Дмитрий Мисюр, отец княгини Евфросинии, жены князя Дмитрия Небогатого Голибесовского, и Тимофей Тюмень — родоначальник младшей ветви Левашовых²³⁷. Среди них наибольшего успеха на службе в Москве

²³⁶ АСЭИ. Т. 1. № 474. С. 359 [Список 1641 г.]; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 279. Примеч. 93. О генеалогии, положении и статусе тверских удельных князей в XIV — начале XVI в. подробнее см.: Экземпларский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси... Т. 2. С. 515—559, 640—643; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 106—113; Кучкин В. А. Права и власть великих и удельных князей в Тверском княжестве второй половины XIII—XV в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тверь, 2009. С. 224—226; Зинько М. А. Вотчина князя Василия Андреевича Микулинского (1530-е — начало 1540-х гг.) // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2011. № 3. С. 3—11; Она же. «Не человек, но Ангел Божий» // ДРВМ. 2012. № 1 (47). С. 73—78; и др.

²³⁷ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 258 об. — 260 об.; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 104 об. — 105; и др.

достиг Афанасий Иванович Сакмышев. В 1501—1509 гг. он упоминается как тверской окольничий. Интересно отметить, что его потомки в XVI в. служили по Клину, рядом с которым располагались владения и других представителей младшей ветви рода Левашовых²³⁸.

В источниках сохранились сведения о службе Федора Никитича Хидыршика Левашова тверскому великому князю Михаилу Борисовичу. В середине октября 1477 г. по приказу своего сюзерена, будучи сыном боярским, он был отправлен в Волок Ламский навстречу московской рати великого князя Ивана III Васильевича, шедшего в поход против Великого Новгорода. В задачу Ф. Н. Хидыршика Левашова входило обеспечение московских войск продовольствием на территории Тверского великого княжества на маршруте Волок Ламский — Микулин — Торжок²³⁹.

В помяннике Д. Н. Мисюря Левашова после имен его деда Александра Микулича Леваша и отца Никиты Александровича было записано еще шесть имен — Михаил, Георгий, Дмитрий, Иван, Иван и Герман²⁴⁰. Если в Дмитриии и Иване предположительно можно увидеть Дмитрия Мисюря и его старшего брата Ивана Ивача, то имена других лиц пока неясны.

После ликвидации независимости Тверского великого княжества большинство Левашовых, а также их младшие однородцы в 1485 г. перешли на службу в Москву²⁴¹. При этом лишь незначительная часть представителей тверской знати, вслед за великим князем Михаилом Борисовичем, отъехала в ВКЛ. Прежде всего, речь идет о некоторых сыновьях дворецкого К. К. Левашова. В первой половине XVI в. их ближайшие потомки вернулись на службу в Русское государство. Вместе с другими вернувшимися из ВКЛ в Русское государство потомками тверских бояр (Шетневыми, Зюзиными²⁴² и др.) они были испомещены в Суздальском уезде²⁴³.

Приведенные выше сведения источников о предках Левашовых, живших в XIII — первой половине XV в., можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.7.2*).

²³⁸ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 266; АРГ: АММС. 1998. С. 493.

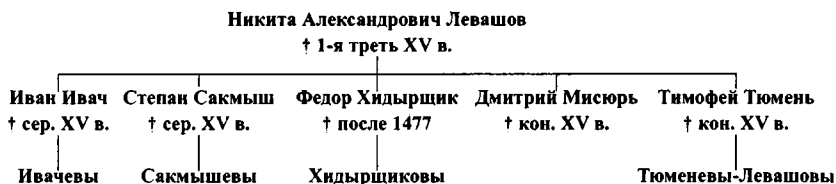
²³⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 255. Л. 522.

²⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 304/III. Л. 56.

²⁴¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 406—407, 477.

²⁴² Об их пребывании в ВКЛ и королевских пожалованиях, например, см.: РИС. 1842. № 1. С. 2—5, 33—36; Lietuvos Metrika. Knyga № 25 (1387—1546): Užrašymų knyga 25. Vilnius, 1998. № 101. P. 161—162.

²⁴³ Наиболее подробно их служебное положение и землевладение в Суздальском уезде в XVI в. изучено Н. К. Фоминым (*Фомин Н. К.* Писцовые книги Суздальского уезда 20-х гг. XVII в., как источник по истории землевладения. М., 1969. С. 100—102, 127—128, 215). Владения других тверичей (Борисовых-Бороздиных, Собакиных и их однородцев Нагих) появились в Суздальском уезде в связи с опричниной (Там же. С. 59—60, 148—151, 186—187).

Ивачевы, Сакмышевы, Хидырищиковы и Левашовы

В XVI в. Левашовы и их ближайшие родичи были тесно связаны с государевым двором, относились к верхам провинциальной знати и служили со своих родовых владений из Твери, Торжка, Кашина, Старицы и Клина, с поместий — из Суздаля, Пскова и Торопца, а с конца XVI в. также из Вологды, Ржева, Рузы и Рязани, с XVII в. — из Москвы²⁴⁴.

В XVI в. служба в ВКЛ и по другой территориальной корпорации в России нарушила родственные связи суздальских помещиков Левашовых со своими однородцами из Твери, Торжка, Старицы и Клина. Очевидно, именно этим можно объяснить неполноту сведений росписи о представителях рода Левашовых за конец XV — первую половину XVI в. Частично она была преодолена лишь в последней четверти XVII в. Поэтому персональный состав Левашовых за XVI—XVII вв. по-прежнему нуждается в дополнительном изучении. Эта задача осложняется опалой в 1560-е гг. на род Левашовых, Туровых и Яхонтовых из-за их родственных и служебных связей с окольничим А. Ф. Адашевым-Ольговым²⁴⁵. Очевидно, что в это время также могли быть утрачены некоторые важные документы семейного архива Левашовых и Туровых. Эта тема требует отдельного исследования.

Исследование персонального состава тверского боярского рода Левашовых также показывает, что А. А. Зимин совершенно напрасно видел в нем однородцев Шетневых, Зюзиных, Нашокиных, Нагих, Бибиковых, Якимовых, Панафидиных и Сназиных²⁴⁶.

²⁴⁴ Подробнее об этом см.: ТКДТ. С. 79. Л. 145 об. (Сакмышевы), С. 80. Л. 146 об., С. 98. Л. 163—163 об., С. 137. Л. 103 об., С. 153. Л. 115, С. 194—200. Л. 145 об. — 146, 147, 148, 149, 150 об., С. 228. Л. 164 об.; Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная книга 7059—1550 г. С. 149, С. 208—209, С. 261; Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. С. 50, 52. № 1, С. 53. № 3; Фомин Н. К. Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 90, 92, 93; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 97, 99; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 17; Кузьмин А. В., Пятнов А. П. Левашовы. С. 106—108; и др.

²⁴⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 110—111, 153, 180, 280, 355, 406—407, 458, 477.

²⁴⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 266.

§ 3.12. НАШОКИНЫ, ВЕТРЕННЫЕ, НАГИЕ И СОБАКИНЫ. По-видимому, к 1327—1338 гг. или чуть к более позднему сроку, исходя из сведений родословной легенды о Дмитрие Дмитриевиче («Нашоке») и тверских летописей о событиях второй четверти XIV в., стоило бы отнести отъезд из Твери на службу в Москву общего предка Алферьевых, Нашокиных, Безднинных, Ветреных и Ляпуновых²⁴⁷. Однако всего одно, но весьма важное обстоятельство, выявленное при чтении источников, не позволяет сделать столь поспешного вывода (к которому, впрочем, так некритично оценив данные поздних родословных источников, спешат некоторые исследователи²⁴⁸). Дело в том, что имя легендарного Дмитрия Нашоки, а также имена его сына Андрея и внука Григория совпадают с именами предков фамилий Нагих и Собакиных, также проживавших в Тверском великом княжестве в XIV в.²⁴⁹

Правильность последовательности имен первых представителей рода Нашокиных можно подтвердить с помощью сравнения текстов поминальных записей членов данной фамилии в синодиках и ее родословных росписях (см. *Таблицу № 3*).

Таблица № 3

Синодик Московского Архангельского собора в Кремле (список начала XVII в.)	Список А. Ф. Малиновского Патриаршей редакции родословных книг (список 2-й половины XVII в.)
<p>«Род казначеа и печатника Романа Олферьева да Михаила Безднина Олферьева:</p> <p>Дмитреа, Дмитреа, Андреа, Григоріа, Елеоуферіа, Філіппа, Льва, инока Еовфиміа, инока Васіана, иноков Еоуфимію, иноков Александрѣ, Дмитреа, Андреа, Феодора...»²⁵⁰.</p>	<p>«Род Олферьевых, Безднинных, Нашокиных, Ляпуновых:</p> <p>...И у Дмитрея сын Дмитрей же...</p> <p>А у Дмитрея Дмитреева сына Дуксова сын Ондреи. А у Ондрея дети: Григорей да Олферей...</p> <p>А у Григорья сын Григорей же. А Григорья Григорьева сына дети: Филип да Лев. А у Льва сын Юмран...</p> <p>А у Филипа Григорьева сына 3 сына: Олферей, да Федор, да Ондрей Орда»²⁵¹.</p>

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 185—185 об., № 173/278. Л. 367; ср.: Родословная книга. С. 197—198; и др. Эта одна из ранних версий происхождения фамилии Ляпуновых из рода Нашокиных В. Н. Козлякову, к сожалению, осталась неизвестна (*Козляков В. Н.* Род дворян Ляпуновых в XVI—XVII вв. // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 368—378).

²⁴⁸ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 21; Николаева Т. В. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 188; Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нашокин. Л., 1977. С. 18—19; Кобрин В. Б. Отпричина. Генеалогия. Антропонирика. М., 2008. С. 152; и др.

²⁴⁹ Ср.: РИИР. Вып. 2. Глава 37. С. 177. Л. 172.

²⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 218. № 1518. Л. 50—50 об.; см. также: Источники по социально-экономической истории России XVI—XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М., 1985. С. 234. Л. 33—33 об.

²⁵¹ РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 185—187.

По-видимому, выезд одного из предков Нашокиных на службу в Московское великое княжество мог произойти не ранее начала XV в., поскольку именно с этого времени начинается разница в именах предков Нашокиных, Нагих и Собакиных.

Между тем именно в первой четверти XV в. на землях Тверского княжества проходил новый этап борьбы за Кашинский удел. Он окончился временной победой великого князя Ивана Михайловича. В 1412 г. правитель Твери посадил своих наместников на княжении своего брата Василия²⁵². Правитель Кашина восстановил здесь свои позиции не позднее декабря 1414 г. Косвенные сведения об этом имеет запись 1415 г. писца на «Книге Кааф». Она была окончена «въ градѣ Кашинѣ м(е)с(я) ца геньварѣ въ 1, на памѣт(ь) иже въ св(ѣт)хъ ѿ(т)ца нашего Васильѣ Кесарѣвскаго, при бл(а)говѣрныхъ княз(е)и Васильи Михайлович(е) и Иоаннѣ Борисович(е)»²⁵³.

В это время в Кашине с таким же перечнем имен была налажена чеканка монет двух соправителей. Ее делал тот же резчик, что и более позднее деньги тверского великого князя Бориса Александровича²⁵⁴. В 1425 г., после смерти великого князя Ивана Михайловича, кашинские князья Василий Михайлович и Иван Борисович вновь заявили о своем независимом положении от Твери²⁵⁵. Однако на этот раз их политическая фронда продлилась недолго²⁵⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что из-за несогласия с внутренней политикой правителей Тверского великого княжества отъезды и переходы бояр из Кашинского удела на службу в Москву могли наи-

²⁵² Штыков Н. В. О внутренних конфликтах в Тверской земле в 1400—1406 гг. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. СПб., 2000. С. 45—46.

²⁵³ Цит. по изд.: Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII—XV вв. // *Palaeoslavica*. Cambridge; Massachusetts, 2003. Vol. 11. P. 22; см. также: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. № 25.

²⁵⁴ Мец Н. Д. Монеты удельного княжества Кашинского // КСИМК. 1956. Вып. 65. С. 55—63; ср.: Сотникова М. П. О денежном чекане удельного княжества Кашинского: (первая четверть XV в.) // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2000. С. 134—136; Она же. Деньги удельного Кашина (первая четверть XV в.) // Материалы и исследования Отдела нумизматики ГЭ. СПб., 2005. С. 120—130. Некоторое время чеканили свою монету и другие уделы Тверского великого княжества (Сотникова М. П. Деньги тверских уделов Дорогобужа и Микулина (первая половина XV в.) // Хранитель. Исследователь. Учитель. СПб., 2005. С. 135—145).

²⁵⁵ Кучкин В. А. О Тверском летописном материале в составе двух рукописных сборников // ПИ. 1961. Сб. 9. С. 347; Коняевская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова. С. 362. Л. 103.

²⁵⁶ ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 177. Л. 425 об. Подробнее об этом см.: Соловьев С. М. Соч.: В 18 т. М., 1988. Кн. 2. Т. 4. С. 410; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси... Т. 2. С. 535—536; Лурье Я. С. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 133. Примеч. 65; Попов Г. В. Кашинский чин и культура Твери середины XV в. // ДИ. 1977. С. 252—254.

более активно происходить в самом начале XV в., 1412—1414 гг. или после 1425/26 г.

В связи с этим важно отметить местоположение вотчин Нагих и Собакиных в Тверском княжестве. Часть из них находилась как раз на землях Кашинского удела. Здесь между 1444—1461 гг. сын боярина Григория Андреевича, Даниил Собака, «печаловался» великому князю Борису Александровичу о проданном сюзереном в Троицкий Калязин монастырь селе Спасском на р. Нерли²⁵⁷. В феврале 1447 г. он принимал участие в осаде Ржева. После ее окончания Даниил Григорьевич вместе с тверским боярином и воеводой Карпом Федоровичем тушил пожары на его посаде. Это случилось за день до торжественного въезда в Ржев великого князя Бориса Александровича²⁵⁸.

В 1460-е гг. боярин Григорий Данилович, сын Даниила Григорьевича, отдал в Калязин монастырь часть своих владений. В их число вошли деревни Серково и Ефимова, а также один луг²⁵⁹. Не исключено, что с деятельностью Олферия Григорьевича, старшего брата Даниила, могло быть связано появление в актах названия одной из пустошей (Олферьево). Вместе с другими пустошами и починками она тянула к старинному селу Спасское в Кашинском уезде²⁶⁰. До 1498—1502 гг. у Калязинской Троицкой обители оказалось и здешнее село Собакино²⁶¹.

Другая часть вотчин Нагих известна на территории собственно Тверского удела. В связи с этим интересно отметить, что, как и в случае со Спячими и Бабкиными, эти владения находились в том числе и в волости Суземье²⁶². Здесь до 1571 г. Нагим принадлежала старинная вотчина — село Глиницы, отданная затем И. Г. Нагим в Троице-Сергиев монастырь за обязательство обители поминать его предков²⁶³.

Потомки Даниила Собаки, как и их однородцы Нагие, были старинными вотчинниками Переяславля Залесского²⁶⁴. В конце XII — начале XIII в. этот город вместе с Тверью входил в состав Владимирского княжества. В первой трети XIV в. тверские великие князья контролировали Переяславль Залесский и его волости, когда Михаил Ярославич и его сыновья Дмитрий Грозные Очи и Александр Михайловичи получали ярлык

²⁵⁷ АСЭИ. 1964. Т. 3. № 127. С. 159 [Список конца XVII — начала XVIII в.].

²⁵⁸ *Инока Фомы* «Слово похвальное». С. 122.

²⁵⁹ АСЭИ. Т. 3. № 145. С. 168 [Список конца XVII — начала XVIII в.].

²⁶⁰ В 1504 г. время существования пустоши Олферьево было уже не менее 50 лет (АСЭИ. Т. 3. № 173. С. 188 [Список XVII в.]).

²⁶¹ АСЭИ. Т. 3. № 167. С. 179 [Запись из Описи архива монастыря 1726 г.].

²⁶² *Гомье Ю. В.* Замосковский край в XVII в. С. 145.

²⁶³ Этот вклад сопровождался подробным поименным списком представителей мужского и женского пола из рода Нагих (ОР РГБ. Ф. 304/1. № 821. Л. 17—17 об.).

²⁶⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 856; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. С. 150, 197, 217—218.

на Владимирское великое княжение. Вслед за Бороздиными Нагие и Собакины поддерживали связи с Троице-Сергиевым монастырем и тесно связанными с ним небольшими обителями. Авторитет последних редко распространялся за пределы своего региона²⁶⁵.

Предки Нащокиных, Нагих и Собакиных занимали в Твери видное служебное положение. Очевидно, что именно Андрей Дмитриевич, их общий предок, был тем самым наместником великого князя Михаила Александровича Андреем, который в 1370—1371 гг. находился в Великом Новгороде²⁶⁶. Пути внуков тверского боярина Андрея Дмитриевича, по-видимому, разошлись в результате конфликта в Кашинском уделе в первой четверти XV в.

Григорий Григорьевич, один из представителей рода, оказался в Москве. В 1445 г. упоминается его сын Филипп Григорьевич. В летописях он фигурирует как сын боярский верейско-белозерского князя Михаила Андреевича²⁶⁷. Служа Калитовичам, Ф. Г. Нащокин сделал хорошую карьеру. Согласно местнической памяти Нащокиных, на службе в уделе он стал «дворецкой». При этом Ф. Г. Нащокин держал в кормлении Белоозеро, Верею и «иные жалованья», а «Угорския волости» были отданы Нащокину «в путь»²⁶⁸. Последнее кормление могло быть осуществлено лишь тогда, когда Ф. Г. Нащокин перешел на службу к великому князю московскому — верховному правителю Печерской и Югорской земли²⁶⁹. Своевременный переход Ф. Г. Нащокина из удельного двора в великокняжеский помог карьере его наследников в Москве.

5 IX 1488 г. Алферей Филиппович, внук Г. Г. Нащокина, упоминался как наместник Московской трети великого князя Ивана III Васильевича²⁷⁰.

²⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 41. Л. 2 об., 14, 31, № 42. Л. 11, 14, 14 об., 23, 25, 27 об., 28 об., 29, 29 об., 30, 31, 31 об., 32, № 817. Л. 16; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 446; *Некрасов А. И.* Собор в Киржаче // ДИ. 1963. С. 219. Определенные отношения с Махришским Троицким монастырем поддерживал и род Нащокиных. Для поминания ряд его представителей также был записан в синодик этой обители (ОР РГБ. Ф. 711. № 31. Л. 7 об. — 8).

²⁶⁶ ГВНП. № 42. С. 74 [Список от 22.8.1371 г.], № 44. С. 79 [Подлинник]. Уточненную датировку обоих актов см. в кн.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. С. 92—93.

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 112; Т. 18. С. 192—193. Л. 398; и др.

²⁶⁸ Цит. по ст.: *Кобрин В. Б.* Из истории местничества XVI в. // ИА. 1960. № 1. С. 218. С. Б. Веселовский ошибочно полагал, что должность дворецкого Ф. Г. Нащокин занимал уже в 1445 г. (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 200; ср.: *Грязнов А. Л.* Двор Вереиско-Белозерских князей в 1389—1486 гг. // Кириллов. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 35—36).

²⁶⁹ О размерах Югры («Угорской волости»), времени ее подчинения Руси и пушном богатстве подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963. С. 45—121; *Кизилов Ю. А.* Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984. С. 114—116; *Хан Н. А.* Локализация Югры и ареалы обитания соболя // ВИ. 2006. № 11. С. 124—130; *Петрухин В. Я.* Югра: начало взаимодействия славянского и финно-угорского миров // Славянский альманах, 2006. М., 2007. С. 36—42.

²⁷⁰ РИБ. 1898. Т. 17. Стб. 127—128. Л. 139; АСЭИ. Т. 3. № 417. С. 425 [Запись за 15.1.1598 г.]; *Семенченко Г. В.* Управление Москвой в XIV—XV вв. // ИЗ. 1980. Т. 105. С. 206.

13 I 1495 г. А. Ф. Нашокин попал в число детей боярских двора великого князя, которые были должны сопровождать в ВКЛ великую княжну Елену Ивановну²⁷¹. В том же качестве А. Ф. Нашокин был назначен в число поезжан на свадьбу князя В. Д. Холмского и великой княжны Феодосии Ивановны. Она состоялась 13 II 1500 г.²⁷² До думного чина А. Ф. Нашокин не дослужился. Однако вряд ли можно утверждать, что в Москве служебные карьеры Ф. Г. и А. Ф. Нашокиных сложились неудачно. Очевидно, лишь поздний в сравнении со старомосковскими боярскими родами выезд на службу к великокняжескому двору, отчасти связь с уделом, но в большей степени — конкуренция со стороны титулованной знати во второй половине XV в. не позволили старшей ветви Нашокиных занять в думе Калитовичей прочные позиции.

Отъезд Григория Григорьевича на службу из Твери в Москву не был исключением из правил. В начале XV в., как показывают исследования С. З. Чернова, тверские землевладельцы на Волоке Ламском, служившие ранее холмским князьям и возводившие свои родословные к боярину Онуфрию, предку дворян Басенковых, Бреховых, Мижуевых, Щербининых, Окорочковых и Губиных, также оказываются на службе в Москве и ее уделах²⁷³. Однако далеко не все кашинские землевладельцы были такими активными противниками внутренней политики великого князя Ивана Михайловича.

Так, например, троюродные братья Ф. Г. Нашокина, напротив, остались в Твери. В раннем списке росписи Нагих и Собакиных (60-е гг. XVI в.) отмечается, что бездетный Григорий Данилович был младшим внуком Григория Андреевича²⁷⁴. Однако это не так. Уже в 1460-е гг. Г. Д. Собакин фигурирует в актах как боярин, тем временем как его брат Василий еще весной 1476 г. во время выезда из Твери на службу в Москву был лишь в числе детей боярских. Правда, среди них он занимал первое место. В летописном перечне тверских детей боярских В. Д. Собакин был записан ранее потомков фоминско-березуйских князей Василия Семеновича Бокеева и трех его двоюродных братьев Ивана, Федора

²⁷¹ Сб. РИО. 1892. Т. 35. № 31. С. 164.

²⁷² ДРВ. 2-е изд. 1790. Ч. 13. С. 4.

²⁷³ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. М., 1998. С. 89—99. О происхождении основных ветвей рода тверского боярина Онуфрия подробнее, например, см.: Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная Книга 7059—1550 г. С. 71, 94—95, 157, 259; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 132, 358, 422, 475; Он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 35, 77, 410, 436, 438—441, 505, 519; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). С. 130, 166; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России: (конец XV — XVI в.). М., 1977. С. 137. Примеч. 185, С. 141. Примеч. 209, С. 143, 149, 208; Он же. Формирование боярской аристократии в России... С. 21, 52, 154—155, 251, 252—253, 284, 285, 296, 306; и др.

²⁷⁴ РИИР. Вып. 2. Глава 37. С. 177. Л. 172 об.

и Семена Карповичей, а также Д. И. Киндырева. По своему служебному статусу в Твери В. Д. Собакин уступал лишь боярам Григорию и Ивану Жито, сыновьям боярина Никиты Ивановича Бороздина²⁷⁵.

Такой порядок старшинства между тверскими и кашинскими военно-служилыми родами, несомненно, сложился задолго до событий второй половины XV в.²⁷⁶ Он показывает, что представители первых поколений Нагих и Собакиных в период независимости Тверского великого княжества занимали первые места в думе местных князей Ярославичей²⁷⁷.

Еще Н. В. Мятлев, проанализировав сведения источников XV—XVI вв., заметил, что «Нагие — потомки видных Тверских бояр, могущих потягаться родовой честью с Бороздиными»²⁷⁸. Однако их поздняя родословная традиция второй половины XVI — XVII в. уже сильно зависела от правил местничества. Из-за этого, вопреки реальности, бездетный Григорий Данилович в росписях стал младше своего брата Василия. Обе ветви рода — Нагие и Собакины — не помнили или не хотели знать своего родства со старшей ветвью рода — Нашокиными и напрасно отрицали свое родство с захудавшими детьми боярскими Сназиными²⁷⁹.

Во второй половине XVI в. отсутствие достоверных знаний о ранней истории рода привело Нагих к созданию нелепой легенды о приезде на службу в Тверь их предка с немецким (sic!) именем Ольгерд и прозвищем «(В)прягай»²⁸⁰. Более поздняя традиция конца XVII в. имела уже но-

²⁷⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 252. Л. 515 об.; Т. 25. С. 308. Л. 433; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI ст. М., 1982. С. 60. Такой порядок старшинства между тверскими фамилиями отчасти сохранился и после их перехода на службу в Москву (*Назаров В. Д.* Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. С. 379—380).

²⁷⁶ Припоминание об определенном порядке мест в боярской думе во время правления в Твери великих князей Михаила Борисовича и Ивана Ивановича Молодого есть в местническом деле 1576 г. Василия Григорьевича Зюзина против Федора Федоровича Нагого (РИС. 1842. Т. 5. С. 1—5).

²⁷⁷ В связи с этим вряд ли следует соглашаться с характеристикой С. Б. Веселовского рода Собакиных как «дворянского» (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 308). Конечно, следует различать его служебное положение в XV, XVI и XVII вв., но при этом не стоит забывать, что его другая ветвь — Нагие — сумела сохранить свое влияние и положение при дворе Калитовичей (*Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С. 117. Примеч. 45).

²⁷⁸ *Мятлев Н. [В.]* Тысячники и Московское Дворянство XVI ст. С. 10—11.

²⁷⁹ В связи с этим интересно отметить, что в синодиках начиная со второй четверти XVI в. читалась вечная память «Ивану Иванову (с)ну Сназину Нагово», погибшему в 1524 г. в бою на р. Свияге против войск казанских татар (ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 62; *Конов С. В.* Синодология. Ч. 2 // ИГ. 1995. Вып. 6. С. 104. Л. 62). По-видимому, хорошо знали о происхождении Сназиных некоторые местники Нагих и Собакиных. В частных списках родословных книг в заголовке поколенной росписи этих фамилий можно встретить следующий текст: «Род Нагих и Собакиных, от них Свибловы да Снозины» (Например, см.: ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 122 об.).

²⁸⁰ Ср.: РИИР. Вып. 2. С. 177. Л. 172; РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 102 об., № 174/280. Л. 108 и РГАДА. Ф. 181. № 385/836. Л. 47, № 173/278. Л. 345; ОР РГБ. Ф. 205. № 180. Л. 124; и др.

вые детали. Ольгерд стал датчанином. За выезд на службу из Датской земли он не только был пожалован боярством в Твери, но и женился на тверской княжне — Ярославле Ярославне²⁸¹.

При этом однородцы Нагих — Нашокины — в то же время искали своего мифического предка Дмитрия Дукса по прозвищу «Величка» в Италии²⁸².

Не отличались единством взглядов на свое происхождение и Собакины. По их версии, Ольгерд был «немчин». При этом переход Нагих и Собакиных на службу в Москву произошел не в 1476 или 1485 г., как отмечают летописи, а в 1495 г.²⁸³ Без критической проверки эти данные в конце XIX в. вошли в генеалогическую литературу²⁸⁴.

Во второй половине XVI в. местники Нашокиных не знали об их тверских корнях. Они напрасно утверждали о захудалой службе ряда представителей Олферьевых (известной ветви этого рода) в Можайске. При этом проблема разного происхождения Олферьевых, однофамильцев из Твери (Верей и Можайска) и Суздаля (и Можайска), местников не волновала²⁸⁵.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 181. № 385/836. Л. 47. Отметивший сведения такой поздней родословной легенды Нагих, князь А. Б. Лобанов-Ростовский совершенно напрасно проигнорировал важность их критической проверки на достоверность (*Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга*. Т. 2. С. 1).

²⁸² По версии родословной легенды Нашокиных, предок их рода Дукс Величка приехал на службу к тверскому великому князю Александру Михайловичу († 1339) «из Немец из Наталинские земли». В Твери он крестился, став после крещения Дмитрием Красным. Здесь у него родился сын Дмитрий. В 1327 г. во время антиордынского восстания его ранили в щеку. Из-за этого Дмитрий получил прозвище Нашока (РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 185; № 173/278. Л. 367; ОР РГБ. Ф. 205. № 180. Л. 138—138 об.; и др.). Эта поздняя легенда не находит подтверждения в источниках. Ее литературные источники можно найти в летописной статье об уничтожении ханского посла Шелкала (Чол-хана) и его свиты в Твери в 1327 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42—44. Л. 269—269 об.; Там же. Т. 15. Стб. 415—416), а также в фольклорных текстах. Косвенное указание на источник заимствования информации об итальянском происхождении Нашокиных находится в послании Спиридона-Саввы. Здесь сохранился пассаж, что после Великого Новгорода и Пскова великий князь Александр «отступи на Мяделоимя», т. е. в Милан (Цит. по кн.: *Дмитриева П. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 167. Л. 115 об.). Еще в 1572 г. печатник Р. В. Олферьев-Нашокин ни об этой легенде, ни о происхождении своего рода из Твери не упоминал, гордо заявляя в местнической «памяти» царю Ивану IV Грозному: «Мы холопи твои искони, вешные ваши государевы холопи, ни у кого не служивали, кроме вас, государей!» (Цит. по изд.: *Кобрин В. Б.* Из истории местничества XVI в. С. 218). Специфика этого документа заставляла видного опричника скрыть происхождение рода из Твери. Тем не менее с точки зрения хронологии нет сомнений в том, что общий предок Нашокиных, Ордин-Нашокиных, Ветреных, Нагих, Безумовых, Собакиных и др. действительно должен был жить в конце XIII — начале XIV в.

²⁸³ РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 345.

²⁸⁴ *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Т. 2. С. 1, 228; *Мятлев Н. [В.]* К родословию князей Мстиславских // Сб. статей, посвящ. Л. М. Савёлову. М., 1915. С. 312; *Е. Л. Нагие* // РБС. 1914. Т. [12]. С. 11; *Корсакова В.* Собакины // Там же. 1909. Т.: Смѣловскій — Суворина. С. 26; и др.

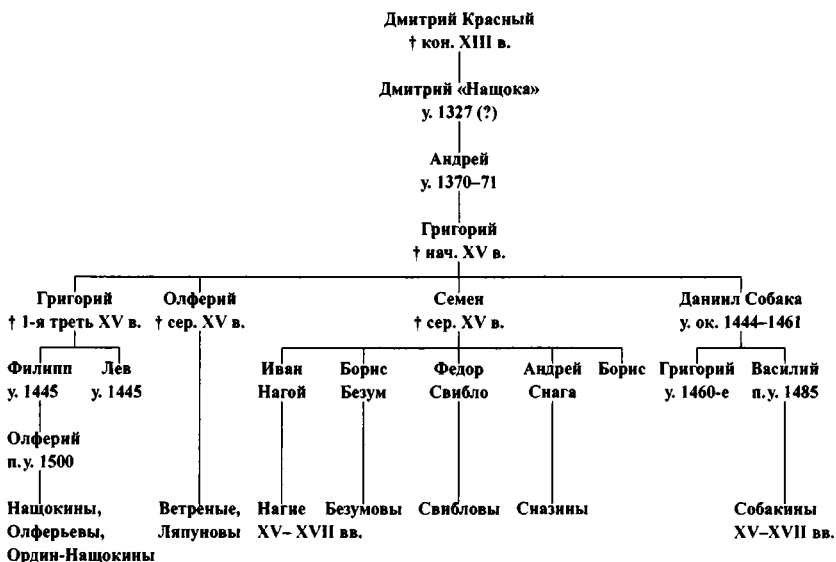
²⁸⁵ *Анхимюк Ю. В., Павлов А. П.* Местнический памфлет Алферьевых против «новых бояр» // АРИ. 2002. Вып. 7. С. 216. Примеч. 13.

Между тем данные актов дают основание предполагать, что Нащокины, Нагие, Собакины и их однородцы — потомки крупных вотчинников. Вероятно, их корни могли быть из Переяславля Залесского. Генеалогия Нащокиных известна с конца XIII в. В любом случае, в отношении XV в. характеризовать их как «старый род дворян московских князей» представляется неверно²⁸⁶.

Приведенные выше данные о предках Нащокиных, Нагих и Собакиных в конце XIII — XV в. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.8*).

Схема № III.8

Нащокины, Нагие и Собакины

§ 3.13. СЕМЕН ЯМА. В связи с отъездом предка Нащокиных на службу в Москву показателен итог политической карьеры другого боярина — Семена Ямы. Он служил тверскому и кашинскому великому князю Василию Михайловичу († 1368). В 1367 г., как специально подчеркивает местный летописец, Семен Яма за верность своему сюзерену попал в Твери в плен к ее новому правителю — микулинскому князю Михаилу Александровичу²⁸⁷. Судьба Кашина была решена в 1382—1383 гг., когда

²⁸⁶ Так, например, считал С. Б. Веселовский (*Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины*. С. 200).

²⁸⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 84. Л. 298. В Симеоновской летописи имя этого боярина опущено. Однако отмечается, что князь Михаил, «приехавъ изъ Литвы въ Тверь съ своею

здесь пресеклась местная династия. Город вновь вошел в состав владений тверских великих князей²⁸⁸.

По мнению В. А. Кучкина, возвращение Кашинского удела в состав Тверского княжества относится к осени 1383 г.²⁸⁹ Правда, правивший в этом уделе князь Александр Михайлович Ордынец († 1389) оказался здесь не ранее осени 1386 г., когда он возвратился в Тверь с ханским послом из Орды²⁹⁰. Не исключено, что отказ великого князя Дмитрия Донского от Кашина стал его уступкой в пользу великого князя Михаила Александровича. В ответ на это последний прекратил свою многолетнюю борьбу за ярлык на Владимирское великое княжение. Наиболее последовательные противники правителя Твери были вынуждены покинуть Кашин. Среди них оказался и Семен Яма. Он умер в изгнании — в Москве, где в 1386 г. был похоронен в Кремле «въ монастыри у святого Възнесения»²⁹¹.

§ 3.14. СКУДИНЫ. В начале XV в. некоторые кашинские бояре в борьбе с правителями Тверской земли пытались использовать династические права на нее представителей старшей ветви рода Ярославичей. Ими были правители Холма. Так, например, в 1407 г. «поиха со Тфери князь Юрий Всеволодичь на Москву, и съ Москвы поиде въ Орду; подмолви его Романъ Скудинъ»²⁹². Владения потомков этого боярина, как отмечают источники середины XVI в., располагались как раз в бывшем Кашинском уделе²⁹³. В середине XV — начале XVI в. за пределами Тверской земли Скудины известны как вотчинники в Нерехотской и Емецкой волостях и Сорохотском стане Костромского уезда (т. е. на территории бывшего Владимирского великого княжения!)²⁹⁴. В XVI — начале XVII в. они

ратью, и изнималъ княгиню Еремееву и княгиню Васильеву Елену, и ее всехъ бояръ, и бояръ дяди своего» (Там же. Т. 18. С. 106. Л. 193).

²⁸⁸ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси... Т. 2. С. 530—531.

²⁸⁹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 299.

²⁹⁰ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 431; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 444.

²⁹¹ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. С. 430; см. также: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 151—152. Л. 341; Т. 18. С. 136. Л. 269; Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 278. Примеч. 137. Известие о смерти Семена Ямы в Рогожском летописце и Симеоновской летописи восходит к Троицкой летописи. К сожалению, данный факт остался неизвестен Т. Д. Пановой (ср.: Панова Т. Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА. 1989. № 1. С. 223, 227, 232—233; Она же. Некрополи Московского Кремля. М., 2003; и др.).

²⁹² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 473.

²⁹³ АСЗ. 2002. Т. 3. № 311. С. 254 [Список 1635 г.]. В 1563 г. инок Феодосий (Скудин) упоминается как келарь одного из самых влиятельных московских монастырей (АФЗХ: Акты Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. № 135. С. 155 [Список XVII в.]). Его родственники продолжали проживать в Москве и в начале XVII в. (Гуришберг В. Б. Эпиграфические заметки // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 126).

²⁹⁴ Подробнее об этом см.: АСЭИ. Т. 1. № 138. С. 106, № 537. С. 413 [Списки сер. XVI в.], № 569. С. 448 [Список 1641 г.]; АРГ, 1505—1526 гг. № 65. С. 71 [Подлинник]; Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 290.

сидели на поместьях в Успенском Городенском погосте Водской пятины Новгородской земли, а в первой половине XVII в. — Шатурской волости Владимирского уезда²⁹⁵. Родословная роспись Скудиных неизвестна²⁹⁶. Разрозненные сведения в источниках пока не позволяют реконструировать их родословие хотя бы за XV в.

§ 3.15. БИБИКОВЫ И ЯКИМОВЫ. В конце XVI — начале XVII в. к роду Нагих и Собакиных пытались приписаться Бибиковы и Якимовы. Согласно некоторым спискам *Патр. ред.*: «А у Жидимера сын Дмитрей. А у Дмитрея сын Микула. А у Микулы дети: Федор Бибик, да Григорей, и от Григорья пошли Нагия да Собакины (курсив мой. — А. К.). Ищи в главах»²⁹⁷. Однако данная версия родства этих фамилий не получила распространения. В конце XV — XVII в. Нагие и Собакины не считали Бибиковых своими однородцами. Кроме того, далеко не все росписи Бибиковых в списках *Патр. ред.* и близкой к ней *Ред. в 81 главу* знают о своем родстве с потомками боярина Григория Андреевича²⁹⁸. Нет об этом данных и в росписи Бибиковых, поданной в Палату родословных дел²⁹⁹. Поэтому есть веские основания считать, что в конце XVI — начале XVII в. имела место их неудачная попытка приписаться к более удачливому, чем они, в служебном отношении роду³⁰⁰.

Несмотря на выявленный вымысел в родословной Бибиковых, стоит заметить, что по древности и происхождению это был такой же видный боярский род, как и предки Нашокиных, Нагих и Собакиных. Еще около 1504 г. «Переславским станом и волостем роз(ъ)-ѣздъ з Дмитровскими и съ Кашынскими станы и волостями», идущего от р. Нерли в сторону Ростовского рубежа, фиксирует за речкой Волинской на стыке Замытцкого стана и Большого стана волости Юлка «лѣс

²⁹⁵ Самоковасов Д. Я. Архивный материал: новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII ст. М., 1909. Т. 2. С. 51, 307—309, 354, 359; Давыдов Н. В. Шатурский край при царе Михаиле Федоровиче... С. 186—187. Л. 388 об. — 392 об. [Приложение 23]. С. 327—328; и др.

²⁹⁶ Буганов В. И. Разрядные книги...; Быčkova М. Е. Родословные книги...; Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в.; Ахмиков Ю. В. Частные Разрядные книги...; и др.

²⁹⁷ ОР РГБ. Ф. 205. № 180. Л. 144 об.; см. также: ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 332 об.; Родословная книга. С. 202.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 196—196 об., № 173/278. Л. 387—387 об.

²⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 42. Л. 1.

³⁰⁰ Нужно отметить, что существует и противоположная точка зрения на происхождение Бибиковых. Некоторые исследователи склонны считать их родственниками Нагих и Собакиных. Однако слабым звеном в данном случае является то обстоятельство, что они не проводили необходимого в таком случае текстологического сравнения текста росписи Бибиковых в составе разных редакций родословных книг (ср.: Зимин А. А. Из истории феодального землевладения в Волоцком удельном княжестве // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 71, 77; Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 293).

Жыдимерской»³⁰¹. Название этого географического объекта происходит от славянского имени Жидимир. Именно так звали предка Бибиковых и Якимовых. В связи с родословной последних важно также заметить, что в волости Чаглов Тверского уезда, где, как отмечено ранее, находилась часть владений потомков боярина Марка Демидовича, был и Федоровский монастырь. В 1539/40 г. ему принадлежали «дер. Позняковъ, и Сельцо тожъ, дер. Бибикова; пашни 18 четъи, сена 80 коп.; земля сер.»³⁰². Между тем известно, что старший внук Дмитрия Жидимировича носил прозвище Бибик, а его христианским именем было Федор. Такое сходство позволяет предполагать, что названия этих переяславских и тверских топонимов могли возникнуть в конце XIII и на рубеже XIV—XV вв., а своим появлением, по-видимому, они обязаны хозяйственной деятельности предков Бибиковых. Помимо этих названий географических объектов, внимание может представлять еще одно — деревня Бибиково, расположенная на левом берегу безымянного ручья, правого притока р. Нашига (левый приток р. Тьма). Она была основана к юго-западу от Торжка на территории Тверского княжения. Судя по материалам керамики, обнаруженной на древнерусском селище поблизости от современной деревни Бибиково, оно возникло в XIV в.³⁰³ По-видимому, ее владельцем мог быть сам Дмитрий Бибик или его сын Микула. Таким образом, не исключено, что Бибиковы, возможно, также происходили из среды вотчинников Переяславского княжества XIII в.

Бибиковы, как и многие другие служилые фамилии из Твери, полагали, что их род был иностранного происхождения. На практике — это не более чем дань генеалогической моде XVI—XVII вв. Любой профессиональный исследователь, в отличие от любителей³⁰⁴, вряд ли сможет заподозрить в носителе славянского имени Жидимир знатного ордынца. Время его жизни и службы позволяет установить уникальное известие источника, сохранившееся в составе Ростовского владычного свода начала XV в. В нем сообщается, что в 1314 г. «оженися князь Феодор Михайлович, оу Дмитрия Жидимирича»³⁰⁵.

Федор Михайлович — это известный правитель Белозерской земли и внук князя Глеба Васильковича († 1278). По женской линии он был племянником ярославского князя Давыда Федоровича († 1321). Благодаря тексту одной из новгородских грамот можно узнать, что около 1299/1300 г. (вероятно, после смерти князя Довмонта-Тимофея. — А. К.) «князь великий Андрѣи и всь Новгородъ дали Федору Михайловицу

³⁰¹ ДДГ. № 94. С. 376—377 [Список XVI в.].

³⁰² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 257.

³⁰³ АКР: Тверская область. Ч. 1. № 1068 (156). С. 408.

³⁰⁴ См., например: *Ровенский Г. В., Бибиков Н. Г.* Родословная Бибиковых. Фрязино, 1996. С. 6. № 1.

³⁰⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 529. Л. 251—251 об.

городъ стольныи Пльсковъ», где «онъ едь хлѣбъ». После неудачного управления Псковом, грабежа новгородского села и смерти своего сюзерена, великого князя Андрея Городецкого († 1304), князь Федор Михайлович примкнул к Михаилу Ярославичу Тверскому, новому владельцу ярлыка на Владимирское великое княжение. Однако, вероятно, уже между 1306—1307 гг. новгородцы потребовали у Михаила, чтобы «тобѣ, княже, не кърмити его (т. е. князя Федора. — А. К.) новгородскимъ хлѣбомъ, кърми его у себе; а на селѣхъ его куны ему даемъ»³⁰⁶. Очевидно, это требование было выполнено. Позднее в связи с событиями в Новгородской и Псковской землях князь Федор Михайлович в источниках больше никогда не упоминался.

Несомненно, Михаил Ярославич был заинтересован в поддержке своих действий на Руси со стороны князей, особенно тех из них, которые правили в Ростовской земле. Ведь они были в родственных отношениях не только с великим князем, но и ордынской знатью. Брак князя Федора Михайловича на дочери Дмитрия Жидимировича, боярина Михаила Ярославича, должен был усилить союз между Тверью и Белоозером накануне важного военного столкновения с Москвой³⁰⁷. Имя и отчество отца невесты, вышедшей замуж за князя Федора Белозерского, совпадает с именами деда и прадеда Федора Микулича Бибика. Следовательно, есть веские основания видеть в упомянутом летописью Дмитрие Жидимировиче предка Бибиковых и Якимовых. Это тождество лиц можно подтвердить и с точки зрения хронологии.

Итак, если принять предложенную выше идентификацию лиц, то получается следующая хронологическая цепочка: боярин Жидимир жил во второй половине XIII в. Его сын Дмитрий действовал в конце XIII — первой трети XIV в., причем в 1314 г. у него уже была взрослая дочь. Тогда оказывается, что Дмитрий Жидимирич — младший современник одного из предков Бороздиных — боярина Гавриила Юрьевича, а также современник предка Нащокиных, Нагих и Собакиных — Дмитрия Красного. Следовательно, сын Дмитрия Жидимирича — Микула должен был служить в Твери во второй трети — середине XIV в., его внуки Федор Бирик и Григорий Микуличи — в конце XIV — начале XV в., а правнуки — в середине XV в. Достоверность такой хронологической «сетки» должны подтверждать источники XV в.

Согласно росписи Бибиковых: «А у Микулы дети: Федор Бирик да Григорей. А у Федора Бирика дети: Василей да Давыд». Из них — Д. Ф. Бирик уже служил в Москве. 5 III 1464 г. он приехал в Псков править «по-

³⁰⁶ ГВНП. № 8. С. 18 [Подлинник].

³⁰⁷ Об этом также см.: Кузьмин А. В. Генеалогия ростовских князей XIII — середины XIV в. // ИКРЗ, 1999 г. 2000. С. 115—116; Он же. Новые данные о родословии ростовских и белозерских князей в XIII — первой половине XIV в. С. 17.

сольство... от великого князя» Ивана III Васильевича³⁰⁸. У Давыда по родословцам были дети: Василий, Афанасий, Даниил Борода и Игнатий³⁰⁹.

До 14 X 1477 г., накануне похода на земли Великого Новгорода, волоцкий князь Борис Васильевич († 1494) составил завещание. В нем правитель удела обязался вернуть местным вотчинникам насильственно отнятые у них села, в том числе «и оу Ивана оу Бибикова, и оу Давыдовых дети Бибикова, оу Васил(ь)а и оу Володи, их *отчины*, и *тѣ* их села им и есть, ... а они *вѣдают* свои *отчины* по старинѣ»³¹⁰. Благодаря сведениям этого источника можно выяснить, что у Федора Бибика был еще один сын Иван, а также внук Владимир Давыдович, чье имя для поминания записано в синодик Иосифо-Волоколамского монастыря³¹¹. Данных лиц нет в росписях Бибиковых. Это косвенное указание на то, что протограф данной редакции еще не существовал в первой половине XVI в. Росписи Бибиковых нет в наиболее ранних списках «приписных» глав родословных книг. По-видимому, ее архетип действительно был создан лишь в связи с возвышением этого рода в период опричнины³¹². Итак, сведения источников о Бибиковых XV в. наглядно указывают на то, что предложенная ранее хронологическая сетка времени жизни первых поколений этого рода имеет право на существование.

Наши наблюдения совпадают с точкой зрения С. З. Чернова. Исследователь, изучая землевладение Бибиковых на Волоке Ламском, пришел к выводу, что «земли в Издетемле, были получены именно Федором Бибицом в конце XIV или первой трети XV вв., после его перехода на службу к московским князьям, а, возможно, и вследствие этого перехода»³¹³. Точное время этого события С. З. Чернов не определил, хотя и отметил, что благоприятная для этого обстановка сложилась «на рубеже XIV и XV вв., когда московско-тверские войны ушли в прошлое». Земли Волока Ламского граничили с территорией Холмского удела Великого княжества Тверского. На примере изучения судьбы потомков боярина Онуприя исследователь сделал предположение, что холмские служилые люди в связи с временными отъездами своих сюзеренов («соответственно в 1397/1398—1400 и 1407—1408 гг.») нашли в Москве «место при дворе» или «получили вотчины на Волоке и служили с них великому князю. При этом они сохранили и некоторые свои тверские вотчины, оставши-

³⁰⁸ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 158. Л. 111—111 об. С. З. Чернов, не обратив внимания на сообщение этого источника, тем не менее предполагает, что «Давыд и Иван Бибиковы жили в середине — третьей четверти XV в., а сам Федор Бирик — в первой трети XV в.» (Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 292).

³⁰⁹ РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 196; Родословная книга. С. 202; и др. (ср.: Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 290—292).

³¹⁰ ДДГ. № 71. С. 251 [Подлинник].

³¹¹ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561. Л. 8.

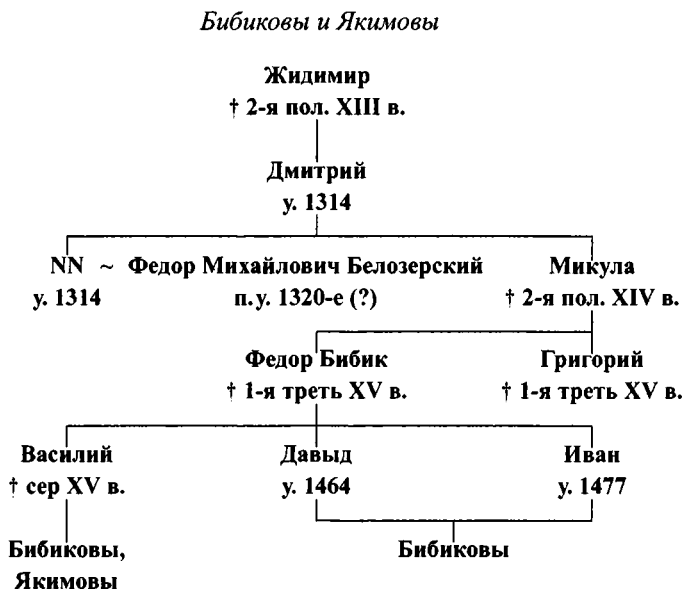
³¹² Бычкова М. Е. Родословные книги... С. 74.

³¹³ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 293.

еся за их потомками вплоть до XVI в. Вероятно тогда же на реке Лобь в Издетемле обосновались и тверские выходцы Бибиковы»³¹⁴. Не отрицая такой возможности, все же заметим, что в этом случае С. З. Чернов не учел еще одну конфликтную ситуацию, которая была в Тверском княжестве. В 1400—1425 гг. здесь с переменным успехом шла борьба между верховым правителем Твери Иваном Михайловичем и его младшим братом — кашинским князем Василием. В это время владения Бибиковых в Тверском княжестве находились на территории разных уделов. Поэтому не исключено, что их выезд на службу в Москву мог произойти не только в конце XV — начале XVI в. в связи с поражением правителей Холма в борьбе за ярлык на Тверское великое княжение, но и гораздо позже — во второй четверти XVI в.

Приведенные выше сведения о представителях рода Бибиковых за XIV—XV вв. можно свести в следующую генеалогическую схему (см. *Схема № III.9*).

Схема № III.9

Незнание или слабое представление о своем древнем происхождении было характерно не только для потомков видных бояр, но и для выходцев из средних служилых родов. Примером тому служат Кореевы и Ельчины.

§ 3.16. КОРЕЕВЫ. В XIV в. в Твери, так же как и в Москве, была хорошо налажена посольская служба. Важное место в политике правите-

³¹⁴ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 306—307.

лей Твери занимали отношения с Ордой. От умения киличеев отстаивать их интересы и добиваться ярлыка на княжение в середине XIV — начале XV в. порой зависела судьба старейшего стола в Твери. Зная это, местные летописцы фиксировали наиболее важные поездки послов и киличеев в Орду. Так, например, в 1358 г. Рогожский летописец отмечает, что великий князь Василий Михайлович послал «Григорьчука да Кореева въ Орду» для дела против своего старшего племянника князя Всеволода Александровича Холмского († 8 I 1366). Более поздняя Никоновская летопись называет второго киличея Кореем. Такого чтения источника придерживались В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин³¹⁵. Киличеи хорошо здесь справились со своей задачей: «Царь и царица выдали князя Всеволода и мисюрь привель его во Тферь въ тяготе и выдалъ князю Василью. И бышесть отъ князя Василья князю Всеволоду томление велико и бояромъ и слоугамъ продажа данная велика, тако же и чернымъ людемъ»³¹⁶. Однако пройдет немного времени и победит противная сторона в лице брата покойного Всеволода — князя Михаила³¹⁷. Отъехать из Кашина придется не только Семену Яме, боярину великого князя Василия Михайловича, но и Корею, киличею бывшего правителя Твери и Кашина. По-видимому, в связи с этим владения Корея были конфискованы. По крайней мере, в первой трети XV в. они уже некоторое время находились в числе владений великокняжеской семьи. Позднее, между 1444—1461 гг., ее представитель — Борис Александрович пожаловал игумена Макария из Троицкого Калязина монастыря «и его братию, дал есми им село Кореевское Боярское з двема пустоши»³¹⁸.

Семья киличея Корея не затерялась на Руси. Опытный специалист по связям с Ордой был востребован в другом великом княжении — Рязанском. Вероятно, именно его сыном был Епифан — боярин, доверенное лицо Олега Ивановича († 1402). Как известно, летом 1380 г. перед Куликовской битвой именно Е. Кореев ездил в Орду договариваться о военно-политическом союзе между ханом Тюляком, темником Мамаем и правителем Рязани³¹⁹.

Правда, недавно в достоверности миссии Е. Кореева по версии Пространной редакции летописной повести о битве на р. Дон усомнился А. В. Лаврентьев. По его мнению, «столь же „литературна“ и фамилия

³¹⁵ Татищев В. Н. История Российская. М., 1965. Т. 5. С. 109; Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 327. Примеч. 379.

³¹⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67. Л. 285 об.

³¹⁷ Подробнее об этом см.: Fennell J. L. I. The emergence of Moscow 1304—1359. L., 1968. P. 225—239.

³¹⁸ АСЭИ. Т. 3. № 126. С. 159 [Список конца XVII — начала XVIII в.].

³¹⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 456. Л. 388 об. — 389. Этот сюжет нашел отражение в 11-й миниатюре на л. 10 об. Лондонского лицевого списка «Сказания о Мамаевом побоище» (Дмитриев Л. А. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 160. Вклейка. Рис. 2).

боярина». Ссылаясь на исследования М. А. Салминой, А. В. Лаврентьев видит в «противостоянии московского и рязанского князей Летописной повести... литературный отголосок этой борьбы», причем в этом случае «речь идет только о „распределении“ исторических прототипов между Василием II и Шемякой». Среди них находится место и Е. Корееву — литературному, по мысли А. В. Лаврентьева, прототипу реального рязанского аристократа — Епифана Давыдовича, чашника великого князя Ивана Федоровича (1427—1456)³²⁰.

Эта точка зрения А. В. Лаврентьева вызвала возражение А. К. Зайцева. Отметив известие за 1358 г. о киличее «Корееве» (Корее?) из Рогожского летописца 40-х гг. XV в., исследователь поставил под сомнение верность выводов А. В. Лаврентьева о литературном происхождении Е. Кореева. Учитывая данные летописца, оставшиеся, кстати, неизвестными А. В. Лаврентьеву, А. К. Зайцев справедливо заметил, что «отрицать решительно факт реального существования Епифана Кореева нельзя»³²¹. Кроме того, он убедительно показал ошибочность тезиса А. В. Лаврентьева, считающего мифом пребывание московских наместников в Переяславле Рязанском в 1380 г.³²²

Реальность проживания в конце XIV — первой половине XV в. в Рязанской земле потомков тверичей Кореевых дополнительно можно подтвердить информацией, запечатленной в названиях местных географических объектов. К данным топонимики уже обращался А. В. Лаврентьев. Тем не менее его методика исследования объектов прошлого вряд ли может полностью устроить, так как она оказалась выборочной. А. В. Лаврентьев сосредоточил внимание на существовании топонимов, образованных в Рязанской земле лишь от имени Епифан, — «Епифанов луг», «Епифаново болото»³²³. Не берусь в данном случае полемизировать с исследователем по поводу того, насколько справедливым следует считать название Епифань (слово женского рода) отражением имени чашника Епифана Давыдовича (слово мужского рода). Однако замечу, что названия географических объектов, образованных от имени Корей и фамилии Кореевы, А. В. Лаврентьевым учтены не были. Между тем, их можно отыскать не только в Тверском, но и Рязанском княжестве.

Так, например, в середине XV в. в жалованной льготной с отводом грамоте великого князя Ивана Федоровича (1417/1427—1456) своему

³²⁰ Лаврентьев А. В. К истории Верхнего Дона в XIV—XVI вв. // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999. С. 40—72.

³²¹ Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 2. С. 41. Примеч. 48.

³²² Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побоище»... С. 43. Примеч. 54.

³²³ Лаврентьев А. В. К истории Верхнего Дона в XIV—XVI вв. С. 40—41.

боярину Григорию Давыдовичу (одному из предков дворян Таптыковых) на «вотчину его же селы Козловым, да Чемровым, да Ерьмоловским, да Глебковым» к юго-востоку от Переяславля Рязанского упоминается Кореевская дорога. Она шла по направлению к Орде: «...да вниз Сынок-ва по иву, от ивы по могилища, к дорозе Кореевской, да поперек дороги Кореевской по межи к Перекале, а от Перекали к Мече по Хихова ж селища (курсив мой. — А. К.), и с лесом, опричь моего дуба бортного»³²⁴. Здесь в XVI в., по данным писцовых книг, в Пехлецком стане существовали местность Кореев Липяг и пустошь, бывшая ранее деревней Кореево³²⁵. Они находились в междуречье Прони и Рановы (правый приток р. Прони), точнее — в верховьях р. Молвы (правый приток р. Прони). Здесь преобладали плодородные лесные почвы, активно разрабатываемые в XII—XV вв.³²⁶ Таким образом, исходя из данных рязанской топонимики, допустимо предполагать существование вотчинников Кореевых.

В 1385 г. правители Переяславля Рязанского и Москвы заключили мир. Очевидно, поступок Е. Кореева не был забыт. По крайней мере, когда на рязанском княжении оказался зять Дмитрия Ивановича Донского — Федор Ольгович (1402—1417/27), Кореевы выбыли из бояр и перестали упоминаться в источниках. После событий 1408 г. они не фиксируют прямые отношения между ханами Орды и правителями Переяславля Рязанского. За наследников великого князя Олега Ивановича политические решения теперь принимают в Москве или Вильно. Самостоятельная роль киличеев, а как следствие — и Кореевых, в Переяславле Рязанском уменьшилась. Этот род захудал. Поэтому не случайно, что в приписных главах частных редакций родословных книг его нет. Однако Кореевы не исчезли. Среди мелких помещиков и городских детей боярских, служивших по Рязани, Рязску и Карачеву, их легко можно отыскать во второй половине XVI — начале XVII в.³²⁷

³²⁴ АСЗ. Т. 1. № 277. С. 252. Л. 227 [Список 1632 г.].

³²⁵ ПКРК. 1996. Т. 1. Вып. 1. С. 133, 135, 170.

³²⁶ Иванов Д. А., Стрикалов И. Ю., Челябинов В. П. Поселенческая структура XII—XV вв. междуречья Прони и Рановы // Великое княжество Рязанское. М., 2005. С. 336—339. Рис. 1—2, С. 342—343, 347, 356.

³²⁷ Подробнее о Кореевых в XVI—XVII вв. см.: ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 55, 84, 87—88; 1997. Вып. 2. С. 211—212; Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 241 (№ 257), С. 242 (№ 269), С. 254 (№ 32), С. 259 (№ 42), С. 260 (№ 49), С. 261 (№ 54—55), С. 262 (№ 61, 68), С. 263 (№ 72), С. 264 (№ 79, 83), С. 265 (№ 89), С. 266 (№ 97—98), С. 269—270 (№ 123—126, 128), С. 272 (№ 141—142), С. 273 (№ 146), С. 274 (№ 154, 159, 161), С. 275 (№ 163—164), С. 276 (№ 172, 175), С. 279 (№ 194, 197), С. 280 (№ 202), С. 281 (№ 208), С. 282—283 (№ 215—216); Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край. М., 1978. № 44. С. 70. Л. 64, 65; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 179. Л. 20; Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.). М., 1994. С. 41. Л. 44, С. 55. Л. 64 об.; Цепков А. И. Рязанские землевладельцы XIV—XVI вв. Рязань, 1995. С. 95, 97; и др.

§ 3.17. ФЕДОР ГУРЛЕНЬ. Григорчук и Корей не упоминаются на службе в Твери в правление великого князя Михаила II Александровича. Отношения с Ордой теперь ведут новые киличи. Одним из них стал Федор Гурлень. Впервые источники отмечают его деятельность осенью 1382 г., когда под Москвой ордынцы Тохтамыша, «изымавъ биша, и поставиша Гурлена предъ царемъ». Однако киличею удалось добиться выполнения своего дипломатического задания. Он был отправлен в Тверь «съ жалованиемъ къ великому князю Михаилу» и «съ ярлыкъ»³²⁸. Спустя 18 лет, после смерти хана Темир-Кутлуга, вместе с еще одним тверским киличем Константином Федор Гурлень ездил в Орду. Здесь они добились получения для своего сюзерена ярлыка, выданного от имени нового хана Шадибека. Федор Гурлень вернулся на Русь, а «съ нимъ посоль царевъ Софря съ ярлыкомъ на Тверское княжение» для Ивана Михайловича³²⁹. Поскольку позднее в источниках Федор Гурлень не упоминался, то можно предположить, что при новом великом князе в Твери произошла постепенная смена киличей.

О владениях Федора Гурлена в Тверском княжестве известно немного. Одно из них — деревня Гурленево, как указано выше, находилась в волости Рокитна по соседству с землями тверских бояр Коробовых³³⁰, предки которых в XIV в. также несли посольскую службу.

§ 3.18. ЕЛЬЧИНЫ. Ельча, младший современник Федора Гурлена, также был киличем Михаила Александровича. В Орду он ездил годом ранее, чем Федор Гурлень. В сентябре 1399 г. Ельча вернулся в Тверь, а с ним были «посоль Темир-Кутлуевъ именемъ Бекшикъ да Саткинъ». Великому князю тверскому они уже «после живота его, и привезоша ярлыки писаны на его имя»³³¹. Очевидно, этим обстоятельством, кстати, в период очередного противостояния правителя Твери с удельными князьями из Холма и Кашина, объясняется мотивация отправки в 1400 г. нового посольства в Орду.

³²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 442; см. также: Там же. Т. 11. М., 2000. С. 79. О важности полученных Федором Гурленем ярлыков и претензиях Твери в 1382 г. прямо говорится в Симеоновской летописи: «Тое же осени князь великий Михаилу Александровичъ Тверский поиде въ Орду: съ своимъ сыномъ, съ княземъ Александромъ, а пошоль околицами, не прямыми и не путыма» (Там же. Т. 18. С. 133. Л. 262).

³²⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 461, 470; см. также: *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 454.

³³⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 288.

³³¹ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. С. 452. По наблюдениям Я. С. Лурье, «самый факт присылки Темир-Кутлуком ярлыка на Русь, отмеченный только в Тр. и отсутствующий во всем последующем летописании, весьма знаменателен». Подробнее об этом см.: *Лурье Я. С.* Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники // ТОДРЛ. 1990. Т. 43. С. 51—52.

В отличие от Федора Гурлена, владения Ельчи и его потомков, по-видимому, находились в другой части Тверской земли — в волости Хорвач, располагавшейся на правом берегу р. Волги. Это был родовой домен великого князя Михаила Александровича и его детей. В списках с писцовых книг Тверского уезда середины XVI в. здесь можно отыскать деревню Ельчино. В 1539—1540 гг. у нее уже были другие владельцы; им принадлежало 3 двора, «пашни въ поле 20 четъи, сена 3 коп.»³³². На рубеже 1503—1504 гг. на кашинско-переяславском рубеже, напротив волости Юлка, упоминается деревня Ельчиново³³³. В начале XVI в. Ельчины уже давно не жили на землях бывшего Тверского великого княжества.

Согласно родословной легенде, предок фамилии, посол Ельча, «при державе великого князя Ивана Васильевича пришел к Москве из Залатои Орды», где и остался. «Во крещение ему имя было Михаил», а «испомещен был во Ржеве Володимерове»³³⁴. В 1399 г. и в середине 40-х гг. XV в. после переговоров с Москвой на некоторое время город Ржев переходил в руки правителей Твери³³⁵. В XVII в. Ельчины, подобно некоторым другим фамилиям, чья посольская служба была связана тесно с Ордой (такие, например, как Загряжские, Старковы-Серкизовы, Совины, Хлоповы и др.), интерпретировали это как факт своего безусловного татарского происхождения. Однако в реальности это было не так. Поэтому стандартная ссылка на то, что якобы «выезд ево ведом в Посольском приказе, а в котором году», естественно, «не упомним», не должна вводить исследователей в заблуждение. Ельчины действительно ничего не знали о своей видной службе в Твери, да и своих родственников за XVI в. помнили выборочно. Так, они утверждали, что у Михаила Ельчи был сын Василий, а у него «дети: Игнатен, прозвище Коростель, да Юрья, да Михаил, да Ондрен, да Данила, служили по Ржеве»³³⁶.

Отсутствие известных по родословной представителей рода Ельчиных среди дворовых детей боярских, записанных в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в., косвенно говорит о том, что они служили по городу. Между тем в дворовом списке статьи «Боровеск» Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. упоминается «Бориско Григорьев сын Ельчин»³³⁷. Его отсутствие вместе с отцом в росписи Ельчиных показывает, что в конце XVII в. они помнили далеко не всех своих предков, живших в XV — середине XVI в. Очевидно, что их роспись была составлена по устным припоминаниям и каким-то записям весной 1686 г. специаль-

³³² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 95.

³³³ ДДГ. № 94. С. 375. Л. 2 [Список XVI в.].

³³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 90. Л. 1 [Подлинник, 1686 г.]; Бычкова М. Е. Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги. С. 102.

³³⁵ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 271—327.

³³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 90. Л. 1.

³³⁷ ТКДТ. С. 174. Л. 130.

но для подачи в Палату родословных дел. Позднее происхождение росписи Ельчиных свидетельствует о незнании ими своего древнего прошлого. Очевидно, что в 1686 г. произошла не совсем удачная попытка его воссоздания за счет известного «чернильного» пути.

* * *

Анализ сохранившихся источников, состава тверских боярских семей XIII—XV вв. и их землевладения показывает, что, несмотря на всю несостоятельность легенд, незнание потомками тверской знати подчас ряда ближайших предков и родственников, их росписи, безусловно, занимают важное место в реконструкции древнейшей истории формирования нетитулованной знати Северо-Восточной Руси. Сравнительно-источниковедческий анализ сведений росписей потомков тверских бояр, сопоставление их данных с известиями летописей, актов, писцовых книг и данных топонимики дает возможность прийти к ряду важных наблюдений.

Корни тверской военно-служилой знати, как и в случае с частью старомосковского боярства, следует искать среди вотчинников Переяславского княжения XIII в. Они оказываются древнее, чем у многих предков известных в настоящий момент боярских фамилий, которые служили Калитовичам. Предки некоторых тверских бояр были связаны с правителями Северо-Восточной Руси еще в начале или, по крайней мере, с середины XIII в. (очевидно, что ими могли быть, прежде всего, предки Бороздиных, Левашовых и Шетневых). Данные наблюдения позволяют более широко взглянуть на борьбу между политической элитой и военно-служилой знати Москвы и Твери за обладание в XIV в. Переяславской землей, являвшейся важной частью Владимирского великого княжения. Поэтому вряд ли можно считать случайным тот факт, что права бояр и вольных слуг из «великого княжества», служивших правителям Твери, специально оговаривались в их договорах с владимирскими великими князьями³³⁸.

Подобно ростовцам первой трети XIII в., тверская нетитулованная знать была также вынуждена разделиться по политическим пристрастиям, правда, чуть позже — в XIV в., связав свою служебную карьеру с правителями Твери и ее главных уделов — Кашина, Холма и Микулина. Во второй трети XIV — первой четверти XV в. череда поражений Ярос-

³³⁸ В отличие от новгородцев, бояре и слуги, проживавшие в великих княжествах Северо-Восточной Руси, при переходе от одного сюзерена к другому сохраняли владельческие права на свои владения. Так, например, в московско-тверском договоре 1375 г. отмечается: «А кто боярь и слугъ отъѣхал от нас к тобѣ или отъ тебе к нам, а села их в нашей вотчинѣ, въ великом княжен(ь)и, или въ твои вотчинѣ, во Тѣѣри, в ты села нам и тобѣ не вѣступатисѣ» (ДДГ. № 9. С. 27; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 341—342). Исключения, как свидетельствует случай с московским боярином И. В. Вельяминовым и гостем-суроужанином Некоматом, делались только для нарушителей закона и предателей. Их владения подлежали конфискации в пользу сюзерена, на территории княжества которого они находились (Там же).

лавичей в борьбе за ярлык на Владимирское великое княжение и неурядицы внутри княжеской семьи правителей Твери побуждали к отъезду некоторых представителей местной военно-служилой знати в другие великие княжения. Прежде всего, речь идет о таких важных политических центрах, как Москва и ее уделы (здесь, например, обосновались предки Нашокиных, Бибиковых, Басенковых, Мижуевых, Щербининых, Окорочковых, Губиных), Вильно и отчасти Рязани (например, Кореевы). Из-за этого к концу XIV — первой трети XV в. ближайшие предки таких видных служилых фамилий, как Бороздины, Нашокины, Нагие, Собакины, Кореевы, Басенковы, Мижуевы, Щербинины, Окорочковы, Губины и др., были разделены не только по политическим взглядам, но и месту службы (Тверь, Кашин, Холм).

Отчасти упорную борьбу между тверской, холмской и кашинской знатью также можно объяснить различным способом ведения ими сельского хозяйства, что, несомненно, влияло на их политическую ориентацию. Так, например, Кашинский удел располагал более плодородными почвами, в отличие от тяжелых глинистых почв земли, находившихся собственно в Тверском уделе³³⁹. Близкая к этой ситуация сложилась в XIII—XIV вв. в Ростовском и Белозерском княжествах, которая способствовала их политической и экономической отчужденности в конце XIII в. По наблюдениям исследователей:

«Особенностью землевладения на Русском Севере была разбросанность угодий. На лесистых и болотистых просторах трудно было отыскать участки, удобные для земледелия. Лучшие из них отличались наиболее благоприятными для хлебопашества почвами, были расположены на южных склонах и не так подвержены ранним заморозкам и т. д. Очень разнились и сенокосные угодья. К тому же участки находились на разном расстоянии от деревни»³⁴⁰.

В связи с этим в XIV—XV вв. ростовские и кашинские землевладельцы менее зависели от прихотей транзитной торговли и служебных пожалований своих правителей. По своим взглядам на ведение хозяйства они вряд ли чем сильно отличались от вотчинников Владимиро-Суздальского, Переяславского и Юрьевского ополыя. Тем не менее, несмотря на все эти факторы, в Тверском и Ярославском княжествах, в отличие, например, от Ростовского и Белозерского, фактически вплоть до ликвидации их политической независимости так и не сложилось заметного землевладения пришедшей московской служилой знати. Однако прошедшие в середине XIV — первой четверти XV в. внутривнутриполитические потрясения не способствовали консолидации тверского боярства

³³⁹ Кизилев Ю. А. Земли и народы России в XIII—XV вв. С. 17.

³⁴⁰ Раскин Д. И. и др. О формах чёрного крестьянского землевладения XIV—XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 21.

вокруг фигуры одного правителя вплоть до начала княжения Бориса Александровича. За это время соседи Твери — Литовское и Московское великие княжения, Новгородская земля — сделали стремительный рывок с целью своего максимально возможного территориального расширения. Во многом из-за этого правителям Твери и Кашина, окруженных со всех сторон сильными соперниками, просто не осталось направления для существенного роста их собственных владений. Незначительные и подчас временные приобретения в Новгородской земле (как правило, в Новоторжской, Вологодской и Бежецкой волостях) и Ржевском княжении, конечно, не идут ни в какое сравнение с территориальными приобретениями соседей Ярославичей. Именно поэтому уже с середины XIV в. в Твери начинается борьба за подчинение правителей местных едва образованных уделов власти великого князя. Это военно-политическое противостояние окончилось его победой, но для развития Тверского великого княжения она оказалась пирровой. Многие лица из числа проигравших в этой борьбе удельных князей и бояр нашли применение своим силам и талантам не в Твери, а на землях ее ближайших крупных соседей, пополнив число членов служилых дворов великих и удельных правителей Москвы, Переяславля-Рязанского и Вильно.

Разобщенность и уход части военной знати на службу в другие регионы Руси в какой-то мере могли возмещаться приходом в Тверскую землю бояр и вольных слуг из других древнерусских княжений. До 1375 г. известны переходы в Тверь представителей военно-служилой знати из Владимира, Великого Новгорода, Торжка и их пригородов³⁴¹. В 1375 г. из Москвы на службу в Тверь сбежали политические оппоненты великого князя Дмитрия Ивановича — его боярин Иван Васильевич, старший сын тысяцкого В. В. Вельяминова, а также крупный гость-сuroжанин Некомат³⁴². Такие влиятельные и финансово независимые люди в Северо-Восточной Руси, подобно действовавшему в 70—80-е гг. XIII в. костромскому боярину Семену Тонглиевичу († 1283), даже в последней трети XIV в. еще могли склонить симпатии ордынских политиков на свою сто-

³⁴¹ ГВНП. № 20. С. 37 [Подлинник]. Во время перехода бояр и вольных слуг из Новгородской земли на службу в Тверь они утрачивали свои юридические права на имущество. Как, например, отмечает московско-тверской договор 1375 г.: «А хто иметь бояръ или слугъ Новгорода Великого, и Торжку, и ис пригородей служити тобѣ (т. е. Михаилу Александровичу. — А. К.), а что их села, или земли, и воды, то вѣдает Великий Новгород, а ты бояром и слугам не надобѣ. Или потом кто приѣдет к тобѣ служити из Новгорода Великого, и ис Торжку, и ис пригородей, а тым тако же не надобѣ села их, и земли, и воды, то вѣдает Новгород Великий» (ДДГ. № 9. С. 27). От таких ограничений, прежде всего, страдала тверская, а не московская сторона. В период своей территориальной экспансии в Северо-Восточной Руси и Поочье в XIV—XV вв. Калитовичи обладали большими возможностями для компенсации утраченных земель и угодий в пользу выезжей в Москву военно-служилой знати, чем ее соперники.

³⁴² ДДГ. № 9. С. 27; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 109. Л. 315; и др.

рону. И. В. Вельяминов и Некомат добились даже того, что в 1375 г. произошла передача ярлыка на Владимирское великое княжение их новому сюзерену — правителю Твери. Однако воспрепятствовать процессу политической ориентации большинства правителей земель Северо-Восточной Руси и ее ближайших соседей вокруг старших представителей династии московских Калитовичей они уже не могли³⁴³.

В 1385 г. в Твери оказался известный в связи с позднейшими событиями 1400 г. боярин Воронеж. В составе свиты княжны Феодоры, дочери смоленского великого князя Святослава Ивановича, он приехал в Тверь³⁴⁴. Феодора стала женой кашинского князя Бориса Михайловича († 1395), а боярин Воронеж вошел в состав ее ближнего окружения³⁴⁵. В XV—XVI вв. его потомки были кашинскими вотчинниками и вкладчиками Троицкого Калязина монастыря. С 1504 г. Воронцовы служили в Дмитровском уделе; за это они получили новые владения³⁴⁶. В XV — начале XVI в. в Дмитровском и Переяславль-Залесском уездах также находились средние и мелкие вотчины их однофамильцев, тесно связанных с Троице-Сергиевым монастырем³⁴⁷. По-видимому, эти Воронцовы могли быть потомками радонежского боярина Воронца Степанова³⁴⁸. Анализ сохранившихся источников убеждает в том, что В. Д. Назаров совершенно напрасно считает их однородцами кашинских вотчинников Воронцовых³⁴⁹.

³⁴³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 108—112. Л. 315—316 об. Подробнее об этом см.: Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. С. 100—102.

³⁴⁴ Ее имя устанавливается благодаря данным акта 1444—1457 гг. Княгиня Феодосия, вдова кашинского князя Ивана Борисовича, сделала крупный вклад в Калязинский Троицкий монастырь. На поминание родственников, кашинских князей Бориса Михайловича и Ивана Борисовича, княгини Феодоры и своей дочери княжны Ксении, по докладу великому князю Борису Александровичу, Феодосия завещала обители село Васильевское с деревнями. Это владение находилось в Заволжье (АСЭИ. Т. 3. № 122. С. 157 [Подлинник]).

³⁴⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 177. Л. 357, Стб. 443; Т. 18. С. 149. Л. 301 об.

³⁴⁶ АРГ, 1505—1526 гг. № 291. С. 290—291 [Список 1641 г.], 338 [Комментарий Л. А. Никитиной]; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. № 2. С. 10 [Список XVI в.], № 9. С. 14—15, № 12. С. 17 [Списки XVIII в.], № 22. С. 24—25, № 59. С. 58 [Подлинники], № 64. С. 66—67 [Список XVIII в.], № 65. С. 67—68 [Список XVII в.], № 71. С. 73 [Список XVIII в.], № 74. С. 76 [Подлинник], № 75. С. 77—78 [Список XVIII в.], № 77. С. 79—80, № 78. С. 80—81, № 90. С. 92—93, № 93. С. 95, № 119. С. 117—125, № 123. С. 129 [Подлинники].

³⁴⁷ АСЭИ. Т. 1. № 571. С. 452, № 580. С. 458 [Списки сер. XVI в.]; АРГ, 1505—1526 гг. № 161. С. 156 [Список 1586—1587 гг.], № 255. С. 258—261 [Список 1534 г.]; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. С. 135.

³⁴⁸ Подробнее о них см.: Чернов С. З. Три семьи радонежских бояр // Русское средневековье. М., 2012. С. 666—672.

³⁴⁹ Подробнее о них, например, см.: АРГ, 1505—1526 гг. № 161. С. 319 [Комментарий В. Д. Назарова]; ср.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 369; Он же. Ономастикон. С. 72; АРГ, 1505—1526 гг. № 291. С. 338 [Комментарий Л. А. Никитиной]; Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // ЗОР [ГБЛ]. 1983. Вып. 43. С. 104. Примеч. 3; и др.

В конце XIV — начале XV в. к тверскому великому князю Михаилу Александровичу или, что вероятнее, к его сыну Ивану Михайловичу приехал на службу боярин Федор Андреевич Коробьин. Он был представителем рода потомков князей Фоминских, служивших боярами в Москве. Однако примеров таких переходов на службу в Тверь было немного³⁵⁰. Изменить складывающуюся гегемонию московской политической элиты и военно-служилой знати в Северо-Восточной Руси XIV — начала XV в. им было уже не под силу.

Очевидно, что для некоторых тверских фамилий примером для составления собственных росписей стала родословная Бороздиных. Еще до Государева родословца 1555 г.³⁵¹ она попала в состав *Рум. ред.* 40-х гг. XVI в.³⁵² Анализ содержания родословной легенды Бороздиных показывает, что ее создатели, как и большинство им подобных, уже во второй четверти XVI в. не обладали совокупностью всех достоверных знаний по истории своего рода. Они ошибочно относили возникновение рода, а также начало службы своих предков в Твери лишь ко времени правления великого князя Ивана Михайловича. Более опытные составители легенд позднее попытались исправить эту хронологическую неувязку, «вспомнив» в XVII в. службу предков Бороздиных при дворе великого князя Александра Михайловича (1325—1339)³⁵³. Тем не менее анализ информации сохранившихся источников показывает, что и в этом случае реконструкция ранней истории Бороздиных была не совсем верна, так как их реальные предки находились на службе в Твери уже в последней четверти XIII в. (боярин Гавриил Юрьевич), а родоначальник Лазарь («Лазыня»), возможно, начал свою службу еще в начале XIII в. при дворе великого князя Всеволода III Великое Гнездо³⁵⁴. Последнее предположение, конечно, еще нуждается в дополнительных аргументах.

Отсутствие четкой, а главное, достоверной «памяти» о времени происхождения и начале службы было характерно не только для Борисовых-Бороздиных, но и для некоторых других тверских боярских фамилий. Анализ сведений родословных источников XVI—XVII вв. позволяет сделать вывод об определенной эклектичности родословных легенд тверичей в тех элементах, которые касаются такой важной физической и антропологической категории, как время. Из-за влияния внешних и внутренних

³⁵⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 501.

³⁵¹ Текст родословной росписи Борисовых-Бороздиных, находившийся в «Государеве родословце» 1555 г., сохранился в более поздней «Бархатной книге» 1688 г., в состав которой были также включены росписи их однородцев (БК. Ч. 2. С. 138—156).

³⁵² РИИР. Вып. 2. Глава 22. С. 156—157. Л. 136—138.

³⁵³ РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Глава 44. Л. 311.

³⁵⁴ Кузьмин А. В. Эволюция родословной «памяти» боярства Твери. С. 75—77; Он же. Роль генеалогических исследований в изучении древней Руси // ДРВМ. 2002. № 2 (8). С. 59; и др.

факторов некоторые тверские служилые рода, как и в случае с московскими боярскими фамилиями, намеренно приписывали себе во второй половине XVI—XVII вв. иностранное происхождение. При этом тверичи весьма смутно осознавали реальное прошлое своего рода и подчас далеко не всегда знали родственные связи даже ближайших однородцев (либо из-за конъюнктурных целей в местничестве, либо из-за отсутствия традиции составления своей росписи еще в XVI в.). Эти факторы были характерны не только для рассмотренных выше росписей Коробовых, Киндыревых, Измайловых, Левашовых, Бибиковых, Нащокиных, Олферьевых, Бездних, Ветреных, Ляпуновых, Нагих, Собакиных и Ельчиных³⁵⁵, но и для родословных источников других боярских родов Тверского великого княжения, рассмотрение и изучение которых по-прежнему остается важной исследовательской задачей.

---

³⁵⁵ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 290—293, и сл.; Кузьмин А. В. Из истории боярства Твери конца XIII—XV вв. С. 18—27.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. *Архивы, рукописные и архивные собрания*

БАН	— Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГАРО	— Государственный архив Рязанской области
ГАЯО	— Государственный архив Ярославской области
ГБЛ	— Государственная библиотека имени В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва)
ГКЭ	— Грамоты Коллегии экономии (в РГАДА)
ГМЗРК	— Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
ГЭ	— Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории
МГАМИД	— Московский Государственный архив Министерства иностранных дел (Ф. 181) в РГАДА
МГИАИ	— Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	— Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МДА	— Московская духовная академия (Ф. 173—173/1—IV) в ОР РГБ
НКПІКЗ	— Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник. Фонди
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург)
Погод.	— Собрание рукописных книг М. П. Погодина
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов (ныне — РГАДА)

2. *Издания*

АДИН	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук
АИЮС	— Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. [В.] Калачовым. Москва

АКИН	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук
АЕ	— Археографический ежегодник. Москва
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург
АИЮС	— Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Москва
АКР	— Археологическая карта России. Москва
АМГ	— Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Санкт-Петербург
АО	— Археологические открытия. Москва
АРГ	— Акты Русского государства, 1505—1526 гг. Москва
АРГ: АММС	— Акты Российского государства: Акты московских монастырей и соборов (XV — начало XVII в.). Москва
АРИ	— Архив русской истории. Москва
АСЗ	— Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Москва
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Москва
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Москва
АЮ	— Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Санкт-Петербург
АЮБДР	— Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Санкт-Петербург
БК	— Бархатная книга (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...). Санкт-Петербург
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург
БРЭ	— Большая Российская энциклопедия. Москва
ВА	— Вопросы архивоведения. Москва
ВВ	— Византийский временник. Москва
Веснік БДУ	— Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Мінск
Вестник МГУ	— Вестник Московского государственного университета
ВИ	— Вопросы истории. Москва
ВИЛИ	— Вестник истории, литературы, искусства. Москва
ВЕДС	— Восточная Европа в древности и Средневековье. Москва
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград; Санкт-Петербург
ВКТСМ	— Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. Москва

ВО	— Византийские очерки. Москва
ВОИДР	— Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Москва
ВФ	— Вопросы философии. Москва
ВЧУ	— Вестник Челябинского университета. Челябинск
ВЦИ	— Вестник церковной истории. Москва
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва; Ленинград
ГДЛ	— Герменевтика древнерусской литературы. Москва
ДГВЕ	— Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. Москва
ДГСССР	— Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. Москва
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Москва; Ленинград
ДИ	— Древнерусское искусство. Москва
ДРВ	— Древняя российская вивлиофика. Москва
ДРВМ	— Древняя Русь: вопросы медиевистики. Москва
ДРИ	— Древнерусское искусство. Москва
ЖМНП	— Журнал Министерства Народного Просвещения. Санкт-Петербург
ЗОР ГБЛ	— Записки отдела рукописей ГБЛ. Москва
ЗОР РГБ	— Записки отдела рукописей РГБ. Москва
ИА	— Исторический архив. Москва; Ленинград
ИВ	— Исторический вестник. Москва; Воронеж
ИГ	— Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж; Нью-Йорк
ИЖ	— Исторический журнал. Москва
ИЗ	— Исторические записки. Москва
Известия	
ГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. Москва; Ленинград
ИКРЗ	— История и культура Ростовской земли. Ростов; Ярославль
ИОРЯС АН	— Известия Отделения русского языка и словесности Санкт-Петербургской академии наук и Академии наук СССР. Санкт-Петербург; Петроград; Ленинград
ИРГО	— Известия Русского генеалогического общества. Санкт-Петербург
ИСССР	— История СССР. Москва
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва; Ленинград
КЦДР	— Книжные центры Древней Руси. Ленинград; Санкт-Петербург

ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии
ЛИРО	— Летопись Историко-Родословного общества в Москве
ЛМ	— Литовская метрика
ЛХ	— Летописи и хроники. Москва
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МЧ	— Макариевские чтения. Можайск; Москва
НИС	— Новгородский исторический сборник. Ленинград; Санкт-Петербург
ННЗ	— Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород; Великий Новгород
НПК	— Новгородские писцовые книги, издаваемые Археографической комиссией
НПЛ	— Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов
НЭ	— Нумизматика и Эпиграфика. Москва
НЛ, НПЛ, НПЛ, НЛ, НЛ	— Новгородская первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи
ОА	— Отечественные архивы. Москва
ОИ	— Отечественная история. Москва
ОФР	— Очерки феодальной России. Москва; Санкт-Петербург
ПИВЕ	— Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Москва; Варшава
ПИРС	— Памятники истории русского служилого сословия. Москва
ПИ	— Проблемы источниковедения. Москва; Ленинград
ПKNЗ	— Писцовые книги Новгородской земли. Москва; Санкт-Петербург
ПKN	— Памятники культуры. Новые открытия. Москва
ПКМГ	— Писцовые книги Московского государства: Писцовые книги XVI в. Санкт-Петербург
ПКРК	— Писцовые книги Рязанского края. XVI—XVII вв. Рязань
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси. Москва
ПЛ	— Псковские летописи. Москва; Ленинград
ПННЗ	— Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции. Новгород; Великий Новгород
ПОИ	— Памятники отечественной истории. Москва
ПЛ, ППЛ, ППЛ	— Псковская первая, вторая и третья летописи
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией. Москва; Санкт-Петербург; Ленинград

ПЭ	— Православная энциклопедия. Москва
РА	— Российская археология. Москва
РБС	— Русский биографический словарь. Санкт-Петербург
РД	— Русский дипломатарий. Москва
РИ	— Российская история. Москва
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Москва; Санкт-Петербург; Петроград
РИИР	— Редкие источники по истории России. Москва
РИО	— Русское историческое общество. Москва; Санкт-Петербург
РИС	— Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. Москва
РК 1475— 1598 гг.	— Разрядная книга 1475—1598 гг. Москва
РК 1475— 1605 гг.	— Разрядная книга 1475—1605 гг. Москва
РФА	— Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Москва
РЧ	— Румянцевские чтения: материалы научно-практической конференции. Москва
СА	— Советская археология. Москва; Ленинград
Сов. архивы	— Советские архивы. Москва
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ленинград; Санкт-Петербург
СР	— Средневековая Русь. Москва
СРМ	— Сообщения Ростовского музея. Ростов; Ярославль
СС	— Советское славяноведение. Москва
СИЛ, СИЛ	— Софийская первая и вторая летописи.
ТКДТ	— Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. Москва; Ленинград
Труды ГИМ	— Труды Государственного Исторического музея. Москва
Труды МГИАИ	— Труды Московского государственного историко-архивного института. Москва
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург
УГО	— Український гуманітарний огляд. Київ
ЧИОНЛ	— Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев
ЧОИДР	— Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Москва
ЯС	— Ярославская старина. Ярославль

- AW — Ateneum Wileńskie. Wilno
JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
FOR — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin
HUS — Harvard Ukrainian Studies. Harvard
KH — Kwartalnik Historyczny. Lwów; Warszawa
MH — Miesięcznik heraldyczny. Lwów; Warszawa
MPH — Monumenta Poloniae Historica. Kraków
PSB — Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk
RM — Russia Mediaevalis. München
SEER — Slavonic and East European Review
SHEO — Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск
SRP — Scriptores Rerum Prussicarum. Leipzig
ZH — Zapiski historyczne. Warszawa; Poznań; Toruń

Андрей Валентинович Кузьмин

НА ПУТИ В МОСКВУ:
ОЧЕРКИ ГЕНЕАЛОГИИ ВОЕННО-СЛУЖИЛОЙ ЗНАТИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIII — СЕРЕДИНЕ XV в.
Т. I

Корректоры Г. Эрли, О. Круподер
Оригинал-макет подготовил С. Белоусов
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 02.04.2013. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная № 1, гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 21. Тираж 1000 экз. Заказ № 4737

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

Издательство «Рукописные памятники древней Руси».

ОГРН 1067746430102.

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1

(Метро «Парк Культуры»)

Библио-Глобус

ООО «Беркут»

г. Челябинск, Металлострой, 16

Тел. (315) 799-22-05.

КТК:
031

2 500079496622
Кузьмин т1 На пути в Мос

Цена: 629,00